ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2017. № 415. Февраль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2017. № 415. February

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 415 Февраль 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Волков И.О. Идеи русского масонства в творчестве И.С. Тургенева 1870-х гг. 5
Лиханов М.В. Взаимодействие субдискурсов экскурсионного дискурса (на материале жанров путеводителя и экскурсии) 12
Степаненко А.А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений 17
Хлебникова А.Л. Гендерные метафоры русского и английского языков: метафорические фрагменты ценностной картины мира 26

ИСТОРИЯ

Абсеметов М.О. Востоковеды АН СССР в период эвакуации на курорте Боровое в годы Великой Отечественной войны 32
Авилов Р.С. Проблема разработки и осуществления проектов обороны низовьев и устья р. Амур в 1906–1914 гг. Часть 1. Комиссии при Особом Совещании Совета государственной обороны 36
Васьков Д.А. Вооруженные столкновения между сибирскими служилыми людьми и Кучумовичами в 1661 г. и их последствия 50
Данилец Ю.В. Иркутская газета «Сибирь» как источник по истории Второго Мараморош-Сиготского процесса 1913–1914 гг. 59
Иерусалимский Ю.Ю. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX в. о крестьянской реформе 1861 г. 71
Кежутин А.Н. Юридическая общественность и проблема алкоголизации России на рубеже XIX–XX вв. (на материалах всероссийской юридической периодики) 76
Колпашникова Ю.С., Колесникова С.Ю. Обзор работ по коллекциям произведений искусств династии Демидовых 80
Овчинников А.В. Арийский миф в национализмах современного Татарстана 86
Перцев Н.В. Аборигенные «городки» Нижнего Приобья XVI–XVII вв.: проблемы выявления и соотношения письменных и археологических источников 102
Рыков А.В. Влияние денежного налогообложения на социально-экономическое положение колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны 110
Скочилова В.Г. Идеологема «братский народ»: фактор легитимности в конфликтном пространстве 115
Старостин Д.Н. «Житие папы Сильвестра» и поиски идеи христианской империи: проблемы рукописной традиции в контексте становления церкви в IV–VI вв. 119
Троицкий Е.Ф. Комитет регионов ЕС: создание и эволюция (1993–2009 гг.) 126
Филимонов А.В. «Заселить страну русскими людьми»: финансовый аспект имперского переселенческого проекта в Южно-Уссурийском крае (1882–1892 гг.) 130
Чапля Т.В. История архитектуры в зеркале истории коммуникативного пространства 136
Чернышев А.А. Становление системы энциклопедических изданий в дореволюционной России: исторический анализ 144
Шиловский М.В. Император Николай II на посту верховного главнокомандующего по информации камер-фурьерского журнала за январь 1916 – февраль 1917 гг. 151

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 415 February 2017

CONTENTS

PHILOLOGY

Volkov I.O. The ideas of the Russian masonry in I. Turgenev's works of the 1870s 5
Likhanov M.V. Interaction of subdiscourses in excursion discourse (on the material of excursion and travel guide genres) 12
Stepanenko A.A. Gender attribution in social network communication: the statistical analysis of pronouns frequency 17
Khlebnikova A.L. Gender metaphors of the Russian and English languages: metaphorical fragments of the axiological worldview 26

HISTORY

Absemetov M.O. AS USSR Orientalists in Borovoe during the Great Patriotic War 32
Avilov R.S. Problems of the development and implementation of the defence project of the Lower Amur and its mouth in 1906–1914. Part I. The Commissions of the Special Consultation of the State Defence Council 36
Vaskov D.A. Military clashes between the Siberian servitors and Kuchum Khan's descendants in 1661 and their consequences 50
Danilets Yu.V. The Irkutsk newspaper *Sibir'* as a source of information on the history of the Second Maramorosh Sighet Trial of 1913–1914 59
Ierusalimskiy Yu.Yu. Domestic historiography of the second half of the 19th – early 20th centuries on the Peasant Reform of 1861 71
Kezhutin A.N. Juridical community and the problem of Russia's alcoholization at the turn of the 20th century (based on the material of all-Russian juridical periodicals) 76
Kolpashnikova Yu.S., Kolesnikova S.Yu. The overview of works on the Demidov collections of art 80
Ovchinnikov A.V. The Aryan myth in the nationalisms of modern Tatarstan 86
Pertsev N.V. Aboriginal "small towns" of the Lower Ob of the 16th–17th centuries: problems of identification and correlation of written and archaeological sources 102
Rykov A.V. The influence of monetary taxation on the social-economic status of state farm peasantry in Altai Krai during the Great Patriotic War 110
Skochilova V.G. The ideologeme "brotherly nation": the legitimacy factor in a conflictual space 115
Starostin D.N. *The Life of Pope Sylvester* and the search for the ideas of a Christian empire: issues of the manuscript tradition in the context of the formation of the church in the 4th–6th centuries 119
Troitskiy E.F. The Committee of the Regions of the European Union: organization and evolution (1993–2009) 126
Filimonov A.V. "To populate the country with Russian people": the financial aspect of the imperial resettlement project in the South-Ussuri region (1882–1892) 130
Chaplya T.V. History of architecture in the mirror of the communicative space history 136
Chernyshev A.A. Formation of encyclopedia editions system in pre-revolutionary Russia: a historical analysis 144
Shilovsky M.V. Chamber-Fourier Journal data on Emperor Nicholas II as Commander-in-Chief (January, 1916 – February, 1917) 151

ПРАВО

Абрамкина Е.Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа 158
Груздев О.С. К вопросу о правовой природе депозитарных расписок и кредитных нот через призму производных финансовых инструментов 164
Грушин Ф.В. Уголовно-исполнительная наука как фактор развития уголовно-исполнительной политики и законодательства 169
Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства 175
Князьков А.С., Польгерт А.В. Взаимодействие как элемент организации криминалистической деятельности следователя по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей 182
Мельникова В.Г., Суранова Е.М. О формах и порядке возмещения вреда, причиненного окружающей среде 193
Негодина О.А. Этап современного развития судебного почерковедения 200
Чурилов А.Ю. Третьи лица в обязательственном праве Российской Федерации 206
Шокиров Г.А. Информация как основной объект информационных правоотношений: теоретический и практический аспекты 212

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 217

LAW

Abramkina E.E. The interview memo authorship examination: basic special aspects and the method of the analysis 158
Gruzdev O.S. On the legal nature of depository receipts and credit notes in terms of financial derivatives 164
Grushin F.V. Penology as a factor in the development of penal policy and legislation 169
Zheleva O.V. Requirements for private person's petitions in pre-trial procedure as a condition of conscientious realization of rights of participants in criminal proceedings 175
Knyazkov A.S., Polgert A.V. Cooperation as an element of organization of the investigator's criminalistic activities in cases on drug trafficking using electronic and information telecommunication systems 182
Melnikova V.G., Suranova E.M. On forms and procedure for compensation of harm caused to the environment 193
Negodina O.A. Modern development of forensic graphology 200
Churilov A.Yu. Third parties in the Russian Federation law of obligations 206
Shokirov G.A. Information as the main object of information legal relations: theoretical and practical aspects 212

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 217

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-31

И.О. Волков

ИДЕИ РУССКОГО МАСОНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА 1870-х гг.

Рассматривается характер творческого осмысления И.С. Тургеневым идей русского масонства последней трети XVIII в. На материалах повести «Степной Король Лир» (1870) и рассказа «Живые мощи» (1874) устанавливается связь проблематики образов главных героев произведений с положениями отдельных статей журнала масонской направленности Н.И. Новикова «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785). Обнаруживается сложность позиции писателя по отношению к религиозно-философскому содержанию журнального издания.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Степной Король Лир»; «Живые мощи»; русское масонство; «Покоящийся трудолюбец»; Н.И. Новиков.

В настоящее время всё яснее осознаётся значение масонства как «феномена русской духовной культуры XVIII – начала XIX веков» [1. С. 35]. Особую роль оно сыграло в становлении и развитии как всей отечественной словесности, так и отдельных её представителей. Для молодого Жуковского, к примеру, идеи московского масонства «стали той питательной почвой, которая определила его жизнь и судьбу» [2. С. 179].

Среди обширной литературы о связях творческого наследия И.С. Тургенева с философской и религиозной мыслью XVIII–XIX столетий нет сведений о том, какое место занимают в эстетико-художественном мире писателя идеи русского масонства последней трети XVIII в. и личность одного из главных его идеологов – Н.И. Новикова.

Сознательное знакомство Тургенева с масонской мыслью, вероятней всего, началось в юношеские годы – через чтение богато представленных в его родовой библиотеке печатных изданий Н.И. Новикова. Во-первых, это периодика – журналы «Утренний свет» (1777–1779), «Вечерняя заря» (1782–1783), «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Городская и деревенская библиотека» (1781), «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791–1793), «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1798) [3. С. 20–48]. Во-вторых, словари и сборники – «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих» (1787), «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), «Древняя российская вивлиофика» (1788) [4]. Характер перечисленных журнальных изданий, которые стали выходить в свет сразу после вступления Новикова в масонскую ложу в 1775 г., в большинстве своём сводится к одному – «наполнять истинами, в природе человеческой основание своё имеющими; истинами, от естества проистекающими и тем же самым естеством объясняемые» [5]. На первый план выдвигается задача усовершенствования человеческой природы, воспитания души.

Предки И.С. Тургенева по материнской линии, являвшиеся представителями богатого и влиятельного дворянского рода, собиранием и чтением целого массива масонских книг обозначили свою заинтересованность развернувшейся книгоиздательской деятельностью Новикова. Важно заметить, что в Орловской губернии действовала масонская ложа [6], основанная при содействии И.В. Лопухина, которую дворяне Лутовиновы не могли обойти вниманием. Безусловно, книжное наследство, доставшееся И.С. Тургеневу, вошло и в круг его писательского интереса и было им по-своему осмыслено и проинтерпретировано, включая варианты его использования в качестве необходимого материала в процессе художественного творчества.

Сопряжённость с представителями масонских объединений осознавалась Тургеневым и со стороны отцовской фамилии: очень часто писатель подчёркивал своё отдалённое родство с семьёй известного просветителя-масона, директора Московского университета И.П. Тургенева, хотя фактически их родовые линии не имели общего зачинателя и никак не пересекались между собой. Самому Тургеневу это, вероятно, было хорошо известно, поскольку он достаточно полно изучил историю своих предков по линии отца[1]. С.Н. Тургенев, отец писателя, был лично знаком с братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми, с первым находился в дружеской переписке [8. С. 211–217]. А в середине 1840-х гг. с ними познакомился и сам Иван Сергеевич, особенно сблизившись с Николаем Тургеневым[2], смерть которого в 1871 г. он воспринял очень близко и посвятил этому обстоятельную некрологическую статью.

Рефлексия писателя по поводу знакомства и родства с семьёй И.П. Тургенева, впечатления от личных, чрезвычайно оживлённых бесед с Н.И. Тургеневым не могли пройти бесследно, но в разной степени повлияли на формирование круга его социально-исторических и религиозно-философских взглядов[3]. Работая над рассказом «Часы» (1875), писатель первоначально называет своего героя – дядю Егора, отправленного Павлом I в ссылку за вольнодумство, масоном. На ошибочность такого отнесения ему указал П.В. Анненков, так как именно к масонам Павел I «благоволил». Тургенев заменил «масона» на «вольтерианца», подчеркнув в письме к М.М. Стасюлевичу, что этот факт из истории русского масонства ему хорошо известен – «да выскользнуло из-под пера» [7. Т. 14. С. 189].

В 1870 г. И.С. Тургеневым была написана повесть «Степной Король Лир», в текст которой он включил

две значимые цитаты из масонского журнала Н.И. Новикова «Покоящийся трудолюбец» и дал к ним подробное библиографическое пояснение. Через четыре года цикл «Записки охотника» пополнился рассказом «Живые мощи», в котором образ главной героини явно отсылает к названному журнальному изданию. Помимо этого, связь с взглядами русских масонов последней трети XVIII в. можно обнаружить в отдельных текстах «Стихотворений в прозе» (1877–1882). Закономерно возникает вопрос о роли масонских идей и личности Н.И. Новикова в позднем творчестве Тургенева.

В период работы над повестью «Степной Король Лир» в круг чтения писателя активно входил историко-литературный журнал «Русский архив» (1863–1917)[4]. С главным редактором издания П.И. Бартеневым Тургенев вёл деловую переписку, предоставлял ему материалы из семейного архива. С 1867 по 1869 г. в приложении к бартеневскому журналу вышло несколько документальных публикаций по истории России XVIII в., тесно связанных с эпохой Екатерины II. Среди них была обширная работа М.Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» (1867), посвящённая масонской деятельности Н.И. Новикова и закономерностям развития русской общественной мысли его времени. Этот капитальный труд стал знаковым явлением своего времени, восстанавливая из забытья значительную фигуру Новикова и масштабную просветительскую деятельность московских масонов. Важно, что 1867 г. на вышедшую книгу отозвался из Парижа сам Н.И. Тургенев, писавший Бартеневу: «Книга г. Лонгинова, которую он мне прислал и которую я теперь читаю, есть весьма замечательное явление в нашей словесности. <…> Меня уже сильно поражает рассказ его. Он представляет нам людей самых честных, добрых религиозных, которые как-то неожиданно воспрянули посреди общества, погружённого в глубокий мрак в нравственном и особенно в гражданском отношении» [11. С. 341].

С Лонгиновым И.С. Тургенев долгое время находился в дружеских отношениях, пока их общественные взгляды кардинально не разошлись. Его работа послужила писателю дополнительным источником многих ценных сведений по истории русского масонства последней трети XVIII в., раскрывая его идейную сущность и выявляя нравственно-психологическую содержательность. Этот факт обретает особую значимость в свете изучения проблематики повести Тургенева о «русском» короле Лире, а также рассказа «Живые мощи».

Личность Новикова в повести «Степной Король Лир» становится символом нравственных и религиозно-философских идей последних трёх десятилетий XVIII в., что выражается через прямое или опосредованное включение в текст произведения материалов двух принадлежащих ему изданий: журнала «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785) [12] и «Библейского и эмблематического словаря» (1786) [13].

Обращение к идеям русских масонов в «Степном Короле Лире» обусловлено рядом обстоятельств. Создание повести с ориентацией на шекспировскую традицию означало усиление драматизма и укрупнение фигуры обыкновенного героя, ставшего выражением кризиса времени и поисков новых ценностей. Русское масонство Тургенев рассматривает в ряду явлений национальной духовной жизни. Автор обозначил причастность духовных и умственных исканий центрального персонажа повести – необразованного провинциального помещика Мартына Петровича Харлова, его целостного эпического облика – отдельным аспектам теоретических установок русских масонов.

Историей своей жизни герой непосредственно принадлежит к эпохе Просвещения: он родился в 1772 г., застав, таким образом, время правления императрицы Екатерины Великой (запретившей существование тайных организаций) и её сына императора Павла I (прекратившего гонения на масонские общества). Молодые годы главного персонажа пришлись именно на тот период, когда деятельность Н.И. Новикова широко развернулась. Само имя Харлова – Мартын представляет собой разговорную форму православного Марти́н, которое прямо соотносится со своим французским вариантом – Марте́н [14. С. 192]. Последнее явилось мотивирующей единицей в образовании названия общества мартинистов. В «минуты меланхолии и раздумья», когда главный герой повести «Степной Король Лир» без всякой причины «вдруг начинал скучать», он обращался к «единственной, забредшей к нему в дом книге, разрозненному тому новиковского “Покоящегося трудолюбца”» [15. Т. 8. С. 164].

В журнале масонской направленности «Покоящийся трудолюбец» публиковался материал религиозно-философского, нравоучительного характера, обращающий особое внимание на нравственное самоусовершенствование человека и воспитание его души. Из этого журнала Тургенев цитирует два значимых отрывка и даёт к ним подробные библиографические сноски – так происходит текстовая актуализация идейного содержания издания Новикова в повести. Подобные библиографические указания в произведениях Тургенева встречаются достаточно редко, поэтому факт их наличия свидетельствует об особой авторской заинтересованности и сосредоточенности на используемом материале. Помимо «Степного Короля Лира» ссылки на сочинения Н.И. Новикова присутствуют в статье «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (1842) и в рецензии «“Записки ружейного охотника Оренбургской губернии”. С. А-ва» (1852). В обоих текстах писатель делает отсылку к третьей части «Древней российской вивлиофики».

В момент описания меланхолического состояния Харлова (ещё до раздела имения) Тургенев через казачка Максимку, который «по странной игре случая, умел читать по складам» [15. Т. 8. С. 164], приводит цитату: «“Но человек страстный выводит из сего пустого места, которое он находит в тварях, совсем противные следствия. Каждая тварь особо, сказывает он, не сильна сделать меня счастливым!” и т.д.*» [Там же. С. 165]. К этому отрывку писатель даёт чрезвычайно точную сноску: «*“Покоящийся трудолюбец”, периодическое издание и т.д., Москва, 1785 г. Часть 3-я. Стран. 23, строка 11 сверху». Процитированный

Тургеневым фрагмент взят из статьи «Рассуждение о беспорядках, производимых страстями в человеке, и о средствах, какие в таких случаях употреблять должно» [16]. В ней содержится материал о пагубной страсти гордыни и концепции духовно-нравственного совершенствования, что непосредственно связано с образной составляющей Харлова. В статье противопоставляются два типа личности – благоразумный и страстный. По мысли автора «Рассуждения…», человеку, чтобы достичь счастья и заполнить душевную пустоту, необходимо отречься от своей эгоистической природы и устремиться в сферы высокого – божественного. Достичь этого может человек благоразумный, который говорит себе: «...мои желания суть вечны; все, что не вечно, недостойно моих желаний. Страсти мои бесконечны; всё, что ограничено, есть недостойно моих страстей, один Бог может их удовлетворить» [16. С. 23]. Страстный же человек, наоборот, всячески потворствует своему чувству и желанию: «Не довольно нужного, надобно иметь излишнее» [Там же]. Харлов, осознавая масштабы, до которых разрослась его гордыня, признавая губительность её влияния, готовится начать процесс собственного «преобразования», первым этапом которого станет отказ от имения в пользу дочерей.

Мартына Петровича чрезвычайно волнуют вопросы философского, «вечного» характера. Внешне представляя собой несокрушимого исполина, богатыря, перед которым благоговеет народ, чувствуя себя царём в собственном державе-поместье, он оказывается бессилен и беззащитен перед фактом неминуемого ухода из мира: «Харлов, этот колосс, боялся смерти» [15. Т. 8. С. 165]. Его пугает и в то же время притягивает эта таинственная и непостижимая категория. Харловские раздумья о смерти пересекаются с установками масонского журнала: «Одно только то, что мы пришельцы и странники на земле, может заменить всё» [16. С. 50]; «Но смерть, смерть всё сие уравнивает; она делает столь малое различие между одним и другим, что и узнать не можно. Таким образом, самое лучшее побуждение воздерживаться от страстей есть смерть. Самый лучший в нравоучении наставник есть гроб» [Там же. С. 51]. На интуитивно-чувственном уровне герой пытается для себя открыть смысл смерти, приблизиться к нему. Во время чтения журнала «Покоящийся трудолюбец» «Мартын Петрович качал головою, упоминал о бренности, о том, что всё пойдёт прахом, увянет, яко былие; прейдёт – и не будет» [15. Т. 8. С. 165]. Харлов принимает значение смерти как абсолютного уравнителя, перед силой которого не может устоять никто – даже такой колосс, как он. Признавая бренность и тщетность всего земного, Мартын Петрович «для предупреждения и исправления непорядков, производимых страстьми…» [16. С. 27] в нём, решается следовать тем правилам, которые находит в журнале Новикова: «убегать торопливости, и останавливать своё рассуждение» [Там же], «восходить до самого источника воспитания нашего» [16. С. 28], «убегать предметов, которые его [человека] движут и колеблют» [Там же. С. 34]. Однако эти намерения, совершенно не согласуясь с истинностью его эгоистической природы, вступают с ней в серьёзное противоречие.

Уже после совершённого раздела имения, в момент изображения душевного расстройства и смятенных чувств Харлова Тургенев снова вводит цитату из журнала «Покоящийся трудолюбец»: «Смерть есть важная и великая работа натуры. Она не что иное, как то, что дух, понеже есть легче, тоньше и гораздо проницательнее тех стихий, коим отдан был под власть, но и самой электрической силы, то он химическим образом чистится и стремится до тех пор, пока не ощутит равно духовного себе места...» [15. Т. 8. С. 191]. Затем писатель делает указание: «См. “Покоящийся трудолюбец”, 1785, III ч. Москва» [Там же]. Процитированный фрагмент – это часть статьи о смысле земного быта / небесного бытия – «Письмо с того света в Москву от Муимиага к сыну малыя земли Муравью, живущему в Муравейнике» [17]. Через неё в повести представлено противоречивое единство жизни и смерти, драма человеческого выбора. Харлов, встав на путь «преобразования» собственной эгоистической природы, внутренне не может окончательно согласиться с тем, что ему нужно смирить «уверенность в себе, в своей неограниченной и несомненной власти» [15. Т. 8. С. 180]. Он ждал, что после раздела имения будет «себя легче чувствовать» [Там же. С. 188], и у него появится, наконец, возможность «о душе помыслить и к смертному часу как следует приготовиться» [Там же]. Однако желаемого облегчения герой не получает – Мартына Петровича начинают терзать сомнения, будут ли Анна и Евлампия по-прежнему верны отцовской воле. Пугает Харлова и мысль, высказанная Сувениром: проявленное им «великодушие» обернётся тем, что «его, раба божия, голой спиной... да на снег» [15. Т. 8. С. 186]. Причиной такого смятения явилась нисколько не уменьшившаяся гордыня Харлова: он «привык всех людей считать недорослями», очень «на себя надеялся и решительно никого не боялся» [Там же. С. 161]. Возможность какого-либо несогласия или прекословия со стороны его дочерей, а тем более – жестокая неблагодарность, только распаляют его гордость и самонадеянность.

Харлов не может окончательно примириться с мыслью о конце жизни, испытывая страх перед фактом неминуемой смерти. Ему не удаётся совершить «важную и великую работу натуры», о которой он узнаёт из масонской книги. Характер героя – вспыльчивость, раздражительность, высокомерие, пренебрежение – контрастно противостоит тем требованиям, что были выдвинуты автором «Рассуждения…». Великодушие, с которым Харлов совершил раздел имения, обернулось для него жестокой обидой, вынести и простить которую он оказался не в состоянии. Затронутые гордость и достоинство потомка «вшеда Харлуса», служившего царю, восстают против жизненной несправедливости. Бунт Мартына Петровича – это не только месть дочерям («Не будет у них крова!» [Там же. С. 212], но и попытка продемонстрировать и вновь доказать свою силу и значимость. Одновременно это является способом, которым Харлов пытается вырваться из несвободы – «рук вороного коня, Смерти, отменяющей все расчеты» [18. С. 106].

Для дополнительного акцентирования проблематики соотношения жизни и смерти и наглядного

изображения трагической сложности человеческого существования Тургенев вводит в описание меланхолического состояния героя важную художественную деталь – религиозно-мистический знак, находящийся в комнате Харлова: «…картинка, изображавшая горящую свечу, в которую со всех сторон, напрягши щеки, дуют ветры; внизу стояла подпись: “Такова жизнь человеческая!”» [15. Т. 8. С. 165]. В «немеланхолическое» время Мартын Петрович «перевёртывал её лицом к стене, чтобы не смущала» [Там же]. Не исключено, что эта иллюстрация могла быть подсказана Тургеневу материалами словаря масонских эмблем и символов, который в 1786 г. (в переводе с немецкого) был издан Новиковым [13].

На мистическую природу вещей члены масонских объединений обращали особое внимание. О возможности связи земного и небесного миров, явлении людям духов, которые предупреждают и предостерегают их, говорится во второй упомянутой выше статье из журнала «Покоящийся трудолюбец». По утверждению В.Н. Топорова, в последних произведениях Тургенева, где повествование проникнуто «по большей части мрачной поэзией» [19. С. 127], слышится «ужас перед неизбежностью надвигающейся смерти» [Там же]. Это заключение можно справедливо отнести и к повести «Степной Король Лир», главный герой которой также испытывает подобный ужас и тоже оказывается погружён в мистические размышления. Значительную роль в трагическом мироощущении Харлова и драматическом повороте его судьбы сыграли сновидения и предчувствия. Объявив себя сновидцем, Мартын Петрович говорит матушке рассказчика о случившемся с ним «сонном мечтании»: «в комнату ко мне вбёг вороной жеребёнок. И стал тот жеребёнок играть и зубы скалить. Как жук вороной жеребёнок. <…> И как обернётся вдруг этот самый жеребёнок, да как лягнёт меня в левый локоть, в самый как есть поджилок! Я проснулся – ан рука не действует и нога левая тоже» [15. Т. 8. С. 175]. Это явление герой принимает за соответствующий знак – предостережение о смерти: «Готовься, мол, человече!» [Там же], поэтому оно стало одним из толчков к совершению раздела имения: «чтоб та самая смерть меня, раба божия, врасплох не застала» [Там же].

Однако суеверные предчувствия не оставляют Харлова и после: «как начну я засыпать, кричит кто-то у меня в голове: “Берегись! берегись!”» [Там же. С. 188]. Сомнения и страх, терзающие Харлова, не позволяют ему достичь того «преобразования», к которому он стремился. Все чувства и переживания – от страха и обиды до ненависти и презрения – сливаются у него воедино, распаляя главную страсть – гордыню, что впоследствии приводит к трагическому концу.

Если для Харлова на переломном этапе его жизненного пути идеи русских масонов о совершенствовании личности, отказе от мирской суеты и сосредоточении на сфере духовного оказываются во многом актуальны, и герой даже пытается им следовать (терпя при этом абсолютный крах), то у автора они вызывают очень неоднозначное отношение. Тургенев, принимая нравственно-этический, философский аспекты масонского учения и интересуясь его таинственной стороной, решительно не приемлет чрезмерной религиозно-мистической и аскетической направленности масонского учения. Полный отказ от всех сфер земного существования, включая и творческую, художественную составляющую, воспринимается им как противоречащее естественной природе человека. Такая позиция выражена в тексте, во-первых, через ироническое описание процесса чтения журнала Новикова: «Максимка, который, по странной игре случая, умел читать по складам, принимался, с обычным перерубанием слов и перестановлением ударений, выкрикивать фразы» [15. Т. 8. С. 164], во-вторых, через отношение второстепенного героя – матушки рассказчика – к содержащимся в журнале материалам: «прочла этот пассажик раза два, воскликнула: “Тьфу!” – и бросила книгу в сторону» [Там же. С. 191].

Наконец, в тексте повести одному из героев приписывается причастность к тайной масонской организации. Дважды Сувенир с полной уверенностью говорит о том, что стряпчий, участвовавший в совершении раздела харловского имения, – это «первый по губернии масон» [Там же. С. 180]. Он описан как «сухопарый человек с длинным лицом, узкими бакенбардами от уха к носу, как их нашивали при Александре Первом», который «всё двигал и поводил губами, не разжимая их» [Там же], – характеристика стряпчего представлена в явно карикатурном виде. Однако чрезвычайно важно, что именно этот герой (после слов Сувенира) высказывает Харлову сомнение в верности его дочерей: «вместо должной благодарности, да выйдет такой афронт» [Там же. С. 186]. Реакция Мартына Петровича на это замечание весьма красноречиво говорит об уже зародившемся в нём сомнении.

В рассказе «Живые мощи» Тургенев не даёт цитат и специальных указаний на журнал Новикова, но судьба главной героини демонстрирует своеобразный вариант реализации не случившегося с Харловым смирения и абсолютного принятия смерти. Связь с содержанием «Покоящегося трудолюбца» обнаруживается на уровне проблемы соотношения телесного и духовного. Через образ крестьянки Лукерьи реализуется масонская идея внутреннего преображения человека: драма физического увядания (смерти) превращается в духовный акт всепобеждающей радости.

Проблематике рассказа отвечает содержание журнальной статьи «Письмо с того света в Москву от Муимиага к сыну малыя земли Муравью, живущему в Муравейнике». Этот небольшой трактат написан в исключительной религиозно-мистической тональности, хотя его проповедная форма не лишена элементов образности (многочисленные сравнения, эпитеты и метафоры). Для построения образа главной героини Тургенев использовал некоторые ключевые положения этой публикации. Так, в рассказе звучит масонская идея ничтожности телесной сущности человека: «Мне казалось, что тело, сей бывший мой товарищ, никогда не был моим товарищем. Ведай, любезный друг, что тело нечто иное было для меня, как темница с решетчатым окном» [17. С. 214]. Осознание тела как вынужденной темницы приходит и к героине рассказа, но происходит это не посредством личной духов-

ной практики, а в результате случившегося с ней несчастья: «…мне почудилось: зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: “Луша!..” Я глядь в сторону, да, знать, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз – да о́ землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому – скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри – в утробе – порвалось...» [15. Т. 3. С. 329].

Вторым важным аспектом оказываются упоминаемые в статье «Ангелы земные» – это «блаженные духи, которые в малом угле, или под соломенной иногда кровлею в безмолвии или простоте учатся быть таковыми, каковыми долженствуют быть» [17. С. 222]. Лукерья уподобляется такому «духу на земле», она становится аскетом в миру: «так лежу я себе, лежу-полеживаю – и не думаю; чую, что жива, дышу – и вся я тут. Смотрю, слушаю» [15. Т. 3. С. 331]; «…словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я – живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление – даже удивительно. <…> Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было – не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди – ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» [Там же. С. 333]. Однако «подвижничество» Лукерьи – это не столько способ единения с Богом, сколько желание не быть ни для кого обузой и возможность в одиночестве найти избавление или хотя бы облегчение своим страданиям.

Наконец, в статье говорится о явлении ангелов праведным людям, они «…нисходят к смертным <…> к благим человекам, живущим в сей тёмной точке, и с ними беседуют в хотениях, воображениях и мыслях» [17. С. 218–219]. Лукерья (как и Харлов) оказывается сновидцем, в маленькой тёмной «келье» её посещают сны, которые она принимает за видения. Ей являются сначала Христос, полностью противоположный иконописным изображениям, затем умершие родители и сама смерть, назначившая ей час кончины – «После, мол, петровок» [15. Т. 3. С. 336].

Одним из оснований, на которое опираются этико-философские принципы русского масонства, является христианство. Но масонские идеи лишены христианской (православной) ортодоксальности и имеют ярко выраженный мистический характер. Смешение православных убеждений с верой в таинственную сущность вещей обнаруживается и в сознании Лукерьи. В своём восприятии окружающего мира героиня сопрягает религиозное и народное (в том числе природное) начала. С позиций религиозности Лукерья в положении личной трагедии выбирает не ропот и отчаяние, а долготерпение и веру в неизбежность случившегося несчастья. Но с другой стороны, она совершенно органично входит в мир природы и существует во многом именно за счёт него, организуя его для себя с позиций народных представлений. Практически полностью отказавшись от сферы человеческого общения, Лукерья становится частью естественной (животной и растительной) системы. Синтез народно-природного и христианского элементов несёт смысл обретения Лукерьей духовной свободы и гармонии.

Столь же неоднородными являются имя героини и прототипическая природа её образа. «Лукерья» – это народный вариант формы «Гликерия», что в переводе с греческого – *glykeros* – означает «сладкий» [14. С. 102]. Такая знаковая номинация подчёркивает драматизм судьбы Лукерьи: «сладость», заключённая в имени, сталкивается с горечью случившейся беды. Но героиня преодолевает это противоречие, смирившись со своей судьбой: «…а что я стану господу богу наскучать? О чем я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест – значит, меня он любит. Так нам велено это понимать» [15. Т. 3. С. 332].

Образ Лукерьи Тургенев создаёт не только на основе личного биографического материала (воспоминания о крепостной крестьянке Клавдии из имения Варвары Петровны), но и за счёт фактов историко-религиозного характера. Возможно, писатель обращается к истории о русской святой Гликерии Новгородской. Среди немногочисленных сведений о мученице Гликерии сохранилось упоминание о моменте обретения её нетленных мощей. Это произошло сразу после разорения Новгорода опричным войском, причём присутствовал при обретении мощей и сам Иван Грозный: «…тут был тут царь прославленный Иван Васильевич всея Руси» [20. С. 192]. В иконографии святая представлена «юной девой с округлым лицом, непокрытой головой и спускающимися на плечи волнистыми волосами с прямым пробором» [21. С. 576]. Юной девой умерла и Лукерья, сохранившая «сквозь бронзу лица» [15. Т. 3. С. 334] следы былой красоты.

Позиция, противоположная смирению и долготерпению Лукерьи, выражена героем-рассказчиком. Встретив давно знакомую ему крестьянскую девушку, он испытывает чувства смешанные и противоречивые – удивление, страх, жалость, ужас, изумление, восхищение и т.д. Его сильно поражает то, как может ещё сохраняться жизнь в этом мертвенном существе. Пётр Петрович (герой-рассказчик) приходит в изумление не только от того, что Лукерья «рассказ своё вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» [Там же. С. 329], но и потому, что она способна в своём положении находить что-то радостное, даже забавное и удивительное. Он видит, как умирающая девушка совершенно по-иному (с его рациональной точки зрения) организует для себя мир, но у него нет возможности во всей полноте понять и принять это. Поэтому рассказчик может предложить ей только практическую помощь – устроить в хорошую больницу и достать для неё опиум, избавляющий от мук и бессонницы. Есть в его восприятии и страх увядания и смерти, с которыми смириться он не хочет и не имеет сил.

Представленный в рассказе «Живые мощи» образ крепостной крестьянки Лукерьи через соединение религиозных и фольклорных черт достигает уровня национального обобщения. В создание такой масштабной образности внесли свой вклад и религиозно-нравственные идеи о соотношении жизни и смерти, тела и духа из статьи журнала «Покоящийся трудолюбец». Непримиримость драмы существования Лукерьи разрешается в смирении и созерцательном единении с

природой. Простая крестьянская девушка выказывает способность на великий духовный подвиг.

Отголосок нравственно-философских идей русских масонов можно обнаружить и в отдельных текстах «Стихотворений в прозе». Так, стихотворения «Христос» (1878), «Монах» (1879) и «Молитва» (1881) объединяются темой веры, но не в узко религиозном, церковном значении. Веры как средства внутреннего постижения человеком самого себя и достижения им гармонии существования. Кроме того, в этих трёх произведениях звучит и тема таинственности, непостижимости истины, которую Тургенев, подытоживая, передаёт в «Молитве» словами Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио…» [15. Т. 10. С. 172]. Также примечательно, что образ Христа, запечатлённый в одноимённом стихотворении, чрезвычайно сходен с тем описанием, которое даёт Лукерья: на первый план выступают предельная простота (обыкновенность) и всеобщность его облика.

Таким образом, содержание статей масонского журнала Новикова послужило Тургеневу в качестве значимого материала в оформлении проблематики произведений 1870-х гг. и в создании образов главных героев. Идеи русских масонов, включаясь в общий историко-культурный контекст, привлекали писателя своим нравственно-этическим (совершенствование личности) и философским (проблема человеческого существования) содержанием. Интерес Тургенева к таинственно-мистической стороне масонского учения был обусловлен его неоднозначным и противоречивым, но очень внимательным отношением к сфере необъяснимого, загадочного и непостижимого. Через причастность Харлова и Лукерьи к решению вечных вопросов жизни и смерти автор раскрывает драму существования современного человека – простого, непосредственного и обыкновенного. Не принимая доктринальный и аскетический характер масонского учения, писатель даёт два варианта реализации этих установок на практике с разным исходом. С опорой на шекспировскую образность провинциальный помещик и крепостная крестьянка становятся на уровень общенациональных типов. Биографическая сопричастность самого И.С. Тургенева значимым событиям отечественной истории и его личное соприкосновение с непосредственными участниками тайных масонских объединений формируют особый социокультурный пласт.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В письме к П.Н. Полевому, сообщая сведения для «Истории русской литературы в очерках и биографиях» (1874), И.С. Тургенев писал: «Из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, дорожит особенно двумя: тем Петром Т<ургеневым>, который обличил Лжедмитрия и за это обличение был в тот же день казнен на лобном месте в Москве, – и тем шутом Петра Великого, Яковом Т<ургеневым>, которому пришлось в новый 1700-й год обрезывать ножницами бороды бояр: он по-своему тоже служил делу просвещения» [7. Т. 12. С. 230–231].

[2] Н.И. Тургенев в письме к брату сообщал: «У нас был здесь (за 3 или 4 недели перед сим) наш однофамилец, бывший в Берлине с Б<акунины>м и проч. Очень неглупый и порядочный человек. Он поехал в Marseille, зимою возвратится в Париж» [9. С. 277].

[3] В книге Н.Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» утверждается, что в 1860-е гг. Тургенев вступил в масонскую ложу в Париже под названием «Биксио» [10. С. 19]. Однако сколь-либо достоверных сведений, подтверждающих это, нет. Во втором издании Полного собрания писем писателя опубликовано письмо Тургенева к человеку по имени Биксио – Джакомо Алессандро. В Указателе имён и названий значится, что это «политический деятель и ученый, старший брат Д.Н. Биксио, сподвижника Гарибальди», с которым Тургенев познакомился «при посредстве П. Мериме в апреле 1861 г.» [7. Т. 4. С. 693]. Подлинных данных о связях братьев Биксио с масонскими организациями Парижа также нет.

[4] Тургенев писал в письме к И.П. Борисову: «А “Русский архив” я и здесь изучаю всласть и совершенно понимаю Ваше пристрастие к этому изданию» [7. Т. 8. С. 79] и П.И. Бартеневу: « “Русский архив” я получаю аккуратно» [4. Т. 10. С. 55].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М. : Жираф, 2000. 216 с.
2. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. / отв. ред. В.И. Сахаров. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 179–192.
3. Балыкова Л.А. Периодические издания Мемориальной библиотеки И.С. Тургенева (1754–1825) // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. I / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб. : Альянс-Архео, 2009. С. 20–48.
4. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Ч. 1: Каталог: книги на рус. яз. / сост. Л.А. Балыкова. Орел : Изд-во ОГТРК, 1994. 208 с.
5. Утренний свет. СПб., 1777. Ч. I. 385 с.
6. Орловские масоны. 1747–1941 гг. Из истории общественных организаций / А.Ю. Саран, О.А. Саран. Орел : Картуш, 2010. 542 с.
7. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982 (издание продолжается).
8. Громов В.А. Секретное наблюдение за С.Н. Тургеневым и его письма к А.Н. Тургеневу // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л. : Наука, 1967. Т. 3. С. 211–216.
9. Тарасова В.М. О времени знакомства Тургенева с Н.И. Тургеневым // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л. : Наука, 1964. Т. 1. С. 276–278.
10. Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков : Калейдоскоп; Москва : Прогресс-Традиция, 1997. 400 с.
11. Декабристы / ред. Н.П. Чулкова. М. : Изд-во Гос. лит. музея, 1938. 566 с.
12. Покоящийся трудолюбец. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1785. Ч. 3.
13. Этингер Ф.К. Библейский и эмблематический словарь. М., 1786. 336 с.
14. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. М. : Русские словари : Астрель, 2005. 477 с.
15. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
16. Рассуждение о беспорядках, производимых страстями в человеке, и о средствах, какие в таких случаях употреблять должно // Покоящийся трудолюбец. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1785. Ч. 3. С. 1–55.
17. Письмо с того света в Москву от Муимиага к сыну малыя земли Муравью, живущему в Муравейнике // Покоящийся трудолюбец. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1785. Ч. 3. С. 213–224.
18. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3. С. 91–107.
19. Топоров В.Н. Странный Тургенев. Четыре главы. М., 1998. 192 с.
20. Полное собрание русских летописей / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М. : Наука, 1965. Т. 30. 239 с.
21. Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2012. Т. XI. ГЕОРГИЙ-ГОМАР. 752 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 декабря 2016 г.

THE IDEAS OF THE RUSSIAN MASONRY IN I. TURGENEV'S WORKS OF THE 1870S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 5–11.
DOI: 10.17223/15617793/415/1

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: I. Turgenev; *A Lear of the Steppes*; "The Walking Corpse"; Russian masonry; *Pokoyashchiysya trudolyubets*; N. Novikov.

The article discusses the question of the role and place of the Russian mason ideas of the last third of the 18th century in the works of the 1870s of I. Turgenev. Directly or indirectly, *A Lear of the Steppes* (1870) and the story "The Walking Corpse" (1874) include references to the mason journal *Pokoyashchiysya trudolyubets* (1784–1785). It gives the right to raise the question of the creative interaction principles of the writer with religious, philosophical and moral mason orientations. The text about a Russian king Lear is directly set towards Shakespeare's tradition, and Turgenev includes two fragments from the journal articles of N. Novikov's edition – "Argumentation about disorders made by men's passion and about measures to take in such cases" and "A letter from the other world to Moscow from Muimiag to the small earth son Ant who lives in the Ant hill" in this text. The writer gives footnotes with a very detailed bibliographical description to the quoted extracts. The content of the two articles from *Pokoyashchiysya trudolyubets* correlates with the problems of the story's main character – Martyn Kharlov. The proud and powerful landlord, guided by the mason journal instructions, attempts to abase his selfish nature, to reform his personality and to educate and improve his soul. One of the acts of the transformation is division of his estate between two daughters. However, Kharlov does not execute the program of self-perfection, firstly, because the character cannot refuse his power and will and, secondly, because of his idea about an inevitable death that he cannot put up with. In the story "The Walking Corpse" Turgenev does not give any quotes or any special references to Novikov's journal. Nevertheless, the main character's destiny demonstrates an original variant of Kharlov's story. The connection with *Pokoyashchiysya trudolyubets* is found at the level of the correlation of the corporeal and the spiritual. The mason idea (of the internal person's transformation: the drama of the death turns into a spiritual act of the all-conquering joy) is expressed in the countrywoman Lukerya's image. Turgenev's attitude to the mason ideas is extraordinary complex and ambiguous. The writer considers the Russian masonry as a national spiritual phenomenon. He acknowledges its significance in the philosophical and moral aspects. However, he does not accept the mason religious, mystic and ascetic teaching. The writer perceives the complete refusal from all spheres of the earth existence as a contradiction to human nature.

REFERENCES

1. Sakharov, V.I. (2000) *Ieroglify vol'nykh kamenshchikov. Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka* [Hieroglyphics of Freemasons. Masonry and Russian literature of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Zhiraf.
2. Yanushkevich, A.S. (2000) V.A. Zhukovskiy i masonstvo [Zhukovsky and masonry]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX v.* [Masonry and Russian literature of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Editorial URSS.
3. Balykova, L.A. (2009) Periodicheskie izdaniya Memorial'noy biblioteki I.S. Turgeneva (1754–1825) [Periodicals editions of the Memorial Library of I.S. Turgenev (1754–1825)]. In: Generalova, N.P. & Lukina, V.A. (eds) *I.S. Turgenev. Novye issledovaniya i materialy* [I.S. Turgenev. New research and materials]. Vol. 1. St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.
4. Balykova, L.A. (ed.) (1994) *Biblioteka Ivana Sergeevicha Turgeneva* [Library of Ivan Turgenev]. Vol. 1. Orel: Izd-vo OGTRK.
5. *Utrenniy svet*. (1777). I.
6. Saran, A.Yu. & Saran, O.A. (2010) *Orlovskie masony. 1747–1941 gg. Iz istorii obshchestvennykh organizatsiy* [Oryol Masons. 1747–1941. From the history of NGOs]. Orel: Kartush.
7. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
8. Gromov, V.A. (1967) Sekretnoe nablyudenie za S.N. Turgenevym i ego pis'ma k A.N. Turgenevu [Secret surveillance of S.N. Turgenev and his letters to A.N. Turgenev]. In: Izmaylov, N.V. & Nazarova, L.N. (eds) *Turgenevskiy sbornik: Materialy k Polnomu sobraniyu sochineniy i pisem I.S. Turgeneva* [Turgenev collection: Materials for the complete collection of works and letters of I.S. Turgenev]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
9. Tarasova, V.M. (1964) O vremeni znakomstva Turgeneva s N.I. Turgenevym [On the time of Turgenev's acquaintance with N.I. Turgenev]. In: Izmaylov, N.V. & Nazarova, L.N. (eds) *Turgenevskiy sbornik: Materialy k Polnomu sobraniyu sochineniy i pisem I.S. Turgeneva* [Turgenev collection: Materials for the complete collection of works and letters of I.S. Turgenev]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
10. Berberova, N.N. (1997) *Lyudi i lozhi. Russkie masony XX stoletiya* [People and societies. Russian masons of the 20th century]. Kharkov: Kaleydoskop; Moscow: Progress-Traditsiya.
11. Chulkova, N.P. (ed.) (1938) *Dekabristy* [Decembrists]. Moscow: Izd-vo gos. lit. muzeya.
12. *Pokoyashchiysya trudolyubets*. (1785). 3.
13. Etinger, F.K. (1786) *Bibleyskiy i emblematicheskiy slovar'* [Bible and Emblem Dictionary]. Moscow: [s.n.].
14. Petrovskiy, N.A. (2005) *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow: Russkie slovari: Astrel'.
15. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
16. Pokoyashchiysya trudolyubets. (1785) Rassuzhdenie o besporyadkakh, proizvodimykh strastyami v cheloveke, i o sredstvakh, kakie v takikh sluchayakh upotreblyat' dolzhno [Argumentation about disorders made by men's passion and about measures to take in such cases]. *Pokoyashchiysya trudolyubets*. 3. pp. 1–55.
17. Pokoyashchiysya trudolyubets. (1785) Pis'mo s togo sveta v Moskvu ot Muimiaga k synu malyya zemli Murav'yu, zhivushchemu v Muraveynike [A letter from the other world to Moscow from Muimiag to the small earth son Ant who lives in the Ant hill]. *Pokoyashchiysya trudolyubets*. 3. pp. 213–224.
18. Lotman, Yu.M. (1993) Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The plots of the Russian novel of the 19th century]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra.
19. Toporov, V.N. (1988) *Strannyy Turgenev. Chetyre glavy* [The Strange Turgenev. Four chapters]. Moscow: RSUH.
20. Tikhomirov, M.N. (ed.) (1965) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 30. Moscow: Nauka.
21. Patriarch Alexy II (ed.) (2012) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 11. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya.

Received: 23 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 12–16. DOI: 10.17223/15617793/415/2

УДК 81’42

М.В. Лиханов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБДИСКУРСОВ ЭКСКУРСИОННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРОВ ПУТЕВОДИТЕЛЯ И ЭКСКУРСИИ)

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ/РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 15-14-70004.

Описываются взаимодействия субдискурсов в рамках экскурсионного дискурса. Рассматривается экскурсионный дискурс как сложный дискурс, активно взаимодействующий с другими дискурсами. Экскурсионный дискурс выступает в качестве дискурса высокого порядка, поглощающего и трансформирующего другие дискурсы, в соответствии с целью конкретного коммуникативного воздействия. Функциональная обусловленность коммуникации в рамках экскурсионного дискурса ведет к разному оформлению единого набора судискурсов в жанре экскурсии и путеводителя.

Ключевые слова: экскурсионный дискурс; речевые жанры; субдискурс; дискурс высокого порядка; жанр путеводителя; жанр экскурсии.

Одной из актуальных проблем дискурсивного анализа является вопрос взаимодействия дискурсов [1–5]. В центре внимания исследователей оказались отношения субдискурсов в составе дискурса высшего порядка, коммуникативные стратегии, используемые в дискурсах высшего порядка и др. Описан, например, дискурс научно-популярного медицинского журнала, являющийся дискурсом высокого порядка, включающего в себя такие субдискурсы, как медицинский, научный, научно-популярный, публицистический, рекламный [6]. Исследуются особенности взаимодействия рекламного, научного и образовательного дискурсов, присутствующих в текстах рекламных буклетов вузов, и разделы «Абитуриентам» корпоративных сайтов вузов [7].

Экскурсионный дискурс, в свою очередь, еще не описывался как поле междискурсивного взаимодействия. Обслуживая просветительские и ценностно-формирующие цели [8], экскурсионный дискурс пользуется информацией, «хранящейся» в разных дискурсах. Он является пространством, объединяющим рекламный, педагогический, научный и другие дискурсы, циркулирующие в экскурсионной среде. Исследование особенностей отношений и перегруппировки дискурсов позволяет вычленить механизмы дискурсивного взаимодействия, обусловливающие создание цельной картины мира экскурсионного дискурса.

Экскурсионный дискурс понимается нами как тип речевого поведения субъекта в сфере экскурсионной деятельности, ориентированный на информативную установку, сочетающий в себе информирующие и оценочные векторы естественного языка и других семиотических систем. Ввиду сложной природы дискурса, выступающего в качестве транслятора информации, мы можем говорить о взаимодействии разного порядка [9–11]: как о взаимопроникновении дискурсов, так и субдискурсивных включениях в экскурсионный дискурс.

Цель статьи – описать взаимодействие субдискурсов экскурсионного дискурса на материале жанров путеводителя и экскурсии.

Материалом исследования послужили:

– диктофонные записи из личной коллекции автора в количестве 5 часов;

– экскурсии в письменной форме, предоставленные Томским областным музеем им. Шатилова, в количестве 50 тыс. знаков;

– видеозапись экскурсии, полученная с помощью мобильного айтрекера, в количестве 5 часов;

– печатные путеводители в количестве 200 тыс. знаков.

Экскурсионный дискурс по своей природе является сложным дискурсом, открытым для проникновения других дискурсов. Он активно взаимодействует с научным, политическим, педагогическим и другими дискурсами. Экскурсионный дискурс «подчиняет» другие дискурсы и формирует особое представление о фрагменте картины мира, «окрашенное» в нужный для адресанта цвет, комментируя и изменяя ту реальность, которая уже отражена в субдискурсах. Принципиально важно, что экскурсионный дискурс перестроктурирует и адаптирует информацию из других дискурсов для последующей трансляции. Он невероятно богат содержательно за счет поглощения им диктумного содержания тематических и институциональных дискурсов, на базе которых формируется коммуникативное пространство экскурсионного дискурса. Функционирующие таким образом дискурсы рассматриваются как субдискурсы, входящие в более крупное дискурсивное образование [12]. Поглощение и переструктуризация дискурсов сопровождаются появлением дискурса «более высокого порядка» [14. С. 53–55], образованного на основе множества исходных типов дискурсов (архитектурного, исторического, политического, юридического, наивного и др.), в трансформированном виде [13–15]. Субдискурс является компонентом, составляющим информационное поле экскурсионной коммуникации. Каждый субдискурс, таким образом, представляет отдельную тему с множеством текстов, отсылок, цитат, знаков и т.д. [6]. Взаимодействие субдискурсов в текстовом пространстве дискурса ведет к созданию новой комбинации субдискурсов в каждом жанре экскурсионного дискурса.

Жанр экскурсии является сложным жанром, выполняющим ценностно-формирующую и информационную функцию, где автор-экскурсовод выступает с позиции большей информированности и является ме-

диатором познания экскурсанта. Жанр путеводителя представляет собой письменную модификацию жанра экскурсии, где адресантом является автор текста путеводителя, а адресатом – его читатель. В рамках экскурсионного дискурса жанры решают разные задачи, коммуникативной целью жанра экскурсии являются передача актуальной информации и актуализация ценностей, в жанре путеводителя адресант не только транслирует информацию и актуализирует ценности, но и активно «эксплуатирует» их для привлечения адресата к посещению места, описанного в путеводителе, и таким образом, выступая в роли «продавца» и формируя особую ситуацию общения. Адресант жанра «путеводитель» в первую очередь при формировании текста решает задачу, где ему требуется привлечь внимание и заинтересовать адресата предлагаемым продуктом.

Оба жанра обращаются к одному и тому же набору дискурсов и пользуются одинаковым набором коммуникативных стратегий, в том числе теми, что отработаны в рамках рекламного дискурса. Однако на этапе реализации этих стратегий жанры обнаруживают различия, обусловленные разным функционалом жанров. Так, в жанре путеводителя в первую очередь используются рекламные, а не информирующие стратегии. Например, описывая город, оба жанра обращаются к историческому и архитектурному дискурсам, по-разному используя их информационный потенциал. В жанре экскурсии адресант делает акцент на фактологической составляющей своей речи: «***Город был заложен в IX ст. на порогах реки Влтавы.*** *Отсюда* ***происходит название*** *– Прага, т.е. город, построенный на порогах.* ***IX век считается периодом****, когда,* ***по мнению археологов****, на этом месте возникла резиденция* ***рода Пршемысловичей****, основанная* ***князем Борживым****. Знакомство с Прагой начинают с* ***Градчан – квартала****, где в былые времена* ***проживали чешские дворяне***», в то время как в жанре путеводителя акцент сделан на привлекательных сторонах этого места: «*Сегодня площадь окружена кольцом* ***исторических и архитектурных памятников****:* ***дворцы в стиле ренессанс и барокко, известные пивные, кофейни, винные погребки****. Множество* ***мест для отдыха и развлечений****.* ***Шедевр*** *пражского барокко – церковь Святого Микулоша…*». Такого рода смещение акцента обусловлено различиями в задачах жанров.

В жанре экскурсии автор подчеркивает уникальность города и страны (посредством лексем *«сказочный», «чудесный»*), актуализируя историко-культурные доминанты – имена правителей, географическое положение; в то время как в жанре путеводителя он упоминает названия мест и архитектурных стилей, чтобы показать самобытность этого места. Также адресант перечисляет места, которые может посетить адресат: «*дворцы <…> пивные, кофейни, винные погреба*», номинируя последние как *известные*, а следовательно, рекомендуемые к посещению. Автор в одном ряду упоминает исторические и архитектурные памятники и места отдыха, поскольку основная задача путеводителя – дать подробную информацию для удовлетворения познавательных интересов адресата и «разжигания» его интереса к конкретному месту. Одновременно с этим жанр экскурсии более научен, текст экскурсии наполнен терминами и нацелен на создание законченного представления об объекте. Отметим, что экскурсионный дискурс, пересекаясь в этом с педагогическим, тяготеет к научному знанию и вследствие этого к научному дискурсу. Адресант транслирует в адаптированном виде научную информацию неподготовленному адресату.

Экскурсионный дискурс имеет очерченный набор субдискурсов, который перестраивается для каждого речевого жанра, субдискурсы могут добавляться, убираться и переформировываться в соответствии с темой, которая обусловлена коммуникативной целью адресанта или целевой аудиторией. Вследствие этого набор субдискурсов комбинируется в зависимости от того, кому будет предназначаться конечный текст и для какой цели его будут использовать.

1. Цели коммуникации. Несмотря на то что жанры путеводителя и экскурсии имеют общую информативно-оценочную цель, они выполняют разные функции с точки зрения конечной цели коммуникации. Так, в тексте в жанре экскурсии, посвященном теме «Турция», можно выделить множество подтем: «История», «Архитектура», «Политика» и др., каждая из которых фактически обслуживается самостоятельным субдискурсом: «*История собственно Турции началась лишь в XI в., когда тюркские племена пришли в Малую Азию и создали здесь свое государство, постепенно подчинившее весь полуостров и множество соседних земель…*». Цель адресанта в этом случае состоит в донесении информации, в создании целостной картины, когда говорящий связывает подтемы в цепь, как бы «нанизывая бусы на нить» исторического дискурса. В данном случае исторический дискурс выступает в качестве модели с пустыми слотами, которая наполняется информацией в зависимости от цели коммуникации в каждом отдельном жанре. Так, жанр путеводителя имеет более развлекательную направленность и фокусируется на описании достопримечательностей Турции: «*29 мая 1453 года султан Мехмед II Фатих переименовал город в Истамбул <…>. Подавляющее большинство достопримечательностей Стамбула находится в округах, расположенных по берегам Босфора и…*». В приведенном фрагменте адресант обращается к тому же архитектурному дискурсу для создания привлекательного образа объекта, но наполняет модель исторического дискурса другой информацией. В жанре экскурсии в фокусе внимания адресанта находится историческое событие само по себе, в жанре путеводителя же оно выступает в качестве контекста, общего фона для описания достопримечательностей, являющихся основным объектом описания.

Адресант обращается к историческому дискурсу не только за фактами, как в жанре экскурсии, но и за «приманкой» для туристов, в качестве которой может выступать как интересная история: «*В представлении завистливых европейцев жизнь султана в гареме была подобна мусульманскому раю, где властелин нежился в объятиях сотен гурий одновременно*», так и высказывание знаменитого писателя: «*Как писал Бродский: существуют места, где история неизбеж-*

на, как дорожное происшествие, – места, чья география вызывает историю к жизни. Таков Стамбул, он же Константинополь, он же Византия. Спятивший светофор, все три цвета которого загораются одновременно».

Таким образом, функции отдельного жанра обусловливают набор субдискурсов, тип информации и ее оформление для речевых произведений этого жанра. Отметим, что исторический субдискурс является наиболее частотным для экскурсионного дискурса ввиду некоторой ретроспективности экскурсионной коммуникации, формирующей модель реальности и наполняющей её информацией из других дискурсов: «*По распоряжению Юстиниана I (527–565) в городе даже построили дворец и общественные бани на источниках. <…> Социальные и экономические нововведения Юстиниана еще больше укрепили силу и политический вес Константинополя*».

2. Целевые аудитории. Целевая аудитория тоже играет свою роль в формировании конечного набора субдискурсов. Характеристики этой аудитории являются одним из факторов, влияющих на конечный вид текста. В роли адресата выступает либо один человек, либо группа экскурсантов, разная по своему составу в гендерном, социальном и возрастном планах, заинтересованная в получении информации. Разнообразие целевой аудитории ведет к различиям в содержательной части текста. Адресант может по-разному оформить рассказ об одном и том же объекте, может уменьшить объем информации по одним объектам, увеличивая его по другим, для того чтобы подстроиться под уровень аудитории и цели конкретного коммуникативного воздействия. Пласт же основной информации остается практически неизменным, снабженным только какими-либо специфичными пояснениями, перекодированным таким образом, чтобы не только дать представление о фактах реальности, но и оценку этим фактам. Например, в экскурсии по музею космонавтики для школьников автор-адресант рассказывает о строении ракеты, опираясь на научно-популярный дискурс: «*Ракета “Восток” состояла из двух частей, основной части, в которой и сидел космонавт, и ступени с топливом, которая сбрасывалась после полета*», в то время как экскурсия для взрослых строится вокруг исторических фактов и политической ситуации: «*В 1938 г. Королев был арестован по ложному обвинению во вредительской деятельности и…*».

Мы можем заметить также разницу в лексическом оформлении речи в экскурсии для разных возрастных групп, например, экскурсионный текст для взрослых насыщен терминами и датами в отличие от экскурсии для школьников: «*В 1958–1959 гг. коллективом, возглавляемым С.П. Королевым, на базе ракеты-носителя “Спутник” была разработана трехступенчатая ракета-носитель “Восток” с ракетным блоком Е в качестве третьей ступени*». Иногда адресант использует сложную терминологию и в текстах экскурсий для младших школьников, но мы считаем это скорее речевой ошибкой, чем устойчивой тенденцией: *в этом отделе собраны не только классическая русская и зарубежная литература, книги современных авторов, но и ценные и редкие филологические издания, литературоведческие словари и справочники, литературные энциклопедии и критика, занимательные и познавательные книги по русскому языку*. Использование специальной лексики в данном примере, возможно, говорит о нечетком целеполагании автора экскурсии и, по нашему мнению, лексемы «филологические», «литературоведческие» и другие, скорее всего, будут не понятны им в силу возраста и отсутствия специального филологического образования.

Коммуникативная цель экскурсионного дискурса – это передача идеологически выверенной информации. В дискурсе высокого порядка личностная составляющая субдискурса стирается и заменяется идеологической составляющей экскурсионного дискурса, отражающего официальную и общепринятую в социуме картину мира. Например, в качестве субдискурса юридический дискурс оставляет информационную интенцию, посредством которой происходит актуализация, например, правовых норм, действующих в определенной стране: «*Беспошлинный статус Макао обусловливает низкие цены на импортные товары*» (путеводитель). Институциональные дискурсы, такие как политический, юридический и другие, отрываются от своего «института» и также становятся лишь источником знаний о тех отношениях и нормах, которые существовали в институциональном дискурсе. Например, если в юридическом дискурсе коммуникация скована иерархическими отношениями, подкрепленными законами, где один участник является агентом, а второй – клиентом этой системы, то в рамках экскурсионного дискурса, во-первых, ситуация характеризуется такими отношениями, где за одним из участников закреплена роль пассивного слушателя, а за вторым – более информированного медиатора познания, а во-вторых, законы государства являются уже не регуляторами этой коммуникации, а только диктумным наполнением дискурса, зафиксированным в тексте: «*До оформления страховых документов узнайте подробности об условиях наступления страхового случая, лимите покрытия и прочих пунктах договора*» (путеводитель). Коммуниканты не становятся напрямую участниками юридического взаимодействия, а только носителями информации, наблюдающими за ситуацией общения в рамках юридического дискурса как бы со стороны. Отметим, что экскурсионная коммуникация функционирует вне рамок закрепленного института и нормы оформления коммуникации являются результатом социальной конвенции, в которой роли закрепляются путем договора перед началом коммуникации.

Таким образом, «собственные интенции» субдискурсов подавляются экскурсионным дискурсом, который превращает их зачастую только в хранителей фактуальной информации, вырывая их из привычного контекста и рассматривая их лишь как набор текстов, посвященных какой-либо теме. Так, текст экскурсионного дискурса выступает в качестве совокупности тематически соотнесенных текстов, организованных в соответствии с целью коммуникации.

Не представляется возможным выделение «чистых» субдискурсов в рамках экскурсионной комму-

никации. Тематическое развертывание в ходе коммуникации ведет к тому, что субдискурсы взаимодействуют, и, например, архитектурный дискурс почти всегда переплетен с историческим дискурсом: «*Здесь сохранился колониальный стиль и находятся наиболее известные здания, построенные преимущественно в XVIII веке…*» (экскурсия), к которому может примешиваться религиозный: «*Значительно большее влияние на облик города оказала готика. Под влиянием идей монашеского нищенствующего ордена цистерианцев в это время были построены церкви Мария-ам-Гештаде, Аугустинкирхе и Миноретенкирхе, а также собор СВ. Стефана в его теперешнем виде*»; политический: «*При императоре Франце Иосифе, с 1860 г., Вена начинает превращаться в современную метрополию <...>. Растущая метрополия становится политическим, торговым и культурным центром*», и другие дискурсы.

Таким образом, смешение дискурсов, формирующих коммуникативное пространство экскурсии, приводит к образованию особой экскурсионной картины мира, содержащей в себе ключевые концепты, диктумное содержание и ценности этих дискурсов, и порождает новую, «переработанную» картину мира: «*Обратите внимание, что между лапами у льва – Царевна Лебедь. Это, наверное, некоторая метафора того, как мы – нынешнее поколение, бережно храним культурное наследие прошлых поколений, в частности Пушкина. А соседний лев хранит белочку, которая ест орешки, ядра чистый изумруд*» (видеоэкскурсия).

Здесь мы видим, как адресант, рассказывая о памятнике во время экскурсии, цитирует строчку из Пушкина «ядра чистый изумруд», обращаясь таким образом к другим дискурсам, «заставляя» их взаимодействовать для достижения цели коммуникативного воздействия. Так, адресант выстраивает интертекстуальную среду и обращается к прецедентному тексту с помощью аллюзии, смешивая архитектурный и литературный дискурсы, и вплетает их в общий рассказ о городе. Такое обращение к другим дискурсам позволяет адресанту наполнять экскурсию необходимой информацией, создавать «трехмерную картину» объекта, выстраивая продуктивную ситуацию коммуникации, и одновременно отсеивать ту информацию, которая не нужна для достижения цели. Отметим, что введение субдискурсов в коммуникацию происходит посредством использования коммуникативных стратегий.

Итак, потребность в обращении к разным подтемам в рамках одного текстового образования требует обращения к разным субдискурсам, а тематическое единство связывает субдискурсы в дискурс высокого порядка. Целостное же представление об объекте формируется путем развертывания темы во времени, где каждая подтема обслуживается отдельным субдискурсом или комбинацией нескольких. Дискурс имеет четко очерченный набор основных субдискурсов, где адресант оформляет и комбинирует их в соответствии с характеристиками целевой аудитории и целью коммуникации. Выполняя информирующую функцию, дискурс поглощает диктумное и ценностное содержание тематических дискурсов, перестраивает его удобным для понимания образом, отрывая дискурсы от своего окружения и воспринимая их как хранилище информации. Адресант дискурса отсекает или, наоборот, добавляет подробности, «оценивая» информацию и смешивая ее с информацией из своих субдискурсов. Адресант экскурсионного дискурса обращается к тем текстам, которые существуют в рамках самостоятельных дискурсов, и «вытягивает» из них ту информацию, которая необходима для коммуникации в данный момент, пользуясь для этого набором коммуникативных стратегий и тактик. В рамках экскурсионного дискурса субдискурсы взаимодействуют и не опознаются как отдельные дискурсивные образования. Таким образом, экскурсионный дискурс выступает в качестве открытой системы, которая, выполняя цель донесения информации, поглощает и перерабатывает разные дискурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косицкая Ф.Л. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности (на материале французских и русских каталогов моды) : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005. 269 с.
2. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 98–123.
3. Силантьев И.В. Газета и роман : риторика дискурсных смешений. М. : Языки славянской культуры, 2006. 222 с.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
5. Эмер Ю.А. Праздничный дискурс : когнитивно-дискурсивное исследование // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4. С. 53–68.
6. Костяшина Е.А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2009. 232 с.
7. Денисова Н.В. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 207 с.
8. Лиханов М.В. Экскурсионный дискурс: к модели описания // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 5–14.
9. Горина Е.В. Тематическое преобразование – структурная особенность Интернета // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. Вып. 3 (49). С. 164–171.
10. Горина Е.В. Дискурсивная модель интернета // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург, 2015. № 2 (138). С. 22–30.
11. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2015. 539 с.
12. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. 448 с.
13. Серио П. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. 415 с.
14. Чернявская В.Е. и др. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта ; Наука, 2003. 696 с.
15. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. ; С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. СПб., 2001. С. 11–22.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 января 2017 г.

INTERACTION OF SUBDISCOURSES IN EXCURSION DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF EXCURSION AND TRAVEL GUIDE GENRES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 12–16.
DOI: 10.17223/15617793/415/2

Maxim V. Likhanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maximus.minimus@mail.ru

Keywords: excursion discourse; speech genres; subdiscourse; high-order discourse, travel guide genre; excursion genre.

This article discusses the interaction of subdiscourses within excursion discourse which acts as a high-order discourse absorbing and transforming other discourses in accordance with the purpose of a specific communicative situation. The necessity to handle different sub-themes within the same text formation requires resorting to different subdiscourses, while the unity of a global theme binds subdiscourses in a high-order discourse. A full picture of the object is formed by the evolution of the theme in time, where each sub-theme is served by a separate subdiscourse or by a combination of several ones. Discourse has a clearly defined set of core subdiscourses, where the addresser prepares and combines them according to the characteristics of the target audience and the purpose of communication. Diversity of communicative aims within excursion discourse leads to a different design of subdiscourses in each of the two genres: the excursion genre, and the genre of travel guide. The purpose of the guide in the excursion genre is to transmit accessible knowledge and create a complete world view, where sub-themes are chained like beads on a string of historical discourse. The travel guide genre in turn has an intentional nature, where the combination of information and affective functions forms a kind of "bait" and serves to attract the addressee to a city, a resort or a museum. 2) The target audience is an important factor in the organization of the subdiscourse set and the actual shape of the final text. Bearing in mind the characteristics of the audience, the addresser can arrange their speech on one object differently. They can reduce the amount of information for one object and increase it for another one to adjust to the audience perception level. But the core information remains largely untouched, except for probably minor changes in the details and emotional tone. Having a purpose to give new information, discourse absorbs the dictum and axiological content of thematic discourses, reconstructs it in easy-to-understand manner, isolating the discourses from their environment and perceiving them as a repository of information. Discourse omits or, vice versa, adds details, "assessing" information and mixing it with the information from their subdiscourses. The addresser refers to texts which exist in independent discourses, and makes use of the information that is necessary for a present communicative situation, using a set of communicative strategies and tactics for that. Subdiscourses interact and are not recognized as separate discursive formations, being part of excursion discourse. Thus, excursion discourse is an open system which, aiming to convey information, absorbs and processes different discourses.

REFERENCES

1. Kositskaya, F.L. (2005) *Pis'menno-rechevye zhanry reklamnogo diskursa mody v aspekte mezh"yazykovoy kontrastivnosti (na materiale frantsuzskikh i russkikh katalogov mody)* [The writing-speech genres of fashion advertising discourse in interlingual contrastive aspect (on the material of French and Russian fashion catalogs)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
2. Silant'ev, I.V. (2004) Tekst v sisteme diskursnykh vzaimodeystviy [Text in the system of discursive interactions]. In: *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*. 7. pp. 98–123.
3. Silant'ev, I.V. (2006) *Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smesheniy* [The newspaper and the novel: the rhetoric of discourse transfusions]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.
5. Emer, Yu.A. (2011) Festive discourse: a cognitive-discursive study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4. pp. 53–68. (In Russian).
6. Kostyashina, E.A. (2009) *Diskursivnoe vzaimodeystvie v tekstovom prostranstve nauchno-populyarnogo meditsinskogo zhurnala* [Discourse interaction in the text of the popular scientific medical journal]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Denisova, N.V. (2008) *Reklamnye zhanry nauchno-obrazovatel'nogo diskursa* [Advertising genres of scientific and educational discourse]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Likhanov, M.V. (2016) Excursion discourse: on the model of description. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/404/1
9. Gorina, E.V. (2014) Thematic transformation – a structural feature of the Internet. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3 (49). pp. 164–171. (In Russian).
10. Gorina, E.V. (2015) Diskursivnaya model' interneta [Discourse model of the Internet]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2 (138). pp. 22–30.
11. Tubalova, I.V. (2015) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Foucault, M. (1996) Poryadok diskursa [The order of discourse]. In: Foucault, M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [Will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality]. Translated from French by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal'.
13. Seriot, P. (1999) *Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The area of sense. The French school of discourse analysis]. Translated from French. Moscow: Progress.
14. Chernyavskaya, V.E. et al. (2003) Diskurs [Discourse]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta; Nauka.
15. Chernyavskaya, V.E. (2001) Diskurs kak ob"ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as object of linguistic research]. In: Chernyavskaya, V.E. (ed.) *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa* [Text and Discourse. Problems of economic discourse]. St. Petersburg: SPbSUEF.

Received: 20 January 2017

УДК 81'322

А.А. Степаненко

ГЕНДЕРНАЯ АТРИБУЦИЯ ТЕКСТОВ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

Исследование (№ 8.1.37.2015) выполнено при поддержке программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015–2016 гг.

Представлены результаты применения методов количественного контент-анализа текстов интернет-коммуникации с целью установления гендерных маркеров методами компьютерной лингвистики. Приводятся результаты статистического анализа различий использования местоимений мужчинами и женщинами в компьютерной коммуникации, осуществляется поиск существующих закономерностей их использования в тексте при помощи кластерного анализа. Доказано наличие статистически значимых различий в использовании местоимений Я-группы в текстах мужчин и женщин.

Ключевые слова: компьютерная коммуникация; статистика; атрибуция текста; гендер.

Атрибуция художественного текста – одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений в лингвистике, которое сформировалось 40 лет назад и использует методы различных областей науки: лингвистики, логики и математики. Одним из результативных методов атрибуции текста является формально-количественный метод. К числу недавних исследований, в которых применялся данный метод, относится анализ известных классических произведений: «Гарри Поттер» Дж. Роуллинг, «Убить пересмешника» Харпер Ли. Анализ текстов серии произведений Дж. Роуллинг «Гарри Поттер» с использованием контент-анализа позволил автору на основе фиксации количественных показателей употребления языковых единиц подтвердить единое авторство всех произведений [1. С. 25]. Е. Гамерман, изучив на основе контент-анализа частот местоимений и предлогов роман Ли Харпер «Убить пересмешника», приходит к заключению, что произведение, возможно, изменялось и корректировалось редактором. В ходе анализа текста исследователь использовал специализированный пакет stylo в языке программирования R, который позволил визуализировать данные в виде деривационного анализа исследуемых единиц [2. С. 185–186].

Обычно стилеметрические исследования включают несколько этапов: (I) сложная многоуровневая первичная обработка текста, (II) выявление признаков, релевантных для определения авторского инварианта, (III) статистический анализ использования релевантных языковых единиц в тексте, (IV) интерпретация и представление результатов.

Современная лингвистика владеет широким кругом методов стилеметрических исследований текстов, при этом главной проблемой выбора методов анализа и проведения стилеметрического исследования является определение начальных критериев и признаков, по которым будет проводиться количественный анализ. На данный момент уже выявлен ряд лексических и синтаксических критериев для анализа идиостиля, появляются новые и модифицируются старые критерии атрибуции текста (см., например, об этом [3. С. 31; 4. С. 42], а также [5. С. 279; 6. С. 20; 7. С. 86; 8. С. 246]). Как показывает анализ практики применения различных методов атрибуции текста, при их реализации исследователи в качестве маркеров опираются на определение частотности использования единиц синтаксического, лексико-фразеологического, стилистического уровней, значимыми признаются также признаки пунктуационного, орфографического аспектов текста. Использование в качестве маркеров единиц синтаксического и лексического уровней наиболее распространено в практике стилеметрического анализа и дает более точные результаты. Однако следует подчеркнуть, что исследователи, как правило, работают сразу с группой признаков для доказательства или опровержения какой-либо гипотезы относительно авторства текста.

Вторая проблема, с которой сталкиваются исследователи, это выбор конкретных методик. В зависимости от поставленной гипотезы исследователи применяют несколько методов в атрибуции текста, конкретных статистических методик, что позволяет добиться более точного результата. Так, например, при исследовании частот лексических единиц следует учитывать их распределение, которое может быть параметрическим и непараметрическим. На рис. 1 приведены методы проверки статистических гипотез, применяемых в современных стилеметрических исследованиях.

В качестве примера реализации данных методов можно привести программу «СМАЛТ», которая основывается на таких статистических методах, как критерии Колмогорова–Смирнова, Стьюдента и кластерный анализ, используемых при анализе особенностей синтаксических структур текста с использованием деревьев зависимостей и типов связей, деревьев зависимостей и мер сложности [9. С. 155–159].

Более точные результаты дает комбинация статистических методов и метода нейронных сетей. Примером таких исследований являются работы, выполненные с использованием программы В.В. Поддубного и А.А. Поликарпова «Лингвоанализатор», интегрирующей применение в анализе текста марковские цепи, нейронные сети прямого распространения, деревья решений, меры расстояния, например [10. С. 55–56].

В исследованиях, выполненных под руководством Л.В. Милова, атрибуция текстов проводится при помощи построения графов «сильных связей» по матрице частот парной встречаемости грамматических классов слов и осуществляется при помощи специальной компьютерной программы [11. С. 356].

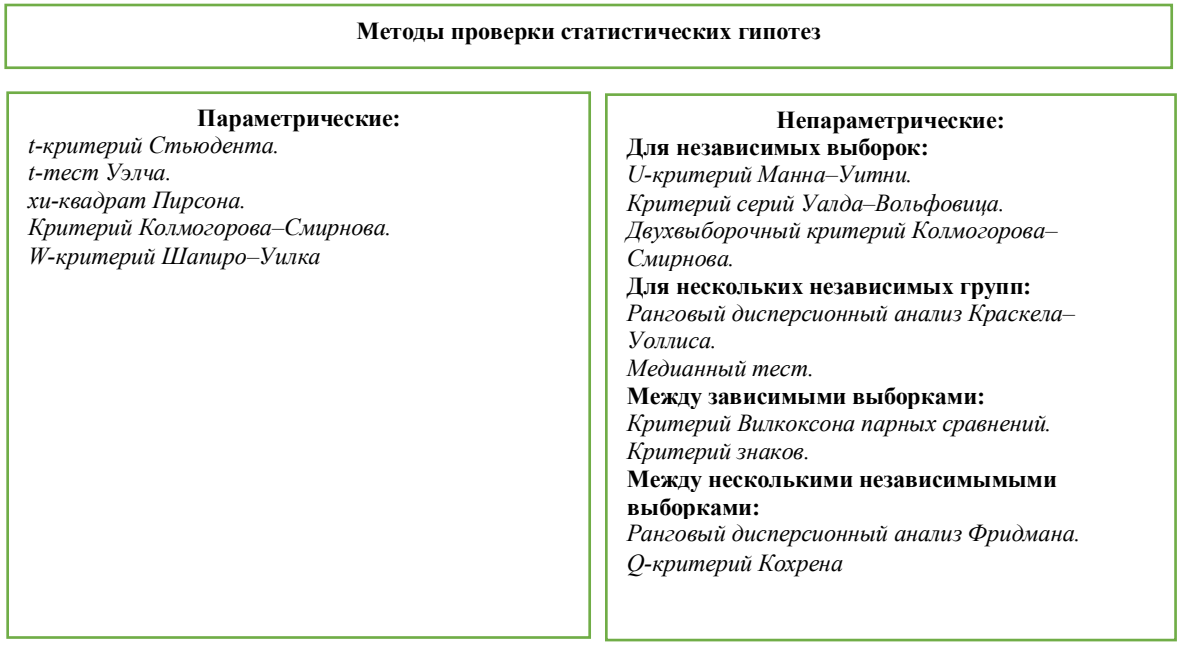

Рис. 1. Методы проверки статистических гипотез

Третья проблема, с которой сталкиваются ученые, – ограничения при отборе материала исследования: это требование к характеру текста (необходимое качество – однородность текстов) и к их объему (исключаются тексты небольшого объема). Стилеметрия как направление научных исследований формировалась и апробировала свои методы на материале художественных произведений, что во многом было мотивировано доступностью объемных текстов однотипной функциональной структуры. Это, в свою очередь, обусловлено тем, что процесс установления авторства формально-количественными методами при исследовании малого объема текста может показывать некорректный результат или вызвать ошибку. Особенно это касается подсчета биграмм символов. Согласно В.П. Фоменко, минимальный объем исследуемых текстов должен составлять не менее 8 000 символов [12. С. 769]. Д.В. Хмелев, использовавший энтропийный метод классификации (с помощью сжатия), основанный на цепях Маркова первого порядка, приходит к заключению, что данный метод показывает хорошие результаты на файлах большого объема и плохие, по сравнению с другими методами, в текстах длиной в 2 000–5 000 символов [13]. Однако следует отметить и программы, которые успешно работают на малом объеме выборки (500 слов), к числу которых относится «СМАЛТ» [9. С. 155–160].

В настоящее время методы, выработанные при анализе художественных произведений, переносятся на анализ текстов других функциональных типов. К числу приоритетных задач, решаемых в этом направлении, следует отнести установление авторства текстов компьютерной коммуникации, что мотивировано как мощным развитием в настоящее время этого средства коммуникации, опосредствующей все виды социальных практик современного человека, так и большими возможностями фальсификации авторства таких текстов по сравнению с другими типами коммуникации [14. С. 727–728].

В работах, посвященных атрибуции компьютерно созданных текстов, исследуются способы обнаружения как индивидуального автора (Т.А. Литвинова, О.С. Поршнева, Х. Хьетсо) [15. С. 196–197; 16. С. 38–39; 17. С. 182–188], так и модели типовых авторов, выделенных по каким-либо социально значимым параметрам (Т.Н. Дроздова, А.С. Романов) [18. С. 400–401; 19. С. 26].

В ряду последних следует отметить и работы, в которых моделируются типовые авторы, противопоставленные по гендерному признаку. Большинство исследований компьютерной коммуникации, посвященных гендерной принадлежности автора текста, опираются на методологию атрибуции художественного текста, ограничивая параметры сравнения единицами синтаксического уровня [20. С. 27–28; 21. С. 33–35; 22. С. 23–26].

Подобную проблему решали лингвисты в сравнении выборок художественных и научных текстов. К таким исследованиям можно отнести работу Ш. Аргомона (Sh. Argamon) и М. Коппела (M. Koppel). Авторы, обратившись к материалам Британского национального корпуса, включающего в себя большой выбор жанров и используя метод нейронных сетей, установили различия между мужской и женской письменной речью. Ученые выявили классы лексических и синтаксических особенностей, отличающиеся в коммуникации мужчин и женщин и идентифицирующиеся в научных и художественных текстах. В частности, отмечаются существенные различия в использовании местоимений и некоторых существительных в мужских и женских текстах: женщины используют больше местоимений, а мужчины – больше специфичных существительных [23. С. 715–720]. Однако авторы подчеркивают, что применение тех же методов в исследованиях художественных текстов, направленных на поиск индивидуального стиля автора, дает более точные результаты, повышая вероятность принятия гипотезы до 98%,

нежели при анализе текстов компьютерной коммуникации. Авторы делают вывод, что методы, применяемые в атрибуции компьютерной коммуникации, направленные на установление общих характеристик определенной группы авторов мужского или женского пола, имеют более высокую погрешность, нежели применяемые при определении индивидуальных особенностей стиля автора художественного текста. Данная, ещё не решённая проблема ставит под сомнение корректность «прямого» переноса методов стилеметрии при атрибуции художественного текста на идентификацию гендерных субъектов компьютерной коммуникации и требует изменений в применении формально-количественных методов. При этом авторами по отношению к материалам данного, весьма специфического типа коммуникации также решаются и другие отмеченные выше проблемы применения стилеметрических методов: проблема выбора единиц анализа, проблема ограничений объема текста и его однородности [24. С. 25–26].

М. Брокардо (M. Brocardo) предложил решение проблемы ограниченных исходных данных при установлении гендерной принадлежности автора текста в компьютерной коммуникации (общение в «Твиттере») на основе подсчета n-грамм (2-грамм, 3-грамм, 4-грамм, 5-грамм) символов и с использованием метода нейронных сетей [25]. Исследование отличается тем, что анализируемые сообщения не превышают 500 лексических единиц. Задачей исследователя является поиск наиболее точного определения автора, на основе разработанного алгоритма вероятных ошибок, возникающих в условиях малой выборки при поиске биграмм. Определяются три группы вероятных ошибок, позволяющих оптимизировать процесс установления гендера автора в компьютерной коммуникации:

1. False Acceptance Rate (FAR) – мера, в которой система неверно определяет истинного автора текста.

2. False Rejection Rate (FRR) – мера, где алгоритм не распознает автора сообщения.

3. Equal Error Rate (ERR) – точка, в которой FAR и FRR принимает равное значение и увеличивает точность определения автора анализируемого текста. Исследователь приходит к заключению, что любой частотный анализ n-грамм вызывает появление одной из вышеуказанных ошибок, но наиболее точными, в условиях ограниченной выборки, являются 5-граммы, где FRR = 14,71%, FAR = 13,93%.

В своей работе мы учитываем преимущества и недостатки вышеуказанных исследований и применяем формально-количественные методы поиска авторского инварианта, разработанные и используемые М. Аррой (M. Arroju) [26. С. 23–31] в анализе текстов компьютерной коммуникации.

Нашей основной задачей является выявление *групповых гендерных различий авторского инварианта в компьютерной коммуникации.* В качестве объекта исследования мы использовали текст компьютерной коммуникации из социальной сети «ВКонтакте», который представляет собой неформальную коммуникацию мужчин и женщин в возрасте 18–20 лет.

Данное исследование включало несколько этапов:

1. Сбор текстового материала и выборка реплик диалогов компьютерной коммуникации (далее – объекты) по гендерному принципу (мужские и женские).

2. Определение переменных, по которым будут оцениваться объекты в выборке, т.е. поиск признакового пространства.

3. Определение того, существуют ли статистически значимые различия между двумя независимыми группами по отобранным признакам.

4. Подсчет частоты лексических единиц в качестве значений признаков, составляющих вектор, для проведения неиерархического метода кластерного анализа (k-средних) в объектах исследования.

5. В качестве вывода выносим альтернативные гипотезы:

A. H_0 – выбранные группы не имеют значимых различий по исследуемому признаку.

B. H_1 – выбранные группы значимо различаются по исследуемому признаку.

Если эмпирическое значение равно или превышает теоретическое значение критерия, то отклоняем гипотезу H_0 и принимаем гипотезу H_1. Для расчета критериев применяем специализированные пакеты обработки статистических данных STATISTICA.

На первом этапе нами было собрано 19 диалогов *личных сообщений* (*межличностной коммуникации*) «Мужчина – Женщина». Общее количество информантов – 38 человек в возрасте 18–20 лет. Размер каждого диалога составил 150–200 Кб (Один диалог – около 10 страниц печатного текста). Все тексты были собраны в рамках учебной практики студентов отделения Фундаментальной и прикладной лингвистики Томского государственного университета, выполняемой под руководством автора статьи. Извлечение диалогов из социальных сетей осуществлялось с согласия их авторов, которые, в соответствии с нормами регламента Этического комитета междисциплинарных исследований ТГУ (http://lab.tsu.ru/ cognitivestudies/node/14) и в соответствии с Федеральным законом № 152 РФ «О персональных данных», были проинформированы о целях проводимого исследования и о гарантиях анонимности предоставленных персональных данных, после чего были заполнены «Формы информированного согласия», в структуру которых были включены метаданные участников диалогов: пол, возраст, социальный статус. Для дальнейшей статистической обработки все диалоги были разделены на файлы, содержащие мужские и женские реплики по 49–50 Кб каждая.

В исследуемых текстах нашей задачей является поиск характерных стилистических особенностей, гендерных маркеров стиля речи, принадлежащих мужчинам или женщинам.

На данном этапе были получены также общие количественные данные о мужских и женских репликах диалогов (таблица). Как видно из таблицы, в процессе коммуникации при одинаковых условиях женщины используют больше слов, однако, средняя длина предложения значительно меньше, чем у мужчин.

Следующий этап исследования заключался в поиске обоснованных переменных для проведения статистических исследований.

Данные о мужских (М) и женских (Ж) репликах диалогов

Показатель	Ж	М
Всего букв	214 829	165 667
Всего слов	47 966	37 988
Всего предложений	3 161	1 771
Средняя длина слова	4,479	4,361
Средняя длина предложения	15,174	21,450

В данной работе мы, поставив задачу выявления различий в принципах строения мужского и женского текста, ограничиваемся анализом использования местоимений. Основой выбора исследования местоимений послужили работы отечественных и зарубежных психологов, посвященных «Я-концепции» и самосознания в контексте общего развития личности. С точки зрения Л.С. Рубинштейна, «самосознание – осознание себя субъектом деятельности, сложное, интегративное, прижизненно формирующееся свойство психической деятельности личности, осознание собственных действий, результатов, поступков, мыслей, мотивов, ценностей, оценка себя и своего места в жизни» [27. С. 244].

Данная сложная структура психической деятельности объективируется в речевых практиках, в которых значимую роль играет позиционирование говорящим себя по отношению к другим участникам коммуникации. В лингвистических исследованиях местоимений учеными было доказано, что этот класс лексических единиц служит одним из значимых средств маркирования позиции говорящего по отношению к другим коммуникантам (Дж. Пеннебекер [28. С. 563–565], Е.М. Вольф [29. С. 112] и др.). В работах же по гендерной лингвистике обыло отмечено различие в использовании местоимений мужчинами и женщинами. Так, Б. Верховен (Ben Verhoeven) доказывает на материале мультилингвальных электронных корпусов текстов, что женщины используют местоимение «Я» чаще, чем мужчины [30. С. 1632–1633]. Подобное исследование проводилось А.Н. Барановым в статистическом анализе использования местоимений в художественных текстах [31. С. 235].

Вслед за вышеуказанными исследователями мы выдвигаем гипотезу, что использование местоимений в текстах коммуникации социальных сетей может быть маркером гендерных различий коммуникантов и выражает их «Я-позицию» в процессе коммуникации относительно участников диалога.

При анализе местоимений в текстах мы исходим из того, что местоимения имеют, во-первых, собственное внеконтекстное постоянное значение и, во-вторых, контекстуальное (ситуативное) значение, определяемое дейктической (указательной) функцией. Учет типов ведущей референции местоимений, используемых говорящим в том или ином дискурсе, может, по нашему мнению, свидетельствовать о важных аспектах коммуникативных установок говорящих. Для нас в данном аспекте важны противопоставление направленности субъектов коммуникации на себя или ориентация на партнера по коммуникации. Личные местоимения выступают одним из ярких показателей эгоцентричной или партнерской направленности наряду с другими словообразовательными, лексическими и синтаксическими средствами. Наиболее ярким маркером выражения эгоцентризма в речи является соотношение групп местоимений, производных супплетивных форм «я» (первого лица единственного числа) – мой, мое, моя, мне и т.д. (далее условно их будем именовать «группой местоимений первого лица единственного числа от “Я”»), а также представляет интерес позиция говорящего, выраженная в системе других местоимений.

Для проверки сформулированной гипотезы мы провели анализ частоты употребления местоимений в текстах нашей выборки.

Результат подсчета употреблений всех групп местоимений в совокупности начальных и косвенных падежных форм представлен в следующей диаграмме, отражающей среднее значение (mean) абсолютных чисел местоимений, использованных мужчинами (м) и женщинами (ж) в проанализированных текстах (рис. 2).

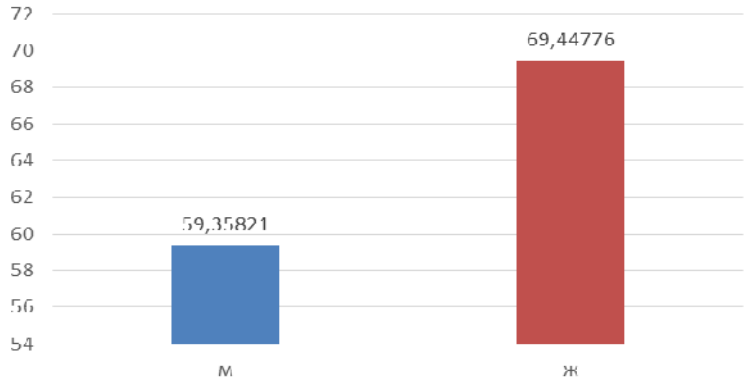

Рис. 2. Среднее значение (mean) абсолютных чисел использования местоимений в проанализированных текстах

Диаграмма абсолютных чисел доказывает, что женщины чаще используют местоимения в процессе коммуникации (рис. 2). Однако анализ показателей использования местоимений относительно общего количества слов проанализированных текстов показал противоположенный результат: мужчины чаще используют местоимения в тексте (рис. 3).

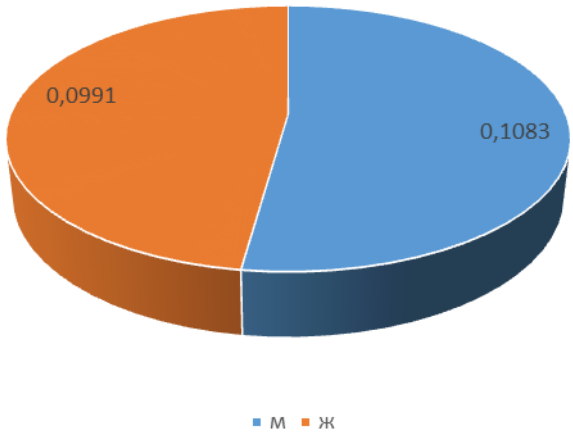

Рис. 3. Соотношение количества использованных местоимений и общего количества слов текста

Анализ относительных переменных также указывает на статистически значимые различия в использовании местоимений мужчинами и женщинами относительно общего числа слов в тексте. Учитывая экспоненциальную функцию распределения местоимений (Критерий $x^2 = 3{,}477$; $p = 0{,}324$), для проверки гипотезы был применен тест Уалда–Вольфовица. Изучив и проанализировав результат теста, мы приняли альтернативную гипотезу (H_1), где $Z = 1{,}97$; $p = 0{,}048$. Дальнейшим шагом анализа стала верификация различий в частоте использования местоимений мужчинами и женщинами относительно всех слов текста. Дисперсионный анализ ANOVA не выявил статистически значимых различий, что требует более детального изучения (рис. 4). Однако, как можно видеть на графике, совокупное количество использований местоимений всех групп хоть и незначительно, но преобладает в мужской коммуникации.

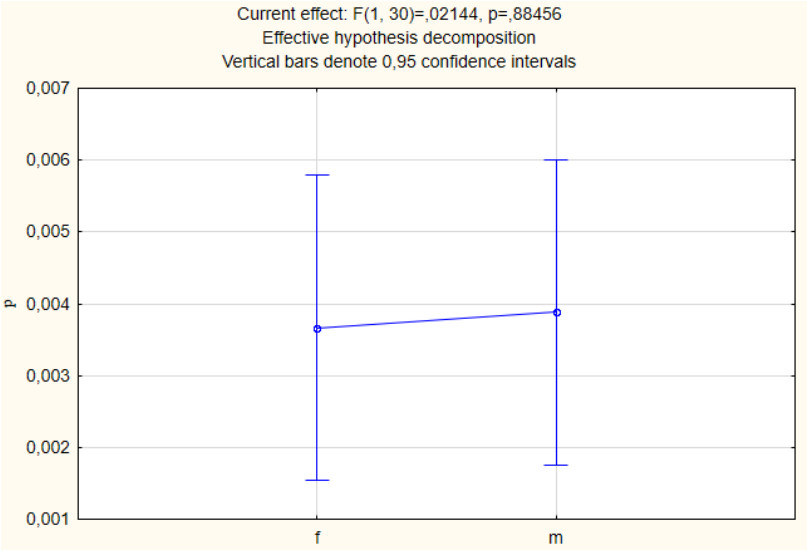

Рис. 4. Частота использования местоимений мужчинами и женщинами относительно общего числа слов в тексте

Учитывая значительные прагматические различия использования в коммуникации местоимений разных лексико-грамматических разрядов, мы выделили группы местоимений, противопоставленные по типу маркирования позиций коммуникантов в речи, и проанализировали частотность их употреблений в анализируемых текстах:

1. «Я-группа»: все словоформы местоимения 1-го лица ед. ч., а также словоформы притяжательного местоимения *мой*.

2. «Ты-группа»: все словоформы местоимения 2-го лица ед. ч., а также словоформы притяжательного местоимения *твой*.

3. «Мы-группа» – все словоформы местоимения 1-го лица мн. ч., а также словоформы притяжательного местоимения *наш*.

4. «Сам-группа» – все формы возвратных местоимений.

Для проверки значимости различия между средними в разных группах с помощью сравнения дисперсий, мы применили анализ ANOVA. Результаты анализа представлены на рис. 5. Знак * обозначает статистически значимое различие, M-F m – количество используемых местоимений соответствующей группы в текстах мужчин, M-F f – количество используемых местоимений в текстах женщин.

Как видно из рис. 5, обнаруживаются различия в распределении личных местоимений только «Я-группы» по отношению ко всем другим группам личных местоимений в текстах мужчин и женщин. Однако данные о частотности использования личного местоимения единственного числа свидетельствуют о том,

что в общении женщины возрастной группы 18–20 лет чаще используют группу местоимений «Я», в то время как использование местоимений других функционально-семантических групп не выявляет статистически значимых различий. Данные показатели говорят об эгоцентричной коммуникации женщин, а также эксклюзивности, т.е. направленности в процессе коммуникации на себя.

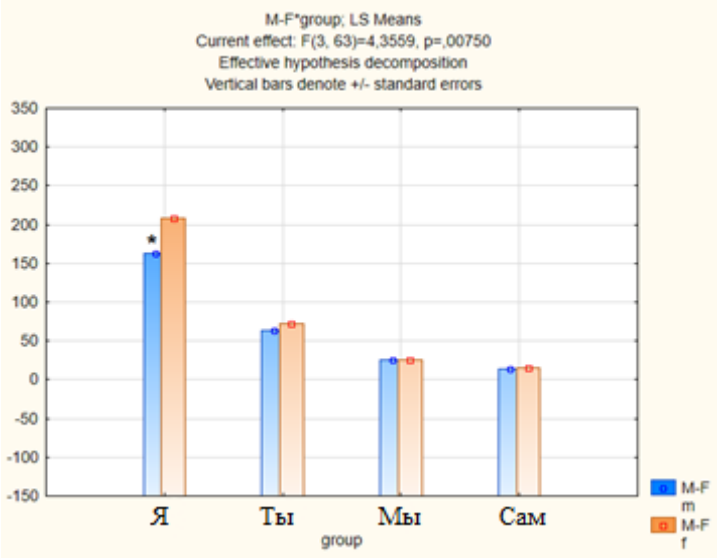

Рис. 5. Различия в использовании местоимений четырех функционально-семантических относительно общего числа слов в тексте

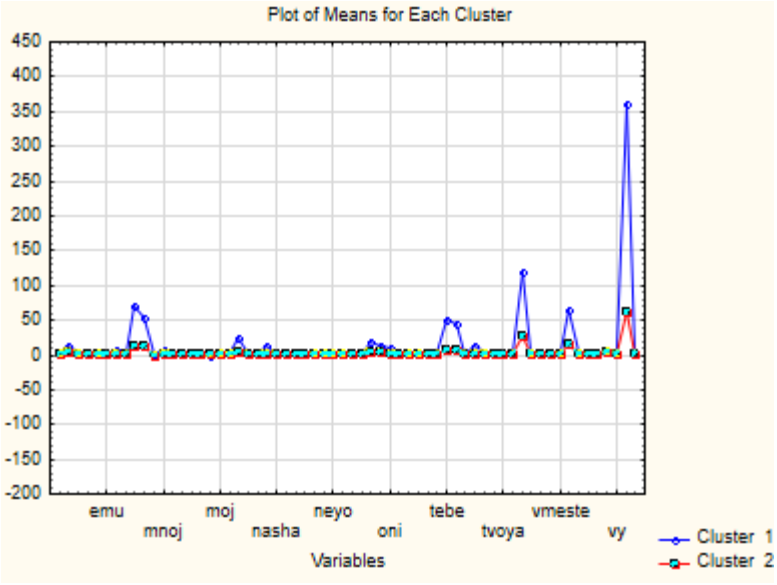

Рис. 6. Кластерный анализ местоимений

Достоверность результата была подтверждена при помощи многофакторного дисперсионного анализа ANOVA в коммуникативных группах местоимений. Анализ подтверждает статистически значимые различия в абсолютных числах в супплетивной группе местоимений «Я». P-значение удовлетворяет условию $p < 0{,}05$, где $F = 4{,}36$; 1; $p = 0{,}0075$, что позволяет принять гипотезу H_1. Для подтверждения гипотезы мы провели дополнительный статистический анализ полученных данных. Во-первых, мы установили, что распределение является непараметрическим и, во-вторых, выбрали наиболее подходящий критерий проверки гипотезы – U-критерий Манна–Уитни, который используется для оценки различий между двумя независимыми выборками (мужчины и женщины) по уровню какого-либо признака (местоимения), измеренного количественно. Вычисленный критерий составил $p = 0{,}0169$. Так как вычисленное значение критерия меньше установленного 0,05, нулевая гипотеза (H_0) отвергается на выбранном уровне значимости и различия между выборками признаются статистически значимыми. Таким образом, вывод о существовании различий, сделанный с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни, подтверждается с помощью данного непараметрического метода, а значит, нами установлено, что имеются существенные различия использования мужчинами и женщинами местоимений в компьютерной коммуникации.

Валидность эксперимента подтверждает также однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, сравнивающий выборку употребления средних показателей местоимений ($p = 0{,}0252$), что также позволило отклонить нулевую гипотезу о равенстве дисперсий в изучаемых группах. Р-значение удовлетворяет условию $p < 0{,}05$, где $F = 7{,}53$; 1; $p = 0{,}025$.

Проведение кластерного анализа для выявления различий в использовании местоимений в исследуемом типе текстов мужчинами и женщинами не дало положительного результата. Исходные данные нашей задачи были представлены также в виде строковых типов переменных по 49–50 Кб отдельно попарно для женской и мужской коммуникации, хранимой в файле Microsoft Word. Данные были импортированы в среду STATISTICA, где подверглись предварительной обработке. Обработка заключалась в удалении всех лексических единиц, кроме местоимений. Выяснилось, что кластеры присваивались в зависимости от стиля и объема диалога между коммуникантами, но эти данные нестабильны и требуют дальнейшего исследования, а использование местоимений не было проинтерпретировано в качестве релевантно значимых признаков (см. рис. 6).

Таким образом, проведение статистического анализа использования местоимений в компьтерно-опосредствованной коммуникации (общение в социальной сети «ВКонтакте») позволяет сделать выводы об отсутствии статистически значимых различий в использовании местоимений в совокупности всех разрядов данной части речи, но выявляется значимое статистическое различие в использовании местоимений Я-группы, что согласуется с ранее сделанными в гендерной лингвистике выводами о более выраженной эгоцентричной направленности женской коммуникации, однако необходимо выявление групп лексики других лексико-грамматических классов, способных выявить данный аспект коммуникативных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Patrick Juola. How a Computer Program Helped Show J.K. Rowling write A Cuckoo's Calling. Author of the Harry Potter books has a distinct linguistic signature // Scientific American. 2013. P. 24–29.
2. Maciej Eder, Jan Rybicki. Go Set A Watchman while we Kill the Mockingbird in Cold Blood, with Cats and Other People // Digital Humanities. Krakow, 2016. P. 184–186.
3. Мартыненко Г.Я. Основы стилеметрии. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. 173 с.
4. Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В. О выборе признаков текста, релевантных в авторoведческой экспертной деятельности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 38–52.
5. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. М. : Изд-во РГИУ, 2007. 456 с.
6. Антонова И. Анализ количества деловой информации как инструмент маркетинга // Информационные ресурсы России. 2003. № 5. С. 18–20.
7. Марусенко М.А. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 164 с.
8. Гилилов И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М. : Междунар. отношения, 2007. 536 с.
9. Рогов А.А., Гурин Г.Б., Котов А.А., Сидоров Ю.В., Суровцова Т.Г. Программный комплекс СМАЛТ // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции : тр. X Всерос. науч. конф. «RCDL'2008». Дубна, 2008. 160 с.
10. Поликарпов А.А., Поддубный В.В., Кукушкина О.В., Кубарев А.И., Варламов А.А., Суровцева Е.В., Пирятинская Е.Ф. Комплексная тексто-аналитическая система «СтилеАнализатор-2», основанная на Web-технологиях: разработка, наполнение данными и тестирование на прикладных задачах. М., 2013. 66 с.
11. Милов Л.В. От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М. : Прогресс, 1994. С. 356.
12. Фоменко В.П. Авторский инвариант русских литературных текстов // Фоменко В.П., Фоменко Т.Г. Новая хронология Греции. Античность в Средневековье. М. : Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования Моск. гос. ун-та, 1996. Т. 2. С. 820.
13. Хмелев Д.В. Классификация и разметка текстов с использованием методов сжатия данных. Краткое ведение. URL: http://compression.graphicon. ru/download/articles/classif/intro.html, свободный (дата обращения: 16.09.2016).
14. Azarbonyad H. Time-Aware Authorship Attribution for Short Text Streams // Proceedings of the 38th International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval. N.Y., 2015. P. 727–730.
15. Литвинова Т.А. Русский письменный текст как носитель информации об индивидуально-личностных характеристиках его автора (на материале корпуса текстов нового типа Personality) // Известия ВГПУ. Сер.: Педагогические науки; Гуманитарные науки. 2015. Т. 266, № 1. С. 196–198.
16. Поршнева О.С. К вопросу об атрибуции текстов записей солдатских разговоров // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер» / отв. ред. Л.И. Бородкин. М., 2002. № 30. С. 31–44.
17. Хьетсо Г. Кто написал «Тихий Дон»? М. : Книга, 1989. 186 с.
18. Дроздова Т.Н. Диагностические и классификационные задачи в авторoведческой экспертизе блогов // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2 (15). С. 394–404.
19. Романов А.С. Методика и программный комплекс для идентификации автора неизвестного текста : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Томск, 2010. 130 с.
20. Мамаев М.М. Гендерная атрибуция переводных текстов как специфический случай исследования языкового сознания автора // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2015. № 2. С. 25–31.
21. Mukherjee A., Liu B. Improving Gender Classication of Blog Authors // Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, 2010. P. 32–38.
22. Yan X., Yan L. Gender Classification of Weblog Authors // Computational Approaches to Analyzing Weblogs. AAAI, 2006. P. 18–26.
23. Shlomo Argamon Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts // Shlomo Argamon, Moshe Koppel, Jonathan Fine, Anat Rachel Shimoni Springer, Sex Roles. 2010 Jun. № 62 (11–12). P. 705–720.
24. Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В. Задачи авторской атрибуции текста в аспекте гендерной принадлежности (к проблеме междисциплинарного взаимодействия лингвистики и информатики) // Вестник Томского государтсвенного универистета. 2013. № 370. С. 24–28.
25. Marcelo Luiz. Brocardo Authorship Verification for Short Messages using Stylometry, 2014. URL: https://www.deepdyve.com/lp/institute-of-electrical-and-electronics-engineers/authorship-verification-for-short-messages-using-stylometry-JM5XWbkHyN (дата обращения: 7.07.2016).
26. Arroju M. Age, Gender and Personality Recognition using Tweets in a Multilingual Setting // 6th Conference and Labs of the Evaluation Forum (CLEF 2015): Experimental IR meets multilinguality, multimodality, and interaction, 2015. P. 23–31.
27. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. : Педагогика, 1989. Т. 1. 720 с.

28. Pennebaker J.W., MR Mehl K.G. Niederhoffer Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves // Annual review of psychology. 2003. P. 548–571.
29. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М. : Наука, 1974. 223 с.
30. Verhoeven B.C. TWISTY: A Multilingual Twitter Stylometry Corpus for Gender and Personality Profiling // Ben Verhoeven, Walter Daelemans and Barbara Plank CLiPS Research Center, University of Antwerp, Belgium University of Groningen, The Netherlands, 2015. P. 1632–1637.
31. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 347 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 января 2017 г.

GENDER ATTRIBUTION IN SOCIAL NETWORK COMMUNICATION: THE STATISTICAL ANALYSIS OF PRONOUNS FREQUENCY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 17–25.
DOI: 10.17223/15617793/415/3
Andrey A. Stepanenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepanenkone@mail.ru
Keywords: network communication; statistics; authorship attribution; gender.

Authorship attribution in literature is one of the rapidly developing areas in linguistics, which was formed 40 years ago. Today it combines different methods of science: linguistics, logic, mathematics. The combination of methods has allowed using their variety, which could increase accuracy in authorship attribution of the text. However, the main problem of this field is connected with choosing initial criteria and indicators during quantitative text analysis. This article describes the modern criteria for the text analysis of markers based on the frequency determination of the syntactic units, phraseological and stylistic levels. Unlike art texts, network communication is not structured and it has a small size. In this aspect, the problem of network text analysis is more focused on the marker identification of group speakers than on author's individual invariant. Therefore, modern research in text attribution needs method transformation taking into account the above problems. In this article, the author adapts quantitative linguistics methods of art text attribution taking into account differences in using gender markers during computer communication. This research consisted of the following stages: 1) collection of text material and grouping of computer communication dialogues by gender (male and female); 2) choice of variables the objects are assessed by in the sample, i.e. search for the attribute space on the gender basis; 3) analysis of statistically significant differences between the two independent groups in selected attributes. The attributes include pronouns as gender markers which express differences in I-positions in communication. To identify gender differences in the expression of I-positions, the author analyzed informal dialogues from the social network VKontakte. All texts represented informal communication between men and women (18–20 y.o.). The total number of respondents was 38 people. The size of each dialogue was about 150-200 KB (one conversation made up 10 printed pages). To find statistically significant values in the dialogues, they were divided into files containing male and female lines (49–50 KB each). Personal pronouns in the texts were marked and classified into several groups. The hierarchical cluster analysis method (k-means) was used as the main method for the research objects. The results of the statistical analysis showed differences in the distribution of personal pronouns in "I-group". However, the frequency of the use of the personal pronoun in the singular suggests that women aged 18–20 use more "I-group" pronouns, while the use of pronouns other functional-semantic groups did not reveal statistically significant differences. These figures showed that women's communication is more self-centered and exclusive. The further object of the search is a quantitative analysis of emotional markers in communication and building a classifier.

REFERENCES

1. Juola, P. (2013) How a Computer Program Helped Show J.K. Rowling write A Cuckoo's Calling. Author of the Harry Potter books has a distinct linguistic signature. *Scientific American*. August 20. pp. 24–29.
2. Eder, M. & Rybicki, J. (2016) Go Set A Watchman while we Kill the Mockingbird in Cold Blood, with Cats and Other People. *Digital Humanities*. Krakow. pp. 184–186.
3. Martynenko, G.Ya. (1988) *Osnovy stilemetrii* [Basics of stylemetry]. Leningrad: Leningrad State University.
4. Rezanova, Z.I., Romanov, A.S. & Meshcheryakov, R.V. (2013) Selecting text features relevant for authorship attribution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (26). pp. 38–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/26/4
5. Aver'yanov, L.Ya. (2007) *Kontent-analiz* [Content analysis]. Moscow: RGIU.
6. Antonova, I. (2003) Analiz kolichestva delovoy informatsii kak instrument marketinga [Analysis of the amount of business information as a marketing tool]. *Informatsionnye resursy Rossii*. 5. pp. 18–20.
7. Marusenko, M.A. (1990) *Atributsiya anonimnykh i psevdonimnykh literaturnykh proizvedeniy metodami raspoznavaniya obrazov* [The attribution of anonymous and pseudonymous literary works by methods of image recognition]. Leningrad: Leningrad State University.
8. Gililov, I.M. (2007) *Igra ob Uil'yame Shekspire, ili Tayna Velikogo Feniksa* [The Shakespeare Game, or The Mystery of the Great Phoenix]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
9. Rogov, A.A. et al. (2008) [SMALT software package]. *Elektronnye biblioteki: perspektivnye metody i tekhnologii, elektronnye kollektsii* [Digital Libraries: Advanced Methods and Technologies, Digital Collections]. Proceedings of the Xth all-Russian conference "RCDL'2008". Dubna.
10. Polikarpov, A.A. et al. (2013) *Kompleksnaya teksto-analiticheskaya sistema "StileAnalizator-2", osnovannaya na Web-tekhnologiyakh: razrabotka, napolnenie dannymi i testirovanie na prikladnykh zadachakh* [Integrated text-analytical system "StileAnalizator-2" based on Web-technologies: the development, filling and testing of data on applied problems]. Moscow.
11. Milov, L.V. (1994) *Ot Nestora do Fonvizina. Novye metody opredeleniya avtorstva* [From Nestor to Fonvizin. New methods for authorship attribution]. Moscow: Progress.
12. Fomenko, V.P. (1996) Avtorskiy invariant russkikh literaturnykh tekstov [Author invariant of Russian literary texts]. In: Fomenko, V.P. & Fomenko, T.G. *Novaya khronologiya Gretsii. Antichnost' v srednevekov'e* [New Chronology of Greece. Antiquity to the Middle Ages]. Vol. 2. Moscow: Teaching and Research Center of pre-university education of Moscow State University.
13. Khmelev, D.V. (2003) *Klassifikatsiya i razmetka tekstov s ispol'zovaniem metodov szhatiya dannykh. Kratkoe vvedenie* [Classification and text layout using data compression techniques. Brief introduction]. [Online] Available from: http://compression.graphicon.ru/download/articles/classif/intro.html. (Accessed: 16 September 2016).
14. Azarbonyad, H. (2015) Time-Aware Authorship Attribution for Short Text Streams. *Proceedings of the 38th International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval*. N.Y. pp. 727–730.
15. Litvinova, T.A. (2015) Russian written text as a source of the information on the personality of its author (on the material of text corpus of the "personality" new type). *Izvestiya VGPU. Ser.: Pedagogicheskie nauki; Gumanitarnye nauki – Izvestia VGPU. Pedagogical Sciences, The Humanities*. 266:1. pp. 196–198. (In Russian).

16. Porshneva, O.S. (2002) K voprosu ob atributsii tekstov zapisey soldatskikh razgovorov [On the attribution of texts of soldier conversation records]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*. 30. pp. 31–44.
17. Kjetsaa, G. (1989) *Kto napisal "Tikhiy Don"?* [The Authorship of the Quiet Don]. Translated from English. Moscow: Kniga.
18. Drozdova, T.N. (2010) Diagnosticheskie i klassifikatsionnye zadachi v avtorovedcheskoy ekspertize blogov [Diagnostic and classification problems in authorship examination of blogs]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2 (15). pp. 394–404.
19. Romanov, A.S. (2010) *Metodika i programmnyy kompleks dlya identifikatsii avtora neizvestnogo teksta* [Methods and software system for the identification of the author of an unknown text]. Abstract of Engineering Cand. Diss. Tomsk.
20. Mamaev, M.M. (2015) Gender attribution of translated texts as a specific case of study of an author's linguistic consciousness. *Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika – Bulletin MGOU. Series "Linguistics"*. 2. pp. 25–31.
21. Mukherjee, A. & Liu, B. (2010) Improving Gender Classification of Blog Authors. *Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. pp. 32–38.
22. Yan, X. & Yan, L. (2006) Gender Classification of Weblog Authors. *Computational Approaches to Analyzing Weblogs*. AAAI. pp. 18–26.
23. Argamon, Sh. et al. (2010) Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts. *Text.* 23:3. pp. 321–346. DOI: https://doi.org/10.1515/text.2003.014
24. Rezanova, Z.I., Romanov, A.S. & Meshcheryakov, R.V. (2013) Tasks of author attribution of text in the aspect of gender (on interdisciplinary interaction of linguistics and computer science). *Vestnik Tomskogo gosudartsvennogo univeristeta – Tomsk State University Journal*. 370. pp. 24–28. (In Russian).
25. Brocardo, M.L. (2014) *Authorship Verification for Short Messages using Stylometry*. [Online] Available from: https://www.deepdyve.com/lp/institute-of-electrical-and-electronics-engineers/authorship-verification-for-short-messages-using-stylometry-JM5XWbkHyN. (Accessed: 7 July 2016).
26. Arroju, M. (2015) Age, Gender and Personality Recognition using Tweets in a Multilingual Setting. *6th Conference and Labs of the Evaluation Forum (CLEF 2015): Experimental IR meets multilinguality, multimodality, and interaction*. pp. 23–31.
27. Rubinshteyn, S.L. (1989) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
28. Pennebaker, J.W., Mehl, M.R. & Niederhoffer, K.G. (2003) Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves. *Annual Review of Psychology*. 54:1. pp. 548–571.
29. Vol'f, E.M. (1974) *Grammatika i semantika mestoimeniy* [Grammar and semantics of pronouns]. Moscow: Nauka.
30. Verhoeven, B.S. et al. (2016) *TWISTY: A Multilingual Twitter Stylometry Corpus for Gender and Personality Profiling.* LREC 2016, Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation. pp. 1632–1637.
31. Baranov, A.N. (200) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow: Editorial URSS.

Received: 19 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 26–31. DOI: 10.17223/15617793/415/4

УДК 81’373

А.Л. Хлебникова

ГЕНДЕРНЫЕ МЕТАФОРЫ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Охарактеризованы гендерные стереотипы о «типично мужском» и «типично женском» – поведении, внешнем виде, характере мужчины и женщины, которые отражаются в системе гендерных оценочных метафор в русском и английском языках. В фокусе исследования находятся разные типы оценок, которые выражаются метафорическими номинациями человека в системах двух языков, формирующие метафорически выраженный ценностный фрагмент языковой картины мира. Установлено, что ядро этого фрагмента и в русском, и английском языках составляют эстетические и этические оценки, на периферии находятся интеллектуальные, нормативные и эмоциональные оценки.

Ключевые слова: гендерная метафора; гендерный стереотип; нормативная картина мира; общая оценка; частная оценка.

Гендер как совокупность социальных и культурных норм является предметом внимания большого количества исследователей. Гендерная лингвистика изучает гендер в двух аспектах: отражение гендера в особенностях речевого поведения, в устной и письменной речи мужчин и женщин (Дж. Коатс, Р. Лакофф, Д. Таннен, А.В. Анищенко, Е.А. Земская, А.В. Кирилина, М.В. Китайгородская, Р.К. Потапова, Н.Н. Розанова, С.К. Табурова), а также отражение гендерных смыслов и стереотипов в лексиконе, синтаксисе, грамматике (О.А. Васькова, А.А. Григорян, И.В. Зыкова, В.Н. Телия, В.П. Пылайкина, А.М. Шахмайкин, М.А. Кронгауз). Наиболее ярко лексическая репрезентация гендерных оппозиций и стереотипов проявляется в лексических метафорических номинациях.

В фокусе нашего исследования находятся гендерные стереотипы о «типично мужском» и «типично женском» – поведении, внешнем виде, характере мужчины и женщины, которые отражаются в системе гендерных метафор. Гендерная метафора вслед за З.И. Резановой определяется нами как «метафорические именования мужчин и женщин, выступающие в качестве средства маркирования “типично женских” и “типично мужских” качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов» [1. С. 48].

В предыдущих исследованиях мы рассмотрели особенности метафорического моделирования образов человека, мужчины и женщины в русском и английском языках, а именно степень и характер общности в аспекте направлений метафорической характеристики, тип актуализируемых сфер-источников [2, 3].

Данное исследование проводится на том же материале – метафоры, называющие человека, извлеченные методом сплошной выборки из толковых словарей русского и английского языков [4–8], в том числе онлайн-словарей [9–11]. В дальнейшем в текстовом анализе мы приводим дефиниции с учетом их толкований только при наличии второго переносного значения в обозначенных словарях (перевод английских метафор и их толкований сделан мною. – *А.Х.*). Объем выборки насчитывает 409 и 497 номинаций, именующих человека в русском и английском языках соответственно.

Данные метафоры относятся к группе предикатных оценочно-экспрессивных метафор [12. С. 199]. Так, говоря о ком-то *Он – медведь*, говорящий имеет в виду: *Он неуклюж, как если бы он был медведем*, при этом считая, что это плохо. Согласно В.Н. Телия, здесь присутствуют три модуса: модус фиктивности (*как если бы*), оценочный (*это плохо*) и эмотивный (*это вызывает отрицательное отношение*). Таким образом, оценочно-экспрессивная метафора в большей степени основана на подобии, а не на тождестве, и оценочный компонент такой метафоры актуализирует черты определенного квазистереотипа, присущего той или иной культуре [12. С. 200].

В современной когнитивной лингвистике пристальное внимание уделяется изучению тесной связи метафоры и оценки. Метафора рассматривается как когнитивный механизм интерпретации действительности, а оценивание, в свою очередь, определяется как один из ключевых компонентов когнитивной деятельности человека. Многочисленные работы лингвистов подтверждают тот факт, что метафора – универсальный механизм выражения оценочных значений (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Л.И. Ермоленкина, Т.В. Маркелова, Т.В. Писанова, В.Н. Телия и др.).

Оценочная деятельность человека распространяется на весь мир: познавая мир, человек не просто отражает в языке существование каких-либо явлений и предметов, но и выражает свое отношение к ним. Таким образом, языковая модель мира включает в себя дескриптивный и оценочный компоненты. «Пропуская» мир через себя, человек находится в фокусе оценочной деятельности, и, по словам Н.Д. Арутюновой, «оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир» [13. С. 181].

Оценивание опирается на понятие ценности, под которой понимается положительная или отрицательная значимость какого-либо предмета, ситуации, события, процесса и т.д. для конкретного человека, социальной группы или народа. Ценностная система фиксирует представления о норме (ценности) и отклонениях от нее (антиценности). Оценка, в свою очередь, – это всегда установление отношения объекта к норме или отклонения от нормы в положительную или отрицательную сторону. Обычно нормы считаются независимыми от оценок функциями языка, но, по мнению А.А. Ивина, нормы являются частным случаем оценок [14. С. 205].

При анализе гендерных метафор русского и английского языков выявляются метафорические фрагменты ценностной картины мира двух культур. Ценностный фрагмент языковой картины мира – это си-

стема оценочного отношения человека в мире, отраженная в системе языка. Л.Г. Ефанова выделяет нормативную картину мира в качестве одной из ключевых составляющих ценностной картины мира. Согласно Л.Г. Ефановой, нормативная картина мира – это «отраженная в семантике языковых единиц разных уровней система социально обусловленных и регулярно выражаемых средствами данного языка представлений о том, каким должен быть человек, социум и весь окружающий его мир для того, чтобы получить со стороны социального субъекта положительную оценку и не вызвать у него неодобрительного отношения» [15. С. 103].

Одной из особенностей нормативной картины мира является то, что наиболее часто в фокусе оценивания находятся ситуации, связанные с отклонениями от нормы. К основным разновидностям нормативных оценок помимо стандарта, образца и идеальных норм, относится стереотип – бессознательно сформировавшееся представление о каком-либо явлении, его типичных свойствах, признаках, условиях возникновения. В языке представление о стереотипе в основном выражается через описание ситуации, не соответствующей норме, например, *высокий – низкий* (содержание стереотипа: среднего роста) [16. С. 38].

Если мы исходим из того, что разные типы норм – это основание оценки, то нормативная картина мира – это основание ценностной картины мира, иными словами, она лежит в основе ценностной картины мира. Система норм складывается из оценок. Анализируя метафорические именования человека, мы идем от оценочной картины мира к нормативной (скрытой за оценочной), выявляя различные стандарты. Через фиксацию отклонений можно выявить стереотипы роста, полноты, пропорций лица и т.д.

Являясь универсальной языковой категорией, оценка выражает отношение говорящего к объекту действительности, устанавливая ценность данного объекта, на основании соотнесения с разными типами норм. В языке существуют два основных типа оценочных значений: общеоценочные и частнооценочные. Первый тип значений выражается прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с различными стилистическими и экспрессивными оттенками, например *замечательный*, *превосходный*, *скверный*, *дурной*. Группа частнооценочных значений более разнообразна – она включает значения, которые дают оценку одному из аспектов объекта, и выражается прилагательными нескольких семантических групп [13. С. 198].

В нашем исследовании мы придерживаемся классификации частнооценочных значений Н.Д. Арутюновой, согласно которой частные оценки делятся на следующие категории: 1) **сенсорно-вкусовые**, или **гедонистические** (*приятный – неприятный*); 2) **психологические**, которые делятся на а) **интеллектуальные** (*недалекий, малограмотный*) и б) **эмоциональные** (*радостный, восторженный, приятный*); 3) **эстетические** (*прекрасный – безобразный, красивый – некрасивый, уродливый*); 4) **этические** (*моральный – аморальный, добрый – злой, жестокий*); 5) **утилитарные** (*полезный – вредный*); 6) **нормативные** (*здоровый – больной*); 7) **телеологические** (*целесообразный – нецелесообразный*) **оценки** [13. С. 198–200].

Наша задача – выявить фрагмент ценностной, а через ее посредство – нормативной этноязыковой картины мира, выраженный в системе метафорических номинаций человека, установить наличие или отсутствие гендерно маркированной асимметрии в формировании стереотипов оценки человека в двух лингвокультурах.

Отталкиваясь от метафорических номинаций, фиксирующих оценки – положительные и отрицательные, мы выявляем непосредственно ценности – круг того, что получает положительную оценку разного рода, т.е. фрагмент нормативной картины мира – состав стереотипов, отклонения от которых фиксируются, и антинорм – то, что получает отрицательную оценку. Характеризуя метафорическое моделирование системы оценок мужчины и женщины в русской и английской языковых картинах мира, выделяя типы оценок, выражаемых гендерными метафорами двух языков, описывая аспекты, которые чаще всего подвергаются оценке, мы выявляем систему норм и стереотипов, лежащих в их основании.

Метафора служит средством выражения как общей, так и частной оценок. Необходимо отметить, что группа метафор, выражающих общую оценку (хороший или плохой), когда мотив оценки не важен, представлена небольшим количеством единиц, например *богиня* ‘о предмете поклонения, о любимой, обожаемой женщине’, *голубь* ‘ласковое название мужчины’. Метафоры с частнооценочными значениями выделяются как своим количеством, так и разнообразием оснований (т.е. норм, стереотипов, идеалов) оценок. Рассмотрим подробнее типы частных оценок гендерных метафор в двух языках.

Как было отмечено ранее, процедура оценивания в языке тесно связана с нормативной картиной мира, отличительной чертой которой является то, что чаще всего в фокусе оценивания оказываются ситуации, фиксирующие отклонение от нормы.

При метафорическом моделировании образов мужчины и женщины в двух языках доминируют **эстетические** (*sylph* (*сильфида*) ‘высокая стройная грациозная девушка’; *геркулес* ‘мужчина, обладающий необыкновенной физической силой и атлетическим сложением’[1]; *кикимора* ‘об уродливой или некрасиво одетой женщине’) и **этические** (*гадюка* ‘о злой, язвительной женщине’; *gentleman* (*джентльмен*) ‘вежливый и честный мужчина, который принимает во внимание потребности других людей’; *fury* (*фурия*) ‘злая злобная женщина’) оценки. Группа **интеллектуальных оценок** представлена небольшим количеством метафорических номинаций, например, *тетёха* ‘глуповатая, несообразительная, необразованная женщина’, *ape* (*примат*) ‘грубый глупый мужчина’; *гусыня* ‘о нерасторопной, глупой женщине’.

Иными словами, среди аспектов, которые наиболее часто подвергаются оценке, можно выделить внешность мужчины или женщины (эстетические оценки), характер и поведение, связанные с их моральными качествами (этические оценки), а также ум или отсутствие такового (психологические интеллектуальные оценки).

В русском языке довольно большую группу составляют также **нормативные оценки,** которые фиксируют отклонения от нормы или стандарта, например, метафоры *паж* ‘о мужчине, преданно ухаживающем за женщиной’; *донжуан* ‘покоритель женских сердец, соблазнитель и обольститель’; *жеребец* ‘о мужчине, до неприличия откровенно проявляющем свои физиологические наклонности’ выражают отклонения от норм социального поведения. Нормативные оценки в английском языке представлены гораздо меньшим количеством метафор, например, *sheik* (*шейх*) ‘мужчина, уделяющий большое внимание своему внешнему виду’; *manikin* (*манекен*) ‘мужчина очень маленького роста’; *amazon* (*амазонка*) ‘высокая сильная женщина’. Как видно из примеров, метафорические номинации фиксируют отклонения от стандартов внешнего вида, роста. Ниже данные отклонения от норм будут рассмотрены подробнее.

Группа **эмоциональных оценок** также представлена в двух языках, но, что характерно, выражается метафорическими номинациями, описывающими только женщину: *doll* (*кукла*) ‘симпатичная, но безэмоциональная или необразованная женщина’; *filly* (*молодая кобыла*) ‘веселая энергичная девочка или молодая женщина’; *коза* ‘о резвой, бойкой девочке, девушке’; *кукла* ‘о бездушном, пустом человеке (чаще женщине)’. Данный факт, вероятно, объясняется бо́льшей эмоциональностью женщины по сравнению с мужчиной.

В русском языке также была выделена небольшая группа метафор, выражающих общую оценку (плохой – хороший), например *богиня* ‘о предмете поклонения, о любимой, обожаемой женщине’; *муза* ‘источник поэтического вдохновения, обычно олицетворяемый в образе женщины’; *птаха* ‘ласковое название ребенка, девушки, женщины’; *голубь* ‘ласковое название мужчины’.

Важно отметить, что при метафоризации образов мужчины и женщины в двух языках отсутствуют утилитарные, гедонистические и телеологические оценки.

Процентное соотношение разных типов оценок, выражаемых в метафорических номинациях двух языков, представлено в таблице.

Соотношение типов оценок, выражаемых в метафорических номинациях английского и русского языков

Тип оценок, выражаемых в гендерных метафорах	Русский язык		Английский язык	
	Метафорические именования мужчин	Метафорические именования женщин	Метафорические именования мужчин	Метафорические именования женщин
Эстетические	7 (29%)	48 (33%)	16 (28%)	18 (25%)
Нормативные	12 (50%)	30 (21%)	8 (14%)	2 (3%)
Этические	2 (9%)	39 (27%)	24 (42%)	35 (48%)
Интеллектуальные	2 (8%)	10 (7%)	9 (16%)	4 (5%)
Эмоциональные	0	11 (7%)	0	14 (19%)
Общая оценка	1 (4%)	8 (5%)	0	0

Перейдем к более детальному описанию доминирующих групп частных оценок.

1. **Эстетическая оценка** связана с идеалом, представлением о прекрасном. Ядро данной группы составляют чисто эстетические оценки, выражающие представления о красоте, например *херувим* ‘красивый юноша или ребенок’; *сокол* ‘юноша, мужчина, отличающиеся красотой’; *фея* ‘красивая, очаровательная женщина’; *rosebud* (*бутон розы*) ‘симпатичная молодая женщина’; *роза* ‘миловидная, цветущая женщина’; *штучка* ‘о красивой женщине’; *ягодка* ‘хорошенькая девочка’. Отклонения от стандарта красоты фиксируют такие метафоры, как *crow* (*ворона*) ‘старая или безобразная женщина’, *dog* (*собака*) ‘непривлекательный человек, чаще о женщине’, *жаба* ‘некрасивая женщина’.

Как видно из примеров, в фокусе метафорического моделирования находится сама оценка, при этом дескриптивный аспект либо отсутствует, либо включает признак возраста мужчины или женщины. Очевидно, что старость ассоциируется с непривлекательной внешностью, поэтому, если женщина некрасивая, то обычно старая (*crow* (*ворона*)), а молодость – с красотой (*rosebud* (*бутон розы*)). На периферии группы эстетических оценок находятся нормативные оценки. Такие оценки фиксируют несоответствия различным стереотипам внешнего вида (среднего телосложения, полноты, роста, внимания к своей внешности), например, *геркулес* ‘мужчина, обладающий необыкновенной физической силой и атлетическим сложением’; *кабан* ‘о грузном, толстом мужчине’; *Samson* (*Самсон*) ‘крупный сильный мужчина’; *газель* ‘стройная, грациозная девушка’; *лошадь* ‘крупная женщина’; *sylph* (*сильфида*) ‘высокая стройная грациозная девочка или девушка’. На первый план здесь выходит дескриптивный компонент, а оценка связана с тем, в какую сторону происходит отклонение от нормы – в положительную или отрицательную.

2. Группа **этических оценок** охватывает целый ряд аспектов поведения, характера, душевных качеств мужчины и женщины. Поведение мужчины в русском языке оценивается в аспекте его смелости (*сокол* ‘юноша, мужчина, отличающиеся красотой, смелостью, удалью’), безнравственного поведения (*кот* ‘о похотливом, сластолюбивом мужчине’). В английском языке образ мужчины оценивается гораздо разнообразнее – в фокусе оценивания находятся его полигамные отношения с женщиной (*goat* (*козел*) ‘распутный мужчина’; *Romeo* (*Ромео*) ‘мужчина, который старается иметь сексуальные отношения с разными женщинами’), грубость и жестокость (*pup* (*щенок*) ‘грубый неприятный молодой человек’; *caveman* (*пещерный человек*) ‘мужчина, который ведет себя глупо, грубо или жестоко’), слабость и трусость (*pansy* (*фиалка*) ‘о слабом, трусливом мужчине, который проявляет черты характера, типичные для женщины’), воспитанность и честность (*gentleman* (*джентльмен*) ‘вежливый и честный мужчина, который принимает во внимание потребности других людей’).

Образ женщины в аспекте ее душевных качеств представлен более многогранно в обоих языках. В фокусе оценивания находятся такие качества, как хитрость (*тигрица* ‘умная, хитрая женщина, ведущая себя независимо’), злой, жестокий характер (ведьма ‘о злой, сварливой женщине’; *harpy* (*гарпия*) ‘злая женщина со свирепым нравом’), грубость (*кувалда* ‘о неуклюжей, грубой, неотесанной женщине’; *bitch* (*самка животного*) ‘грубая или жестокая женщина’), легкомысленность (*финтифлюшка* ‘о пустой, легкомысленной женщине, думающей только о нарядах, развлечениях и т.п.’), властность (*командирша* ‘женщина властная, любящая приказывать’; *battleaxe* (*боевой топор*) ‘деспотическая властная женщина, бой-баба’), склонность к распространению сплетен (*кумушка* ‘любительница пересудов, сплетница’; *hen* (*курица*) ‘женщина, которая сует нос в чужие дела, сплетница’).

Как показал анализ, среди гендерных метафор можно выделить большую группу оценочных наименований, которые фиксируют отклонение от стереотипов, принятых в обществе. Л.Г. Ефанова в одной из своих работ описала основные виды стереотипов, которые проявляются в семантике языковых единиц. По мнению автора, самыми распространенными являются стереотипы, зафиксированные в производных и непроизводных словах, фразеологических единицах, обозначающих разнообразные отклонения от норм. При этом превалируют аномалии, характеризующие различные признаки человека (физические, поведенческие, социальные). Л.Г. Ефановой было выделено 37 стереотипов, соответствующих данному критерию, например стереотип полноты, среднего возраста, пропорций лица и т.д. [16. С. 61–75]. Нами было выявлено, что в анализируемых языках в гендерных метафорах опосредствованно, через системы обозначений разного рода отклонений от норм, метафорически моделируется:

– стереотип среднего возраста, метафорически именуется молодой и старый, например *былинка* ‘молодая, стройная женщина, девушка’;

– стереотип полноты, отражаемый через обозначения отклонений от средней степени полноты (*матрешка* ‘полная, румяная, круглолицая девушка’);

– стереотип физической силы, именуемый в системе метафор, называющих отклонения от среднего телосложения и обычных физических возможностей (*gorilla* (*горилла*) ‘крупный, сильный и мужественный мужчина’);

– стереотип средней образованности, отражаемый в метафорических номинациях через отклонения от средней степени образованности (*недоросль* ‘глуповатый, малоразвитый юноша’);

– стереотип человека среднего роста, фиксируемый в системе номинаций высоких и низких людей (*amazon* (*амазонка*) ‘высокая сильная женщина’);

– стереотип отношения к противоположному полу, избирательный интерес к лицам противоположного пола, маркируемый через отклонения от социальных стандартов поведения (*Casanova* (*казанова*) ‘мужчина, для которого соблазнение женщин – привычное дело’);

– стереотип внимания к собственной внешности, неброско и опрятно одетый человек, также фиксируется в системе различных отклонений от нормы, например *jay* (*сойка*) ‘мужчина, который слишком озабочен своим внешним видом’.

Таким образом, мною проанализирован метафорически выраженный ценностный фрагмент языковой картины мира русского и английского языков. Ядро этого фрагмента составляют эстетические и этические оценки, на периферии находятся интеллектуальные, нормативные и эмоциональные оценки. Через описание ценностной картины мира можно определить, какие отклонения от норм находятся в фокусе оценивания, и в результате выявить нормативную картину мира. Большинство метафор, как видно из примеров, несет отрицательную оценку, таким образом, маркируя отклонения от нормы в отрицательную сторону. Это дает возможность сделать вывод о том, что нормой является противоположное качество. Так, например, если в фокусе оценивания находится властность женщины (*командирша*), то косвенно маркируется норма – покладистость женщины. Метафоры, маркирующие отклонения от нормы в положительную сторону (*сокол, газель*), напрямую обозначают норму. Как показал анализ, в фокусе оценивания находятся характер и поведение (*тигрица* ‘о жестокой и решительной женщине’), внешний вид (*sylph* (*сильфида*) ‘высокая стройная грациозная девочка или девушка’), интеллектуальные способности мужчины и женщины (*cuckoo* (*кукушка*) ‘глупый некомпетентный мужчина’).

Анализ материала в аспекте гендерной асимметрии в нормативной картине мира позволяет сделать вывод о том, что не существует принципиальных различий в системе социальных стереотипов, косвенно маркированных в метафорических номинациях и противопоставляющих мужчину и женщину. Нами выявлено одинаковое распределение метафорических номинаций мужчины и женщины, которые являются носителями стереотипов роста (*manikin* (*манекен*), *кубышка* ‘о полном, малорослом человеке, чаще женщине’[2]), среднего возраста (*Adonis* (*Адонис*) ‘очень привлекательный молодой мужчина’; *witch* (*ведьма*) ‘безобразная, пугающая старая женщина’), образованности (*doll* (*кукла*), *ox* (*бык*) ‘неуклюжий глупый мужчина’; *недоросль*, *клуша* ‘тупая, неповоротливая женщина’), мастерства (*queen* (*королева*) ‘женщина, у которой получается делать что-либо наилучшим образом’; *king* (*король*) ‘мужчина, лучший в какой-то конкретной области’), полноты (*пышка* ‘о толстой пухлой женщине’; *корова* ‘о толстой, неуклюжей, а также неумной женщине’, *кабан*), физической силы и выносливости (*hunk* (*ломоть*) ‘сильный, сексуально привлекательный мужчина’; *amazon* (*амазонка*), *геркулес*).

Исключением являются стереотип неагрессивности (*vixen* (*лисица*) ‘вздорная женщина с плохим характером’; *fury* (*фурия*), *ведьма*, *бесовка* ‘о злой, вздорной женщине’), разговорчивости (*hen* (*курица*), *кумушка*), отражение которого связано, прежде всего, с образом женщины, и стереотип отношения к противоположному полу (*Casanova* (*Казанова*), *goat* (*козел*), *кот, жеребец*), который маркируется именованиями мужчин.

Что касается сравнения двух лингвокультур в отношении гендерной асимметрии в формировании стереотипов оценки человека и выявления фрагментов нормативной картины мира, то необходимо отметить, что преобладают общие черты – направления оценки и типы норм, фиксированных через метафорические обозначения лиц, но обладающих нормативными качествами. Общим является и то, что для формирования стереотипного образа мужчины и женщины в англоязычной и русскоязычной культурах характерными признаками являются характер, поведение и внешний вид. Нами отмечены различия лишь на уровне количественного соотношения признаков, которые маркируются метафорически в двух лингвокультурах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее выделяется компонент толкования, соотносимый с анализируемой группой, в том случае, если в дефиниции сочетается несколько характеристик.
[2] Здесь и далее даются толкования метафор, упоминаемых в статье впервые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 47–57.
2. Rezanova Z.I., Khlebnikova A.L. Gender metaphors in Russian and English linguocultures: a comparative study // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 215. P. 273–278. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059893 (дата обращения: 02.09.2017).
3. Хлебникова А.Л. Метафорическое моделирование образов человека: к проблеме гендерной и этнокультурной специфичности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 18–24.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935–1940 (СУ).
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ ; Астрель ; Харвест, 2006.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992 (СО–Ш).
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford : Macmillan Education, 2002. 1692 p.
9. Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/ (дата обращения: 15.08.2016).
10. The Free Dictionary by Farlex. URL: http://www.thefreedictionary.com/ (дата обращения: 02.09.2016).
11. Macmillan Dictionary. URL: http://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 28.08.2016).
12. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. М. : Наука, 1988. 216 с.
13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
14. Ивин А.А. Оценки в процессах коммуникации. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps17/14.pdf (дата обращения: 18.08.2016).
15. Ефанова Л.Г. Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, как носитель национальной языковой картины мира // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 101–106.
16. Ефанова Л.Г. Семантическая категория нормы в аспекте структурных составляющих нормативной оценки. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 154 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 декабря 2016 г.

GENDER METAPHORS OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: METAPHORICAL FRAGMENTS OF THE AXIOLOGICAL WORLDVIEW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 16–31.
DOI: 10.17223/15617793/415/4
Anastasia L. Khlebnikova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khlebnikova@tpu.ru
Keywords: gender metaphor; gender stereotype; normative worldview; general evaluation; specific evaluation.

The subject matter of the analysis is gender metaphors of the Russian and English languages. The focus of the current research is on different types of evaluations that are expressed by metaphorical nominations of the two languages. The main sources of data for metaphor study were dictionaries of the Russian and English languages including online dictionaries. The total number of gender metaphors identified was 409 and 497 lexemes that characterize a human from the Russian and English dictionaries respectively. When analyzing gender metaphors of the Russian and English languages, metaphorical fragments of the axiological worldview of the two cultures were determined. The purpose of the study is to identify a fragment of the axiological worldview, and through it a fragment of the normative ethno-linguistic worldview expressed in the system of metaphorical nominations of a human. Another objective of the research is to see the presence or absence of gender asymmetry in the formation of stereotypes of a human's evaluation in the linguocultures under study. Analyzing metaphorical nominations that convey positive and negative evaluations, the author identifies values, i.e. the range of things which are positively evaluated. In addition, the study shows a fragment of the normative worldview, namely, the totality of stereotypes, deviations from which are fixed, and antinorms – things that are negatively evaluated. In this study the author characterizes the metaphorical modeling of the evaluation system of a man and a woman in Russian and English worldviews, classifies the types of evaluations expressed by gender metaphors of the two languages and describes the aspects which are most commonly evaluated. By doing it, the author models the system of norms and stereotypes that underlie them. The analysis of metaphorical fragments of the axiological worldview showed that the core of the group is formed by aesthetic and ethical evaluations. Intellectual, normative and emotional evaluations are on the periphery of the group. The comparison of gender metaphors in the two languages in terms of gender asymmetry showed that there is no fundamental difference between the concept of masculine and feminine stereotypes excluding stereotypes of non-aggressiveness, talkativeness and attitude to the members of the opposite sex which are typical of women and men respectively. As far as other stereotypes are concerned, the number of metaphorical nominations is equal for both men and women that are bearers of the stereotypes of height, middle age, educational background, mastery, plumpness, physical strength and stamina. As the examples demonstrate, most metaphors express negative evaluation, thus marking deviation from the norm to the negative side. Regarding the comparison between the two

linguocultures with respect to gender asymmetry in the formation of evaluation stereotypes, it must be noted that common features, namely, types of evaluations and norms, prevail. There is one more common feature: character and behavior, appearance, intellectual ability of men and women are the focus of evaluation in the two cultures. The author noted distinctions merely at the level of quantitative correlation between characteristics that are metaphorically marked in the two linguocultures.

REFERENCES

1. Rezanova, Z.I. (2011) Gender metaphor: typology, lexicographic interpretation, context representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (14). pp. 47–57. (In Russian).
2. Rezanova, Z.I. & Khlebnikova, A.L. (2015) Gender metaphors in Russian and English linguocultures: a comparative study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 273–78. [Online] Available from: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059893. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.634
3. Khlebnikova, A.L. (2016) Figurative modelling of a person's images with regard to gender and culture specificity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 18–24. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/3
4. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: OGIZ.
6. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian language: in 3 vols]. Moscow: AST; Astrel'; Kharvest.
7. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: Az".
8. Macmillan Education. (2002) *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Oxford: Macmillan Education.
9. Dic.academic.ru. (n.d.) *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias at Academic]. [Online] Available from: http://dic.academic.ru/. (Accessed: 15 August 2016).
10. Thefreedictionary.com. (n.d.) *The Free Dictionary by Farlex*. [Online] Available from: http://www.thefreedictionary.com/. (Accessed: 02 September 2016).
11. *Macmillan Dictionary*. [Online] Available from: http://www.macmillandictionary.com/. (Accessed: 28 August 2016).
12. Serebrennikov, B.A. et al (1988) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and worldview]. Moscow: Nauka.
13. Arutyunova, N.D. (199) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
14. Ivin, A.A. (n.d.) *Otsenki v protsessakh kommunikatsii* [Evaluation in the communication process]. [Online] Available from: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps17/14.pdf. (Accessed: 18 August 2016).
15. Efanova, L.G. (2013) The subject of normative estimation expressed by the semantics of language units as the possessor of the national linguistic picture of the world. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 101–106. (In Russian).
16. Efanova, L.G. (2012) *Semanticheskaya kategoriya normy v aspekte strukturnykh sostavlyayushchikh normativnoy otsenki* [Semantic category of norm in the aspect of structural components of normative evaluation]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

Received: 23 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 32–35. DOI: 10.17223/15617793/415/5

ИСТОРИЯ

УДК 94(574.22).084

М.О. Абсеметов

ВОСТОКОВЕДЫ АН СССР В ПЕРИОД ЭВАКУАЦИИ НА КУРОРТЕ БОРОВОЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассмотрена малоизвестная страница истории советской науки – пребывание ученых-востоковедов в годы Великой Отечественной войны в эвакуации в Боровом. Целью эвакуации являлось сохранение наиболее квалифицированных и ценных кадров АН СССР. Эвакуированным ученым и их семьям были обеспечены необходимые условия для жизни. По мере возможности они вели научную работу, которая для некоторых была весьма плодотворной.

Ключевые слова: Институт востоковедения; Боровое; АН СССР; Ф.И. Щербатской; А.А. Фрейман.

Одной из малоизвестных страниц истории советской науки и техники является организация жизни и работы ученых во время эвакуации в период Великой отечественной войны. Значительная часть научных и образовательных учреждений западных районов СССР была перемещена вместе с сотрудниками в Казахстан и республики Средней Азии. В эвакуации на курорте Боровое (Казахстан, Акмолинская область) находились сотрудники Ленинградского Института востоковедения АН СССР. Это китаевед, академик Василий Михайлович Алексеев (1881–1951), индологи – академики Фёдор Ипполитович Щербатской (1866–1942) и Алексей Петрович Баранников (1890–1952), иранист – член-корреспондент Александр Арнольдович Фрейман (1879–1978). Подготовка к эвакуации института началась в июле 1942 г. В декабре 1942 г. основной его костяк перебазировался в Ташкент (Узбекистан).

Война внесла многие негативные коррективы в историю науки. Так, в лагере смерти Бухенвальде погиб известный востоковед, профессор Коллеж де Франс А. Масперо. Потери среди советских ученых-востоковедов также были колоссальными [1. С. 288]. В период блокадного Ленинграда были утрачены многие ценные коллекции по китаеведению. В частности, похищена часть архива репрессированного востоковеда Н.И. Конрада. Вместе с личными вещами из эвакуированной квартиры пропали научные материалы и рукописи лекции В.М. Алексеева. Были утеряны либо уничтожены, не увидев свет, многие труды советских китаеведов. Всему мировому китаеведению был нанесен непоправимый урон. Во время Второй мировой войны пропали не только рукописи и научные труды, гибли люди науки. Политика советского правительства была крайне противоречивой: с одной стороны, в отношении ученых проводились политические репрессии, с другой стороны, принимались чрезвычайные меры для спасения научных кадров. Цель статьи – показать значение эвакуации ученых-востоковедов в Казахстан для сохранения наиболее ценных кадров этого направления советской науки.

В Боровое был эвакуирован Василий Михайлович Алексеев – признанный глава советского китаеведения, один из крупнейших знатоков китайского языка и литературы, академик АН СССР (1929), автор работ в различных направлениях китаеведения: по истории китайской литературы, этнографии, китайской культуре и письменности, китайскому театру и фольклору, переводам китайской классической литературы и др. Он прибыл в Боровое с женой и двумя дочерьми 7 декабря 1941 г. Сын находился на фронте. Директор курорта Е.З. Орлова разместила их в корпусе № 11 в небольшой комнате. Жена В.М. Алексеева Наталья Михайловна (1890–1973), будучи сама востоковедом, с первых дней пребывания в Боровом стремилась помогать мужу в научной работе. В 1958 г. она опубликовала полное описание архива Василия Михайловича. Старшая дочь Любовь Васильевна (р. 1921) устроилась медсестрой в военный госпиталь. Младшая дочь Марианна Васильевна (р. 1927) помогала во всем родителям. Спустя годы она опубликовала серию статей об отце и его научном наследии, подготовила и издала четыре монографии В.М. Алексеева [2. С. 86, 128]. Сам ученый, находясь в эвакуации, писал: «Кормимся мы неплохо, хотя и без всяких, что называется, разносолов. Гуляем отлично» [3. С. 216].

Василий Михайлович жаловался только на отсутствие специальной литературы. По причине того, что при эвакуации лимит багажа составлял 10 кг, он смог взять с собой только один словарь и две антологии китайской литературы. Находясь вдали от института и библиотек, с трудом доставая бумагу, он продолжал исследования. В своих письмах (март 1942 г.) он отмечал: «Пишу здесь бесконечные переводы, не имея возможности ни о чём справится: у меня с собой только одна книга плюс словарь! я закончу (в первом этапе и без комментария, для которого нет ни справочников, ни бумаги) “Мастеров китайской художественной прозы в худом переводе”. Весь мой план на этот год я выполню – если будет бумага» [1. С. 290].

3 июня 1942 г. ученый-китаевед писал: «Я упорно сижу над китайскими мандарино-поэтами, изводящими меня подлою виртуозностью своих льстивых виршей… Работаю сильно замедленными темпами» [3. С. 231].

В условиях военного времени в 1942 г. В.М. Алексеев завершил переводы трёх эссе китайского философа Ван Ян-мина: «Надпись на храме в честь Сна», «Надпись у Зала культа классиков-канонов», «Обращение к похороненным пунктам». И только после прорыва блокады Ленинграда в мае 1943 г. в Боровое прибыли книги из его личной библиотеки. По данному поводу В.М. Алексеев с удовлетворением заметил:

«…целый транспорт моих книг меня обеспечивает работой как переводчика, полукомментатора и полуучёного, профессора китайского языка…» [1. С. 290].

Советское правительство не прекращало закупать в Китае книги для научной работы В.М. Алексеева. В 1944 г. академик регулярно отправлял рецензии на китайские исследования в Известия АН СССР. Исследователь К. Харбсмайер справедливо отмечал, что В.М. Алексеев в 1941–1944 гг. «в исключительно тяжелейших условиях эвакуации в Боровом работал над двухтомной антологией переводов из шедевров китайской прозы, а также тремя внушительными томами соответствующих исследований…» [4. С. 508].

Академик во время эвакуации в Боровом был научным руководителем у аспирантов. Защита диссертации на соискание учёных степеней не прерывалась даже в военное время. Например, известен такой факт, когда молодой китаевед Н.Т. Федоренко перед войной поступил в аспирантуру к В.М. Алексееву. Весной 1943 г. он, будучи уже дипломатом (работал в Полпредстве СССР в Чунцине), привёз свою научную работу в Боровое на проверку. Алексеев вспоминал: «Федоренко… со своей диссертацией сидел над моей душой, торопил и нервничал. А я покорно гнул спину и разбирал его диссертацию…» [1. С. 298]. Чуть позже диссертация Н.Т. Федоренко была успешно защищена. Вопреки правилам защиты ему было присуждена учёная степень доктора филологических наук, минуя степени кандидата [Там же. С. 299].

В эвакуации В.М. Алексеев, помимо научной работы, активно участвовал в общественно-полити-ческой жизни курорта Боровое. Когда он пытался рассказать о бедственном положении блокадного Ленинграда, старейшие академики В.И. Вернадский и Н.Д. Зелинский, боясь ненужных кривотолков, отговаривали его от этой затеи [2. С. 128–129]. Ученый-китаевед был частым гостем на заседаниях Ученого совета госзаповедника и выступал перед населением заповедной зоны. 24 июня 1943 г. Василий Михайлович писал из Борового: «На днях сделал доклад здесь, в общем собрании (в воскресном) “Китай и агрессоры”, пользуясь материалами переводов. Возражал, конечно, идол Маслов, упрекнувший меня в отсутствии социальной базы и разными другими митинговщинами…» [3. С. 303].

После прорыва блокады Ленинграда появилась возможность возвращения к полноценной работе. Уже в 1943 г. встал вопрос о восстановлении кафедры китаеведения в Ленинградском университете. В.М. Алексеев писал из Борового: «Сегодня получил телеграмму от “ректора университета Вознесенского”, требующего моего согласия на включение в штат завкафом. Я отвечаю: нет, 1938-й год мною не изжит и изжит не будет» [Там же. С. 324]. Эта категоричность в ответе была вызвана нападками, доносами и дискредитацией его личности в годы гонений и репрессий на советских китаеведов. Но в июне 1944 г. академик все же откликнулся на предложение ректора: «Сегодня составил проект состава китайской кафедры в востфаке: я, Штейн, Эйдлин, Смыкалов, Думан, Петров, Монзелер, Кочетова (из Эрмитажа)…» [Там же. С. 338].

30 августа 1944 г. В.М. Алексеев вернулся в Ленинград. 6 сентября 1944 г. в «Журнале текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР» было отмечено: «Академику В.М. Алексееву выдали все принадлежавшие ему лично и находившиеся на временном хранении в ИВ научные материалы (1 полуторатонная машина верхом)» [5. С. 24]. Все стало приходить в порядок.

В.М. Алексеев возглавил вновь образованную кафедру китайской филологии при восстановленном Восточном факультете Ленинградского государственного университета. За научные достижения в годы войны академик был удостоен ордена Ленина.

Говоря о деятельности китаеведов в эвакуации, нельзя не отметить историка Н.В. Кюнера, который жил в Алма-Ате и изучал восточные рукописи и ксилографы в Центральном историческом архиве Казахской ССР и Государственной публичной библиотеки им. А.С. Пушкина [6. С. 229]. В 1943 г. Н.В. Кюнер подготовил «Перевод писем местных владетелей Центральной Азии китайскому двору», а в 1945 г. завершил работу над «Библиографией китайской и маньчжурской литературы о народах Казахстана» и «Маньчжурские архивные документы по истории казахского народа» [7. С. 92].

Другой выдающийся востоковед, бывший в эвакуации в Боровом, Фёдор Ипполитович Щербатской (1866–1942), индолог, тибетолог, основатель русской школы буддологии, академик АН СССР (1918), был рожден в польском городе Кельцы. В ноябре 1918 г. он возглавил в Ленинграде Институт буддийской культуры. В 1920 г. Институт, вместе с другими востоковедными учреждениями Академии наук, был реорганизован в Институт востоковедения. Фёдор Ипполитович до конца своей жизни заведовал индо-тибетским кабинетом. Заслуги академика Ф.И. Щербатского высоко оценила мировая наука. Его избрали почетным членом наиболее старых и авторитетных зарубежных научных обществ – английского Королевского Азиатского общества в Лондоне, французского Азиатского общества в Париже, немецкого Востоковедного общества в Берлине, а также членом-корреспондентом Геттингенской академии. Все же особую известность и любовь русский индолог получил в Индии, а также высокую оценку своего труда от Джавахарлала Неру [8. С. 15].

В Институте востоковедения Ф.И. Щербатской занимался исследованиями буддийской философии. Он опубликовал свой 25-летний труд в 2 томах – «Буддийская логика», которая стала последней частью его монументальной трилогии. Данное исследование получило заслуженное признание специалистов Запада и Востока. Известный индийский ученый Дх. Шастри назвал её «Шедевром Щербатского», отмечая, что «Буддийская логика» является величайшим произведением индийской философии за последние 250 лет [9. С. 22]. В Боровое академик с другими учёными был эвакуирован из санатория «Узкое» под Москвой в конце июня 1941 г. Он поселился в главном корпусе со многими эвакуированными учёными. Дружил с академиками В.И. Вернадским и А.А. Фрейманом.

Учёный скончался 18 марта 1942 г. в Боровом и похоронен на местном кладбище. На его могиле лежит гранитная плита с надписью: «Он объяснил своей стране ум древних мыслителей Индии». 1 апреля 1942 г.

в Свердловске на заседании Президиума АН СССР присутствующие почтили вставанием память ушедшего из жизни академика Ф.И. Щербатского [9. С. 25].

Другой советский индолог – Алексей Петрович Баранников (1890–1952), академик АН СССР (1939) – также жил и работал в Боровом. В 1921–1928 гг. он – ученый-хранитель отдела буддийского искусства Русского музея, с 1936 – зав. Новоиндийским кабинетом ИВ АН СССР, в 1938–1940 гг. – директор Института востоковедения АН СССР. С 1922 г. до конца жизни – профессор МГУ, автор грамматик и словарей новоиндийских языков (урду, хинди). Труды А.П. Баранникова противопоставлялись в советских официальных кругах в 30–40-х гг. работам С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского как представителей «буржуазной науки» [2. С. 324].

Академик А.П. Баранников – крупный исследователь цыганского языка, истории цыганского народа. Им опубликовано более 20 работ в данном направлении, в том числе монография о диалектах цыган юга России и левобережной Украины, грамматика и цыгано-русский словарь (в соавторстве с профессором М.В. Сергиевским). Опубликовал 250 научных работ по индоведению [10. С. 56].

А.П. Баранников был эвакуирован из Ленинграда с другими учеными 22 июля 1941 г. В Боровое он приехал с женой, сыном и дочерью. Семья обосновалась в 11-м корпусе. В эвакуации учёный продолжал заниматься научным исследованием индийских языков и литературы. Главной его работой стал перевод на русский язык поэмы «Рамаяна», что увековечило его имя. Летом 1944 г. академик А.П. Баранников возвратился в Ленинград. В 1945 г. за заслуги перед Родиной учёный был удостоен высшей государственной награды СССР – ордена Ленина.

В Боровое был эвакуирован с семьей Александр Арнольдович Фрейман (1879–1968) – русский советский филолог-иранист, доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР, создатель и глава советской школы древнеиранской филологии и сравнительно-исторического иранского языкознания. На протяжении почти шести десятилетий творческой жизни учёный был связан с Азиатским музеем – Институтом востоковедения АН СССР. В 1933 г. А.А. Фрейман возглавил экспедицию Таджикской базы АН СССР, в ходе которой были найдены в развалинах замка на горе Муг около 400 предметов материальной культуры, в их числе совершенно уникальные памятники согдийского языка и письменности – рукописный архив, документы на коже, бумаге и дереве, относящиеся к эпохе арабского завоевания Средней Азии [11. Л. 195–204].

С 1934 г. А.А. Фрейман работал в Институте востоковедения АН СССР. В круг его научных интересов входило изучение сравнительно-исторического иранского языкознания. Ученый-востоковед с огромным энтузиазмом занимался Авестой и древнеперсидскими надписями, изданием пехлевийских текстов, историей. По справедливому замечанию его ученика, известного востоковеда И.М. Оранского, А.А. Фрейману принадлежат крупнейшее открытие в отечественной науке – дешифровка и исследование согдийских документов с горы Муг, исследование хорезмийского языка. Как ученому и педагогу, организатору науки многим обязаны Александру Арнольдовичу советские осетиноведение, курдоведение, таджиковедение, афгановедение. «Важнейшую задачу иранского языкознания А.А. Фрейман видел в создании историко-сравнительной грамматики и этимологического словаря иранских языков – трудов, которые могли бы показать процесс закономерного исторического развития этой языковой семьи как единой системы. Этой задаче посвящены, в конечном счете, все работы Фреймана…» [12. С. 320].

А.А. Фрейман с женой прибыл в Боровое 19 ноября 1941 г. и был поселен в корпусе № 11. В сентябре 1942 г. его родной Институт востоковедения был эвакуирован в Ташкент. Несмотря на сложное военное время, дирекция института установила связи со своими сотрудниками в Боровом. Ученый начал работать по плану кабинета иранистики. В Боровом он принимал участие в заседаниях академической группы (сохранилось два протокола заседаний, подписанных В.М. Алексеевым и А.А. Фрейманом). Консультировал и вел научную переписку с профессором С.А. Семеновым-Зусером, автором монографии «Древний Казахстан: от палеолита до арабского завоевания», заведующим кафедрой всеобщей истории Объединенного Украинского (Киевского и Харьковского) университета, эвакуированного в Кзыл-Орду. А.А. Фрейман за безупречный и многолетний научный труд был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями.

Годы Великой Отечественной войны стали временем тяжелых испытаний и лишений для советских востоковедов. В этот период около трети сотрудников Института востоковедения АН СССР погибли, были остановлены многие научные исследования, утеряны некоторые архивы и книжные коллекции. Однако работа не прекращалась и к концу войны была полностью восстановлена и получила дальнейшее развитие [1. С. 305]. В значительной мере советское востоковедение обязано этим эвакуации части выдающихся своих представителей в Боровое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дацышен В.Г. История русского китаеведения. 1917–1945. М. : Весь мир, 2015.
2. Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943 / сост. В.П. Волков. М. : РОССПЭН, 2010.
3. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М. : Вост. лит., 2004. Вып. III.
4. Харбсмайер К. Василий Михайлович Алексеев и российское китаеведение // Архив российской китаистики / сост. А.И. Кобзев. М. : Наука; Вост. лит., 2013.
5. Болдырев А.Н. Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР. Предисловие и публикация И.К. Павловой // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2011.
6. Жуковская И.В., Решетов А.М. Фонды востоковедов в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН // Страны и народы Востока / под общ. ред. акад. РАН М.Н. Боголюбова. М. : Вост. лит., 2010. Вып. XXXIII.
7. Вопросы истории стран Азии. М. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1965.

8. Семичов Б.В., Зелинский А.Н. Академик Федор Ипполитович Щербатской // Ф.И. Щербатской. Избранные труды по буддизму. М. : Наука, 1988.
9. Кальянов В.И. Академик Ф.И. Щербатской. Его жизнь и деятельность. Сборник статей памяти академика Ф.И. Щербатского. М. : Наука, 1972.
10. Бескровный В.М., Кальянов В.И. Памяти акад. Алексея Петровича Баранникова // Известия АН СССР. Отд. лит. и языка. 1953. Т. XII, вып. 1.
11. Семенов-Зусер С.А. Древний Казахстан (материалы по изучению древнего Казахстана за советский период, от палеолита до арабского завоевания) (Харьков, 1946. 235 с.) // Архив Музея археологии и этнографии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 19.
12. Оранский И.М. Древнеиранская филология и иранское языкознание / Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М. : Наука, 1972.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2017 г.

AS USSR ORIENTALISTS IN BOROVOE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 32–35.
DOI: 10.17223/15617793/415/5

Marat O. Absemetov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.absemetov@qmail.com

Keywords: Institute of Oriental Studies; Borovoe; Academy of Sciences of the USSR; F.I. Shcherbatskoy; A.A.Freiman.

The article is devoted to the unknown pages of the history of Soviet Orientalist researchers evacuated to Borovoye (Kazakhstan, Akmola region) during the Great Patriotic War. They were employees of Leningrad Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. Among them were sinologist Academician V.M. Alekseev, indologists Academicians F.I. Shcherbatskoy and A.P. Barannikov, iranist Corresponding Member A.A. Freiman. In Borovoe Academician V.M. Alekseev completed three translations of essays by the Chinese philosopher Wang Yangming. In addition to the translation, he was engaged in elaboration of new principles of scientific and literary translation combining scientific accuracy with rhythmization, simulating the rhythm of the Chinese script. The academician continued his work on compiling catalogues of a Chinese-Russian dictionary, which he began in 1938. In September 1944, V.M. Alekseev returned to Leningrad. F.I. Shcherbatskoy, an outstanding Soviet indologist, tibetologist, the founder of the Russian School of Buddhist studies, Academician of the Academy of Sciences of the USSR, was an honorary member of scientific societies of Great Britain, Germany and France. F.I. Shcherbatskoy studied the Buddhist philosophy. He published his 25-year work, *The Buddhist Logic*, in 2 volumes; it was the last part of his monumental trilogy. The scholar died on 18 March 1942 in Borovoe and was buried at the local cemetery. Academician of the Academy of Sciences of the USSR A.P. Barannikov (1890–1952) was a famous indologist. In his works, he studied new Indian languages, as well as medieval and ancient Indian dialects, the history of Indian literature, the scientific and religious systems of India. He published 250 academic works on Indian studies. He came to Borovoe with his wife, son and daughter, and continued his research of Indian languages and literature. His main work was the translation of the poem *Ramayana* that made his name immortal. In the summer of 1944, Barannikov returned to Leningrad. A.A. Freiman (1879–1968) was a Russian Soviet philologist iranist, Doctor of Linguistics, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR, the founder and head of the Soviet School of the Old Iranian philology and comparative historical Iranian linguistics. On November 19, 1941, A.A.Freiman and his wife arrived in Borovoe and lived in Building 11. In Borovoe, the scholar participated in the meetings of the academic group (two meeting protocols signed by V.M. Alekseev and A.A. Freiman have been preserved). The author concludes that during the Great Patriotic War the evacuation of the Soviet outstanding orientalists played a significant role in the preservation of this research direction in Russia.

REFERENCES

1. Datsyshen, V.G. (2015) *Istoriya russkogo kitaevedeniya. 1917–1945* [History of Russian Sinology. 1917–1945]. Moscow: Ves' mir.
2. Vernadskiy, V.I. (2010) *Dnevniki. Iyul' 1941 – avgust 1943* [Diaries. July 1941 – August 1943]. Moscow: ROSSPEN.
3. Naumkin, V.V. (ed.) (2004) Perepiska V.M. Alekseeva i I.Yu. Krachkovskogo [Correspondence of V.M. Alekseev and I.Yu Krachkovsky]. In: *Neizvestnye stranitsy otechestvennogo vostokovedeniya* [Unknown Pages of Russian Oriental Studies]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura.
4. Kharbsmayer, K. (2013) Vasiliy Mikhaylovich Alekseev i rossiyskoe kitaevedenie [Vasily Mikhailovich Alekseev and Russian Sinology]. In: Kobzev, A.I. (2013) *Arkhiv rossiyskoy kitaistiki* [Archive of Russian Sinology]. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura.
5. Boldyrev, A.N. (2011) Zhurnal tekushchey raboty i proisshestviy po Institutu vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. Predislovie i publikatsiya I.K. Pavlovoy [Journal of the ongoing work and accidents at the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Preface and publication by I.K. Pavlova]. In: Popova, I.F. (ed.) *Trudy vostokovedov v gody blokady Leningrada (1941–1944)* [Works of the Orientalists during the Siege of Leningrad (1941–1944)]. Moscow: Vostochnaya literatura.
6. Zhukovskaya, I.V. & Reshetov, A.M. (2010) Fondy vostokovedov v arkhive Muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo RAN [Funds of Orientalists in the Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great of the Russian Academy of Sciences]. In: Bogolyubov, M.N. (ed.) *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Vol. 33. Moscow: Vost. literatura.
7. Novichev, A.D. & Bereznyy, L.A. (eds) (1965) *Voprosy istorii stran Azii* [Questions of history of Asia]. Leningrad: Leningrad State University.
8. Semichov, B.V. & Zelinskiy, A.N. (1988) Akademik Fedor Ippolitovich Shcherbatskoy [Academician Fedor Ippolitovich Shcherbatskoy]. In: Shcherbatskoy, F.I. *Izbrannye trudy po buddizmu* [Selected works on Buddhism]. Moscow: Nauka.
9. Kal'yanov, V.I. (1972) *Akademik F.I. Shcherbatskoy. Ego zhizn' i deyatel'nost'* [Academician F.I. Shcherbatskoy. His life and work]. Moscow: Nauka.
10. Beskrovnyy, V.M. & Kal'yanov, V.I. (1953) Pamyati akad. Alekseya Petrovicha Barannikova [In memory of Academician Aleksey Petrovich Barannikov]. *Izvestiya AN SSSR. Otd. lit. i yazyka*. XII:1.
11. Semenov-Zuser, S.A. (1946) *Drevniy Kazakhstan (materialy po izucheniyu drevnego Kazakhstana za sovetskiy period, ot paleolita do arabskogo zavoevaniya)* [Ancient Kazakhstan (materials for the study of ancient Kazakhstan during the Soviet period, from the Paleolithic to the Arab conquest)]. Kharkov. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Kharkiv National University named after V.N. Karazin. Fund 2. Page 19.
12. Oranskiy, I.M. (1972) Drevneiranskaya filologiya i iranskoe yazykoznanie [Old Iranian philology and Iranian linguistics]. In: Baziyants, A.P. et al. (eds) *Aziatskiy muzey – Leningradskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Asian Museum – Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies, USSR AS]. Moscow: Nauka.

Received: 23 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 36–49. DOI: 10.17223/15617793/415/6

УДК 930:355/359.07

Р.С. Авилов

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЕКТОВ ОБОРОНЫ НИЗОВЬЕВ И УСТЬЯ Р. АМУР В 1906–1914 гг. Часть 1. Комиссии при Особом Совещании Совета государственной обороны

На материалах Государственного архива Российской Федерации впервые в отечественной историографии исследуется история разработки проектов обороны низовьев и устья р. Амур в 1906–1914 гг. Изучена проблема обороны этого района как вспомогательного театра военных действий ожидавшейся новой войны с Японией. Рассмотрена деятельность Особого Совещания при Совете государственной обороны и созданных при нем специальных комиссий для разработки «подвижной» и «неподвижной» обороны р. Амур. Введены в научный оборот данные об уникальных идеях по фортификационному строительству около Хабаровска, Николаевска и Софийска.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; р. Амур; Николаевская-на-Амуре крепость; Совет государственной обороны; Русско-японская война 1904–1905 гг.; И.М. Диков; А.П. Вернандер.

Оборонительное строительство играло важнейшую роль как в истории русской императорской армии, так и в судьбе Российской империи в целом. Инженерная подготовка будущих театров военных действий часто оказывала огромное влияние на формирование концепций обороны страны и на мобилизационные планы; влияла на ход боевых действий и определяла поведение не только потенциального противника, но и реального. Для Дальнего Востока хрестоматийным примером является история крепости Порт-Артур и ее героической обороны, существенно повлиявшей на ход Русско-японской войны 1904–1905 гг. [1; 2. Т. 8, ч. 1–2], менее известным – история Владивостокской крепости, благодаря существованию которой Япония была вынуждена отказаться от первоначального плана кампании, предусматривавшего после падения Порт-Артура дальнейший удар по Южно-Уссурийскому краю и Владивостоку, и напасть на практически беззащитный о. Сахалин [3. Ч. I. С. 204–281, 357–359; Ч. IV. С. 363–364].

При этом если история Порт-Артура изучена сравнительно неплохо – исследователи обращались и обращаются к проблеме обороны крепости не только в специальных работах [1], но и практически в каждом обобщающем исследовании по истории Русско-японской войны 1904–1905 гг., от официальных дореволюционных [2. Т. 8, ч. 1–2] до новейших современных [4. С. 134–139, 196–211, 239–279, 287–283; 5. S. 8–251], а Владивостокская крепость вообще является в настоящее время одной из самых хорошо исследованных крепостей Российской империи [3], то история еще одной крепости – Николаевской-на-Амуре – остается практически неизвестной даже узкому кругу специалистов по истории фортификации и истории российского Дальнего Востока. Работы о ней практически полностью отсутствуют, если не считать статьи И.А. Самарина [6. С. 79–96] и нескольких докладов на конференциях М.И. Горновой, научная ценность которых, с учетом представлений автора о военной истории, близка к нулю [7. С. 366–375; 8. С. 24–29]. Последнее наглядно иллюстрируется первой же фразой одного из указанных докладов: «Николаевская-на-Амуре крепость класса река–море…», в которой автор присвоила крепости класс… судна (!), использовав терминологию, совершенно не применимую и недопустимую при исследовании истории фортификации [7. С. 366–375].

В то же время Николаевская крепость являлась одной из двух крепостей находящихся на территории созданного в 1884 г.[1] Приамурского военного округа [9. С. 261, 361] и имела важнейшее значение как объект, предназначенный для обороны устья и нижнего течения р. Амур от возможной атаки неприятеля и входа кораблей противника в реку, которая и после строительства Транссибирской железнодорожной магистрали продолжала еще долго оставаться важнейшей транспортной артерией, причем не только гражданской, но и военной. Написание качественной истории Николаевской крепости за весь период ее существования потребует серьезных архивных изысканий и кропотливой аналитической работы.

В данной статье будет рассмотрена лишь проблема разработки проекта организации обороны низовьев и устья р. Амур в 1906 г. в комиссиях при Особом совещании Совета государственной обороны (СГО), легших в основу всей концепции обороны устья и нижнего течения этой реки накануне Первой мировой войны. Следует отметить, что исследование этой проблемы дает возможность на богатом фактическом материале раскрыть еще и слабоизученные к настоящему времени механизмы функционирования различных вспомогательных органов, формировавшихся при СГО для решения конкретных задач по обороне государства.

Сам СГО был достаточно оригинальным учреждением, существовавшим в 1905–1908 гг. и созданным под влиянием неудач Русско-японской войны 1904–1905 гг. для разработки вопросов реорганизации Вооруженных сил Российской империи, объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений. СГО, во главе которого стоял великий князь Николай Николаевич-мл., подчинялся напрямую императору [10. С. 204–205; 11; 12]. Однако если эффективность самого СГО представляется весьма сомнительной [13. С. 132; 14. С. 189–190; 15. С. 12–13, 15–17, 145–147; 16. С. 419–423], то польза от экспертной работы, проделанной в различных особых совещаниях при этом органе, была несомненной. Более того, в отношении некоторых годами об-

суждавшихся до этого оборонительных проблем был проделан такой колоссальный объем работы, что результатом принятых на их основе решений были проекты обороны некоторых важнейших, со стратегической точки зрения, районов дальневосточных территорий империи.

Крупных проблем, связанных с укреплением обороны российского Дальнего Востока, было несколько: общее увеличение численности войск на территории Приамурского военного округа, радикальное усиление Владивостокской крепости, решение проблемы обороны о. Сахалин, часть которого страна потеряла по итогам Русско-японской войны 1904–1905 гг. как раз из-за нежелания Петербурга тратиться на его защиту, и проблема обороны низовьев и устья р. Амур. В СГО они обсуждались неоднократно, как минимум 11 марта 1906 г., четыре раза в феврале 1907 г. и 5 марта 1907 г. [17. С. 329–332]. Последней проблеме было уделено большое внимание, и после первого ознакомления с ней СГО Постановлением от 5 июня 1906 г. решил: «Признать неотложно необходимым сильно обеспечить оборону низовьев Амура с целью преграждения противнику доступа в реку, для чего создать в наиболее соответствующих местах укрепленные пункты и развить в должном размере все необходимые средства для подвижной и неподвижной обороны нижнего течения и устья Амура» [18. Л. 2]. Для разработки этого вопроса рекомендовалось образовать при СГО Особое Совещание. 21 июня 1906 г. Николай II утвердил данное постановление, после чего проработкой проблемы занялись уже в этом органе, который возглавил член СГО и будущий морской министр генерал-адъютант адмирал И.М. Диков [Там же. Л. 2, 18].

Работа Особого Совещания СГО ярчайшим образом проиллюстрировала все так или иначе имеющие отношение к дальневосточным территориям империи проблемы: от внешнеполитических до географических. При обсуждении современного политического положения в Совещании исходили из того, что «мир в Портсмуте 1905 года остановил кровопролитие, но не остановил враждебных по отношению России действий Японского правительства. С огромными жертвами, настойчиво и в высшей степени планомерно, Япония стремится упрочить свое положение на материке и отбросить нас от берегов Тихого океана назад в Сибирь, к границам Нерчинского договора. В основу прошлой войны Япония положила точное знание наших сил на Востоке и объявила ее именно в тот момент, когда она была к этому наиболее готова, а мы готовы не были. Трудно ожидать, чтобы она не приняла во внимание наше настоящее тяжелое положение, не воспользовалась им для того, чтобы добиться осуществления своих стремлений. Японское правительство отлично сознает, что через 5, много – 10 лет Россия оправится совершенно и тогда борьба с ней Японии будет не под силу, и несмотря ни на какое напряжение народных сил. В виду этого она систематически готовится к предстоящей борьбе, стремясь, по возможности, сократить срок своих приготовлений. Целый ряд требований предъявляется Русскому правительству, в числе их одно из наиболее важных по отношению обороны Амура, домогательство плавания Японских коммерческих судов по Сунгари с несомненной целью впоследствии распространить это право на Амур и подготовить этим важные водные артерии на будущем театре военных действий» (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены) [18. Л. 2 об.]. По сути, эта оценка была верна, но текущее экономическое положение страны восходящего солнца, которая провела войну в значительной степени за счет внешних займов, она не учитывала. От продолжения экспансионистской политики в Японии не отказывались, однако быстрого продолжения войны ждать не приходилось – истощенному войной маленькому островному государству все-таки нужна была передышка. Активная же внешнеполитическая деятельность была вызвана как желанием получить от ослабленной войной и революцией России максимальные уступки где только возможно, так и реанимировать политику власти в глазах общественного мнения, категорически недовольного не оправдавшим надежд Портсмутским мирным договором [19. С. 27, 111–117, 137–138].

В Японии правильно оценили то, что понимали и на Совещании: «Минувшая война окончилась для нас потерей нашего значения на Дальнем Востоке, как первоклассной державы и уступкой сравнительно ничтожной части Сахалина». Прогнозы дальнейшего развития ситуации в этом направлении были для России мрачными: «Неудача будущей войны грозит нам потерей Приморской Области, Сахалина, Камчатки и, главное, Владивостока – этой единственной базы для нашего будущего флота. С потерей Владивостока для России может окончиться роль первоклассной морской державы, потому что создавать современные броненосные гиганты только для Балтийского моря не оправдывается стратегическими задачами его; отправление же такого флота на Восток будет бесцельно, в виду отсутствия там операционной базы, без которой немыслима ни одна военно-морская экспедиция. В виду этих соображений, оборона Дальнего Востока должна составить для России предмет особой заботы, если только русское правительство желает удержать его за собою, *как базу нашего будущего флота и единственный выход в Тихий океан*» (здесь и далее курсив мой. – *Р.А.*) [18. Л. 2 об.–3]. Другой вывод, представленный в итоговом докладе Николаю II, стал поистине пророческим: «Прошлая неудача вызвала необычайные внутренние волнения в России, чрезвычайно ее ослабившие, вызвала также на наших окраинах в Европе и Ближней Азии резкое проявление крайних автономных тенденций; вторичная неудача грозит целостности Российской империи и низведет ее на положение второстепенного государства» [Там же. Л. 3–3 об.].

На этом фоне не прошел незамеченными для членов Совещания и целый ряд военных реформ, намеченных в Японии еще до приведения армии на мирное положение. Приближался третий срок военных реформ, и 11 (24 по н. ст.) апреля в Токио прошло совещание по реорганизации армии. Из произнесенных там речей наибольшего внимания, по мнению председателя Совещания, заслуживала речь начальника Генерального штаба Японской императорской армии

Кодама Гэнтаро (скончавшегося вскоре после этого в возрасте 54 лет): «Благодаря Вашим стараниям, господа, наша армия пользуется в настоящее время у иностранных держав всеобщим почетом и уважением. Но на основании опыта минувшей кампании, все-таки – мне думается – многое негодное нужно будет отбросить и заменить новым, лучшим. Теперь как раз наступает третий срок реформ, после которого расширение наших сухопутных сил и постановка их на должную высоту будут закончены. С четвертого года Мейдзи (1871) у нас введена *всеобщая воинская повинность* и тогда же решено было развернуть и усовершенствовать нашу армию в три срока. Первый срок наступил в 14-м году Мейдзи (1881); с этого времени мы стали *развертывать существовавшие до того бригады в дивизии*. Опыт оказался удачным как это показала Японо-Китайская война (1894–1895 гг. – *Р.А.*). По окончании последней наступил второй срок реформ, во время которого мы стремились *поставить военные знания нашей армии на должную высоту*. Опыт минувшей войны оправдал наши ожидания. Теперь-же, в настоящий момент, нам нужно еще более развернуть и усилить нашу армию. С будущего года эта армия вступает в свой зрелый возраст и должна обнаружить всю свою энергию и деятельность соответствующую этому возрасту. **Хотя наружно мы и заключили теперь мир с Россией и опять вступаем с ней в дружеские отношения, но в действительности мы остались врагами. Помните, господа, что Россия для нас непримиримый враг**». Более того, по данным разведки, на этом же заседании решили, что военная политика Японии должна вестись с целью «окончательного удаления России с побережья Тихого океана вглубь Сибири» [18. Л. 3–3 об.].

В этой ситуации дыры в оборонительной системе империи на далекой окраине нужно было срочно латать, тем более что стратегическое положение России в регионе значительно ухудшилось после Русско-японской войны 1904–1905 гг. По мнению участников Совещания, в грядущей кампании на стороне противника оказывались два главных преимущества: свобода десанта в любое время и в любом пункте и огромные местные продовольственные средства густо населенной Южной Маньчжурии. «При такой обстановке не только исход самой борьбы, но даже фактическая для нас возможность вступить в таковую будет всецело и исключительно зависеть от того, в каком положении окажутся к тому времени **Сибирская, Забайкальская, Амурская и Китайская железные дороги**» [Там же. Л. 3 об.]. По-видимому, главными операционными направлениями противника в будущей войне считались: 1) Порт-Артур – Мукден – Харбин; 2) Сасебо – Владивосток – Никольск, и вспомогательным: 3) Сахалин (Япония) – Низовья Амура. Причем считалось, что хотя операции японцев в направлении Сахалин – Амур и будут второстепенными, но можно быть уверенным, что для их ведения будут назначены достаточные силы, и сама операция будет разработана не менее детально, чем главная, поскольку «овладение неприятелем устьем Амура, даже независимо от предоставления ему господства над побережьем и прилегающей местностью, – открывает ему доступ к Хабаровску, и дальше приведет к легкому захвату всего края вверх по течению реки, что во многих отношениях принесет нам материальный и моральный ущерб, и *прервет окончательно связь Уссурийского театра военных действий с Империей и даст возможность противнику действовать в тыл войскам, обороняющим Южно-Уссурийский край, что поставит их в весьма тяжелое положение.* Самый захват Амура может быть выполнен противником или *атакой открытой силой его устья* или же *одним из обходных путей* – через заливы Счастье или де-Кастри, или же следуя долиной реки Чоми через Богородский перевал» [18. Л. 3 об.–4].

Все обходные операции в этом крае, при полном отсутствии хорошо устроенных путей сообщения, считались чрезвычайно тяжелыми, и, «надо думать, что противник решится их предпринять в случае крайней необходимости и безвыходного положения, вследствие невозможности выполнить прямой захват Николаевска и устья Амура». Вообще, ведение военных действий в Приамурье было возможно только в течение 4–5 летних месяцев, во время навигации по р. Амур. Время распутицы, весной и осенью, исключало даже возможность каких-нибудь операций по причине отсутствия путей сообщения, а зимой – из-за сурового климата. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. были и перевозки на о. Сахалин, и отправление партий запасных, но лишь единичные случаи. По этой причине Совещание заключило, что «подготовление к экспедиции противник постарается сделать *в течение зимнего периода, с расчетом начать военные действия весной насколько возможно ранее, чтобы успеть отрезать наши войска на Южно-Уссурийском театре войны от главных сил и постараться закончить операции до осени, и этим избежать необходимости вести тяжелую зимнюю кампанию в Приамурском Крае*. При избытке в живой силе, в особенности в первое время по объявлении войны, надо думать, что Южно-Уссурийский край будет наводнен Японскими войсками, которые, не останавливаясь ни перед какими потерями и жертвами, поставят главной целью утвердиться в Крае до наступления осени» [Там же]. Поэтому оборону нужно было продумать очень тщательно.

Вот тут-то и выяснилось, что в Петербурге до сих пор даже географии региона толком никто не знает! Пришлось «сознаться, что, несмотря на то, что мы этим краем владеем уже пятьдесят лет, мы знаем о нем слишком мало». В распоряжении Совещания имелись отдельные съемки, промеры, исследование различных районов этой местности разными министерствами, главным образом Министерством путей сообщения, но не было карт, «достаточно подробных, чтобы можно было с уверенностью ввести важный элемент подробного знания края в дальнейшие соображения Совещания по его защите. Во всяком случае, все, что возможно было получить в этом отношении, Совещанием было получено и принято во внимание при разработке плана защиты» [Там же. Л. 4 об.].

В результате при разработке плана обороны низовьев и устья р. Амур пришлось оперировать самыми общими данными, даже при описании гидрографиче-

ских условий этой реки: «Река Амур, начиная от Хабаровска, течет на северо-восток, иногда несколькими, иногда одним рукавом, ограничиваясь с правой стороны горами, спускающимися к реке крупными скатами, и с левой – обширной болотистой низиной, заливаемой высокими водами и изобилующей речками и озерами. Против селения Малмышского, в Амур впадает протока из самого большого озера в бассейне Амура “Болен-Оджал” (1 200 кв. верст). Озеро имеет 60 верст в длину, питается несколькими речками и представляет собой одно из запасных водохранилищ, поддерживающих уровень воды нижнего Амура в малую воду (бар реки Амур. Инденер П.П. Чубинский стр. 121 [20]). Обстоятельство это может играть некоторую роль в случае *вопроса искусственного обмеления самого Амура*. От селения Средне-Тамбовского, Амур течет то в крутых и гористых берегах узким и глубоки руслом, то расширяется и окаймляется опять же болотистою местностью по своему берегу. У селения Софийска река разбивается на две протоки – Мариинская и Старый Амур, из которых русло Старый Амур более глубокое. В 90 верстах от устья в Амур *вливается река Амгунь*, настолько судоходная, что на протяжении 100 верст от ея устья по ней могут ходить суда с углублением более 6-ти футов. В 60 верстах от Николаевска в реку впадают с левой стороны протоки из озер Орел и Чля. От Хабаровска до Николаевска река имеет ровную глубину за исключением 16-ти перекатов, из которых только три имеют сравнительно малую глубину – 11 футов в самую низкую воду. *В общем можно предположить, что суда с осадкой 12 фут могут беспрепятственно плавать от Николаевска до Хабаровска и за редкими исключениями даже до устья реки Сунгари. Как ниже будет приведено, эта же осадка допускает плавание по обеим фарватерам в лимане Амура – северному и южному*» [18. Л. 4 об.–5].

Точных карт с глубинами озер Кизи, Када, Орел и Чля в распоряжении Совещания вообще не было, а источником сведений по этому вопросу стал… бывший начальник управления водных путей Амурского бассейна, генерал-лейтенант А.А. Березовский! По его словам, как в оз. Кизи, так и в протоке было возможно плавание судов с осадкой 4 фута. Далее участники Совещания констатировали, что «судя по картам река Амур вливается в Татарский пролив двумя руслами. Однако, по заявлению местных жителей, по характеру распределения удельных весов и температур, по количеству вытекающей из Амура воды, а также по плаванию японских шхун нужно думать, что кроме вышеуказанных двух фарватеров *имеются и другие, нам не известные.* Вообще говоря, имеющихся сведений о состоянии наших фарватеров далеко не достаточно и необходимо произвести более тщательное и полное гидрографическое исследование Татарского пролива, которое, несомненно, откроет еще много нового и важного для мореплавания» [Там же. Л. 5]. Предположения, не основанные на точном знании фактов, приводили к серьезным ошибкам, ибо на самом деле фарватеров было именно два. Иными словами, знания по этому вопросу в петербургских канцеляриях остались примерно на уровне открытий Г.И. Невельского более чем полувековой давности! Дальнейшее описание фарватеров было приведено по работе П.П. Чубинского [20], на основании данных которой был сделан вывод, что если бы потребовалось углубление одного из фарватеров, то предпочтение следовало бы отдать северному, тем более что замерзал он позже. Причем, нужно было иметь ввиду следующее: «Первым замерзает южный бар и затем уже лед переходит в устье Амура и северный фарватер. Весной картина меняется и первым, годным для навигации, делается северный фарватер». Средняя продолжительность навигации была определена примерно в 120 дней, с мая по сентябрь включительно. Обычно первое судно приходило в Николаевск в первых числах июля, а последнее уходило в первых числах октября [18. Л. 5 об.]. Существенно осложняло разработку обороны района и то, что оба амурских фарватера соединялись «между собою третьим – Сахалинским, который, по мере поднятия своего на север, становится все глубже и глубже: у пролива Мамия-Ринза (в настоящее время пролив Невельского. – *Р.А.*) он имеет 18 фут, а при выходе в Охотское море 54 фута». Это делало возможным переход из залива Де-Кастри в Николаевск по Сахалинскому фарватеру с переходом на северный [Там же].

Впрочем, описание фарватеров в докладе было хотя и не очень подробным, но в целом верным. Куда более общими были представления о заливах Счастья, Де-Кастри и местности к северу от последнего, причем базировались эти представления практически исключительно на «Лоции северо-западной части Восточного Океана» [21], а р. Амгунь была известна им только по тринадцатому выпуску «Материалов для описания русских рек» [22].

Таким образом, информация о важнейшем со стратегической точки зрения заливе Де-Кастри, который нужно было подготовить к обороне в первую очередь (это было сделано уже в советское время), исчерпывалась тем, что он и ряд небольших бухточек по обе его стороны гораздо более удобны для высадки, чем залив Счастья. «Небольшое расстояние от озера Кизи (25 верст), с перевалом небольшой высоты и возможностью попасть из озера в Амур при помощи протоки, отсутствие волнения при южных ветрах, – все это заставляет думать, что эта местность будет выбрана неприятелем, как вспомогательная операционная линия, если ему не удастся попасть в устье Амура. Залив со всех сторон окружен высокими горами, склоны которых доходят до залива образуя крутые скалистые берега, большей частью умеренной высоты, покрытые вплоть до самого моря густым гнилым тонкоствольным еловым лесом. Подмываемые снизу приливами и отливами и разрушающиеся атмосферными осадками и морозами, берега залива постоянно обваливаются и образуют покрытые камнями отмели, иногда отходящие на значительное от берега расстояние. Весь берег изрезан мелкими бухтами. <…> С Апреля по Сентябрь дуют SO ветра, приносящие столь густые туманы, что войти в залив можно только будучи очень хорошо знакомым с его бухтой. Лед в бухте наносной. Он становится в начале Декабря, а расходится в первой половине Апреля, но бывали случаи, что он расходился во второй половине Марта. Севернее залива

де-Кастри имеется группа островов Чакмут, вблизи которых впадают реки Чоми и Тыми, которые имеют значение в том отношении, что через них лежит *удобный и кратчайший выход на берег реки Амура к селению Богородскому*, по единственному топографически исследованному перевалу, не более 65-ти верст протяжением» [18. Л. 6 об.]. Без точных карт и географических описаний даже обсуждать необходимые меры по обороне Де-Кастри было нельзя.

Трагичная по сути ситуация с отсутствием знаний географии столь важного региона имела вполне зримые практические результаты – начало масштабных топографических работ на р. Амур. Уже в 1907 г. Окружной военно-топографический отдел Приамурского военного округа провел тригонометрические работы в Уссурийском крае и по р. Амур для обеспечения «опорными пунктами двухверстных съемок». Тогда же была снята в полуверстном масштабе часть окрестностей г. Хабаровск, произведена двухверстная и маршрутная съемка на р. Амур [23. С. 29–30]. Активные работы по картографированию этих территорий продолжились и в последующие годы. Даже 4 года спустя, в 1912 г., отдел проводил инструментальные съемки в двухверстном масштабе на правом берегу р. Амур и в районе крепости Николаевск [24. С. 20], там же велись и топографические работы. Геодезические работы заключались в «проложении первоклассной сети на север от Хабаровска, вдоль реки Амура и вдоль берега Тихого океана… в проложении второклассной сети в Южно-Уссурийском крае по побережью Тихого океана – на левом берегу Амура и по побережью Татарского пролива на правом берегу, а картографические работы заключались в составлении 40-верстной карты Амурской области [24. Приложение № 2 Отчет ГУГШ С. 35–36]. Однако все это было уже после.

В 1906 г. именно на описанных выше зыбких основаниях и пришлось подготовить «Общие соображения об организации обороны», а затем и весь план, пока не были закончены срочные военно-топографические работы. Анализ всех собранных как комиссиями, так и самим Совещанием материалов ясно показывал, что в данном случае «никоим образом не представляется возможным ограничиться в отдельности **одной сухопутной обороной**, или обороной водного пространства **при помощи речной флотилии**, а для более полного решения вопроса должна быть применена **и та и другая**. Строго говоря и применение вышеуказанных мер не может считаться обстоятельным решением вопроса. Защитить не только устье Амура, но и все Восточное побережье может **только линейный флот по силе, превосходящий флот нашего будущего противника**. Все другие способы защиты, по сравнению с этим, могут считаться только **полумерами**, и прибегать к сим заставляет только **безвыходная необходимость**» [18. Л. 7–7 об.]. Принимая во внимание, что новая война с Японией может вспыхнуть также неожиданно, как и прошлая, и что «оставить нашу дальнюю окраину без защиты» нельзя ни в коем случае, Совещанию «оставалось решить вопрос, как же организовать эту защиту по возможности **в кратчайший срок с наименьшими затратами, при условии наибольшей ея действительности**».

Таким образом, вопрос о создании линейного флота отпал сам собой. Совещание ограничилось более скромной программой защиты устья реки, ее берегов и некоторых пунктов соответствующими укреплениями, а водного пространства и берегов – «флотилией соответствующего числа, которая могла бы бороться с судами противника» [18. Л. 7 об.].

Далее, чтобы выяснить какие суда, с каким вооружением японского и китайского флотов (а военные расчеты строились исходя из вероятности союза этих государств) могут войти в устья р. Амур, Совещание попросило представителя Морского генерального Штаба дать справку [Там же]. Кроме того, последовало формирование нескольких комиссий: комиссии при Особом Совещании, по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре, под председательством того же И.М. Дикова, из представителей флота и генерал-лейтенантов: А.П. Протопопова, А.А. Березовского и генерал-майора К.И. Величко, и об организации сухопутной обороны низовьев р. Амур под председательством генерал-лейтенанта А.П. Вернандера (в составе всех членов Особого Совещания военно-сухопутного ведомства) [18. Л. 7 об., 18, 27]. Каждая из них должна была проработать определенную группу вопросов и предоставить журнал со своими выводами в СГО. На основании этих журналов был выработан итоговый весьма секретный «Доклад об организации обороны низовьев реки Амура» от 22 декабря 1906 г. (в фондах ГА РФ сохранился экземпляр № 16), в качестве приложений к которому были отпечатаны: «Журнал Комиссии при Особом Совещании, под председательством генерал-адъютанта Дикова, по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре. Заседание 2-го ноября 1906 года» (Приложение № 1), «Журнал № 8 Особого Совещания при Совете Государственной обороны, под председательством генерал-адъютанта Дикова, по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре. Заседание 20-го Ноября 1906 года» (Приложение № 2) и «Доклад Председателя Комиссии при Особом Совещании Совета Государственной обороны об организации сухопутной обороны низовьев реки Амура» от 10 ноября 1906 г. (Приложение № 3), «Проект бронированных лодок Путиловского, Невского и Сормовского заводов» и «Атлас плавучих средств Путиловского, Невского и Сормовского заводов», а также карты (масштаб 40 верст в дюйме) с примерным указанием кружками расположения предположенных к строительству объектов [18. Л. 1–2, 17–21, 22–23 об., 24–27, 28].

Положительную роль в работе сыграла тесная координация Военного и Морского министерств, поскольку оборону устья р. Амур можно было вести только совместными усилиями армии и флота, а значит, и проект этой обороны необходимо было разрабатывать совместно. Сработала концепция, заложенная изначально в СГО при его организации, – иметь орган, координирующий решение вопросов повышения обороноспособности империи, в целях снижения трений между отдельными ведомствами (военным,

морским, финансов и иностранных дел) и повышения оперативности работы [11; 15. С. 12–13]. Это был один из немногих случаев, когда заложенную в СГО концепцию удалось с успехом реализовать на практике, не превратив дискуссию в сплошное препирательство и скандал, как в случае с обсуждением вопроса об усилении Владивостокской крепости [3. Ч. 2. С. 38–41]. Координация прослеживается уже по составу участников комиссии при Особом Совещании, под председательством генерал-адъютанта И.М. Дикова, по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре, в заседании 2 ноября 1906 г., где присутствовали председатель генерал-адъютант И.М. Диков и члены: генерал-лейтенанты А.А. Березовский и А.П. Протопопов, генерал-майор К.И. Величко, капитаны 1-го ранга А.Ф. Гейден и М.В. Бубнов, капитаны 2-го ранга К.И. Дефабр и М.М. Римский-Корсаков (3-й), подполковник В.А. Штенгер. Таким образом, во «флотскую» комиссию вошли не только представители флота, но и некоторые члены Совещания, могущие быть полезными при рассмотрении вопроса о подвижной обороне [18. Л. 18].

Осенью 1906 г. комиссия занималась сбором необходимых материалов и проработкой вопроса, причем в основу работы были положены несколько основных стратегических соображений: «Овладение неприятелем устьев реки Амура, даже независимо от предоставления ему господства над побережьем и прилежащей местностью, облегчит доступ ему к Хабаровску и дальше приведет к легкому захвату всего края вверх по течению реки, что во многих отношениях нанесет нам материальный и моральный ущерб, прервет окончательно связь Уссурийского театра военных действий с Империей и даст возможность противнику действовать в тыл войскам обороняющим Южно-Уссурийский край, что поставит их в тяжелое положение.

В виду географических условий низовья Амура, захват его может быть выполнен противником одним из нижеследующих способов: 1) прорывом флота к устью реки, 2) высадкой десанта в заливе де-Кастри и, пользуясь дорогами через перевал, завладением Мариинска и Софийска, 3) высадкой войск на севере в заливе Счастья и в близи лежащих местностях, 4) или же следуя долиной реки Чони через Богородский перевал. Однако, три последних операции настолько тяжелы, что, нужно думать, противник попытается их осуществить только в крайнем случае полнейшей невозможности выполнить первую. …Таким образом главною целью, которую должна преследовать организация защиты устья Амура и его низовьев – ставить противнику препятствие на каждом шагу, задерживая его движение вперед, независимо от того, будет ли оно через устье вверх по Амуру или же по одному из вышесказанных направлений» [18. Л. 18 об.–19].

Исходя из этого, комиссия пришла к заключению, что подвижная оборона Амура, наиболее отвечающая текущей ситуации и финансовым возможностям, должна состоять: 1) из речной флотилии; 2) плавучих средств, наиболее необходимых для ее обслуживания; 3) баз для снабжения и баз операционных, достаточно защищенных; 4) особого запаса орудий для внезапного для противника вооружения заранее намеченных пунктов; 5) минных заграждений как самой р. Амур и фарватеров Татарского пролива, так и, в случае необходимости, заливов Счастья и Де-Кастри; 6) наблюдательных пунктов и сторожевой службы [18. Л. 19].

Далее комиссии предстояло разобраться в деталях и, прежде всего, хотя бы в общих чертах, с составом предполагаемой речной флотилии. После продолжительных дискуссий было решено, что в составе флотилии нужно иметь: «а) 10 лодок (броненосных) от 3 500–4 000 тонн; б) 4 подводных или водобронных лодки; в) 2 заградителя на 200 мин каждый; г) 2 миноносца, разведчика, которые можно не строить специально для Амура, а взять в Владивостоке» [18. Л. 19]. Лодка типа (а) для Амура, должна иметь артиллерию: два 12-дюйм. орудия в 50 калибров и восемь – 120 мм или четыре – 8-дюйм. также в 50 калибров и восемь пушек 120 мм. Вся артиллерия в башнях. Лодки с орудиями должны быть защищены 6-дюйм. броней по борту на $^{2}/_{3}$ длины судна. Оконечности достаточно защитить 4-дюйм. броней. «Бортовая броня должны быть ниже G.W.L. на 4’». Палуба должна быть забронирована 2-дюйм. броней с утончением ее к оконечности до 1 ¼-дюйм. Броня башен для 12-дюйм. пушек вертикальная 6-дюйм. и крыши – 2-дюйм., для башен 8-дюйм. вертикальная 5-дюйм. и крыши – 2-дюйм., для 120 мм – вертикальная 4-дюйм. и крыши – 1 ½-дюйм. Комиссия отмечала, что калибр орудий и толщина брони устанавливаются в зависимости от сил предполагаемого противника, а также исходя из последних постановлений Морского технического комитета (МТК) [18. Л. 19].

Особо отмечалось, что «хотя назначение судов – плавание в низовьях Амура и его фарватерах, но они должны быть настолько мореходны, чтобы выходить в Татарский пролив во всякую погоду и настолько прочны, чтобы иметь возможность плавать во время ледохода. Осадка судов не должна превосходить 12 фут. для плавания по обоим фарватерам Татарского пролива и, при благоприятных обстоятельствах, по Амуру до Сунгари. Суда должны быть поворотливы и иметь якоря и приспособления для их подъема не только с носа, но и с кормы. Скорость хода от 12–14 узлов, район плавания 2.000 миль экономическим ходом, чтобы суда не нуждались в частых возвращениях к месту погрузки угля или нефти (которая, как топливо, предпочтительнее из-за удобства погрузки). Суда должны иметь хорошие средства для водолазных работ» [Там же. Л. 19–19 об.]. Эти же суда должны были иметь возможность брать на короткий срок (2–3 дня) отряд около роты, к которому при высадке на берег мог присоединяться судовой десант с пулеметами, которые предполагалось иметь вместо десантных пушек. На судах должны были быть 2 скоростных катера (20–25 узлов) для рекогносцировки и дозорной службы и 2 катера, специально приспособленных для траления и очистки фарватеров от мин и снятия минных заграждений. Лодки предполагалось оснастить беспроволочным телеграфом (т.е. радиосвязью), действующим на максимально возможное расстояние [Там же. Л. 19 об.].

Назначение судов типа (а) – «отразить атаку открытой силой, а в случае благоприятных обстоятель-

ств, самим атаковать неприятеля», число их было определено в расчете вступить в бой одновременно на двух выходных фарватерах Амура. Комиссия отмечала, что постройку этого типа судов, «отчасти вследствие их малой мореходности, отчасти вследствие политических соображений желательно выполнить где-нибудь на Амуре, под прикрытием предполагаемых укрепленных пунктов». Что касается расходов, то, по справке МТК, стоимость одной лодки, при постройке ее в Петербурге, должна была составить 3 500 000 руб. [18. Л. 19 об.]. Менее реальной казалась идея со строительством подводных лодок (б), тип которых Совещание «не определяет, но полагает, что такие лодки должны иметь 2 минных аппарата и район надводного плавании 500 миль и подводного 40 миль». По справке МТК, стоимость подводной лодки, при постройке в Петербурге, составляла 400 000 руб. Заградитель (в) должен был иметь возможность поставить безостановочно от 200–300 мин, скорость хода 12 узлов и район плавания 2 000 миль экономическим ходом. Что касается себестоимости, то, исходя из цены черноморского заградителя типа «Буг», такой корабль должен был стоить 500 000 руб. (без мин) [Там же. Л. 19 об.–20].

Прикинув в общих чертах силу и состав речной флотилии, комиссия перешла к решению еще более сложной задачи, а именно к обсужденною вопроса о «плавучих средства для обслуживания речной флотилии», поскольку какой-либо специальной инфраструктуры для предположенной к строительству флотилии на р. Амур не было. Таким образом, средства эти должны были состоять из: «а) одной самодвижущейся баржи – мастерской для наиболее необходимых ремонтов флотилии в Николаевске; б) двух ледоколов-буксиров, способных буксировать плавучий док или же лодку в 3.500 тонн; в) одной баржи для жилья второй смены подводных лодок на 150 человек; г) плавучего дока в 6 000 тонн из 6 частей, каждая часть должна быть автономна; д) крана плавучего». Примерная стоимость их исчислялась: «а) самодвижущейся мастерской в 2 000 тонн около 1 000 000 руб.; б) двух ледоколов-буксиров типа “Надежда” по 500.000 руб., около 1 000 000 рубл.; в) баржи для жилья 150 человек – 60 000 рубл.; г) одного плавучего дока в 6 000 тонн, около 1 000 000 руб.; д) одного крана подъемного на 100 тонн, около 200 000 руб.» [Там же. Л. 20].

В заключении комиссия указывала, что для действительной обороны устья и низовьев Амура, кроме береговых укреплений, необходимо «...десять речных лодок от 3 ½ до 4 тыс. тонн водоизмещения, вооруженных или двумя 12” и 8–120 мм или четырьмя 8” и восемью 120 мм орудиями; два заградителя и не менее четырех подводных или водобронных лодок, что вместе с перечисленными выше плавучими средствами для обслуживании флотилии, потребует единовременного расхода, при постройке в Петербурге около 40 860 000 руб., кроме устройства баз, на что потребуется, вероятно, еще миллиона два» [Там же]. Впрочем, догадываясь, что столь большой суммы в бюджете империи просто нет и проект все равно придется радикально сокращать, комиссия ниже писала, что средства подвижной обороны на нижнем Амуре «в случае крайности, представляется возможным уменьшить до 5 броненосных лодок, 2 заградителей и 4 подводных лодок, для чего, не уменьшая вспомогательных и плавучих средств, потребуется, при постройке судов в Петербурге, около 23 360 000 руб., а вместе с устройством баз около 25 млн руб. Такая уменьшенная нижнеамурская флотилия хотя и не вполне обеспечит оборону устья Амура, но, во всяком случае, может, на более или менее продолжительное время, задержать как прорыв неприятельского флота в Амур, так и движение его вверх по реке до Хабаровска» [18. Л. 20].

Еще одной проблемой была доставка кораблей до места службы, что следовало учесть при постройке, «ведь отправление ее океаном нежелательно по политическим причинам, так как Япония может и не допустить флотилию в Николаевск». Стоимость постройки непосредственно на р. Амур была «очень велика вследствие отсутствия сталелитейных заводов и большой цены рабочего труда. Поэтому желательно отправить морем только то, что может быть окончательно собрано в России (орудия, станки, механизмы, котлы и т.д.)». Последний комбинированный вариант был принят за рабочий. Место для верфи гипотетически могло было быть выбрано на берегу р. Амур, между селением Верхнее-Тамбовским и Николаевском или в Хабаровске, но здесь были свои тонкости. Первый район был выгоден тем, что «с устройством щита и укрепленных пунктов, он будет защищен от внезапного захвата неприятелем и, стало быть, от разрушения верфи», однако минус его заключался в отсутствии железной дороги, соединяющей его с Европейской Россией и, следовательно, с заводами, вследствие чего подвоз материалов мог производиться только на океанских пароходах в течение 4 летних месяцев навигации по р. Амур. «В остальное время года сообщение этого пункта с Хабаровском будет крайне затруднено, а во время распутицы и совсем прекращаться». Верфь, устроенная в Хабаровске, сообщалась с Россией при посредстве КВЖД или через Владивосток круглый год. «Но постройки на ней, следствие большого торгового оживления в Хабаровске, скрыты быть не могут, и, стало быть, будут находиться под непременным наблюдением Японцев». Хабаровск, по мнению комиссии, мог быть после быстрого занятия Южно-Уссурийского края атакован с юга неприятелем, который для этой цели может воспользоваться Уссурийской железной дорогой. «Чтобы избежать разрушения верфи и захвата материалов и судов, придется защищать Хабаровск с юга», – обреченно констатировала комиссия, однако решение этого вопроса решила предоставить особому совещанию при участии всех членов его. Тем же порядком предполагалось обсудить и еще несколько проблемных вопросов [Там же. Л. 20–20 об.].

Еще одна из принятых комиссией мер была чисто практического свойства. Решив проверить, насколько хотя бы теоретически достижимы с технической точки зрения те требования, которые они наметили для кораблей Амурской флотилии, по предложению председателя Особого Совещания комиссия обратилась с техническими заданиями напрямую к судостроитель-

ным заводам с просьбой предоставить соответствующие проекты. В результате некоторыми заводами (Сормово, Путиловский и др.) были представлены эскизные проекты лодок, заградителей, подводных лодок и плавучих средств. «Не беря на себя деятельное рассмотрение проектов, комиссия находит некоторые типы предположенных заводами судов вполне отвечающими тем заданиям, которые были даны ею. Так, эскизный проект однобашенной и двухбашенной лодки Путиловского завода очень хорош и не оставляет желать лучшего как только, чтобы все обещания завода были бы выполнены в предполагаемом водоизмещении» [18. Л. 20–20 об.].

Обсуждение продолжилось 20 ноября 1906 г. уже на заседании самого Особого Совещания при СГО по вопросу об организации подвижной обороны на нижнем Амуре под председательством того же И.М. Дикова. В заседании присутствовали: генерал-адъютант И.М. Диков, генерал-лейтенанты А.П. Вернандер, А.П. Протопопов и А.А. Березовский, генерал-майоры К.И. Величко и А.А. Якимович, флигель-адъютант капитан 1-го ранга граф А.Ф. Гейден, капитан 1-го ранга М.В. Бубнов, полковники Л.М. Болховитинов, Г.Н. Данилов и Л.Л. Фриман, капитаны 2-го ранга К.И. Дефабр и М.М. Римский-Корсаков, а также специально приглашенные: генерал-лейтенант П.К. Рутковский (начальник штаба Приамурского военного округа) и подполковник В.А. Штенгер (начальник канцелярии Морского министерства). «В дополнение к постановлению 2-го ноября 1906 года, Особое Совещание рассматривало вопросы по § 3, 4, 5 и 6 вышеуказанного совещания о базах, особом запасе орудий, минных заграждений и об организации наблюдательных пунктов» [Там же. Л. 21 об.–22]. Начали с вопроса о базах снабжения и операционных. При выборе места для этих баз принималось во внимание, что «глубина осадки судов вновь проектируемой флотилии (12 фут.) дозволяет выбрать пункт для базы снабжения, т.е. такой, где будут храниться запасы, устроены мастерские и сосредоточены средства для исправления капитальных повреждений судов флотилии, – только в районе между Хабаровском и Николаевском» [Там же. Л. 22–22 об.]. Хабаровск как пункт, лежащий на границе районов предполагаемой деятельности средней и нижней Амурской флотилии, да еще и соединенный с Европейской Россией железной дорогой, представлял большие выгоды, но как главная база для флотилии имел и крупные недостатки, отмеченные выше.

В отношении безопасности базы снабжения Хабаровск значительно уступал пунктам, находящимся между Зеленым Бором и Николаевском, которые, «с постройкой предположенных Совещанием укрепленных пунктов, будут защищены от внезапного захвата неприятелем. Однако отсутствие удобных путей сообщения зимой и во время распутицы, когда, надо думать, на судах флотилии будут производиться наиболее капитальные ремонты, делает эти пункты неудобными и заставило склониться Совещание к выбору места для *базы снабжения где-нибудь вблизи Хабаровска, напр. на Красной речке или другом более удобном месте, при условии, чтобы Хабаровск был защищен*» [18. Л. 2 об.]. Суда флотилии, по мнению Совещания, тоже было желательно строить где-то вблизи Хабаровска, «причем все требуемые мероприятия и постройка верфи для создания Амурской флотилии должны быть согласованы с предполагаемым устройством здесь главной базы для флотилии» [18. Л. 22 об.]. Следует отметить, что в итоге база флотилии была построена в Осиповском затоне, недалеко от Хабаровска, причем место было выбрано настолько удачно, что она используется по прямому назначению и в наши дни.

При выборе мест для операционной (маневренной) базы Совещание столкнулось с тем, что за почти полным отсутствием портов по побережьям р. Амур и Татарского пролива устройство правильно организованных операционных баз со вспомогательными пунктами и со всеми необходимыми мастерскими, запасами снабжения, минным составом и т.п., т.е. «всем тем, что могло бы понадобиться флотилии для ее приготовления к выходу в море для операций против неприятеля, обошлось бы чрезвычайно дорого и отвечало бы требованиям обороны только устья реки». Принимая во внимание, что ни одна военно-морская экспедиция не может, при тогдашнем типе судов, обойтись без операционных баз, Совещание выдвинуло неординарное предложение: «*...для этой цели организовать особую плавучую базу*, которая, удовлетворяя в известной мере требованиям, предъявляемым операционной базе, могла бы быть установлена на месте, которое начальник флотилии признает наиболее подходящим в данную минуту и при данном общем стратегическом положении». На ней должны были храниться запасы топлива и боевые; иметься мастерские для исправления легких повреждений судов, баржи для жилья определенной части личного состава (вторая смена подводных лодок), т.е. «те наиболее необходимые плавучие средства, которые проектированы Совещанием для обслуживания флотилии» [18. Л. 22 об.–23].

После этого перешли к обсуждению особого запаса орудий «для быстрого вооружения в минуту необходимости избранных пунктов», который тоже было необходимо иметь на р. Амур. Здесь было уже проще, и за образец такого запаса Совещание взяло особый запас, существующий на Черном море, для укрепления необходимых пунктов, когда это потребуется и в самый короткий промежуток времени. По мнению Совещания, такой запас орудий с боевыми комплектами и всеми необходимыми для их установки средствами и личным составом был бы очень полезен для укрепления не только наиболее важных пунктов побережья, но и самой реки, например близ устья р. Сунгари. «Мелководность этой реки не позволит неприятелю создать на ней в мирное время что-нибудь особенно стойкое и сильное и можно быть уверенным, что батареи с 6 дм. орудиями и 48 линейными гаубицами очень затруднят вход в Амур небронированных судов противника. Не указывая числа орудий, калибра их и не перечисляя других принадлежностей особого запаса, что может быть выработано особой комиссией под председательством Начальника обороны нижнего Амура, Совещание считает

необходимым высказать свое мнение, что *особый запас должен храниться на баржах*, приспособленных для нагрузки и выгрузки орудий и для жительства на них обслуживающего его личного состава» [18. Л. 23]. Это обеспечило бы максимальную мобильность особого запаса, а значит, и возможность оперативно перебрасывать орудия по реке и вооружать действительно угрожаемые районы, а не всю территорию, что требовало немыслимого количества ресурсов, сил и денег, которых не было. Кроме того, было признано, что для обороны устья р. Амур и подступов к нему, а также для устройства, в случае необходимости, минных банок близ заливов Де-Кастри и Счастья в Охотском море потребуется для двух заградителей не менее 1 500 гальваноударных мин и, скорее всего, мины других типов, используемые «сухопутным ведомством». Совещание признало, что как тип таких мин, так и их количество можно определить только на месте, тем более что в Николаевске уже была минная рота с некоторым имуществом для минных заграждений. Меньше всего проблем было с проектированием устройства наблюдательных пунктов, благо большой опыт в этой области уже был наработан на месте. Наиболее важными пунктами (всего 12) для этой цели признали: бухту Мосолова, залив Де-Кастри, мысы Невельского, Муравьева, Лазарева, Пронге, Табах и Меньшикова, Лангр, Петровское, Николаевск, операционная база, а также сеть по р. Амур. Что касается организации, то ее следовало разработать Начальнику обороны непосредственно на месте [18. Л. 23–23 об.].

Параллельно с моряками работала и «сухопутная» комиссия об организации «неподвижной» обороны низовьев р. Амур под председательством генерал-лейтенанта А.П. Вернандера. Создали ее несколько позднее «флотской» (по журналу № 5 Особого Совещания СГО от 2 октября 1906 г.), поручив ей разработать вопрос о необходимых мероприятиях военного ведомства для обороны низовьев р. Амур. Комиссия провела как минимум 5 заседаний – 9, 13, 16, 20 и 23 октября 1906 г., по итогам которых в Особое Совещание были представлены 5 журналов этой комиссии (№ 1–5), в которых были опубликованы «решение на заданный вопрос и те мотивы, которые привели комиссию к определенному решению», а также доклад председателя комиссии с изложением сути того и другого. Решающее заседание этой комиссии имело место 10 ноября 1906 г. [Там же. Л. 24].

За отправную точку для принятия своих решений комиссия взяла все тот же п. 3 Высочайше утвержденного положения СГО по вопросу об образовании речной Амурской флотилии от 5 июля 1906 г., а именно: «...3 признать неотложно необходимым сильно обеспечить оборону низовьев Амура с целью преграждения противнику доступа в реку, для чего создать в наиболее соответственных местах укрепленные пункты и развить в должном размере все необходимые средства для подвижной и неподвижной обороны нижнего течения и устья Амура». Однако поскольку Особое Совещание в своем журнале № 4 от 25 сентября 1906 г. «вполне определенно и в положительном смысле выразило свое суждение, как относительно необходимости прежде всего создать заслон на реке Амуре, ниже Хабаровска, так и относительно необходимости образовать оборону устья Амура для воспрепятствования прорыву неприятельских судов в реку, при условии одновременного применения подвижных и неподвижных средств Военного и Морского ведомств, то комиссия приняла к руководству эти частные решения в дополнение к п. 3…» [18. Л. 24–24 об.].

После многократных обсуждений комиссия пришла к четырем основным положениям, которые и были приняты большинством голосов.

1. На нижнем течение р. Амур и «в прилегающей стране противник разовьет свои операции с целью вообще угрожать Хабаровску в тыл, и, в частности, для захвата устья Амура и нанесения нам этим нравственного вреда; эти операции будут все-таки второстепенные – ибо главное действие противника, направленное к уничтожению нашей армии, разыграется в Южно-Уссурийском крае». Если противником будут японцы, то есть основание думать, что второстепенные операции на нижнем течении р. Амур они проведут энергично и при сравнительно больших средствах. К сожалению, «в виду необходимости быть возможно сильными на главном театре военных действий, а также в силу различных местных условий, нам приходится ограничиться возможно меньшими войсковыми силами для обороны» низовьев р. Амур.

2. Занятие противником устья Амура и прилегающей страны облегчит ему вход флотилиями в реку для дальнейшего движения вверх по Амуру для угрозы Хабаровску. «Занятие Амура могло бы служить целью для противника само по себе, но угроза Хабаровску в тыл представит специальное предприятие, для нас опасное».

3. Для противодействия захвату устья Амура и дальнейшего течения реки как пути сообщения, без которого, по местным условиям, немыслимы операции противника вообще в области нижнего течения р. Амур, достаточно ограничиться обороной собственно течения реки; от обороны же побережья Татарского пролива и отчасти Охотского моря с целью воспрепятствовать противнику сделать высадку и двинуться к Амуру необходимо отказаться на том основании, что «этот способ противодействия вызвал бы постройку на побережье крепостей и укреплений значительных размеров, на значительном расстоянии друг от друга, с прочною связью между ними, что, в свою очередь, потребовало бы значительных живых сил, которыми мы не располагаем, и обусловило бы весьма серьезные денежные расходы. К тому же нет возможности оборонять все места, вероятных высадок на побережье; и хотя ныне указывается на два-три таких пункта, однако, вследствие недостаточного исследования побережья, нельзя поручиться за то, что на длинной его линии не найдутся еще пункты, кроме ныне известных, где возможны высадка и, следовательно, построенные крепости могли бы оказаться бесполезными» [Там же. Л. 24 об.]. Одновременная оборона собственно низовьев р. Амур и побережья Татарского пролива с частью Охотского моря потребовала бы еще больших живых сил и денежных затрат; оборона же нижнего течения р. Амур как необ-

ходимой для противника коммуникационной линии «твердо решает, сама по себе, во всяком случае вопрос о закрытии противнику реки для движения по ней от устья вверх». Причем так как оборона низовьев р. Амур, по Постановлению СГО, должна основываться непременно «на совокупном действии Военного и Морского ведомств, и так как средства Военного ведомства имеют характер более постоянный и устойчивый и лучше могут быть применимы для упорной обороны совершенно определенных в настоящем случае пунктов, средства же Морского ведомства подвижны и не могут быть привязаны к тому или другому пункту берега», то, основывая оборону низовьев р. Амур на совокупном действии средств военного и морского ведомств, было признано необходимым организовать ее в зависимости от средств военного ведомства как главных средств. Средства же Морского ведомства считать хотя и весьма существенными, но вспомогательными. «Такой, вполне определенный взгляд позволяет, для настоящего случая, проектировать систему обороны на совершенно твердых основаниях».

4. Имея в виду, что для указанной обороны собственно течения Амура, в его низовьях, могли быть выделены весьма незначительное количество пехоты и немногочисленная артиллерия, «нельзя ожидать, чтобы общепринятые способы прямого противодействия операциям противника форсировать реку, могли бы привести к благоприятным результатам. Поэтому признано более выгодным принять для обороны такое расположение, при котором ея артиллерия, не ввязываясь в бой на дальних расстояниях с артиллерией неприятельских судов, могла бы, тем не менее, нанести им существенный вред, при стремлении пройти мимо занятых нами пунктов. Этому условию наиболее удовлетворяет расположение так называемых кинжальных батарей, совершенно укрытых от дальнего неприятельского огня и способных, на самых близких расстояниях, верным огнем нанести врагу смертельные поражения». Принимая за основу кинжальную оборону реки, необходимо все прочие средства военного и морского ведомств направить к возможно продолжительному сохранению этой обороны от всяких попыток противника. При этом, в виду весьма незначительного количества войск, охрану кинжальной обороны реки с суши признали возможным возложить, в каждом случае, на вполне самостоятельный долговременный форт, с соответствующим гарнизоном и снабжением, с некоторым количеством «крепостных пушек среднего калибра в бронированных башнях и проч». Речная флотилия своим огнем по судам противника должна была оказывать существенную поддержку сухопутной обороне [18. Л. 24 об.–25].

Укрепить вышеописанным способом было необходимо устье р. Амур у Николаевска, Софийск и Малмыж. Далее комиссия столкнулась с проблемой, к которой на заседаниях СГО пришлось возвращаться неоднократно, а именно с отсутствием надлежащих топографических планов и инженерных съемок местности, что полностью лишало петербургских инженеров возможности разработать адекватные проекты для обороны трех указанных пунктов [Там же. Л. 25–25 об.]. Тем не менее комиссией было признано необходимым «принципиально наметить» некоторые инженерно-технические решения по каждому пункту. По вопросу укрепления устья р. Амур у Николаевска, «для воспрепятствования противнику войти в реку с необходимыми средствами для дальнейшего движения по Амуру», было предположено:

I. Кинжальную оборону реки у Николаевска организовать в две группы; из них «переднюю» на высоте Чныррах – Таракановка, и «заднюю» на высоте м. Алона. Причем задняя группа признавалась главной, а передняя – вспомогательной. В передней группе орудийные кинжальные батареи, вооруженные 4 пушками Канэ, предполагалось расположить у м. Чныррах, а устройства для мин Уайтхеда (т.е. торпедные аппараты) – на отмели р. Амур, для действия в обе стороны. В задней группе орудийные кинжальные батареи, вооруженные 6 пушками Канэ, предполагалось «расположить у воды, в обрывистом скалистом правом берегу Амура, на супротив Николаевска, а устройства для мин Уайтхеда на мысе Алоне, для действия в одну сторону».

II. На линии передней кинжальной группы расположить три долговременных форта, из них два, «один у Чныррaха и другой у Тараканoвки, вполне самостоятельные и способные противопоставить наибольшее противодействие с гарнизонами»: первый – на батальон пехоты, а второй – на две роты пехоты. Вооружить форты предполагалось шестью 6-дюймовыми «пушками новейших образцов в броневых башнях; должно быть обращено внимание на обеспечение сообщения фортов с рекою и проч.; а третий форт – на отмели, на одну роту пехоты, специально предназначенный для прикрытия минной обороны реки».

III. На линии задней, главной кинжальной группы, расположить два долговременных форта, из них: один на возвышенном правом берегу р. Амур, приспособленный для наиболее удобного и продолжительного сопротивления с гарнизоном в один батальон пехоты; вооружение его составят шесть 6-дюймовых «пушек новейших образцов в броневых башнях; сообщение этого форта с кинжальными батареями и вообще с рекою должно быть вполне обеспеченно». Второй форт – на м. Алона на одну роту пехоты, специально предназначенный для прикрытия минной обороны реки. Кроме того, чтобы не дать противнику свободно и удобно расположиться в зданиях г. Николаевск, необходимо было иметь возможность обстреливать город и его окрестности достаточно сильным артиллерийским огнем. Поэтому, кроме 6-дюймовых пушек на фортах, «которые при круговом обстреле эту задачу будут в основном выполнять», предполагалось по соседству с кинжальными батареями, напротив м. Алона, поставить еще до десяти 8-дюймовых мортир из числа уже имеющихся в Николаевске.

IV. На каждом форту иметь всех запасов на один год, и, сообразно с этим и величиной гарнизона, следовало рассчитать число казематированных построек. При детальном проектировании форта надлежало обратить особое внимание на то, чтобы «путем технических средств и правильного расположения построек достигнуть возможно лучших условий жизни для гарнизона, вынужденного, может быть, продолжительное время пребывать в закрытых безопасных от огня помещениях».

V. Во главе гарнизона Николаевской группы укреплений, определенного в 3 батальона пехоты, должно было находиться одно лицо, со званием Коменданта; во главе гарнизона каждой из двух линий – свой начальник, старший из командиров фортов линии, а во главе каждого форта – комендант. Форты и линии «должны были быть связанны между собою подземным и подводным кабелем, всякими средствами для оптического телеграфирования и проч., и, сверх того, подобным же образом с другими укрепленными пунктами на Амуре».

VI. По приблизительному подсчету, стоимость возведения у Николаевска указанных долговременных сооружений, вооружение их артиллерией и минами Уайтхеда со снабжением, а также оборудование половины гарнизона зданиями вне фортов, для жительства в мирное время, должно было обойтись в сумму до 15 млн руб., в том числе: «...три вполне самостоятельных форта с броневыми башнями и проч., исчисляются в 3×3 500 000 р. = 10 500 000 р.; два речных форта исчисляются в 2×500 000 р. = 1 000 000 р.; артиллерийское вооружение со снабжением в 3 000 000 р.; мины Уайтхеда с принадлежностями в 250 000 р.; здание на 1 ½ батальона пехотного гарнизона для жительства в мирное время вне фортов в 250 000 р.» [18. Л. 25 об.–26].

По поводу укрепления обороны р. Амур у Софийска комиссия решила, что Софийск, безусловно, должен быть укреплен, поскольку это пункт, господствующий над сухопутными и водными сообщениями между побережьем Татарского пролива и р. Амур, точка опоры и промежуточный склад для речной флотилии, призванной действовать не только по р. Амур, но и по системе протоков и озер, расположенных в окрестностях Софийска и способных облегчить противнику переброску своих мелких лодок и иных боевых средств с побережья на р. Амур. «Таким действиям противника наша речная флотилия, опираясь на Софийск, могла бы противодействовать с большим успехом». Однако и в этом вопросе, «полное отсутствие подробных карт лишает возможности наметить здесь оборону хотя бы с некоторою долею полноты. Приходится ограничиться предположением, что здесь возможно организовать кинжальную оборону реки, с прикрытием ея одним вполне самостоятельным долговременным фортом, при гарнизоне в один батальон пехоты и при шести 6-дюймовых новейших пушках в башнях и проч., с затратой на это до 5 000 000 руб.», фантазировала комиссия при полном отсутствии на руках необходимых географических данных.

Укреплению р. Амур у Малмыжа, который обеспечивал Хабаровск с тыла в случае овладения противником всем нижним течением р. Амур, придавалось особо важное значение. В то же время на этом вполне можно было сэкономить, что и решили сделать, «так как при наличности долговременной обороны у Николаевска и Софийска есть полное основание рассчитывать на достаточное время, после начала военных действий, для соответствующего временного обеспечения обороны реки у Малмыжа, то признается возможным и достаточным заблаговременно устроить только кинжальную оборону реки и построить здания для жительства гарнизона, на что потребуется до 500 000 руб. Что же касается остальных фортификационных сооружений, то принимая во внимание, что, как сказано выше, конструкции их предполагается дать характер временных построек, то возведение их в мирное время признается излишним, необходимо только иметь заранее выработанные проекты укреплений, – дорог, вырубов лесов, установки средств для телеграфирования и проч., которые будут приведены в исполнение с объявлением войны» [18. Л. 26 об.].

Намеченные, таким образом, для обороны низовьев р. Амур мероприятия военного ведомства требовали постоянных гарнизонов для укрепления Николаевской группы в 3 батальона пехоты и для Софийска в 1 батальон пехоты при общих денежных затратах до 20,5 млн руб. Важно отметить, что, рассчитывая численность гарнизона фортов, члены комиссии достаточно четко отдавали себе отчет в том, какими силами Приамурский военный округ будет реально располагать для защиты указанной территории. «Нельзя думать, – писал А.П. Вернандер, – чтобы, при современном положении наших сил на Дальнем Востоке, для обороны нижнего течения Амура можно было бы выделить более живых сил, чем это мы сделали в минувшую Русско-Японскую войну, т.е. чтобы для низовьев Амура можно было бы выделить более 9–10 батальонов. Определяя на гарнизоны Николаевска и Софийска 4 батальона, у Командующего отрядом на низовьях Амура останется еще от 5–6 батальонов, не привязанных к укрепленным пунктам и способных нести на реке и на ее берегах разнообразную службу по разведке, по устранению попыток мелких неприятельских отрядов утвердиться на берегах реки и т.п.» [Там же. Л. 26 об.–27].

После окончания работы комиссий и подготовки всех необходимых материалов обсуждение обороны низовьев и устья р. Амур снова вернулось в Особое Совещание, которому предстояло разработать итоговый доклад для председателя СГО – великого князя Николая Николаевича-мл.

Таким образом, если вопрос об эффективности деятельности СГО по-прежнему остается открытым, а исследователи в большинстве своем склоняются к отрицательным оценкам этого органа, то как минимум часть образованных при нем вспомогательных органов была сформирована из компетентных специалистов и действительно работала, причем достаточно эффективно. Это относится как к Особому Совещанию по обороне низовьев и устья р. Амур, так и, особенно, к двум комиссиям, специально сформированным для проработки различных вариантов сухопутной и «флотской» обороны указанного района.

Последние, по сути своей, были органами межведомственными, так как включали в себя представителей как Военного, так и Морского министерств, деятельно трудившихся над решением одной проблемы. И это несмотря на то, что отношения между этими ведомствами накануне Первой мировой войны складывались далеко не безоблачно. Особенно в связи с хроническим недофинансированием армии при чрезмерном увлечении Николая II «маринизмом» [15. С. 83–103, 106–111, 125, 146–160, 350–351]. Од-

нако как только появлялось осознание серьезной, пусть и локальной, проблемы, которую можно решить только совместными усилиями, часть трений все-таки отходила на второй план. Защита входа в р. Амур являлась именно такой проблемой, осознанной обоими министерствами еще во время захвата Японией южной части о. Сахалин, которой во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. не смогли воспрепятствовать ни армия, ни флот.

Проведенное исследование показало, что распространенное в военно-морской историографии утверждение о том, что СГО 5 июня 1906 г. «принял решение о создании Амурской флотилии» [25. С. 117–119], является по меньшей мере не совсем точным, так как изначально речь шла именно о комплексном решении проблемы. Речная флотилия была *лишь одним* из элементов этого решения, однако поскольку именно данный элемент был в наибольшей степени реализован на практике, то он и оказался лучше всего изученным. Остальные, а именно фортификационная оборона низовьев р. Амур, вообще оказалось практически полностью за пределами внимания исследователей. Между тем уже на стадии проработки различных вариантов концепции оборонительного строительства в этом районе специальной комиссией были предложены поистине уникальные проектно-фортификационные и инженерно-технические решения. Идея организовать оборону р. Амур, построив в разных стратегически важных пунктах, для уничтожения кораблей противника, несколько групп кинжальных батарей, вооруженных 6-дюймовыми пушками Канэ, прикрытых с тыла от возможной атаки неприятеля специально возведенными для этой цели пехотными фортами, да еще и вооруженными шестью 6-дюймовыми «пушками новейших образцов в броневых башнях», причем в комплексе с торпедными аппаратами (аппараты для стрельбы минами Уайтхеда) для дополнительного перекрытия фарватера реки, является, по сути, новым словом в отечественной фортификации. Ничего подобного в стране для обороны рек никогда прежде не строилось, не проектировалось и, скорее всего, даже не продумывалось. Во всяком случае, до настоящего времени исследователям не были известны даже замыслы подобного строительства, так и не реализованного в итоге на практике. Это еще раз подтверждает наличие прогресса фортификационной мысли в Российской империи накануне Первой мировой войны.

Следует также подчеркнуть, что на стадии проработки в комиссиях и в Особом Совещании предполагалось, что вся эта система «неподвижной обороны» будет функционировать в комплексе с «подвижной обороной», т.е. Амурской речной флотилией, осуществляющей активные действия не только непосредственно на р. Амур, но даже в Татарском проливе. В то же время проектируемые меры не вполне отвечали реальной военной необходимости, поскольку комиссии не хватало элементарных географических данных, в отсутствии которых были виноваты несколько ведомств и лично руководство государства, поскольку для всякой империи изучение своей территории – это ключ к ее сохранению и удержанию. В Российской империи прекрасно умели организовать подобные исследования, но внимания этому уделяли явно недостаточно. Государству недоставало прежде всего знаний о собственной стране, а также инфраструктуры, без должного уровня развития которой при российских масштабах вообще была немыслима какая-либо оборона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Все даты до 14 февраля 1918 г. приведены по Юлианскому календарю, т.е. по старому стилю, за исключением отдельных случаев, когда речь идет о внешнеполитических событиях и в скобках приведена дата по Григорианскому календарю, т.е. по новому стилю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шварц фон А., Романовский Ю. Оборона Порт-Артура. СПб., 1908–1910. Т. 1, 2.
2. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны : в 9 т. СПб., 1910. Т. 1–9.
3. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Владивосток : Дальнаука, 2013–2016. Ч. I–IV.
4. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история. М. : Торговый дом Алгоритм, 2015. 496 с.
5. Dyskant J.W., Michałek A. Port Artur – Cusima 1904–1905. Warszawa : Dom Wydawniczy Bellona, 2005. 448 s.
6. Самарин И.А. Оборона устья Амура в годы Русско-японской войны // Краеведческий бюллетень. 1997. № 4.
7. Горнова М.И. Роль Николаевской-на-Амуре крепости в обороне Дальневосточных рубежей России во второй половине XIX – начале XX в. // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (VII Крушановские чтения, 2011 г.). Владивосток : Дальнаука, 2013.
8. Горнова М.И. Структура обороны Нижнего Амура (на примере Николаевской-на-Амуре крепости) // Восьмые Гродековские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хабаровск : Хабаровский краевой музей им Н.И. Гродекова, 2015.
9. Росписание сухопутных войск. Исправл. по 25 декабря 1884 г. СПб. : Военная типография, 1884. 394 с.
10. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. СПб. : Наука, 1998. Т. 1. 302 с.
11. Высочайше утвержденное 8 июня 1905 г. Положение о СГО // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ РИ III). СПб., 1881–1913. Т. 25, № 26374.
12. Именной Высочайший указ, данный Сенату об упразднении СГО и созданной при нем канцелярии. 12 августа 1909 г. // ПСЗ РИ III. Т. 29, № 32475.
13. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3: 1881–1915 гг. М. : Голос, 1994. 352 с.
14. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2005. 624 с.
15. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М. : РОССПЭН, 2000. 399 с.
16. Авилов Р.С. Военные реформы в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны (1910 – лето 1914 г.) // Русский Сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2016. Т. XIX.

17. Мильчук (Макарчук) О.И. Динамика дальневосточных позиций Российской империи в контексте конкуренции с Японией // Право и жизнь. 2008. № 119.
18. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 457.
19. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск ; Москва : Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2008. 320 с.
20. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. VIII. Бар реки Амура и его нижнее течение. С кратким очерком прилегающих морей в связи с экономическим развитием Приморской области / сост. П.П. Чубинский. Ч. 1–2 : Чертежи. СПб. : Типо-литография С.М. Муллер, 1905.
21. Лоция северо-западной части Восточного Океана. Ч. 1–4, изд. 1907 г. СПб. : Главное гидрографическое управление Морского министерства, 1901–1910.
22. Материалы для описании русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. XIII: Река Амгунь. СПб., 1906. 57 с.
23. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1905 г. СПб. : Военная типография, 1907. 191 с., прил.
24. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 г. СПб. : Военная типография, 1916. 63 с., прил.
25. История отечественного судостроения : в 5 т. Т. 3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906–1925) / И.Ф. Цветков. СПб. : Судостроение, 1995. 560 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2017 г.

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE DEFENCE PROJECT OF THE LOWER AMUR AND ITS MOUTH IN 1906–1914. PART I. THE COMMISSIONS OF THE SPECIAL CONSULTATION OF THE STATE DEFENCE COUNCIL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 36–49.
DOI: 10.17223/15617793/415/6

Roman S. Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation); Scientific Library of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Priamurskiy Military District; Amur River; Nikolaevsk Fortress; State Defence Council; Russo-Japanese War of 1904–1905; I.M. Dikov; A.P. Vernander.

Using sources from the NA RF, this article first examines the history of creating the defence project of the Lower Amur and its mouth in 1906–1914. There was investigated the defence problem of this secondary theater of the operations in the new war with Japan which was expected and the history of the elaboration in 1906 in the Commissions of the Special Consultation of the State Defence Council of a new defence project of the Lower Amur territories. The Commissions' decisions were the keystone of the defence conception of the territory before World War I. The study of the problem showed the almost unknown part of the administrative machine's supporting agencies that were formed in the State Defence Council to solve specific problems. It was determined that part of these supporting agencies in the State Defence Council included highly competent professionals and worked rather effectively. Among them was the Special Consultation for the defence of the Lower Amur and its mouth, particularly, two Commissions, formed for to confer different variants of ground and "navy" defence of this territory. The Far East had three Russian fortresses: Port Arthur, Vladivostok and Nikolaevsk. The history of the latter is still unknown for the scholars. At the same time the Nikolaevsk Fortress was very important for the defence of the Lower Amur and its mouth against the probable foe attack and the entry of the enemy fleet to the river, which was the most important transportation line. The common statement that on 5 June 1906 it was decided to form the Amur River Fleet is a mistake, because a complex defence solution was developed. The River Fleet was *just one of its elements* mostly implemented later. At the stage of elaboration of different versions of defence building, the special commission proposed truly unique fortification and engineering decisions: to build close-range batteries with infantry forts armed with 6-inch "guns of the modern system in turrets" at the rear. The designed measures were not fully adequate to the real military needs, because the commission had no elementary geographical data, and several ministers were responsible for it. There was no sufficient information in the Empire about its own lands and infrastructure, without it defence in the Russian scope was unthinkable. The archival materials about the elaboration and discussion in the commissions of the complex project of "mobile" and "immobile" defence of the Lower Amur and its mouth, about the unique ideas of fortification building near Khabarovsk, Nikolaevsk and Sofiysk are first published.

REFERENCES

1. Schwartz, A. von & Romanovskiy, Yu. (1908–1910) *Oborona Port-Artura* [Defence of Port Arthur]. Vols 1, 2. St. Petersburg: T-vo khudozhestvennoy pechati.
2. Anon (1910) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoy komissii po opisaniyu Russko-yaponskoy voyny: v 9 t.* [The Russian-Japanese War of 1904–1905. The work of military-historical commission for the description of the Russian-Japanese war. In 9 vols]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
3. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013–2016) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok Fortress: troops, fortification, events, people]. Vols 1–4. Vladivostok: Dal'nauka.
4. Ayrapetov, O.R. (2015) *Na puti k krakhu. Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg.: voenno-politicheskaya istoriya* [On the way to ruin. Russian-Japanese War of 1904–1905: Military-political history]. Moscow: Torgovyy dom Algoritm.
5. Dyskant, J.W. & Michałek, A. (2005) *Port Artur – Cusima 1904–1905*. Warsaw: Dom Wydawniczy Bellona.
6. Samarin, I.A. (1997) Oborona ust'ya Amura v gody Russko-yaponskoy voyny [The defence of the mouth of the Amur River during the Russian-Japanese War]. *Kraevedcheskiy byulleten'*. 4.
7. Gornova, M.I. (2013) [The role of Nikolaevsk-on-Amur fortress in the defence of the Far Eastern borders of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhtsivilizatsionnom i obshcherossiyskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Pacific Russia in the all-Russian inter-civilization space: past, present and future]. VII Krushanov Readings. 2011. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).
8. Gornova, M.I. (2015) [Defence Structure of the Lower Amur (Nikolaevsk-on-Amur fortress)]. *Vos'mye Grodekovskie chteniya* [Eighth Grodekov readings]. Proceedings of the international conference on 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Khabarovsk: Khabarovskiy kraevoy muzey im N.I. Grodekova. (In Russian).
9. Anon. (1884) *Raspisanie sukhoputnykh voysk. Ispravl. po 25 dekabrya 1884 g.* [Schedule of ground troops. Amend. on December 25, 1884]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

10. Raskin, D.I. (1998) *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii 1801–1917 gg.* [Superior and Central State Institutions in Russia, 1801–1917]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
11. Russian Empire. (1905) Vysochayshe utverzhdennoe 8 iyunya 1905 g. Polozhenie o SGO [Regulations on the State Defence Council approved on June 8, 1905]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. III:25. 26374.
12. Russian Empire. (1909) Imennoy Vysochayshiy ukaz, dannyy Senatu ob uprazdnenii SGO i sozdannoy pri nem kantselyarii. 12 avgusta 1909 g. [The Supreme Decree to the Senate on the Abolition of the State Defence Council and its Office. August 12, 1909]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. III:29. 32475.
13. Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [History of the Russian army]. Vol. 3. Moscow: Golos.
14. Sukhomlinov, V.A. (2005) *Vospominaniya. Memuary* [Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
15. Shatsillo, K.F. (2000) *Ot Portsmutskogo mira k Pervoy mirovoy voyne. Generaly i politika* [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and politics]. Moscow: ROSSPEN.
16. Avilov, R.S. (2016) Voennye reformy v Priamurskom voennom okruge nakanune Pervoy mirovoy voyny (1910 – leto 1914 g.) [Military reform in the Amur Military District on the eve of the First World War (1910 – summer 1914)]. In: *Russkiy Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies in the history of Russia]. Vol. 19. Moscow: Modest Kolerov.
17. Mil'chuk (Makarchuk), O.I. (2008) Dinamika dal'nevostochnykh pozitsiy Rossiyskoy imperii v kontekste konkurentsii s Yaponiey [Dynamics of the Far Eastern positions of the Russian Empire in the context of competition with Japan]. *Pravo i zhizn'*. 119.
18. State Archive of the Russian Federation. Fund 601. List 1. File 457. (In Russian).
19. Shulatov, Ya.A. (2008) *Na puti k sotrudnichestvu: rossiysko-yaponskie otnosheniya v 1905–1914 gg.* [On the way to cooperation: Russian-Japanese relations in 1905–1914]. Khabarovsk; Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
20. Chubinskiy, P.P. (1905) *Materialy dlya opisaniya russkikh rek i istorii uluchsheniya ikh sudokhodnykh usloviy* [Materials for the description of the history of Russian rivers and improvement of their navigation conditions]. Vol. 8. Parts 1–2. St. Petersburg: Tipo-litografiya S.M. Muller.
21. Anon. (1907) *Lotsiya severo-zapadnoy chasti Vostochnogo Okeana* [Pilot chart of the north-western part of the Eastern Ocean]. Vols. 1–4. St. Petersburg: Glavnoe gidrograficheskoe upravlenie Morskogo ministerstva.
22. Anon. (1906) *Materialy dlya opisaniya russkikh rek i istorii uluchsheniya ikh sudokhodnykh usloviy* [Materials for the description of the history of Russian rivers and improvement of their navigation conditions]. Vol. 13. Parts 1–2. St. Petersburg: Tipografiya Uchilishcha Glukhonemykh.
23. Anon. (1907) *Vsepoddanneyshiy otchet o deystviyakh Voennogo ministerstva za 1905 g.* [Report on the actions of the Ministry of War, 1905]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
24. Anon. (1916) *Vsepoddanneyshiy otchet o deystviyakh Voennogo ministerstva za 1912 g.* [Report on the actions of the Ministry of War, 1912]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
25. Tsvetkov, I.F. (1995) *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya: v 5 t.* [The history of the domestic shipbuilding industry: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Sudostroenie.

Received: 23 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 50–58. DOI: 10.17223/15617793/415/7

УДК 94(571)

Д.А. Васьков

ВООРУЖЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ МЕЖДУ СИБИРСКИМИ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ И КУЧУМОВИЧАМИ В 1661 г. И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

На основе архивных документов из фонда Сибирского приказа РГАДА рассмотрены малоизвестные события, связанные с отношениями между русскими властями и Кучумовичами накануне крупных восстаний в Башкирии и части Западной Сибири. Показано, что в 1661 г. у русских появилась реальная возможность нанести удар по силам сибирских царевичей. Это стало возможным благодаря усобицам между покровительствовавшими им ойратскими тайшами, а также из-за столкновений самих Кучумовичей между собой при дележе улусных людей. Летом 1661 г. уфимские служилые люди вместе с башкирами, напав на кочевье младших Кучумовичей, пленили царевича Кансуера. В конце июля 1661 г. значительная победа была одержана над главой клана царевичем Девлет-Гиреем. Отряд Б. Маркова в районе левого притока Иртыша р. Железенки, пользуясь внезапностью, разгромил улус царевича. При этом было отбито свыше 300 ясачных людей и захвачена богатая добыча. Девлет-Гирей вынужден был бежать и, по всей видимости, вскоре погиб. Однако эти успехи имели временный, локальный успех, так как не привели к полной победе над Кучумовичами.

Ключевые слова: Кучумовичи; служилые люди; кочевники; башкиры; сибирские татары.

В последнее время в историографии наблюдается повышенное внимание исследователей к проблемам истории позднесредневековых тюрко-татарских государств в целом и к судьбе потомков Кучум-хана в частности. Об этом свидетельствует проведение с 2008 г. в Казани ежегодной Международной научной конференции «Средневековые тюрко-татарские государства» с изданием одноименного сборника статей, а также проведение в г. Кургане в 2011 и 2014 гг. Всероссийской конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» также с изданием материалов. Немало докладов и сообщений на этих конференциях посвящены потомкам Кучума. В конце 2012 г. вышла в свет работа В.В. Трепавлова «Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш» – первое и пока единственное монографическое исследование о Кучумовичах [1]. Между тем, несмотря на в целом плодотворное изучение проблем, связанных с последними сибирскими Шибанидами, еще далеко не всё освещено в должной мере. Многие вопросы требуют уточнения, по некоторым же мнения исследователей порой расходятся.

В данной статье на основе привлечения архивных документов из фонда Сибирского приказа РГАДА рассматриваются отношения между российскими властями в Сибири и Кучумовичами в 1661 г. Эти события не получили должного освещения в работах исследователей. Кроме того, описываемые здесь события произошли за год до начала крупномасштабных антирусских выступлений башкир, части сибирских татар и других народов, в которых потомки Кучума также приняли активное участие.

Как известно, сибирские царевичи, кочевавшие к югу от русских владений в Западной Сибири, в течение почти всего XVII в. не оставляли надежд на восстановление прежней государственности. Царевичи не располагали достаточными собственными силами, но, опираясь на помощь союзных им ойратских (калмыцких) тайшей, время от времени организовывали набеги на ясачные волости и русские поселения. Во время таких набегов они грабили, разоряли, вытаптывали посевы, захватывали добычу, угоняли пленных. Большую опасность Кучумовичи представляли в периоды волнений коренного населения Сибири, вызванных обычно увеличением ясачного обложения и злоупотреблениями местной русской администрации. В такие периоды кочевые улусы Кучумовичей заметно пополнялись «государевыми изменниками» обычно из числа башкир и сибирских татар, сменивших российское подданство на сюзеренитет степных владельцев.

В распоряжении русских властей были следующие способы нейтрализации угрозы со стороны Кучумовичей. Во-первых, русские никогда не оставляли попыток договориться с царевичами и перетянуть их на свою сторону. Тем более, как убедительно показано в исследованиях А.В. Белякова [2] и Б.Р. Рахимзянова [3], российское правительство к началу XVII в. имело богатый опыт по приглашению на царскую службу различных представителей рода Чингисхана и включения их в состав российской элиты. Такой способ нейтрализации недавних противников был действенным, а главное – малозатратным. Как известно, русские власти путем переговоров пытались перетянуть на свою сторону самого хана Кучума. Последний, однако, больше дорожил свободой и независимостью. После гибели Кучума переговоры о переходе под «высокую государеву руку» велись уже с его наследниками. Бывало, что они прерывались по причине усиления конфронтации, но иногда принимали форму регулярного обмена посольствами, как это было, например, в 1644–1650 гг. в отношениях с царевичем Девлет-Гиреем. Однако царевичи, видимо, не доверяя русским и опасаясь вероломства, всегда вели себя крайне осторожно. Кроме того, к переговорам они чаще всего прибегали, чтобы потянуть время и переждать неблагоприятный для себя период. Поэтому за весь XVII в. известен только один случай, когда представитель рода Кучума добровольно сдался русским властям. Речь идет о прибытии в Тобольск в 1607–1608 гг. царевича Алтыная [2. С. 231].

Второй способ решения проблемы присутствия Кучумовичей на южных рубежах российского влияния в Сибири заключался в попытках договориться с калмыцкими тайшами о выдаче кого-либо из царевичей в один из сибирских городов. Во время переговоров с ойрат-калмыками, выступавшими в качестве

покровителей Кучумовичей, такой вопрос ставился неоднократно. Более того, ойраты, желая добиться для себя на переговорах с русскими лучших условий, сами неоднократно проявляли инициативу, обещая выдать «с головой» того или иного представителя клана Кучумовичей (см., например: [4. С. 334, 376, 378, 394–395, 396, 398]). Тем не менее, несмотря на все обещания со стороны ойратов, за весь XVII в. нам неизвестен ни один случай добровольной выдачи ими кого-либо из Кучумовичей русским властям.

Наконец, третий способ борьбы с непокорными царевичами был самым затратным и заключался в ведении против них открытых военных действий. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что, несмотря на недостаток военных сил у самих Кучумовиичей, окончательно победить их в Сибири русские так и не смогли.

На наш взгляд, это объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, в самом начале XVII в. Кучумовичи нашли поддержку со стороны ойрат-калмыков, с силой которых русские в Сибири не могли не считаться. Во-вторых, кочевой образ жизни Кучумовичей на бескрайних просторах степного Зауралья и Западной Сибири был лучшей защитой, поскольку позволял царевичам вовремя отходить подальше в степь и уклоняться от посланных против них отрядов служилых людей. Стоит также добавить, что особенности организации обороны границ не позволяли служилым людям оперативно реагировать на набеги кочевников. В Москве очень боялись активными действиями провоцировать калмыков. Отсюда и категорическое требование «войны и задоров не всчинать», неукоснительно соблюдавшееся почти все столетие. Воеводы приграничных уездных центров, приказчики слобод зачастую были скованы инструкциями в проявлении инициативы и не имели права без санкции тобольского воеводы оперативно отправлять в степь служилых людей в погоню за кочевниками [5. С. 221–222]. Результатом всегда была потеря времени, что позволяло отрядам Кучумовичей и калмыков уйти на достаточное расстояние и скрыться в степи. В-третьих, клан Кучумовичей был достаточно разветвленным и многочисленным. К тому же особенности кочевого быта обычно заставляли царевичей кочевать раздельно. Поэтому, несмотря на отдельные успешные акции, русским никогда не удавалось пленить всех Кучумовичей. В 1607–1608 гг. в результате ряда столкновений в плену оказались хан Али, царевичи Азим, Алтанай, а также многие их жены и дети. Однако пленения благополучно избежал царевич Ишим, продолживший борьбу с русскими при помощи ойратов, с которыми он породнился. После него злейшим врагом русских в Сибири стал его сын Аблай. В 1635 г. он вместе с братом Тевкой попал в плен во время нападения на Уфимский уезд. Но новым главой рода стал его двоюродный брат Девлет-Гирей. Он продолжил борьбу, а также взял опеку над многочисленными детьми Аблая, многие из которых в дальнейшем доставили русской администрации в Сибири немало хлопот. Таким образом, бороться с Кучумовичами было очень не просто.

Ко времени описываемых событий отношения между русскими властями и царевичами снова резко обострились. Частый обмен посольствами и переговоры с Девлет-Гиреем о русском подданстве в 1640-х гг. ни к чему не привели. И с сентября 1651 г. нападениями на Далматовский Успенский монастырь и на Аялынскую волость Тарского уезда Кучумовичи начали очередную вооруженную конфронтацию [1. С. 104; 6. С. 30–31, 350–351]. В ноябре того же года Девлет-Гирей со своими сыном и зятем и «тарскими изменниками» совершили набег на Аялынскую волость Тарского уезда [6. С. 31, 362–363, 365]. В 1652 г. их нападения ждали, но его не случилось. В 1653 г. из Тюмени против Девлет-Гирея был организован поход, но отряд из 350 служилых людей сбился с пути. В августе 1655 г. младший двоюродный брат Девлет-Гирея царевич Бугай с братьями напал на волости Тобольского уезда [Там же. С. 32–34, 385].

Наконец, в ноябре 1659 г. младшие Кучумовичи, царевичи Бугай, Кучук, Кансуер и Чучелей, при поддержке калмыков, торгоутов и дербетов совершили один из самых разорительных набегов на Тарский уезд. Нападению подверглись Барабинская, Чойская, Кулебинская, Любинская и Тунусская волости. В общей сложности в ходе набега погиб 61 человек и 733 были угнаны в плен [6. С. 36–38, 408–410 и др.]. Правда, по данным тарского воеводы М.Н. Шаховского, в его отписке в Москву от декабря 1660 г. говорится о 712 ясачных людях, угнанных царевичами в плен [7. Стб. 597. Л. 51]. Настигнуть царевичей по горячим следам не получилось. Только 31 мая 1660 г. против них был организован поход сводного отряда служилых людей из Тобольска, Тюмени и Тары, однако в источниках нет информации о результатах этого похода. Г.Ф. Миллер считал, что он был успешным, так как, по его мнению, «после него наступило более спокойное и безопасное положение в Сибири» [6. С. 38]. В этом великий историограф, скорее всего, все-таки ошибался, поскольку ни один из Кучумовичей не оказался в плену. Удар служилых людей, по всей видимости, пришелся в пустоту. В частности, тарскому воеводе М.Н. Шаховскому 18 июня 1660 г., т.е. спустя небольшое время после отправки служилых людей, от татарских выходцев стало известно, что к царевичам и торгоутскому тайше Лоузану приезжали посланники от хошеутовского тайши Аблая. Они по его приказу «забрали царевичев Девлеткирея, и Бугая, и Кучука, Челея и Кансуеря з женами и з детми и со всем кочевьем да и полон тот государевых волостей, которой был у царевичев в улусе, весь к Абулаю забрали» [Там же. С. 432]. Тайше Лоузану же было настоятельно рекомендовано откочевать подальше от русских границ. Таким образом, Аблай, по сути, спас царевичей от мести со стороны русских. Это позволило М.Н. Шаховскому обвинить его в «войне и разоренье» ясачных волостей, поскольку Аблай знал, что «от государевых ратных людей над царевичи и над Урлюковыми людьми поиск будет». Поэтому он царевичей взял себе «на збереженье», а торгоутам посоветовал отойти подальше. Вывод тарского воеводы категоричен: грабеж ясачных волостей – это «завод Абулая тайши, он, Абулай, царевичи и калмыкам на войну поводку дает» [Там же. С. 432–433].

Тем не менее действия русских служилых людей обеспокоили Кучумовичей и их ойратских покрови-

телей, заставив на какое-то время воздержаться от враждебных акций и вести себя мирно. По крайней мере, вернувшееся от тайши Аблая в Тобольск в декабре 1660 г. русское посольство Панфила Семенова на обратном пути побывало в улусе Девлет-Гирея на урочище Дуланкарагае. Русских послов царевич встретил «честно», про царское здоровье спрашивал, как и положено, «стоя, сняв шапку» и божился, что сам он к разорению пяти тарских волостей в прошлом году никакого отношения не имеет, «а были де на войне Тарского уезду в ясачных волостях братья ево девлеткиреевы Бугай, да Кучюк, да Кансюер, да Чюнчюлей царевичи с вором с Улузаном тайшею вместе» [7. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 7]. С русскими послами Девлет-Гирей вел себя очень корректно, «потчивал их доволно» и отпустил «з болшею честию».

Однако проблема присутствия Кучумовичей у русских границ решена не была. Было ясно, что рано или поздно царевичи вместе с союзными им тайшами возобновят враждебные действия, воспользовавшись благоприятными для себя обстоятельствами. Кроме того, несмотря на неоднократные категорические требования русских властей о необходимости возвращения угнанных ясачных людей, царевичи и калмыки из более чем 700 пленных в общей сложности к декабрю 1660 г. вернули только 196 человек [Там же. Стб. 597. Л. 51]. Причем возвращали только «старых да малых» и «увечных», которые «в государев ясак не годятца».

Летом 1661 г. обстоятельства сложились таким образом, что у русских появилась реальная возможность снова нанести удар по силам Кучумовичей и тем самым попытаться решить проблему их присутствия на южной границе. Началось все с того, что в конце 1660 г. между ойратами разгорелась очередная большая усобица [8. С. 102; 9. С. 350–351]. В начале июня тарскому воеводе доносили вернувшиеся из калмыцкого плена татары, что на Аблая и союзных с ним торгоутских и дербетских тайшей напали хошеутовский тайша Очирту, приходившийся сводным братом Аблаю, и дети джунгарского контайши Сенге и Чечен. При этом Аблай потерпел поражение и с немногими людьми ушел в свой городок «на Отчике урочище» и сел там в осаде. Давний недруг России тайша Лоузан в ходе боев был убит джунгарским тайшей Чеченом. Улусные люди разгромленной ойратской группировки частично были захвачены победителями, а частично «розбрелись врозь», прикочевав ближе к барабинским волостям. Младшие Кучумовичи, до этого кочевавшие с Аблаем, снова оказались предоставлены сами себе [7. Стб. 609. Л. 55–56]. В условиях начавшейся в степи очередной большой войны рядовые улусные люди зачастую стремились уйти от царевичей и укрыться на подконтрольной русским властям территории. Собственно, эти «выходцы», среди которых было много недавно захваченных царевичами и уже давно живших в их улусах, и доводили до русской администрации сведения о происходящем в степи.

Отложившаяся в официальном русском делопроизводстве информация зачастую отрывочна и противоречива, но на ее основании можно восстановить картину событий, происходивших в степном Зауралье летом 1661 г. А события были весьма насыщенными, так как за относительно небольшое время у Кучумовичей случилось как минимум два столкновения между собой, столкновение с дербетами и несколько боев с русскими служилыми людьми и башкирами. При этом эти события либо вообще никак не освещены в научной литературе, либо известны исследователям, но специально не рассматривались. Например, факт разгрома улуса Девлет-Гирея отрядом Б. Маркова лишь констатируется исследователями, но детали этого события до сих пор были неизвестны [1. С. 104; 10. С. 63; 11. С. 105].

Информация о происходящем в степи летом 1661 г. содержится в переписке между тарским воеводой князем Михаилом Никитичем Шаховским и первым тобольским воеводой боярином Иваном Андреевичем Хилковым. Также в Тобольск поступали оперативные сведения от тобольского сына боярского Степана Тутолмина, отправленного с отрядом тобольских служилых людей и татар в Исетский острог, а также от тюменского сына боярского Сергея Ушакова, возглавившего тюменских служилых в Исетском Далматовском монастыре. В свою очередь, тарский воевода Шаховской получал известия от тарских служилых людей, а также от отбитых от царевичей ясачных людей и бывших «изменников».

Так, 13 сентября 1661 г. в Исетский острог вышли из степи «торговые бухарцы Махмутатыска Сенгелев да Казарко Тозмаметов» и доложили следующее. Эти торговцы весной этого же года были отпущены из Тобольска к хошеутовскому тайше Аблаю вместе с его же послами. В степи они встретили младших Кучумовичей во главе с Бугаем, которые дальше их не пустили и со всем имуществом оставили у себя. С весны и до начала осени бухарцы вынуждены были перемещаться с царевичами и были свидетелями многих событий. Так, они доложили, что между Девлет-Гиреем и его младшими братьями произошел конфликт, вылившийся в вооруженное столкновение. Причиной размолвки стало то, что часть людей ушла от Девлет-Гирея к Бугаю, т.е. царевичи банально не смогли поделить улусных людей [7. Стб. 609. Л. 60]. Эту информацию подтвердили доставленные в начале августа в Тарский город бывшие «государевы изменники», жившие долгое время у Девлет-Гирея. В отличие от сведений бухарцев, они доложили, что между царевичами было даже два столкновения, при этом «на первом бою Бугая ранили, и после первого бою возили ево, Бугая, в креслах, а на другом бою Бугай не был, и в креслах ево не видели, неведомо он умер, неведомо болен лежит» [Там же. Стб. 597. Л. 75]. Однако бухарцы, оставшиеся в улусе Бугая и его младших братьев, факт его ранения не подтверждали.

Как бы то ни было, но после ссоры из-за улусных людей пути Кучумовичей разошлись. Девлет-Гирей со своим улусом «остался на прежнем своем кочевье над Иртышом», а его четыре двоюродных брата «с племянники и з женами и с улусными своими людми от Девлеткирея царевича покочевали в степ». Когда Бугай с братьями были «в степи на урочище на Камышлове», на них неожиданно «наехали» калмыки-дербеты некоего тайши Далая (не следует путать с

верховным тайшей дербетов Далаем-Батыром, умершим еще в 1637 г.). Однако Кучумовичи благополучно «дюрбетцев всех побили», после чего двинулись в сторону р. Тобола, переправившись через р. Ишим. Далее, со слов бухарцев, «изменники уфинские татарове», издавна кочевавшие с Бугаем, уговорили его двинуться вверх по Тоболу. В том месте, где река Уй впадает в Тобол, от Бугая с братьями решили отъехать «изменники Сарымерген с товарищи полтораста человек». Правда, какова была цель отъезда, был ли он вызван каким-то конфликтом между царевичами и Сарымергеном или, наоборот, был как-то согласован между ними – все это остается неясным. Однако дальше для Кучумовичей начались серьезные испытания. Через четыре дня после отъезда Сарымергена со стороны уфимских ясачных волостей на царевичей неожиданно пришли «башкирские ясашные татаровя» [7. Стб. 609. Л. 61]. Нападение, видимо, было столь внезапным, что Бугаю с братьями не удалось дать отпор. В результате в плен были взяты царевичи Бугай, Кучук и Кансуер с женами, детьми и племянниками и «со всем их улусом», а также жена царевича Чучелея с двумя детьми. Пленных башкиры повели на Уфу, а несчастных бухарцев, предварительно ограбив, отпустили в Тобольск.

Несколько иную версию этих событий изложили бывшие тюменские татары, отбившиеся от Кучумовичей и прибывшие 9 сентября в Катайский острог. Этих тюменский татар было 8 семей (38 человек), их еще в 1629 г. пленил царевич Аблай, и 27 лет они жили у Кучумовичей. После боя «из-за людей» между царевичами они оказались вместе с Бугаем и его братьями. Во время переправы через Тобол выше Царева городища они сумели от царевичей отбиться. При этом «Бугайко с товарыщи пошли вверх по Тоболу, а с ними де воинских людей 60», а эти татары «весть послали в Уфинской уезд в ясачные башкирцы, и уфинские де башкирцы за теми Кучюмовыми внучаты за Бугайкой с товарыщи пошли в погоню» [12. С. 635–636].

Однако пленить сразу трех представителей Кучумова рода тогда все-таки не удалось. Тюменский казак Федька Вязмин, возглавлявший проезжую станицу в степь, позже докладывал в Исетский монастырь, что у р. Синары они встретили башкира Уметко, который участвовал в захвате царевичей. Этот Уметко сказал, что через три дня после погрома царевичи Бугай и Кучук с женами и детьми смогли вырваться (или както договорились с башкирами и были отпущены?) и уйти в степь. Царевич же Кансуер с женой был доставлен в Уфу [7. Стб. 609. Л. 61–62].

Есть все основания полагать, что поход из Уфы на царевичей состоялся по инициативе не самих башкир, а уфимского воеводы стольника Федора Ивановича Сомова. Согласно данным боярской книги 1658 г., Ф.И. Сомов неплохо проявил себя в период начавшегося в 1662 г. башкирского восстания, за что ему была назначена придача к прежнему денежному окладу в размере 100 рублей. Среди прочих его заслуг отмечено и то, что «по ево посылке взяты сибирской кан Сююр царевич з женою и з сыном и с племянницею да сибирского ж царевича Чичилея жена» [13. С. 45]. Однако до сих пор была неизвестна точная дата пленения Кансуера, так как в боярской книге указан временной промежуток всей уфимской службы Ф.И. Сомова – с 169 по 172 г. (1660–1664). А.В. Беляков, ссылаясь на неполные данные Г.Ф. Миллера, предположил, что пленение произошло не ранее 1661 г. [2. С. 72]. Теперь же можно точно утверждать, что Кансуер был пленен летом 1661 г. К сожалению, дальнейшая судьба этого представителя рода Кучума неизвестна.

Тем временем номинальный глава клана Кучумовичей царевич Девлет-Гирей после размолвки с двоюродными братьями оставался на берегу Иртыша у урочища Красный Яр. Как свидетельствовали бежавшие от Кучумовичей в Катайский острог в сентябре бывшие тюменские татары (всего 8 семей, 38 человек), после отхода Бугая с братьями у Девлет-Гирея оставалось 200 воинских людей [12. С. 635]. Спустя какое-то время после ссоры с братьями улус Девлет-Гирея подвергся неожиданному для него нападению русских служилых людей, что имело для царевича самые роковые последствия. Для русских же это была одна из самых ярких побед в многолетнем противостоянии с Кучумовичами в Сибири.

Примечательно, что поход головы тобольских казаков Бориса Маркова не планировался как специальная военная акция против Кучумовичей, так как это была ежегодная экспедиция к соляному озеру Ямыш. Улус царевича Девлет-Гирея при этом был разгромлен мимоходом, что выделяет это столкновение в ряду других военных действий между сибирскими служилыми людьми и царевичами. Можно сказать, что во многом все произошло спонтанно.

Формирование очередного каравана дощаников за солью к озеру Ямыш, по всей видимости, началось в Тобольске в июне 1661 г. Такие походы совершались регулярно каждый год и в этом отношении не представляли собой чего-то необычного. Как правило, набирались служилые люди из основных городов Тобольского разряда, в первую очередь из самого Тобольска, Тюмени и Тары. Численность идущего на дощаниках вверх по Иртышу к оз. Ямыш отряда обычно насчитывала несколько сотен человек, так как приходилось углубляться достаточно далеко в степные районы Среднего Прииртышья, где в то время главными хозяевами были ойраты. Например, экспедиция к озеру в 1626 г. насчитывала 604 человека, идущих на 16 дощаниках и 7 ладьях [14. С. 33]. В 1628 г. в караване к озеру шло примерно 430–440 человек, набранных почти со всех западносибирских городов и острогов [15. С. 51–55]. В последующие годы численность отряда нередко только увеличивалась, поскольку между русскими и калмыками не всегда было мирно, иногда случались вооруженные столкновения. Не каждая экспедиция к озеру заканчивалась успехом, из-за противодействия калмыков порой приходилось возвращаться ни с чем, не взяв соли. В имеющихся источниках нет указаний о численности отряда в 1661 г. Известно только, что отряд тарских служилых людей, участвовавших в походе в этом году, насчитывал 150 человек (116 стрельцов и пеших казаков и 34 служилых юртовских татарина) на шести дощаниках под началом тарского атамана Матвея

Шарапова [7. Стб. 597. Л. 64]. В любом случае идущий на дощаниках русский отряд имел существенный численный перевес над силами Девлет-Гирея, хотя не это явилось главным фактором, определившим последующий успех.

Помимо служилых людей из Тары к каравану присоединились с разрешения воеводы М.Н. Шаховского местные «охочие» татары, желавшие выгодно продать свои товары, или что-то купить, или выменять у приезжающих к озеру калмыков и бухарцев. По всей видимости, подобное не было редкостью, так как у оз. Ямыш часто возникала стихийная ярмарка и велась оживленная взаимовыгодная торговля [14. С. 33–34; 16. С. 80]. Среди таких охочих людей с караваном к озеру отправились тарские служилые татары, у которых было особое задание от воеводы М.Н. Шаховского. Это были служилые татары Мамей Неурусов, Бугай Изеляров и захребетный татарин Куташ Айгучаков, а также юртовский татарин Кизилбай Кутлумергенев. Последний желал встретиться со своим отцом Кутлумергеном Илгилдеевым, который еще во время волнений ясачных людей в Тарском уезде в 1629 г. изменил и отъехал к царевичу Аблаю, а теперь жил в улусе Девлет-Гирея. Воевода Шаховской надеялся через встречу сына с отцом повлиять на всех «изменников» с целью их возвращения в русское подданство. Расчет М.Н. Шаховского, как он позже писал в своей отписке в Москву, основывался на том, «чтоб изменник Кутлумергенко, увидев сына своего Кизылбайка и увидя к нему вашу государеву милость, что он пожалован вашим великим государевым жалованьем, вину бы свою принес и от измены своей отстал, да и товарищей бы своих наговорил» [7. Стб. 597. Л. 65, 68]. Трем тарским татарам во главе с М. Неурусовым, согласно воеводскому наказу, надлежало по пути к оз. Ямыш «подсматривать и проведывать всякими обычаи про царевичевы улусы», потом явиться к нему «будто для торгу», тайно увидеться с изменниками и подзывать их отстать от измены, чтобы вернуться под «высокую государеву руку». С помощью такой «подстрекательской» деятельности тарский воевода надеялся вернуть хотя бы часть татар, перебежавших к Кучумовичам или угнанных ими в предыдущие годы. Однако результат превзошел все самые смелые ожидания.

Мамей Неурусов с товарищами позже в своих расспросных речах так излагали все произошедшее. В соответствии с воеводским предписанием они в поисках царевичей «розъезжали в малых лотках», удаляясь от каравана «в полуднище, и во днище, и в дву днищах». Примерно на полпути до озера в том месте, где небольшая речка Железенка впадает в Иртыш, они «подсмотрели улус, а в том улусе кочует царевич Девлеткирей». Сделав себе стан на ближайшем острове посреди Иртыша, они отправились в улус. На вопрос царевича о цели прибытия татары ответили, что они здесь для рыбной ловли и покупки лошадей: «И будет де у тебя, царевича, продажные лошеди есть, и мы де у тебя лошеди купим, и купя лошеди, и поедем назад, к соле не пойдем». Царевич спросил, где находится караван, и Мамей с товарищами ответили, что «далеко, десетью де днями к улусу им поспеть нелзя», специально чтобы Девлет-Гирей до прихода русских дощаников «не поспешил с тово места скочевать» [7. Стб. 597. Л. 68–69]. Однако осторожный царевич, не доверяя им, «привел их Мамейка с товарищи к шерти, говоря им: не с обманом ли вы ко мне присланы подъезжать?». И татары солгали во второй раз и «шертовали на том, что они к нему приехали не с обманом».

На второй день своего пребывания в улусе Мамей и его соратники тайно встретились с Кутлумергеном и рассказали ему о сыне, с которым тот, как и ожидалось, захотел увидеться. Также Кутлумерген и несколько его товарищей заявили о своей готовности покинуть царевича: «Мысль де у нас о том давно есть принести великим государем вина своя и приклониться, толко не смеем, боясь на себя великих государей гневу за свою вину, что мы своровали, изменили, к царевичам отъехали» [Там же. Л. 70]. Заявили они и о своей готовности призывать назад в русское подданство прочих бывших ясачных татар и башкир, живущих у Девлет-Гирея, а также о желании вместе с русскими людьми «промышлять» над царевичем, «как бы его изымать и к великим государем привести».

На третий день тарские служилые татары уехали из улуса и вернулись на свой стан на острове. Вскоре к ним тайно приехал Кутлумерген со своими товарищами Шемяком и Янеем. Они настаивали на необходимости как можно скорее отправить весть к караванному голове Б. Маркову, чтобы тот поторопился. Шемяк же говорил следующее: «Будет де мочно дощаниками поспешить ночью хотя бы в малых лотках и в стружках подослать с ружьем десятков три или четыре, а у нас де и у самих пищали есть, и мы де заодно с рускими людми станем промышлять над царевичем» [Там же]. Бывшие «изменники» настаивали, что именно внезапным ночным нападением даже малыми силами получится застать царевича врасплох. Весть к Б. Маркову повез Куташ Айгучаков вместе с «изменником» Янеем. Б. Марков не сразу им поверил, видимо, не ожидая, что улусные люди Девлет-Гирея так хотят от него уйти. «Изменника» Янея он оставил при себе, а на остров к Мамею Неурусову для подтверждения отправил троих служилых людей, которым доверял. Кроме того, как позже Кутлумерген и другие бывшие «изменники» излагали события в своей челобитной, они просили Б. Маркова ничего не говорить о готовящемся нападении на Девлет-Гирея едущим с ним в караване тобольским татарам и бухарцам, поскольку якобы именно от них «пересылки к царевичам многие бывают, а царевичи им за пересылки подарки многие посылают» [Там же. Л. 60]. Не совсем ясно, насколько правдива эта информация, так как возможно, что таким образом тарские татары сводили какие-то счеты с тобольскими, обвиняя последних в сотрудничестве с Кучумовичами. По мнению Кутлумергена, Б. Марков их все-таки не послушал, зачем-то «думал в думе» с «пущим вором тоболским бухаретином Кузеем Емелдяшевым и иными», тем самым он проявил «нерадение», допустил «поноровку и простой» и в итоге упустил царевича [Там же. Л. 59]. В результате дощаники не успели подойти ночью и пришли только утром, «как розсвело, на солнешном

всходе». Тем не менее появление русского каравана для Девлет-Гирея оказалось полной неожиданностью. Он услышал шум, увидел мачты идущих к берегу дощаников и понял, что у него нет времени ни на организацию обороны, ни на то, чтобы быстро сняться и со всем улусом уйти в степь. Оставалось только спасаться бегством. Мамей с товарищами позже докладывали, что царевич, «увидев дощаники, тотчас побежал, покиня все, а с ним побежали калмыки небольшие люди», а также пара приближенных из числа татар и башкир [7. Стб. 597. Л. 72]. При этом многие его улусные люди «з женами и з детми в ту пору стали метатца в дощаники, которые подошли». В описании дальнейшего все очевидцы очень лаконичны: «А как царевич побежал, и служилые люди напали на улус царевичев и улус погромили и розвоевали» [Там же. Л. 72, 75].

Все произошедшее тогда с Девлет-Гиреем невольно вызывает аналогию с событиями 20 августа 1598 г., когда на кочевье его деда хана Кучума обрушился отряд тарского письменного головы Андрея Воейкова. Различия только в том, что Кучум был разгромлен на Оби, а не на Иртыше, а также в том, что если отряд Б. Маркова пришел по воде, то А. Воейкова появился из степи. Результат же в обоих случаях был одинаков: внезапное появление русского отряда, неспособность организовать отпор, спешное паническое бегство правителя и как следствие – полный разгром. Дальнейшая судьба царевича Девлет-Гирея, по всей видимости, была столь же печальной, как и его царственного предка. Вероятнее всего, Девлет-Гирей, брошенный своими людьми, лишившийся всего имущества, в скором времени просто бесславно сгинул в зауральских степях. По крайней мере, он никак не участвовал в последующих событиях, связанных с волнениями башкир и части татар в 1660-х гг.

Другим непосредственным результатом победы над Девлет-Гиреем стало возвращение от царевича в русское подданство нескольких сотен бывших ясачных людей. Позже тобольский воевода И.А. Хилков с удовлетворением писал в Москву, что Б. Марков своим нападением на улус Девлет-Гирея «выручил» всех бывших «изменников» и когда-то захваченных царевичами ясачных людей в Тобольском, Тюменском, Тарском и Уфимском уездах. Все «выручeнные» сразу были доставлены в Тару тарским стрелецким пятидесятником Левкой Ивановым. Воеводой М.Н. Шаховским все они были пересчитаны и расспрошены, о чем он тут же отписал в Москву. По подсчетам тарского воеводы, Л. Иванов привел 23 семьи тарских юртовских татар (всего 233 человека), 9 семей татар Аялынской волости (59 человек) и 52 человека бывших тобольских, тюменских и уфимских татар [7. Стб. 597. Л. 66]. Таким образом, М.Н. Шаховской насчитал 344 человека, не упомянув по непонятным причинам полсотни калмыков из улуса царевича, также доставленных на Тару. Однако тобольский воевода И.А. Хилков позже в своей отписке в Москву, составленной не позднее 29 ноября, приводил другие цифры. Он называл «выручeнных» Б. Марковым 264 человека татар, 61 калмыка, т.е. всего 325 человек [Там же. Л. 139]. Среди пленных калмыков был Малжи Мовов, оказавшийся шурином царевича Девлет-Гирея. Позже он рассказывал о себе, что «родом де он Малжи калмык Ишкепа тайши человек, и от Ишкепа де тайши отъехал он, Малжи, к Девлеткирею царевичю для того, что за царевичем Девлеткиреем сестра ево Малжина двоюродная, Кунделена тайши дочь, а Девлеткирею царевичю болшая жена» [7. Стб. 597. Л. 110]. Все калмыки заявили о своей готовности принять российское подданство.

Впоследствии, правда, М.Н. Шаховским были недовольны, поскольку большую часть «изменников» он задержал на Таре, хотя И.А. Хилков несколько раз требовал их скорейшей отправки в Тобольск. Также доносили, что М.Н. Шаховской и его люди стали чинить всякие «насильства» над «выходцами», из-за чего два калмыка с Тары убежали назад в степь [Там же. Л. 112].

Разумеется, что помимо освобождения ясачных людей отряд Б. Маркова захватил еще и немалую добычу. Прежде всего, речь шла о главном богатстве кочевников всех времен – лошадях и прочих копытных. Однако вопрос о количестве захваченного скота еще более запутан. Б. Марков утверждал, что он захватил и отправил на Тару 2 600 лошадей и всякого скота [Там же. Л. 61]. При этом якобы всем «громленым» скотом стал единолично распоряжаться тарский воевода М.Н. Шаховской. Однако на защиту Шаховского встали бывшие «изменники» Кутлумерген с товарищами. Они в своей челобитной на имя царя указывали, что утверждение Б. Маркова является «изветом» на тарского воеводу и все это «Борисова ложная затейка», так как «царевичевых лошадей на погроме дву тысяч взяте было негде, потому что царевичевы лошади были на отгоне». Татары настаивали, что было захвачено только 100 лошадей самого Девлет-Гирея, а «иные лошади возле улуса были наши» [Там же. Л. 61–62]. Позже в переписке между Тарой, Тобольском и Москвой фигурировали уже другие цифры захваченных лошадей. Теперь речь шла о 985 лошадях. При этом утверждалось, что тарский воевода взял себе 100 «добрых погромных лошадей», а в Тобольск послал не тех. Потом он якобы забрал 885 татарских лошадей, которых продавал тарским служилым людям и самим татарам [Там же. Л. 106–107, 140]. В Москве поведением Шаховского были недовольны, по этому делу над ним было поручено провести сыск, во время которого ему надлежало находиться в Тобольске. К сожалению, по причине плохой сохранности документа нам неизвестно, чем закончилось это расследование.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о месте и времени произошедших событий. Что касается места, где произошел разгром улуса Девлет-Гирея, то главным ориентиром является собственно река Железенка. В современном «Государственном водном реестре России» реки с таким названием, относящейся к Иртышскому водному бассейну, не значится, очевидно, в связи с тем, что она протекает по территории современного Казахстана. Однако и на картах Казахстана, а также с привлечением известного интернет-ресурса «Google Maps» обнаружить приток Иртыша с таким названием не удалось. Г.Ф. Миллер, который в

составе Академического отряда в 1734 г. совершил плавание по Иртышу от Тобольска до Усть-Каменогорской крепости, оставил кое-какие сведения о р. Железенке, позже использованные им в сочинении «О песошном золоте в Бухарии» [17. С. 303]. Знаменитый историк писал: «С западной стороны впадает в Иртыш малая река, которая от русских караванов издревле, неведомо по какой причине, названа Железенкою» [6. С. 492]. В 1717 г. почти в 30 верстах от места слияния Железенки с Иртышем русскими была основана деревянная крепость Железенская, ставшая промежуточным перевалочным пунктом между Омской и Ямышевской крепостями. Впоследствии Железенская крепость утратила военное значение и в 1838 г. была упразднена, дав начало будущему поселку Железинка. Этот поселок существует до сих пор и является центром Железинского района Павлодарской области Республики Казахстан. Поселок расположен на левом берегу Иртыша в 198 км к северо-западу от Павлодара и примерно в 217 км к югу от Омска. На современных картах действительно просматривается небольшая река или ручей, впадающий в Иртыш недалеко от поселка Железинка, находящегося чуть выше по течению на противоположном иртышском берегу. Однако эта речка на картах никак не названа. Поскольку поблизости нет других похожих водных объектов, то, скорее всего, именно это и есть та самая река Железенка, в районе которой летом 1661 г. нашел свое последнее пристанище улус царевича Девлет-Гирея.

Что касается времени описываемых событий, то его можно установить приблизительно с погрешностью в один-два дня. Активнейшие участники разгрома Девлет-Гирея тарские служилые татары Мамей Неурусов с товарищами вернулись в Тарский город 4 августа. Надо полагать, в этот же день они были обо всем расспрошены в воеводской избе. Точно известно, что после победы над царевичем они были отпущены в Тару, а не пошли с остальным караваном к оз. Ямыш (Б. Марков с грузом соли вернулся в Тобольск только 4 октября). По сведениям служилых юртовских татар, р. Железенка находилась примерно «на полудороге» между Тарой и оз. Ямыш. Согласно составленной не позже 1640 г. «Росписи сибирским городам и острогам», определявшей расстояния между различными сибирскими населенными пунктами и географическими объектами, путь «назад от Ямыша солянова озера до Тары вниз воды Иртишем рекою ходу 2 недели» [18. С. 15]. Соответственно, путь вниз по Иртышу от Железенки до Тары мог занять у татар примерно неделю. Это при условии, что в обратный путь они отправились в тот же день, когда был разгром, и нигде особо не задерживались. Отсюда получается, что разгром отрядом тобольского казачьего головы Б. Маркова улуса Девлет-Гирея произошел примерно 28–29 июля 1661 г.

Таким образом, русским спустя два года удалось в полной мере поквитаться с Кучумовичами за разорение пяти ясачных волостей Тарского уезда в ноябре 1659 г. Чем была обусловлена эта важная победа над трудноуловимыми сибирскими царевичами? Главным фактором явилась, конечно же, внезапность появления отряда Б. Маркова, когда Девлет-Гирею просто не оставалось времени на то, чтобы предпринять какие-либо адекватные действия. Выражаясь образно, в данном случае русским удалось использовать против кочевников их же излюбленное оружие. В свою очередь, эта внезапность стала возможной благодаря хитрости (если не вероломству) тарских юртовских татар во главе с Мамеем Неурусовым, сумевших усыпить бдительность осторожного Девлет-Гирея. Не стоит забывать, что этот царевич в течение долгих тридцати лет оставался недосягаемым для русских. Он, безусловно, был умелым и хитрым степным политиком. За счет собственных чутья и ловкости Девлет-Гирей в зависимости от обстановки в отношениях с русскими властями мог быстро переходить от конфронтации и угроз к переговорам, что позволяло переждать неблагоприятный период, умел договариваться с калмыцкими тайшами, находил союзников.

Существенными факторами, обеспечившими успешность операции, стали готовность и желание бывших «изменников», улусных людей самого Девлет-Гирея, сотрудничать с русскими властями и их сторонниками. Во многом это объясняется сложностью и непредсказуемостью жизни в степи, тяготами и превратностями кочевого быта. Видимо, скитальческая жизнь в степях вместе с потомками «царя» Кучума в действительности была очень нелегкой и полной всевозможных опасностей. Иначе как объяснить желание многих «изменников» покинуть царевичей и вернуться в русское подданство. Например, меньше чем за месяц до похода Б. Маркова 4 июля в Тару «выбежали ис полону от царевичев» бывшие ясачные люди Тюменского и Уфимского уездов, всего 5 семей, 24 человека [7. Стб. 597. Л. 67]. Также не последнюю роль в успехе сыграл и тарский воевода М.Н. Шаховской, который, проявив инициативу, собственно разработал и спланировал всю операцию, нашел подходящих исполнителей и дал им соответствующие инструкции.

В то же время победа над силами Кучумовичей летом 1661 г. мало чем изменила политическую ситуацию в степях. С одной стороны, царевичи понесли серьезные потери, лишившись многих улусных людей. В плен попал царевич Кансуер, а глава клана Девлет-Гирей, хоть и избежал пленения, но потерпел серьезнейшее поражение. Однако в степях остались Бугай, Кучук, Чучелей, позже заявил о себе сын Девлет-Гирея Асан. Царевич Бугай вскоре, видимо, «сошел со сцены», так как последние упоминания о нем относятся к 1661 г. Не исключено, что дали о себе знать раны, полученные им в столкновениях со старшим братом, башкирами и русскими служилыми людьми. Новым главой рода Кучумовичей стал царевич Кучук, который, в том числе мстя русским за братьев, всерьез «поднялся на государеву отчину», как говорилось в одном из документов того времени. Кучук впоследствии выступил одним из вожаков поднявшихся против русских властей башкир в начавшемся в 1662 г. мощном восстании [10. С. 70 и др.]. Как уже отмечалось, несмотря на отдельные, даже крупные успехи, победить Кучумовичей до конца никогда не удавалось, поскольку клан их был разветвленным, а кочевали царе-

вичи чаще всего раздельно. Образно говоря, в 1661 г. в борьбе с Кучумовичами русские «выиграли сражение, но не смогли выиграть войну», что и подтвердили последующие события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
2. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань : Рязань ; Мір, 2011. 512 с.
3. Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб. : Евразия, 2016. 396 с.
4. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 : сб. док. М. : Вост. лит., 1974. 472 с.
5. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. М. : Вече, 2012. 320 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Вост. лит., 2005. Т. 3. 598 с.
7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. (Сибирский приказ.)
8. Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. 1. Дооктябрьский период. М. : Наука, 1967. 480 с.
9. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста : Герел, 2009. Т. 1. 848 с.
10. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 24. С. 45–110.
11. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа : Башкир. книж. изд-во, 1956. Т. 1, ч. 1. 304 с.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.
13. Боярская книга 1658 года. М. : ИРИ РАН, 2004. 335 с.
14. Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Озеро Ямыш как зона политического и культурного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 32–35.
15. Первое столетие сибирских городов. XVII век. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VII). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 192 с.
16. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М. : Наука, 1987. 176 с.
17. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VI). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 312 с.
18. Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. 250 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2016 г.

MILITARY CLASHES BETWEEN THE SIBERIAN SERVITORS AND KUCHUM KHAN'S DESCENDANTS IN 1661 AND THEIR CONSEQUENCES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 50–58.
DOI: 10.17223/15617793/415/7

Dmitriy A. Vaskov, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dvaskov@mail.ru

Keywords: Kuchum Khan's princes; service-class people; nomads; Bashkir; Siberian Tatars.

The article is devoted to the little-known events about relations between the Russian state and Kuchum Khan's descendants in 1661. The main sources for the research are the documents from the Sibirskiy Prikaz Fund of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Documents published in *Istoriya Sibiri* [History of Siberia] by G.F. Miller, in the collection *Russko-mongol'skiye otnosheniya* [Russian-Mongolian relations] and in several other publications are also used. In 1661, Kuchum Khan's descendants temporarily lost the support from their patrons, the Oirat princes, because they had begun to fight among themselves. Also the Siberian Princes quarreled among themselves because of the ulus people, which led to clashes between Devlet-Giray and his younger brothers. These circumstances gave the Russians a chance to inflict a series of attacks on the forces of Kuchum Khan's descendants. In the summer of 1661, Russian service people from Ufa and the Bashkirs attacked the camp of the younger princes, defeated them, and took Prince Kansuer as a prisoner. However, the other princes managed to escape from the Russians. The main attention in the article is paid to the defeat of Prince Devlet-Giray by the Tobolsk detachment of B. Markov. The ulus of Devlet-Giray was situated at the confluence of the small Zhelezenka River with the Irtysh River. This place is near the modern village of Zhelezinka, Pavlodar region of the Republic of Kazakhstan. The defeat is likely to have occurred on 28–29 July, 1661. The Russians had a numerical advantage over the forces of Devlet-Giray. The study established that the Russian victory in the first place was due to the suddenness of the attack. Devlet-Giray did not have time to organize resistance and was forced to flee. His fate is unknown, it is likely that he died shortly afterwards. The factors, which made the appearance of the Russian squad before the Siberian Prince sudden, were as follows. First, the Tatars from Tara entered the ulus of Devlet-Giray, they concealed the fact of the Russian squad approaching and were able to lull the Prince and his men. Second, among the ulus people of the Prince were those who wanted to leave him and return to the Russian citizenship. They also expressed readiness to fight with Prince Devlet-Giray and began to cooperate with the spies of Tara. Third, Tara governor M.N. Shakhovskoy took initiative, planned and ran the whole operation, found the perpetrators and gave them clear instructions. As a result, the detachment of B. Markov released more than 300 yasak people and captured 1000 to 2600 horses and other livestock, and many other spoils of war. However, these successes of the Russians did not lead them to the final victory over Kuchum Khan's descendants. Prince Kuchuk became the new head of the clan after Devlet-Giray. He subsequently took an active part in the Bashkir rebellion of 1662–1664 and thus caused a lot of problems for the Russian authorities in Siberia. Thus, Kuchum Khan's descendants continued their struggle for the restoration of the Siberian Khanate.

REFERENCES

1. Trepavlov, V.V. (2012) *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v borbe za revansh* [Siberian tent after Yermak: Kuchum and his descendants in the struggle for a rematch]. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Belyakov, A.V. (2011) *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [Genghis Khan's descendants in Russia. 15th–17th centuries. Prosopographic study]. Ryazan: Ryazan'; Mir.
3. Rahimzyanov, B.R. (2016) *Moskva i tatarskiy mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epohu peremen, XV–XVI vv.* [Moscow and the Tatar world: Cooperation and conflict in the era of change, 15th–16th centuries]. St. Petersburg: Evraziya.
4. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (eds) (1974) *Russko-mongolskie otnosheniya. 1636–1654. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian Relations in 1636–1654. A collection of documents]. Moscow: Vostochnaya literatura.

5. Butsinskiy. P.N. (2012) *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [The settling of Siberia and the life of its first inhabitants]. Moscow: Veche.
6. Miller, G.F. (2005) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 214 (Sibirskiy prikaz). (In Russian).
8. Anon. (1967) *Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabrskiy period* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period]. Moscow: Nauka.
9. Maksimov, K.N. & Ochirova, N.G. (eds) (2009) *Istoriya Kalmykii s drevneishih vremen do nashih dney* [The History of Kalmykia from ancient times to the present day]. Vol. 1. Elista: Gerel.
10. Ustyugov, N.V. (1947) Bashkirskoe vosstanie 1662–1664 gg. [Bashkir Revolt of 1662–1664]. In: Grekov, B.D. (ed.) *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Vol 24. Moscow: USSR AS.
11. Anon. (1956) *Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR* [Essays on the history of the Bashkir ASSR]. Vol. 1. Part 1. Ufa: Bashkir. knizh. izd-vo.
12. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Rogozhin, N.M. (ed.) (2004) *Boyarskaya kniga 1658 goda* [The Boyar Book of 1658]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
14. Kamenetskiy, I.P. & Rezun, D.Ya. (2010) Lake Yamish as a zone of political and cultural interaction of the peoples in the 17th century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia*. 2. pp. 32–35. (In Russian).
15. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1996) *Pervoe stoletie sibirskikh gorodov. XVII vek* [The First Hundred Years of Siberian Cities. 17th century]. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf.
16. Nikitin, N.I. (1987) *Sibirskaya epopeya XVII veka (nachalo osvoeniya Sibiri russkimi lyud'mi)* [The Siberian epic of the 17th century (The beginning of the development of Siberia by Russian people)]. Moscow: Nauka.
17. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1996) *Sibir XVIII veka v putevyh opisaniyah G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in travel notes by G.F. Miller]. Translated from German Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf.
18. Titov, A. (1890) *Sibir v XVII veke. Sbornik starinnykh russkikh statey o Sibiri i prilezhashchikh k ney zemlyakh* [Siberia in the 17th century. A collection of ancient Russian articles about Siberia and the adjoining lands]. Moscow: [s. n.].

Received: 03 September 2016

УДК 930.2: 271.2-67-9(477.87) «1913/1914»

Ю.В. Данилец

ИРКУТСКАЯ ГАЗЕТА «СИБИРЬ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВТОРОГО МАРАМОРОШ-СИГОТСКОГО ПРОЦЕССА 1913–1914 гг.

Исследуются материалы о ходе второго Мараморош-Сиготского процесса 1913–1914 гг., которые печатались на страницах иркутской газеты «Сибирь». Периодическое издание достаточно объективно представляло сведения, обращало внимание на главные причины православного движения. Особенно подробно освещены слушания свидетелей и обвиняемых. Журналисты приходят к выводу, что большинство свидетелей делали признание под давлением полиции и жандармерии. Находим также урывки из выступления прокурора, судьи и адвокатов. Газета является важным источником по истории православной церкви в Закарпатье.

Ключевые слова: адвокат; крестьяне; православие; процесс; прокурор.

Накануне Первой мировой войны все внимание мировой общественности было приковано к небольшой частице славянского этноса – русинам-украинцам, которые страдали от преследования за религию от венгерского правительства. В Австро-Венгрии действовали законы (1868 и 1895 гг.), которые позволяли гражданам свободно изменять свою церковную принадлежность. Но на практике, как показал опыт первых лет XX в., это законодательство использовали выборочно. Закон № 53 от 1868 г. устанавливает, что свое желание переходить в другую церковь нужно было заявить в присутствии двух свидетелей перед священником своей церкви. Через 14 дней после первого заявления, но, по крайней мере, до 30 дней также в присутствии двух свидетелей снова нужно было перед священником прихода заявить, что проситель остается при желании перехода. От священника, перед которым высказался о желании перехода, или от присутствующих свидетелей получить свидетельство, передать священнику того вероисповедания, к которому желает переходить. После этого любая церковь может принять в свои ряды верующего, а священник, принявший нового верующего, обязан сообщить священнику, к которому верующий до того времени принадлежал [1. Л. 4].

Возвращение в православную церковь было вызвано целым рядом причин: политика денационализации и мадьяризации местного населения со стороны венгерских властей и высшего греко-католического клира, целью которой была полная ассимиляция русинов и создание из них верных сынов Свято-Стефанской короны; экономическое давление греко-католического духовенства и местных помещиков; борьба за сохранение восточного обряда и оппозиция латинизации церкви [2. С. 18–20].

Сначала православное движение пытались остановить штрафами. Но поскольку результаты были отрицательными, Министерство внутренних дел отправило в Мараморош-Сигот советника Горнера, которому поручили подавить православие. На территории Угорской Руси начали действовать тайные агенты, провокаторы, детективы, финансируемые правительством. Полиция провела несколько рейдов в Изе, Кошельове, Липче, Нанкове, Горинчеве, Нижнем Быстром, Теребле, Дулове, Нереснице, Тернове, Бычкове, Рахове, Великих Лучках, во время которых были арестованы около 180 человек [3. С. 4]. Арестованных содержали в жупанатских и окружных тюрьмах, где под ними постоянно издевались и пытками выбивали признание в преступлениях. Из-за отсутствия доказательств у обвинения суд оставил под стражей 94 человека. Судебное заседание планировалось начать в Дебрецене 25 ноября 1913 г., но дата начала суда постоянно переносилась в связи с отсутствием главного обвиняемого – иеромонаха Алексия (Кабалюка) – и недостаточностью доказательств обвинения [4. С. 2]. На совещании в Будапеште, которое было созвано по делу процесса, присутствовали председатель правительства граф Калман Тисса, министр культов и народного образования Бейла Янкович, мукачевский епископ Антоний (Папп), правительственный советник Жигмонд Перени, епископский викарий Миклош Балог, министерский советник Орест Сабов, мукачевский декан Эмил Коссей, адвокат Миклош Куткафалви. Было принято решение начать процесс 29 декабря 1913 г. в Мараморош-Сиготе [5. С. 24; 6. С. 11].

29 декабря 1913 г. в Мараморош-Сиготе на скамье подсудимых оказались 94 крестьянина, среди них мужчины и женщины в возрасте от 17 до 64 лет, которым поставили в вину серьезные преступления против государства. Православных верующих обвинили в деятельности, результатом которой должно было стать включение земель, населенных венгерскими русинами, в состав Российской империи. Кроме того, их решили судить за разжигание религиозной и национальной розни, агитацию против греко-католической церкви, которая была послушным исполнителем воли венгерских правителей. Судебный процесс закончился 3 марта 1914 г. По приговору 32 человека были приговорены к различным срокам заключения [7. С. 121]. Процесс не оправдал возложенных на него надежд, православное движение не удалось остановить.

Ход процесса в то время подробно освещался газетами и журналами всего мира. Целый ряд исследователей занимались изучением материалов периодики по истории второго Мараморош-Сиготского процесса [8–12]. В данной публикации мы проанализируем информацию, которая печаталась на страницах иркутской ежедневной внепартийной газеты «Сибирь». Названное издание выходило с перерывами с 1875 по 1918 г. Общественно-политическая и литературная газета даже в военный период продолжала оставаться на умеренных либерально-буржуазных позициях, поддерживая официальную политику и внося свой

вклад в освещение событий и жизни не только губернии и страны, но и всего мира [13. С. 210].

Нами обработаны все номера газеты, которые выходили с декабря 1913 г. по март 1914 г. Редакция использовала старый стиль, параллельно указывая также и новый. Информация о судовом процессе и сопутствующих его событиях печаталась в 47 номерах газеты. Общее количество заметок составляет 63 позиции. Из них 50 подано непосредственно из Мараморош-Сигота, 7 – из Будапешта, 5 – из Вены и 1 – из Праги.

Корреспонденты детализированно информировали редакцию обо всех событиях, которые происходили в помещении суда. Постараемся, на основании анализа газетных заметок, восстановить картину религиозного движения закарпатцев. Среди причин перехода в православие многие заслушанные во время судовых заседаний говорили о сугубо религиозном факторе. Жительница с. Билки Мария Сочка заявила, «что приняла православие, ибо униатское духовенство сокращает богослужение и не обучает детей молитвам» [14. С. 3]. Мелкий землевладелец, житель с. Великие Лучки Иван Стеблак сообщил на суде, «что перешел в православие, потому что это древняя религия» [15. С. 5]. Многие обвиняемые в своих показаниях объясняли переход в православие исключительно объединением календарей [16. С. 4]. Некоторые итоги по этому вопросу подвел адвокат из Мараморош-Сигота доктор Артур Клейн. Он категорически опровергал доводы прокурора относительно панславистской основы движения. «Главная причина движения, – заявлял А. Клейн, – нищета населения, заставляющая его эмигрировать в Америку, где угроруссы соприкасаются с православными и узнают, что против воли были отвержены от веры предков. Возвращаясь, они пытаются законным путем вернуться в православие, но встречают препятствия местных властей и духовенства» [17. С. 4].

Анализируя показания обвиняемых в зале суда и сравнивая их с материалами досудебного следствия, находим немало несоответствий. Большинство подсудимых на открытых заседаниях отказывалась от слов, сказанных ранее под давлением полиции. Газета приводит около десяти показаний подсудимых, в которых они говорят о систематических побоях и насилии. Николай Сабов, житель с. Иза, заявил на суде, что «главой православных в Изе является местный жандарм». Все его односельчане заявляли, «что не совершили никаких преступлений против униатских духовенства и религии и жалуются на преследования жандармами» [18. С. 3]. Пантелеймон Бровдий из Великого Бычкова показывал, что «был так избит жандармами, что потерял способность труда» [19. С. 3]. Свидетельница Елена Могиш из Ильницы отказалась «от показаний, данных на следствии под влиянием страха перед допрашивавшими лицами; восемнадцатилетний юноша Юрий Сеневич отказывается от показаний, заявляя, что жандармы таскали его за волосы» [20. С. 4]. Михаил Мачка из с. Иза сообщил, «что на допросе он был избит до потери сознания чинами пограничной стражи и жандармами» [21. С. 4]. Жители с. Липча жаловались на сельского судью Манайло, по приказу которого все жители села были избиты жандармами и силою принуждались идти к униатским священникам [22. С. 4]. Как видим из географии названий сел, насилие во время следствия использовалось во всех регионах Закарпатья.

Следствие установило, как видно из материалов газеты, что одними из первых заинтересовались православием Юрий Воробчук и Илия Пирчак. Ю. Воробчук, 47 лет, житель с. Ясиня, сельский учитель. С 25 ноября 1912 г. находился в следственном изоляторе [23. Л. 76]. При обыске полиция конфисковала у него два воза с книгами [24. С. 3]. На процессе Воробчук подробно рассказал о своих отношениях с братьями Геровскими. Он признал, что в 1902 г. посетил Киево-Печерскую лавру, а также заявил, что через Геровских получал книги от графа Бобринского. В одной из этих книг выражалось сожаление об отсутствии в Изе православного священника. Воробчук привез в Венгрию православного священника Иосифа, которого скрывал в с. Ясиня. Он не решился везти его в Изу, потому что боялся задержания полицией [25. С. 4]. Воробчук не признавал себя виновным и отрицал свое заявление следователю, что наступило время подчинить страну угроруссов России. Рассказывая об отношениях с Геровскими, он заявлял, что о политике никогда не было речи. Геровские только говорили, что окажут денежную поддержку на сооружение церквей и монастырей в Венгрии. Юрий Воробчук признавал, что выписывал духовные книги, которые оплачивал сам и при содействии других обвиняемых их распространял [26. С. 1].

И. Пирчак, 56 лет, житель с. Микуливцы, бывший письмоводитель адвоката. Следствие установило, что он писал статьи «о положении русских в Берегском комитате в будапештских и львовских газетах» и получил гонорар в 30 крон от петербургского редактора Вознесенского. Обвиняемый признавал, что переписывался с редактором, отрицал антигосударственную тенденцию переписки [27. С. 5]. Пирчак называл выдумками врагов утверждение, будто он влиял на движение в пользу перехода в православие и будто обещал крестьянам-угроруссам, что в случае перехода в православие между ними будут поделены имения графа Шенборна [28. С. 2].

Из других источников нам известно, что именно от Ю. Воробчука Александр Кабалюк получил первые православные книги. На страницах «Сибири» «главный обвиняемый» упоминается 55 раз. Уже в первой заметке от 17 (30) декабря 1913 г. находим информацию о том, что представитель «Петербургского телеграфного агентства» посетил арестованных угроруссов и беседовал с Кабалюком и Воробчуком [24. С. 3]. В следующей заметке газета упоминает об отказе иеромонаха Алексия от защитника и желании защищаться самостоятельно [26. С. 1]. Позже защитником о. Алексия стал доктор А. Клейн. Показания Кабалюка напечатаны в трех номерах «Сибири» за 17, 18 и 21 января 1914 г. В первой статье редакция описывает первый день допроса обвиняемого: «...введенный в зал Алексей Кабалюк на вопрос председателя ответил, что он – православный миссионер, за распространение запрещенных церковных книг уже отбыл наказа-

ние» [29. С. 3]. Кабалюк сообщил суду, что считает себя виновным только в распространении православия, однако никого не побуждал против грекокатолической церкви. «Он познакомился с православной верой через Воробчука и хотел сделаться монахом и служителем Бога» [Там же]. Познакомившись с Алексеем Геровским в 1905 г. в Ясиня, Кабалюк по его совету посетил Киев, где ходил по монастырям и покупал книги. После возвращения на родину устроил в своем жилище молитвенный дом и готовился к монашеской жизни. Иеромонах сообщил суду, что получил разрешение от сербского священника в Мишкольце совершать требы. Этот документ был подтвержден начальником округа. Редакция газеты отмечала, что упоминаемого разрешения не было обнаружено в документах судебного следствия [Там же].

Алексий (Кабалюк) подмечал, что не говорил следователю, будто Геровский имеет в виду вызвать кровавые столкновения в Венгрии. Это утверждал сам следователь. «Ни Бобринский, ни епископ Антоний не обнаруживали интереса к венгерским делам. Не было речи об оказании угроруссами помощи России» [30. С. 5]. Под конец допроса иеромонаха было зачитано несколько писем к епископу Евлогию и другим деятелям, содержание которых прокурор считал преступным [18. С. 3]. Допрошенные обвиняемые и свидетели не подтверждали антигосударственной деятельности священника. Иован Газий сообщил, что принял православие в Америке, а потом устроил в Великих Лучках православный молитвенный дом, где Кабалюк совершал богослужения [14. С. 3].

Главную роль в подстрекательстве крестьян к антигосударственной деятельности прокурор приписывал графу Владимиру Бобринскому. «Сибирь» опубликовала несколько заметок, в которых освещено посещение политическим деятелем суда в Мараморош-Сиготе. 4 января 1914 г. газета пишет о том, что адвокат А. Клейн получил от графа Бобринского телеграмму, в которой последний сообщает о готовности приехать в Мараморош-Сигот [27. С. 5]. Через две недели «граф Бобринский телеграфировал защитнику Кабалюка, что прибудет на судоразбирательство даже без свободного пропуска, ибо не совершил никакого преступления против правительства императора Франца-Иосифа» [30. С. 5].

Накануне приезда важного свидетеля по делу православных «Сибирь» проанализировала реакцию венгерских газет на это происшествие. За словами редакции, пресса подробно обсуждала приезд в Венгрию Бобринского. В «Pest. Lloyd» говорится: «Бобринский заблуждается, если думает, что венгерские власти тронут хотя бы волос на его голове». Клерикальная «Alcom.» называет приезд Бобринскаго провокацией. Наиболее крупная венгерская газета – независимый «Pest. Chirl.» – указывает, что только правительство боится показаний Бобринского. Демократический «Pest. Naplo» полагает, что Бобринского нужно принять с радостью и допустить в качестве свидетеля [31. С. 4].

5 февраля 1914 г. газета сообщила, что «к прибытию Бобринского относятся с чрезвычайным интересом. На всех железнодорожных станциях и в поездах много сыщиков и жандармов» [32. С. 4]. На следующий день «Сибирь» поместила заметку, в которой сообщила о приезде в Будапешт россиян: «Бобринский в сопровождении члена Государственной Думы Дмитриева и двух русских журналистов прибыл утром и остановился у русского генерального консула. Весь день он не покидал квартиры, вечером выехал со спутниками в Мармарошсигет, где предполагает дать свидетельские показания, что не давал обвиняемым денег и не содействовал политической пропаганде» [31. С. 4]. Прибыв в Мараморош-Сигот, Бобринский заявил корреспонденту «Петербургского телеграфного агентства», что «при проезде через Венгрию не встретил никаких затруднений» [Там же]. «В виду приезда Бобринского зал переполнен. Перед гостиницей, где остановился Бобринский, толпа народа и много сыщиков. Прокурор сообщает о прибытии Бобринского в Мармарошсигет и предлагает допросить его об отношениях к Кабалюку, о влиянии в качестве председателя союза русского народа на православное движение в Венгрии, его сношениях с русскими монастырями и монахами и о том, верно ли, что он печатал статьи и брошюры о движении угроруссов. Суд постановляет допросить Бобринского 23 января» [Там же].

5 февраля по новому стилю (23 января по ст. ст.) 1914 г. около 9 ч утра начался допрос графа Бобринского. Председатель суда объяснил свидетелю его обязанности и указал, что ложные показания по венгерскому закону караются пятилетним тюремным заключением. «Бобринский просит разрешения сначала говорить по-русски, чтобы быть понятым подсудимыми, затем – по-французски. Председатель постановляет вести допрос только по-французски. Бобринский показывает, что галицко-русское общество чуждо политики, проследует только литературно-культурные цели и направлено против украинского движения и полонизма. Общество не оказывало материальной помощи русским в Галиции, Буковине и Венгрии. Общество никогда не утверждало, что русские в Галиции страдают под австрийским игом, и говорило только о польском иге. Общество не занималось организацией паломничеств из Галиции и Венгрии и оказывало поддержку паломникам лишь в том отношении, что исходатайствовало для них понижение проездной платы. Таким же льготным проездом пользовались католические паломники, направляющиеся в Ченстохов. Паломники из Галиции и Венгрии по собственной инициативе посещают киевские и Почаевский монастыри. Свидетель ежегодно по несколько раз посещал Яблочин, знает Серафима, Кабалюка. Последнему дал 200 рублей, когда Кабалюк собирался ехать на Афон или в Америку. Свидетель полюбил Кабалюка за его глубокую религиозность, однако не давал ему наставления возвратиться на родину и заняться там пропагандой. Сведения о положении угроруссов свидетель получил в Петербурге от Кулаковскаго и Филевича, а также непосредственно из Венгрии. Материал для своих статей почерпнул также из первого процесса в Изе» [33. С. 4].

После отъезда Бобринского венгерская печать продолжила обсуждать его приезд и выступление в качестве свидетеля. «Орган Андраши говорит: Вен-

грия потеряла бы престиж за границей, арестовав Бобринского по требованию Австрии. Венгрия должна быть уверена, что Австрия этого не потребует. “Pest. Lloyd” полагает, что Бобринский будет недоволен, что его не арестовали. “As est” приводит беседу, в которой Бобринский высказывает, что считает ошибкой поддержку, оказанную Россией в 1848 г. Австрии. Этим вызвана вражда между Россией и Венгрией, последствием которой является нынешний процесс. “Willag” сообщает, что Бобринский находится в Мармарошсигете под полицейским надзором» [34. С. 4–5]. «Zeit» считает процесс неудачным и вредным для престижа Венгрии. Газета говорит, что граф Бобринский использовал судебную трибуну для мировой рекламы своих идей и доказал угрорусским крестьянам, что его действия не преступны, иначе он был бы арестован, как ему угрожали. Его деятельность – только один из видов движения «прочь от Рима» с русофильской окраской. Переход в православие не запрещен, равно как усвоение русского языка, близкого угрорусскому наречию [21. С. 4].

5 марта 1914 г. «Сибирь» опубликовала информацию о приговоре. «По делу угроруссов приговорены: Алексей Кабалюк, признанный виновным в возбуждении населения к мятежу и в подстрекательстве к 4/2 годам тюрьмы и 1 000 крон штрафа, с заменой штрафа еще тремя месяцами тюрьмы. Из остальных 30 человек, в том числе Воробчук, Петровци, Елена Глушманюк, Стефан Вакаров, Газий, Рапинец и Палканинец приговорены в тюрьму на сроки от полугода до 2 $^{1/2}$ лет, с зачетом предварительного заключения, и одновременно к штрафам от 50 до 400 крон» [35. С. 3]. Редакция отмечала, что в мотивах приговора указывалось, что подсудимые признаны виновными в возбуждении населения против униатской религии, духовенства, венгерской конституции и прав монарха. В отношении Кабалюка указано, что он, подстрекаемый братьями Геровскими и графом Бобринским, распространял русское православное вероучение, восхвалял русского царя и Россию и таким образом возбуждал ненависть против венгерских властей и законных прав венгерского короля. Кроме того, распространявшиеся Кабалюком книги, брошюры и газеты содержали непатриотические возбуждающие ненависть выражения, клонящиеся к возбуждению населения. В отношении Кабалюка суд не признал никаких смягчающих вину обстоятельств [Там же. С. 4].

Таким образом, иркутская газета «Сибирь» довольно широко презентовала материалы, которые касались второго Мараморош-Сиготского процесса против православных. Периодическое издание достаточно объективно представляло сведения, обращало внимание на главные причины православного движения. Особенно подробно освещены слушания свидетелей и обвиняемых. Журналисты приходят к выводу, что большинство свидетелей делали признание под давлением полиции и жандармерии. Много внимания в газете уделено иеромонаху Алексию (Кабалюку) и графу Владимиру Бобринскому. Находим также урывки из выступлений прокурора, судьи и адвокатов. Газета является важным источником по истории православной церкви в Закарпатье.

Ниже в статье приводится часть газетных заметок.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Состоятельный крестьянин Палканинец, признавая себя виновным, показывает, что склонялся к православию, еще будучи солдатом, когда посещал сербскою православную церковь. Он любит православную веру, но миссионером не был, католичество не бранил, политических заявлений не делал, о графе Бобринском и архиепископе Евлогии не слышал. Суду предъявляются конфискованные у него книги и переписка. Молитва «За царя» списана чернилами. Русский календарь, изданный в Черновцах, снабжен советами, что русский должен быть православным и говорить по-русски. Передопрошенный Воробчук подтверждает, что Палканинец не произносил бунтовщических речей, не знал политической тенденции движения.

Далее допрашивается Иван Бабинец, ранее наказанный по суду за ношение священнического одеяния. Он производит впечатление ненормального человека, отвечает неопределенно и признает, что шесть раз был в России. Судебный врач на вопрос прокурора устанавливает, что подсудимый временами впадает в летаргическое состояние. Суд постановляет продолжать допрос Бабинца 20 декабря [36. С. 1].

№ 2

МАРМАРОШСИГЕТ. Председатель палаты спрашивает обвиняемого Бабинца, говорил ли Кабалюк, что собирается паломничество в Киев из 50 человек и ищут проводников. Бабинец отвечает, что не помнит. Судебный врач заявляет, что Бабинец – дегенерат, вследствие умственного расстройства содержался в тюремной больнице, в настоящее время не способен защищать себя. Прокурор ходатайствует, чтобы над Бабинцом и Борканюком, также обнаруживающим признаки умственного расстройства, было установлено медицинское наблюдение. Палата ходатайство удовлетворяет и переходит к допросу солдата Петровци, обвиняемого в восхвалении православной веры и хуления униатской религии в заявлении: нам нужна православная религия, ибо мы – русские, униатские священники испортили религию. Петровци не признает себя виновным и отрицает приписываемые ему слова: что «русский Царь гневается на австрийского императора, завоюет землю вплоть до Белой Тиссы, где живут русские». Он признает, что познакомился и дружил с Кабалюком, который говорил ему, что в России лучше соблюдается религия, однако, не призывал его к переходу в православие. Он отрицает, что распространял среди угроруссов книги и приписываемые ему отзывы об униатской религии. Рассказывая о поездке в Черновцы к Геровскому, Петровци утверждает, что никто не говорил, что Россия даст деньги на церкви. Кабалюк не говорил: «нам нечего бояться – синод с нами». Точно также Кабалюк не говорил, что распространяет православие по подкупу России, ко-

торая будто бы аннексирует землю угроруссов, объявив войну, если Венгрия будет препятствовать переходу в православие. Оглашаются показания Петровци на предварительном следствии. Петровций отказывается от них целиком...

Примечание агентства. Дополнительными сведениями о процессе угроруссов устанавливается, что Воробчук в показаниях 17 декабря сказал, что получал книги графа Бобринского, т.е. его сочинения, а не говорил, будто получал от Бобринского книги в подарок. Защитник Кабалюка доктор Клейн получил от графа Бобринского телеграмму, в которой последний сообщает готовность приехать в Мараморошсигот [27. С. 5].

№ 3

МАРМАРОШСИГЕТ. 23 дек. Кемень заявляет, что не говорил о владычестве русского Царя над угроруссами. Передопрошенный Воробчук делает тождественное заявление. Он кланяется, что сделанные им до сих пор на суде и у судебного следователя показания были внушены угрозами судебного следствия. От Кабалюка и Геровского ничего о политике не слышал. Василий Колочавин получал книги из России, но не распространял их; объединению календарей не сочувствовал, от Кабалюка слышал, что жена Федора Мускура тоже знает Кабалюка и Геровского; но о политике ничего не знает.

По случаю праздников заседания прерываются до 28 декабря [37. С. 5].

№ 4

МАРМАРОШСИГЕТ. 28 дек. Продолжается допрос обвиняемых. Жена Федора Мускура не подтверждает слово обвинительного акта о речах Кабалюка, будто заявлявшего, что переход в православие необходим ввиду предстоящего подчинения угроруссов под власть русского Царя. Федор Мускур и Алексей Марущак не признают себя виновными. Последний заявляет, что у Мускура происходили только религиозные молитвенные собрания. Кабалюк, по его словам, настаивал на переходе в православие, но не связывал это с освобождением угроруссов из-под власти Венгрии [38. С. 4].

№ 5

МАРМАРОШСИГЕТ. 28 дек. Жена Федора Фицая не признает себя виновной и сообщает, что дочь ее уехала в паломничество и не вернулась. Ей говорили в Сучаве, что дочь в русском монастыре. Федор Фицай говорит, что дочь была несчастлива в браке. Посещая с нею монастыри, он думал ускорить развод. Дочь не вернулась из-за границы: она скончалась. Он не признает себя виновным и заявляет, что никакого преступления против отечества государя и религии не совершал. Юра Ухаль признает, что получил от Алексея Геровского брошуры, направленные против объединения календарей, и раздавал их. О переходе страны до Белой Тиссы под власть России Геровский ему не говорил. Переводчик Медведский заявляет, что при обыске у Мускура найдены два письма из Америки, в которых говорилось о преследовании православных. Продолжение разбирательства – в понедельник [38. С. 5].

№ 6

МАРМАРОШСИГЕТ. Обвиняемый Андришко не признал себя виновным. Между прочим, он доказывает, что Кабалюк ему говорил, что православная вера хороша, но не склонял его к переходу в православие. Кабалюк не говорил также, что переход нужен, ибо глава русской церкви – Царь.

Андришко слышал от Марущинского, что граф Бобринский интересуется движением в пользу православия и что Бобрииский могуществен, как министр. После Андришко допрашивался Дмитрий Попович, отбывавший наказание за убийство. Попович также не признал себя виновным. Далее следовал допрос Кирилла Прокопа, признавшего себя отчасти виновным, и заявившего, что он охотно стал бы православным. Об антигосударственных заявлениях Геровского и Кабалюка ему ничего неизвестно.

ПРАГА. Состоялся митинг, на котором депутат Клофач выразил протест против процесса угроруссов. Когда русский депутат Марков пытался на русском языке изложить положение угроруссов, митинг был закрыт [39. С. 3].

№ 7

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Иоанн Газий признает себя виновным. Он принял православие в Америке, потом устроил в Великих Лучках православный молитвенный дом, где Кабалюк совершал богослужения. Он хотел перейти в русское подданство, но на границе был арестован вместе с Пирчаком. Оглашается конфискованное письмо Газия на имя протоиерея Карасевича в Будапеште. В письме Газий испрашивает указаний, как перейти в русское подданство. Юра Чопик говорит, что не переходил в православие, но присутствовал на православном богослужении. Кабалюк не уговаривал его перейти в православие [14. С. 3].

№ 8

МАРМАРОШСИГЕТ. На допросе обвиняемых из общины Липча подсудимый Стефанъ Вакаров не признает себя виновным и сообщает, что румынский митрополит отказался принять угроруссов в состав румынской православной церкви, но сербский патриарх в Карловцах прислал церковные книги, в которых содержались молитвы за венгерского короля. Все допрошенные обвиняемые отрицают обвинение в том, будто они поносили униатскую церковь и хвалили русскую, а также говорили о будущем владычестве русского царя [40. С. 4].

№ 9

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Обвиняемые Рапинец и Тришинец показывают, что оба читали «Русскую Правду» и православные богослу-

жебные книги. Об Пирчаке Рапинец говорит, что тот предсказывал воссоединение угроруссов с Россией. Тришинец отрицает это. Затем допрашиваются Владислав Рубиш, Иван Балог Фирга, Иван Тегза и Василий Макар. Последние двое из Нижнего Быстрого. Рубиш заявляет, что Пирчак говорил ему о разделе имений графа Шенборна. Тегза и Макар заявляют, что в Нижнем Быстром не было движения в пользу православия.

БУДАПЕШТ. Палата депутатов. Министр-президент отвечает на запрос депутата Бескида, требующего прекращения процесса угроруссов против всех подсудимых, кроме агитаторов, и упрекающего правительство в бессердечии. Министр указал, что Бескид, изображая положение угроруссов в мрачных красках, помогает желающим использовать мармарошский процесс к дискредитированию Венгрии. Нельзя отрицать, что положение угроруссов плачевное, но в России положение ближайших родичей угроруссов еще более печальное, тем не менее ни один из депутатов Думы не отважится говорить об этом так, как говорит Бескид. Венгрия благожелательно поддерживала угроруссов, которые находятся по пути прогресса. И надо жалеть, если запрос будет содействовать затушеванию этого факта... [41. С. 4].

№ 10

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Обвиняемые Исидор и Михаил Россоха и Ковач заявляют, что ничего не знали о православной пропаганде. Недзбайло, православный, не признает себя виновным и заявляет, что Пирчак обещал помощь им из России и Буковины на сооружение церкви и упомянул также о графе Бобринском, как влиятельном лице. Стеблак заявляет, что перешел в православие, потому что это древняя религия. Фенчак заявляет, что отпал от православия, когда стал деревенским старшиной. Газий признает, что принимал, участие в собраниях, но «Русской Правды» на них не читал [15. С. 5].

№ 11

БУДАПЕШТ. 10 января. «Pest. Chirl.» приглашает правительство успокоить общественное мнение путем наказания или заключения в сумасшедший дом тех жандармов, которые, по сообщению местных берлинских и французских газет, истязают до крови угрорусских женщин и детей, грубо обращаются с мужчинами, чтобы заставить их показывать на суде против себя. «Willag» сообщает: угрорусс Дулишкович, вращавшийся в славянских кружках в качестве ревностного угрорусского патриота и принимавший участие в конгрессе в Лугачовице, оказался сыщиком, собиравшим материал, компрометирующей славянских вождей.

МАРМАРОШСИГЕТ. 11 января. Сегодня допрашивалось несколько крестьян Великого Чингава, Вонигова, Дулова и Теребли. Все признают себя православными, но отрицают политические цели движения и не считают себя виновными. Один из допрошенных Пантелеимон Брод показывает, что был так избит жандармами, что потерял способность труда [19. С. 3].

№ 12

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. 13 января продолжался допрос последней группы обвиняемых, не внесший нового в дело. 14 января, вероятно, суд приступит к допросу свидетелей [42. С. 4].

№ 13

МАРМАРОШСИГЕТ. Судебные врачи показывают, что подсудимые Бабинец, Борканюк и Вакаров, как психически больные, должны быть переведены в дома умалишенных. Суд соглашается с этим заключением.

ВЕНА. В ответ на славянское собрание депутат Олесницкий созвал собрание украинцев, обсуждавшее угрорусский процесс. Собранием принята резолюция, утверждающая, что обнаруженный процессом угроруссов успех русофильской и православной пропаганды является результатом притеснений, которым подвергается угрорусское население. Многие славянские вожди созывают собрание протеста, преследуя не столько помощь бедствующему населению, сколько содействие направленной против его национальных интересов русской пропаганды, угрожающей государству. Собрание обращает внимание властей на эту растущую опасность, требуя мер и прося венгерских правителей дать угроруссам возможность развиваться, как самостоятельной славянской национальности, какою является украинская. Только эта мера охранит угрорусское население от чужеземной агитации. Собрание заранее протестует против резолюций, могущих быть принятыми славянским собранием.

ВЕНА. В присутствии многочисленной толпы чехов, словенцев, хорватов, сербов и русских состоялось собрание по протесту против процесса угроруссов. После речей чешского националиста депутата Экснера и представителя славянских студентов, осуждавших процесс, принята соответствующая резолюция. Когда от имени сербской нации к протесту хотел присоединиться серб, полицейский комиссар закрыл собрание, не разрешив говорить по-сербски. Галицко-русский депутат Марков пытался успокоить на русском языке протестовавшую толпу, но ему также запрещено было говорить по-русски. В заключение в зал введена полиция, вытеснившая толпу [43. С. 4].

№ 14

МАРМАРОШСИГЕТ. Закончен допрос обвиняемых. Продолжалось чтение изданий, конфискованных у подсудимых. Среди предъявленных суду книг – много сербских богослужебных изданий, напечатанных в Карловцах [44. С. 4].

№ 15

МАРМАРОШСИГЕТ. Суд приступил к допросу свидетелей. Марковци удостоверяет, что Кабалюк не поносил униатство. Относительно православной церкви он говорил, что главой ее является Иисус Христос, а русский Царь ее старшина. Цьока из Ильницы

говорит, что у него возник спор с Кабалюком, заявлявшим, что русские монахи могут освобождать души из ада, если им платить деньги за панихиды. Кабалюк не предписывал молиться за русского Государя и не говорил, что страна угроруссов должна перейти к России. Капитан и Елена Могиш заявляют, что не слыхали от Кабалюка и его товарищей поругания униатства. Могиш отказывается от показаний, данных на следствии под влиянием страха перед допрашивавшими лицами, Шутак заявляет, что Кабалюк восхвалял православие, и указывал, что униатские священники не так ревностно соблюдают религию, где главой церкви является не папа, а синод, четыре патриарха и Царь. Направленных против австрийского императора разговоров не было. Восемнадцатилетний юноша Сеневич отказывается от показаний, данных на следствии, заявляя, что жандармы таскали его за волосы [20. С. 4].

№ 16

МАРМАРОШСИГЕТ. Показания свидетелей. Филипп из Вилока заявляет, что не слышал, чтобы Кабалюк порицал униатскую церковь. Турани говорит, что у Геровскаго видел 4 мальчиков из Изы, которые учились в монастыре читать и писать по-русски. Председатель расспрашивает свидетеля о подробностях монастырской жизни, совершались ли молитвы за Царя и царствующий дом. Свидетель заявляет, что в монастыре за Царя молились. Настоятель монастыря Серафим говорил, что целью их обучения является распространение православия в Венгрии. Граф Бобринский несколько раз приезжал в монастырь и говорил мальчикам, чтобы они прилежно учились и, возвратившись на родину, распространяли православие. Бобринский не говорил, что русский Царь завоюет землю угроруссов. Он не высказывался враждебно об Австро-Венгрии. Сельский учитель в селе Егреш Владимир заявляет, что в униатском богослужении встречаются слова: «православные христиане», народ до сих пор считает себя православным [45. С. 4].

№ 17

МАРМАРОШСИГЕТ. Продолжался допрос свидетелей. Выясняется, что чтение молитв на собраниях, происходивших накануне праздников, было обычным в общинах угроруссов. Две свидетельницы ходили в Киев на богомолье. Униатский священник Дудинский показывает, что не слыхал чтобы поносилась уния. На вопрос защитника он заявил, что униаты и ныне называют себя православными. Лойка обвиняет Палканинца в политической пропаганде. Палканинец протестует, указывая, что видел Лойку только раз. Довганич показывает, что Лойка подавал донос на Палканинца. Прокурор приделает привлечь к ответственности одного из свидетелей, показывающего иначе, чем на предварительном следствии. Защитники протестуют, указывая, что прокурор намерен терроризировать остальных свидетелей. Следующее заседание – 21 января [46. С. 3].

№ 18

МАРМАРОШСИГЕТ. К прибытию Бобринского относятся с чрезвычайным интересом. На всех железнодорожных станциях и в поездах много сыщиков и жандармов. Большая часть допрошенных сегодня свидетелей – крестьян отказываются от прежних показаний, сделанных жандармерии и полиции, заявляя, что эти показания вынуждены угрозами и побоями. Свидетель, униатский священник Ронай, говорит, что униаты вообще называют себя православными, слово «царь» обозначает у них короля. Так называемый Андреевский крест употребляется и у униатов [32. С. 4].

№ 19

ВЕНА. «Cor. Bur.» сообщают из Будапешта, что Бобринский в сопровождении члена Государственной Думы Дмитриева и двух русских журналистов прибыл утром и остановился у русского генерального консула. Весь день он не покидал квартиры, вечером выехал со спутниками в Мармарошсигет, где предполагает дать свидетельские показания, что не давал обвиняемым денег и не содействовал политической пропаганде. Бобринский заявил, что никогда не был арестован и осужден в Австрии. Австрийскими властями был отдан приказ об его аресте, однако, судебного разбирательства не было. Бобринский отрицает, будто был повод для привлечения к суду, никогда не говорил ничего об императоре Франце-Иосифе, что могло быть сочтено оскорблением величества.

БУДАПЕШТ. Газеты подробно обсуждают приезд в Венгрию Бобринского. «Pest. Lloyd» говорит: «Бобринский заблуждается, если думает, что венгерские власти тронут хотя бы волос на его голове». Клерикальная «Alcom.» называет приезд Бобринскаго провокацией. Наиболее крупная венгерская газета, независимый – «Pest. Chirl.» указывает, что только правительство боится показаний Бобринского. Демократический «Pest. Naplo» полагает, что Бобринского нужно принять с радостью и допустить в качестве свидетеля.

МАРМАРОШСИГЕГ. Прибыл Бобринский, заявивший корреспонденту «Петербургского телеграфного агентства», что при проезде через Венгрию не встретил никаких затруднений. В заседании суда 22 января показывали против подсудимых униатский священник Андрей Азарий и почтмейстер села Изы Август Пап, подчеркивающие политический характер движения. Последний показывает, что с 1913 г. массами стали получаться русские газеты. Пап передавал их жандармам. В виду приезда Бобринского зал переполнен. Перед гостиницей, где остановился Бобринский, толпа народа и много сыщиков. Прокурор сообщает о прибытии Бобринского в Мармарошсигет и предлагает допросить его об отношениях к Кабалюку, о влиянии в качестве председателя союза русского народа на православное движение в Венгрии, его сношениях с русскими монастырями и монахами и о том, верно ли, что он печатал статьи и брошюры о движении угроруссов. Суд постановляет допросить Бобринского 23 января [31. С. 4].

№ 20

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Продолжается допрос свидетелей. Владелец сельского питейного заведения Гросс заявляет, что все обвиняемые из Изы участвовали в движении. Сельский нотариус Станкович заявляет, что движение усилилось после возвращения осужденного по первому процессу Василия Кеминя. Свидетель Иосиф Савинец заявляет, что слышал от детей, что Кабалюк заставлял сельчан давать клятву не возвращаться в униатство [34. С. 4–5].

№ 21

ВЕНА. Большинство венских и будапештских газет, обсуждая процесс угроруссов, основывают свои заключения на доверии к показаниям Дулишковича и недоверии к показаниям графа Бобринского. Некоторые газеты высказывают иное мнение. «Zeit» считает процесс неудачным и вредным для престижа Венгрии. Газета говорит, что граф Бобринский использовал судебную трибуну для мировой рекламы своих идей и доказал угрорусским крестьянам, что его действия не преступны, иначе он был бы арестован, как ему угрожали. Его деятельность – только один из видов движения «прочь от Рима» с русофильской окраской. Переход в православие не запрещен, равно как усвоение русского языка, близкого угрорусскому наречию. «Corr. Bur.» сообщают из Будапешта, что граф Бобринский обратился к защитнику в процессе угроруссов с телеграммой из Бухареста, в которой он, а также член Государственной Думы Дмитриев выражают благодарность суду, судебным органам и представителям печати за лояльное поведение и проявленную любезность.

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Свидетели жандармский вахмистр и сельский кузнец показывают, что в Изе православные терроризировали униатов. Михаил Мачка заявляет, что его никто не совращал. Он по собственному побуждению отправился в Россию, где пробыл два с лишком года. В Яблочине он познакомился с русской историей и богослужением и хотел сделаться священником. Когда ему исполнилось 18 лет, он, по совету графа Бобринского, вернулся к призыву на родину. Мачка заявляет, что на допросе он был избит до потери сознания чинами пограничной стражи и жандармами. Обвинитель Иллеш заявляет, что распорядился произвести следствие об избиении. Свидетель Самош также показывает об избиении жандармами. Униатский священник Штефан говорит, что в богослужебных книгах молитвы за Царя имеются и теперь во многих церквах [21. С. 4].

№ 22

МАРМАРОШСИГЕТ. Стефан Гандера заявляет об избиении его жандармами по приказанию сельского судьи Манайло. Население было возмущено образованием католического союза и заявляло, что не желает сделаться папистами. Сельский нотариус Кристоф Гамибал называет вождем движения в Липче Стефана Вакарова, заявлявшего, что он – русский, не хочет быть мадьяром-католиком. Назначение Манайло сельским судьей способствовало усилению недовольства, ибо Манайло сам провоцировал жителей и поносил униатских священников, называя их тунеядцами. Андрей Манайло заявляет, что обвиняемые Изы были агитаторами венгерской партии Юста. Движение в Липче питалось из Изы. Население бунтовало против священников. Свидетель обвиняет Гамибала в сообщничестве с лидерами движения. Жена Сеневича показывает, что по приказанию Манайло все жители Липче были избиты жандармами и силою принуждались идти к униатским священникам. Сельский учитель Петр Станканинец высказывает мнение, что движение было не религиозное, а политическое. Окружной нотариус Грибовский находит движение непатриотическим. Марко Лебович показывает, что судился с Вакаром. Он слышал, как говорили женщины, что до Нового года необходимо перейти в православие. Суд постановляет не приводить к присяге Гамибала, Манайло и Марко Лебовича [22. С. 4].

№ 23

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Продолжался допрос свидетелей из Липчи. Торговец Беркович и извозчик Гершкович заявляют, что движение было направлено против помещиков и евреев. Ряд крестьян показывает, что народ был недоволен объединением календарей и насильственным зачислением в католический народный союз. Многие жалуются на избиение жандармами [47. С. 4].

№ 24

МАРМАРОШСИГЕТ. Допрошенные сегодня свидетели, в том числе два униатских священника, сельский нотариус и учитель, показывают, что народ был недоволен преподаванием в школах на мадьярском языке, объединением календарей и учреждением католического народного союза [48. С. 4].

№ 25

МАРМАРОШСИГЕТ. Униатский священник Кимак заявляет, что считал движение 1912 г. политическим. Население было довольно объединением календарей и католическим народным союзом. Однородные показания дает сельский учитель Худак. Звонарь Чопик, которого священник Кимак посылал к Палканинцу выведать сведения о движении, показывает, что Палканинец поносил папу и униатское духовенство. Ряд других свидетелей единодушно показывает, что в возникновении движения повинен священник, выступивший в защиту католического народного союза и навязывавший объединение календарей [49. С. 5].

№ 26

МАРМАРОШСИГЕТ. Допрашиваются свидетели из Билина, показания которых не дают новых данных для обвинения подсудимых в участии в политическом движении, а констатируют лишь факт

получения некоторыми жителями Билина брошюры «Борьба», якобы направленной против короля и епископа [50. С. 4].

№ 27

МАРМАРОШСИГЕТ**.** Греческий протоиерей Мотин рассказывает об обращении к нему семь лет назад угроруссов с просьбой о переходе в православие. Свидетель разъяснил им, как оформить переход. После этого ему стали доставляться свидетельства о переходе. 90% всех угроруссов пожелали перейти в православие, однако, окружной начальник и вице-губернатор не выдавали просимых свидетельств. Униатский священник Азарий донес о подлоге документов. Прокуратура не дала хода этому обвинению, но свидетелю было воспрещено посещение Изы. Кабалюк доказал свидетелю о получении им духовного сана, с согласия окружного начальника он совершал в Изе богослужения в качестве его помощника. В прошлом году свидетелю были запрещены сношения с Кабалюком и угроруссами. Допрос свидетелей закончен [51. С. 4].

№ 28

МАРМАРОШСИГЕТ. Прокурор заявляет, что в виду недостаточности улик он отказывается от обвинения 26 лиц, в том числе Юрия Кабалюка. Суд постановляет объявить их от суда свободными [52. С. 4].

№ 29

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Чтение актов судебного следствия закончено. Прокурор требует оглашения дополнительных документов. Защитник Клейн требует представления суду будто бы переданных Дулишковичем полицейскому управлению в Будапеште вещественных доказательств, а также затребовать акты венгерского министерства исполнений, касавшиеся перехода в православие. Прочие защитники просят вызвать большое число новых свидетелей. Прокурор протестует против этого. Суд постановит решение завтра [53. С. 3].

№ 30

МАРМАРОШСИГЕТ. Оглашаются на суде некоторые маловажные документы, отклоняется ходатайство защиты о дополнительном следствии, против чего защитники заявляют протест. В понедельник начнется речь прокурора [54. С. 4].

№ 31

МАРМАРОШСИГЕТ. Защитник Клейн получил телеграмму из Львова: «Собрание русских студентов в Львове приносит вам, равно как и всем вашим коллегам, искреннюю благодарность за неослабную защиту несчастных жертв постыдного процесса и просит всем обвиняемым передать выражение братского сочувствия» [55. С. 4].

№ 32

МАРМАРОШСИГЕТ. Во вчерашнем заседании началась, а в сегодняшнем закончилась речь прокурора, объясняющая угрорусское движение агитационной деятельностью русских панславистов, начавшейся в Галиции после путешествия, совершенного в 1843 г. Погодиным, распространившейся в 1880 г. на Буковину и перешедшей, наконец, в Венгрию. Руководительство движением ныне принадлежит, по словам прокурора, галицко-русскому обществу, состоящему под председательством графа Бобринского. Цель движения – присоединение угроруссов к единой великорусской державе. Прокурор требует применения к Кабалюку и Пирчаку высшей меры наказания, относительно Воробчука и остальных соглашается на принятие во внимание смягчающих вину обстоятельств.

Защитник Клейн опровергает доводы прокурора относительно панславистской основы движения. Главная причина движения – нищета населения, заставляющая его эмигрировать в Америку, где угроруссы соприкасаются с православными и узнают, что против воли были отвержены от веры предков. Возвращаясь, они пытаются законным путем вернуться в православие, но встречают препятствия местных властей и духовенства. Закон о свободе вероисповедания существует только на бумаге. Клейн указывает, что Кабалюк отправлял богослужения с согласия церковных и светских властей. Предположения прокурора о политических целях Бобринского и Геровских основаны только на показаниях Дулишковича, типичного провокатора, не представившего суду никаких доказательств своих заявлений. Кабалюк не совершил ничего преступного и подлежит оправданию.

Защитник Воробчука Батори указывает, что Воробчук распространял газеты цензурованные, следовательно, не включавшие ничего враждебного к государству.

Защитник обвиняемых из Вышнего Быстрого Барна находит, что его клиенты, выступая против католического союза объединения календарей, осуществляли свое законное право. Барна требует оправдания всех обвиняемых [17. С. 4].

№ 33

МАРМАРОШСИГЕТ. Продолжаются речи защитников. Ронай, Папп и Лапушевич указывают, что движение имело лишь религиозный характер. Защитник Редей критикует обвинение с юридической точки зрения и перечисляет злоупотребления на следствии [56. С. 4].

№ 34

МАРМАРОШСИГЕТ. Процесс угроруссов. Защитник Хаджи в обстоятельной речи критикуя доводы обвинителя, указывает, что ложность показаний Дулишковича очевидна, показания же других свидетелей нельзя считать основанием для приговора, ибо свидетели от них отказались. Попытка угроруссов вернуться к прежней религии не преступление, а их

право. В заключение Хаджи доказывает несостоятельность утверждений прокурора относительно креста и церковных книг. Краткими речами защитников Яношки и прочих заканчивается выступление защиты. Приговор состоится 18 февраля [57. С. 4].

№ 35

БУДАПЕШТ. Крупнейшая венгерская газета, беспартийный «Pest. Chirl.» обсуждает направление, которое навязывается следствию о Дебрецинском покушении, стремясь замешать в это дело движение в пользу православия графа Бобринского. Демократический «Pest. Naplo» упрекает графа Тиссу, что он направляет следствие на ложный путь, и чтобы спасти дружественные отношения к румынскому комитету, стремится представить покушение делом русских. Мармарошского процесса не было бы, если бы отношения к России были сердечными. Самой ясной демонстрацией против России является подробное опубликование процесса Яндрича. Масонский «Willag.» и клерикальный «Alcont.» относятся отрицательно к попытке обвинить графа Бобринского за движение в пользу православия. Во главе газет, обвиняющих Бобринского за движение в пользу православия, стоит и полуофициальный «Boudap. Chirl.», утверждающий, что покушение имело целью оказать давление на мармарошских судей, ободрить обвиняемых и помешать мадьяро-румынскому движению оторвать румын от тройственного союза [58. С. 3].

№ 36

ВЕНА. Обсуждая приговор по угрорусскому процессу, «N. Fr. Pr.» и «Reichs. Post» находят, что настоящим виновником был Бобринский, оставшийся безнаказанным. Процесс угроруссов – симптом распущенной дерзости панславизма. Русская опасность существует и открыто стремится подвинуть форпосты до Карпат. Осужденные заслуживают снисхождения, но они – жертвы необходимости. «Extrablatt», комментируя приговор в этом смысле, поручает осужденных милосердию монархов. Остальныя газеты обходят приговор молчанием [59. С. 4].

№ 37

БУДАПЕШТ. Клерикальный депутат Бескид, уже дважды предъявлявший запросы по угрорусскому процессу, обратился к графу Тиссе с запросом, желает ли министр назвать депутата, которого должен был подкупить агента полиции Дулишкович для предъявления запроса о процессе угроруссов, а также желает ли министр принять меры к наказанию чинов жандармерии и пограничной полиции за доказанные во время процесса насилия и принять меры к улучшению экономического положения угроруссов. Тисса отвечал в ироническом тоне, вызывавшем бурные протесты оппозиции. По его словам, Дулишкович не заслуживает презрения, ибо доставил весьма ценные сведения о нитях панславистской агитации, наводняющей Венгрию посредством весьма важных факторов не официальной России, но русского общества. Дулишкович не заслуживает презрения, ибо его появление произвело несомненное действие на графа Бобринского. Министр отвечает на обвинения, предъявляемые жандармам. Показания Дулишковича относительно депутатов имели доверительный характер. Тисса констатирует, что никто подкуплен не был, ибо деньги Бобринского были представлены властям [60. С. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Закарпатской области. Ф. 151. Оп. 2. Д. 1708.
2. Данилец Ю. Исторические предпосылки и причины православного движения на Закарпатье в начале XX века // Альманах современной науки и образования. № 2: История, антропология, археология, этнография, краеведение, философия, теология, культурология, политология, юриспруденция и методика их преподавания. Тамбов : Грамота, 2007. С. 18–20.
3. Что діется на Угорщині // Русская Правда. 1913. 18 апреля.
4. Из Угорской Руси // Русская Правда. 1913. 28 ноября.
5. Данилець Ю. Переслідування русинів за віру в Австро-Угорщині напередодні Першої світової війни (до 100-річчя другого Мараморош-Сиготського процесу 1913–1914 рр.) // Русин. 2013. № 4. С. 16–31.
6. Суляк С. Православие в Карпато-Днестровских землях (К 200-летию основания Кишиневской епархии и 100-летию Второго Мармарош-Сиготского процесса) // Русин. 2013. № 4. С. 8–15.
7. Данилец Ю. К вопросу о подготовке второго Мараморош-Сиготского процесса против православных Закарпатья // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 110–122.
8. Грабец М. К истории Марморошского процесса. Ужгород, 1934. 56 с.
9. Данилець Ю. Антиправославні Мараморош-Сиготські судові процеси на сторінках Санкт-Петербурзьких «Церковных Ведомостей» // Наукові записки Богословсько-історичного науково-дослідного центру імені архімандрита Василія (Проніна). 2013. № 2. С. 19–24.
10. Данилец Ю. Антирусинский судебный процесс 1913–1914 гг. в Мараморош-Сиготе на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» // Русин. 2014. № 2. С. 249–269.
11. Данилец Ю. К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свѣтъ») // Русин. 2014. № 3. С. 9–21.
12. Суляк С. Русинский и украинский вопросы накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2. С. 96–119.
13. Шинкарева А. Первая мировая война как фактор влияния на развитие печати Иркутска // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : в 2 т. Т. 1: материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 206–212.
14. Сибирь. 1914. 3 (16) января.
15. Сибирь. 1914. 12 (25) января.
16. Сибирь. 1914. 10 (23) января.
17. Сибирь. 1914. 11 (26 февраля).
18. Сибирь. 1914. 8 (21) января.
19. Сибирь. 1914. 14 (27) января.
20. Сибирь. 1914. 18 (31) января.
21. Сибирь. 1914. 28 января (10 февраля).

22. Сибирь. 1914. 29 января (11 февраля).
23. Österreichisches Staatsarchiv-ÖStA, HHStA Kabinettsarchiv, Geheimakten 27 (alt 29, 30) // Politisches. 1913. Fol. 75–104.
24. Сибирь. 1913. 17 (30) декабря.
25. Сибирь. 1913. 19 декабря (1 января 1914).
26. Сибирь. 1913. 18 (31) декабря (прибавление к газете).
27. Сибирь. 1913. 22 декабря (4 января 1914).
28. Сибирь. 1913. 24 декабря (6 января 1914) (прибавление к газете).
29. Сибирь. 1914. 4 (17) января.
30. Сибирь. 1914. 5 (18) января.
31. Сибирь. 1914. 24 января (6 февраля).
32. Сибирь. 1914. 23 января (5 февраля).
33. Сибирь. 1914. 25 января (7 февраля).
34. Сибирь. 1914. 26 января (8 февраля).
35. Сибирь. 1914. 18 февраля (5 марта).
36. Сибирь. 1913. 21 декабря (3 января 1914) (прибавление к газете).
37. Сибирь. 1913. 29 декабря (11 января 1914).
38. Сибирь. 1913. 31 декабря (13 января 1914).
39. Сибирь. 1914. 1 (14) января.
40. Сибирь. 1914. 9 (22) января.
41. Сибирь. 1914. 11 (24) января.
42. Сибирь. 1914. 15 (28) января.
43. Сибирь. 1914. 16 (29) января.
44. Сибирь. 1914. 17 (30) января.
45. Сибирь. 1914. 19 января (1 февраля).
46. Сибирь. 1914. 21 января (3 февраля).
47. Сибирь. 1914. 30 января (12 февраля).
48. Сибирь. 1914. 31 января (13 февраля).
49. Сибирь. 1914. 2 (15 февраля).
50. Сибирь. 1914. 5 (18 февраля).
51. Сибирь. 1914. 4 (19 февраля).
52. Сибирь. 1914. 5 (20 февраля).
53. Сибирь. 1914. 6 (21 февраля).
54. Сибирь. 1914. 7 (22 февраля).
55. Сибирь. 1914. 10 (25 февраля).
56. Сибирь. 1914. 12 (27 февраля).
57. Сибирь. 1914. 13 (28 февраля).
58. Сибирь. 1914. 17 февраля (4 марта).
59. Сибирь. 1914. 19 февраля (6 марта).
60. Сибирь. 1914. 20 февраля (7 марта).

Статья представлена научной редакцией «История» 6 ноября 2016 г.

THE IRKUTSK NEWSPAPER *SIBIR'* AS A SOURCE OF INFORMATION ON THE HISTORY OF THE SECOND MARAMOROSH SIGHET TRIAL OF 1913–1914

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 59–70.
DOI: 10.17223/15617793/415/8

Yuriy V. Danilets, Uzhgorod National University (Uzhgorod, Ukraine). E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Keywords: lawyer; peasants; orthodoxy; process; Prosecutor.

The purpose of this paper is to overview the content and the context of notes on the history of the Second Maramorosh Sighet Trial (1913–1914) published in the Irkutsk newspaper *Sibir'* [Siberia]. In the study, the author analyzed newspaper articles published from late December 1913 to early March 1914. The author proves for the first time in the historiography that the newspaper objectively reported on the progress of the Trial, focusing on the causes of the Orthodox movement, methods of carrying out pre-trial investigation, violence by the police and gendarmerie. The author showed that most of the defendants and witnesses refused to testify, claiming their innocence. On the basis of the research, the author highlighted the main issues raised at the Trial. These include cooperation with Russia, anti-state and anti-Uniate propaganda and illegal distribution of literature. Particular attention is paid to the questioning and testimony of the main defendants: Kabaljuk, Vorobchuk, Petrovci, Palkaninets. It was found that most of the arrested farmers were poor, little versed in political matters and had no education. The main reasons for the Orthodox movement were the socio-economic and religious factors which are demonstrated on the set of examples in the paper. The position of witnesses who supported the prosecution is shown. The author comes to a conclusion that they were an interested party and the operational part of the population of different settlements. Contacts of the leader of the Orthodox movement A. Kabaljuk with Count V. Bobrinsky, Gerovski brothers, representatives of Russian and Athos monasteries is shown as well. The position of various Austrian and Hungarian newspapers on the issue of the Trial is shown in the paper and the author highlighted that it was not straightforward. A separate list of farmers sentenced to various prison sentences and fines is presented. The public opinion reaction of Austria-Hungary, Russia and other countries on the verdict is analyzed as well. The author concludes that this source plays an important role in the study of Transcarpathian Church History of the early twentieth century. It is noted that the repressions of the peasants did not stop the Orthodox movement. The subsequent history of Transcarpathia indicates the geographical expansion of the Orthodox movement.

REFERENCES

1. State Archive of Transcarpathian Region. Fund 151. List 2. File 1708. (In Russian).
2. Danilets, Yu. (2007) Istoricheskie predposylki i prichiny pravoslavnogo dvizheniya na Zakarpat'e v nachale XX veka [Historical background and reasons for the Orthodox movement in Transcarpathia in the early twentieth century]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2. pp. 18–20.

3. Russkaya Pravda. (1913) Chto dietsya na Ugorshchini [What is happening in Ugorschina]. *Russkaya Pravda*. 18 April.
4. Russkaya Pravda. (1913) Iz Ugorskoy Rusi [From Ugric Russia]. *Russkaya Pravda*. 28 November.
5. Danilets, Yu. (2013) Persecution for the faith Ruthenians in Austria-Hungary before World War (100th Anniversary of the Second Marmarosh-Sighet Trial 1913–1914). *Rusin*. 4. pp. 16–31. (In Ukrainian).
6. Sulyak, S. (2013) Orthodoxy in the Carpatho-Dniestrovian Lands (To the 200th Anniversary of the Kishinev Diocese and the 100th Anniversary of the Second Marmarosh-Sighet Trial). *Rusin*. 4. pp. 8–15. (In Russian).
7. Danilets, Yu. (2014) K voprosu o podgotovke vtorogo Maramorosh-Sigotskogo protsessa protiv pravoslavnykh Zakarpat'ya [On the preparation of the Second Maramorosh Sighet Trial against Orthodox people of Transcarpathia]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1–2. pp. 110–122.
8. Grabets, M. (1934) *K istorii Marmoroshskogo protsessa* [On the history of the Marmarosh Trial]. Uzhgorod: Izdanie Karpatorusskoy trudovoy partii.
9. Danilets, Yu. (2013) Antipravoslavni Maramorosh-Sigots'ki sudovi protsesi na storinkakh Sankt-Peterburz'kikh "Tserkovnykh Vedomostey" [Anti-Orthodox Marmarosh Sighet Trial on the pages of St. Petersburg Tserkovnye Vedomosti]. *Naukovi zapiski Bogoslovs'ko-istorichnogo naukovo-doslidnogo tsentru imeni arkhimandrita Vasiliya (Pronina)*. 2. pp. 19–24.
10. Danilets, Yu. (2014) Newspapers "Delo" and "Delo and New Slovo" as a source of history trial in Marmarosh-Sigot years 1913-1914. *Rusin*. 2. pp. 249–269. (In Russian).
11. Danilets, Yu. (2014) To history of orthodoxy in Ugrian Rus on the eve of the WWI (on materials of American newspaper "Svet"). *Rusin*. 3. pp. 9–21. (In Russian).
12. Sulyak, S. (2009) Rusinskiy i ukrainskiy voprosy nakanune Pervoy mirovoy voyny [Rusyn and Ukrainian issues on the eve of the First World War]. *Rusin*. 2. pp. 96–119.
13. Shinkareva, A. (2015) Pervaya mirovaya voyna kak faktor vliyaniya na razvitie pechati Irkutska [First World War as a factor of influence on the development of printing in Irkutsk]. In: Arguchintsev, A.V. (ed.) *Vos'mye Baykal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya: v 2 t.* [Eighth Baikal International social and humanitarian readings: in 2 vols]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
14. *Sibir'*. (1914). 3 (16) January. (In Russian).
15. *Sibir'*. (1914). 12 (25) January. (In Russian).
16. *Sibir'*. (1914). 10 (23) January. (In Russian).
17. *Sibir'*. (1914). 11 (26) February. (In Russian).
18. *Sibir'*. (1914). 8 (21) January. (In Russian).
19. *Sibir'*. (1914). 14 (27) January. (In Russian).
20. *Sibir'*. (1914). 18 (31) January. (In Russian).
21. *Sibir'*. (1914). 28 January (10 February). (In Russian).
22. *Sibir'*. (1914). 29 January (11 February). (In Russian).
23. Österreichisches Staatsarchiv-ÖStA, HHStA Kabinettsarchiv, Geheimakten 27 (alt 29, 30). Politisches. 1913. Fol. 75–104. (In German).
24. *Sibir'*. 1913. 17 (30) December. (In Russian).
25. *Sibir'*. 1913. 19 December (1 January 1914). (In Russian).
26. *Sibir'*. 1913. 18 (31) December (Supplement to the newspaper). (In Russian).
27. *Sibir'*. 1913. 22 December (4 January 1914). (In Russian).
28. *Sibir'*. 1913. 24 December (6 January 1914) (Supplement to the newspaper). (In Russian).
29. *Sibir'*. (1914). 4 (17) January. (In Russian).
30. *Sibir'*. (1914). 5 (18) January. (In Russian).
31. *Sibir'*. (1914). 24 January (6 February). (In Russian).
32. *Sibir'*. (1914). 23 January (5 February). (In Russian).
33. *Sibir'*. (1914). 25 January (7 February). (In Russian).
34. *Sibir'*. (1914). 26 January (8 February). (In Russian).
35. *Sibir'*. (1914). 18 February (5 March). (In Russian).
36. *Sibir'*. 1913. 21 December (3 January 1914) (Supplement to the newspaper). (In Russian).
37. *Sibir'*. 1913. 29 December (11 January 1914). (In Russian).
38. *Sibir'*. 1913. 31 December (13 January 1914). (In Russian).
39. *Sibir'*. (1914). 1 (14) January. (In Russian).
40. *Sibir'*. (1914). 9 (22) January. (In Russian).
41. *Sibir'*. (1914). 11 (24) January. (In Russian).
42. *Sibir'*. (1914). 15 (28) January. (In Russian).
43. *Sibir'*. (1914). 16 (29) January. (In Russian).
44. *Sibir'*. (1914). 17 (30) January. (In Russian).
45. *Sibir'*. (1914). 19 January (1 February). (In Russian).
46. *Sibir'*. (1914). 21 January (3 February). (In Russian).
47. *Sibir'*. (1914). 30 January (12 February). (In Russian).
48. *Sibir'*. (1914). 31 January (13 February). (In Russian).
49. *Sibir'*. (1914). 2 (15) February. (In Russian).
50. *Sibir'*. (1914). 5 (18) February. (In Russian).
51. *Sibir'*. (1914). 4 (19) February. (In Russian).
52. *Sibir'*. (1914). 5 (20) February. (In Russian).
53. *Sibir'*. (1914). 6 (21) February. (In Russian).
54. *Sibir'*. (1914). 7 (22) February. (In Russian).
55. *Sibir'*. (1914). 10 (25) February. (In Russian).
56. *Sibir'*. (1914). 12 (27) February. (In Russian).
57. *Sibir'*. (1914). 13 (28) February. (In Russian).
58. *Sibir'*. (1914). 17 February (4 March). (In Russian).
59. *Sibir'*. (1914). 19 February (6 March). (In Russian).
60. *Sibir'*. (1914). 20 February (7 March). (In Russian).

Received: 06 November 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 71–75. DOI: 10.17223/15617793/415/9

УДК 930(470+571)“18/19”“1861”

Ю.Ю. Иерусалимский

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. О КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЕ 1861 г.

Рассматривается отечественная историография второй половины XIX – начала XX в., посвященная отмене крепостного права. Традиционно в дореволюционной историографии выделяется несколько направлений: либеральное, консервативно-монархическое и марксистское. Лагерь либералов разделился – одни приветствовали реформу, другие отзывались о ней критично. Консерваторы выступали исключительно с критических позиций. В сочинениях марксистов анализировались социально-экономические последствия крестьянской реформы и отмечался ее вынужденный характер, реформа подверглась резкой критике за «половинчатость».

Ключевые слова: историография; исследования; публицистика; отмена крепостного права; Манифест от 19 февраля 1861 г.

Историческая литература, посвященная крестьянской реформе 1861 г., созданная во второй половине XIX – начале XX в., достаточно обширна и разнообразна. Постепенно в ней выделилось три направления: консервативно-монархическое, либеральное и марксистское. Особенностью развития исторической и общественной мысли по проблеме отмены крепостного права в указанные хронологические рамки являлось то, что значительная часть из этих трудов представляла собой не столько научные, сколько публицистические сочинения. Это обстоятельство объясняется прежде всего общественно-политической актуальностью аграрных преобразований 1860–1880-х гг. и их определяющим влиянием на всю социально-экономическую жизнь российского общества того времени. Кроме того, относительно небольшой промежуток времени отделял время создания того или иного произведения от описываемого события.

В целом ряде случаев сложно отделить исследовательские работы от публицистических. Для понимания основных условий и обстоятельств развития исторической литературы необходимо показать, как воспринималось освобождение крестьян во всех спектрах общественной мысли пореформенного периода, от крайне левых до крайне правых, поэтому в нашей статье в рамках данного историографического этапа будут проанализированы не только исследовательские сочинения представителей различных политических направлений, но и несколько известных произведений публицистики. Вместе с тем основное внимание будет уделено собственно историографическим работам, т.е. исследованиям, основанным не на тех или иных наблюдениях и размышлениях, а на анализе источников.

Первые работы, посвященные отмене крепостного права, появились практически сразу после реформы 1861 г. К ее 10-летнему юбилею был приурочен выпуск сборника публицистических работ А.А. Головачева «Десять лет реформ. 1861–1871» [1]. В этой публикации он дал оценку аграрному переустройству страны, подчеркнув, что крестьянская реформа должна была стать первой среди комплекса преобразований, направленных на преодоление отсталости России, но последующие изменения были слабо связанны между собой.

В начале 1880-х гг. было опубликовано обстоятельное исследование профессора Петровской земледельческой и лесной академии И.И. Иванюкова, который создал необходимый задел для дальнейшего изучения проблематики отмены крепостного права в России с либеральных позиций [2]. В монографии отмечалось определяющее влияние западных идей на оценку российским обществом крепостного права в качестве тормоза общественного прогресса. И.И. Иванюков показал предпосылки проведения крестьянской реформы, этапы ее подготовки, борьбу вокруг нее различных политических сил.

Умеренно-либерального направления придерживался Ю.Э. Янсон. Он провел статистическое исследование, посвященное крестьянским наделам и платежам. По его мнению, полученные крестьянами земельные участки не обеспечили им достойной жизни, выкупные платежи тяжелым бременем легли на общинников. Он подчеркнул высокую арендную плату, взимаемую с крестьян, отметив в то же время, что она не покрывает помещикам убытки, понесенные в результате реформы [3].

В начале 80–90-х гг. XIX в. либеральная точка зрения на отмену крепостного права и прогнозы по поводу пореформенного развития русской деревни получили обоснование в работах Л.В. Ходского, где вместе с тем содержался призыв к государственным органам изъять из сферы свободного обращения всю крестьянскую землю, приобретенную «при посредстве государства» [4. С. 1–41; 5].

В двухтомном сочинении князя А.И. Васильчикова отмечалось, что после проведения крестьянской реформы необходимо поддерживать крестьян-общинников, развивать мелкое землевладение за счет более правильного распределения поземельной собственности между различными социальными группами населения [6].

Правовед, историк и публицист либерального направления, представитель западников и государственной школы в отечественной историографии К.Д. Кавелин подчеркнул решающую роль государства в истории России. Вместе с тем он считал необходимым не введение конституции, а усиление абсолютной монархии, чтобы «установить главные основания правильной, систематически-стройной организации высшего, среднего и низшего управления государством…» [7. С. 325–404]. Государственную власть К.Д. Кавелин рассматривал в качестве основополагающего условия для проведения всех глобальных реформ в империи. Главным событием российской ис-

тории, начиная с середины XVIII столетия, он признавал «постепенное упразднение крепостного начала», ратовал за освобождение крестьян с землей и был удовлетворен, что реформа 19 февраля 1861 г. пошла именно по этому пути, отмену крепостного права считал необходимым условием дальнейшего успешного развития общественно-политической жизни России [7. С. 325–404; 8. Стб. 9–142, 387–598, 646–664 и др.; 9].

Правовед и историк Г.А. Джаншиев с либеральных позиций, в восторженных тонах осветил эпоху великих реформ 60–70-х гг. XIX столетия в целой серии статей, которые он объединил и издал к 30-летнему юбилею отмены крепостного права отдельной книгой под названием «Из эпохи великих реформ». Его книга пользовалась такой большой популярностью среди читающей публики, что выдержала при жизни автора восемь изданий с дополнениями, каждый раз увеличиваясь в объеме на 50–100 и более страниц [10, 11]. Концепция Г.А. Джаншиева включала в себя высокую оценку реформы 19 февраля 1861 г., поскольку преобразования привели к освобождению крестьян. Важной составной частью публикации стали биографические очерки ряда ведущих государственных и общественных деятелей, тесным образом связанных с проведением преобразований. Среди них – великий князь Константин Николаевич, Н.А. Милютин, В.А. Арцимович и Д.А. Ровинский. Автор вступительной статьи к сборнику А. Дживелегов точно подметил, что «почетный титул “первого историка эпохи великих реформ”, который дан Джаншиеву таким компетентным судьею, как П.Н. Милюков, вполне им заслужен, несмотря на научные пробелы книги. В “Эпохе великих реформ” Джаншиев делал не столько научное, сколько общественное дело, был прежде всего публицистом» [12. С. 20].

Профессор Петербургского политехнического института, активный деятель кадетской партии А.А. Корнилов подготовил курс истории России, впервые изданный в 1912–1914 гг. [13]. Недочеты Великих реформ Александра II историк объяснил отсутствием блока между либеральной бюрократией и передовым российским обществом. А.А. Корнилов также опубликовал специальное исследование по отмене крепостного права. В нем анализировались аграрные преобразования и приводилась характеристика деятельности губернских комитетов в 1858–1861 гг. [14].

В начале XX в. А.Е. Лосицкий дал характеристику Положения 1861 г., рассмотрел вопрос о соответствии выкупной оценки надела действительной его стоимости, оценил особенности проведения выкупной операции и довел изложение событий до отмены выкупных платежей манифестом Николая II от 3 ноября 1905 г. [15].

Консервативно-монархическое направление было представлено в основном работами публицистов. Так, в труде А.Д. Пазухина преобразования Александра II были подвергнуты резкой критике за их всесословный характер. По его мнению, новый император Александр III должен вернуть дворянству ведущую роль в государстве: «Возвратив себе преимущественные служебные права, дворянство снова станет опорой престола. …Прекратятся все недоразумения между дворянством и крестьянством» [16. С. 60]. С крайне правых позиций крестьянская реформа 1861 г. была освещена товарищем председателя руководящего органа одной из самых известных черносотенных организаций – главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела Н.Д. Облеуховым, писавшим под псевдонимом П. Ухтубужский [17].

В начале XX столетия серьезным явлением в официальной историографии стал одновременный выход двухтомника С.С. Татищева и монографии А. Шумахера, посвященных анализу личности Александра II [18, 19]. Указанные авторы существенное место отводились анализу причин и описанию хода крестьянской реформы 1861 г. Преобразования императора, и прежде всего отмена крепостного права, подавались исключительно с позитивной стороны и в положительном ключе.

К 50-летнему юбилею крестьянской реформы был выпущен в прекрасном полиграфическом исполнении шеститомник «Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» [20]. В его создании приняли участие более 60 авторов. Среди них стоит отметить академиков А.Ф. Кони, А.С. Лаппо-Данилевского, профессоров А.А. Кизеветтера, А.А. Корнилова, В.Д. Кузьмина-Караваева, В.И. Семевского, М.И. Туган-Барановского, а также С.П. Мельгунова, А.В. Пешехонова, Д.И. Шаховского, В.Д. Бонч-Бруевича и др. По своим политико-экономическим воззрениям авторы придерживались либеральных и социалистических, по большей части неонароднических, позиций. Почти во всех статьях резко критиковались крепостное право и абсолютная монархия, эти общественные институты указывались в качестве основных причин отсталости страны и низкого уровня жизни большинства населения. Отмена крепостного права и пореформенный период, по оценке авторов, не принесли улучшения жизни населения, поскольку крестьянская реформа проводилась непоследовательно, с сохранением крепостнических пережитков.

В этом же, 1911, юбилейном году увидел свет сборник научных статей «Освобождение крестьян: деятели реформы» [21]. В нем приводились обширные сведения о преобразовательной деятельности в аграрном вопросе императора Александра II, великого князя Константина Николаевича, К.Д. Кавелина, С.С. Ланского, Н.А. Милютина и других активных участников крестьянской реформы. Авторами выступили известные ученые А.А. Кизеветтер, А.А. Корнилов, М.К. Любавский, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский и др., что свидетельствовало о высоком научном уровне данной книги.

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский в заключительной лекции всего «Курса русской истории» и незавершенной статье, озаглавленной составителями его собрания сочинений «Отмена крепостного права», дал яркий анализ подготовки, проведения и первых последствий крестьянской реформы 1861 г. [22. С. 248–281, 339–360]. Отмена крепостного права показана им как закономерный итог государственной необходимости преодолеть неэффективность обязательного труда крепостных и разобщение дворянско-

го и крестьянского сословий, ставшие тормозом для развития России в первой половине XIX в. В.О. Ключевский подчеркнул историческое значение отмены крепостного права: «В продолжение столетий, предшествовавших 19 февраля 1861 г., у нас не было более важного акта; пройдут века, и не будет акта, столь важного, который бы до такой степени определил собою направление самых разнообразных сфер нашей жизни» [22].

В 1915 г. преподаватель Высших женских Бестужевских курсов, один из активных членов конституционно-демократической партии А.А. Кауфман закончил подготовку к печати своего курса, посвященного пореформенному крестьянскому хозяйству. Из-за обстоятельств военного времени его книга, где содержался большой статистический материал, увидела свет только в 1918 г. [23].

В целом либерально настроенные исследователи, такие как И.И. Иванюков, В.О. Ключевский, А.А. Кизеветтер, А.А. Корнилов и др., приветствовали крестьянскую реформу. Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. показало, по их мнению, отсталость Российской империи и подтолкнула правительство на отмену крепостного права. Вместе с тем они указали на непоследовательность великих реформ, прежде всего крестьянской.

Промежуточную позицию между либеральной и марксистской историографией отмены крепостного права заняла публикация одного из организаторов американской социал-демократической партии США, политического эмигранта из России И.А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни». В ней содержался большой фактический материал по реализации крестьянской реформы в 60–80-х гг. XIX в., во многом собранный автором во время проживания в России. Монография вышла на английском языке в Нью-Йорке в 1892 г. и вскоре была переведена на русский язык [24]. Исследование И.А. Гурвича получило одобрение как со стороны легального марксиста П.Б. Струве, так и со стороны будущего лидера большевиков В.И. Ленина. Во время революции 1905–1907 гг. Гурвич вернулся в Россию, но найти свое место в острой общественно-политической борьбе, развернувшейся в стране, ему не удалось, и он возвратился в США.

П.Б. Струве также выпустил исследование по проблемам экономики сельского хозяйства в пореформенные годы [25]. В своей полемической работе он критиковал народников, противопоставляя их взглядам идею исторического материализма, призывал к дальнейшему развитию капитализма, подчеркивая, что современная материальная и духовная культура являются достижениями капитализма. П.Б. Струве признавал, что «эксплуатация человека человеком» является злом. Но именно благодаря капитализму, по его мнению, начался культурный прогресс, сопровождающийся упразднением традиционных «устоев» (таких как крепостное право), которые были еще большим злом. Только после торжества капитализма из него эволюционным путем появится социализм.

Первый русский марксист Г.В. Плеханов в свою очередь резко критиковал взгляды представителей правительственного лагеря, либеральных и революционных народников, а также легальных марксистов за неверную оценку отмены крепостного права в России, ее социально-экономического и общественно-политического развития в до- и пореформенный период. В работе «Падение крепостного права. Освобождение крестьян», написанной к 50-летнему юбилею реформы 1861 г. он, полемизируя с Г.А. Джанишевым, указал на ее половинчатость, вынужденность и незавершенность. Г.В. Плеханов подчеркнул: «...полное освобождение крестьян необходимо. Но это может быть лишь делом более или менее далекого будущего...» [26. С. 33]. В то же время он отмечал развитие капитализма в Российской империи, в том числе в сельском хозяйстве, как и П.Б. Струве, однако в противовес ему настаивал на неизбежности и необходимости социалистической революции. В отличие от идей своих бывших единомышленников – революционных народников, согласно которым двигателем революции являлось крестьянство, главным революционным классом, по мнению Г.В. Плеханова, являлся пролетариат, которому было необходимо создать собственную партию [27. С. 364].

В начале XX в. марксистскую историографию крестьянской реформы продолжили труды В.И. Ленина [28. С. 1–601]. Он изучил крестьянский вопрос в указанных хронологических рамках, основываясь прежде всего на повседневной практике борьбы пролетариата и большевиков за свержение самодержавия [29. С. 57–137]. Согласно ленинскому учению классовая борьба пронизывала собой всю общественно-политическую и социально-экономическую жизнь империи. Он отмечал, что в политических формах государства находили выражение «лишь разные формы классовой борьбы…» [30. С. 346].

Абсолютизм, по В.И. Ленину, явился высшей и последней стадией развития феодальных монархий, политическим выражением наследственной власти земельных собственников. Поэтому в качестве одной из важнейших задач российского пролетариата и его союзника – беднейшего крестьянства, им была названа борьба «против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии» [31. С. 267, 301]. При разработке программы РСДРП, накануне II съезда, В.И. Ленин указал, что в конце XIX столетия самодержавие по-прежнему олицетворяло собой «все остатки крепостничества» [32. С. 231]. Он неоднократно подчеркивал, что сохранение политической власти крупных помещиков являлось одним из наиболее показательных проявлений крепостничества в Российской империи начала XX в., а основными пережитками феодализма оставались в указанные хронологические рамки абсолютная монархия и помещичье землевладение [33. С. 139–142; 34. С. 161–170; 35. С. 171–180].

Таким образом, отечественная историография второй половины XIX – начала XX в. накопила большой фактический материал о крестьянской реформе, который не утратил своей значимости и важности вплоть до настоящего времени, а его оценка зависела от общественно-политических взглядов авторов. Внимание, которое уделялось изучению крестьянской ре-

формы в исторической литературе дореволюционного времени, отмечают современные исследователи [36. С. 5 и др.]. В пореформенный период сформировалась консервативная, либеральная и марксистская историография отмены крепостного права. Консерваторы критиковали крестьянскую реформу Александра II за ее всесословный характер, официальная историография приветствовала освобождение крестьян, либералы отмечали плюсы и минусы аграрных преобразований. В сочинениях В.И. Ленина и В.Г. Плеханова анализировались в основном социально-экономические последствия крестьянской реформы, отмечался ее вынужденный характер, а сама реформа подверглась резкой критике за «половинчатость» и была охарактеризована как «грабительская» по отношению к крестьянам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб., 1872.
2. Иванюков И.И. Падение крепостного права в России. СПб., 1882.
3. Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.
4. Ходский Л.В. Экономические принципы крестьянской реформы и их возможное развитие // Русская мысль. 1881. Т. 7.
5. Ходский Л.В. Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование : в 2 т. СПб., 1891.
6. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах : в 2 т. СПб., 1881.
7. Кавелин К.Д. Мысли и заметки по русской истории // Вестник Европы. 1866. Т. 2.
8. Кавелин К.Д. Бюрократия и общество // Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 2 : Публицистика. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898.
9. Кавелин К.Д. Дворянство и освобождение крестьян. Берлин, 1862 (без указания имени автора).
10. Джаншиев Г.А. Из эпохи великих реформ. Исторические справки. М., 1892.
11. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. 8-е изд. М., 1900.
12. Дживелегов А. Григорий Аветович Джаншиев // Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. М., 2008. Т. 1.
13. Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993.
14. Корнилов А.А. Крестьянская реформа. СПб., 1905.
15. Лосицкий А.Е. Выкупная операция. СПб., 1906.
16. Пазухин А.[Д.] Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.
17. Ухтубужский П. Отмена крепостного права. СПб., 1911.
18. Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. М., 1903. Т. 1, 2.
19. Шумахер А. Император Александр II. Исторический очерк. Его жизнь и царствование. СПб., 1903.
20. Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1910–1911. Т. 1–6.
21. Освобождение крестьян: деятели реформы. М., 1911.
22. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. V.
23. Кауфман А.А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918.
24. Гурвич И.А. Экономическое положение русской деревни. М., 1896.
25. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. Вып. 1.
26. Плеханов Г.В. Падение крепостного права. Освобождение крестьян // Плеханов Г.В. Сочинения. М. ; Л., 1927. Т. 24.
27. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избранные философские произведения в пяти томах. М., 1956. Т. 1.
28. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 1–609.
29. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 57–137.
30. Ленин В.И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 340–352.
31. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125–346.
32. Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 214–239.
33. Ленин В.И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 139–142.
34. Ленин В.И. По поводу юбилея // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 161–170.
35. Ленин В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 171–180.
36. Марасанова В.М. Губернские учреждения Верхнего Поволжья в период подготовки и реализации реформы 1861 года // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 5–9.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 ноября 2016 г.

DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES ON THE PEASANT REFORM OF 1861

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 71–75.
DOI: 10.17223/15617793/415/9

Yuriy Yu. Ierusalimskiy, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Keywords: historiography; research; journalism; abolition of serfdom; Manifest of 19 February 1861.

The article deals with the domestic historiography of the second half of the 19th – early 20th centuries devoted to the abolition of serfdom in the Russian Empire. The aim of this study is to analyze the research works about the 1861 Reform. The chronological scope of this article is the years of 1861–1917. A special feature is the presence of the test-era publications that combine the journalistic and research components. This is explained by the socio-political relevance of the agrarian reforms of the 1860s–1880s, the interest of all segments of society in the reforms in the country and a relatively short period of time separating the reform from the date of the publication of works. So, the historiography sources of research were the research and journalistic works on the Peasant Reform of 1861 and its consequences. Gradually, the historiography of the second half of the 19th – early 20th centuries formed several directions: conservative-monarchist, liberal and Marxist. Conservatives (A.D. Pazlukhin, P. Ukhtubuzhskiy and others) exclusively glorified the reform, but criticized it for violating the interests of the nobility. The liberal camp was divided: some welcomed the reform (I.I. Ivanyukov, K.D. Kavelin, G.A. Dzhanshiev, A.A. Kornilov and others), others were critical about its consequences (Yu.V. Yanson, L.V. Khodskiy and others). The article analyzes materials of the collections dedicated to the fiftieth anniversary of the abolition of serfdom *Velikaya reforma: Russkoe obshchestvo i krest'yanskiy vopros v proshlom i nastoyashchem* [Great Reform: Russian Society and the Peasant Issue in the Past and the Present] and *Osvobozhdeniye krest'yan: deyateli reformy*

[Liberation of Peasants: Activists of the Reform]. According to their political and economic views, their authors had liberal and socialist views. They sharply criticized serfdom and absolute monarchy. These public institutions were cited as the main reasons for the backwardness of the country and low living standards. The authors stated that the abolition of serfdom had not made lives of ordinary people better. Marxists (G.V. Plekhanov, V.I. Lenin and others) considered the socio-economic impact of the Peasant Reform and assessed it in the light of the formational theory. All Marxists noted the forced nature of the agrarian reforms. They sharply criticized the reform for its "half-heartedness" and called it "predatory" in relation to peasants. As a result, the domestic historiography of the second half of the 19th – early 20th centuries accumulated a large amount of factual material on the Peasant Reform that is still relevant and important, and its assessment depended on the socio-political views of the authors.

REFERENCES

1. Golovachev, A.A. (1872) *Desyat' let reform. 1861–1871* [Ten years of reforms. 1861–1871]. St. Petersburg: Tipografiya F.S. Sushchinskogo.
2. Ivanyukov, I.I. (1882) *Padenie krepostnogo prava v Rossii* [The fall of serfdom in Russia]. St. Petersburg: N.I. Mamontov.
3. Yanson, Yu.E. (1877) *Opyt statisticheskogo issledovaniya o krest'yanskikh nadelakh i platezhakh* [The experience of statistical research on peasant allotments and payments]. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
4. Khodskiy, L.V. (1881) Ekonomicheskie printsipy krest'yanskoy reformy i ikh vozmozhnoe razvitie [Economic principles of the Peasant Reform and their possible development]. *Russkaya mysl'*. 7.
5. Khodskiy, L.V. (1891) *Zemlya i zemledelets. Ekonomicheskoe i statisticheskoe issledovanie: v 2 t.* [The land and the farmer. Economic and statistical analysis: in 2 vols]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
6. Vasil'chikov, A.I. (1881) *Zemlevladenie i zemledelie v Rossii i drugikh evropeyskikh gosudarstvakh: v 2 t.* [Land tenure and agriculture in Russia and other European countries: in 2 vols]. St. Petersburg: tip. M.M. Stasyulevicha.
7. Kavelin, K.D. (1866) Mysli i zametki po russkoy istorii [Thoughts and notes on Russian history]. *Vestnik Evropy*. 2.
8. Kavelin, K.D. (1898) Byurokratiya i obshchestvo [Bureaucracy and Society]. In: Kavelin, K.D. *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 2. St. Petersburg: tip. M.M. Stasyulevicha.
9. Kavelin, K.D. (1862) *Dvoryanstvo i osvobozhdenie krest'yan* [The nobility and the liberation of the peasants]. Berlin: Ber.
10. Dzhanshiev, G.A. (1892) *Iz epokhi velikikh reform. Istoricheskie spravki* [From the era of great reforms. Historical references]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K.
11. Dzhanshiev, G.A. (1900) *Epokha velikikh reform. Istoricheskie spravki* [The era of great reforms. Historical references]. 8th ed. Moscow: Tipo-litogr. T-va I.N. Kushnerev i Ko.
12. Dzhivelegov, A. (2008) Grigoriy Avetovich Dzhanshiev. In: Dzhanshiev, G.A. *Epokha velikikh reform. Istoricheskie spravki* [The era of great reforms. Historical references]. Vol. 1. Moscow: Territoriya budushchego.
13. Kornilov, A.A. (1993) *Kurs istorii Rossii XIX v.* [The course of Russian history of the 19th century]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Kornilov, A.A. (1905) *Krest'yanskaya reforma* [Peasant Reform]. St. Petersburg: Tipo-litogr. F. Vaysbera i P. Gershunina.
15. Lositskiy, A.E. (1906) *Vykupnaya operatsiya* [The redemption transaction]. St. Petersburg: Tip. St. Petersburg AO "Slovo".
16. Pazukhin, A.[D.] (1911) *Sovremennoe sostoyanie Rossii i soslovnyy vopros* [The current state of Russia and estates issue]. Moscow: Moscow University.
17. Ukhtubuzhskiy, P. (1911) *Otmena krepostnogo prava* [The abolition of serfdom]. St. Petersburg.
18. Tatishchev, S.S. (1903) *Imperator Aleksandr II, ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander II, his life and reign]. Vol. 1, 2. Moscow: Izdanie A.S. Suvorina.
19. Schumacher, A. (1903) *Imperator Aleksandr II. Istoricheskiy ocherk. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander II. Historical Review. His life and reign]. St. Petersburg: Sev. elektropech.
20. Dzhivelegova, A.K. et al. (eds) (1910–1911) *Velikaya reforma: Russkoe obshchestvo i krest'yanskiy vopros v proshlom i nastoyashchem* [Great reform: Russian society and the peasant issue in the past and the present]. Vols 1–6. Moscow: Izdanie T-va I.D. Sytina.
21. Anon. (1911) *Osvobozhdenie krest'yan: deyateli reformy* [Liberation of peasants: figures of the reform]. Moscow: izd. Nauchnogo Slova, tipografiya Kushnerev I.N. i Ko.
22. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya v devyati tomakh* [Works in nine volumes]. Vol. 5. Moscow: Mysl'.
23. Kaufman, A.A. (1918) *Voprosy ekonomiki i statistiki krest'yanskogo khozyaystva* [Issues of economy and peasant farm statistics]. Moscow: Izd. G. A. Lemana i S.I. Sakharova.
24. Gurvich, I.A. (1896) *Ekonomicheskoe polozhenie russkoy derevni* [The economic situation in the Russian village]. Translated from English by A.A. Sanin. Moscow: Tipo-lit. V.S. Traugot.
25. Struve, P.B. (1894) *Kriticheskie zametki k voprosu ob ekonomicheskom razvitii Rossii* [Critical remarks on the question of Russia's economic development]. Vol. 1. St. Petersburg: tip. I.N. Skorokhodova.
26. Plekhanov, G.V. (1927) Padenie krepostnogo prava. Osvobozhdenie krest'yan [The fall of serfdom. Liberation of peasants]. In: Plekhanov, G.V. *Sochineniya* [Works]. Vol. 24. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
27. Plekhanov, G.V. (1956) Nashi raznoglasiya [Our differences]. In: Plekhanov, G.V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v pyati tomakh* [Selected philosophical works in five volumes]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
28. Lenin, V.I. (1971) Razvitie kapitalizma v Rossii [Development of Capitalism in Russia]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
29. Lenin, V.I. (1968) Agrarnyy vopros v Rossii k kontsu XIX veka [The Agrarian issue in Russia at the end of the 19th century]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 17. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
30. Lenin, V.I. (1968) Kak sotsialisty-revolyutsionery podvodyat itogi revolyutsii i kak revolyutsiya podvela itogi sotsialistam-revolyutsioneram [How the Socialist-Revolutionaries sum up the results of the revolution, and how the revolution sums up the results of the Socialist-Revolutionaries]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 17. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
31. Lenin, V.I. (1967) Chto takoe "druz'ya naroda" i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov? (Otvet na stat'i "Russkogo bogatstva" protiv marksistov) [What is "friends of the people", and how they fight against the Social-Democrats? (Response to the articles of Russkoe bogatstvo against the Marxists)]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
32. Lenin, V.I. (1967) Proekt programmy nashey partii [Draft program of our party]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
33. Lenin, V.I. (1973) Pyatidesyatiletie padeniya krepostnogo prava [The fiftieth anniversary of the fall of serfdom]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 20. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
34. Lenin, V.I. (1973) Po povodu yubileya [On the anniversary]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 20. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
35. Lenin, V.I. (1973) "Krest'yanskaya reforma" i proletarski-krest'yanskaya revolyutsiya [Peasant Reform and the proletarian-peasant revolution]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 20. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
36. Marasanova, V.M. (2011) Gubernskie uchrezhdeniya Verkhnego Povolzh'ya v period podgotovki i realizatsii reformy 1861 goda [Provincial offices of the Upper Volga region during the preparation and implementation of the 1861 reform]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 5–9.

Received: 14 November 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 76–79. DOI: 10.17223/15617793/415/10

УДК 94(470)

А.Н. Кежутин

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМА АЛКОГОЛИЗАЦИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ)

Раскрыта позиция российских правоведов по отношению к алкоголизму как социально опасной болезни общества. Источниковой базой является общероссийская юридическая периодическая печать конца XIX – начала XX в. Выявлены причины широкого распространения пьянства и алкоголизма, предложения о способах борьбы с ними, антиалкогольные мероприятия. Освещены взгляды наиболее активных представителей юридической общественности.

Ключевые слова: юридическая периодика; социальные болезни; алкоголизм; социальные аспекты пьянства.

Российская империя на рубеже XIX–XX вв. переживала ситуацию широкого распространения социальных болезней – венерических заболеваний, особенно сифилиса, туберкулеза, алкоголизма [1]. Передовую интеллигенцию – врачей, учителей, земских и городских деятелей – беспокоила пагубность социальных недугов, затрагивавших практически все стороны народного благосостояния. Юридическая общественность не могла остаться в стороне от обсуждения этих вопросов, поскольку их разрешение неизменно требовало регламентации и правового закрепления. Особую актуальность представляла проблема массового пьянства и алкоголизма.

Одной из первостепенных задач, поставленных передовыми правоведами перед юридическим сообществом России, была определена необходимость сравнительных исследований распространения пьянства и алкоголизма в ведущих европейских странах и в Российской империи в связи с влиянием алкоголизации на преступность, самоубийства, «физическое и моральное вырождение» населения.

Известный отечественный общественный деятель – один из организаторов российского движения трезвости и активный участник международных конгрессов криминалистов Д.А. Дриль, анализируя ситуацию в Бельгии за 1874–1895 гг., отмечал, что из 2 820 заключенных в тюрьмах насчитывалось 1 157 алкоголиков и еще 238 «сомнительных случаев», т.е. роль алкоголя как фактора, способствующего совершению преступлений, была очевидна [2. С. 359]. С ним соглашался криминалист А.Г. Яковлев, проводивший аналогичные исследования по ситуации в Швеции, где показатель алкоголиков среди преступников колебался за 1889–1893 гг. от 69,8 до 72,1% ежегодно [3. С. 107]. Аналогичная ситуация складывалась в Великобритании, Франции, Австро-Венгрии и иных европейских странах, где наряду с ростом тяжких преступлений, особенно убийств, на почве алкоголизации отмечался неуклонный рост самоубийств [4. С. 145].

Российская империя не стала исключением среди европейских держав, но ее особенностями были хотя и увеличивающиеся, но все же несколько меньшие показатели самоубийств. Так, число осужденных общими судами на 1 000 чел. за 1895–1912 гг. было стабильным с устойчивой тенденцией к росту и колебалось от 87 до 104 [Там же. С. 621]. В отношении связи преступности и алкоголизма четко прослеживались тенденции: преобладание случайного пьянства у первичных преступников и хронический алкоголизм у профессиональных преступников [5. С. 622]. По данным Центрального статистического комитета России, в стране за 1870–1874 гг. на 1 млн населения в 50 центральных губерниях приходилось 29 самоубийств, а за 1890–1894 гг. – уже 32 [6. С. 147]. После этого происходит некоторое понижение, а затем – непрерывный рост. В 1902–1912 гг. коэффициент самоубийств возрос от 2,2 до 4,4 на 100 тыс. населения [4. С. 622].

Другим важным негативным следствием алкоголизации общества становилось «вырождение» населения. Профессор Императорского Александровского университета (в Гельсингфорсе) Легрэн изучил четыре генерации в 215 семьях «потомственных пьяниц» (814 чел.) и вывел, что 42,2% из них составляли алкоголики, 13,9% – «нравственно-помешанные», 22,7% – страдающие эпилепсией, истерией и конвульсиями, 19% – душевнобольные, при этом 174 чел. умерли в младенчестве, а 93 были больны туберкулезом и физически недоразвиты [7. С. 543]. Убедительность статистических данных должна была раскрыть перед общественностью всю пагубность сложившейся ситуации и побудить к поиску мер против народного зла.

Необходимость выяснения корней пьянства и алкоголизма была очевидна для всех участников трезвенного движения. В этом вопросе собенно тесное взаимодействие установилось между юристами и медиками. В данной связи естественным представлялось обращение правоведов к передовым врачам с целью совместной работы по определению степени вреда алкоголя для населения и выработке мер против его распространения. Медики, в свою очередь, не представляли антиалкогольной борьбы без участия юристов с их профессиональным подходом к правовому закреплению основных этапов этой деятельности. Первыми на призыв Русского общества охранения народного здравия к совместной деятельности откликнулись столичные правоведы. На заседании Юридического общества при Санкт-Петербургском университете 4 февраля 1898 г. его участники признали «весьма желательным и вполне соответствующим преследуемым Юридическим обществом целям участие общества в изыскании мер борьбы с таким подрывающим общественную нравственность, благосостояние и здоровье злом, как алкоголизм...» [8. С. 3]. Для этой цели была создана Комиссия из членов Общества, в состав которой вошли представители уголовного отделения (Д.А. Дриль, Л.П. Дынша, А.А. Левенстим, А.К. Вульферт, Г.Б. Слиозберг, А.С. Зарудный, В.Д. Шидловский, И.А. Шендзиковский, В.Д. Кузьмин,

Э.Я. Фукс) и административного отделения (Г.С. Вольтке, О.А. Верт, Н.П. Ретвих, М.И. Свешников, В.М. Устинов, И.И. Карницкий, Н.А. Полетаев) [9. С. 3].

Если в отношении пагубных последствий алкоголизации не было сомнений, то в определении сущности и причин массового распространения пьянства и алкоголизма среди участников трезвеннического движения не было единства как среди врачей, так и среди правоведов. Данные противоречия с особой остротой проявились на заседаниях Казанского юридического общества, соединенных собраний юристов и врачей Русского общества охранения народного здравия в 1900–1901-х гг. Значительная группа участников, общий подход которых выразил на заседании 18 декабря 1900 г. доктор медицины В.П. Первушин, придерживалась мнения о безусловной вредности алкоголя в любом виде и количестве и неизбежности ведения повсеместной борьбы с ним на всех уровнях: личностном, общественном и государственном [8. С. 215].

На заседании 19 января 1901 г. правовед К.М. Леонтьев выразил большие сомнения определенной группы участников в самой правильности постановки вопроса о вредности алкоголя применительно к конкретной личности и об общественной борьбе именно с алкоголизмом, а не с пьянством: «Тезис о вреде употребления спиртных напитков ничем не доказан… Люди гибнут массово не от опьянения, а от побочных влияний» [Там же. С. 216]. К.М. Леонтьева поддержали доктор медицины Л.О. Даркшевич (впоследствии – один из основателей нейрохирургии в России), сделавший акцент на индивидуальных свойствах организма, и выдающийся теоретик права профессор Г.Ф. Шершеневич (в будущем – депутат I Государственной думы), высказавшийся более категорично: «Для юриста очень важно: яд – алкоголь или нет. Но лично я не убедился в справедливости высказанного им положения». По поводу судебной практики с участием алкоголиков Г.Ф. Шершеневич заметил: «...До сих пор не было указано ни одного объективного признака, которым мог бы руководствоваться судья» [Там же. С. 217]. Таким образом, вопрос о цели трезвеннического движения в среде юристов (за умеренное употребление алкоголя или за абсолютную трезвость), как и на уровне всей общественности страны, остался открытым.

Большинство правоведов вслед за врачами, опираясь на многочисленные исследования зарубежных и отечественных ученых, сходились в оценке пьянства и алкоголизма как явления «наследственного» и в биологическом смысле, и в социальном [2, 3, 7, 10]. На годовом собрании Курского юридического общества 10 декабря 1898 г. его председатель И.М. Тютрюмов, опираясь на цитату выдающегося правоведа и общественного деятеля А.Ф. Кони, охарактеризовал причины, воспроизводившие пьянство из поколения в поколение: «Постоянная жизнь впроголодь и в холоде... бодрость и забвение, находимые только в водке – все это создает условия, гибельно действующие на одичалого, голодного ребенка. Брань пьяного отца, вопли побитой матери, вечное взаимное раздражение...» [11. С. 40].

Непосредственные причины явления разделялись юристами на нравственные, физиологические, финансовые, политические и социальные. Важнейшими из причин, по мнению большинства правоведов, были отсутствие «умственно-нравственной культуры» и знаний, внутренние невзгоды, плохо вознаграждаемый труд, постоянное чрезмерное напряжение физических и умственных сил, сильное утомление. Алкоголь в данных ситуациях представлялся пьющим своего рода «восстанавливающим» средством. В действительности, как справедливо отмечал Д.А. Дриль, «возбудитель не создает силы и не является восстановительным материалом» [12. С. 40].

Для юридической общественности было характерно повышенное внимание к алкоголизму как к последствию питейной реформы 1894 г. и роста незаконной торговли алкоголем. Особенную тревогу вызывали связанные с этими явлениями правонарушения – фальсификация, укрывательство, доносительство, лжесвидетельствование. Так, В. Ефимов, указав на все несовершенство производства и вредность для «народной нравственности» расследований по делам о противоправной продаже спиртных напитков, заметил: «Еще большее зло, порождаемое делами этого рода – страшное развитие лжесвидетельствования в пользу обвиняемых, что ведет к дискредитации лиц, проводивших дознание» [13. С. 245].

Некоторые правоведы были склонны видеть во всплеске пьянства и преступности лишь «совершенно искусственные» явления, вызванные введением винной монополии и текущим развитием событий. А.Н. Бутовский отмечал: «До реформы преступления покрывались в кабаках, а после их упразднения местом питий стала улица, а не дом. Таким образом, увеличение преступности объясняется лишь большей интенсивностью уголовной репрессии» [14. С. 144].

И все же большинство правоведов готово были согласиться с врачами о едином социально-экономическом и правовом корпусе причин данного явления, о недостаточной медицинской помощи населению и неразработанности правовых основ санитарии и медицины. На совместном заседании Харьковского юридического общества и местного отделения Русского общества охранения народного здравия доктор медицины И.П. Скворцов заметил: «В России санитарии, собственно, нет... есть только медицинская полиция, по своему назначению очень мало удовлетворяющая своему назначению...» [15. С. 249]. С профессором согласились правоведы И.Ю. Шайтан, Я.М. Затворницкий, Л.Я. Тауберг и др. [Там же. С. 250].

Основные меры борьбы с алкоголизмом правоведы подразделяли на общегосударственный, общественный и личностный уровни. Самым разработанным юристами в силу их профессиональной специфики был именно высший уровень. На государственном уровне необходимыми представлялись следующие глобальные мероприятия: улучшение экономического и правового положения основной части населения, распространение просвещения, поднятие нравственного уровня, организация широкого попечения о социально незащищенных слоях населения. Для этого нужно было разработать и внедрить проекты новых государственных органов, важнейшим из которых должно было стать министерство народного здравия [16]. К частным мерам относились совершенствова-

ние юридической техники в целом; конкретизация отдельных пунктов статей, неточно передающих содержание воли законодателя; устранение дублирования в законодательных актах; отмена устаревших нормативных документов; выработка новых правовых норм и издание соответствующих актов и т.д.

Общественность должна была взять на себя заботы по открытию различных попечительских обществ по борьбе с «нищенскими гнездами», бродяжничеством, детской беспризорностью, заболеваемостью и смертностью от эпидемических и социальных болезней и профилактике данных явлений. Общественный контроль представлялся необходимым в деле устройства общественных столовых, чайных, приютов, ночлежных домов, дешевых квартир, библиотек, организации бесплатной медицинской помощи [8. С. 215]. На личностном уровне приоритет отдавался общественной работе каждого интеллигента, личному примеру, благотворительности и посильной помощи в деле борьбы с социальным злом.

В условиях предреволюционного и революционного периода реализовать общегосударственные мероприятия оказалось невозможно. Следствием стало участие правоведов в политической деятельности и формирование их как общественных деятелей либерального (А.Ф. Кони, Г.Ф. Шершеневич, Д.А. Дриль) и революционного (В.И. Ульянов (Ленин), А.И. Пискунов, А.А. Олигер и др.) направлений.

Из реализованных общественных мероприятий наиболее заметными оказались усилия местных юридических обществ по содействию социальному обеспечению малоимущих социальных групп, проявившиеся в открытии соответствующих общественных организаций, путем организации пунктов питания, приютов, ночлежек и иных подобных заведений. Так, Курское юридическое общество, несмотря на нехватку собственных средств, в 1898 г. выступило с инициативой о создании «Общества попечения о бесприютных и нуждающихся в защите детях», устав которого был в том же году утвержден в МВД [17]. Общество направило свою деятельность на поиск помещений для детей, снабжение их одеждой, открытие мастерских. Однако подобные примеры были единичными в силу материальных причин и отсутствия государственной поддержки.

Важнейшим реальным результатом работы юристов в направлении борьбы с алкоголизацией населения стали их научно-популярные труды. В даннном аспекте выдающимися правоведами К.Я. Чихачевым, А.А. Пионтковским, Е.Н. Тарновским, М.С. Маргулиесом, М.А. Горановским были разработаны наиболее актуальные вопросы теории и практики борьбы с алкоголизмом: по разработке правил торговли алкоголем [18], выработке эффективных мер противодействия массовому пьянству и росту преступности [19, 20], определению вменяемости правонарушителей-алкоголиков [21], борьбе с бродяжничеством и беспризорностью как факторами воспроизводства алкоголизма [22].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. взгляды передовых правоведов обратились к проблеме массового пьянства и алкоголизма населения. Юристами совместно с врачами была проанализирована ситуация распространения пьянства и алкоголизма в европейских странах и в Российской империи, раскрыты экономические, финансовые и социальные причины алкоголизации населения России, выработаны меры борьбы с социальным злом и проведены посильные мероприятия. Несмотря на отсутствие единства по некоторым процессуальным, а иногда и принципиальным вопросам, передовые представители отечественной юридической общественности внесли свой вклад в процесс вовлечения российского общества в борьбу с опасной социальной болезнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за [1896–1914]. СПб., [1903–1916].
2. Дриль Д.А. Уголовная статистика алкоголиков в Бельгии // Журнал министерства юстиции. 1897. № 5. С. 359–360.
3. Яковлев А.Г. Пьянство и преступность в Швеции // Журнал министерства юстиции. 1899. № 6. С. 107–132.
4. Тарновский Е.Н. Статистика самоубийств // Журнал министерства юстиции. 1901. № 1. С. 145–151.
5. Алкоголизм – путь к преступлению / отв. ред. проф. А. Гершензон. М., 1966.
6. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012.
7. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2016.
8. Хроника. Казанское юридическое общество // Журнал министерства юстиции. 1901. № 2. С. 215–217.
9. Отчет по Юридическому обществу при Санкт-Петербургском университете за 1898 г. // Вестник права. 1899. № 3. С. 3.
10. Д.Д. Влияние алкоголизма родителей на качество потомков // Журнал министерства юстиции. 1897. № 5. С. 360.
11. Труды Курского юридического общества. Протокол годового собрания Юридического общества 10 декабря 1898 г. // Вестник права. 1899. № 4. С. 40.
12. Дриль Д.А. Алкоголизм, его следствия и меры против него // Журнал министерства юстиции. 1897. № 5. С. 174–179.
13. Ефимов В. Недозволенная продажа вина // Журнал министерства юстиции. 1901. № 4. С. 224–247.
14. Бутовский А.Н. Преступность и питейная реформа // Вестник права. 1900. № 10. С. 132–144.
15. Харьковское юридическое общество // Журнал министерства юстиции. 1902. № 1. С. 248–250.
16. Лисенков Г.И. Министерство народного здравия // Вестник права. 1901. № 9. С. 250–255.
17. Отчет о деятельности Курского юридического общества в 1898/1899 гг. // Вестник права. 1900. № 9. С. 1–16.
18. Чихачев К.Я. Взыскания за нарушение правил о продаже крепких спиртных напитков // Журнал министерства юстиции. 1906. № 1. С. 106–152.
19. Пионтковский А.А. Роль алкоголизма в этиологии преступлений // Журнал министерства юстиции. 1902. № 4. С. 1–25.
20. Тарновский Е.Н. Алкоголизм и преступность (по данным русской уголовной статистики) // Журнал министерства юстиции. 1908. № 6. С. 41–68.
21. Маргулиес М.С. Вменяемость алкоголиков // Вестник права. 1904. № 1. С. 123–156.
22. Горановский М.А. Нищенствующие дети как питомник преступления // Журнал министерства юстиции. 1904. № 1. С. 199–204.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2017 г.

JURIDICAL COMMUNITY AND THE PROBLEM OF RUSSIA'S ALCOHOLIZATION AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY (BASED ON THE MATERIAL OF ALL-RUSSIAN JURIDICAL PERIODICALS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 76–79.
DOI: 10.17223/15617793/415/10

Andrey N. Kezhutin, Nizhny Novgorod State Medical Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kezhutin@rambler.ru

Keywords: juridical periodicals; social disease; alcoholism; social aspects of inebriety.

The subject of this research is the position of the leading juridical group in Russia regarding alcoholism as a social disease at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. The current relevance of this topic is connected with its insufficient consideration in historiography. This article examines the social and scientific approaches of Russian lawyers to the development of a body of anti-alcoholism measures by way of identifying the reasons for the wide spreading of drinking and alcoholism, the elaboration of a system of social actions in the fight against them and the implementation of these developments in practice. This phenomenon became widespread due to the system of wine tax farming, and then the introduction of wine monopoly. The article mentions that not only the society but also the lawyers were concerned with this problem. In this regard, juridical associations began to act upon the initiative from below. Their activity was quite successful, despite the attempts of counteraction. The author enunciates the main approach to studying the "issue of alcohol", which was connected with the society's socio-economic development. The article analyses the place and role of the leaders and members of the biggest lawyer unions: the Moscow Law Society, the Law Society of Saint Petersburg University, the Kazan Law Society, the Kharkiv Law Society, the Kursk Law Society in this process, as well as the arguments of the opponents and supporters of non-drinking measures as a way of introducing sobriety ideas to the public. The source base for this work consists of materials from all-Russian juridical periodicals at the turn of the 20th century. This study is based on the principles of historicism, scientific objectivity and determinism. The author uses analysis, synthesis, comparative-historical and chronological methods. Major non-drinking projects are analysed. The novelty of this research consists in the resulting new information regarding the social essence, specific-historical determinism and causes of widespread drinking and alcoholism, and the suggestions made by the juridical community for fighting this issue and their anti-alcoholism measures. For the first time in historiography the position of the most active representatives of the juridical community regarding this issue is presented. The author comes to a conclusion that members of the leading juridical group actively participated in the anti-alcoholism movement in Russia.

REFERENCES

1. Anon. (1903–1916) *Otchet o sostoyanii narodnogo zdraviya i organizatsii vrachebnoy pomoshchi v Rossii za [1896–1914]* [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia, [1896–1914]]. St. Petersburg: Tip. MVD.
2. Dril', D.A. (1897) Ugolovnaya statistika alkogolikov v Bel'gii [Criminal statistics of alcoholics in Belgium]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 5. pp. 359–360.
3. Yakovlev, A.G. (1899) P'yanstvo i prestupnost' v Shvetsii [Drunkenness and crime in Sweden]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 6. pp. 107–132.
4. Tarnovskiy, E.N. (1901) Statistika samoubiystv [Suicide Statistics]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 1. pp. 145–151.
5. Mironov, B.N. (2012) *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: 18th – beginning of 20th centuries]. Moscow: Ves' Mir.
6. Gershenzon, A. (ed.) (1966) *Alkogolizm – put' k prestupleniyu* [Alcoholism – a way to crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Dril', D.A. (2006) *Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merakh bor'by s neyu* [Crime and criminals. The doctrine of the crime and measures to combat it]. Moscow: Infra-M.
8. Vestnik prava. (1899) Otchet po Yuridicheskomu obshchestvu pri Sankt-Peterburgskom universitete za 1898 g. [Report on the Law Society at St. Petersburg University for 1898]. *Vestnik prava*. 3. pp. 3.
9. Zhurnal ministerstva yustitsii. (1901) Khronika. Kazanskoe yuridicheskoe obshchestvo [Chronicle. The Kazan Law Society]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 2. pp. 215–217.
10. D.D. (1897) Vliyanie alkogolizma roditeley na kachestvo potomkov [Effect of parents' alcoholism on their children]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 5. pp. 360.
11. Vestnik prava. (1899) Trudy Kurskogo yuridicheskogo obshchestva. Protokol godovogo sobraniya Yuridicheskogo obshchestva 10 dekabrya 1898 g. [Proceedings of the Kursk Law Society. Annual Meeting of the Law Society. Minutes. December 10, 1898]. *Vestnik prava*. 4. pp. 40.
12. Dril', D.A. (1897) Alkogolizm, ego sledstviya i mery protiv nego [Alcoholism, its consequences and measures against it]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 5. pp. 174–179.
13. Efimov, V. (1901) Nedozvolennaya prodazha vina [Unlawful sale of wine]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 4. pp. 224–247.
14. Butovskiy, A.N. (1900) Prestupnost' i piteynaya reforma [Crime and the drinking reform]. *Vestnik prava*. 10. pp. 132–144.
15. Zhurnal ministerstva yustitsii. (1902) Khar'kovskoe yuridicheskoe obshchestvo [The Kharkov Law Society]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 1. pp. 248–250.
16. Lisenkov, G.I. (1901) Ministerstvo narodnogo zdraviya [Ministry of Public Health]. *Vestnik prava*. 9. pp. 250–255.
17. Vestnik prava. (1900) Otchet o deyatel'nosti Kurskogo yuridicheskogo obshchestva v 1898/1899 gg. [Report on the activities of the Kursk Law Society in 1898/1899]. *Vestnik prava*. 9. pp. 1–16.
18. Chikhachev, K.Ya. (1906) Vzyskaniya za narushenie pravil o prodazhe krepkikh spirtnykh napitkov [Penalties for violation of the rules for the sale of alcoholic beverages]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 1. pp. 106–152.
19. Piontkovskiy, A.A. (1902) Rol' alkogolizma v etiologii prestupleniy [The role of alcoholism in crime etiology]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 4. pp. 1–25.
20. Tarnovskiy, E.N. (1908) Alkogolizm i prestupnost' (po dannym russkoy ugolovnoy statistiki) [Alcoholism and crime (according to Russian criminal statistics)]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 6. pp. 41–68.
21. Margulies, M.S. (1904) Vmenyaemost' alkogolikov [Sanity of alcoholics]. *Vestnik prava*. 1. pp. 123–156.
22. Goranovskiy, M.A. (1904) Nishchenstvuyushchie deti, kak pitomnik prestupleniya [Mendicant children as a crime nursery]. *Zhurnal ministerstva yustitsii.* 1. pp. 199–204.

Received: 24 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 80–85. DOI: 10.17223/15617793/415/11

УДК 930

Ю.С. Колпашникова, С.Ю. Колесникова

ОБЗОР РАБОТ ПО КОЛЛЕКЦИЯМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВ ДИНАСТИИ ДЕМИДОВЫХ

Представлен обзор работ, исследующих коллекции художественных произведений династии Демидовых. Работы разделяются на отечественные и иностранные. Особое внимание уделяется отечественным работам, большая часть которых была написана и опубликована в рамках деятельности Международного Демидовского фонда. Отмечаются основные авторы, занимающиеся исследованием коллекций Демидовых.

Ключевые слова: Демидовы; коллекционная деятельность; коллекции; МДФ.

Историческая наука накопила обширный материал, проливающий свет на историю рода Демидовых. Совокупность информации свидетельствует не только о существенной роли династии в экономической и общественно-политической жизни России, но и о заметном вкладе Демидовых в социокультурное развитие российского и европейского общества. Долгое время деятельность Демидовых рассматривалась отечественными учеными только с точки зрения горнозаводского дела. Именно этот аспект деятельности раскрывается в работах Б.Б. Кафенгауза, В.В. Огаркова, Г.И. Спасского, Н.И. Павленко, Н.А. Васина. Но наряду с развитием заводов представители династии занимались благотворительной и меценатской деятельностью, частным коллекционированием, активно участвовали в хозяйственном освоении края и развитии науки. Это отмечено в исследованиях К.Д. Головщикова, С.В. Назаревского, Е.И. Красновой, М.Л. Гавлина. С появлением новых исторических источников стали открываться и другие горизонты для изучения; например, самостоятельным объектом исследований стала выступать коллекционная деятельность династии. Особое внимание данной теме уделяется в современных монографиях Е.П. Пироговой, О.Я. Неверова, И.Н. Юркина.

Исследование проблемы частного коллекционирования прошлого, изучение коллекций и истории входивших в них произведений имеют огромное значение для музейной и научно-исследовательской работы, для более полного представления об историческом наследии, поэтому наряду с историками коллекционной деятельностью Демидовых интересуются научные деятели смежных дисциплин – культурологи, искусствоведы, музеологи и филологи.

Автор данной статьи ставить перед собой цель – выявить работы, исследующие демидовские коллекции произведений искусств, а также представить краткий обзор данных работ.

Опираясь на поставленную цель, автор предлагает выделить две группы работ по коллекционной деятельности Демидовых – отечественные и иностранные. Отметим, что наиболее ранние и содержательные работы по коллекциям Демидовых написаны итальянскими исследователями, среди которых Ф. Боррони Сальвадори, Ч. да Прато, М. Форези, Р. Ризалити, Дж. Пеллегрини, Ф. Зампони.

В нашей стране высокая публикационная активность, связанная с коллекционной деятельностью Демидовых, наблюдается с 1991 г. Обусловлено это не только изменением государственной политики в области науки, но и основанием Международного Демидовского фонда (МДФ). Отметим, что демидовское движение началось в 1990-е гг. В 1991 г. в Екатеринбурге был создан Демидовский институт, а позже в 1992 г. была организована неправительственная общественная организация – МДФ [1. С. 5]. Деятельность МДФ направлена на изучение наследия Демидовых и поддержку научных исследований. Именно благодаря работе МДФ исследователям стали доступны журналы путешествий, письма и воспоминания членов рода Демидовых. Более того, большинство работ по коллекционной деятельности Демидовых было опубликовано в рамках проведения Демидовских ассамблей и деятельности проектов «Художественные коллекции Демидовых в музеях России», «Памятники истории и языка. Наследие Демидовых».

Одной из первых комплексных работ на русском языке по исследованию демидовских коллекций стала статья 1993 г. Ю.П. Глушаковой «Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей», которая затрагивает тосканский период в жизни Демидовых. Точную дату обоснования Демидовых в Италии назвать сложно, но, опираясь на работу Р. Ризалити, возьмем за точку отчета 1822 г. [2. С. 97]. Тосканский период охватывает деятельность четырех поколений Демидовых, которые проживали в Тоскане в общей сложности около 130 лет. Исследование Ю.П. Глушаковой содержит ценную информацию о культурной жизни Демидовых и формировании их коллекций. Часть произведений из коллекций позже попадает в российские и мировые музеи, другая же уходит в частные коллекции или вовсе теряется. В работе уделяется отдельное внимание деятельности П.Г. Демидова, который передал Московскому университету библиотеку и коллекцию минералов, скульптур и картин, образовав тем самым внутри университета Демидовский музей [3. С. 109]. Информация, полученная из данной работы, обозначает некоторые произведения из имеющейся на тот момент коллекции Демидовых и их историю. Стоит отметить, что тосканский период жизни Демидовых изучен наиболее полно благодаря работам не только итальянских, но и отечественных исследователей, к которым относятся М.Г. Талалай, Н.Г. Павловский, И.Н. Бочаров, О.Я. Неверов.

Другой важной работой, исследующей коллекции Демидовых, является публикация Е.В. Карповой на второй ассамблее МДФ в 1996 г. «Шедевры из Демидовских коллекций в русских и зарубежных музеях».

Автор касается многих демидовских экспонатов и обозначает их местонахождение. Благодаря данной информации появилась возможность сгруппировать коллекционные произведения по музеям. Также Елена Вениаминовна одной из первых затронула «идею своеобразной «реконструкции» демидовского собрания на основе тщательного изучения архивных и литературных источников, аукционных и музейных каталогов» [4. С. 96], которая представляется автору данной статьи актуальной и значимой в настоящее время. Позже, в 2003 г., Е.В. Карпова высказывает идею о необходимости составления «иллюстрированного сводного каталога памятников изобразительного искусства, входивших в демидовские коллекции» [5. С. 26]. Более того, в работе отмечены некоторые произведения из коллекций и обозначены спорные моменты при составлении каталога, на что безусловно стоит обратить внимание при будущих исследованиях.

В докладе М.Б. Пиотровского на ассамблее МДФ в 1997 г. представляется информация о произведениях из коллекций Демидовых, находящихся в Эрмитаже [6]. Автор упоминает о музыкальных дрожках, созданных демидовским крепостным Е.Г. Кузнецовым. Также в работе имеется информация о создании Демидовыми стиля, основанного на сочетании бронзы и малахита в прикладном искусстве. К этому стилю относится малахитовая ротонда, находящаяся в Эрмитаже. Позже, в 2003 г., О.Я. Неверов в докладе «Памятники античной скульптуры из собрания Демидовых в Государственном Эрмитаже» на седьмой ассамблее МДФ снова затронет тему демидовской коллекции в Эрмитаже и таких ее экспонатов, как памятники античной скульптуры [7]. Благодаря данным исследованиям представляется возможным составление подробного описания демидовских коллекций в Эрмитаже и истории отдельных коллекционных экспонатов.

В докладе Т.М. Трошиной в 2001 г. на пятой ассамблее МДФ «Коллекции Демидовых в музеях и архивах Урала» снова находит свое отражение идея «реконструкции» собраний Демидовых [8]. Именно в данной публикации появляются сведения о реестрах коллекций Н.Н. Демидова, находящихся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Благодаря тщательному изучению Т.М. Трошиной архивных материалов нам становится известно о многих картинах из коллекций Демидовых, в том числе и о картинах второй руки, выполненных русскими мастерами, о многочисленных изделиях из фарфора, серебра, хрусталя и бронзы, входивших в состав демидовского собрания. В работе содержится информация о том, что Н.Н. Демидов проводил каталогизацию собственных коллекций. В ГАСО представлены не только описи, составленные Н.Н. Демидовым, но также зарисовки отдельных экспонатов. Данная работа позволяет расширить информацию о произведениях из коллекций Демидовых.

На той же ассамблее МДФ в 2001 г. в докладе Ю.Я. Зек Н.Н. Демидов предстает перед нами как коллекционер с собственными творческими идеями, который не только покупал законченные вещи, но и делал заказы на изготовление предметов искусства [9]. Благодаря работе прослеживается связь деятельности Н.Н. Демидова и одного из экспонатов в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. Кроме того, до нашего сведения доводится тот факт, что многие заказанные Демидовым коллекционные предметы были представлены на парижских индустриальных выставках, поэтому каталоги выставок помогут отследить некоторые предметы этих коллекций.

Также в 2001 г. на ассамблее МДФ был представлен доклад Н.П. Прожогина о меценатской деятельности А.Н. Демидова. В работе отражена связь А.Н. Демидова с произведениями художника Карла Брюллова [10].

В 2003 г. в докладе «Никита Акинфиевич Демидов и Императорская Академия художеств» на седьмой ассамблее МДФ Г.И. Конькова представляет информацию о связи Н.А. Демидова с музеем Академии художеств и одним из его экспонатов – алебастровым слепком восточных дверей баптистерия во Флоренции авторства Л. Гилберти [11].

Благодаря детальному изучению исследователями многих предметов из демидовских коллекций реализация идеи иллюстрированного каталога видится вполне приемлемой.

В последние годы объектом изучения исследователей становится деятельность не только наиболее известных членов династии Демидовых, но и менее известных потомков.

Е.П. Пирогова в статье 2003 г. «Материалы о жизни П.А. Демидова и история его коллекций» представила биографические данные П.А. Демидова. В работе приводятся данные о покупке им Вишневецкого замка. Исследование Е.П. Пирогова также касается ялтинской выставки 1918 г., на которой появляются ранее не описанные шедевры демидовской коллекции. Продолжила изучение деятельности П.А. Демидова Л.Н. Шиян в работе 2013 г. «П.А. Демидов и его роль в судьбе Вишневецкой резиденции». Любовь Николаевна обращает внимание, что П.А. Демидов перевез в Вишневецкий замок собственные коллекции из Перми, а также по возможности приобретал на аукционах раритеты из собраний замка. После продажи Вишневецкого замка П.А. Демидов перевозит свои коллекции и библиотеку в одно из крымских имений. Из исследований «краеведа и библиографа А. Анушкина» [12. С. 144] и Е.П. Пироговой нам стало известно, что коллекции сохранились в Крыму, но не в первозданном состоянии, а в единичных экземплярах. Данные работы позволяют сделать вывод, что собрания в полном объеме не были увезены Демидовыми в эмиграцию (имеются сведения, что несколько книг из Вишневецкого замка находятся в Британском музее) [Там же. С. 149]. Е.Н. Алексеева в работе 2015 г. «Роль частных собраний в формировании музейных коллекций Крыма» фрагментарно касается произведений из коллекции П.А. Демидова и их местонахождения в музеях Крыма. Данные сведения позволяют дополнить географию демидовских коллекций.

Важной по своему содержанию для изучения коллекций Демидовых является статья Т.М. Трошиной «Визуальные объекты в материалах путешествий Демидовых по Европе» 2010 г. Обращаясь к «Журналу путешествия» Н.А. Демидова, письмам и журналам сыновей Г.А. Демидова, автор демонстрирует просве-

щенность Демидовых и их осведомленность в разнообразных явлениях культуры и истории, анализирует динамику взглядов на мир, проливает свет на формирование художественных коллекций [15. С. 203]. В работе говориться о приобретении предметов искусства во время путешествий как Н.А. Демидовым, так и сыновьями Г.А. Демидова, о проявлении интереса к истории музеев, музейных коллекций и изучению музейных практик Британского музея, усадьбы Хорэса Уолпола Стробери-хилл, Лондонской академии художеств. Данное исследование позволяет выстроить в хронологическом порядке приобретение Демидовыми предметов искусств, проследить их историю и выявить основные принципы выбора того или иного коллекционного экспоната.

Позднее в 2011 г. Е.П. Пирогова снова обратится к «Журналу путешествия» Н.А. Демидова. Анализ информации, полученной из публикации Е.П. Пироговой, подтверждает имеющиеся ранее сведения об авторстве (точнее, соавторстве) «Журнала». Соавтором, вероятнее всего, выступал секретарь Н.А. Демидова Н.И. Крымов, который также помогал во время путешествия в поисках произведений для коллекций Н.А. Демидова [16. С. 385]. Материалы статьи указывают на известные книжные магазины и антикварные лавки, услугами которой могли пользоваться Демидовы при поисках экспонатов для коллекций. Отметим, что Е.П. Пирогова продолжительное время занимается исследованием коллекций Демидовых, большой вклад в изучение книжных коллекций внесла монография автора «Библиотеки Демидовых: книги и судьбы» (2000 г.).

Важной с точки зрения получения новых сведений о демидовских коллекциях стала статья О.А. Мельчаковой в сборнике научных статей «Человек – Текст – Эпоха». Автор анализирует источники по истории формирования коллекций минералов Н.Н. Демидова, но материалы данной статьи позволяют установить экземпляры произведений искусств, которые входили в состав коллекций. Автор упоминает о том, что Н.Н. Демидов сохранял традиции, заложенные предками, а именно заказывал памятные сувениры из золота и платины, добытых на собственных приисках. Заметим, что, по мнению автора, династия имела собственные традиции коллекционирования. Более того, О.А. Мельчакова, анализируя архивные документы из личного фонда Демидовых в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), приходит к выводу, что первые куски добытого Демидовыми золота были переработаны в церковную утварь, а позже переданы в дар Входо-Иерусалимскому храму в Нижнем Тагиле [17. С. 223].

Таким образом, становится возможным уточнение состава коллекций и местонахождения отдельных коллекционных предметов. Информация, полученная из данной статьи, позволяет представить также список контактов, которыми пользовались Демидовы при составлении собственных собраний. В статье прослеживается связь с петербургским магазином драгоценностей купца Николо Лоренцини. В работе уделяется внимание и уральскому малахиту, который Демидовы использовали в качестве материала для собственных коллекций и поставляли в Европу. Заметим, что именно из этого материала выполнена Ротонда, находящаяся в Эрмитаже, о которой уже упоминалось в данной статье. По информации электронного ресурса Эрмитажа, «Ротонда с малахитовыми колоннами и куполом золоченой бронзы исполнена по заказу Н.Н. Демидова известной парижской фирмой П.-Ф. Томира в 1820–1830-х годах» [18].

Еще одной работой, касающейся демидовских коллекций предметов прикладного искусства, стала публикация О.Н. Силоновой в «Вестнике Челябинской государственной академии культуры и искусств». Исследование О.Н. Силоновой посвящено лакировальной фабрике Н.А. Демидова. На основе анализа документов из архивов (ГАСО и Российского государственного архива древних актов (РГАДА), автор приводит ранее неизвестные сведения. Важным открытием является тот факт, что лакировальная фабрика Н.А. Демидова была одной из первых уральских центров частной практики изготовления лакированных изделий (более ранней, чем мануфактура П.И. Коробова) [19. С. 186]. Основным моментом работы для данного реферата является замечание о том, что изделия на фабрике изготавливались эксклюзивно по заказам заводчика, а не для широкого круга.

Таким образом, образование лакировальной фабрики напрямую связано с коллекционной деятельностью Демидовых. Увлечение Демидова искусством, следование европейской моде на лакированные изделия послужили стимулом для нововведений и новаторских решений в заводской деятельности. Становление лакировальной фабрики Демидова – вклад в региональную культуру и развитие ремесла. Дальнейшие исследования данной темы позволят определить предметы из коллекций Демидовых, которые были изготовлены на лакировальной фабрике и, возможно, отследить их дальнейшую историю.

Рассматривая работы, посвященные коллекциям Демидовых, нельзя упускать из вида исследования зарубежных авторов, о которых было упомянуто в данной статье. Они играют важную роль в изучении тосканского периода жизни Демидовых-коллек-ционеров. Именно благодаря работам вышеупомянутых авторов исследован значительный объем данных, которые позволяют составить список произведений, входивших в коллекции Демидовых, обозначить отдельные предметы из коллекций знаменитой династии, проследить историю этих предметов. Большинство работ итальянских авторов было написано в период до 1991–1992 гг. (до образования МДФ), и многие из них изучены и проанализированы отечественными учеными, занимающимися изучением династии Демидовых.

В 1996 г. во Флоренции выходит работа Р. Арженциано, посвященная коллекциям Н.Н. Демидова в архивных документах Флоренции и Санкт-Петербурга. Материалы работы отражают состав коллекций Демидова с детальным описанием отдельных произведений. Исследование Р. Арженциано сыграло важную роль в изучении коллекций Н.Н. Демидова, а также может быть использовано в дальнейшем при составлении иллюстрированного каталога демидовских коллекций.

Одной из важных работ иностранных авторов, написанных в последние годы, стала публикация в

выпуске № 4 журнала «Дом Бурганова. Пространство культуры» (2010 г.), посвященная коллекционной деятельности Н.Н. Демидова. Статья Л. Тонини обобщает сведения из разных источников и ранее опубликованных работ. Большое внимание уделяется содержанию коллекций и кругу общения Демидовых-коллекционеров (не только Н.Н. Демидова, но и его отца Н.А. Демидова и сыновей П.Н. и А.Н. Демидовых).

На основе анализа материала статьи дополним список антикваров и торговцев искусством, с которыми поддерживали связи Демидовы, – Иньяцио Весковали, Дзелонни, Деполетти, Грегорио, Де Санти. В круг общения Демидовых, согласно информации, полученной из статьи, входили также представители искусства, которым Демидовы делали заказы, – А. Рослин, Ф. Шубин, Ф. Матвеев, Ф. Сибилио, Н. Морелли. Благодаря исследованию Л. Тонини частично адаптированы архивные документы, играющие важную роль при составлении каталога демидовских коллекций, – три описи коллекций Н.Н. Демидова: на французском языке (хранящаяся в Уральском историческом архиве), на итальянском языке (находящаяся в Архиве Суперинтендатства по художественному и историческому имуществу в Уффици), на русском языке (находящаяся в Фонде Дурново) [20. С. 99]. Ранее исследованием описи на русском языке уже занималась Т.М. Трошина. Также информация об исследуемых Л. Тонини архивных источниках встречается и в издании «Частные коллекции Российской империи» О.Я. Неверова. Сравнивая коллекции Н.Н. Демидова с другими европейскими и российскими коллекциями частных лиц, Л. Тонини выделяет основные группы художественных произведений из коллекций Демидова, отдавая первенство классическим скульптурам, далее в порядке значимости упоминаются итальянская, голландская и французская живопись. Уделяя основное внимание коллекционной деятельности Н.Н. Демидова в Италии, автор упоминает и о произведениях из коллекций его отца – Н.А. Демидова. На основе анализа статьи Л. Тонини делаем выводы о степени изученности итальянского периода коллекционной деятельности Демидовых, о наличии важных источников, которые сыграют роль при составлении обобщенного каталога демидовских коллекций, об актуальности исследований в области коллекционной деятельности не только в России, но и в Италии.

В 2012 г. вышел сборник научных статей «Русская Тоскана». Автором сборника является флорентийский профессор Р. Ризалити. Составителем, редактором и переводчиком с итальянского языка выступил известный исследователь М.Г. Талалай. Профессор Р. Ризалити написал цикл работ, посвященных деятельности Демидовых в Италии. Работы в большей степени построены на ранее не изученных архивных источниках и редких книгах, что позволяет рассматривать некоторые вопросы деятельности Демидовых с новых ракурсов. Работы Р. Ризалити включают биографические сведения о Демидовых, информацию о коллекционной, благотворительной и меценатской деятельности Демидовых в Италии. Материал, полученный из работ Р. Ризалити, активно используется отечественными учеными при изучении коллекций Демидовых и отражен в работах Е.В. Карповой, Е.И. Красновой, Т.М. Трошиной.

Таким образом, обзор исследуемых автором работ позволяет сделать вывод, что изучение коллекционной деятельности Демидовых на данный момент актуально в России и за ее пределами. Благодаря имеющимся научным исследованиям уже обозначена география демидовских коллекций – Россия, Италия, Англия, Франция, США. Также авторами установлен ориентировочный круг общения Демидовых-коллек-ционеров, это антиквары и торговцы, Николо Лоренцини, Иньяцио Весковали, Дзелонни, Деполетти, Грегорио, Де Санти; представители культуры и искусства – Стендаль, А. Рослин, Ф. Шубин, Ф. Матвеев, Ф. Сибилио, Н. Морелли. Более того, на основе полученных данных оказалось возможным составить ориентировочный список музеев, фонды которых содержат предметы демидовских коллекций. Однако существуют некоторые неизученные моменты. Многим исследователям, в том числе и автору данной статьи, видится необходимым составление каталога демидовских коллекций, возможно, иллюстрированного каталога, как предложила Е.В. Карпова. Также автор данной статьи предлагает составить иллюстрированную «карту» музеев, в которых находятся демидовские коллекции или отдельные произведения из коллекций. В дальнейшем «карта» может уточняться и расширяться. Каталог коллекций Демидовых и «карта» музеев помогут в реализации идеи организации выставки сохранившегося художественного наследия Демидовых, которую предложила Е.П. Пирогова в своей работе и о которой было упомянуто ранее в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Не словами, а делами // Альманах Международного Демидовского фонда. М. : Классика, 2001. С. 5–6.
2. Ризалити Р. Русская Тоскана. СПб. : Алетейя, 2012. 192 с.
3. Глушакова Ю.П. Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода : сб. ст. М. : Рос. академия наук; Ин-т рос. истории, 1993. С. 105–127.
4. Карпова Е.В. Шедевры из Демидовских коллекций в русских и зарубежных музеях // Альманах Международного Демидовского фонда. М. : Классика, 2001. С. 96–101.
5. Карпова Е.В. Проблемы каталогизации художественных произведений из коллекций Демидовых (проект «Художественные коллекции Демидовых в музеях России») // Альманах Международного Демидовского фонда. М. : Классика, 2003. Вып. 2. С. 25–31.
6. Пиотровский М.Б. Эрмитаж и Демидовы // Альманах Международного Демидовского фонда. М. : Классика, 2001. С. 123–126.
7. Неверов О.Я. Памятники античной скульптуры из собрания Демидовых в Государственном Эрмитаже // Альманах Международного Демидовского фонда. М. : Классика, 2003. Вып. 3. С. 31–36.
8. Трошина Т.М. Коллекции Демидовых в музеях и архивах Урала (проект «Художественные коллекции Демидовых в музеях России») // Альманах Международного Демидовского фонда. М. : Классика, 2003. Вып. 2. С. 35–42.
9. Зек Ю.Я. Николай Никитич Демидов (1773–1828) – коллекционер и меценат // Альманах Международного Демидовского фонда. М. : Классика, 2003. Вып. 2. С. 69–73.

10. Прожогин Н.П. Карл Брюллов и Анатолий Демидов (К истории меценатства) // Альманах Международного Демидовского фонда. М. : Классика, 2003. Вып. 2. С. 64–69.
11. Конькова Г.И. Никита Акинфиевич Демидов и Императорская Академия художеств // Альманах Международного Демидовского фонда. М : Классика, 2003. Вып. 3. С. 37–45.
12. Пирогова Е.П. Материалы о жизни П.А. Демидова и история его коллекций // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург : УрГУ, 2003. Вып. 5. С. 138–149.
13. Шиян Л.Н. П.А. Демидов и его роль в судьбе Вишневецкой резиденции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 4 (30). С. 209–212.
14. Алексеева Е.Н. Роль частных собраний в формировании музейных коллекций Крыма // Apriori. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 3. URL: www.apriori-journal.ru
15. Трошина Т.М. Визуальные объекты в материалах путешествий Демидовых по Европе // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1 (71). С. 203–211.
16. Пирогова Е.П. История издания «Журнала путешествия» Н.А. Демидова 1786 г. и его распространение в России, Европе, Америке // Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени. Екатеринбург, 2011. С. 384–397.
17. Мельчакова О.А. Источники по истории формирования коллекций минералов Н.Н. Демидова в 1823–1827 гг. // Человек – Текст – Эпоха : сб. науч. ст. Томск, 2011. С. 220–248.
18. http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/explore/buildings/locations/room/B10_F2_H192 (дата обращения: 19.01.2017).
19. Силонова О.Н. Господская лакировальная фабрика Демидовых. Первый опыт реконструкции истории XVIII – начала XIX века // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2 (30). С. 186–189.
20. Тонини Л. Русский коллекционер в Италии. Николай Демидов во Флоренции в начале XIX века // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 4 (30). С. 94–113.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2017 г.

THE OVERVIEW OF WORKS ON THE DEMIDOV COLLECTIONS OF ART

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 80–85.
DOI: 10.17223/15617793/415/11

Yulia S. Kolpashnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: julisheff@gmail.com
Svetlana Yu. Kolesnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bersa@sibmail.com

Keywords: Demidovs; collections; collecting activity; IDF.

This article contains the overview of works examining the art collections of the Demidov dynasty. Russian and foreign research works are distinguished. The article discusses mostly Russian works. It is also noted that fundamental works are written under the auspices of the International Demidov Foundation (IDF). The overview starts with one of the first comprehensive publications in the Russian language on the subject – a work by Yu.P. Glushakova on the Tuscan life of the Demidovs. The analysis of Glushakova's article gives information about the cultural life of the Demidovs in Italy, about the collecting activity of the members of the dynasty, and allows making an approximate description of the Demidov works of art. This article also discusses the works of E.V. Karpova and T.M. Troshina. The brief analysis of these works allows identifying the artifacts of the Demidov collections and their location. Reports by M.B. Piotrovsky and O.Ya. Neverov at the assemblies of IDF, which concern the author of this article, inform about the Demidov collections in the Hermitage. The analyzed report of N.P. Progozhin shows the connection of one of the Demidovs with the artist Karl Bryullov. The overview of the work of G.I. Konkova shows the connection between the Demidov dynasty and the Museum of the Fine Arts Academy. The works of L.N. Shiyan and E.P. Pirogova outline the connection between P.A. Demidov, the Vyshnevetsky Castle and the collections of the castle. The publications of T.M. Troshina and E.P. Pirogova explore A.N. Demidov's *Travel Journal* and his connection with the collecting activity. The analysis of works by Yu.Ya. Zek, O.N. Silonova and O.A. Melchakova given in the article allows expanding the map of the Demidov collections and grouping collection works of art by museums. Works by R. Argenziano, L. Tonini, R. Risaliti are noted among foreign research. The publication of R. Argenziano analyzes the archival documents connected with the collections of N.N. Demidov. The overview of works by L. Tonini and R. Risaliti expands the information on the Tuscan period in Demidov's life. The overview of works leads to a conclusion that the research of the Demidovs' collecting activity is currently relevant in Russia and abroad. From the perspective of the available research, the geography of the Demidov collections and the approximate social circle of the Demidovs-collectors are already designated. Based on the obtained data, it is possible to make an indicative list of museums that have artifacts of the Demidov collections. In addition, the author of this article offers to create an illustrated "map" of the museums with the Demidov collections or individual works from the collections.

REFERENCES

1. Demidova, N.G. (ed.) (2001) Ne slovami, a delami [Not words but deeds]. In: *Al'manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Moscow: Klassika.
2. Risaliti, R. (2012) *Russkaya Toskana* [Russian Tuscany]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Glushakova, Yu.P. (1993) Demidovy v istorii russko-ital'yanskikh kul'turnykh svyazey [The Demidovs in the history of Russian-Italian cultural relations]. In: Kuchkin, V.A. (ed.) *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii dooktyabr'skogo perioda* [Research on sources of Russian history of the pre-October period]. Moscow: Institute of History, RAS.
4. Karpova, E.V. (2001) Shedevry iz Demidovskikh kollektsiy v russkikh i zarubezhnykh muzeyakh [Masterpieces from the Demidov collections in Russian and foreign museums]. In: Demidova, N.G. (ed.) *Al'manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Moscow: Klassika.
5. Karpova, E.V. (2003) Problemy katalogizatsii khudozhestvennykh proizvedeniy iz kollektsiy Demidovykh (proekt "Khudozhestvennye kollektsii Demidovykh v muzeyakh Rossii") [Problems of cataloging works of art from the Demidov collections (Project "Demidov Art Collections in Russian Museums")]. In: Demidova, N.G. (ed.) *Al'manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Vol. 2. Moscow: Klassika.
6. Piotrovskiy, M.B. (2001) Ermitazh i Demidovy [The Hermitage and the Demidovs]. In: Demidova, N.G. (ed.) *Al'manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Moscow: Klassika.
7. Neverov, O.Ya. (2003) Pamyatniki antichnoy skul'ptury iz sobraniya Demidovykh v Gosudarstvennom Ermitazhe [The monuments of ancient sculpture from the Demidov collection at the Hermitage]. In: Demidova, N.G. (ed.) *Al'manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Vol. 3. Moscow: Klassika.

8. Troshina, T.M. (2003) Kollektsii Demidovykh v muzeyakh i arkhivakh Urala (proekt “Khudozhestvennye kollektsii Demidovykh v muzeyakh Rossii”) [Demidov collections in museums and archives of the Urals (Project “Demidov Art Collections in Russian Museums”)]. In: Demidova, N.G. (ed.) *Al’manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Vol. 2. Moscow: Klassika.
9. Zek, Yu.Ya. (2003) Nikolay Nikitich Demidov (1773–1828) – kollektsioner i metsenat [Nikolay N. Demidov (1773–1828), a collector and patron of the arts]. In: Demidova, N.G. (ed.) *Al’manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Vol. 2. Moscow: Klassika.
10. Prozhogin, N.P. (2003) Karl Bryullov i Anatoliy Demidov (K istorii metsenatstva) [Karl Bryullov and Anatoly Demidov (On the history of patronage)]. In: Demidova, N.G. (ed.) *Al’manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Vol. 2. Moscow: Klassika.
11. Kon’kova, G.I. (2003) Nikita Akinfievich Demidov i Imperatorskaya Akademiya khudozhestv [Nikita Demidov and the Imperial Academy of Arts]. In: Demidova, N.G. (ed.) *Al’manakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda* [Almanac of the International Demidov Foundation]. Vol. 3. Moscow: Klassika.
12. Pirogova, E.P. (2003) Materialy o zhizni P.A. Demidova i istoriya ego kollektsiy [Materials on the life of P.A. Demidov and history of its collections]. In: Pochinskaya, O.V. (ed.) *Ural’skiy sbornik. Istoriya. Kul’tura. Religiya* [Ural collection. History. Culture. Religion]. Vol. 5. Ekaterinburg: Ural State University.
13. Shiyan, L.N. (2013) P.A. Demidov i ego rol’ v sud’be Vishnevetskoy rezidentsii [P.A. Demidov and his role in the fate of Vyshnevetsk residence]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 4 (30). pp. 209–212.
14. Alekseeva, E.N. (2015) Rol’ chastnykh sobraniy v formirovanii muzeynykh kollektsiy Kryma [The role of private collections in the formation of museum collections of the Crimea]. *Apriori. Seriya: gumanitarnye nauki*. 3. [Online] Available from: www.apriori-journal.ru.
15. Troshina, T.M. (2010) Vizual’nye ob”ekty v materialakh puteshestviy Demidovykh po Evrope [Visual objects in the materials of the Demidovs’ travel in Europe]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta.* 1 (71). pp. 203–211.
16. Pirogova, E.P. (2011) Istoriya izdaniya “Zhurnala puteshestviya” N.A. Demidova 1786 g. i ego rasprostranenie v Rossii, Evrope, Amerike [The history of the publication of N.A. Demidov’s Travel Journal in 1786 and its distribution in Russia, Europe, America]. In: Redin, A.D. (ed.) *Problemy istorii Rossii* [Problems of Russian history]. Vol. 9. Ekaterinburg: Volot.
17. Mel’chakova, O.A. (2011) Istochniki po istorii formirovaniya kollektsiy mineralov N.N. Demidova v 1823–1827 gg. [Sources on the history of the formation of minerals collection of N.N. Demidov in 1823–1827]. In: Dutchak, E.E. & Zinov’ev, V.P. (eds) *Chelovek – Tekst – Epokha* [Man – Text – Epoch]. Tomsk: Tomsk State University.
18. The Hermitage. (n.d.). [Online] Available from: http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/explore/buildings/locations/room/B10_F2_H192. (Accessed: 19 January 2017).
19. Silonova, O.N. (2012) Gospodskaya lakiroval’naya fabrika Demidovykh. Pervyy opyt rekonstruktsii istorii XVIII – nachala XIX veka [Manor varnishing factory of the Demidovs. The first experience of the reconstruction of the history of the 18th – early 19th centuries]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul’tury i iskusstv – Herald of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2 (30). pp. 186–189.
20. Tonini, L. (2010) Russkiy kollektsioner v Italii. Nikolay Demidov vo Florentsii v nachale XIX veka [A Russian collector in Italy. Nikolay Demidov in Florence at the beginning of the 19th century]. *Dom Burganova. Prostranstvo kul’tury*. 4 (30). pp. 94–113.

Received: 24 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 86–101. DOI: 10.17223/15617793/415/12

УДК 930.2

А.В. Овчинников

АРИЙСКИЙ МИФ В НАЦИОНАЛИЗМАХ СОВРЕМЕННОГО ТАТАРСТАНА

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-33-01003 «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

Анализируются особенности функционирования арийского мифа в национализмах Татарстана – республики в составе Российской Федерации. Констатирована распространенность этого мифа на постсоветском пространстве. Указано на недостаточную, по мнению автора, изученность темы на материалах Татарстана. В процессе решения данной научной проблемы выявлены апелляции к «арийству» представителями булгарского, татарского, кряшенского и русского национализмов. Делается вывод об инструментальном использовании арийского мифа в современных татарстанских национализмах.

Ключевые слова: арийский миф; булгары; татары; кряшены; национализм; Гиперборея; неоязычество.

Одной из распространенных мифологем XIX–XX вв. являлся так называемый арийский миф, суть которого сводилась к отождествлению некой современной группы населения с древними и благородными «арийцами», пришельцами с далекого севера, из Гипербореи, Атлантиды или Арктиды (Арктогеи), которым мир обязан важнейшими изобретениями и достижениями культуры. Различные вариации этого мифа постулировали, что их потомки, в противоположность былому величию, оказались вынужденными жить в окружении многочисленных и коварных врагов, которые, нередко выступая в образе капиталистов-ростовщиков, нарушали законы моральной экономики и с которыми якобы имелись ещё и «исторические счеты». Печальные последствия пропаганды арийского мифа в нацистской Германии хорошо известны.

Казалось бы, в странах постсоветского пространства, в своё время высокой ценой победивших фашизм, более или менее массовые спекуляции на «арийскую тему» никогда не возникнут, и эта риторика останется уделом маргинальных ультраправых группировок. Однако после распада Советского Союза на его бывших территориях наблюдался и наблюдается феномен архаизации и демодернизации социально-политических отношений, который выражается, в том числе, и в мифизации как массового сознания, так и формально академических практик объяснения настоящего и прошлого (см., например, сюжеты так называемых национальных историй).

О серьезности проблемы, а следовательно, и актуальности её изучения говорит хотя бы тот факт, что, например, в Таджикистане «арийство» стало частью государственной идеологии [1. С. 215–222]. В этой стране арийский миф, похоже, начинает выполнять функцию квазиобъяснения социального и политического неравенства. Так, по сообщениям электронных СМИ, жительницу одного из райцентров этой республики не допустили на встречу с Президентом Э. Рахмоном на основании не соответствия ранее установленным требованиям: «*высокий рост, грамотная речь и арийская внешность*» [2].

Распространение арийского мифа в современной России так или иначе изучалось целым рядом авторов, среди публикаций которых следует отметить фундаментальную двухтомную монографию В.А. Шнирельмана «Арийский миф в современном мире» [3] и диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук К.А. Жарчинской «Славяно-арийский миф в историческом сознании российских традиционалистов» [4].

К уже введенному исследователями в научный оборот корпусу источников, на мой взгляд, следует добавить несколько новейших примеров, маркирующих проблему явного присутствия «мифического» компонента в отечественных учебных изданиях. В академическом учебнике «История России…» один из параграфов красноречиво назван «Индоевропейцы и первый “раздел Европы”» [5. С. 17]. Член-корреспондент РАН, известный историк А.Н. Сахаров эмоционально рассказывает о «*триумфальном распространении индоевропейцев по Евразии*» [Там же. С. 19]. Причем их расселение носило далеко не мирный характер, например, «*клин индоевропейских поселений врезался в среду обитания угро-финских народов*» [Там же. С. 20] и «*наши древние предки*», «*воинственные, энергичные индоевропейцы... бились за удобные земли, щедрые рыбные угодья, богатые зверьём леса*» [Там же. С. 21]. Воспевание и оправдание воинственной индоевропейской (фактически арийской, хотя это слово в учебнике не употребляется) героики не оставляют шансов для «побежденных» (т.е. предков финно-угров) и, при прочих условиях, по-моему мнению, может подготовить читателя к восприятию менее завуалированных вариантов арийского мифа.

В посвященном истории отечественной культуры учебном пособии А.И. Юрьева [6] рассказывается о том, что праславяне вместе с ариями задолго до нашей эры жили на территории современного Русского Севера. После похолодания праславяне и арии переселились на юг в Волго-Уралье, затем арии мигрировали еще дальше на юг, а праславяне остались в Европе. Расселение восточных славян в VI–VII вв. н.э. преподносится А.И. Юрьевым как возвращение «*в те места, которые были освоены их далекими предками праславянами еще в древнейшие времена*» [Там же. С. 4], причем об автохтонности балтов и финно-угров не говорится, лишь констатируется, что «*славяне с ними ассимилировались или соседствовали*» [Там же].

Арийский миф в контексте русского национализма откровенно, с перечислением имен известных расистов и мало скрываемой симпатией к неоязычеству, пропагандируется в вышедшем в Казани вузовском

учебнике «История» [7. С. 29–31, 40, 42–45]. В силу того что этот случай имеет прямое отношение к Татарстану, взгляды одного из авторов учебника, доктора исторических наук, профессора и вместе с тем апологета Гипербореи и арийского мифа И.А. Гатауллиной будут специально рассмотрены в данной статье.

Приведенные примеры иллюстрируют факт проникновения арийского мифа в академические и вузовские учебные издания, что не может не вызывать тревоги и лишний раз подтверждает важность научного анализа этого явления.

Историография изучения арийского мифа, включая разработку периодизации, исчерпывающе представлена в названной диссертационной работе К.А. Жарчинской [4. С. 4–7], что позволяет подробно не останавливаться на обзоре литературы. Замечу лишь, что некоторые касающиеся арийского мифа материалы Татарстана (нарративы булгарских националистов и внимание русских неоязычников к творчеству художника К. Васильева (1942–1976)) в контексте других регионов России и стран ближнего и дальнего зарубежья рассматривались В.А. Шнирельманом [3. Т. 1. С. 278; Т. 2. С. 72, 224, 246].

На сегодняшний день в научной литературе отсутствует комплексное исследование, посвященное анализу особенностей использования арийского мифа в булгарском, татарском, кряшенском и русском национализмах современного Татарстана. Предлагаемая вниманию статья представляет собой попытку приблизиться к решению выявленной научной проблемы.

На первый взгляд, «арийству» в Татарстане сложно завоевать сколь-либо прочные позиции. В выходящих в Казани исторических сочинениях носители восточноевропейских, среднеазиатских и алтайских археологических культур эпохи бронзы и раннего железного века (в том числе скифы, сарматы и савроматы), признанные наукой ираноязычными, часто атрибутируются как тюрки. Кроме того, авторы, «доказывающие», например, тюркоязычность спартанцев, нередко подчеркивают связь индоевропейской теории с фашизмом и даже коммунизмом (так, Ф.Ш. Фаттахов в своей монографии, посвященной прототюркам, обвинял советскую власть в уничтожении языков неиндоевропейских народов; в этом с ним соглашался доктор филологических наук М.Б. Хайруллин) [8. С. 329–332; 9. С. 7]. С политических позиций критикует индоевропоцентризм М.З. Закиев – доктор филологических наук, академик Академии наук РТ, в 1996–2000 г. – директор Института языка, литературы и искусства АН РТ. По его мнению, признание народов, появившихся во II тыс. до н.э. на территориях от Малой Азии, Мессопотамии, Ирана и Индии до границ Китая, индоиранскими, в конечном счете связано с европоцентризмом и колониализмом [10. С. 19].

Критика индоевропоцентризма соседствует со стремлением использовать искусственно «тюркизированные» сюжеты древней истории индоиранцев в своих целях. Ниже я постараюсь показать, что два основных лагеря современных татарстанских историков (так называемые булгаристы и татаристы) активно используют элементы арийского мифа для конструирования актуальных этногенетических повествований.

«Булгаристы» связывают происхождение современных казанских татар с волжскими булгарами – основным населением Волжской Булгарии (небольшого государственного образования, существовавшего в Среднем Поволжье в X–XIII вв.) (подробнее см.: [11]). Наиболее радикальные представители булгаристского лагеря заявляют о «дискриминации» булгар и призывают вернуть татарам их «настоящее имя» – «булгары» (см., например: [12–14]).

С политической точки зрения, одним из изъянов булгарской теории происхождения казанских татар является её автохтонизм, когда соблазнительные для этнонационалистического дискурса известные государства древности и Средневековья оказываются вне его рамок (ассоциируемый с татарами образ Золотой Орды «занят» «татаристами» и поэтому не может активно использоваться). Эту проблему в какой-то мере, видимо, призвана решить апелляция к «арийству».

В публикациях упоминавшегося «булгариста» М.З. Закиева индоиранская история превращается в историю тюркскую. В работе 2003 г. он доказывал, что «*этноним ар/эр – тюркское слово со значением “люди, мужчины”*», который «*вошел в состав этнонимов и сумеров* (т.е. шумер. – *А.О.*), *и хорасмиев, булгар, суар, хазар, савир, татар, авар, мишар, салар, уйгур*» [10. С. 370]. Эта сомнительная логика позволила М.З. Закиеву парфян, согдийцев, тохаров, кушанов и собственно ариев «превратить» в тюрков, которые якобы «*имели самые тесные контакты с предками булгар, расположенных в Западной Сибири, Урало-Поволжье, на Северном Кавказе*» [Там же. С. 372–373]. Со временем «арийство», видимо, еще больше заинтересовало М.З. Закиева, и в его книге 2008 г. появляется целый раздел с говорящим названием «Арийские и хуннские этнические корни тюрков» [15. С. 173–199]. В ней постулируется, что тюркские арийские племена ещё в глубокой древности жили вперемежку с другими тюрками в Малой, Передней, Средней и Центральной Азии, в Восточной Европе, на Кавказе и Балканском полуострове. Методологической базой таких смелых утверждений являлась игра словами, содержащими созвучие «ар» [Там же. С. 174]: «*все тюркоязычные племена, обозначенные этнонимом “ар/ир”, являются арийскими этническими корнями тюрков*» [Там же. С. 190].

В первую очередь, арийскими тюрками «оказались» шумеры [Там же. С. 179]. Тюркский язык в шумерской клинописи якобы закрепился 8 000–8 500 тыс. лет назад [Там же. С. 182]. Согласно М.З. Закиеву, и зороастризм был создан тюркоязычными племенами, а Авеста, возможно, записана на одном из тюркских языков [Там же. С. 177]. В свою очередь, «этноним тюрк» причислен к «арийской группе» («доказательству» этого М.З. Закиев посвятил целый параграф своей книги) [Там же. С. 185–188]. Как нетрудно догадаться, этноним «татары» также якобы арийского происхождения [Там же. С. 189, 190].

Влияние арийского мифа сказывается и на «историко-лингвистических исследованиях» (как он их сам называет) писателя Н. Фаттаха. Очевидной калькой «гиперборейского сюжета» является его утверждение о том, что, по представлениям египтян (в его понима-

нии – предков булгар), на северном полюсе «*существовала вечная жизнь, – откуда дул благотворный, спасительный ветер*» [16. С. 320]. Через 9 лет после цитируемой работы этот же автор утверждал, что «*египетские пирамиды были построены как претворение в жизнь идеи северной горы и мудрых предков, обитающих на снежных вершинах*» [17. С. 32]. Кроме того, слогу -ар он придавал значение положительного прилагательного, которое в древних языках, по его мнению, значило «*священный, обожествленный, достойный великого почитания, чистый, благородный*» и т.д., что не может не навести на параллели с «благородными арийцами». Интересно заметить, что область расселения тюрок в эпоху Средневековья от Урала до Алтая он именовал «Арка» (по его мнению, это соответствовало значению «*иль, государство, родина*») [16. С. 51].

Сторонник булгарской версии происхождения казанских татар, учитель истории Ф.Г.-Х. Нурутдинов, ссылаясь на поддельный свод булгарских летописей «Джагфар тарихи» и отрывки (в дальнейшем якобы «утраченные») из мифической книги «Хон китабы», в 1990-х гг. сконструировал наиболее эпичный вариант булгаро-арийского мифа. Среди специалистов нет единого мнения об источниках, на базе которых были созданы упомянутые подделки. Ю. Шамилоглу находит параллели между «Джагфар тарихи» и некоторыми опубликованными источниками XVIII–XIX вв. и более раннего времени [18. С. 37].

Изучение содержащихся в публикациях Ф.Г-Х. Нурутдинова исторических построений позволяет выдвинуть гипотезу, что одним из источников его «вдохновения» был славяно-русский вариант арийского мифа. Можно предположить, что из опубликованных до начала 1990-х гг. сочинений русских националистов (В.И. Скурлатова, В.И. Щербакова (1938–2004) и др.) черпались идеи, под которые затем «подгонялся» текст «Джагфар тарихи» (выполнявшей роль «Велесовой книги») и других фальшивок. Скорее всего, были позаимствованы такие структурные элементы мифа, как «прародина», «масштабные миграции», «участие в становлении известных цивилизаций древности», «культуртрегерство», «эквилибристика созвучиями этнических и географических названий», «вставки в историческое повествование мифических сюжетов».

Для подтверждения выдвинутой гипотезы, обратимся к одной из первых пространных статей Ф.Г-Х. Нурутдинова «Булгары и мировая цивилизация», которая появилась в 1993 г. В начале повествования автор с нескрываемой обидой на «историков-фантастов» (т.е. профессиональных исследователей) писал о сложившихся представлениях о булгарах «*как народе-домоседе, тихо и неприметно жившем в глухом лесном районе при слиянии могучих рек – Волги и Камы… В действительности, государство булгар тысячелетиями охватывало огромную территорию от Дуная до Енисея…*» [19. С. 324]. Эта мифологема перекликается с появившимися в печати 14 годами ранее постулатами В.И. Скурлатова: «*…не Припятские болота, куда нас пытаются загнать некоторые археологи, а огромный простор Евразийских степей вплоть до Амура – вот наша истинная* (русская. – *А.О.*) *прародина*» [20. С. 57].

Ф.Г.-Х. Нурутдинов утверждал, что 35 тыс. лет назад в суровых условиях Ледникового периода огузо-тюркские и североиранские («сакланские») предки булгар заселяли пещеры Уральских гор, а Волго-Уралье они именовали Ара (Арья) или Ура (от чего якобы произошли слова Туран, Урал, Арья и Иран). И иранские, и тюркские племена он называл «арийцами» [19. С. 324]. В представлении В.И. Щербакова предки славян-арийцев (так называемые восточные кроманьонцы, они же восточные атланты) первоначально жили в пещерах Восточного Средиземноморья и оставили после себя производящие «неизгладимое впечатление» росписи пещер [21. С. 164, 167], так же как предки булгар, по Ф.Г.-Х. Нурутдинову, «*написали 35 тысяч лет назад первые человеческие картины*» на стенах знаменитой Каповой пещеры на Урале [19. С. 331].

В построениях Ф.Г.-Х. Нурутдинова прослеживается влияние гиперборейского мифа, в некоторых своих вариантах помещавшего прародину славян-арийцев на далеком Севере. Так, арийцы, проживая в Волго-Уралье, кроме всего прочего якобы охотились на китов, тюленей и моржей [Там же. С. 325], что возможно только при условии «их выхода» к берегам Северного Ледовитого океана.

Согласно фантазиям Ф.Г.-Х. Нурутдинова, предки булгар 15 тыс. лет назад образовали союз семи арийских племен и затем создали первое в мире государство Идель [Там же. С. 327], характеристики которого напоминают основные черты Гипербореи или Атлантиды – в построениях русских националистов – высокоразвитой прародины арийцев.

Параллельно с «государственным строительством» и охотой на мамонтов [Там же. С. 325] «арийцы-идельцы» стали первыми металлургами, «*лучшими в мире обработчиками мехов и изготовителями всевозможных кож и обуви*», изобретателями складного стула, кирпича, денег, стремени, сабли, пушки, ружья (судя по контексту этой части рассматриваемой статьи, речь идет о Ледниковом периоде…) [Там же. С. 331]. Видимо, мы имеем дело, в том числе, и с «развитием» используемого русскими националистами сюжета об известном холме Чатал-Гуюк в Малой Азии. В.И. Щербаков за 6 лет до Ф.Г.-Х. Нурутдинова писал о том, что материалы оставленного якобы «предками руссов» археологического памятника «*на две тысячи лет увеличили возраст первоначального искусства металлургии*», а также о таких изобретениях «восточных кроманьонцев» (они же, напомню, «восточные атланты»), как «*одежда из кожи и замши, способ дубления и обработки шкур*» [21. С. 166–167].

Еще в 1977 г. В.И. Скурлатов отвергал мешавшее глобальным миграционным фантазиям мнение о славянах как исконных земледельцах, считая, что «русы» изначально были пастухами, бродившими со своими стадами по огромной территории евразийских степей [22. С. 331]. Те же коннотации можно обнаружить у Ф.Г.-Х. Нурутдинова, который объявлял предков булгар «*отменными скотоводами и ремесленниками*», лишь в случае разорения вынужденно переходившими к земледелию и «*жизни в селениях и городах*», «*но*

цвет идельцев оставался верен полукочевому животноводству» [19. С. 327].

12 тыс. лет назад «арийцы» оказались вынужденными покинуть Волго-Уралье и мигрировать по просторам Евразии и Америки. Причиной тому стал приход с востока финно-угров. Этот сюжет позволял Ф.Г.-Х. Нурутдинову представить современных казанских татар (по его версии, «булгар») автохтонами региона. «Тяжелые времена» для государства булгар-арийцев напоминают случившуюся, по мнению В.И. Щербакова, 11 800 лет назад (т.е. почти «тогда же») катастрофу, когда Атлантида ушла на дно океана, а атланты были разгромлены восточными кроманьонцами [21. С. 162, 164].

И «булгарский», и «русский» варианты мифа подчеркивают культуртрегерскую роль ариев. Согласно Ф.Г-Х. Нурутдинову, «*свои обычаи, мифы и достижения булгары разнесли по всему миру, так как широко, с истинно эпическим масштабом, расселились по земле*» [19. С. 332]. По В.И. Скурлатову, воины-конники арийцы-русы разносили «этнокультурные хромосомы» по всему миру – от Индии до Британских островов [23. С. 215].

Пути миграций арийцев-булгар и арийцев-русов схожи. Часть булгар, как считает Ф.Г-Х. Нурутдинов, из Волго-Уралья «ушла» на восток – в Центральную Азию и Америку. На Алтае булгары якобы задолго до начала Раннего железного века начали выплавлять железо, в Северном Китае построили много новых городов, пещерных храмов, мавзолеев и ступенчатых пирамид – пагод, распространяли булгарские мифы, установили обычай носить косы (в Манчжурии), дали имя р. Хуанхэ. Согласно Ф.Г.-Х. Нурутдинову, в Монголии пришельцы распространили миф о спасенном волком булгарском принце Чингизе, что подводило читателя к мысли о булгарском происхождении Чингисхана [19. С. 333]. Древняя китайская и в целом дальневосточная культура волновала воображение и русских националистов. В 1982 г. вышел роман В.А. Чивилихина «Память», в котором автор древнейшее население долины р. Хуанхэ объявлял индоевропейцами, которые якобы участвовали в этногенезе многих восточноазиатских народов, и «*один из них оставил след даже в генеалогии Чингисхана*» [23. С. 58]. По В.И. Скурлатову, в начале бронзового века следы «курганной культуры», оставленной, как нетрудно догадаться, предками русов, обнаруживаются «*от Хуанхэ на востоке до Дуная на западе, от Палестины на юге до Прибалтики на севере*» [24. С. 213].

Если одна часть арийцев-булгар, как утверждал Ф.Г.-Х. Нурутдинов, из Волго-Уралья «двинулась» на восток, то другая, по его мнению, – на юг. Последние якобы стали предками сако-массагетских племен и кушан, а также тех арийцев, которые завоевали полуостров Индостан и «*сделали популярным булгарский символ земной радости и счастья – "свастику"*» [19. С. 333]. Другие булгары, также выходцы из Волго-Уралья, по Ф.Г.-Х. Нурутдинову, создали в Междуречье государство Шумер, первой столицей которого был объявлен город «Ат-Алан», «*по имени которого всю булгарскую ближневосточную державу некоторые источники называли Атлантидой*» [19. С. 334]. В.И. Скурлатов утверждал, что предки русов расселялись из Причерноморья до Эгейского и Балтийского морей, на юге – до Закавказья, Малой Азии, Ближнего Востока, через Кавказ оказались в Иране, а «*по Дону, Волге, Каспию и Узбою они искали пути в глубины Средней и Центральной Азии*» и с территории Средней Азии проникли на территорию Индостана [24. С. 213–214]. В начале 1990-х гг. «восточных атлантов» В.И. Щербаков «расселял» по Ливии, Двуречью, Египту, Северной Индии, Китаю и Японии, а «родственных» им венетов – по Малой Азии и далее на восток [25. С. 204; 26. С. 229–236]. Таким образом, использованный Ф.Г.-Х. Нурутдиновым образ Атлантиды, скорее всего, также был навеян штудиями русских националистов.

Булгарская «Атлантида» погибла в 3182 г. до н.э. во время потопа, который «*подорвал могущество булгар Древнего Шумера*» [19. С. 335]. Однако «ещё до потопа» булгары успели дать свои названия таким политическим и географическим районам, как Финикия, Крит, Анатолия, Армения, Албания, Эльбрус, Кавказ, Египет и т.д. «Построили» они и такие города, как Микены, Афины, Троя, Иерихон, Иерусалим, Урук, Ур, Киш, Вавилон [Там же. С. 334]. После потопа, согласно Ф.Г.-Х. Нурутдинову, для булгар начались трудные времена, их стали теснить враги – с севера киммерийцы, «или хетты», с юга афразийцы – среди которых, судя по дальнейшему изложению, были и предки евреев. Однако «враги» (среди которых «обнаруживаются» даже дорийцы, захватившие мужественно обороняемую булгарами 10 лет Трою…) попадают под влияние «высокой культуры» булгар. Именно булгарам греки «обязаны» демократией, Олимпийскими играми и т.д. После разгрома Трои булгары оказались в Италии, где, как уже можно догадаться, стали называться этрусками. Там они «основали» Рим, Венецию, Геную, Равенну и т.д. [Там же. С. 337, 338]. В этих построениях также без труда угадывается влияние славяно-арийского мифа: согласно В.И. Щербакову, «*этруски – это, образно говоря, лист, оторванный от хетто-славянского дерева*» [21. С. 170].

В пользу гипотезы о том, что Ф.Г.-Х. Нурутдинов «переработал» известные ему на то время основные положения славяно-арийского мифа, говорит и факт наличия в его построениях скрытых антисемитских ноток, которые, копируя и «творчески развивая» построения своих коллег по мифотворчеству, наш автор, видимо, просто не заметил. Так, пришедшие из Волго-Уралья булгары-арийцы дали имя Палестине (якобы от булгарского Бал-и Стан «Область Булгар»), Иерусалиму (Ерсу Булем «Город Бога»), Иерихону (Джир Каган «Дух песни») [19. С. 334]. Булгарским оказывается и миф о спасении Моисея («*булгарский котел у афразийцев* (т.е. евреев. – *А.О.*) *превратился в корзинку, а имя Магис – в "Моисей"*») [Там же. С. 335]. Даже имя Бога Яхве евреи якобы позаимствовали у булгар [Там же. С. 338]. Афразийцы стали одной из причин гибели «булгарского государства» на Ближнем Востоке [Там же. С. 335]. О культурных влияниях «венедов-арийцев» на предков евреев задолго до Ф.Г.-Х. Нурутдинова писали русские националисты, в частности, В.Н. Емельянов. По его мнению, именно мифические предки славян дали назва-

ние Палестине («Опаленный Стан»). Как отмечает В.А. Шнирельман, «Опаленный стан» – один из «терминов-маркеров» современных русских антисемитов-неоязычников, который позволяет безопасно общаться на волнующие их темы [23. С. 58, 59–61].

В конце концов после многочисленных миграций булгары, как и русы, оказываются «у себя дома», т.е. на современной территории проживания их потомков, что позволяет, с одной стороны, считать их автохтонами, с другой – связывать с великими, но территориально удаленными цивилизациями древности.

Миф об арийском происхождении булгар и их фантастических миграциях Ф.Г.-Х. Нурутдинов озвучивал в своем «методологическом» пособии по истории Татарстана [27. С. 16].

В.А. Шнирельман указывал, что Ф.Г.-Х. Нурутдинов пытался установить контакты с русскими националистами, в частности, им была опубликована статья в их газете «Дуэль» [3. Т. 2. С. 224]. В ней утверждалось, что булгары, как и русские, являются потомками волго-уральских арийцев («сакланов»), которые, в свою очередь, 15 тыс. лет назад смешались с пришлыми финно-уграми. От отюреченных угров сакланы якобы восприняли тюркский язык и стали называться булгарами [28]. Задокументированный факт сотрудничества с русскими националистами является еще одним доказательством в пользу того, Ф.Г.-Х. Нурутдинов в качестве источников своего мифотворчества использовал в том числе и славяно-арийский миф.

В 2010 г. увидела свет его новая книга, на этот раз с еще более фантазийной мифологией и упоминанием новых поддельных источников. Арийские предки булгар здесь уже не фигурировали, но, принимая во внимание предыдущие работы автора, своеобразным следом арийского мифа следует признать утверждение о том, что 22 июня (т.е. в период летнего солнцестояния) 14 953 г. до н.э. в районе современного Болгарского городища (Спасский район Татарстана) было провозглашено «*образование первого в мире государства людей – булгарской державы Идель*» [29. С. 23].

Запредельную мифологию Ф.Г.-Х. Нурутдинова попытался облечь в наукообразную форму кандидат исторических наук, профессор Казанского государственного педагогического университета З.З. Мифтахов (1938–2013). Защитивший в советское время посвященную левым эсерам кандидатскую диссертацию [30], а затем специализировавшийся на изучении работы коммунистов в системе судебно-следственных учреждений Татарии [31], в 1990-е гг. Зуфар Зайниевич обратился к древней и средневековой истории, результатом чего стал «Курс лекций по истории татарского народа», доведенный им до середины XVI в. [32, 33]. Опираясь на поддельную «Джагфар тарихи», З.З. Мифтахов создал этноцентричный мифический нарратив, который в течение нескольких лет преподавался будущим учителям. Хотя предки булгар напрямую и не атрибутировались в качестве «арийцев», направления их миграций повторяли фантазии Ф.Г.-Х. Нурутдинова и русских националистов.

Согласно З.З. Мифтахову, предками булгар были обитавшие в Волго-Уралье с незапамятных времен ираноязычные синдийцы, которые в IV тыс. до н.э. «*разделились на три части и ушли по трем направлениям*»: в Предкавказье; Алтай, Монголию и Северный Китай; и, наконец, третья группа, двигаясь «*в сторону Месопотамии*» через современный Туркменистан и Афганистан, оказалась на Иранском нагорье, которое «*синдийцы назвали Арианой*» [32. С. 20, 29–31]. После многочисленных исторических приключений (здесь и Шумер, и Вавилон, и Троя) булгары (сословие воинов, превратившееся в «этнос», что опять указывает на аналогии с арийцами) оказываются на «исторической родине» в Поволжье. Синдийцы З.З. Мифтахова напоминают синдов В.И. Скурлатова, который в своей работе 1987 г. синдами называл один из кланов ариев, обитавших во II тыс. до н.э. вблизи «*нынешних Анапы, Геленджика и Новороссийска*». На своих колесницах часть синдов через Среднюю Азию достигла Индостана, основав там «*великую индийскую цивилизацию*», другая часть синдов «*вместе с другими группами ариев*» через Дербентский проход проникла в Месопотамию [24. С. 214]. Видимо, для З.З. Мифтахова, так же как и для Ф.Г.-Х. Нурутдинова, сочинение В.И. Скурлатова послужило одним из источников собственного мифотворчества.

В социальной сети «ВКонтакте» существует группа с говорящим названием «Булгары-АРИИ». В ней на 1 сентября 2016 г. состояли 313 человек (в той же социальной сети в официальной группе «татаристского» Института истории им. Ш. Марджани АН РТ на то же время числилось 189 человек). Одна из тем обсуждений группы называлась «Булгары – Арии?». Под арийцами многие участники дискуссии понимали не этноним, а социальный термин, «*обозначение свободного благородного воина*», потомка «солнечного народа». Кроме того, постулировалось, что «*“арий” как рыцарь не есть исключительно иранский термин. Тюркская воинская культура также имеет прямое отношение к арийскому феномену*» [34].

Как видно из вышеизложенного, арийский миф вызвал интерес у части татарстанских историков-булгаристов и сочувствующей им относительно немногочисленной аудитории. Период конца 1980-х и 1990-е гг. характеризовался борьбой «булгаристов» и «татаристов», решался вопрос, какой из проектов возьмет на вооружение руководство Татарстана в качестве официально признанной идеологемы. «Булгаристская» концепция явно проигрывала из-за автохтонизма и отсутствия «великих» предков. Путем «добавления» элементов арийского мифа в орбиту булгарского этнонационализма оказались вовлечены яркие эпизоды истории Евразии, которые вполне могли составить конкуренцию «татаристской» Золотой Орде.

Однако и сами «татаристы» (сторонники версии о том, что современные татары – потомки населения Улуса Джучи) не прочь использовать «арийство» в своих интересах. В их распоряжении более значительный, нежели у «булгаристов», административный ресурс – большинство сотрудников созданного в 1996 г. Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, включая директора, являются «татаристами». В первом томе «Истории татар» (фундаментальном семитомном издании этого института) интерес к арийству проявился в полной мере. Материал тома структури-

рован таким образом, что одними из предков современных татар оказались жившие в Волго-Уралье в эпоху бронзы индоиранские племена. Именно с них начинается нарратив татарской истории. Согласно петербургскому археологу В.С. Бочкареву, к началу II тыс. до н.э. складывается волго-уральский очаг культурогенеза, в рамках которого племенные союзы ариев консолидируются «в этническом отношении» и создают свои предгосударственные образования. Впоследствии они сыграли крупную роль в древней истории Передней и Средней Азии, Индостана. Автор наделяет волго-уральских ариев культуртрегерскими чертами и констатирует, что путем миграций и военных походов «*волго-уральские достижения и новшества сравнительно быстро распространились по огромной территории*» [35. С. 46]. Индоиранское население Волго-Уралья позиционируется создателями обширной культурной провинции от Южной Сибири и Средней Азии на востоке и юго-востоке до Поднепровья и Северного Кавказа на западе и юго-западе [35. С. 46]. В.С. Бочкарев, локализуя арийцев в Волго-Уралье (на что в науке есть и другие точки зрения, их перечень см.: [3. Т. 1. С. 189–190]) и открывая этим утверждением повествование о древнейших этапах истории татар, фактически превращает последних в автохтонов региона.

За статьей В.С. Бочкарева в первом томе «Истории татар» следует публикация известного петербургского востоковеда С.Г. Кляшторного (1928–2014) с говорящим названием «Страна ариев». Автор профессионально сопоставляет иранские и индийские письменные источники с материалами археологических культур Восточной Европы, Сибири и Средней Азии, однако из общего контекста тома следует, что в дискурс истории татар включается «арийский компонент», в том числе знаменитый Аркаим [36].

С.Г. Кляшторный заканчивает свою статью констатацией того, что «*преемниками ариев в Великой Степи стали их отдаленные потомки – скифы, саки и савроматы*» [Там же. С. 76], которым посвящена 2-я глава «Истории татар», подготовленная известными специалистами Д.С. Раевским (1964–2004), С.Г. Кляшторным и В.А. Ивановым [37]. Лишь во второй части тома уделяется внимание собственно тюркским народам и государственным образованиям Евразии эпохи древности.

Упомянутых авторов, которые являются признанными в научном мире профессионалами, трудно заподозрить в симпатиях к арийскому мифу. Скорее всего, «арийским началом» «История татар» обязана одному из главных редакторов тома – на тот момент Советнику Президента Татарстана по политическим вопросам, директору Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидату философских наук (в 2009 г. стал доктором исторических наук) и физику по базовому образованию Р.С. Хакимову. Видимо, знакомство с основными сюжетами арийского мифа, желание найти автохтонных престижных предков (прафинно-угры на эту роль не подходили) и в то же время боязнь обвинений в мифологизаторстве заставили идеолога пойти на сложный маневр – научные статьи приглашенных авторитетных специалистов с «удобными» точками зрения оказались вплетенными в общую канву мифического повествования. Этот ход позволил самому Хакимову в том же томе констатировать, что предки татар сформировались «*на базе культуры скифских и других племен и народов*» [38], тем самым открывая возможности для актуализации по «ретроспективной цепочке» «арийских предков». Однако на сегодняшний день потребности в престижных арийцах и их «предгосударственных образованиях» у татарстанских идеологов нет («достаточно» Золотой Орды), поэтому в официальной риторике они пока не упоминаются.

Если арийский миф встречается в татарстанских академических изданиях, то его появление в публикациях жанра «фольк-хистори» вполне ожидаемо. Так, В.М. Ланцов и К.М. Зиятдинов считают, что предками казанских татар была часть русов-арийцев, проживавших в районе Аральского моря. Доказательства, по их мнению, заключаются в том, что, во-первых, «*казанские татары – единственная европеоидная раса в районе Арал-Каспий, родиной которых после Севера стали берега Аральского моря*», во-вторых, на артефактах, связанных с Волжской Булгарией, находят изображения свастики и шестиконечной звезды (последняя трактуется ими как арийский языческий символ единства мужского и женского начал), и, в-третьих, градостроительные характеристики булгарских городов якобы схожи с «арийскими городами» [39. С. 19, 20].

Авторы отмечают «*сильное и верховное*» влияние культуры предков казанских татар на культуру будущих тюркских народов. О высоком их статусе среди арийцев якобы говорит та связующая роль, которую они играли между «ядрами» проживания русов в Средней Азии, в будущих Иране и Турции, Месопотамии, на Аравийском полуострове, с одной стороны, и с русами в Южной Сибири, на Южном Урале и Причерноморье – с другой.

В конце концов, являвшиеся «*аральским ядром русов*» предки казанских татар в конце I тыс. н.э. вернулись в Восточную Европу и образовали Булгарское государство, а затем Казанское ханство, позиционируемое предшественником современного Татарстана [Там же].

Отождествление предков казанских татар с арийцами и в целом обращение к арийскому мифу в данном случае имеют явно компенсаторную функцию. Авторы сами признаются, что стремятся опровергнуть распространенное мнение о предках казанских татар как «кочевниках» и «язычниках» и посредством «арийства» подчеркивают их значительную роль в развитии человечества [Там же].

Элементы арийского мифа можно проследить на страницах татарстанской прессы. Главный редактор популярной казанской газеты «Звезда Поволжья» Рашит Ахметов, воодушевившись «*древней народной музыкой Тибета*» и творчеством Н. Рериха, публично задумывается о том, что «*может, действительно скромные татары и есть те самые загадочные арийцы. По крайней мере, Шаймиев* (Президент Татарстана в 1991–2010 гг. – *А.О.*) *очень похож на тибетского ламу. Есть в конце концов и теории реинкарнации*» [40. С. 2]. Некоторые российские политические деяте-

ли, видимо, стремясь выстроить доброжелательные отношения с татарстанской политической элитой, видят в предках татар арийцев, отождествляя последних с тюрками. Например, депутат Государственной Думы Владимир Колесников, выступая на презентации книги своего коллеги – депутата от Татарстана Фатиха Сибагатуллина, заявил, что 2 500 лет назад в Индию «*пришли люди-наги, их тотемом был змей с равносторонним крестом из золота. Это были тюрки, создавшие Солнечную династию. Единобожие возникло на базе тюркских богослужебных сводов*» [41. С. 2]. Нетрудно догадаться, что здесь идет речь об арийцах, свастике и попытках связать свастику с христианским крестом. В представлении В. Колесникова именно тюрки (они же арийцы), а не греки, привнесли в Россию единобожие и символику креста.

Кроме булгарского и татарского, элементы арийского мифа можно обнаружить и в риторике еще одного татарстанского национализма – кряшенского. Кряшены – небольшой, в основном православный, тюркоязычный народ, проживающий в Татарстане, Челябинской области (нагайбаки), Удмуртии, Чувашии и т.д. С 1920-х гг. они официально включались в состав татар (так называемые крещеные татары). В 1990-е гг. стало усиливаться кряшенское самосознание, появились активисты, требовавшие признать кряшен самостоятельным народом. Дискуссия обострилась в 2002 г. во время Всероссийской переписи населения. Если бы кряшены в переписных листах фигурировали «отдельным» народом, то это бы «сократило» количество татар в Татарстане и поставило бы под вопрос само существование республики как субъекта федерации. Наряду с прочими мероприятиями Академией наук РТ в тот год была организована конференция «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации», участники которой, в основном на историческом материале, доказывали, что крещеные татары являются частью татар и начали формироваться лишь после завоевания Казанского ханства Иваном IV Грозным (1552 г.) и начала принудительного крещения местного населения [42]. Данная позиция была характерна для большинства татарских историков 1990–2000-х гг. и ныне в Татарстане она остается официальной.

Кряшенские же историки и публицисты пытаются доказать, что кряшены образовались значительно раньше середины XVI в. и в поисках предков обращают свои взоры в седую, в том числе и «арийскую», древность. В 1993 г. (т.е. практически одновременно с «Джагфар тарихи» булгариста Ф.Г.-Х. Нурутдинова) было опубликовано литературно-публицистическое произведение одного из кряшенских лидеров Татарстана, кандидата исторических наук [43] М.С. Глухова (1937–2003) «Судьба гвардейцев Сеюмбеки: Неформальный подход к еще неписаным страницам истории» [44]. Эта работа свидетельствовала об эрудиции автора, однако выбираемые им из научной литературы данные интерпретировались весьма вольно, фактически они подгонялись под уже заданные выводы, что позволяет определить жанр книги как мифическое повествование.

М.С. Глухов отрицал отождествление названий «крещеные татары» и «кряшены». Используя часто применяемый при мифизации истории «метод» созвучий, он «обнаружил» предков кряшен в керчинах, которые в начале нашей эры обитали в Керии – стране, расположенной в горной системе Куньлунь. Ссылаясь на работы Н.М. Пржевальского и Г.Е. Грум-Грумжимайло, М.С. Глухов связывал керчинов с арийцами, выходцами из Северной Индии [44. С. 197–198] (в одной из статей предки кряшен были даже отождествлены с обитателями легендарной Шамбалы, «*откуда будто бы вышли предки всех индоевропейских народов*») [45]. Фантазии М.С. Глухова об арийском происхождении предков кряшен развивает В. Максимова, которая пытается связать находящийся в Челябинской области известный памятник эпохи бронзы Аркаим с проживающими там же кряшенами-нагайбаками [46], добавляя тем самым новое содержание в обширную «аркаимскую» мифологию (подробнее о ней см.: [47–50]).

Использование арийского мифа в кряшенском национализме имеет инструментальный характер и направлено, прежде всего, на обоснование отличного от татар «исторического пути».

Арийство в Татарстане циркулирует и в дискурсе русского национализма. Поклонником арийского мифа стала доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Казанского национального исследовательского технического университета И.А. Гатауллина. Учитывая, что перед нами профессиональный историк, чьи учебные пособия, повествующие о славянах-арийцах, рекомендованы для студентов, на взглядах этого автора следует остановиться подробнее. Показательны вехи её биографии, маркирующие путь от коммунистического идеолога до пропагандиста Гипербореи. И.А. Гатауллина (Апайчева) училась на историко-филологическом факультете Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина, работала в комитете комсомола Казанского инженерно-строительного института (КИСИ) в качестве освобожденного секретаря по идеологической работе с молодежью. В 1990 и 2009 гг. соответственно защитила кандидатскую и докторскую диссертации по истории Среднего Поволжья 1920–30-х гг. [51–54].

Еще в 2001 г. увидела свет её статья, посвященная проблемам межкультурной коммуникации. В ней Ирина Алексеевна признавала «*огромные различия в ценностных ориентациях различных народов*» [55. С. 27] и соглашалась с мнением, что «*глубинной основой современной политики является национал-социалистическая структура, когда субъектами истории выступают отдельные государства, поддерживающие социальный мир внутри своих границ и жесткого преследующие интересы собственной нации вплоть до конфликтов с интересами других наций*» [Там же. С. 27]. О тенденциях мировых глобализационных процессов, постепенно стирающих государственные границы, И.А. Гатауллина не упоминала, но зато высказывала симпатии традиционным культурам, которым было свойственно «*гармонизирующее видение человека и космоса*» [55. С. 28]. Наконец, она призывала человека признать «*себя существом слабым*», «*превратиться в песчинку*», чтобы «*заново научиться вписываться в естественные циклы биосферы, так,*

как это происходило в эпоху неолитической революции» [Там же. С. 29]. Таким образом, И.А. Гатауллина четко обозначила свою принадлежность к так называемым русским традиционалистам (подробнее о традиционализме см.: [56]).

«Традиционалистская методология», как известно, базируется на признании некой «изначальной традиции», существовавшей в эпоху древних сакральных цивилизаций, после упадка которых сохранявшейся в кругу «посвященных». Элементы этой традиции якобы можно обнаружить в живом наследии различных культов и религий, отсюда повышенное внимание к мифу в ущерб научным фактам. Специалисты признают традиционализм надполитической идеологией, идущей «*от Юлиуса Эволы, Рене Генона и через французских крайне правых, "новых правых" – к их сегодняшним последователям*» [57]. Русские традиционалисты не столько возрождают «живую традицию», сколько перестраивают и перекраивают её в своих интересах, зачастую являясь, например, интеллектуальными вдохновителями скинхедов [Там же]. Представители русского традиционализма отрицают официальные учебники истории и устоявшиеся версии исторической национальной идентичности. Они пытаются конструировать новую идентичность, важными элементами которой являются мифы евразийства, арийства, гиперборейства и т.д. [Там же]. По этому «методологическому» пути пошла и И.А. Гатауллина.

В 2013 г. была опубликована её статья «Протоистория славян как проблема самоидентификации российского общества» [58]. Ирина Алексеевна констатировала, что русские нуждаются в «самоидентификации», которую академическая наука обеспечить не может. Главная причина этого, по мнению И.А. Гатауллиной, заключалась в отсутствии письменных источников по древнейшей истории славян [58. С. 6]. Между тем современной археологической наукой накоплен огромный корпус источников, иллюстрирующий во всем многообразии материальную и духовную жизнь древних славян, их предков и соседей. Вместо изучения трудов археологов и их популяризации И.А. Гатауллина призывала обратиться к некоему культурологическому контексту темы, «*в основе которого лежит понятие исторической памяти*» [Там же. С. 7]. Указывая на эвристический потенциал постмодернистской методологии, Ирина Алексеевна предлагала восстановить «медиум бытия истории» через «праязык и миф». Подходящим мифом для пропаганды была выбрана гиперборейская, или полярная, версия «*происхождения не только славянского этноса, но человечества, колыбель которого определяется в акватории Ледовитого океана, точнее, на севере России*» [Там же]. Далее в стиле славянского фэнтези [59] она повторяет основные сюжеты гиперборейского мифа и упоминает ряд «ученых», чьи построения были подвергнуты суровой критике специалистами, в частности В.А. Шнирельманом [60]. Например, Ирина Алексеевна ссылается на известного русского расиста П. Тулаева [58. С. 10, 12]. В 1995 г. он стал одним из организаторов праворадикального журнала «Наследие предков» (название явно было заимствовано у германской научно-оккультной организации, идеологом которой был Г. Вирт (также фигурирующий в публикациях И.А. Гатауллиной), а руководил лично Г. Гиммлер). Затем П. Тулаев со своими единомышленниками учредил журнал «Атеней», на страницах которого пропагандировались расовые идеи [61. С. 172–173]. Много места уделялось и Гиперборее – якобы прародине славянской арийской расы. По мнению немецкого журнала «Nation&Europa», издатели «Атенея» являлись мозговым штабом праворадикального движения в России [62]. «Атеней» стал собирать вокруг себя скинхедов [61. С. 348]. В 2003 г. в Москве состоялась ознакомительная встреча отечественных расистов с зарубежными «коллегами». Россию представлял в том числе и П. Тулаев, а среди иностранных гостей были «*бывший Великий дракон ку-клукс-клана Дэвид Дюк и известный ревизионист Холокоста швейцарец Юрген Граф*» [Там же. С. 232]. В 2007 г. П. Тулаев был ведущим на проходившей в Москве Международной конференции борцов за «белую расу». На этом мероприятии выступали известные зарубежные антисемиты и даже бывший эсэсовец, вспоминавший, как в 1945 г. защищал Берлин от советской армии [Там же. С. 234]. В 2010 г. Королёвским городским судом журнал «Атеней» был признан экстремистским [63].

В конце статьи И.А. Гатауллина призывает к тому, «*чтобы академические умы отказались от понятия "лженаука", с которой отождествлялась гиперборейская версия происхождения славянского этноса*» [58. С. 12]. Однако научные основания для такого отказа названы не были.

Главные положения своей статьи И.А. Гатауллина почти дословно воспроизвела в вышедшем в 2014 г. вузовском учебнике истории [7. С. 29–31, 40, 42–45], на что мне пришлось откликнуться пространной рецензией [64, 65]. Чтобы не повторяться, отмечу лишь те концептуальные идеи, которые Ирина Алексеевна пытается донести до студентов. Рассказ о «теории и методологии исторической науки» в учебнике начинается с известного расиста XIX в. Ж.-А. Гобино (1816–1882) и описания того [7. С. 15], что специалистами признано расистской версией теории цивилизаций [66. С. 252–257]. Фактически дается положительная оценка полицентризму – идее о разных местах происхождения человеческих рас [7. С. 31], что с высокой долей вероятности может подвести к популярному сегодня у русских националистов и давно отвергнутому наукой полигенизму [67] – гипотезе о том, что человеческие расы – это разные биологические виды, произошедшие от разных видов обезьян. По ходу учебника критикуется христианство («*рабы и религия рабов*» [7. С. 42]), разрушившее античный языческий мир и оборвавшее связь Руси с «Гиперборейской цивилизацией» [Там же. С. 44]. В качестве «ученых», исследовавших гиперборейскую (а заодно и арийскую) проблему, И.А. Гатауллина приводит авторов с более чем сомнительной репутацией: радикального индийского националиста Б.-Г. Тилака (1856–1920); близкого к СС немецкого мистика Г. Вирта (1885–1974), Р. Генона (1886–1951), чьи идеи «*нашли последователей в Италии, Германии и Румынии и были взяты за основу оккультными фашист-*

скими течениями» [68. С. 227]; А.Г. Дугина – современного отечественного философа, политолога и общественного деятеля, идеи которого, по мнению признанных специалистов в этом вопросе, имеют точки соприкосновения с фашизмом [68; 69. С. 147–148], в том числе в сюжетах «арийства» и Гипербореи [61. С. 220]; наконец, профессионального философа и археолога-дилетанта В.Н. Демина (1942–2006), известного своими фантазиями о гиперборейских памятниках на Севере европейской части России (подробнее о несостоятельности его «археологических открытий» см.: [23. С. 29–32]).

Из учебника тысячи студентов КНИТУ–КАИ узнают о гиперборейском праязыке [7. С. 40–41]; более древних, чем египетские, пирамидах русского Севера; гиперборейских летательных аппаратах, на которых можно было совершать межконтинентальные перелеты [Там же. С. 44]; об ариях, предках славян, мигрировавших в своё время из Гипербореи, в том числе «*в направлении Индии, Египта и Шумера*» [Там же. С. 30, 43]; едином славянском «пранароде», говорившем на общем для всех славян языке, который (И.А. Гатауллина приводит цитату из текста В.Н. Демина) «*берет свое начало от одного отца Славы, откуда и славяне*» [Там же. С. 42]; о мифических славянских первопредках Русе и Словене [Там же. С. 43] и о славянах, участвовавших в Троянской войне [Там же].

Политические коннотации своих построений И.А. Гатауллина не скрывает. По её мнению, признание славян потомками гиперборейцев лишает их «варварской функции» и ставит в один ряд с греками и римлянами, носителями «культурной миссии» [Там же. С. 30]. Российская северная цивилизация признаётся «промежуточным звеном» между Востоком и Западом, что, по мнению Ирины Алексеевны, заставляет переосмысливать историю мира, начало которой якобы лежит на севере Евразийского континента.

В вузовском учебнике И.А. Гатауллина фактически воспроизвела многие воззрения современных русских неоязычников-родноверов (подробнее о них см.: [23, 70–73]).

Следует признать, что в условиях борьбы России за богатый полезными ископаемыми арктический шельф граничащие с расизмом фантазии о северной прародине славян-арийцев вполне могут стать актуальными для отечественного политического дискурса. Если российские чиновники будут поддерживать гиперборейский миф, то многие его «разработчики» (Р. Генон, Г. Вирт, А.Г. Дугин, П. Тулаев и др.) станут известны широкому кругу студентов, школьников и обывателей, что, по моему мнению, сделает угрозу распространения в России крайне правых идей еще более реальной.

И.А. Гатауллина начинает пользоваться популярностью у адептов гиперборейского мифа. Они увидели в её публикациях выход на вузовскую аудиторию и академическую легитимацию своих фантазий, и поэтому в ответ на мою критику пытаются защищать своего неожиданного союзника: «*Мужества вам, профессор Ирина Алексеевна Гатауллина. Пожалуйста, не сомневайтесь, историческая правда за вами. Каких бы спесивых, плохо информированных нацистов, для которых Гипербореи, как древней Руси, не существовало в принципе, вам и не приписывали бы в "друзья"*» [74].

Критика сделала последующие публикации И.А. Гатауллиной более осторожными, но от гиперборейского мифа она, похоже, отказываться не собирается. Одна из её последних на данный момент статей, посвященных Гиперборее, увидела свет в сборнике материалов прошедшей 3–4 октября 2016 г. в стенах Института всеобщей истории РАН конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» [75]. Отождествляя себя с «авторитетной академической наукой», И.А. Гатауллина констатирует популярность гиперборейской тематики и выводит из этого необходимость научного осмысления проблемы. Между тем зарождение, развитие и распространение мифов об Атлантиде, Гиперборее и других несуществовавших материках-цивилизациях уже давно анализируются специалистами (подробнее см.: [76–78]), тогда как Ирина Алексеевна, по сути, предлагает не столько изучать миф, сколько пытаться сомнительными, с точки зрения науки, способами онтологизировать его содержание. Она констатирует существование «*целой отрасли научного знания – атлантологии, в арсенале которой 6 тыс. томов информации. Гиперборея по сравнению с Атлантидой представляет собой локальную историю*» [75. С. 94]. Где опубликованы эти тысячи томов, является загадкой, и в современной России атлантология (так же как и «гипербореология» [4. С. 25]) – это всего лишь одна из многих псевдонаук.

Построения И.А. Гатауллиной вступают в противоречие друг с другом, когда, с одной стороны, она критикует «модернистскую парадигму», которая «*вытеснила гиперборейскую, или полярную, гипотезу на задворки академической науки*» [75. С. 94] (из-за элементарного отсутствия источников), с другой – в духе модерна, частью которой является современная наука с её методологией и обязательной опорой на факты, она пытается «доказать» существование Гипербореи, ссылаясь на «исследования» российских «ученых» в акватории Северного Ледовитого океана [Там же. С. 96]. В результате конструируются мифические «*причинно-следственные связи, которые*», якобы, «*выстраивают исторический процесс, трансформирующий Гиперборейский миф в научную гипотезу*» [Там же].

В рассматриваемой статье уже нет упоминаний Р. Генона, Г. Вирта, А.Г. Дугина и других неоднозначных авторов, зато И.А. Гатауллина сосредоточивается на рассуждениях астрофизика А.М. Чечельницкого о Волновой Космогеономии, смене полюсов вращения Земли, Космогенном Шоке, Атлантиде и Гиперборее в районе современной Аляски, Беринговом проливе как Геракловых Столпах и Дальнем Востоке, как «*Древнейшей ПраРодине – в широком смысле этого слова*» [Там же].

И.А. Гатауллина опять не пытается скрывать связь своих конструкций со злободневной политикой. Она прямо пишет об «украинском факторе», допускающем «*изменение представления о славянском единстве*» [75. С. 94]. Иными словами, Древнерусское государство с центром в Киеве сегодня «не пригодно»

для «идеологической эксплуатации», и его место якобы вполне может занять легендарная Северная Прародина на Дальнем Востоке (хотя, например, представителям США вряд ли понравится включение в состав этого мифического образования Аляски).

Увлечение традиционной культурой привело И.А. Гатауллину к скепсису в отношении научного знания и формирования рациональных основ идентичности. По мнению Ирины Алексеевны, миф дополняет ограниченность эмпирического опыта. Однако это «методологическое положение» открывает широкие просторы для мифизации и фальсификации истории, которые, в свою очередь, могут стать «объяснением» и «обоснованием» авторитаризма, расизма и ксенофобской внешней политики. Рассуждения Ирины Алексеевны удивительным образом напоминают мысли другого «поклонника» Гипербореи и широко расселившихся из её пределов арийцев – одного из главных идеологов Германии 1930-х – первой половины 1940-х гг. А. Розенберга (1893–1946). В своем произведении «Миф XX века» [79], не учитывая должным образом научные факты, подбирая их по своему усмотрению, он конструировал «миф крови», цель которого состояла в предоставлении ответа на заданный вопрос, причем ответ должен был соответствовать интересам «органического единства», т.е. «народа» (подробнее см.: [60]). Кроме того, некоторые утверждения в написанных И.А. Гатауллиной главах учебника «История» почти дословно повторяют отдельные места из текста «Мифа XX века» (см. соответственно [79. С. 21–22] и [7. С. 30, 42–43]; подробнее, с приведенными цитатами, см.: [64, 65]).

В своих публикациях на страницах татарстанских изданий славянский вариант арийско-гиперборейского мифа последовательно пропагандирует журналистка Галина Зайнуллина. Рассказывая, казалось бы, о далеких от «арийства» сюжетах, она, как бы «между делом» упоминает об арийцах, Гиперборее, Шамбале, «гондванической расе» или подводит своего респондента под нужные ей выводы [80–84]. Следует признать, что истинный смысл этих вставок и полунамеков понятен только «посвященным», а также ученым, исследующим арийский миф. Для большинства же читателей, и скорее всего, редакторов изданий, в которых печатается Г. Зайнуллина, эти пассажи кажутся странноватыми, но безобидными историко-эзотерическими отступлениями.

Более массовому распространению арийского мифа, на мой взгляд, может способствовать широкая популяризация творчества казанского художника Константина Васильева (1942–1976). В.А. Шнирельман отмечал связь сюжетов его картин с арийским мифом и русским неоязычеством [3. Т. 1. С. 278, 300; Т. 2. С. 72]. Творчество этого художника пользуется популярностью у русских православных националистов (несмотря на наличие у К. Васильева картины «Илья Муромец побеждает христианскую чуму») и родноверов.

В 2013 г. в Казани на местном «Арбате» (пешеходной улице Баумана – самой привлекательной для туристов) открылся Музей Константина Васильева. До этого Галерея художника располагалась в одном из «спальных» районов города. Музей строился под патронатом мэра Казани и комитета земельных и имущественных отношений [85]. В фойе посетитель может приобрести как православную, так и языческую литературу. В неформальном разговоре с экскурсоводом мне удалось выяснить, что музей пользуется популярностью у русских неоязычников. По его словам, музей специально посещала директор томского Первого музея славянской мифологии Ольга Павлова (подробнее об этом музее см.: [86]). Среди отзывов посетителей о Музее Константина Васильева встречаются следующие (орфография и стилистика сохранены): «*Нет правда, откуда у Васильева такое чувство русской души, какой мифологией созданы сюжеты этих картин. Они древние и языческие, идущие от природы… они для меня, как иконы и на них надо просто смотреть и думать о хорошем*» [87]; «*место достаточно маргинальное – альтернативная история, арии и прочая фоменковщина*» [88]; «*В казанском музее вы сможете понять, что именно в таких художниках и картинах жива наша великая Русь*» [89].

Проанализированный материал позволяет сформулировать ряд выводов о специфике распространения арийского мифа в Татарстане.

Связанное с мотивами «истоков» и «прародины» «арийство» обнаруживается во всех более или менее массовых национализмах региона – татарском, булгарском, кряшенском и русском. Арийский миф пропагандируют не только историки-дилетанты (Ф.Г-Х. Нуруддинов, М.З. Закиев, Р.С. Хакимов, Г. Зайнуллина, В.М. Ланцов В.М. и К.М. Зиятдинов), но и «остепененные» профессионалы (З.З. Мифтахов, М.С. Глухов, И.А. Гатауллина). Заинтересовавшиеся арийским мифом историки защищали свои кандидатские и докторские диссертации по истории XX в., более того, их с полным основанием можно назвать бывшими коммунистическими идеологами. Скорее всего, обращение в 1990–2000-е гг. к древней истории было связано с осознанием изменений идеологических потребностей правящей (как федеральной, так и региональной) элиты. Кроме этого, нельзя не учитывать особенности социализации самих авторов, выросших в специфических условиях деревни или городского двора и, безусловно, впитавших определенные иррациональные мировозренческие («жизненные») постулаты и модели поведения. После официальной инициации в форме обучения, например, в классическом университете [90], защиты диссертаций по узкоспециальным темам, получения ученых степеней и соответствующего статуса, они позволяли себе делиться с окружающими тем «сокровенным», что якобы находится вне пределов понимания «официальной науки». Можно говорить об определенном двоемыслии, когда в сознании уживаются и ученый, и обыватель со своей «житейской мудростью».

Построения татарстанских апологетов «арийского мифа» направлены, по моему мнению, не столько на завоевание «умов масс», сколько на привлечение внимания высокопоставленных чиновников, которые потенциально могли бы выступать в качестве «патрона» (вспомним дискуссии между «булгаристами» и

«татаристами», а также пристальное внимание И.А. Гатауллиной к изменениям политической конъюнктуры). Прагматическая цель в представлении авторов, видимо, оправдывает осознаваемые ими фантастичность и непрофессионализм своих исторических конструкций. Если последние станут частью идеологического дискурса, то академическая критика станет «не страшна», да и тех, кто рискнет деконструировать миф, найдется не слишком много. Специфика (со)организации российского, особенно регионального, научного сообщества может сделать вполне реальной академическую легализацию арийского мифа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Низамитдинзода Х. Год со свастикой? 2006 год в Таджикистане объявлен Годом арийской культуры. 14.02.2006 // ЦентАЗИЯ. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1139908440 (дата обращения: 1.09.2016).
2. Повелитель арийцев. Чем обернулся культ личности в Таджикистане. 5.05.2016 // STAN RADAR. URL: http://www.stanradar.com/news/full/20679-povelitel-arijtsev-chem-obernulsja-kult-lichnosti-v-tadzhikistane.html (дата обращения: 1.09.2016).
3. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М. : Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1–2. 536 с.
4. Жарчинская К.А. Славяно-арийский миф в историческом сознании российских традиционалистов : дис … канд. ист. наук. Томск, 2015. 151 с.
5. История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков: под ред. А.Н. Сахарова. М. : АСТ, 2016. 1744 с.
6. Юрьев А.И. История Отечественной культуры : учеб. пособие. М. : Русское поле, 2015. 208 с.
7. История : учеб. / под ред. Д.К. Сабировой и И.А. Гатауллиной / общ. ред. Д.К. Сабировой. М. : Кнорус, 2014. 325 с.
8. Фаттахов Ф.Ш. Прототюрки: географические представления, боги и язык. Казань : Казан. ун-т, 2013. 440 с.
9. Хайруллин М.Б. (доктор филологических наук, профессор). Пути решения назревших проблем // Фаттахов Ф.Ш. Прототюрки: географические представления, боги и язык. Казань : Казан. ун-т, 2013. С. 5–8.
10. Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М. : ИНСАН, 2003. 496 с.
11. Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX в. // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 137–159.
12. Габдурахманов Х.Г., Сибгатуллин Р.Г. Заявление Казанского Меджлиса булгарской общины (Казань, 20 августа 1992 г.) // Нурутдинов Ф. Булгарский вопрос. Оренбург : Редакция Вестника «Булгария», 1993. С. 55–62.
13. Нурутдинов Ф.Г-Х. Спасите булгар от дискриминации (И.о. Президента РФ г-ну В.В. Путину) // Звезда Поволжья. № 8(11). 2–6 марта 2000 г. С. 2.
14. Открытое письмо // Звезда Поволжья. № 9 (113). 7–13 марта 2002. С. 3.
15. Закиев М.З. История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие). М. : ИНСАН, 2008. 560 с.
16. Фаттах Н. Язык богов и фараонов. Казань : Татар. книж. изд-во, 1999. 488 с.
17. Фаттах Н. Древние языки мира в сопоставлении с татарским (историко-лингвистическое исследование). Казань : Идель-Пресс, 2008. 616 с.
18. Шамилоглу Ю. «Джагфар тарихы». Как изобреталось булгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и национальные истории: материалы Круглого стола 17 сентября 2007 г. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2007. С. 35–39.
19. Нурутдинов Ф.Г.-Х. Булгары и мировая цивилизация // Бахши Иман. Джагфар Тарихи (История Джагфара). Т. 1. Оренбург : КОПФ «Оренбург-пресс-контакт» ; Редакция вестника «Булгария», 1993. С. 324–347.
20. Скурлатова О. Загадки «Велесовой книги» // Техника молодежи. 1979. № 12. С. 55–59.
21. Щербаков В. Тропой Трояновой // Дорогами тысячелетий : сб. ист. очерков и ст. / предисл. А. Смирнова. М. : Молодая гвардия, 1987. С. 161–202.
22. Скурлатов В.И. След светоносных // Тайны веков / под ред. В. Суханова. М. : Молодая гвардия, 1977. Кн. 1. С. 331.
23. Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России (Серия «Диалог»). М. : Изд-во ББИ, 2012. xiv+302 с.
24. Скурлатов В.И. Этнический вулкан // Дорогами тысячелетий / под ред. А. Смирнова. М. : Молодая Гвардия, 1987. Кн. 1. С. 203–224.
25. Щербаков В.И. Все об Атлантиде. М. : Общество по изучению тайн и загадок Земли. Ларге, 1990. 224 с.
26. Щербаков В.И. Асгард – город богов. М. : Молодая гвардия, 1991. 254 с.
27. Нурутдинов Ф.Г.-Х. Родиноведение (Методологическое пособие по истории Татарстана) / ред. Ф.В. Салихова. Казань : Татар. газет.-журн. изд-во, 1995. 232 с.
28. Нурутдинов Ф.Г. Мы – булгары // Официальный сайт газеты «Дуэль». 27.01.1998. № 2(49). URL: http://www.duel.ru/199802/?2_4_1 (дата обращения: 15.06.2016).
29. Нурутдинов Ф.Г.-Х. Болгар тарихи. Казань : РИЦ, 2010. 284 с.
30. Мифтахов З.З. Эволюция социалистов-революционеров и тактика большевиков по отношению к эсеровской партии в период первой русской революции : дис. … канд. ист. наук. Казань, 1968. 241 л.
31. Мифтахов З.З., Мулюков М.А. Борьба коммунистов Татарии за укрепление диктатуры пролетариата в первые годы советской власти: (Из опыта работы коммунистов в системе судебно-следственных учреждений). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980. 216 с.
32. Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа. Казань: Казан. гос. пед. ун-т, 1998. 488 с.
33. Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.) / под общ. ред. А.Н. Хузиахметова. Казань : Казан. гос. пед. ун-т, 2002. 551 с.
34. «Булгары-АРИИ» // Группа в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/topic-41300658_27241362 (дата обращения: 15.08.2016).
35. Бочкарев В. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар. Т. I: Народы степной Евразии в древности / гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов ; науч. ред. С. Кляшторный ; отв. секретарь: И. Загидуллин ; ред.: Б. Хамидуллин. Казань : Рухият, 2002. С. 46–68.
36. Кляшторный С.Г. Страна ариев // История татар. Т. I: Народы степной Евразии в древности / гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов ; науч. ред. С. Кляшторный ; отв. секретарь: И. Загидуллин ; ред.: Б. Хамидуллин. Казань : Рухият, 2002. С. 69–76.
37. История татар. Т. I: Народы степной Евразии в древности / гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов ; науч. ред. С. Кляшторный ; отв. секретарь: И. Загидуллин ; ред.: Б. Хамидуллин. Казань : Рухият, 2002. 552 с.
38. Хакимов Р.С. История татар: взгляд из XXI в. // История татар. Т. I: Народы степной Евразии в древности / гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов ; науч. ред. С. Кляшторный ; отв. секретарь: И. Загидуллин ; ред.: Б. Хамидуллин. Казань : Рухият, 2002. С. 3–11.
39. Ланцов В.М., Зиятдинов К.М. Очерк о развитии цивилизации славян, казанских татар и других арийцев. Казань : Новое знание, 2006. 76 с.
40. Ахметов Р.Р. От Атиллы до президента // Звезда Поволжья. № 45. 3–9 декабря 2009 г. С. 2.
41. Ахметов Р.Р. Дом Толстого (продолжение) // Звезда Поволжья. № 45(773). 17–23 декабря 2015 г. С. 1–2.
42. Единство татарской нации : материалы науч. конф. АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации» (Казань, 7–8 июня 2002 г.) / редкол.: Хасанов М.Х. и др. ; АН РТ. Казань : Фэн, 2002. 317 с.

43. Глухов М.С. Роль партийно-советской печати в развитии татарской культуры: 1917 – начало 30-х гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 1974. 21 с.
44. Глухов М.С. Судьба гвардейцев Сеюмбеки: Неформальный подход к еще неписанным страницам истории. Казань : Ватан, 1993. 287 с.
45. Глухов М.С. Начала христианства среди кряшен и современные проблемы совершенствования их религиозно-нравственного состояния // Кряшенская духовная миссия. URL: http://missiakryashen.ru/today/documents/conference-2000/glukhov/ (дата обращения: 26.10.2016).
46. Максимова В. Аркаим (на тат. языке). 28.08.2009 // Сетевой этнокультурный проект кряшенского народа «Кряшен.Ru». URL: http://www.kryashen.ru/rus.php?nrus=article_text&id=433 (дата обращения: 26.10.2016).
47. Кореняко В.А., Кузьминых С.В. Наука и паранаука в современной отечественной археологии (по следам обсуждения «проблемы Аркаима») // Российская археология. 2007. № 2. С. 173–191.
48. Петров Ф.Н. Поселение Аркаим в научной и научно-популярной литературе // Российская археология. 2015. № 2. С. 167–176.
49. Шишкин Ю. Аркаим – земля святая, денежная // Личный сайт академика РАН В.А. Тишкова. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/horoshie_t1/yushishkin.html (дата обращения: 1.09.2016).
50. Шнирельман В.А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133–167.
51. Ирина Алексеевна Гатауллина (интервью газете «Семерочка». № 82. 2011 г.) // КАИ – Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева; кафедра истории и связей с общественностью. URL: http://history.kai.ru/group/gataullina/ (дата обращения: 1.09.2016).
52. Апайчева И.А. Деятельность партийных организаций средневолжских автономий по развитию экономического сотрудничества (20-е – 30-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990. 257 л.
53. Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность: (на материалах Республики Татарстан, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей) : дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2009. 565 л.
54. Гатауллина-Апайчева И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2007. 430 с.
55. Гатауллина И.А. Современный кризис и проблема межкультурной коммуникации // Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий : материалы междунар. науч.-практ. конф. 16–17 ноября 2000 г. Казань : Арт-кафе, 2001. С. 27–29.
56. Сэджвик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века / пер. с англ. М. Маршака (1–5 главы) и А. Лазарева ; науч. ред. Б. Фаликова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 536 с.
57. Антоненко С. Идеология традиционализма в России // Интернет-журнал «Новая политика». URL: http://novopol.ru/ideologiya-traditsionalizma-v-rossii-text78.html (дата обращения: 1.09.2016).
58. Гатауллина И.А. Протоистория славян как проблема самоидентификации российского общества // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 ноября 2013 г. Прага: Vědeckovydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 6–12.
59. Абашева М.П., Криницына О.П. Проблематика национальной идентичности в славянском фэнтези // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 7–10.
60. Шнирельман В.А. «Светлые арийцы» и «посланцы темных сил»: заметки об особенностях современной антисемитской и расистской пропаганды // Библиотека «m.litread.net». URL: http://m.litread.me/read/443040/400000-401000?page=12 (дата обращения: 1.09.2016).
61. Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М. : Новое литературное обозрение, 2011. Т. II. 856 с.
62. О русском неоязычестве. URL: http://www.dvpt.ru/?page=analytics019 (дата обращения: 1.09.2016).
63. В Королёве суд признал экстремистскими журналы и газеты. 24.10.2012 // Информационно-аналитический центр «Сова». URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2010/12/d20618/ (дата обращения: 1.09.2016).
64. Овчинников А.В. Арийское дело профессора Гатауллиной (часть 1). 19.11.2015 // Агентство политических новостей. URL: http://www.apn.ru/publications/article34350.htm; http://rusfed24.ru/2015/11/19/ariyskoe-delo-professora-gataullinoy-chast-i/ (дата обращения: 1.09.2016).
65. Овчинников А.В. Арийское дело профессора Гатауллиной (часть 2). 12.12.2015 // Агентство политических новостей; Русский федералист. URL: http://www.apn.ru/publications/article34441.htm (дата обращения: 1.09.2016).
66. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / отв. ред. Л.П. Репина ; Ин-т всеобщ. истории РАН. М. : Наука, 2007. С. 252–257 («Расистская версия теории цивилизаций. А. Гобино»).
67. Шнирельман В.А. «Цепной пес расы»: диванная расология как защитница «белого человека». 3.10.2007 // Информационно-аналитический центр «Сова». URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2007/10/d11692/ (дата обращения: 1.09.2016).
68. Ларюэль М. Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям : сб. ст. / сост.: А. Верховский. М. : Сова, 2005. С. 226–253.
69. Гриффин Р. Фашизм // ПОЛИС. 2012. № 3. С. 141–150.
70. Асеев О.В. Язычество в современной России: социальный и этнополитический аспекты : дис. … канд. филос. наук. М., 1999. 123 с.
71. Гайдуков А.В. Идеология и практика славянского неоязычества : дис. … канд. филос. наук. СПб., 2000. 164 с.
72. Кавыкин О.И. Родноверы. Самоидентификация неоязычников в современной России. М. : Институт Африки РАН, 2007. 232 с.
73. Пушная М.Л. Методы исследования региональных субкультур на примере неоязычества // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 59–61.
74. Гиперборейский скандал 2015 в Татарстане // Интернет-портал «Все о Гиперборее». URL: http://www.yperboreia.org/arc.asp (дата обращения: 1.09.2016).
75. Гатауллина И.А. Гиперборейский миф: проблема «исторического истока», его коннотации и интерпретации в сфере современной науки // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики : материалы междунар. науч. конф. / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М. : Аквилон, 2016. С. 93–96.
76. Видаль-Наке П. Атлантида: краткая история платоновского мифа / пер. с фр., подстроч. примеч. А. Лазарева ; ст. Ю. Литвиненко ; послесл. М. Маяцкого ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 208 с.
77. Литвиненко Ю.Н. «Русская атлантида». К истории одного платоновского мифа // Видаль-Наке. П. Атлантида: краткая история платоновского мифа. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 172–204.
78. Шнирельман В.А. Гиперборея – между политикой, эзотерикой и искусством // Культурологические записки. 2012. Вып. 13. С. 285–322.
79. Розенберг А. Миф XX в. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллин : Shildex, 1998. 527 с.
80. Зайнуллина Г. Из города К. в город В… // Звезда Поволжья. № 12 (116). 28 марта – 3 апреля 2002. С. 4.
81. Зайнуллина Г. Татарстан – сфинкс? // Звезда Поволжья. № 13 (117). 4–10 апреля 2002 г. С. 4.
82. Зайнуллина Г. Вектор до конца // Звезда Поволжья. № 17 (121). 8–15 мая 202 г. С. 4.
83. Зайнуллина Г. Стыд и страх // Звезда Поволжья. № 25 (129). 11–17 июня 2002 г. С. 4.
84. Генетический портрет: как дивный призрак прошлых лет… (Интервью О.А. Кравцовой Г. Зайнуллиной) // Идель. 2007. № 4. С. 60–64.
85. Мамаева Т. Константин Васильев и Казань: ребрендинг территории. 26.06.2013 // БИЗНЕС Online. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/82671 (дата обращения: 1.09.2016).

86. Жарчинская К.А. Арийская идея и гиперборейский миф в современной отечественной культуре. Опыт исследования исторической памяти посетителей музея славянской мифологии в Томске // История мировых цивилизаций: этнонациональные проблемы и пути их решения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Красноярск, 27 ноября 2009 г. / отв. ред. Д.В. Григорьев ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2009. С. 224–237.
87. «Откуда у парня “испанская” грусть» (отзыв от 16.02.2016) // Музей Константина Васильева. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298520-d5521272-Reviews-or30-Konstantin_Vasilyev_s_Museum-Kazan_Republic_of_Tatarstan_Volga_District.html#REVIEWS (дата обращения: 1.09.2016).
88. «Теперь в центре города» (отзыв от 11.11.2015) // Музей Константина Васильева. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298520-d5521272-Reviews-or40-Konstantin_Vasilyev_s_Museum-Kazan_Republic_of_Tatarstan_Volga_District.html#REVIEWS (дата обращения: 1.09.2016).
89. «Это Русь» (отзыв от 11.07.2015) // Музей Константина Васильева. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298520-d5521272-Reviews-or50-Konstantin_Vasilyev_s_Museum-Kazan_Republic_of_Tatarstan_Volga_District.html#REVIEWS (дата обращения: 1.09.2016).
90. Овчинников А.В. Классический университет в современной России: «эгоистичные интеллектуалы и коллективистские идеологии…» // Классический университет: история и современность : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посв. 85-летию Удмуртского государственного университета; Ижевск, 3–4 февраля 2016 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2016. С. 98–108.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 декабря 2016 г.

THE ARYAN MYTH IN THE NATIONALISMS OF MODERN TATARSTAN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 86–101.
DOI: 10.17223/15617793/415/12

Aleksandr V. Ovchinnikov, Institute for Social and Human Knowledge (Kazan, Russian Federation). E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Keywords: Aryan myth; Bulgars; Tatars; Kryashens; nationalism; Hyperborea; neo-paganism.

The features of the functioning of the Aryan myth in the nationalisms of the Republic of Tatarstan, the subject of Russian Federation, are analyzed. The spread of this myth in the post-Soviet space is ascertained. According to the author, this problem is insufficiently studied on the materials of Tatarstan. In solving the research problem, an appeal to the Aryan myth by representatives of the Bulgarian, Tatar, Kryashen and Russian nationalisms has been identified. As part of “Bulgarism” the Aryan myth is used by M. Z. Zakiev, F.G.-Kh. Nurutdinov and others to overcome the autochthonism of the Volga Bulgars (one of the ancestors of the Kazan Tatars) and to search for prestigious ancestors and large government entities of Eurasia in the Antiquity and the Middle Ages. The author hypothesized that the “Bulgarists” borrowed the basic elements of the myth from Russian neo-pagans nationalists and “processed” them. “Aryanism” in the Tatar nationalism can be a potential alternative or complement to the myth of the Golden Horde, but up to the present it was not widely actualized in this discourse (R.S. Khakimov, V.M. Lantsov, K.M. Ziatdinov and others). Kryashen historians and publicists (M.S. Glukhov, V.A. Maksimov) used the Aryan myth to justify the fact that the Kryashens was an ancient independent people with a non-tatar ethnogenesis. The Russian version of the Aryan myth in research works, journalism and museum exhibitions of Tatarstan is unexpectedly broadly presented. The academic apologist of the Aryan myth and Hyperborea is Doctor of Historical Sciences, Professor Irina A. Gataullina. Arguing in the framework of traditionalism, the former communist ideologist retells the myths of contemporary Russian neo-pagans in her articles, and reproduces them in the textbook *History* (Kazan, 2014) intended for students. The textbook also describes ancient aircrafts, on which the Atlanteans and the Hyperboreans allegedly made intercontinental flights; views of racists J.A. Gobineau, G. Wirth, R. Guenon and othes; polycentricity close to polygenism – the idea of human races as different biological species, Slavs as “defenders of Troy”, etc. In Tatarstan, the Aryan myth is also promoted in articles and interviews of the journalist G. Zaynullina. In the author’s opinion, a wide popularization of the artist K. Vasiliev, whose museum was opened in the most lively and attractive for a tourists street in the center of Kazan, can contribute to a more massive expansion of the Aryan myth. The author made a conclusion about the use of the Aryan myth as a tool in the nationalisms of modern Tatarstan. It is interesting for amateur and professional historians. The latter defended their theses (often in the Soviet period) on the problems of the history of the 20th century, and appealed to ancient times, including the Aryan myth in the 1990s and the 2000s. The danger of actualization of the Aryan myth from the referred sources in Russian political discourse is stated.

REFERENCES

1. Nizamitdinzoda, Kh. (2006) God so svastikoy? 2006 god v Tadzhikistane ob”yavlen Godom ariyskoy kul’tury [Year with a swastika? Tajikistan declared 2006 the Year of Aryan culture]. *TsentAZIYa*. 14 February [Online] Available from: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1139908440. (Accessed: 1 September 2016).
2. STAN RADAR. (2016) Povelitel’ ariytsev. Chem obernulsya kul’t lichnosti v Tadzhikistane [Lord of Aryans. What the cult of personality in Tajikistan came to be]. *STAN RADAR*. 5 May. [Online] Available from: http://www.stanradar.com/ news/full/20679-povelitel-arijtsev-chem-obernulsja-kult-lichnosti-v-tadzhikistane.html. (Accessed: 1 September 2016).
3. Shnirel’man, V.A. (2015) *Ariyskiy mif v sovremennom mire* [The Aryan myth in the modern world]. Vols 1–2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Zharchinskaya, K.A. (2015) *Slavyano-ariyskiy mif v istoricheskom soznanii rossiyskikh traditsionalistov* [Slavic-Aryan myth in the historical consciousness of Russian traditionalists]. History Cand. Diss. Tomsk.
5. Sakharov, A.N. (ed.) (2016) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Russia from ancient times to the present day]. Moscow: AST.
6. Yur’ev, A.I. (2015) *Istoriya Otechestvennoy kul’tury* [History of Russian Culture]. Moscow: Russkoe pole.
7. Sabirova, D.K. (ed.) (2014) *Istoriya* [History]. Moscow: Knorus.
8. Fattakhov, F.Sh. (2013) *Prototyurki: geograficheskie predstavleniya, bogi i yazyk* [Proto-Turks: geographic representation, gods and language]. Kazan: Kazan State University.
9. Khayrullin, M.B. (2013) Puti resheniya nazrevshikh problem [Ways of solving the urgent problems]. In: Fattakhov, F.Sh. *Prototyurki: geograficheskie predstavleniya, bogi i yazyk* [Proto-Turks: geographic representation, gods and language]. Kazan: Kazan State University.
10. Zakiev, M.Z. (2003) *Proiskhozhdenie tyurkov i tatar* [The origin of the Turks and the Tatars]. Moscow: INSAN.

11. Shnirel'man, V.A. (1998) Ot konfessional'nogo k etnicheskomu: bulgarskaya ideya v natsional'nom samosoznanii kazanskikh tatar v XX v. [From the confessional to the ethnic: Bulgar idea in the national consciousness of the Kazan Tatars in the 20th century]. *Vestnik Evrazii*. 1–2. pp. 137–159.
12. Gabdurakhmanov, Kh.G. & Sibgatullin, R.G. (1993) Zayavlenie Kazanskogo Medzhlisa bulgarskoy obshchiny (Kazan', 20 avgusta 1992 g.) [Statement of Kazan Majlis of the Bulgarian community (Kazan, August 20, 1992)]. In: Nurutdinov, F. *Bulgarskiy vopros* [Bulgarian issue]. Orenburg: Redaktsiya Vestnika "Bulgariya".
13. Nurutdinov, F.G-Kh. (2000) Spasite bulgar ot diskriminatsii (I.o. Prezidenta RF g-nu V.V. Putinu) [Save the Bulgars from discrimination (to Acting President of the Russian Federation Mr. Putin)]. *Zvezda Povolzh'ya*. 8(11). 2–6 March. pp. 2.
14. Zvezda Povolzh'ya. (2002) Otkrytoe pis'mo [Open letter]. *Zvezda Povolzh'ya*. 9 (113). 7–13 March. pp. 3.
15. Zakiev, M.Z. (2008) *Istoriya tatarskogo naroda (Etnicheskie korni, formirovanie i razvitie)* [The history of the Tatar people (ethnic origins, formation and development)]. Moscow: INSAN.
16. Fattakh, N. (1999) *Yazyk bogov i faraonov* [Language of gods and pharaohs]. Kazan: Tat. knizh. izd-vo.
17. Fattakh, N. (2008) *Drevnie yazyki mira v sopostavlenii s tatarskim (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie)* [Ancient languages of the world in relation to Tatar (historical and linguistic research)]. Kazan: Idel'-Press.
18. Shamiloglu, Yu. (2007) ["Djagfar History". How the Bulgarian self-consciousness was invented]. *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i natsional'nye istorii* [Falsification of historical sources and national histories]. Proceedings of the Round Table. 17 September 2007. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS. pp. 35–39. (In Russian).
19. Nurutdinov, F.G.-Kh. (1993) Bulgary i mirovaya tsivilizatsiya [The Bulgars and world civilization]. In: Bakhshi, I. *Dzhagfar Tarikhi (Istoriya Dzhagfara)* [History of Djagfar]. Vol. 1. Orenburg: KOPF "Orenburg-press-kontakt"; Redaktsiya vestnika "Bulgariya".
20. Skurlatova, O. (1979) Zagadki "Velesovoy knigi" [Riddles of the Veles Book]. *Tekhnika molodezhi*. 12. pp. 55–59.
21. Shcherbakov, V. (1987) Tropoy Troyanovoy [Along the Troyan Trail]. In: Smirnov, A. (ed.) *Dorogami tysyacheletiy* [Roads of millennia]. Moscow: Molodaya gvardiya.
22. Skurlatov, V.I. (1977) "Sled svetonosnykh" ["Light of the luminous"]. In: Sukhanov, V. (ed.) *Tayny vekov* [Mysteries of centuries]. Vol. 1. Moscow: Molodaya gvardiya.
23. Shnirel'man, V.A. (2012) *Russkoe rodnoverie: neoyazychestvo i natsionalizm v sovremennoy Rossii* [Russian Rodnoverye: nationalism and neopaganism in modern Russia]. Dialog Series. Moscow: Izd-vo BBI.
24. Skurlatov, V.I. (1987) Etnicheskiy vulkan [Ethnic volcano]. In: Smirnov, A. (ed.) *Dorogami tysyacheletiy* [Roads of millennia]. Vol. 1. Moscow: Molodaya gvardiya.
25. Shcherbakov, V.I. (1990) *Vse ob Atlantide* [All about Atlantis]. Moscow: Obshchestvo po izucheniyu tayn i zagadok Zemli.
26. Shcherbakov, V.I. (1991) *Asgard – gorod bogov* [Asgard – the city of the gods]. Moscow: Molodaya gvardiya.
27. Nurutdinov, F.G.-Kh. (1995) *Rodinovedenie* [Homeland studies]. Kazan: Tat. gazet.-zhurnal. izd-vo.
28. Nurutdinov, F.G.-Kh. (1998) My – bulgary [We are the Bulgars]. *Duel'*. 27 January. 2(49). [Online] Available from: http://www.duel.ru/199802/?2_4_1. (Accessed: 15 June 2016).
29. Nurutdinov, F.G.-Kh. (2010) *Bolgar tarikhi* [History of the Bulgars]. Kazan: RITs.
30. Miftakhov, Z.Z. (1968) *Evolyutsiya sotsialistov-revolyutsionerov i taktika bol'shevikov po otnosheniyu k eserovskoy partii v period pervoy russkoy revolyutsii* [Evolution of the Socialist-Revolutionaries and the Bolshevik tactics in relation to the Social Revolutionary Party during the first Russian revolution]. History Cand. Diss. Kazan.
31. Miftakhov, Z.Z. & Mulyukov, M.A. (1980) *Bor'ba kommunistov Tatarii za ukreplenie diktatury proletariata v pervye gody sovetskoy vlasti: (Iz opyta raboty kommunistov v sisteme sudebno-sledstvennykh uchrezhdeniy)* [Fight of Tatarstan communists for the strengthening of the dictatorship of the proletariat in the first years of Soviet power: (From experience of communists' work in law enforcement agencies)]. Kazan: Kazan State University.
32. Miftakhov, Z.Z. (1998) *Kurs lektsiy po istorii tatarskogo naroda* [A course of lectures on the history of the Tatar people]. Kazan: Kazan State Pedagogical University.
33. Miftakhov, Z.Z. (2002) *Kurs lektsiy po istorii tatarskogo naroda (1225–1552 gg.)* [A course of lectures on the history of the Tatar people (1225–1552)]. Kazan: Kazan State Pedagogical University.
34. VKontakte. (n.d.) *Bulgary-ARII*. A VK Group. [Online] Available from: https://vk.com/topic-41300658_27241362. (Accessed: 15 August 2016).
35. Bochkarev, V. (2002) Volgo-Ural'skiy region v epokhu bronzy [Volga-Ural region in the Bronze Age]. In: Usmanov, M. & Khakimov, R. (eds) *Istoriya tatar* [History of the Tatars]. Vol. I. Kazan: Rukhiyat.
36. Klyashtornyy, S.G. (2002) Strana ariev [Land of the Aryans]. In: Usmanov, M. & Khakimov, R. (eds) *Istoriya tatar* [History of the Tatars]. Vol. I. Kazan: Rukhiyat.
37. Usmanov, M. & Khakimov, R. (eds) (2002) *Istoriya tatar* [History of the Tatars]. Vol. I. Kazan: Rukhiyat.
38. Khakimov, R.S. (2002) Istoriya tatar: vzglyad iz XXI v. [The history of the Tatars: the view from the 21st century]. In: Usmanov, M. & Khakimov, R. (eds) *Istoriya tatar* [History of the Tatars]. Vol. I. Kazan: Rukhiyat.
39. Lantsov, V.M. & Ziyatdinov, K.M. (2006) *Ocherk o razvitii tsivilizatsii slavyan, kazanskikh tatar i drugikh ariytsev* [Essay on the development of civilization of the Slavs, the Kazan Tatars and other Aryans]. Kazan: Novoe znanie.
40. Akhmetov, R.R. (2009) Ot Atilly do prezidenta [From Attila to President]. *Zvezda Povolzh'ya*. 45. 3–9 December. pp. 2.
41. Akhmetov, R.R. (2015) Dom Tolstogo (prodolzhenie) [Tolstoy House (continued)]. *Zvezda Povolzh'ya*. 45(773). 17–23 December. pp. 1–2.
42. Khasanov, M.Kh. Et al. (eds) (2002) *Edinstvo tatarskoy natsii* [The unity of the Tatar nation]. Proceedings of the conference of the RT AST. Kazan. 7–8 June 2002. Kazan: Fen.
43. Glukhov, M.S. (1974) *Rol' partiyno-sovetskoy pechati v razvitii tatarskoy kul'tury: 1917 – nachalo 30-kh gg.* [The role of the party and the Soviet press in the development of Tatar culture: 1917 – the beginning of 1930s]. Abstract of History Cand. Diss. Kazan.
44. Glukhov, M.S. (1993) *Sud'ba gvardeytsev Seyumbeki: Neformal'nyy podkhod k eshche nepisannym stranitsam istorii* [The fate of Seyumbeki guards: The informal approach to still unwritten pages of history]. Kazan: Vatan.
45. Glukhov, M.S. (2000) *Nachala khristianstva sredi kryashen i sovremennye problemy sovershenstvovaniya ikh religiozno-nravstvennogo sostoyaniya* [Beginnings of Christianity among the Kryashens and modern problems of perfection of their religious and moral state]. [Online] Available from: http://missiakryashen.ru/today/documents/conference-2000/glukhov/. (Accessed: 26 October 2016).
46. Maksimova, V. (2008) Arkaim. *Kryashen.Ru*. 28 August. [Online] Available from: http://www.kryashen.ru/rus.php?nrus=article_text&id=433. (Accessed: 26 October 2016). (In Tatar).
47. Korenyako, V.A. & Kuz'minykh, S.V. (2007) Nauka i paranauka v sovremennoy otechestvennoy arkheologii (po sledam obsuzhdeniya "problemy Arkaima") [Science and parascience in modern domestic archeology (on the discussion "Arkaim problems")]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 173–191.
48. Petrov, F.N. (2015) Settlement Arkaim in scientific and popular literature. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 167–176. (In Russian).
49. Shishkin, Yu. (n.d.) *Arkaim – zemlya svyataya, denezhnaya* [Arkaim – a holy, rich land]. [Online] Available from: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/horoshie_t1/yushishkin.html. (Accessed: 1 September 2016).
50. Shnirel'man, V.A. (2011) Arkaim: arkheologiya, ezotericheskiy turizm i natsional'naya ideya [Arkaim: archeology, esoteric tourism and national idea]. *Antropologicheskiy forum*. 14. pp. 133–167.

51. Gataullina, I.A. (2011) Interview to Semerochka newspaper. 82. [Online] Available from: http://history.kai.ru/group/gataullina/. (Accessed: 1 September 2016). (In Russian).
52. Apaycheva, I.A. (1990) *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy srednevolzhskikh avtonomiy po razvitiyu ekonomicheskogo sotrudnichestva (20-e – 30-e gg.)* [Activity of the party organizations of the Middle Volga autonomies for the development of economic cooperation ('20s–30s)]. History Cand. Diss. Kazan.
53. Gataullina, I.A. (2009) *Srednee Povolzh'e v gody Novoy ekonomicheskoy politiki: sotsial'no-ekonomicheskie protsessy i povsednevnost': (na materialakh Respubliki Tatarstan, Ul'yanovskoy, Samarskoy, Saratovskoy oblastey)* [The Middle Volga region during the New Economic Policy: the socio-economic processes and everyday life (on the materials of the Republic of Tatarstan, Ulyanovsk, Samara, Saratov Oblasts)]. History Dr. Diss. Kazan.
54. Gataullina-Apaycheva, I.A. (2007) *Srednee Povolzh'e v gody novoy ekonomicheskoy politiki: sotsial'no-ekonomicheskie protsessy i povsednevnost'* [The Middle Volga region during the New Economic Policy: the socio-economic processes and everyday life]. Kazan: Kazan State University.
55. Gataullina, I.A. (2001) [The current crisis and the problem of cross-cultural communication]. *Islam i khristianstvo v dialoge kul'tur na rubezhe tysyacheletiy* [Islam and Christianity in the dialogue of cultures at the turn of the millennium]. Proceedings of the international conference. 16–17 November 2000. Kazan: Art-kafe. pp. 27–29. (In Russian).
56. Sedgwick, M. (2014) *Naperekor sovremennomu miru: Traditsionalizm i taynaya intellektual'naya istoriya XX veka* [Contrary to the modern world: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the twentieth century]. Translated from English by M. Marshak and A. Lazarev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
57. Antonenko, S. (2004) Ideologiya traditsionalizma v Rossii [Ideology of traditionalism in Russia]. *Novaya politika*. [Online] Available from: http://novopol.ru/ideologiya-traditsionalizma-v-rossii-text78.html. (Accessed: 1 September 2016).
58. Gataullina, I.A. (2013) [Protohistory of the Slavs as a problem of self-identification of the Russian society]. *Istoriya, yazyki i kul'tury slavyanskikh narodov: ot istokov k gryadushchemu* [History, languages and culture of the Slavic peoples: from the origins to the coming]. Proceedings of the II international. Conference. 25–26 November 2013. Prague: Vědeckovydavatelské centrum "Sociosféra-CZ". pp. 6–12. (In Russian).
59. Abasheva, M.P. & Krinitsyna, O.P. (2010) The problem of national identity in Slavonic fantasy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 332. pp. 7–10. (In Russian).
60. Shnirel'man, V.A. (n.d.) *"Svetlye ariytsy" i "poslantsy temnykh sil": zametki ob osobennostyakh sovremennoy antisemitskoy i rasistskoy propagandy* ["Light Aryans" and "messengers of the dark forces": notes about the features of the modern anti-Semitic and racist propaganda]. [Online] Available from: http://m.litread.me/read/443040/400000-401000?page=12. (Accessed: 1 September 2016).
61. Shnirel'man, V.A. (2011) *"Porog tolerantnosti": Ideologiya i praktika novogo rasizma* ["Threshold of tolerance": ideology and practice of the new racism]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
62. Dvpt.ru. (n.d.) *O russkom neoyazychestve* [Russian neo-paganism]. [Online] Available from: http://www.dvpt.ru/?page=analytics019. (Accessed: 1 September 2016).
63. Sova. (2012) V Koroleve sud priznal ekstremistskimi zhurnaly i gazety [Korolev court found magazines and newspapers extremist]. *Sova Information-Analytical Center*. 24 October. [Online] Available from: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2010/12/d20618/. (Accessed: 1 September 2016).
64. Ovchinnikov, A.V. (2015) Ariyskoe delo professora Gataullinoy (chast' 1) [The Aryan case of Professor Gataullina (Part 1)]. *Agentstvo politicheskikh novostey*. 19 November. [Online] Available from: http://www.apn.ru/publications/article34350.htm; http://rusfed24.ru/2015/11/19/ariyskoe-delo-professora-gataullinoy-chast-i/. (Accessed: 1 September 2016).
65. Ovchinnikov, A.V. (2015) Ariyskoe delo professora Gataullinoy (chast' 2) [The Aryan case of Professor Gataullina (Part 2)]. *Agentstvo politicheskikh novostey*.; *Russkiy federalist*. 12 December. [Online] Available from: http://www.apn.ru/publications/article34441.htm. (Accessed: 1 September 2016).
66. Ionov, I.N. (2007) *Tsivilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodeystviya* [Civilizational consciousness and historical knowledge: problems of interaction]. Moscow: Nauka.
67. Shnirel'man, V.A. (2007) "Tsepnoy pes rasy": divannaya rasologiya kak zashchitnitsa "belogo cheloveka" [The "chain dog of the race" sofa raceology as the defender of the "white man"]. *Sova Information-Analytical Center*. 3 October. [Online] Available from: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2007/10/d11692/. (Accessed: 1 September 2016).
68. Laruelle, M. (2005) Aleksandr Dugin, ideologicheskiy posrednik [Alexander Dugin, an ideological mediator]. In: Verkhovskiy, A. *Tsena nenavisti. Natsionalizm v Rossii i protivodeystvie rasistskim prestupleniyam* [Price of hatred. Nationalism in Russia and combating racist crimes]. Moscow: Sova.
69. Griffin, R. (2012) Fashizm [Fascism]. *POLIS*. 3. pp. 141–150.
70. Aseev, O.V. (1999) *Yazychestvo v sovremennoy Rossii: sotsial'nyy i etnopoliticheskiy aspekty* [Paganism in modern Russia: social and ethnopolitical aspects]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
71. Gaydukov, A.V. (2000) *Ideologiya i praktika slavyanskogo neoyazychestva* [The ideology and practice of Slavic neo-paganism]. Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
72. Kavykin, O.I. (2007) *Rodnovery. Samoidentifikatsiya neoyazychnikov v sovremennoy Rossii* [Rodnovers. Identity of neo-pagans in contemporary Russia]. Moscow: Institute for African Studies, RAS.
73. Pushnaya, M.L. (2007) Metody issledovaniya regional'nykh subkul'tur na primere neoyazychestva [Methods of research of regional subcultures by example of neo-paganism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 59–61.
74. Yperboreia.org. (2015) *Giperboreyskiy skandal 2015 v Tatarstane* [Hyperborean scandal of 2015 in Tatarstan]. [Online] Available from: http://www.yperboreia.org/arc.asp. (Accessed: 1 September 2016).
75. Gataullina, I.A. (2016) [Hyperborean myth: the problem of "historical source", its connotations and interpretations in the field of modern science]. *Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki* [History, memory, identity: theoretical foundations and research practice]. Proceedings of the international conference . Moscow: Akvilon. pp. 93–96. (In Russian).
76. Vidal-Naquet, P. (2012) *Atlantida: kratkaya istoriya platonovskogo mifa* [Atlantis: a brief history of the Platonic myth]. Translated from French by A. Lazarev. Moscow: Higher School of Economics.
77. Litvinenko, Yu.N. (2012) "Russkaya atlantida". K istorii odnogo platonovskogo mifa ["Russian Atlantis". On the history of the Platonic myth]. In: Vidal-Naquet, P. *Atlantida: kratkaya istoriya platonovskogo mifa* [Atlantis: a brief history of the Platonic myth]. Translated from French by A. Lazarev. Moscow: Higher School of Economics.
78. Shnirel'man, V.A. (2012) Giperboreya – mezhdu politikoy, ezoterikoy i iskusstvom [Hyperborea – between politics, spirituality and art]. *Kul'turologicheskie zapiski*. 13. pp. 285–322.
79. Rozenberg, A. (1998) *Mif XX v. Otsenka dukhovno-intellektual'noy bor'by figur nashego vremeni* [Myth of the 20th century. Evaluation of the spiritual and intellectual struggle of figures of our time]. Tallin: Shildex.
80. Zaynullina, G. (2002) Iz goroda K. v gorod V… [From city K to city V . . .]. *Zvezda Povolzh'ya*. 12 (116). 28 March – 3 April. pp. 4.
81. Zaynullina, G. (2002) Tatarstan – sfinks? [Is Tatarstan a Sphinx?]. *Zvezda Povolzh'ya*. 13 (117). 4–10 April. pp. 4.
82. Zaynullina, G. (2002) Vektor do kontsa [Vector to the end]. *Zvezda Povolzh'ya*. 17 (121). 8–15 May. pp. 4.
83. Zaynullina, G. (2002) Styd i strakh [Shame and fear]. *Zvezda Povolzh'ya*. 25 (129). 11–17 June. pp. 4.

84. Zaynullina, G. (2007) Geneticheskiy portret: kak divnyy prizrak proshlykh let… (Interv'yu O.A. Kravtsovoy) [Genetic portrait: like a wonderful ghost of the past years . . . (Interview of O.A. Kravtsova)]. Idel'. 4. pp. 60–64.
85. Mamaeva, T. (2013) Konstantin Vasil'ev i Kazan: rebrending territorii [Konstantin Vasiliev and Kazan: rebranding the territory]. *BIZNES Online*. 26 June. [Online] Available from: https://www.business-gazeta.ru/article/82671. (Accessed: 1 September 2016).
86. Zharchinskaya, K.A. (2009) [The Aryan idea and the Hyperborean myth in modern Russian culture. Previous studies of the historical memory of visitors to the Museum of Slavic Mythology in Tomsk]. *Istoriya mirovykh tsivilizatsiy: etnonatsional'nye problemy i puti ikh resheniya* [History of World Civilizations: ethno-national problems and their solutions]. Proceedings of the inter-regional conference. Krasnoyarsk. 27 November 2009. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 224–237. (In Russian).
87. Konstantin Vasiliev Museum. (2016) *"Otkuda u parnya "ispanskaya" grust'" (otzyv ot 16.02.2016)* ["Where does the guy have the Spanish "sadness" from?" (review of 16 February 2016)]. [Online] Available from: https://www.tripadvisor.ru/Attrac-tion_Review-g298520-d5521272-Reviews-or30-Konstantin_Vasilyev_s_Museum-Kazan_Republic_of_Tatarstan_Volga_District.html# REVIEWS. (Accessed: 1 September 2016).
88. Konstantin Vasiliev Museum. (2015) *"Teper' v tsentre goroda" (otzyv ot 11.11.2015)* ["Now in the heart of the city" (review of 11 November 2015)]. [Online] Available from: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298520-d5521272-Reviews-or40-Konstantin_Vasilyev_s_Museum-Kazan_Republic_of_Tatarstan_Volga_District.html#REVIEWS. (Accessed: 1 September 2016).
89. Konstantin Vasiliev Museum. (2015) *"Eto Rus'" (otzyv ot 11.07.2015)* ["This is Rus" (review of 11 July 2015)]. [Online] Available from: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298520-d5521272-Reviews-or50-Konstantin_Vasilyev_s_Museum-Kazan_Republic_of_Tatarstan_Volga_District.html#REVIEWS. (Accessed: 1 September 2016).
90. Ovchinnikov, A.V. (2016) [Classical university in modern Russia: "selfish intellectuals and collectivist ideologies"]. *Klassicheskiy universitet: istoriya i sovremennost'* [Classical university: history and modernity]. Proceedings of the conference on the 85th anniversary of Udmurt State University. Izhevsk. 3-4 February 2016. Izhevsk: Udmurt State University. pp. 98–108. (In Russian).

Received: 18 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 102–109. DOI: 10.17223/15617793/415/13

УДК 904.72(571.1)

Н.В. Перцев

АБОРИГЕННЫЕ «ГОРОДКИ» НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ XVI–XVII вв.: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И СООТНОШЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Рассматриваются ключевые вопросы, связанные с выявлением в письменных и картографических источниках XVI–XVIII вв. информации относительно месторасположения и истории возникновения специфического вида поселений, именуемых городками. Особое внимание уделяется критике источников и возможности их использования в рамках данной проблематики. При сопоставлении данных автор приходит к некоторым выводам о характере этого вида поселений, кроме того, затрагивается проблема соотнесения их с современными данными археологии. Разработанная в ходе исследования типология городков, основанная на специфике освещения их в источниках, позволит в дальнейшем перейти к более детальному рассмотрению данной темы, в том числе и на методологическом уровне. В ходе исследования автор пришел к важному выводу о возможности использования выбранного комплекса источников, в котором данные одного документа возможно перепроверить и даже распространить информацией других. Точность письменных и картографических источников позволяет надеяться на положительные результаты археологических изысканий в рамках данной темы.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь; «городки»; угорские княжества; письменные и археологические источники.

Невероятно информативным, но, к сожалению, крайне малоизученным типом памятников на территории севера Западной Сибири являются так называемые городки, появление которых произошло на исходе Средневековья, а функционирование совпало с периодом «Сибирского взятия». Исследования, проведенные на нескольких подобных объектах, позволили собрать уникальные коллекции и дали импульс к решению некоторых проблемных вопросов региона. Мерзлый культурный слой, хранящий обилие конструкций и предметов материальной культуры из органических материалов, дает возможность сопоставления вещественных и письменных источников, что позволяет перейти к системному анализу и создает из изучения городков настоящую базу для развития сибиреведения. Однако в настоящее время археологическому исследованию подверглись лишь единичные памятники, хотя письменные и картографические источники повествуют о десятках подобных объектов. Одной из проблем, находящихся в «фундаменте» сложившейся ситуации, является отсутствие обобщающих работ, связанных с выявлением и сопоставлением городков в различных источниках.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать источники о, по возможности, максимальном количестве городков, а также раскрыть некоторые методические приемы и поставить актуальные вопросы, решение которых будет важно для последующих исследований. Территориально ограничимся нижним течением Оби, включая местности, известные из источников как «Обдория», «Югра» и «Кода», что в современных границах соответствует Приобскими пространствам Приуральского и Шурышкарсткого районов ЯНАО, а также Березовского района ХМАО по причине их определенного культурного единства. В силу малого объема статьи мы не имеем возможности подробно описать городки, каждый из которых заслуживает отдельного исследования, ограничимся лишь полномерным сбором источников и построением типологии.

Проблема городков освещается в литературе с момента появления сибирской историографии и связана с трудами Г.Ф. Миллера, в которых не только описаны все упомянутые в Сибирских летописях селения, но и показано точное местоположение для части из них. Общеизвестно, что, участвуя во Второй Камчатской экспедиции (в том числе лично посещая Березов), Г.Ф. Миллер собрал внушительный комплекс разнообразных источников, включающий на только актовые документы и летописные сведения, но и опросники населения, как русского, так и аборигенного [1. С. 7–9]. Качество работы ученого подтверждается и его твердым намерением создать подробный географический атлас Западной Сибири. Некоторая интересная информация, касаемая не только городков, но и их развития в составе Российского государства, содержится в труде Н.А. Абрамова [2. С. 340, 388–395]. Археологические исследования привели к выявлению на исследуемой территории множества городищ, часть из которых интерпретируется как аборигенные «городки», упомянутые в источниках (Куноватское и Шурышкарское городища упоминаются уже с конца XIX в. в отчетах И.Я. Словцова [3. С.12]). Рассмотрению истории отдельных «городков» посвятил свой труд выдающийся исследователь Сибири С.В. Бахрушин.

В конце XX и в самом начале XXI в. всестороннему изучению подверглись Полуйское, Войкарское и Надымское городища [4. С. 39; 5. С. 289; 6. С. 17–21; 7. С. 190; 8. С. 206–213; 9], фигурирующие в илитературе как одноименные городки. Письменные источники о некоторых городках в Нижнем Приобье проанализированы Л.Р. Кызласовым [10. С. 52–54]. Подобная проблематика довольно хорошо освещена для памятников Сургутского Приобья, где на материалах знаменитого комплекса «Барсова гора» А.П. Зыковым некоторые позднесредневековые городища типа 1 были интерпретированы как возможные поселенческие структуры «Бардаковского княжества» [11. С. 107], а городище «Барсов городок I/31-32» – как возможная резиденция князя Бардака [Там же].

В коллективном труде «Очерки истории Коды» одна из глав посвящена обским городкам [12. С. 95–100], однако опора на крайне узкий круг источников (в основном ограниченный текстом «Книги Большому чертежу») вкупе с обусловленными основной темой

сжатыми территориальными рамками не позволила авторам развить проблематику. А.Г. Брусницына выделила шесть из известных нам по письменным источникам городков в Обдорском крае, уже зафиксированных в качестве археологических памятников [13. С. 38]. Группой археологов под руководством Г.П. Визгалова ведется поиск Ляпинского острога [14. С. 276]. Ряд городков фигурирует в сказаниях северных хантов [15. С. 117, 136, 151–154]. Некоторая информация об истории и современном состоянии поселений в северных районах ХМАО содержится в справочнике «История населенных пунктов Югры» [16].

Качественный анализ этой проблематики совершенно невозможен без данных лингвистики. Многие топонимы, расположенные на исследуемых территориях, сами по себе содержат указание на искомые объекты. Исследованию коми топонимики на территории севера Западной Сибири посвящены труды М.В. Морозова и С.Г. Пархимовича [17. С. 34; 18. С. 155–159]. Ряд городков в ключе проникновения коми населения в Западную Сибирь рассматривает Н.А. Повод [19. С. 32–36]. Без «городской проблематики» не обходятся и исследования, связанные с этнической историей коренных народов Северного Зауралья [20. С. 68–70]. Методологические проблемы, связанные со статусом интересующих нас укрепленных поселений, также разрабатываются в трудах современных исследователей [21. С. 143–144; 22. С. 172–174].

Вышеприведенный краткий историографический очерк ясно дает понять, что данная тема находится на подъеме и своей многогранностью представляется крайне актуальной для истории Сибири.

Первым по хронологии и, вероятно, наиболее важным по содержащейся в нем информации из рассматриваемых нами источников является «Книга большому чертежу» (далее – КБЧ), в которой не только отмечены все известные на момент создания документа «городки», но и обозначены их месторасположение и расстояние друг от друга. Большинством исследователей источник датируется временем правления царя Федора Ивановича (1584–1598) [23. Предисловие второго издателя. С.V]. Л. Багров определял создание первого списка периодом до 1599 г., так как на нем отмечены только города, расположенные на самой Оби или к западу от нее, в то время как города Туринск и Томск, основанные между 1599 и 1604 гг., не описываются [24. С. 209]. Второе издание появляется в 1627 г. [Там же. С.VI] и, по сути, представляет собой список обветшавшего Чертежа, из-за чего оно мало отличается по содержанию от первого. Таким образом, обращаясь к тексту «Книги», мы имеем возможность оперировать источником, синхронным по времени с изучаемыми объектами. Оговорим здесь некоторые проблемы, связанные с достоверностью и полнотой информации.

1. Очевидно, что перечисление населенных пунктов в Нижнем Приобье достоверно лишь для городков, непосредственно примыкавших к руслу Оби, по которой и шло описание, либо находились на устоявшихся к этому времени торговых маршрутах, что ярко иллюстрирует детально проработанный регион, названный в тексте КБЧ Югрой. В центре здесь рассматриваются поселения, расположенные на восточной части маршрута, образованного волоком Печора – Сев. Сосьва. Территории же, оставшиеся в стороне, фактически лишены четких границ, не говоря уже о точной локализации на ней поселенческих структур (для примера: описание пространства за Обью содержит лишь расстояние до р. Таз и перечисление народов, по ней проживающих [23. С. 211]). Такая позиция, между прочим, объясняет и отсутствие в списке поселений, появившихся к моменту написания второго издания. Вероятно, в таком случае, что и информация о некоторых городках, относящихся к рассматриваемой территории, но находящихся в стороне от основных магистралей, дана с некоторой условностью.

2. При вычислении расстояния следует помнить, что при составлении источника могли использоваться различные меры, о чем, кстати, иногда говорится в самом тексте.

Из комплекса делопроизводительных документов обращает на себя внимание жалованная грамота за 1586 г., данная русским царем Ляпинскому князю Лугую, после того как он лично приехал в Москву принимать подданство. Кроме разрешения выплаты ежегодного ясака «по семи сороков лучших соболей» на р. Вымь, в документе содержится список подчиненных Лугую городков (Куноват, Илчма, Ляпин, Мункос, Юил, Березов) [25].

Зауральская территория и ее богатство, равно как и поиск пути в восточные страны, с начала XVI в. начинает привлекать внимание европейцев к Московскому государству. Одним из первых иностранцев, в чьем труде содержалась информация об исследуемой территории, был С. Герберштейн, дважды (1516–1518, 1526–1527) находившийся на дипломатическом поприще при русском дворе. В 1549 г. в свет вышла книга «Записки о московских делах» [26. С. 99]. Сам посол, хорошо знавший русский язык и приводивший отрывки из русских летописей [Там же. С. 100], утверждал, что вся информация взята из предоставленного ему русского дорожника [27. С. 160]. По заключению А.И. Плигузова, основанному на анализе предоставленного маршрута, данный дорожник содержит описание более раннего новгородского пути (о чем, кстати, замечал и сам посол), а следовательно, отражает реалии XIV–XV вв. [28. С. 20]. Другим иностранцем, о котором следует упомянуть в ходе нашего исследования, является А. Марш, который был фактором английской торговой компании, нанимавшим русских торговых агентов и поручавшим им исследовать морской путь в р. Обь. Интересующая нас информация содержится в ответном письме русских агентов Маршу [29. С. 62–63].

К картографическим источникам, используемым в настоящей работе, относятся «Чертежи», составленные С.У. Ремезовым. Автор «Чертежной книги Сибири» (далее – ЧКС) во введении поясняет, что все чертежи составлены в результате «допросов» уроженцев различных земель, в том числе мезенцев, новгородцев, пелегжан и т.д. [30. Л. 1], а результаты исследования А.И. Андреева и Л.А. Гольденберг показали, что при составлении ЧКС кроме допросов С.У. Реме-

зов активно использовал прежние Сибирские чертежи и географические работы [31. С. 113; 32. С. 89–91]. Споры насчет подлинности источника были пресечены, хотя и были отмечены некоторые моменты, в том числе объяснение некоторых ошибок и неточной верстки чрезвычайной спешкой автора [32. С. 96–99].

«Хорографическая чертежная книга» (далее – ХЧК), по праву являющаяся первым русским атласом, по мнению В.Э. Булатова, была составлена в 1697 г. и дополнялась чертежами вплоть до 1711 г. [33. С. 10]. Для ее составления С.У. Ремезов использовал порядка 30 чертежей сибирских городов, «выписки из сметы острогам и городам» Тобольского уезда 1683–1684 гг., данные Тобольских писцовых книг 1680–1682 гг., результаты измерений расстояний между населенными пунктами, проведенных в 1683–1684 гг. Любимой Зайцевым, подъячим Андреем Завьяловым и Б. Черницыным [Там же. С. 17–18].

«Служебная чертежная книга» (далее – СЧК) включающая, в том числе, переписанные автором более ранние чертежи воеводы П.И. Годунова (Л. 31: Чертеж Древний всея Сибири Годуновский) и А.А. Виниуса (Л. 33: Чертеж Андрея Андреевича Виниуса) [24. С. 217–218], является более поздним изданием, в которое вошли копии несохранившихся чертежей, составляемых самим С.У. Ремезовым и его сыновьями с 80-х гг. XVII в. [32. С. 108–109]. Заметим, что подробное описание низовий Оби было невозможно для С.У. Ремезова, если бы он не прибегал к устным рассказам русских старожилов и аборигенов, что позволяет принять данные лишь условно. Признавая некоторую условность и учитывая ошибки, появившиеся, в том числе, и в силу отдаленности исследуемой территории от автора источников, мы все же заострим внимание на уникальности всех трех «Книг» и невозможности разработки данной темы без привлечения их данных.

Развитие Российского государства в начале XVIII в. и начавшаяся одновременно с этим массовая христианизация народов Сибири привели к появлению первых этнографических (в современном понимании) описаний аборигенов Обского севера. Одна из таких работ принадлежит Григорию Ильичу Новицкому, участвовавшему в походах миссионеров под руководством преосвященного Филофея, где Новицкий вел «записи», а в 1721 г. он же был назначен надзирателем за новокрещенными остяками Кондинской волости [34. С. 9]. Нами также используются этнографические данные современных исследователей [35].

Таким образом, созданная источниковедческая база, при критическом к ней подходе, позволяет всецело раскрыть объект нашего исследования.

Одним из нерешенных остается вопрос о функциональном назначении данного вида памятников. Описанная С.К. Патканов картина, при которой угорские «князья» управляли каждый своим городком и являлись своего рода военной элитой общества, была воспринята и ретранслирована будущими исследователями. В сжатом виде современное состояние этого тезиса таково: городки, будучи родовыми имениями угорской политической элиты, являлись центрами политий аборигенного населения севера Западной Сибири. Не говоря о том, что данное предположение в принципе не может однозначно рассматриваться, пока окончательно не будет решен вопрос о специфических чертах таких политий в период XV–XVI вв., заметим, что позднесредевековые поселенческие структуры невозможно рассматривать только с точки зрения их административного значения. Недавно в свет вышла совместная статья Е.М. Данченко и М.А. Грачева, в которой авторы призывают ко всестороннему рассмотрению данной проблематики. Это положение нам кажется большим шагом вперед, объект же настоящего исследования не подразумевает раскрытия данного аспекта; остановимся лишь на некоторых моментах, позволяющих усомниться в столичном статусе *всех* городков.

1. Источники повествуют о довольно большом количестве городков, в то время как нам известно всего несколько княжеств на данной территории. При условии, что был единый центр, возникает вопрос, какой из городков им являлся? Конечно, известия о «малых князьцах» и «лучших людях» позволяют представить следующую модель: каждый «князец» имеет свой городок и управляет им как своим родовым имением – все «князцы» подчинены «большому» князю, находящемуся в своем городке. Подобная ситуация, сравниваемая С.В. Бахрушиным с европейским феодализмом [36. С. 36], при условии малой изученности, и известная крайней степенью децентрализации в угорских княжествах (при наличии таковых), кажется как минимум не до конца обоснованной.

2. Единой столицы просто не могло существовать, ввиду специфики хозяйства коренного населения севера Западной Сибири. Как минимум ставок у князя должно быть две: летняя и зимняя. Теоретически приняв версию, что каждый «князец» имел свое родовое угодье, состоящее из собственно городка и юрт, на которых он обитал во время сезонного промысла, мы сталкиваемся с необходимостью уточнений (какому князю принадлежал городок, когда он в нем обитал, как использовал и т.д.).

3. В зависимости от расположения, населения, специфики исторической судьбы и т.д. городки могли иметь торговую (Ляпин, Носовой), ремесленную (Войкар), культовую (Шеркальский городок, Малый Атлым) и иную специфику.

4. Известны случаи смены резиденции после передачи власти внутри политии другому князю [20. С. 86], а следовательно, определенные «городки» не всегда (как минимум) являлись символами власти «больших князей».

5. Не совсем ясно то значение, которое предавалось слову «городок» в русских источниках. Нам кажется уместным на данной стадии исследования предположить, что так именовались любые укрепленные пункты с постоянно проживающим в них населением [37. С. 45]. Такая позиция обоснована и тем, что при перечислении в используемых источниках населенных пунктов обозначены только два вида поселений – собственно городки и юрты, которые отличаются друг от друга именно приведенной нами характеристикой (за исключением, естественно, Березова).

Сводная таблица по городкам из различных письменных источников, включая современные данные

Городок, юрты, топонимы	КБЧ	Чертежи С.У. Ремезова	Материалы Г.Ф. Миллера	Данные этнографии	Археология
Негей, Негейский мыс, Netschi-garden	+	+	+		
Воксарковские юрты, Woksarit-wosch, Pandu-garden		+	+		
Городок самоецкий		+			
Носовой, Полуйский, Poling-auot-wosch, Salja-garden	+	+	+	+	+
Обдора, «Обдорских служивых», Полуйский городок, Pul-wosch	+	+	+		
Пельвож			+	+	+
Ирка, «протока Икорская»	+	+			
Сабдин, Унбин, Тушево городище, Tasuoi Gorodok	+	+	+		+
Собской городок		+	+	+	
Сускары, Роговой, Шурышкар, Lar-wosch, по-самоедски Salmor-garden	+	+	+	+	+
Юрты Питляр, городок Питлярский, Pitlar-wosch		+	+		+
Войкар или Ночной, юрты Войкарские, Ai-wosch, Jota-garden	+	+	+	+	+
Уркар или Белый, Юрты Ланги-вашъ, Langi-wosch-jugan, Вож-пай	+	+	+	+	+
Лосма, юрты Лосминские, Losma-wosch, Лесмиеган	+	+	+	+	+
Казым, Kasim-uosch	+		+		
Кенчикар	+				
Чомаш	+	+		+	
Шоркар, Шоркальский городок	+	+		+	
Нецкгаркор, Нагокарский дворец	+	+		+	
Кодской городок, городок Алычев		+	+	+	
Отлим, Малый Атлим, Большой Атлим, юрты атлимские	+	+	+	+	
Карымкан	+	+		+	
Емдыр, Емдырская протока	+	+		+	
Вежакарский, юрты Вежакарские городка		+		+	
Юидь, Юиль, Сек-теллек-уш	+		+	+	
Мункус, мункаские юрты, Мункес-пауль	+		+	+	
Ляпин, юрты Ляписские, Лопынг-уш	+	+	+	+	+
Искар	+		+	+	
Куноват		+	+		+
Тапасы	+			+	
Начин	+				
Заглый	+				
Вороней	+				
Хюликар, Люликар	+			+	
Естынь	+				
Хахтынь	+				

Примечания. В таблице рассмотрено 36 городков вместо 38, так как отдельно на расписаны парные города Унбин / Сабдин и Отлим / Малый и Большой Атлимы; основное направление описания приведено в соответствии с КБЧ (ход от устья Оби к ее верховьям), для полноценной реконструкции в ряде случаев пробелы списка КБЧ заполняются данными иных источников. Последние 12 «городков» расположены по течению Сосьвы и перечислены от верховья к устью.

Кроме упомянутых в тексте статьи работ по археологии и этнографии при составлении таблицы в столбце, связанном с этнографическими данными, использованы материалы Е.П. Мартыновой [42. С. 54–57].

Мы обратили внимание на данный вопрос с надеждой на то, что в будущем наше исследование будет продолжено и все вышеизложенные замечания получат объяснение. Конечно, окончательно поставить точку в вопросе о статусе городка станет возможно лишь после его комплексного исследования.

Итак, при анализе всех вышеупомянутых источников на исследуемой территории нами выявлено 38 городков (таблица). Все объекты для упрощения последующей работы и выявления дополнительной информации нами поделены на 4 группы по принципу их наличия в разнообразных источниках. В дальнейшем изложении каждая из групп будет характеризоваться отдельно.

К первой группе отнесены городки, которые упомянуты как в КБЧ и в массиве чертежей С.У. Ремезова, так и в ходе описания Северо-Западной Сибири Г.Ф. Миллером. Это наиболее крупная группа, к которой относятся городки Негей, Носовой, Обдор, Сабдин (Умбин), Шурышкар (Роговой), Войкар (Айвош), Уркар (Лангивош), Лосма, Чомаш, Шоркар, Нецкгаркор, Отлим, Карымкар, Емдыр, Ляпин (Лопынг-уш), Березов. Вероятно, это наиболее значимые городки, просуществовавшие долгое время. Заметим, что в большинстве случаев Г.Ф. Миллер говорит об «остатках былых остяцких крепостей». По наиболее раннему источнику (КБЧ) можно с уверенностью говорить, что данные поселения существовали уже на рубеже XV–XVI вв., однако результаты археологических исследований ряда городков показали, что их история уходит корнями и в более ранние периоды. Кроме того, следует учесть, что и после прекращения своего существования городки не опустели, а превратились в юрты (подробнее ниже), классическим примером чего может являться Войкар, отмеченный на одном чертеже городом [33. Л. 117], а на другом (более позднем) – юртами [30. Л. 18]. Интересным является город Сабдин, в единичном случае отмеченный КБЧ, в то время как ХЧК фиксирует два города с наименованием Умбин, находящихся при наложении

на современную карту выше устья р. Собь и в урочище Тутвожъеган [33. Л. 117]. Миллер также говорит о двух городках: Тушево городище и городок Собской (по-остяцки – Sob-wasch, по-самоедски – Padi-garden) [1. С. 127]. О первом, вероятно, говорится и в письме А. Маршу, где он назван Tasuoi Gorodok [26. С. 191]. Подобная ситуация наблюдается и с городком Отлим, который позже написания КБЧ будет известен как «городки» Малый и Большой Атлим. Также заметим, что из огромного количества «городков», приписываемых КБЧ к Югре, в этой группе только один – Ляпин (столица князя Лугуя).

Вторая группа включает городки, обозначенные в чертежах С.У. Ремезова и работах Г.Ф. Миллера, а также в других источниках, но отсутствующие в КБЧ: Воксарковский городок (Woksarit-wosch, по-самоедски Pandu-garden [1. С. 129], он же, вероятно, городок Собская самоядь, расположенный Ремезовым ниже устья Полуя, где «веснуют и осенуют у рыбы» [33. Л. 116]), известный археологический памятник Пельвож [38. С. 24–26], Питляр, Алычев городок, Вежакар, Куноват и Рунимов, отмеченный только в ХЧК. В отношении городков Пельвож и Питляр можно с уверенностью говорить, что к моменту создания КБЧ они прекратили свое существование, почему и не вошли в список [39. С 21]. Городки же Алычев и, вероятно, Воксарковский и Куноват, напротив, возникли позже. Вежакар отмечен у С.У. Ремезова юртами, однако, приняв во внимание корень *кар* (зыр. «город») и пояснение картографа «от Вежакарского городка до Березова водяным путем .х.днице», становится очевидным, что какое-то время он являлся городком. Соответственно, либо существование этого пункта как постоянного поселения проходило между периодами создания КБЧ и ХЧК, либо по какой-то причине текст КБЧ обошел его стороной. Совершенно непонятна история Рунимова городка.

Третья группа включает городки Ирка, Казым, Кенчикар, Юидь (Сек-теллек-уш) [40. С. 264], Мункус (Мункас-пауль) [Там же], Искар, Тапасы, Начин, Заглый, Вороней, Хюликар, Естынь, Хахтынь, которые отмечены только КБЧ и отчасти Миллером, а также актовыми документами, но не попали в поле зрения С.У. Ремезова. Здесь лишь оговоримся, что на чертеже 117 ХЧК в месте предполагаемого городка Ирка помечены юрты и дано обозначение «протока Икорская», из чего очевидно, что ко временам С.У. Ремезова городка не стало. Это также, вероятно, касается Казыма и Кенчикара. Оставшиеся городки причислены КБЧ к территории Югры (вместе с уже упомянутыми Ляпином и Березовом) [23. С. 215], причем грамота князю Лугую кроме городков Ляпин, Юиль, Березов и Менкус к его владениям причисляет еще и Куноват, Илчму (Искар?). Перед нами очень интересная ситуация: с одной стороны, мы видим список городов в актовом документе, с другой – отличный от него в несколько более позднем, но не менее подробном источнике. Чтобы не запутаться, начнем выяснение простым исключением из списка. Ляпин, по наиболее обоснованному мнению, был построен на месте бывшего остяцкого городка при участии коми в 1499 г. (в ходе действий московских войск под руководством П. Ушатова) и использовался как торговая «фактория» [19. С. 33–34]; при условии, что это столица Лугуя и важный торговый пункт, неудивительно, что он присутствует в ХЧК [33. Л. 117]. Еще более важным для русских в период после «взятия» Сибири был г. Березов. Почему же список КБЧ распространяет данные жалованной грамоты на еще несколько поселений, хотя время между созданием источников прошло крайне мало, чтобы успели возникнуть сразу столько городков, а С.У. Ремезов вообще не упоминает о большинстве из них? Есть несколько рассуждений по этому поводу:

1. Городки действительно были, но незначительные, поэтому и не упоминаются грамотой. Однако подробные ремезовские чертежи не могли пройти мимо них. При условии, что к моменту начала деятельности Тобольского картографа они превратились в юрты, не ясно, почему нет даже названий, как это происходит в иных случаях. В целом такое объяснение кажется маловероятным.

2. Князь Лугуй указал заведомо ложное количество подчиненных ему городков, для того чтобы платить меньший ясак. Однако именно это было ему не выгодно. Грамота, посланная в ответ угорскому князьку, была охранной, и в первую очередь защищала князя от сбора ясака русскими воеводами [40. С. 262], а следовательно, с остальных городков ясак мог бы собираться.

3. Наиболее вероятно, что данная ситуация вызывает более глубокие размышления. В данном случае мы не можем отожествлять Югорскую землю и Ляпинское княжество Лугуя, хотя часть Югры действительно принадлежала ему. Здесь уместно процитировать Н.А. Абрамова: «Югрия срединное владение остяков между Обдорию и Кодою, где ныне волости Сосвинская и Ляпинская» [2. С. 329]. Заметим, что и четких границ у княжества нет: при приеме власти Шатров Лугуев выбирает себе резиденцией Лозменский городок на р. Сыня [20. С. 86], который, вероятно, ассоциируется с городком Лосмой из КБЧ. Почему данные объекты не присутствуют на чертежах С.У. Ремезова, не ясно, однако можно предположить, что это каким-то образом связано с карательными походами русских после восстаний коренного населения в XVII в. При этом Миллером отмечается, что вогульское население верховий Сосьвы плохо ориентируется в местности, что, вероятно, говорит о смене населения в данный период. Здесь заметим, что на вклейке листа 117 ХЧК по р. Сосьва действительно размещено множество юрт, однако не выявлено названий, ассоциируемых с вышеприведенными городками.

В четвертую группу нами отнесены городки из всех предыдущих списков, которые можно ассоциировать с известными археологическими памятниками. Это уже рассматриваемые в археологическом аспекте Питляр, Пельвож, Войкар, Носовой, а также Уркар, Лосма, Шурышкар, Шеркалы, Куноват и, вероятно, Сабдин. Соотношение известного археологического памятника с объектом из письменных источников связано с некоторыми трудностями. При анализе материалов обозначается довольно обширная территория, к которой возможно прикрепить искомый объект. Иногда память о городках и их месторасположении остается у носителей культуры, однако без анализа

топонимов определить точную локализацию не представляется возможным. Положение усложняется и тем, что часть памятников уже уничтожена естественными процессами и об их месторасположении можно судить только из разбора топонимов. Городок Уркар «или Белый» (КБЧ) находится выше (по течению р. Обь) Войкара, Миллером данная местность описывается следующим образом: «Langi-wosch-jugan (река Ланговож. – *Н.П.*), с правой стороны (от Оби. – *Н.П.*). На ее северном берегу, недалеко от устья, находятся следы старой остяцкой крепости, где раньше была так же большая русская торговля и торговые лавки <…> A Langi по-остяцки означает белка» [1. С. 125]. В этой местности располагался известный памятник городище Вож-пай, материалы с которого собраны ссыльным Д.Д. Редриковым в 1925 г. и опубликованы В.Н. Чернецовым. Местные ханты данное городище называют Лангевож, что является калькой коми названия Ур-кар: и то и другое означает «Беличий город» [17. С. 32]. Лосма, вероятно, является городищем Лесмиеган 2 [3. С. 61–64], находящимся в указанном КБЧ месте. Шурышкар принято ассоциировать с городищем «Лысая Гора» или Лор-вош [Там же. С. 13]. Остатки Шеркальского городка были исследованы С.Г. Пархимовичем, а Куноватского – А.Г. Брусницыной [41. С. 39]. Под городком Сабдином, вероятнее всего, скрывается, к сожалению, уничтоженный памятник на месте современного пос. Катравож [38. С. 22–24].

Отдельно следует отметит самоядский городок, отмеченный лишь на чертеже 116 ХЧК. Мы надеемся, что при будущем накоплении источников появятся новые данные о рассматриваемом здесь пункте.

Подводя итоги, следует отметить, что в совокупности данные используемых нами источников практически всегда были взаимно проверяемыми, что говорит о возможности использовать этот комплекс в дальнейших исследованиях. Удивительно, но картографические источники показали себя крайне точными при накладывании их данных на современную карту. В будущем на основе указанного материала нам кажется уместным создание карты с обозначением всех вышеупомянутых пунктов, но самый главный вывод, к которому мы пришли во время исследования, – необходимость систематических археологических исследований этой категории памятников на данной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера. Екатеринбург : Волот, 2006. 416 с.
2. Абрамов Н.А. Описание Березовского края. Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. Из библиотечного фонда ГБУ «МВК», № 7001.
3. Цембалюк С.И. Отчет о выполнении работ по проведению инвентаризации состояния объектов археологического наследия, Шурышкарский район. Салехард, 2014. Т. 1. НА ЯНМ. Ф. 1. Д. 177. С. 12, 61–64.
4. Кардаш О.В. Надымский городок князей Большой Карачеи. Обдорские городки конца XVI – первой половины XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург ; Салехард : Магеллан, 2013. 360 с.
5. Кардаш О.В. Полуйский мысовый городок князей Тайшиных. Обдорские городки конца XVI – первой половины XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург ; Салехард : Магеллан, 2013. 380 с.
6. Федорова Н.В. Отчет о научно-исследовательской работе: «Археологические исследования городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2006 г. : в 2 кн. Нефтеюганск ; Салехард, 2006. Кн. 1. НА ЯНМ. Ф. 1. Д. 105. С. 17–21.
7. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка (по материалам работ 2012–2014) // IV Северный археологический конгресс : материалы. Екатеринбург, 2015. С. 190–193.
8. Бачура О.П., Некрасов А.Е. Промысловые и домашние животные в хозяйственной деятельности населения городища Усть-Войкарский (XIV–XIX вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 206–213.
9. Казанцева К.А. Материаловедческий анализ тканей Войкарского городка (по исследованиям 2012–2013 гг.) // Apriori. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 3.
10. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. 136 с.
11. Зыков А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 232 с.
12. Очерки истории Коды / В.М. Морозов, С.Г. Пархимович, А.Т. Шашков. Екатеринбург, 1995. 192 с.
13. Брусницына А.Г. Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // Научный вестник. Вып. 3: Археология и этнография : материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард, 2000. С. 32–48.
14. Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 276–285.
15. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 414 с.
16. История населенных пунктов Югры. Краткий научно-популярный справочник / Е.А. Зайцева, В.П. Клюева, С.Н. Щербич. Ханты-Мансийск : Перо, 2012. 176 с.
17. Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия УРГУ. Екатеринбург. 1997. № 7.
18. Квашнин Ю.Н. Коми топонимия на севере Западной Сибири: к вопросу о границах расселения коми-ижемцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 154–161.
19. Повод Н.А. Коми северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск : Наука, 2006. 272 с.
20. Сынские ханты / под общ. ред. А.В. Бауло. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 352 с.
21. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. 607 с.
22. Данченко Е.М., Грачев М.А. К вопросу о городском статусе укрепленных поселений Западной Сибири эпохи позднего Средневековья и Нового времени // IV Северный археологический конгресс : материалы. Екатеринбург, 2015. С. 172–175.
23. Книга большому чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряд и списанная в книгу 1627 года. 2-е изд. СПб. : Типография Императорской Российской Академии, 1838. 239 с.
24. Багров Л. История русской картографии / пер. с англ. Е.В. Ламановой. М. : Центрополиграф, 2005. 523 с.
25. Жалованная грамота царя Федора Ивановича Вымскому князю Лугую (август 1586 г.) // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819. № 54.
26. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. 2-е изд. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1941. 676 с.
27. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко ; под ред. В.Л. Янина. М. : Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
28. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993. 160 с.
29. Хромых А.С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века) / отв. ред. Г.Ф. Быконя ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. 312 с.

30. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 г. С.У. Ремезовым и его сыновьями // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 256 (Собрание Н.П. Румянцева). № 346. 49 л.
31. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I: XVII в. Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 366 с.
32. Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ 1642 – после 1720 гг. М. : Наука, 1965. 266 с.
33. Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова / под ред. В.М. Туминского. Тобольск : Общественный фонд возрождение Тобольска, 2011. 692 с.
34. Путешествия по Обскому краю. Тюмень : Изд-во Ю. Мандарики, 1999. 240 с.
35. Мартынова Е.П. «Разных земель люди», «разных городков люди»: Этногенетические процессы в Северном Приобье по материалам этнографических исследований // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое / отв. ред. Я.А. Яковлев. Ханты-Мансийск ; Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 34–51.
36. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. 85 с.
37. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 43–60.
38. Брусницына А.Г. Отчет об археологических разведках в Приуральском и Ямальском районах Ямало-Ненецкого автономного округа в 1997 г. Салехард, 1999. НАЯНМ. Ф. 1. Д. 26. С. 22–24.
39. Брусницына А.Г. Полевой отчет. Археологические раскопки на Питлярском городище в Шурышкарском районе ЯНАО в 2001 году. Салехард, 2002. НА ЯНМ. Ф. 1. Д. 115. С. 5, 21.
40. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Вост. лит., 1999. Т. I. 360 с.
41. Брусницына А.Г. Полевой отчет. Археологическое обследование р. Куноват в Шурышкарском районе ЯНАО в 2003 году. Екатеринбург; Салехард, 2004. НА ЯНМ. Ф. 1. Д. 120. С. 39.
42. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. 235 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 ноября 2016 г.

ABORIGINAL "SMALL TOWNS" OF THE LOWER OB OF THE 16TH–17TH CENTURIES: PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND CORRELATION OF WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 102–109.
DOI: 10.17223/15617793/415/13

Nikita V. Pertsev, Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky (Salekhard, Russian Federation); Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: pertsev1991@list.ru

Keywords: North-Western Siberia; "small towns"; Ugric principalities; written and archaeological sources.

The paper addresses key issues related to the identification of information about the location and the history of a particular kind of monuments (referred to as "small towns") on the territory of the North-Western Siberia in written and cartographic sources of the 16th–18th centuries. The main goal set by the author was the full collection, analysis and synthesis of a variety of sources and attempts to implement them for the study of settlement structures of the indigenous population of the northern Trans-Urals. The short historiographical essay is of interest in the chosen topic to specialists in different disciplines of the humanities. An important place is given to the criticism of the documents and their correlation problems. The source base of the research includes: the text of the first geographic description of Western Siberia from the *Book of the Big Drawing* (late 16th – early 18th centuries), the drawings from the first Russian atlases by S.U. Remezov (late 17th – early 18th centuries), travel notes by G.F. Miller (1730s–1740s), assembly documents and ethnographic data by pre-revolutionary and contemporary researchers. During the presentation of the material the emphasis is put on the possibility and the importance of studying toponymic material. In the course of the research, issues that are extremely important for the modern science of history have been identified. They include, in particular: identification of features of political entities of Ugric population during the period under review and definition of the concept of "small town". Working with the selected complex of the materials in the first stage of the research allowed revealing 38 "small towns" in the study area. They were further divided into 4 typological groups. The main criterion for the distribution of "small towns" by groups was their presence in various sources. On the basis of the dating of the sources it was possible to build the chronology of the sites and to identify previously unknown information which is highly relevant for further research. "Small towns", known from the archaeological data, have become a special group of identified sites. Their example shows the basic methods of identifying and comparing "small towns" from various sources. In the study, the author has come to an important conclusion about the possibility of using the selected set of sources, in which data from one document can be double-checked and possibly even extended by information from other documents. The accuracy of written and cartographic sources allows hoping for positive results of archaeological research in the framework of the topic.

REFERENCES

1. Elert, A.Kh. (ed.) (2006) *Severo-Zapadnaya Sibir' v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G.F. Millera* [North-Western Siberia in expedition works and materials of G.F. Miller]. Ekaterinburg: Volot.
2. Abramov, N.A. (1857) *Opisanie Berezovskogo kraya. Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Description of Berezovsky region. Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 12. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
3. NA YaNM. Fund 1. File 177. pp. 12, 61–64. Tsembalyuk, S.I. (2014) *Otchet o vypolnenii rabot po provedeniyu inventarizatsii sostoyaniya ob"ektov arkheologicheskogo naslediya, Shuryshkarskiy rayon* [Progress Report for inventory of the condition of objects of archaeological heritage, Shuryshkarsky District]. Salekhard. Vol. 1.
4. Kardash, O.V. (2013) *Nadymskiy gorodok knyazey Bol'shoy Karachei. Obdorskie gorodki kontsa XVI – pervoy poloviny XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura* [Nadym town of Princes of Big Karachi. Obdorsk towns of the late 16th – the first half of the 18th centuries. History and material culture]. Ekaterinburg; Salekhard: Magelan.
5. Kardash, O.V. (2013) *Poluyskiy mysovyy gorodok knyazey Tayshinykh. Obdorskie gorodki kontsa XVI – pervoy poloviny XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura* [Poluysk cape towns of the Taishin Princes. Obdorsk towns of the late 16th – the first half of the 18th centuries. History and material culture]. Ekaterinburg; Salekhard: Magelan.
6. NA YaNM. Fund 1. File 105. pp. 17–21. Fedorova, N.V. (2006) *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote: "Arkheologicheskie issledovaniya gorodishcha Ust'-Voykarskogo (Voykarskiy gorodok) v Shuryshkarskom rayone YaNAO v 2006 g.: v 2 kn.* [The report on the research work "Archaeological research of the settlement of Ust-Voykarsk (Voykarsk town) in Shuryshkarsky District of YaNAO in 2006: in 2 vols]. Vol. 1. Nefteyugansk; Salekhard.
7. Novikov, A.V. & Garkusha, Yu.N. (2015) [Features of the architecture and spatial organization of Voykarsk town (based on the works of 2012–2014)]. *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress* [IV Northern Archaeological Congress]. Proceedings. Ekaterinburg: Al'fa-print. pp. 190–193. (In Russian).

8. Bachura, O.P. & Nekrasov, A.E. (2010) Promyslovye i domashnie zhivotnye v khozyaystvennoy deyatel'nosti naseleniya gorodishcha Ust'-Voykarskiy (XIV–XIX vv.) [Trade and domestic animals in the economic activity of the population of the settlement of Ust-Voykarsky (14th–19th centuries)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2 (13). pp. 206–213.
9. Kazantseva, K.A. (2015) Materialovedcheskiy analiz tkaney Voykarskogo gorodka (po issledovaniyam 2012–2013 gg.) [Materil research analysis of Voykarsk town fabrics (Research of 2012–2013)]. *Apriori. Ser. Gumanitarnye nauki*. 3.
10. Kyzlasov, L.R. (1992) *Pis'mennye izvestiya o drevnikh gorodakh Sibiri. Spetskurs* [Written news of the ancient towns of Siberia. A special course]. Moscow: Moscow State University.
11. Zykov, A.P. (2012) *Barsova gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekov'e i novoe vremya* [Barsova mountain: Essays on the archaeology of the Surgut Ob. Middle Ages and modern times]. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy.
12. Morozov, V.M., Parkhimovich, S.G. & Shashkov, A.T. (1995) *Ocherki istorii Kody* [Essays on the history of Koda]. Ekaterinburg: Volot.
13. Brusnitsyna, A.G. (2000) Sovremennaya istochnikovaya baza izucheniya pozdnego zheleznogo veka polyarnoy zony Zapadnoy Sibiri [Modern source base for the study of the Late Iron Age polar zone of Western Siberia]. *Nauchnyy vestnik*. 3. pp. 32–48.
14. Vizgalov, G.P. & Balueva, Yu.V. (2009) Poisk Lyapinskogo ostroga (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 2007–2008 gg.) [Search of Lyapinsk fortress (according to the results of archaeological research of 2007–2008)]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Area in the mirror of the past]. Vol. 7. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University.
15. Perevalova, E.V. (2004) *Severnye khanty: etnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: ethnic history]. Ekaterinburg: UB RAS.
16. Zaytseva, E.A., Klyueva, V.P. & Shcherbich, S.N. (2012) *Istoriya naselennykh punktov Yugry. Kratkiy nauchno-populyarnyy spravochnik* [The history of human settlements of Ugra. Concise popular scientific reference book]. Khanty-Mansiysk: Pero.
17. Morozov, V.M. & Parkhimovich, S.G. (1997) Migratsii drevnikh komi v Nizhnee Priob'e [Migrations of ancient Komi in the Lower Ob]. *Izvestiya URGU*. 7.
18. Kvashnin, Yu.N. (2011) Komi toponimiya na severe Zapadnoy Sibiri: k voprosu o granitsakh rasseleniya komi-izhemtsev [Komi toponyms in the north of Western Siberia: the question of the borders of the settlement of the Komi-Izhemtsy]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1 (14). pp. 154–161.
19. Povod, N.A. (2006) *Komi severnogo Zaural'ya (XIX – pervaya chetvert' XX v.)* [Komi of the Northern Trans-Urals (the 19th – the first quarter of the 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
20. Baulo, A.V. (ed.) (2005) *Synskie khanty* [The Synsk Khanty]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
21. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury. Traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures. Traditions of Samoyedic and Ugric peoples]. Ekaterinburg: UB RAS.
22. Danchenko, E.M. & Grachev, M.A. [On the town status of fortified settlements in Western Siberia of the late Middle Ages and Modern Times]. *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress* [IV Northern Archaeological Congress]. Proceedings. Ekaterinburg: Al'fa-print. pp. 172–175. (In Russian).
23. Anon. (1838) *Kniga bol'shomu chertezhu ili Drevnyaya karta Rossiyskogo gosudarstva, ponovlennaya v razryad i spisannaya v knigu 1627 goda* [A book to a large drawing, or Ancient map of the Russian state, renovated and drawn in the 1627 book]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii.
24. Bagrov, L. (2005) *Istoriya russkoy kartografii* [History of Russian cartography]. Translated from English by E.V. Lamanova. Moscow: Tsentropoligraf.
25. Anon. (1819) Zhalovannaya gramota tsarya Fedora Ivanovicha Vymskomu knyazyu Luguyu (avgust 1586 g.) [Patent of Czar Fedor to Vymsk Prince Luguy (August 1586)]. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del*. II:54.
26. Alekseev, M.P. (1941) *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XIII–XVII vv. Vvedenie, teksty i kommentarii* [Siberia in the notes of Western travelers and writers of the 13th–17th centuries. Introduction, texts and comments]. 2nd ed. Irkutsk: Irkut. obl. izd-vo.
27. Gerbershteyn, S. (1988) *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Translated from Germanby A.I. Malein and A.V. Nazarenko. Moscow: Moscow State University.
28. Pliguzov, A.I. (1993) *Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh* [Centaur text of Siberian Samoyeds]. Moscow: N'yutonvil'/
29. Khromykh, A.S. (2012) *Sibirskiy frontir. Vstrecha tsivilizatsiy ot Urala do Eniseya (Poslednyaya tret' XVI – pervaya chetvert' XVII veka)* [Siberian frontier. The meeting of civilizations from the Urals to the Yenisei (last third of the 16th – the first quarter of the 17th centuries)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
30. Russian State Library. Manuscript Department. Fund 256 (Collection of N.P. Rumyantsev). File 346. 49 pages. *Chertezhnaya kniga Sibiri 1701 g., sostavlennaya 1699–1700 g. S.U. Remezovym i ego synov'yami* [Drawing Book of Siberia in 1701, compiled in 1699–1700 by S.U. Remezov and his sons].
31. Andreev, A.I. (1960) *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri* [Essays on the source studies of Siberia]. Vol. I. Leningrad: USSR AS.
32. Gol'denberg, L.A. (1965) *Semen Ul'yanovich Remezov. Sibirskiy kartograf i geograf 1642 – posle 1720 gg.* [Semen Ulyanovich Remezov. Siberian cartographer and geographer 1642 – after 1720]. Moscow: Nauka.
33. Tuminskiy, V.M. (ed.) (2011) *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga S.U. Remezova* [Chorography drawing book by S.U. Remezov]. Tobolsk: Obshchestvennyy fond vozrozhdenie Tobol'ska.
34. Parkhimovich, S.G. (ed.) (1999) *Puteshestviya po Obskomu Severu* [Travel in the Ob North]. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandariki.
35. Martynova, E.P. (2013) "Raznykh zemel' lyudi", "raznykh gorodkov lyudi": Etnogeneticheskie protsessy v Severnom Priob'e po materialam etnograficheskikh issledovaniy ["People of different lands", "people of different towns": Ethnogenetic processes in the Northern Ob based on ethnographic research]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Sibirskie ugry v ozherel'e subarkticheskikh kul'tur: obshchee i nepovtorimoe* [Siberian Ugric people in subarctic cultures: the common and the unique]. Khanty-Mansiysk; Tomsk: Tomsk State University.
36. Bakhrushin, S.V. (1935) *Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekakh* [Ostyak and Vogul principalities in the 16th–17th centuries]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North of the CEC of the USSR.
37. Darkevich, V.P. (1994) Proiskhozhdenie i razvitie gorodov drevney Rusi (X–XIII vv.) [The origin and development of the cities of ancient Russia (10th–X13th cc.)]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 43–60.
38. YaNM Fund 1. File 26. pp. 22–24. Brusnitsyna, A.G. (1999) *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Priural'skom i Yamal'skom rayonakh Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v 1997 g.* [Report on archaeological research in the Near Ural and Yamal regions of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in 1997]. Salekhard.
39. NA YaNM. Fund 1. File 115. pp. 5, 21. Brusnitsyna, A.G. (2002) *Polevoy otchet. Arkheologicheskie raskopki na Pitlyarskom gorodishche v Shuryshkarskom rayone YaNAO v 2001 godu* [Field Report. Archaeological excavations at the Pitlyarsk ancient settlement in Shuryshkarsky District of YaNAO in 2001]. Salekhard.
40. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
41. NA YaNM. Fund 1. File 120. pp. 39. Brusnitsyna, A.G. (2004) *Polevoy otchet. Arkheologicheskoe obsledovanie r. Kunovat v Shuryshkarskom rayone YaNAO v 2003 godu* [Field Report. Archaeological survey of the Kunovat River in Shuryshkarsky District of YaNAO in 2003]. Ekaterinburg; Salekhard.
42. Martynova, E.P. (1998) *Ocherki istorii i kul'tury khantov* [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.

Received: 20 November 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 110–114. DOI: 10.17223/15617793/415/14

УДК 94(571.15)

А.В. Рыков

ВЛИЯНИЕ ДЕНЕЖНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Показано влияние денежных налогов на материальное положение колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. Анализируются основные изменения в налоговой нагрузке на колхозников: появление новых налогов, изменение объемов обложения уже существовавших налогов, динамика численности плательщиков. Рассматривается способность колхозного крестьянства к оплате предъявленных налогов. Выявляются основные источники поступления денежных средств для уплаты налогов.

Ключевые слова: налогообложение; недоимки; колхозное крестьянство; Алтайский край; Великая Отечественная война.

Одним из важнейших факторов, оказавших значительное влияние на социально-экономическое положение колхозного крестьянства, являлась налоговая политика государства.

В годы войны в государственной налоговой политике произошли большие изменения. Прежде всего, это выразилось во введении дополнительных налогов и сборов. При этом происходили изменения в налогах, введенных ранее. В своих публикациях специалисты неоднократно касались изменений в денежном налогообложении сельского населения в годы войны, но преимущественно они рассматривали данный вид налогообложения в контексте общей налоговой политики государства того времени [1, 2]. Этот вопрос затрагивали и историки-крестьяноведы, которые ограничивались рассмотрением общих тенденций налогообложения сельского населения [3–5].

Данная тенденция начала изменяться в постсоветской историографии. Прежде всего, в новых работах делался акцент на влиянии налогообложения на материальное положение всего сельского населения [6–8]. В том числе такие работы затрагивали и Алтайский край [9]. В данных публикациях основное внимание уделялось сельскому населению в целом, без акцентирования внимания на колхозном крестьянстве. Малоизученным остается вопрос влияния денежной налоговой политики государства на отдельные категории населения. В частности, это касается и колхозного крестьянства – самой крупной категории сельского населения в военные годы. Несмотря на это, денежное налогообложение колхозников и его роль на социально-экономическое положение колхозного крестьянства остаются малоизученными. Основная цель публикации – рассмотрение влияния денежного налогообложения на материальное положение колхозников в годы войны на материалах Алтайского края – одного из крупнейших сельскохозяйственных регионов. Для этого в работе будут рассмотрены роль каждого из денежных налогов в обложении колхозников, способность колхозников к выплате налогового бремени, а также выявлены основные источники поступления денежных средств для уплаты налогов.

Одним из основных денежных налогов в годы войны являлся сельскохозяйственный налог. Перед войной он претерпел значительные изменения. С 1 сентября 1939 г. он фактически стал прогрессивным, в то время как ранее его ставки были фиксированными [10]. Облагаемый годовой доход личных хозяйств стал рассчитываться по принятым для определенной местности нормам доходности. В соответствии с этими нормами в годовой облагаемый доход алтайских крестьян в среднем (по разным районам эти нормы могли варьироваться) в 1941 г. включали 27 руб. с сотой га картофеля, 1 100 руб. с каждой коровы, 420 руб. со свиньи, 85 руб. с овцы или козы [9. С. 397].

В целом, как отмечает В.А. Ильиных, сельхозналог в годы войны имел противоречивый характер. В частности, значительно увеличилось число дворов, освобожденных от уплаты сельхозналога [Там же. С. 398]. Эта тенденция видна по данным налогового учета края. Если в 1940 г. доля хозяйств, полностью или частично освобожденных от уплаты сельхозналога, составляла 32%, то к 1944 г. она достигла практически 50% [11. Л. 556–561; 12. Л. 4–4 об.; 13. Л. 1, 7–8; 14. Л. 135–135 об.; 15. Л. 1–1 об.].

При этом в годы войны произошло перераспределение оснований предоставления льгот. Если в довоенном 1940 г. подавляющее число льгот по сельхозналогу предоставлялось по ст. 25 (многодетным семьям) – 58% от всего объема [12. Л. 4 об.], то с началом войны больше всего льгот стало предоставляться по ст. 24 (семьям военнослужащих). В 1943 г. по данной статье было освобождено 59,5% хозяйств колхозников [13. Л. 7–8].

Еще одной тенденцией военного периода в обложении сельхозналогом стал постоянный рост размеров обложения колхозников, которые осуществляли уплату данного налога. Повышение сельхозналога проводилось с начала войны, когда была введена стопроцентная («военная») надбавка к сельхозналогу [16]. Данная надбавка имела краткосрочный характер, и уже в конце 1941 г. была заменена военным налогом.

В 1943 г. по сельскохозяйственному налогу существенно возросли нормы доходности. Например, ставки по картофелю выросли в 5,6 раза, по коровам – в 3,7 раза, по овощам – в 4,6 раза [17. Л. 288–291].

В результате нагрузка на колхозные дворы значительно возросла. Если рассмотреть общую сумму налога, предъявляемого к уплате (за вычетом льгот), то в 1943 г. она выросла в 5,3 раза по сравнению с довоенным 1940 г. (с 20,8 до 109,7 млн руб.) [12. Л. 4 об.; 13. Л. 7–8].

В дальнейшем, в 1944–1945 гг., налоговая нагрузка оставалась стабильной, так как значительных измене-

ний ставки больше не наблюдалось. В 1944 г. произошло только некоторое снижение максимальных норм доходности сельхозналога по основным объектам обложения (картофелю, овощам и коровам). По остальным культурам ставки остались на прежнем уровне [18. Л. 300–300 об.]. В 1945 г. все ставки были сохранены [19. Л. 406].

Также одним из основных налогов в годы войны стал военный налог, который носил подушный характер. Данный налог должны были уплачивать все граждане СССР старше 18 лет. От выплаты налога освобождались все военнослужащие, члены их семей, получающие пособия от государства, инвалиды I и II групп и пенсионеры, не имеющие дополнительных заработков, а также граждане, не имеющие самостоятельных источников доходов: мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше. Колхозники должны были уплачивать налог равными долями в следующие сроки: 15 февраля, 15 апреля и 15 июля [20].

Военный налог отличался от других налогов тем, что его размеры увеличивались на 50% для тех граждан, которые по возрасту подлежали мобилизации в армию, но по тем или иным причинам не были мобилизованы [2. С. 206].

В конце 1943 г. в военный налог был внесен ряд изменений, направленных на увеличение числа плательщиков налога. В частности, с этого времени к уплате военного налога стали привлекаться колхозники-мужчины 60 лет и старше, колхозницы-женщины 55 лет и старше и пенсионеры, которые вели хозяйство на приусадебном участке свыше 0,05 га, не считая площади, занятой постройками, и имели скота больше одной козы или одной свиньи либо больше двух овец [21].

Колхозники выплачивали данный налог по твердым порайонным ставкам, составлявшим от 150 до 600 руб. В этих пределах ставки дифференцировались по областям и районам в соответствии с их экономическими особенностями [1. С. 176]. Для установления ставок по отдельным районам основу составляли такие показатели, как средний размер посевных площадей и урожайность по району, обеспеченность крупным и мелким скотом, близость рынков сбыта продукции сельского хозяйства и цены на эту продукцию [22. Л. 99]. По Алтайскому краю производилось разделение на 3 группы районов по объему ставки на плательщиков. В частности, в 1944 г. районы Алтайского края были разделены на 3 группы по размеру ставок следующим образом: 570, 490 и 440 руб. на плательщика [Там же. Л. 99–100].

При этом ставка, согласно закону о военном налоге, могла в отдельных случаях изменятся даже внутри района. Это также производилось на основании экономических показателей, при этом она могла как увеличиваться, так и уменьшаться. Так, например, на 1943 г. по двум сельсоветам Благовещенского района районные ставки были повышены на 50%, а для трех селений трех сельсоветов были понижены на 50% [23. Л. 75].

Средняя ставка военного налога в Алтайском крае в 1942 г. составляла 390 руб., в 1943 г. – 490 руб. [9. С. 399]. В 1944 г. она была сохранена на уровне 1943 г. [22. Л. 99].

Для военного налога была характерна та же тенденция, что и для сельскохозяйственного – большой процент колхозников был освобожден от его уплаты. В целом за годы войны по Алтайскому краю число колхозников, освобожденных от уплаты военного налога, составляло около 50% от общего числа учтенных. В частности, в 1943 г. из 486 183 колхозников – плательщиков военного налога 219 052 человека (45%) были освобождены от его уплаты. К 1945 г. процент освобожденных от уплаты достиг 50,8% (колхозники совместно с единоличниками) [24. Л. 25; 25. Л. 4].

Еще одним подушным налогом, введенным во время войны, стал налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» [26] им облагались одинокие и семейные, не имеющие детей граждане: мужчины в возрасте свыше 20 до 50 лет и женщины в возрасте свыше 20 до 45 лет. Освобождение от обложения данным налогом происходило после рождения ребенка. Следует отметить, что с разными изменениями налог просуществовал до 1 января 1992 г. и был отменен в связи с распадом СССР.

От обложения указанным налогом освобождались военнослужащие и их жены, учащиеся средних и высших учебных заведений мужчины в возрасте до 25 лет и женщины до 23 лет, пенсионеры, а также мужчины и женщины, если им «в соответствии с решением врачебной комиссии противопоказано деторождение».

Колхозники, подпадавшие под действие этого налога, должны были оплачивать 100 руб. в год равными долями в четыре срока: к 1 апреля, к 1 июля, к 1 октября и к 15 декабря.

В 1944 г. к данному закону были приняты поправки. Устанавливалось, что указанный налог теперь уплачивался не только бездетными, но и имевших одного или двух детей мужчинами в возрасте от 20 до 50 лет и женщинами от 20 до 45 лет. С колхозников данный налог взимался по следующим ставкам: 150 руб. в год – при отсутствии детей, 50 – при наличии одного ребенка, 25 руб. в год – при наличии двух детей [27].

Также этим законом была несколько расширена группа освобожденных от уплаты данного налога. К уже входящим в данное число категориям добавлялись граждане, чьи дети погибли или пропали без вести на войне, а также инвалиды I и II групп.

Изменения в налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан в 1944 г. значительно увеличили количество колхозников, которые стали подпадать под его действие. Если на 1 июня 1942 г. данный налог оплачивал 19 911 колхозник [28. Л. 67], в 1943 г. число плательщиков налога на холостяков снизилось до 17 651 колхозника, то к началу 1945 г. их уже насчитывалось 44 747 человек, т.е. увеличилось более чем в 2 раза [24. Л. 25; 25. Л. 4 об.]. Но в целом число плательщиков данного налога было значительно меньше, чем сельскохозяйственного и военного налогов.

Также в годы войны колхозники продолжали выплачивать ряд дополнительных налогов, которые шли

в местные бюджеты. В частности, к таким относились самообложение и сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства (культсбор).

Самообложение формально считалось добровольным сбором, так как для его введения требовалось решение большинства сельского схода. Но фактически он был распространен повсеместно. Об этом говорит, прежде всего, число хозяйств, которые подвергалось самообложению. Всего в годы войны по Алтайскому краю общее число хозяйств, осуществлявших оплату данного налога, составляло абсолютное большинство хозяйств колхозников в Алтайском крае. В частности, в 1943 г. из 300 128 наличных хозяйств колхозников [29. Л. 1] самообложение выплачивали 278 677 хозяйств (92,8%) [24. Л. 20, 25]. К концу войны процент даже еще несколько вырос. В 1945 г. из 279 935 наличных хозяйств колхозников самообложение выплачивали 266 767 хозяйств (95,3%) [25. Л. 4]. Государственное законодательство устанавливало максимальные размеры самообложения. Сумма налога, собираемая с колхозников, была фиксированной и не должна была превышать 20 руб. на хозяйство [9. Л. 400].

В целом, несмотря на то, что количество колхозных дворов, освобожденных от уплаты во время войны, снизилось, процент освобожденных от уплаты самообложения колхозных дворов оставался на одном уровне. Например, если в 1941 г. от уплаты самообложения было освобождено 51 171 хозяйство, то в 1945 г. – уже всего 31 204 хозяйства колхозников. При этом в 1941 г. процент освобожденных хозяйств составил 17,3, а в 1945 г. – 11,7 [25. Л. 4; 30. Л. 7].

Сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства, в отличие от самообложения, считался обязательным. Данный сбор взимался с колхозников по твердым порайонным ставкам. В частности, в 1942 г. по Алтайскому краю хозяйства колхозников, которые не имели необобществленных доходов (т.е. у которых не было подсобного хозяйства), платили 7 руб. в год на хозяйство, колхозники, которые имели необобществленные источники дохода (т.е. с личным хозяйством), – 31 руб. [31. Л. 401]. На 1943 г. планировалось сохранить действующие ставки налога. Исполком Алтайского краевого совета депутатов трудящихся даже успел принять решение о проведении культсбора в 1943 г. [32. Л. 22], но 9 января 1943 г. сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства был упразднен [9. Л. 400]. Данные местные налоги играли второстепенную роль и не оказывали основополагающего влияния на общее положение колхозного крестьянства края в годы войны.

В целом можно отметить, что, несмотря на повышение налогов в годы войны, введение новых денежных платежей, данные налоговые платежи являлись посильными для колхозного крестьянства. Об этом свидетельствуют данные о недоимках. Например, к концу 1944 г. недоимка по сельхозналогу составила 10,3%, а к концу 1945 г. – 8,5%. По военному налогу к концу 1944 г. – 3,3%, к концу 1945 г. – 3,6%. По самообложению – соответственно 3,9 и 3,3% [25. Л. 2 об. – 3; 36]. Это было возможно, прежде всего, благодаря продаже сельскохозяйственной продукции на колхозном рынке, которая стала основным источником денежной массы для колхозного крестьянства.

Выдачи денег на трудодни уже не являлись главным источником для колхозников. Это можно видеть при сопоставлении данных о выдаче на трудодни, а также цен на колхозных рынках. Так, если в 1939 г. за среднюю выработку колхозница могла получить 193,7 руб., то в 1944 г. за среднюю выработку трудодней трудоспособная колхозница в Алтайском крае могла получить 295,6 руб. за весь год [19. Л. 1]. И несмотря на то, что выдача денег на трудодни выросла по сравнению с довоенным периодом, данный рост был в разы меньше, чем рост цен на колхозном рынке. Это было обусловлено тем, что в 1941–1943 гг. государство было вынуждено покрывать дефицит бюджета за счет эмиссии денег [34. Л. 233]. В частности, в 1943 г. только по сравнению с 1942 г. в Алтайском крае цены на мясо выросли в 6,7 раза, на молоко – в 6,4 раза. С середины 1943 г. началось снижение цен на рынках. К 1945 г. по сравнению с 1943 г. стоимость мяса снизилась в 3,3 раза, картофеля – в 3,3 раза. Но даже несмотря на это, цены в конце войны значительно превышали уровень довоенных [35. Л. 209]. Рост инфляции происходил быстрее роста налогов. Это позволяло колхозникам за один и тот же объем продукции выручать на рынке больше денежных средств.

Подводя итог, следует отметить, что в годы войны произошло увеличение налогового гнета на колхозное крестьянство края. Это выражалось как в увеличении размеров старых налогов, так и в появлении новых. При этом по некоторым налогам наблюдалось увеличение числа полностью или частично освобожденных от его уплаты. Данные тенденции были характерны для большинства регионов страны. Приведенные выше сведения о состоянии недоимок свидетельствуют о том, что в целом, несмотря на увеличение налогового гнета со стороны государства, колхозное крестьянство Алтайского края к концу войны было в состоянии выплачивать требуемые с них налоговые платежи. Это было возможно прежде всего благодаря продаже сельскохозяйственной продукции на колхозном рынке, которая стала основным источником получения денежных средств для колхозников вместо денежной оплаты на трудодни в колхозе. Это, в свою очередь, способствовало развитию колхозной торговли, но при этом приводило к снижению количества необходимого продовольствия у колхозников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марьяхин Г.Л. Налоговая система СССР. М., 1952. 245 с.
2. Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964. 252 с.
3. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. 465 с.
4. История советского крестьянства : в 5 т. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 / редкол.: М.А. Вылцан (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1987. 447 с.
5. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / редкол.: В.Т. Анисков (отв. ред.) и др. Новосибирск : Наука, 1985. 398 с

6. Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001. 140 с.
7. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.
8. Попов В.П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95–114.
9. Ильиных В.А. Налоговая работа финансовых органов Алтайского края в деревне (конец 1930-х – начало 1950-х гг.) // Финансы Алтая, 1747–2002 : очерки и док. по истории финансов Алтайского края / отв. ред. В.Г. Притупов. Барнаул, 2002. С. 396–409.
10. Закон СССР от 01.09.1939 «О сельскохозяйственном налоге» // Правда. 1939. № 244.
11. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 676.
12. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 681.
13. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 682.
14. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 683.
15. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 684.
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3.07.1941 «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения» // Советская Сибирь. 1941. 4 июля.
17. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 156.
18. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 160.
19. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 237.
20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. «О военном налоге» // Правда. 1941. 30 дек.
21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1943 года «О дополнениях и изменениях Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. “О военном налоге”» // КонсультантПлюс. URL: http://base.consultant.ru
22. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 740.
23. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 734.
24. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 709.
25. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 743.
26. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 года «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // Алтайская Правда. 1941. 25 нояб.
27. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // Алтайская Правда. 1944. 11 июля.
28. Российский государственный архив экономики. Ф.7733. Оп. 27. Д. 598.
29. ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43. Д. 9.
30. ГААК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 673.
31. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 96.
32. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 149.
33. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1331.
34. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР, 1917–1963. М., 1964. 439 с.
35. Рыков А.В. Роль рыночной торговли и товарообмена в жизнеобеспечении колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных : сб. материалов четвертой Всерос. молодёж. науч. конф. / отв. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск, 2015. С. 206–213.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 января 2017 г.

THE INFLUENCE OF MONETARY TAXATION ON THE SOCIAL-ECONOMIC STATUS OF STATE FARM PEASANTRY IN ALTAI KRAI DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 110–114.
DOI: 10.17223/15617793/415/14

Aleksey V. Rykov, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: avrykov@bk.ru

Keywords: taxation; tax deficiencies; state farm peasantry; Altai Krai; Great Patriotic War.

The aim of the article is to study the influence of monetary taxation on the material status of state farm peasantry during the war years on the materials of Altai Krai. The author finds out the volumes of taxation, capability of state farmers to pay monetary taxes, and reveals the main sources of monetary funds for paying taxes. The main sources for this article were statistical information about the volumes of taxation and the number of tax-payers stored in the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of Altai Krai. The sources of equal importance for this article were laws and regulations of federal authorities concerning the bases of taxation during the war period. The author analyses the influence of particular taxes in the system of taxation of Altai state farmers. In the beginning of the article the authors dwells on the changes in the agricultural tax which took place during the war years. The author sides with V.A. Ilinykh that the increase of the number of benefit holders was accompanied by the increase of burden for other state farmers. The author also points out the changes in rearrangement of reasons for granting benefits. The author next considers new taxes which appeared during the war time: war tax and bachelor tax, single and childless citizen tax. While analyzing the war tax, the author reveals the peculiarities of setting local tax rates in Altai Krai. The author also mentions trends in war taxation of state farmers similar with the agricultural tax. Dealing with the bachelor, single and childless citizen taxes, the author points out the significant increase of tax-payers among Altai state farmers during the war. The article also gives consideration to additional taxes which formed the local budgets: self-taxation and duty for the needs of house construction and cultural and social building (cultural levy). The author mentions that self-taxation in spite of its formally free-will character was comprehensive in practice. Generally, the author comes to a conclusion that the role of these taxes in the overall tax burden on Altai state farmers was insignificant. In the end of the article the author points out the general increase of the taxation volume of Altai state farmers during the war years. On the basis of the information about tax deficiencies the author makes a statement that this tax burden was, in general, adequate for Altai state farmers. According to the author’s opinion, one of the main factors which contributed to that was agricultural products trade at the state farm market. It was the main source of monetary funds for state farmers due to provision prices growth.

REFERENCES

1. Mar’yakhin, G.L. (1952) *Nalogovaya sistema SSSR* [The tax system of the USSR]. Moscow: Gosfinizdat.
2. Mar’yakhin, G.L. (1964) *Ocherki istorii nalogov s naseleniya v SSSR* [Essays on the history of taxes from the population in the USSR]. Moscow: Finansy.

3. Arutyunyan, Yu.V. (1970) *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka.
4. Vyltsan, M.A. (ed.) (1987) *Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t.* [The history of the Soviet peasantry: in 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
5. Aniskov, V.T. (ed.) (1985) *Krest'yanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [The peasantry of Siberia during the consolidation and development of socialism]. Novosibirsk: Nauka.
6. Beznin, M.A., Dimoni, T.M. & Izyumova, L.V. (2001) *Povinnosti rossiyskogo krest'yanstva v 1930–1960-kh godakh* [Duties of the Russian peasantry in the 1930s–1960s]. Vologda: Vologodskiy NKTs TsEMI RAN.
7. Il'inykh, V.A. (2004) *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of the Siberian village. Late 1920s – early 1950s]. Novosibirsk: GUP RPO SO RASKhN.
8. Popov, V.P. (1997) Krest'yanskie nalogi v 40-e gody [Peasant taxes in the '40s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 95–114.
9. Il'inykh, V.A. (2002) Nalogovaya rabota finansovykh organov Altayskogo kraya v derevne (konets 1930-kh – nachalo 1950-kh gg.) [Tax work of the financial authorities of Altai Krai in the village (late 1930s – early 1950s)]. In: Pritupov, V.G. (ed.) *Finansy Altaya, 1747–2002: ocherki i dokumenty po istorii finansov Altayskogo kraya* [Finance of the Altai, 1747–2002: Essays and documents on the financial history of Altai Krai]. Barnaul: Altayskiy poligraficheskiy kombinat.
10. Pravda. (1939) Zakon SSSR ot 01.09.1939 "O sel'skokhozyaystvennom naloge" [Law of the USSR of 1 September 1939 "On agricultural tax"]. *Pravda*. 244.
11. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 676. (In Russian).
12. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 681. (In Russian).
13. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 682. (In Russian).
14. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 683. (In Russian).
15. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 684. (In Russian).
16. Sovetskaya Sibir'. (1941) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 3.07.1941 "Ob ustanovlenii na voennoe vremya vremennoy nadbavki k sel'skokhozyaystvennomu nalogu i k podokhodnomu nalogu s naseleniya" [Decree of the Supreme Soviet of the USSR of 3 July 1941 "On establishment in wartime of temporary surcharge to the agricultural tax and personal income tax"]. *Sovetskaya Sibir'*. 4 July.
17. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-834. List 1. File 156. (In Russian).
18. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-834. List 1. File 160. (In Russian).
19. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-834. List 1. File 237. (In Russian).
20. Pravda. (1941) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 29 dekabrya 1941 g. "O voennom naloge" [Decree of the Supreme Soviet of the USSR of December 29, 1941 "On the military tax"]. *Pravda*. 30 December.
21. Konsul'tantPlyus. (1943) *Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 29 dekabrya 1943 goda "O dopolneniyakh i izmeneniyakh Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 29 dekabrya 1941 g. "O voennom naloge""* [Decree of the Supreme Soviet of the USSR of December 29, 1943 "On amendments and additions to the Decree of the Supreme Soviet of the USSR of December 29, 1941 "On the military tax""]. [Online] Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/ online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17192.
22. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 740. (In Russian).
23. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 734. (In Russian).
24. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 709. (In Russian).
25. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 743. (In Russian).
26. Altayskaya Pravda. (1941) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 21 noyabrya 1941 goda "O naloge na kholostyakov, odinokikh i bezdetnykh grazhdan SSSR" [Decree of the Supreme Soviet of the USSR of November 21, 1941 "On the tax on bachelors, single and childless citizens of the USSR"]. *Altayskaya Pravda*. 25 November.
27. Altayskaya Pravda. (1944) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 8 iyulya 1944 g. "Ob uvelichenii gosudarstvennoy pomoshchi beremennym zhenshchinam i odinokim materyam, usilenii okhrany materinstva i detstva, ob ustanovlenii vysshey stepeni otlichiya – zvaniya "Mat'-geroinya" i uchrezhdenii ordena "Materinskaya slava" i medali "Medal' materinstva" [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 8, 1944 "On Increase of State Aid to Pregnant Women and Single Mothers, Protection of Motherhood and Childhood, *Proclaiming 'Heroine Mother' as the Title of Highest Distinction, and Establishing the Order of Maternal Glory and the Medal of Motherhood*"]. *Altayskaya Pravda*. 11 July.
28. Russian State Archive of Economics. Fund 7733. List 27. File 598. (In Russian).
29. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-718. List 43. File 9. (In Russian).
30. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-606. List 1. File 673. (In Russian).
31. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-834. List 1. File 96. (In Russian).
32. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund R-834. List 1. File 149. (In Russian).
33. State Archive of the Russian Federation. Fund A-374. List 7. File 1331. (In Russian).
34. Malafeev, A.N. (1964) *Istoriya tsenoobrazovaniya v SSSR, 1917–1963* [History of pricing in the USSR, 1917–1963]. Moscow: Mysl'.
35. Rykov, A.V. (2015) [The role of market trade and barter in the livelihood of the collective-farm peasantry of Altai Krai during the Great Patriotic War]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical issues of historical research: a look of young scholars]. Proceedings of the 4th youth conference. Novosibirsk. pp. 206–213. (In Russian).

Received: 10 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 115–118. DOI: 10.17223/15617793/415/15

УДК 94(470); 32:316.75:323.1

В.Г. Скочилова

ИДЕОЛОГЕМА «БРАТСКИЙ НАРОД»: ФАКТОР ЛЕГИТИМНОСТИ В КОНФЛИКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Репрезентация коллективной идентичности российского общества на многих этапах исторического развития осуществлялась посредством актуализации славянской тематики. «Славянская» идентичность конструируется в том числе и посредством идеологем «братский народ» и «братья-славяне», анализируемых в работе в содержательном единстве. Представленные идеологические элементы рационализируют политико-культурную локализацию славян, становясь фактором поддержания напряженности и легитимации политического конфликта как в контексте идеологической, так и постидеологической политики.

Ключевые слова: идеологема; «братский народ»; «братья-славяне»; конфликт; идентичность.

Для России идея уникальности, единства и особого пути является важной частью социально-политической жизни. В моменты необходимости утверждения, укрепления или сохранения государственности, сплочения народа, в целом легитимации социально-политического порядка и властных основ режимов, объединяющая и мобилизующая идея выступает тем необходимым звеном, который способен помочь преодолеть внутри- и внешнеполитические разногласия. Актуализацию сплачивающих идей, выражающих исключительность макрополитического сообщества, мы можем наблюдать на многих этапах политико-исторического развития страны. Так, нередко формой выражения уникальности и солидарности выступала славянская тематика, сыгравшая важную роль в политико-идеологических процессах имперской России и Советского государства.

Тема славянского единства и братства, тесно связанная с зарождением в начале XIX в. национализма, проявила себя в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В преддверии и во время Первой мировой войны славянская идея вошла в официальный российский дискурс в форме солидарности с братской Сербией. Советская Россия обозначила основополагающим принцип пролетарского интернационализма, но позднее в СССР в предвоенные годы и в период Второй мировой войны вновь возникла потребность в актуализации схем, имеющих более глубокие социокультурные основания, – схем, способных мобилизовать национальное самосознание советского общества. Славянская тематика в репрезентации коллективной идентичности проявилась и в послевоенном геополитическом пространстве, и в период холодной войны.

В декабре 2016 г. исполнилось 25 лет со дня подписания Беловежского соглашения, когда три славянских республики – Белорусская, Украинская и РСФСР – образовали независимые государства. Констатировав неизбежный конец СССР, новые геополитические игроки заявили о создании Содружества Независимых Государств, открытого «для присоединения всех государств – членов бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения» [1]. Символический «братских народов союз вековой» [2], с нашей точки зрения, продолжил тем самым свое существование, не лишившись доминантного славянского атрибута, оказывающего влияние на современные российские политические процессы.

Значительную часть путинского периода в повестке дня научного сообщества, занимающегося проблемами политической жизни общества, ведущие позиции занимал вопрос о ценностно-символической составляющей российской политики. Продолжительное время мы говорили о фрагментарности, а порой и симулятивности идеологического пространства, и в целом – об утрате смыслов в отечественном политическом процессе. В новом избирательном цикле проблема смыслополагания в политике вновь приобретает научную актуальность. Современный российский политический дискурс насыщен ценностно-смысловыми конструкциями, выражающими особость и целостность «российской цивилизации». По нашему мнению, это свидетельствует о новых попытках реконструкции уникальной идентичности, в структуре которой наряду с ценностями патриотизма находится и идея этнокультурного родства и символической близости народов.

В данном случаем речь идет о близких по своему содержанию формулах «братский народ» и «братья-славяне», которые в описаниях и интерпретациях политических отношений России с другими славянскими государствами нередко используются как синонимичные. В нашем исследовании мы объединим конструкции «братский народ» и «братья-славяне» в единую ценностно-символичекую форму – идеологему, смысловая составляющая которой отсылает нас к символическому ареалу славянского народа или народов.

Идеологема, представая как смыслообразующий элемент идеологических конструктов, объединяет в себе ценностное начало и символические образы. И именно ценностно-символичекие основания наделяют ее многозначностью и системностью символа, но и определенностью ценности, встраивая смысл определяемого политического актора в пространство дуальных схем. Так символические основания позволяют воспринимать множественность смыслов и воплощений конструкции «братский народ», подразумевая как любое пространство расположенных к конструктивным отношениям народов, имеющих тесные политические, экономические, исторические связи с Россией, так и собственно все пространство этноязыковой общности славян, даже при наличии социально-политической напряженности или открытого конфликта между сторонами.

В идеологеме «братья-славяне» / «братский народ», на наш взгляд, возможно обнаружить два из-

мерения, которые образуются на фундаменте двойственности и многозначности символических компонентов. С одной стороны, идеологема «братья-славяне» является частью более широкой и универсалистской «Русской идеи», которую В.В. Ильин относит «к разряду так называемых великих панидей» [3. С. 68], вводящей славянский вопрос в орбиту тотальной идеологии (тотальной концептуальной модели) о мессианской цивилизационной роли России. Тотальную идеологию в данном случае следует трактовать, согласно концепции К. Мангейма, как систему, символически поддерживающую и структурирующую универсум. По своему объему понятие «тотальная идеология» во многом совпадает с понятием «культура» и выходит за пределы «политического». Находя свое выражение в традиции, она выступает как культурные основания воспроизводства конкретных форм поведения и деятельности, в том числе и в поле политики.

Таким образом, тотальная идеология предстает в качестве культурной формы, актуализация и концептуализация элементов которой могут осуществиться лишь в определенном социально-политическом контексте [4. С. 14–17]. Тотальную концептуальную модель «Русская идея» с ее актуализированным элементом «братский народ», с нашей точки зрения, можно обозначить как национальное сознание, образ мира, значимый для отдельных индивидов и их групп в рамках единого символического пространства – конструкта государства.

По справедливому замечанию Т. Гланца, «за пределами России такой преобладающей установки, столь сильного убеждения, что славяне – это главным образом “мы”, “наш народ”, не существует» [5]. Однако достаточно традиционное сочетание аморфного российского общества и сильного государства несет в себе значительный конфликтный потенциал, поскольку именно государство остается главным инструментом социальных преобразований, фактором политической динамики в целом, констатируя этот факт как свою историческую миссию.

С другой стороны, идеологема «братья-славяне» / «братский народ» выступает как форма типологизации и означивания единого, но, тем не менее, сегментированного этнокультурного пространства славян, о котором, к примеру, еще в XVII в. писал Ю. Крижанич. В частности, автор указывал на необходимость поддержания славянской общности. «Славянская общность» в данном случае трактуется как «славянская взаимность в политической, культурной и религиозной сфере» [6. С. 9]. Как отмечают исследователи, «славянская взаимность» как аналитическая категория носит универсальный характер и «включает все исторические, языковые, культурные, идейные связи славян, дающие им историческое право для оформления конкретных объединительных теорий и программ, союзов – региональных или этнических» [7. С. 11]. При этом, по Крижаничу, славянская взаимность опровергает саму идею о едином политическом центре славянских народов и даже противопоставляется автором централизованной великодержавности Москвы. Безусловно, Русь оставалась для Крижанича своеобразным образцом и локомотивом славянского единства и славянского мира, но, тем не менее, по твердому убеждению автора, это пространство может быть унифицировано только лишь посредством одной символической системы – «всеславянского языка», имеющего надполитический характер.

Здесь уже в саму идею о славянском братстве и славянской общности заложено совершенно отличное представление о политической деятельности и политическом поведении, как и сущности политики вообще. Единое «славянское» пространство конституируется культурно-этнической уникальностью или, по крайней мере, характерной специфичностью, вне политической универсальности.

В современных условиях идеологема «братский народ», как и «братья-славяне», выступает средством саморепрезентации российского общества. Несмотря на идейно-внешнеполитичекую ориентацию, ценностно-символическая конструкция славянского родства используется преимущественно для «внутреннего употребления» [8]. В том числе через данную форму осуществляются процессы означивания, интерпретации и осмысления политико-культурного пространства своего существования. В политическом измерении это означивание и выделение единого символического пространства определяют наличие «специфической идентичности», которая, по мнению Т. Иглтона, несет в себе значительный заряд конфликтности. Автор, анализируя феномен культуры и основания культурного самоопределения, отмечает: «...все то, что некогда считалось сферой консенсуса, превращается в территорию конфликта» [9. С. 62], подразумевая, что все те коды, которые прежде относились к сфере универсализации человеческого существования, становятся факторами рационализированной локализации и напряженности. Так, можно полагать, политико-культурный феномен «славянской» идентичности входит в пространство политического конфликта, становится частью языка конфликта и легитимирует конфликт.

Проблему конфликтогенного потенциала идеологемы «братский народ / братья-славяне» возможно объяснить в контексте двух противоборствующих моделей политики, которые выражают совершенно отличные качество и характер политической практики и политической активности. Эти две формы Д. Шварцмантель предлагает определять как идеологическую политику и политику идентичности. Первая, в авторской трактовке, «олицетворяет стремление объединить людей для того, чтобы воплотить в жизнь масштабные проекты социальной трансформации» [10. С. 212], в то время как «политика идентичности олицетворяет поощрение различий и видение того, что цели политической активности должны быть скорее “оборонительными”, а не тотальными» [Там же. С. 211]. С учетом фрагментации идеологического пространства в современных обществах и трансформации ценностно-символической сферы политики, сосредоточения на частном, локальном и уникальном, идеологическая политика, вероятно, утрачивает свои позиции. Д. Шварцмантель настаивает, что «б**о**льшая гетерогенность современного общества наряду со

знанием того, чем опасны тоталитарные извращения политики, спровоцировали отрицательную реакцию на идеологическую политику. Эта реакция, облаченная в форму политики идентичности, вылилась в б**о**льший акцент на тех идентичностях, которые имеют для людей особенную ценность и в которых те видят основу для своей политической активности» [10. С. 213].

Однако концепция постидеологической политики вызывает закономерный вопрос о ее реальных возможностях сохранения и актуализации либо «преодоления» традиции, особенно укорененной политико-культурной традиции российских общества и власти. В связи с этим не становится ли и масштабный символический проект «славянского братства», вплетенный в традиционалистскую канву тотальной «Русской идеи», неадекватным тенденциям нормативно-символического измерения политики и актуальным социально-политическим практикам?

Напротив, идеологема «братья-славяне» / «братский народ» является одной из тех традиционалистских символических форм, которая способна обеспечить смысловую ориентацию большей части населения. Современная российская идеология, утратив жесткость формы и будучи трансформирующейся «открытой» системой, ориентируется главным образом на традиционные формы символизации. При этом мы не должны забывать, что какой бы интепретативной схемы в анализе идейно-символической конструкции «братья-славяне» / «братский народ» мы не придерживались – идеологической или постидеологической, в каждом случае ценностные основания идеологических элементов будут структурировать представления о социально-политическом мире.

Так, традиционно в схемы репрезентации макрополитического сообщества включаются характерные для ценностей бинарные противопоставления – образы «своих и чужих», предполагающие наличие другой, часто враждебной стороны. Следует отметить, что в российских политических практиках в качестве антитезы в идеологеме при наличии реальных и потенциальных конфликтных взаимодействий обнаруживается скорее не «враждебный народ», а некоторый центр власти, условное «правительство» характеризуемого «славянского» государства. Таким образом российская идейно-символическая сфера политики каждый раз реагирует на актуальные вопросы и вызовы мультикультурного общества, когда сформированный образ «братского народа» и связанные с ним смысловые коннотации «активизируются» на любом из необходимых этапов политического процесса, что обеспечивает идентификацию населения «здесь и сейчас».

С позиций же политики идентичности идея славянского братства, как и «Русская идея», становится региональным проектом. И здесь мы обнаруживаем дополнительное основание для возникновения конфликта в нормативно-символической сфере. Это напряженность, связанная с расхождениями локальной и глобальной политики и культуры. Сценарий этого конфликта разворачивается в плоскости противоборства регионального патернализма России и глобального плюрализма. Последний в борьбе за разнообразие культурных, социальных, этнических и национальных, экономических и политических форм самоопределения возводит это разнообразие и эту борьбу в ранг политической универсализации. В контексте российского политического процесса идеологема «братья-славяне» / «братский народ» дополнительно легитимирует возникающий конфликт. Противоборство между политикой идентичности и политико-культурной цивилизационной моделью – «Российской цивилизацией» – наделяет локальный проект «славянского братства» новым смыслом. Определяя универсальность славянской идеи специфичностью исторических, культурных, политических и этноязыковых характеристик и связей, иными словами, апеллируя к «мифологии корней», использование идеологемы обосновывает единство виртуального славянского мира. Мобилизуя заданные значения, служащие установлению, поддержанию и признанию определенного порядка, она обеспечивает тем самым основания для политической идентичности.

Таким образом, конфликтное измерение славянской идентичности оказывает в конечном итоге влияние «на основные аспекты политической борьбы и политической организации в данном обществе» [11. С. 78], становясь значимой частью представлений о социально-политической действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности // Портал Архивы России : Федеральное архивное агентство. URL: http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml (дата обращения: 30.09.2016).
2. Тексты гимнов Советского Союза и России, написанные Сергеем Михалковым // РИА Новости : сетевое издание. URL: https://ria.ru/culture/20090827/182589876.html (дата обращения: 30.09.2016).
3. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во МГУ, 2000. 304 с.
4. Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 12–27.
5. Гланц Т. Славянская борьба в Центральной Европе // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 6. С. 40–51. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/gl6.html (дата обращения: 8.10.2016).
6. Крижанич Ю. Политика. М. : Новый Свет, 1997. 527 с.
7. Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. 300 с.
8. Миноровский А.В Болгарию с любовью: панславизм вчера и сегодня // Русский журнал : сетевой журнал. URL: http://www.russ.ru/pole/V-Bolgariyu-s-lyubov-yu-panslavizm-vchera-i-segodnya (дата обращения: 17.07.2016).
9. Иглтон Т. Идея культуры. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 192 с.
10. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
11. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999. 416 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 января 2017 г.

THE IDEOLOGEME "BROTHERLY NATION": THE LEGITIMACY FACTOR IN A CONFLICTUAL SPACE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 115–118.
DOI: 10.17223/15617793/415/15

Veronica G. Skochilova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: veronassk@gmail.com

Keywords: ideologeme; "brotherly nation"; "brothers Slavs"; conflict; identity.

The article is devoted to the research of the representation of Russian society's collective identity in the descriptive and interpretative context of Russia's political relations with other Slavic nations. It is shown that the Slavic theme is an integral part of the native symbolic policy. At many politico-historical stages of the development of the nation (Russian Empire, Soviet state, post-soviet Russia), the dominant Slavic attribute represents a means to express the notion of uniqueness, solidarity and particular path. In contemporary Russia again a unique identity is reconstructed, where patriotic values, the notion of ethno-cultural kinship and symbolic nearness of nations are present in its structure. In this context such constructs of symbolic value as "brotherly nation" and "brothers Slavs" the author analyses in the substantial unanimity of the "Slavic" ideologeme are of high interest. The ideologeme is treated as a sense-forming element of ideological constructs, the symbolic basis of which give a plurality of meanings and incarnations to the construct "brotherly nation / brothers Slavs". Thus, the examined ideologeme appears through various interpretations as either part of the universal "Russian idea", bringing the Slavic problem in the orbit of the total conceptual model of the messianic civilizational role of Russia, or as a form of typology and creation of meanings of a segmented ethno-cultural Slavic space, brought together by the notion of "Slavic reciprocity". It is established that in the first case the notion "Slavic brotherhood" acquires a political universality and becomes an integral part of the symbolic political space of the Russian state; in the second case a unified Slavic space has a supra-political quality and is constructed solely through ethno-cultural uniqueness. It is emphasized that at the contemporary stage the ideologeme "brotherly nation / brothers Slavs" is also seen as a means of self-representation of the Russian society and expression of a specific Slavic identity, which, however, becomes a factor of political tension and a means of conflict legitimation. The problem of the conflictogenic potential of the ideologeme "brotherly nation / brothers Slavs" was analysed in terms of ideological policy and identity policy as two opposing models of the politico-symbolic practice. It is shown that the relay of big ideological projects with constant forms of expression of the unique identity does not take away the orientation and mobilisation characteristics from the ideological symbolic construct. In both ideological and post-ideological policies the value-oriented basis of the ideological elements structures the representation of the socio-political world, building meanings in the space of dual schemes, maintaining the conflicting world image. It is also shown that the idea of Slavic brotherhood, and of the "Russian idea", has become a regional project in terms of the identity policy, a project opposed to the global and universal pluralistic policy and culture. In the context of the Russian political process, the ideologeme "brotherly nation / brothers Slavs" extra-legitimizes the emergent conflict, grounding the unity of the Slavic world by the "roots" myth.

REFERENCES

1. Archives in Russia: Federal Archival Agency. (1991) Soglashenie o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv. 8 dekabrya 1991 g. [Agreement on the establishment of the Commonwealth of Independent States. December 8, 1991]. *Virtual'naya vystavka k 1150-letiyu zarozhdeniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [A virtual exhibition on the 1150th anniversary of Russian statehood]. [Online] Available from: http://www.rusarchives.ru/projects/ statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml. (Accessed: 30 September 2016).
2. RIA Novosti. (n.d.) *Teksty gimnov Sovetskogo Soyuza i Rossii, napisannye Sergeem Mikhalkovym* [The texts of the hymns of the Soviet Union and Russia written by Sergei Mikhalkov]. [Online] Available from: https://ria.ru/cu-lture/20090827/182589876.html. (Accessed: 30 September 2016).
3. Il'in, V.V. & Akhiezer, A.S. (2000) *Rossiyskaya tsivilizatsiya: soderzhanie, granitsy, vozmozhnosti* [Russian civilization: the content, limits opportunities]. Moscow: Moscow State University.
4. Barbot'ko, L.M., Voytov, V.A. & Mirskiy, E.M. (2000) Total'naya ideologiya protiv totalitarnogo gosudarstva [Total ideology against a totalitarian state]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 12–27.
5. Glants, T. (2007) Slavyanskaya bor'ba v Tsentral'noy Evrope [Slavic struggle in Central Europe]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 6. pp. 40–51. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/gl6.html. (Accessed: 8 October 2016).
6. Krizhanich, Yu. (1997) *Politika* [Politics]. Moscow: Novyy Svet.
7. Rokina, G.V. (2005) *Teoriya i praktika slavyanskoy vzaimnosti v istorii slovatsko-russkikh svyazey XIX v.* [Theory and practice of the Slavic reciprocity in the history of Slovak-Russian relations in the 19th century]. Kazan: Kazan State University.
8. Minorovskiy, A. (2012) V Bolgariyu s lyubov'yu: panslavizm vchera i segodnya [To Bulgaria with love: Pan-Slavism yesterday and today]. *Russkiy zhurnal*. [Online] Available from: http://www.russ.ru/pole/V-Bolgariyu-s-lyubov-yu-panslavizm-vchera-i-segodnya. (Accessed: 17 July 2016).
9. Eagleton, T. (2012) *Ideya kul'tury* [The idea of culture]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics.
10. Shvartsmantel, D. (2009) *Ideologiya i politika* [Ideology and politics]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
11. Eisenstadt, S.N. (1999) *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations]. Moscow: Aspekt press.

Received: 10 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 119–125. DOI: 10.17223/15617793/415/16

УДК 94(4)4/14

Д.Н. Старостин

«ЖИТИЕ ПАПЫ СИЛЬВЕСТРА» И ПОИСКИ ИДЕИ ХРИСТИАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМЫ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕРКВИ В IV–VI вв.

Рассматривается формирование образа христианского императора Константина Великого в контексте процессов создания новых концепций власти в раннем Средневековье. «Житие папы Сильвестра» считалось текстом западного происхождения, однако оно было хорошо известно как на Западе, так и на Востоке. Его главная мысль была связана с установлением порядка в церковной иерархии, в равной степени выгодного как римскому епископу, так и патриархам восточной церкви, а именно «пентархии».

Ключевые слова: Житие папы Сильвестра; Константинов дар; образы власти в Средние века; поздняя Античность; раннесредневековые структуры власти.

Легенда о даровании императором Константином особых прав епископу Рима относится к разряду тех сюжетов, которые являются основополагающими для формирования самосознания католической церкви [1. S. 52]. С именем этого императора в Средневековье были связаны претензии римских пап не только на руководство всей западной церковью и главенство над светскими правителями Европы, но и на самостоятельность, даже верховенство в рамках христианской ойкумены, которые нашли свое выражение в документе, известном как образованным людям Средневековья, так и современным исследователям под названием «Константинов дар» («Constitutum Constantini»). Именно в легенде об этом даре отразились важнейшие средневековые представления о соотношении светской и церковной власти [2. S. 159–160].

Хорошо знакомый любому медиевисту «Дар» (а точнее, «Постановление Константина»), был составлен, как считается, в конце VIII или начале IX в. на основе сложившегося к тому времени корпуса текстов, главными из которых являлись «Житие папы Сильвестра», «Житие Константина и Елены» и «Об обретении креста» («De inventione crucis») [2. S. 160. Прим. 1; 3]. «Константинов дар» стал важным документом для оформления идеологии власти папства в Средние века, но после его разоблачения итальянским гуманистом Лоренцо Валлой в 1440 г. он приобрел особую популярность как показательный пример средневековой подделки. После выхода в свет работы Доллингера вопрос о его неподлинности, как казалось исследователям начала XX в., был закрыт. В своем труде немецкий исследователь поставил «Константинов дар» в один ряд с другими «баснями», связанными с римскими папами, надолго отложив необходимость его дальнейшего исследования [4]. И только недавно появился ряд интересных работ по данной тематике, авторы которых попытались заново проанализировать не столько сам процесс создания поддельного документа в раннем Средневековье, сколько обратиться к тому, как затронутые в нем сюжеты возникли, сформировались в поздней Античности и правильно ли они были поняты людьми раннего Средневековья, которые остановили на них свое внимание в поисках источников для легитимации претензий папства [5–8]. Процесс формирования и трансформации системы представлений, нашедших свое выражение в «Константиновом даре» в раннем Средневековье, как показывает посвященная данному сюжету современная историография, является весьма актуальным.

На сегодняшний день очевидно, что историографическая традиция, сложившаяся в результате появления работы Лоренцо Валлы, и тот эффект, который производило его сочинение на последующие поколения историков, не совсем верно отражают процесс генезиса системы представлений, связанных с именем первого христианского императора Константина в поздней Античности, и превращения их в центральный для Средневековья элемент правового сознания. Историки традиционно считают принятие христианства Константином самым значительным для Европы событием [9. P. 3]. Некоторые даже говорят о том, что именно оно сделало Европу христианской [10]. Литература, посвященная этому вопросу, поистине огромна [6; 11. Прим. 4]. Однако значимость принятия христианства Константином и трактат Лоренцо Валлы привели к тому, что взгляд исследователей сфокусировался в первую очередь на самом императоре и на связанных с его именем легендах и текстах, а родственные по характеру жития стали своего рода дополнением этой картины. В частности, в течение достаточно долгого времени один из основополагающих текстов, сыгравший важнейшую роль в формировании легенды о Константине, а именно «Житие папы Сильвестра» («Actus Silvestri»), рассказывавший о крещении Константина в Риме папой Сильвестром и последующем даровании последнему права на суверенитет над всей церковью, присутствовал в традиции католической церкви только как сопутствующий сюжет в легенде о «Константиновом даре» [1. S. 52]. Историков, занимающихся Византией, интересовало в первую очередь жизнеописание Константина, поскольку на Востоке именно оно получило наибольшее распространение. Предметом рассмотрения для византинистов являлась легенда о Константине Великом в период от IV к IX в., а легенду о папе Сильвестре как самостоятельный сюжет они не затрагивали, не считая, что она имела какое-либо значение для византийской политической идеологии.

Св. Сильвестр – епископ эпохи Константина Великого, наряду со св. Мартином, относится к разряду важнейших святых западной церкви. Его культ, вместе с культом св. Мартина, ознаменовал собой пере-

ход от почитания мучеников к почитанию исповедников на Западе. Таким образом, вышеупомянутые святые стали для западного мира эпохи поздней Античности и Средневековья центральными фигурами в пантеоне католической церкви. Св. Сильвестра считали превосходящим всех своими достоинствами и святостью: «[Remegius]... set et sanctitate ita praelatus, ut Silvestri virtutebus equaretur» [12]. Его имя было хорошо известно уже в поздней Античности, а легенда о нем относится к разряду тех сюжетов, которые лежат в основе становления самосознания западной церкви.

Обращение к легенде о папе Сильвестре актуально сегодня по ряду причин, несмотря на то что вопрос о недостоверности «Константинова дара» был давно решен. Исследователи XIX и начала XX в. считали установленным фактом, что текст документа был написан в Риме, хотя и сохранился в рукописях, выполненных к северу от Альп. Однако во второй половине XX в. была выдвинута идея о том, что «Константинов дар» мог быть на самом деле составлен во франкском королевстве как своего рода реверанс Карла Великого или Людовика Благочестивого в сторону папы. В недавнее время историки снова обратились к данной теме, подойдя к ней в первую очередь не с точки зрения подлинности, а сделав попытку расшифровать смысл, который вкладывала в легенду о Константине Великом и в сам документ мыслящая часть общества поздней Античности и раннего Средневековья.

В частности, «Константинов дар», как считается, был составлен вовсе не с целью закрепить монополию папства, а чтобы поддержать франкскую церковь в период ослабления единства власти, когда одновременно правили император и король Лотарь и фактически равные ему по статусу Людовик Немецкий и властитель Западно-франкского королевства Карл Лысый в 830–860-е гг. [8. P. 111–114]. Легенда о папе Сильвестре играла значительную роль в контексте споров, которые захватили церковь в период IV–V вв. Рассказ о римском епископе, излечившем императора Константина от проказы и тем самым побудившем его сделать христианство государственной религией, имел особое значение в вопросе о главенстве константинопольского патриарха, который возник из-за принятия Константинопольским собором 381 г. третьего канона, подтвержденного 28 каноном Халкедонского собора 451 г. В каноне говорилось о том, что «новому Риму» (т.е. Константинополю), местонахождению императора и Сената, должны принадлежать все привилегии, которые изначально принадлежали Риму [11. P. 259–263; 13]. Именно поэтому возникло предположение, что текст жития папы Сильвестра появился на Западе в контексте ответа западной церкви, и в первую очередь римских понтификов, на решения Константинопольского собора [5. S. 149]. Но было ли создано житие папы Сильвестра к тому моменту – сказать сложно. Впервые существование этого текста подтверждается в декрете папы Гелазия (492–496) «Decretum Gelasianum de recipiendis et non recipiendis libris» (494–498 г.): «actus beati Silvestri apostolicae sedis praesulis a multis tamen in urbe Romana catholicis legi cognovimus» [14. S. 400; 15. S. 42–43]. Он упоминается также в возникших примерно в это же время Апокрифах Симмаха, а именно в деяниях Либерия: «Hoc cum legisset ex libro antiquo <...> in nomine Iesu Christi a lepra mundatum fuisse per Silvestrum Constantinum» [6. P. 96; 16. Гл. 8, кол. 1389].

Хотя дата возникновения жития папы Сильвестра падает на период между серединой IV в. и 492 г., просматривается связь данного сочинения с текстами, возникшими еще в первой половине IV в. Частью жития является так называемой Conversio Constantini, составленный в IV в. Этот текст снимал конфликты, создаваемые различиями в версиях крещения Константина, которые сложились к 337 г. В частности, Conversio Constantini позволял обойти ставший скользким к тому времени вопрос о крещении Константина арианином Евсевием Никомедийским, показывал несостоятельность языческих версий истории крещения Константина, которые связывали выбор новой религии только с желанием императора быстро избавиться от проказы, и делал это событие легитимным путем обращения к неоспоримому символу имперской власти – Риму [6. P. 96]. Фактически появление жития папы Сильвестра решало две основные задачи – избавлялось от арианского влияния в области церковной истории и устанавливало ту ортодоксальную точку зрения, которая соответствовала решениям вселенских II и IV соборов 380 и 451 гг.

Общая картина возникновения жития папы Сильвестра выглядит следующим образом. Версия о крещении Константина арианином Евсевием Никомедийским имела хождение и оставалась официальной только до того переломного момента, которым стало для империи правление Феодосия I [5. S. 124; 7. P. 45]. До 380-х гг. память о крещении Константина являлась своего рода «hereditas fidei», и даже споры между католиками и арианами не разрушали общую положительную оценку принятия христианства в качестве официальной религии империи. Поэтому версий этого события, которые бы открыто полемизировали между собой, не возникало. Но когда при Феодосии (380–395 гг.) изменился политический и церковный климат, когда никейская доктрина стала единственно верной, а раскол между Западом и Востоком в области церковной организации проявился не только в доктринальном, но и в институциональном аспекте, а именно в постановлении Константинопольского собора (380 г.) о главенстве Константинопольского патриарха в церковной иерархии, то появляются противоречащие друг другу версии крещения Константина [6. P. 92]. Тогда начинавшие набирать свои обороты регионализация и распад империи на западную и восточную части в значительной степени отразились не только на государстве, на сознании и устремлениях знати, составлявшей значительную часть гражданских чиновников и военных, но и на организации церкви и на самосознании ее представителей. Это и привело к оформлению легенды о крещении Константина в Риме. Если по версии Евсевия Кесарийского Константин был крещен незадолго до своей смерти арианином, епископом Евсевием Никомедийским, то в Житии папы Сильвестра этот эпизод датировался годом ранее, и само событие приписывалось католику, епископу Рима Сильвестру.

Однако даже оформление этой легенды, которой, кстати, придерживался Иероним, не привело к тому, что она стала официально принятой всеми церквями Запада. В 455 г. Проспер Аквитанский воспроизводил в своей хронике историю о крещении Константина Евсевием Никомедийским: «Constantinus extremo vitae suae tempore ab Eusebio Nicomedensi episcopo baptizatus in Arrianum dogma declinat» [17. 1046. P. 452]. О широком распространении сообщения Иеронима на Западе хорошо известно [6. С. 98; 18. P. 226]. «Галльская хроника» сообщает о крещении Евсевием Никомедийским, но говорит об этом событии как о втором крещении (rebaptizatus) [18. P. 227; 19. A. DXI. Chron. 474. С. 643]. И это свидетельствует о существенной трансформации легенды о Константине Великом на Западе в период от IV к VIII в. В поздней Античности, а точнее с начала V в., легенда об обращении Константина Великого в христианство в Риме была, прежде всего, призвана защитить особое положение вечного города в условиях создания новой конфигурации церковной власти, установленной Константинопольским и Халкедонским соборами, которая получила название «пентархия». В представлении же западноевропейца эпохи Средневековья «Константинов дар» воспринимался как текст, защищающий приоритет пап в области не только духовной, но и светской власти, и направленный скорее против властителей Запада, чем церковных иерархов Востока [8. P. 111–114].

Подобное положение дел дает возможность заново поставить ряд вопросов о взаимоотношении политико-правового смысла легенды о крещении Константина (в ее широком смысле, а не просто «Константинова дара») и «Жития папы Сильвестра». Это особенно важно потому, что житие папы Сильвестра всегда находилось в тени более колоритного источника – «Константинова дара». Вместе с тем рукописная традиция жития папы Сильвестра показывает, что этот памятник был не менее значимым. Существует большое количество редакций «Деяний папы Сильвестра», а общее число рукописей достигает ста. Тем меньше внимания получил греческий текст «Жития папы Сильвестра». В XIX в. сложились две точки зрения на происхождение текста жития папы Сильвестра. С подачи Доллингера общепринятой стала уверенность в том, что при исследовании этого важнейшего для Средневековья текста нужно обращать внимание в первую очередь на латинский вариант, в то время как греческая редакция считается вторичной. Он также считал, что легенда о крещении Константина в Риме сложилась на Западе [4]. Французский исследователь истории папства и издатель Liber pontificalis Дюшен, наоборот, полагал, что легенда о крещении Константина папой Сильвестром пришла с Востока и была только адаптирована на Западе [20. С. 170–201. Introduction. C. CIX, CXII].

На переломе XIX и XX в. у исследователей появилась новая аргументация. Если на Западе самое раннее упоминание о тексте, содержащем описание крещения Константина, относится только к концу V в., то на Востоке есть и более раннее. В частности, в Истории Армении Моисея Хоренского (середина V в.) мы находим легенду о крещении Константина, которая фактически идентична западной версии жития папы Сильвестра. Исследователи начала XX в. относили Историю Армении к концу V в. Данная точка зрения стала широко распространенной и была воспроизведена в ряде стандартных публикаций и энциклопедий. Свое лингвистическое доказательство она обрела благодаря А. Гауденци, который сравнил латинский и греческий тексты, в результате чего появилась возможность утверждать, что последний имеет не только самостоятельное, но и первичное значение. Вопрос о первичности восточной версии легенды о крещении Константина в Риме на данный момент отошел на второй план, но занимающиеся этими сюжетами исследователи по-прежнему подчеркивают, что восточные версии имеют самостоятельное значение. В частности, в ряде работ указывается, что бытование этой легенды на Востоке было связано с доктринальными трениями и, возможно, даже с противостоянием идеям Халкедонского собора.

Вместе с тем некоторые исследователи сделали попытку опровергнуть это положение. Свои доказательства западного происхождения жития папы Сильвестра они основывали в первую очередь на более поздней датировке Истории Армении. Вильгельм Левисон в 1924 г. заново проанализировал текст «Константинова дара» и жития папы Сильвестра не только с опорой на внешние признаки, но и на рукописную традицию и показал, пусть и на сравнительно малом количестве примеров, что положение о первичности латинского текста имеет больше веса, чем утверждения о первичности греческого [2. S. 32]. Но к тому моменту, когда Левисон занимался своими изысканиями, произошла подмена сути спора. Вопрос о происхождении легенды о крещении Константина в Риме был заменен вопросом о том, был ли первичным греческий или латинский текст.

Таким образом, к началу XXI в. сложилась историографическая традиция, в соответствии с которой первичным считался именно латинский текст, а греческий рассматривался всего лишь как перевод. Повторяя аргументы Доллингера, современные исследователи тоже говорят о том, что наиболее ранней версией жития папы Сильвестра является пространная латинская редакция, которая обозначается сиглой A [6. P. 93; 7. P. 37–38]. Правда, историки не утверждают, что она может считаться примером агиографический литературы, и рассматривают ее скорее как полемическое сочинение [5. S. 124; 7. P. 45; 21. P. 17–58]. Но это представление базируется не столько на внутренней или внешней критике источника, сколько на понимании того, что житие появляется в контексте защиты папами своей позиции от патриархов Константинополя и именно в данных обстоятельствах оно обретало смысл.

Интерес к «Житию папы Сильвестра» фактически угас в начале XX в., что выразилось в первую очередь в нехарактерной для столь важного средневекового текста ситуации с его публикацией. Несмотря на попытки, предпринятые еще в начале XX в., до сих пор нет критических изданий ни латинской, ни греческой редакции. Те же издания, что есть, нельзя назвать «критическими» в современном смысле этого слова: в

частности, при публикации латинского текста разные редакции были сведены в одну, и поэтому изданный таким образом текст не соответствует ни одной из средневековых редакций, являясь фактически творением издателей [22–24]. Оценка текста как недостоверного содержится у Левисона [2. P. 169]. Издание греческого текста было в последний раз предпринято Ф. Комбефисом в XVI в. [25. P. 258–336].

Латинские тексты отличаются друг от друга следующим. Известны две редакции текста жития папы Сильвестра, обозначаемые сиглами A и B. Наиболее длинным и, возможно, самым ранним является текст, обозначенный сиглой A [5. S. 166; 7. P. 38]. Он был опубликован Боницием Момбрицием в XV в. и переиздан в начале XX в. Большинство рукописей на латинском языке содержали редакцию A, в то время как редакция B, отраженная в значительно меньшем количестве рукописей, в основном существовала в греческих вариантах, например греческая редакция BHG 1628-1630, хотя встречались и латинские. Редакция A представляет собой более длинный текст, а редакция B – более короткий. Но самое главное различие состоит в том, что редакция A, возможно, была написана не как агиографическое, а скорее как полемическое сочинение в рамках теологических споров с язычниками и иудеями в процессе принятия в Риме и на Западе в целом новой религии [5. S. 166]. Она была составлена человеком, хорошо знакомым с реалиями города Рима и даже всей Западно-Римской империи. В частности, редакция A уделяет больше внимания социальному происхождению Сильвестра, представителя привилегированных слоев Римской империи, а также показывает хорошее знакомство ее автора с топографией Рима. В целом она демонстрирует большее знакомство своего составителя с историческими реалиями и не ограничивается традиционным для агиографической литературы повествованием только о благодати, нисшедшей на святого или о его мученичестве [2. P. 181–191, 201; 21. P. 58].

Другие особенности данной редакции позволили исследователям сделать выводы не только относительно ее датировки, но и того религиозно-догматического контекста, в котором она появилась. В ней специально оговаривается существование у Христа двух природ, человеческой и божественной, хотя автор рукописи не дал ответа на вопрос о соотношении между ними, и тем более не коснулся более тонких вопросов, возникших после Халкедонского собора, таких, например, которые привели к появлению монофелитства и связанных с ним богословских учений. Данное обстоятельство позволило утверждать, что редакция A появилась незадолго до или после Халкедонского собора, на котором вышеупомянутое положение было принято в качестве обязательного для тех, кто считал себя принадлежащими к лону церкви: «...qui dignatus est formam nostrae servitutis arripere et hominem perfectum Deus perfectus adsumere, ut in uno Deus et homo una persona hominibus credentibus subveniret» [2. P. 199–200]. Одновременно этот факт говорит о том, что редакция A, скорее всего, появилась до того момента, когда споры, которые легли в основу решений Халкедонского собора, уступили место новым и дали ход таким богословским учениям, как монофелитство (т.е. до VII в.). Как предполагают исследователи, они возникли в период 410-х гг., когда Западно-Римская империя была охвачена религиозными спорами с языческими и другими религиозными группами [7. P. 45–46; 21. P. 17–58].

Редакции, обозначенные сиглами B1 и B2, имеют иную структуру повествования. Главное отличие состоит в том, что эти две связанные между собой редакции принципиально отличаются от редакции A своим отношением к спорам о природе Христа. В редакции B уделено больше внимания соотношению между двумя природами. Воззрения автора более оформлены в доктринальном смысле и в большей степени напоминают ту доктрину, которая оформилась после Халкедонского собора. Кроме того, редакция B больше похожа на типичные жития и содержит намного меньше исторических реалий и деталей повседневной жизни города Рима. Данное обстоятельство позволило говорить о том, что ее автор вряд ли когда-нибудь бывал в Риме, хотя в этой редакции в целом крайне мало специфических деталей повседневности, и что он, скорее всего, принадлежал к кругам, в которых был более развит культ святых и соответствующие ему каноны агиографии. Это дало возможность исследователям утверждать, что редакция B происходит от редакции A, но она является результатом адаптации текста, написанного для Западно-Римской империи, к реалиям Восточно-Римской империи, Сирии или Палестины. Левисон считал, что греческие и другие редакции происходят от латинской редакции B1 [2. P. 224]. Древнейшей рукописью редакции B, относящейся к X в., является Bibliotheque Nationale Francaise Grec. 513, 77v-99v, которая была опубликована в XVI в. в труде доминиканца Ф. Комбефиса [25. C. 253–346]. Эту рукопись он сравнил с BNF Grec. 1448.

Описанное выше противопоставление редакций A и B является значимым для тех рукописей, которые были известны исследователям на конец XX в. Однако одна рукопись греческой редакции, введенная в оборот в конце XIX в., дает возможность посмотреть на процесс развития и генезиса новых редакций с другой стороны. Это греческая редакция, находящаяся в рукописи из библиотеки г. Мессины, Messanensis 87. Она осталась практически неизвестной для европейских исследователей конца XIX – начала XX в., и в этот период на нее обратил внимание российский исследователь М.Н. Крашенинников (1865–1931). Он занялся колляциями греческого текста, взяв в качестве основы издание Комбефиса и выписав на полях подготовленной для этого тетрадки разночтения с тем текстом, который он нашел в рукописи Messina 87 [26].

В данной статье не ставилась задача провести полный анализ соотношения двух греческих редакций. Подобная попытка была предпринята в другой публикации [Там же]. Но даже поверхностное знакомство с греческим текстом жития папы Сильвестра из этой рукописи позволяет сделать интересные выводы. Первый абзац этого жития в мессинской рукописи значительно отличается от того, который можно найти в редакции, изданной Комбефисом. В частно-

сти, автор говорит о том, что история появления патриарха в Константинополе уже была описана, а история появления папы в Риме еще не получила освещения. Первый абзац в греческой редакции, изданной Комбефисом, сообщает только о двух патриархатах, Риме и Константинополе, в то время как первый абзац латинской редакции А повествует не о двух великих городах, а о пяти – Рим, Александрия, Антиохия, Иерусалим, Эфес. Показательно то, что в греческой редакции жития папы Сильвестра из мессинской рукописи, которую в целом можно отнести к редакции В, начало практически полностью соответствовало тому, которое можно найти в латинской редакции А.

Смысл этих отличий понятен сразу: в латинской редакции было отражено то состояние церковной иерархии, которое сложилось после Халкедонского собора 451 г., закончившегося созданием пентархии, системы главенства пяти патриархатов. Греческая же редакция, опубликованная Комбефисом, отражала состояние, существовавшее до Халкедонского собора. Этот факт можно объяснить двумя способами – либо редакция В, и в особенности ее греческие варианты, появилась ранее, чем редакция А, и возникли обе редакции на Востоке, либо они просто отразили нежелание принимать доктрину и, соответственно, ту систему церковной организации (т.е. Пентархию), которая была одобрена на соборе. Поэтому редакцию В жития папы Сильвестра и главным образом ее греческие вараинты иногда считали монофизитской и связывали ее возникновение с Ближним Востоком (Сирией, Палестиной и прилегающими областями) [2. P. 199–200].

Такое положение дел, сложившееся до находки греческой редакции жития папы Сильвестра в рукописи Messanensis 87, давало возможность исследователям выделить две противоположные тенденции в развитии жития. Сложилась традиция противопоставлять две версии этой легенды, восточную и западную, одну, появившуюся в монофизитских общинах Византии, и другую, возникшую в официальном контексте потерявшего свой имперский статус Рима.

Однако первый абзац греческого текста, содержащегося в мессинской рукописи, позволяет сделать вывод о том, что не следует говорить о распаде легенды и рукописных традиций на две практически независимые ветви. Редакция жития папы Сильвестра из мессинской рукописи была результатом контаминации редакций А и В. Первый абзац этой греческой редакции был идентичен первому абзацу латинской редакции А. Было и еще несколько отличий, которых мы не будем касаться в данной статье. Остальная же часть текста в целом совпадала с греческой редакцией рукописи, опубликованной Комбефисом. М.Н. Крашенинников, в отличие от своего предшественника, выдвинул в качестве рабочей гипотезы идею о том, что в качестве ядра текста и архетипа рукописи следует считать те редакции, в которых было более всего сходства между латинским и греческим вариантом, в отличие от точки зрения Левисона, считавшего именно латинский вариант наиболее ранним [26. С. 137–138].

Это дает возможность предположить, что текст жития, содержащийся в мессинской рукописи, представлял собой попытку адаптации греческого текста к реалиям церковной организации, сложившимся после Халкедонского собора и запечатленных в латинской версии жития папы Сильвестра. Греческая редакция В отражала изначальную версию жития папы Сильвестра, в которой главным было противостояние арианству, но еще не было указаний на четкую структуру церкви, что и было характерно для Константинопольского собора 381 г.

Интересно отметить, что исследование рукописной традиции показывает, что в латинской версии рано отразились реалии IV Вселенского собора. Но тем не менее, даже и такой скромный вывод дает возможность уточнить наше представление о том, как видоизменялись и путешествовали по раннему Средневековью легенды, объяснявшие и оправдывавшие политическую и церковную организацию той эпохи. Несмотря на то что мессинская рукопись не дает возможности установить приоритет греческой редакции над латинской, исследование «Жития папы Сильвестра» показывает, как адаптировалась к халкедонской доктрине и мироустройству идеология, возникшая в процессе отрицания новшеств, введенных этим собором.

Редакция жития папы Сильвестра из мессинской рукописи нуждается в дальнейшем исследовании с целью уточнения ее датировки. Но уже сейчас можно сказать, что этот текст, выразивший представления о независимости церковной власти от власти светской, был в равной степени широко известен в Византии и на Западе. Более того, сохранившиеся редакции показывают, что он, возможно, переписывался в Византии с целью соответствия представлениям о церковной власти, характерным для всего раннесредневекового Средиземноморья и возникшим в результате ряда попыток найти согласие между патриархами Константинополя и римскими папами. Это дает возможность утверждать, что деление раннесредневекового культурного пространства на Запад и Византию представлялось исследователям XIX и XX вв. более радикальным, чем оно виделось самим образованным людям той эпохи. По крайней мере, ключевые для истории светского и церковного права системы представлений, отразившиеся в значимой для раннесредневековой правовой культуры легенде о крещении императора Константина и той роли, которую сыграл в этом событии папа Сильвестр, в равной степени занимали важное место в умах образованной элиты как на Западе, так и в Византии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Döllinger J.J.I.v. Die Papst-Fabeln Des Mittelalters. Ein Beitrag Zur Kirchengeschichte. München : Minerva G.m.b.H., 1863. 159 s.
2. Levison W. Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende // Miscellanea Francesco Ehrle II. Bd. 2. Roma, 1924. S. 159–247. (Studi e Testi; 38).
3. Levison W. Das Formularbuch von Saint-Denis // Neues Archiv. 1917. Jg. 41. S. 283–304.
4. Döllinger I. v. Die Schenkung Constantins: ein Beitrag zur kritischen Beleuchtung der Papstfabeln des Mittelalters. Mainz : Giani, 1866. 34 s.

5. Pohlkamp W. Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten // Francia. 1992. Jg. 19, Nr. 1. S. 115–196.
6. Amerise M. Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. Stuttgart : F. Steiner, 2005. 177 p. (Hermes Einzelschriften; 95).
7. Canella T. Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. Spoleto : Fondazione Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2006. 357 p. (Uomini e mondi medievali; 7).
8. Fried J. 'Donation of Constantine' and 'Constitutum Constantini': The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning. Berlin : Walter de Gruyter, 2007. 201 p. (Millennium-Studien; 3).
9. Baynes N.H. Constantine the Great and the Christian Church. London : Oxford University Press for the British Academy, 1972. 107 p.
10. Jones A.H.M. Constantine and the conversion of Europe. London : English Universities Press, 1948. 271 p.
11. Dalla Chiesa antica alla Chiesa moderna: miscellanea per il cinquantesimo della Facoltà di storia ecclesiastica della Pontificia Università gregoriana / a cura di M. Fois, V. Monachino, F. Litva. Roma : Università gregoriana, 1983.
12. Gregorius Turonensis. Libri Historiarum X // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 1, T. 1. Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. Buch 2. Kopf 31.
13. Monachino V. Il canone 28 di Calcedonia. L'Aquila, 1979. (Collana di testi storici; 10).
14. Pohlkamp W. Kaiser Konstantin: der heindnische und der christliche Kult in den Actus Silvestri // Frühmittelalterliche Studien. 1984. Jg. 18. S. 357–400.
15. Dobschutz E. Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis. Bd. 8 / hrsg. von O. Gebhardt, A. Harnack. Berlin, 1912. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Reihe 3; 4).
16. Gesta Liberii // PL. Paris. Vol. 8.
17. Prosper Tironus. Prosperi Tironis epitoma chronicon // MGH AA. Vol. 9. Chronica minora / ed. by T. Mommsen. Berlin, 1892. P. 341–486.
18. Aiello V. Sulla fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico' // Messana. 1992. Vol. 13. P. 221–237.
19. Prosper Tironus. Chronica Gallica // MGH AA. Vol. 9. Chronica minora / ed. by T. Mommsen. Berlin, 1892. P. 615–666.
20. Duchesne L., Vogel C. Le Liber pontificalis. Paris : E. Thorin, 1957. Vol. 1.
21. Aiello V. Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, in Costantino il Grande // Dall'antichità all'umanesimo. Atti del convegno internazionale. Macerata 18–20 dic. 1990, vol. 1. Macerata, 1992. P. 17–58.
22. Legenda sancti Silvestri. Bruxelles, 1478.
23. Vita Sylvestri papae // Sanctuarium Seu Vitae Sanctorum / modificato B. Mombritius. Milano, 1480. T. 2. P. 279v–293v.
24. Vita Sylvestris papae // Sanctuarium seu Vitae sanctorum / sous la dir. de B. Mombrizio, A. Brunet. Parisiis : apud Albertum Fontemoing, 1910. P. 508–531.
25. Vita Sylvestris papae / sous la dir. de F. Combefis. Paris, 1660.
26. Старостин Д.Н. Малоизвестный сюжет из истории отечественного византиноведения: неудавшиеся попытки издания «Жития Константина и Елены» и «Жития папы Сильвестра» в конце XIX – начале XX в. и новые данные о рукописной традиции этих текстов // Византийский временник. 2012. Т. 71 (96). С. 126–139.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 января 2017 г.

THE LIFE OF POPE SYLVESTER AND THE SEARCH FOR THE IDEAS OF A CHRISTIAN EMPIRE: ISSUES OF THE MANUSCRIPT TRADITION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE CHURCH IN THE 4TH–6TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 119–125.
DOI: 10.17223/15617793/415/16

Dmitriy N. Starostin, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.starostin@spbu.ru; dstarostin@yandex.ru

Keywords: *Life of Pope Sylvester*; *Donation of Constantine*; images of authority in the Middle Ages; Late Antiquity; Early Medieval power structures.

The article addresses the image of Constantine the Great, the Roman emperor who made Christianity the state religion of the empire, in the context of Late Antique transformations of the system of values and representations of power. The emphasis is made on the fact that it was not *The Donation of Constantine*, but rather *The Life of Pope Sylvester* that was the better known text whose importance for construction of the Western church's authority was more significant than that of the former. The *Life* may have been directly linked to the interests of the Roman see because its plot and message legitimized the primacy of the Roman archbishop's power which allowed the latter to exercise moral and religious authority over Constantine the Great, because the leprosy which the emperor contracted was healed by the baptism administered by the prelate of Rome. The main problem for researchers was the comparison and understanding of the differences between the longer redaction A and the shorter redaction B, both of which existed in Latin and Greek variants. *The Life of Pope Sylvester* was believed to have the Western origin, which had been exported to the East to support the claims of the Roman popes for their primacy in the West. One may agree with this thesis in general, but this article argues, that the text was widely known and disseminated both in the West and in the East from the 4th century and was copied many times. Study of the process by which the main redactions originated one from another shows that while in the West the Papacy immediately accepted the results of the Council of Chacedon of 451, which established the five main metrolopolitan sees, in the East another construction of ecclesiastical authority which consisted only of Rome, Alexandria and Antioch and which may not have been benefical for the Constantinople patriarchate was imagined by educated people and churchmen for a long time. It can be explained only by the fact that the more traditional understanding of the history of the Mediterranean and the church had been widespread for a long time, the understanding which relied more on the tradition and paid less attention to the possible benefits that might have emerged from accepting the decisions of the Council of Chalcedon. These decisions might not have been beneficial for the Constantinople patriarchate which fell in line with the interests of the Roman see. Interestingly, in the 9th century the Greek versions came to be re-written to put their vision of the church hierarchy in line with the decisions of the Chalcedon Council, which a manuscript from Messana tells us. This means that the cultural unity of the Mediterranean did exist and that both the Western and the Eastern Roman empire recognized the continuity of Rome during the principate and later, during the dominate when Christianity became the state religion.

REFERENCES

1. Döllinger, J.J.I.v. (1863) *Die Papst-Fabeln Des Mittelalters. Ein Beitrag Zur Kirchengeschichte* [The Pope Fables Of The Middle Ages. A Contribution To Church History]. Munich: Minerva G.m.b.H.

2. Levison, W. (1924) Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende [Constantine's Donation and New Year's Eve]. In: *Miscellanea Francesco Ehrle II*. Vol. 2. Rome.
3. Levison, W. (1917) Das Formularbuch von Saint-Denis [The form book of Saint Denis]. *Neues Archiv*. 41. pp. 283–304.
4. Döllinger, J.J.I.v. (1866) *Die Schenkung Constantins: ein Beitrag zur kritischen Beleuchtung der Papstfabeln des Mittelalters* [The Donation of Constantine: a contribution to the critical illumination of the pope fables of the Middle Ages]. Mainz: Giani.
5. Pohlkamp, W. (1992) Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten [Texts, literary forms and historical functions of the Roman New Year's Eve]. *Francia*. 19:1. pp. 115–196.
6. Amerise, M. (2005) *Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità* [The baptism of Constantine the Great: the story of an uncomfortable legacy]. Stuttgart: F. Steiner.
7. Canella, T. (2006) *Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore* [The Actus Silvestri: the genesis of a legend of Emperor Constantine]. Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'alto Medioevo.
8. Fried, J. (2007) *"Donation of Constantine" and "Constitutum Constantini": The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning*. Berlin: Walter de Gruyter.
9. Baynes, N.H. (1972) *Constantine the Great and the Christian Church*. London: Oxford University Press for the British Academy.
10. Jones, A.H.M. (1948) *Constantine and the conversion of Europe*. London: English Universities Press.
11. Fois, M., Monachino, V. & Litva, F. (eds) (1983) *Dalla Chiesa antica alla Chiesa moderna: miscellanea per il cinquantesimo della Facoltà di storia ecclesiastica della Pontificia Università gregoriana* [From the early Church to the modern Church: miscellaneous for the fiftieth anniversary of the Faculty of Church History at the Pontifical Gregorian University]. Rome: Gregorian University.
12. Gregorius Turonensis. (1951) Libri Historiarum X. In: *MGH Scriptores Rerum Merovingicarum*. Vol. 1. Pt. 1. Hannover.
13. Monachino, V. (1979) *Il canone 28 di Calcedonia* [Canone 28 of Chalcedon]. L'Aquila.
14. Pohlkamp, W. (1984) Kaiser Konstantin: der heindnische und der christliche Kult in den Actus Silvestri [Emperor Constantine: the Heindian and Christian cult in the Actus Silvestri]. *Frühmittelalterliche Studien*. 18. pp. 357–400.
15. Dobschutz, E. (1912) *Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis* [A Decree Gelasianum on the books to be received, and not to be received]. Vol. 8. Berlin.
16. Migne, J.P. (ed.) (1844) Gesta Liberii. *PL*. 8. (In Latin).
17. Prosper Tironus. (1892) Prosperi Tironis epitoma chronicon. *MGH AA*. 9. pp. 341–486. (In Latin).
18. Aiello, V. (1992) Sulla fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico' [Jerome's luck on the news of Constantine the 'heretic']. *Messana*. 13. pp. 221–237.
19. Prosper Tironus. (1892) Chronica Gallica [French Chronicle]. *MGH AA.* 9. pp. 615–666.
20. Duchesne, L. & Vogel, C. (1957) *Le Liber pontificalis*. Vol. 1. Paris: E. Thorin. (In Latin).
21. Aiello, V. (1992) Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, in Costantino il Grande. *Dall'antichità all'umanesimo*. Atti del convegno internazionale. Macerata. 18–20 dic. 1990. Vol. 1. Macerata. pp. 17–58. (In Italian).
22. Anon. (1478) *Legenda sancti Silvestri* [The Legend of St. Sylvester]. Brussels.
23. Anon. (1480) Vita Sylvestri papae [The life of Pope Sylvester]. In: Mombritius, B. (ed.) *Sanctuarium Seu Vitae Sanctorum*. Vol. 2. Milan.
24. Anon. (1910) Vita Sylvestri papae [The life of Pope Sylvester]. In: Mombrizio, B. & Brunet, A. (eds) *Sanctuarium seu Vitae sanctorum*. Paris: apud Albertum Fontemoing.
25. Combefis. F. (ed.) (1660) *Vita Sylvestris papae* [The life of Pope Sylvester]. Paris.
26. Starostin, D.N. (2012) Maloizvestnyĭ syuzhet iz istorii otechestvennogo vizantinovedeniya: neudavshiesya popytki izdaniya "Zhitiya Konstantina i Eleny" i "Zhitiya papy Sil'vestra" v kontse XIX – nachale XX v. i novye dannye o rukopisnoĭ traditsii etikh tekstov [The little-known story of the history of Russian Byzantine studies: failed attempts to publish the edition of The Life of Constantine and Helena and The Life of Pope Sylvester in the late 19th – early 20th centuries, and new data on the manuscript tradition of these texts]. *Vizantiiyskiy vremennik*. 71 (96). pp. 126–139.

Received: 09 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 126–129. DOI: 10.17223/15617793/415/17

УДК 327.7(061.1ЕС)

Е.Ф. Троицкий

КОМИТЕТ РЕГИОНОВ ЕС: СОЗДАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ (1993–2009 гг.)

Статья подготовлена в рамках гранта имени Жана Монне № 561105-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-CHAIR «Европейский регионализм и политика сплочения ЕС».

Анализируется предыстория создания Комитета регионов ЕС и эволюции его статуса со времени учреждения до вступления в силу ныне действующего Лиссабонского договора. Подчеркиваются существенные различия в составе и статусе Комитета регионов и Консультативного совета региональных и местных властей, его институционального предшественника. Отмечается, что, несмотря на постепенное усиление статуса и расширение функций Комитета регионов, специфика его формирования и структурные особенности существенно ограничивают реальную политическую роль этого института.

Ключевые слова: Комитет регионов; Консультативный совет региональных и местных властей; Маастрихтский договор; Лиссабонский договор.

Комитет регионов (КоР) является совещательным институтом, открывающим представителям субнациональных (региональных и местных) властей доступ к участию в принятии решений в рамках ЕС. Среди институтов ЕС КоР отличается «молодостью» (Комитету только 23 года) и малоизвестностью для общественного мнения, неоднократно зафиксированных в опросах «Евробарометра». В первой половине 1990-х гг. нередко высказывались ожидания, что Комитет ожидает яркая политическая судьба – эволюция во вторую палату Европейского парламента, своеобразный «сенат», представляющий регионы стран-членов [1. P. 396; 2. P. 232]. Хотя реальная роль КоР оказалась намного более скромной, этот институт остается уникальным механизмом, позволяющим регионам и муниципалитетам участвовать в принятии решений на межгосударственном и наднациональном уровнях. В настоящей статье рассматривается предыстория создания Комитета и анализируется эволюция его статуса с 1993 (времени учреждения) до 2009 г. (вступления в силу ныне действующего Лиссабонского договора).

Предшественником КоР был Консультативный совет региональных и местных властей (КСРМВ), учрежденный Европейской комиссией в июне 1988 г. одновременно с проведением масштабной реформы региональной политики ЕЭС. Обосновывая учреждение КСРМВ, Еврокомиссия сослалась на необходимость более тесного «вовлечения региональных и местных властей в формирование и реализацию региональной политики Сообщества» и запуска консультационного механизма с региональными и местными властями «в рамках института, открытого для всех уровней местного управления, существующих в странах-членах» [3].

Совет состоял из 42 членов, каждый из которых должен был занимать выборную должность на региональном или местном уровне. Половина членов КСРМВ должна была представлять региональный уровень, половина – уровень муниципалитетов и «промежуточных» административных единиц (например, французских департаментов или немецких районов). Было утверждено распределение количества членов Совета среди стран ЕЭС: от 1 (Люксембург) до 6 (Великобритания, Германия, Италия, Франция). Члены КСРМВ должны были назначаться Еврокомиссией на три года по предложению Ассамблеи европейских регионов, Международного союза местных властей и Совета европейских муниципалитетов и регионов – горизонтальных структур, созданных самими регионами и муниципалитетами для реализации своих интересов на европейском уровне. Представители этих объединений получали право участвовать в заседаниях КСРМВ. 42 альтернативных представителя, назначенных по той же процедуре, должны были замещать членов Совета в случаях, если последние не могли принять участия в заседаниях. В рамках КСРМВ были созданы две секции, представляющие регионы и местные власти, причем предусматривалась и возможность создания комитета «промежуточных» административных единиц. Созыв заседаний Совета являлся прерогативой Еврокомиссии [3].

В преддверии подготовки Договора о Европейском Союзе объединениями регионов была развернута широкая кампания в поддержку создания полноценного представительства регионов на уровне ЕС, основной движущей силой которой выступили земли ФРГ. В октябре 1990 г. Еврокомиссия откликнулась на эти призывы, выразив мнение о необходимости создания «органа, представляющего регионы Сообщества», но сделав оговорку, что «широкое разнообразие региональных структур стран-членов» будет препятствовать его «вовлечению в процесс принятия решений» [4. P. 10]. Региональному представительству, таким образом, отводилась сугубо консультативная роль. В ноябре 1990 г. резолюцию в поддержку создания «комитета региональных и местных властей Сообщества» принял Европейский Парламент [5]. Согласно позиции Европарламента «Комитет должен состоять из демократически избранных представителей различных регионов и муниципалитетов Сообщества», а его члены «назначаться Советом, действующим квалифицированным большинством, с согласия Европейского Парламента и после консультации с Комиссией» [Там же]. Предусматривалось, что Совет, Парламент и Комиссия должны были бы консультироваться с Комитетом по «предложениям о мерах, оказывающих воздействие на региональные вопросы или попадающих в поле компетенции регионов» [Там же]. В поддержку создания в рамках ЕС структуры, представляющей субнациональные органы власти, высказались Ассамблея европейских регионов и Совет европейских муниципалитетов и регионов. В декабре Европейский Совет констатировал «особую важность, которую

некоторые страны-члены придают принятию положений, учитывающих особые компетенции региональных или местных институтов относительно определенных сфер политики Сообщества» [6. P. 4].

Во время межправительственной конференции по пересмотру учредительных договоров Европейских сообществ Еврокомиссия внесла проект, предусматривающий усиление КСРМВ. Это предложение не получило поддержки, поскольку представительство субнациональных единиц оказывалось в таком случае «подчиненным» исполнительному институту – самой Еврокомиссии. Рассматривался вариант создания нового комитета региональных и местных властей при Экономическом и социальном комитете (ЭКОСОК) ЕЭС, существующем с 1958 г. В итоге по настоянию правительства Германии, вынужденного учитывать требования федеральных земель, было принято решение об учреждении качественно нового института [2. P. 225].

Маастрихтский договор установил, что «Совету и Комиссии оказывают содействие Экономический и социальный комитет и Комитет регионов, осуществляющие консультативные функции» [7. P. 14]. Договор предусматривал симметрию между КоР и ЭКОСОК: как и ЭКОСОК, КоР должен был состоять их 189 членов, распределенных между государствами ЕС согласно зафиксированным квотам: от 6 (Люксембург) до 24 (Великобритания, Германия, Италия, Франция). Члены КоР, как и равное им число заместителей, должны были единогласно утверждаться Советом по предложению стран-членов на четырехлетний срок. Заседания КоР должны были созываться председателем Комитета по просьбе Совета, Комиссии или по собственной инициативе Комитета. Количество членов КоР возросло до 222 после вступления в 1995 г. в ЕС Австрии, Финляндии и Швеции. Протоколом к Договору устанавливалось, что ЭКОСОК и КоР должны иметь общую организационную структуру.

КСРМВ, таким образом, прекратил существование и был заменен Комитетом регионов. Следует подчеркнуть, что объединения регионов, имевшие возможности влиять на формирование состава Совета, лишились их при произошедшей институциональной трансформации. Кроме того, хотя по формальному статусу и символической значимости КоР существенно превосходил КСРМВ, Совет как орган, действовавший при Еврокомиссии, имел консультативный доступ к разработке нормативной базы Европейских сообществ на гораздо более раннем этапе, чем КоР. Структура КСРМВ, в отличие от структуры КоР, позволяла, благодаря разведению регионального и локального представительства по двум секциям, четче артикулировать собственно региональные интересы.

Амстердамский договор установил полную организационную автономию КоР и наделил его правом самостоятельно принимать внутренний регламент, подлежащий утверждению Советом. Договор Ниццы установил, что состав КоР не должен превышать 350 членов, и заменил принцип единогласия при утверждении Советом состава КоР принципом квалифицированного большинства. После расширения 2004 г. КоР увеличился до 317 членов, после расширения 2007 г. – до 344, после присоединения к ЕС Хорватии – до 350. В отличие от прежней практики, когда национальные «квоты» на представительство в КоР устанавливались договором, Лиссабонский договор предусматривает, что распределение численности членов КоР среди стран устанавливается Советом, действующим единогласно по предложению Еврокомиссии, и подлежит регулярному пересмотру с учетом экономического, социального и демографического развития Союза [8. P. 177–178].

Маастрихтский договор не содержал прямого указания на то, что члены КоР должны представлять выборные субнациональные органы власти. В первые составы КоР входили в том числе немногочисленные представители территориальных подразделений государственных органов власти (в частности, от Греции, Ирландии и Финляндии). Против подобной практики возражали как сам КоР, так и Европарламент и Еврокомиссия. Договор Ниццы добавил оговорку, что члены КоР должны быть «обладателями выборного мандата в рамках регионального или местного органа власти» или «нести политическую ответственность перед выборным собранием» [9. P. 27]. Если выборный мандат члена КоР истекает, то прекращаются и его полномочия в Комитете, после чего происходит назначение нового члена согласно установленной процедуре.

Первоначально в составе КоР соблюдался примерный паритет между представительством регионов и представительством местных властей. После расширений 2004 и 2007 гг. значительно усилилось представительство муниципалитетов, поскольку во многих странах «восточного расширения» регионального уровня власти не существует. Члены КоР организуются в национальные делегации и политические группы; в настоящее время их пять – Европейская народная партия, Партия европейских социалистов, Альянс либералов и демократов, Европейский альянс и Европейские консерваторы и реформисты.

КоР избирает простым большинством голосов президента и первого вице-президента сроком на 2,5 года. Для организации работы на тот же срок избирается Бюро Комитета, состоящее из президента, первого вице-президента, 28 вице-президентов (по одному от каждой национальной делегации), председателей политических групп и 28 членов [10].

В составе КоР действуют шесть комиссий, которые подготавливают проекты заключений и резолюций Комитета: по гражданству, управлению, институциональным и внешним делам; по политике территориального сплочения и бюджету ЕС; по экономической политике; по охране окружающей среды, изменению климата и энергетике; по природным ресурсам; по социальной политике, образованию, занятости, исследованиям и культуре.

С течением времени расширялась сфера деятельности КоР. Маастрихтский договор установил, что Совет и Еврокомиссия должны консультироваться с Комитетом в сферах образования и молодежной политики, культуры, здравоохранения, экономического и социального сплочения и трансъевропейских сетей (транспортных, энергетических и телекоммуникационных). Амстердамский договор предоставил право

консультироваться с КоР Европарламенту и существенно расширил перечень сфер, в которых обязательна консультативная процедура с КоР, добавив к вышеперечисленным политику в сфере занятости, социальную политику, охрану окружающей среды, профессиональное образование и транспорт [11].

Лиссабонский договор предоставил КоР возможность участия в законодательном процессе на всем его протяжении, поскольку процедура консультации в обозначенных сферах стала обязательной не только для Совета и Еврокомиссии, но и для Европарламента. КоР получил право обращения в Суд ЕС для защиты своих прерогатив или принципа субсидиарности. Срок полномочий Комитета был продлен до пяти лет для синхронизации с работой Еврокомиссии и Европарламента [12].

Наряду с обязательной консультативной процедурой предусмотрена возможность принятия Комитетом заключений по собственной инициативе. Совет, Европарламент и Еврокомиссия также могут запрашивать заключения Комитета по собственной инициативе. Наконец, в сферах, в которых Совет и Еврокомиссия обязаны консультироваться с ЭКОСОК, КоР имеет право принимать заключения, если считает, что предложенные меры затрагивают региональные или местные интересы. Таким образом, фактически существует непрямая консультативная процедура в сферах общей сельскохозяйственной политики, свободного передвижения рабочей силы, права предоставления услуг, свободы ведения предпринимательской деятельности, гармонизации налогового законодательства, сближения законодательств, защиты прав потребителей, промышленной политики, политики в сфере науки и технологического развития, гендерного равенства [11].

При всей символической значимости КоР его реальный вес в принятии решений в ЕС невелик, а эффективность представительства Комитетом интересов субнациональных единиц сомнительна. Помимо сугубо консультативного статуса, роль КоР подтачивается внутренней «размытостью» этого института, в котором заседают и представители «сильных» регионов (Германии, Бельгии, Испании), и (преобладающие) представители органов местного самоуправления, и делегаты «слабых» регионов, являющихся административными конструкциями (например, Франции, Нидерландов, Венгрии). В первые годы работы КоР представители «сильных» регионов, прежде всего немецких земель, выступали за реформирование КоР: разделение его на две палаты, региональную и местную, с наделением первой более значительными полномочиями. Это предложение, появившееся в первом проекте заключения КоР к Межправительственной конференции по подготовке Амстердамского договора, не получило поддержку ни основной массы членов КоР, ни национальных правительств [13. P. 136]. В итоге «сильные» регионы перенесли центр тяжести усилий по отстаиванию своих интересов в рамках европейского интеграционного процесса на внутригосударственные политические арены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Middlemas K. Orchestrating Europe: The Informal Politics of European Union, 1073–1995. L., 1995.
2. Levrat N. L'Europe et ses collectivites territoriales. Reflexions sur l'organisation et l'exercice du pouvoir territorial dans un monde globalise. Bruxelles, 2005.
3. Commission of the European Communities. Decision of 24 June 1988 setting up a Consultative Council of Regional and Local Authorities. URL: http://www.cvce.eu/obj/commission_decision_88_487_eec_24_june_1988-en-c3cb039b-ef19-419e-91b1-5a74a9761a49.html
4. Commission Opinion of 21 October 1990 on the proposal for amendment of the Treaty establishing the European Economic Community with a view to political union. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1990:0600:FIN:EN:PDF
5. European Parliament Resolution: excerpt on the demand for the creation of the committee of the regions. URL: http://www.cvce.eu/content/publication/2002/6/13/0109ad8d-e8ca-4a32-98d8-633c79068f19/publishable_en.pdf
6. European Council. Rome, 14–15 December, 1990. Presidency Conclusions (Part 1). URL: http://www.europarl.europa.eu/summits/rome2/rd1_en.pdf
7. Treaty on European Union. URL: http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_on_european_union/treaty_on_european_union_en.pdf
8. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:FULL:EN:PDF
9. Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. URL: https://www.ecb.europa.eu/ecb/legal/pdf/en_nice.pdf
10. Committee of the Regions. Rules of Procedure. URL: http://cor.europa.eu/en/documentation/Documents/Rules-of-Procedure-of-the-Committee-of-the-Regions/EN.pdf
11. Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe. Powers of the Committee of the Regions. URL: http://www.cvce.eu/en/obj/powers_of_the_committee_of_the_regions-en-641ccd9e-9aaf-4c34-a962-05cc45d99061.html
12. Committee of the Regions. A New Treaty: a new role for regions and local authorities. URL: http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/Documents/84fa6e84-0373-42a2-a801-c8ea83a24a72.pdf
13. Jeffrey Ch. The Regions and Amsterdam. Whatever Happened to the Third Level? // Reforming the European Union from Maastricht to Amsterdam. L., 2000. P. 130–141.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 декабря 2016 г.

THE COMMITTEE OF THE REGIONS OF THE EUROPEAN UNION: ORGANIZATION AND EVOLUTION (1993–2009)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 126–129.
DOI: 10.17223/15617793/415/17

Evgeny F. Troitskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft@rambler.ru

Keywords: Committee of the Regions; Consultative Council of Regional and Local Authorities; Maastricht Treaty; Lisbon Treaty.

The Committee of the Regions (CoR) is an institution that is unique for an international organization as it opens an opportunity for regions and municipalities, limited as it might be, to contribute to decision-making at inter-state and supranational levels. The article aims to analyze both the prerequisites for and the pre-history of the CoR's emergence and the evolution of its status from the establishment up to the Lisbon Treaty's entry into force. The paper relies on the sources such as the EU founding treaties, documents of the European Commission, Council and Parliament, CoR's rules of procedure. Focusing on the pre-history of CoR's establishment, the author analyzes the structure and functions of the Consultative Council of Regional and Local Authorities (CCRLA) established in 1988 at the European Commission's initiative. Its establishment was necessitated by the far-reaching reform of the EEC's regional policy carried out in the late 1980s. Members of the CCRLA were appointed by the European Commission, but the candidacies were suggested by the horizontally organized regional associations. Regional and municipal representatives worked in two different sections. When the Maastricht Treaty was negotiated, European regions, in particular the German Laender, launched a wide-scale campaign in support of organizing a fully fledged representation of regions within the system of EU institutions. This initiative was supported by the German government and was put into life through the establishment of a new consultative body, the Committee of the Regions. Also the status and symbolic importance of the CoR far exceeded those of the CCRLA, the appointment of its members became the prerogative of national governments, with the roles of regional organizations and associations lost. Moreover, the division into regional and municipal sections was not retained within the CoR's structure, which hampered the articulation of the interests of regions as such. The author argues that the subsequent treaties brought about the consolidation of the CoR's status and the expansion of the area of its activities, although the institution remained a consultative body. However, the Lisbon Treaty assigned the CoR the right to appeal, in certain cases, to the EU Court of Justice, a novelty which can be regarded as the expansion of CoR's role beyond a purely consultative one. At the same time the EU's enlargement resulted in the significant expansion of the representation of municipalities and "weak" regions within the CoR which in fact undermines the Committee's political weight and diminishes the "strong" regions' interest in the Committee as an instrument of the advancement of their political positions. The idea to divide the Committee into two chambers, those of the regions and of the municipalities, was not supported. Accordingly, the author makes a conclusion that the CoR's role remained secondary and the "strong" regions were compelled to shift the gravity center of their struggle for the consolidation of political influence to other arenas.

REFERENCES

1. Middlemas, K. (1995) *Orchestrating Europe: The Informal Politics of European Union, 1073–1995*. London: Fontana Press.
2. Levrat, N. (2005) *L'Europe et ses collectivites territoriales. Reflexions sur l'organisation et l'exercice du pouvoir territorial dans un monde globalise* [Europe and its territorial communities. Reflections on the organization and exercise of territorial power in a globalized world]. Brussels: PIE – Peter Lang.
3. Commission of the European Communities. (1988) *Decision of 24 June 1988 setting up a Consultative Council of Regional and Local Authorities*. [Online] Available from: http://www.cvce.eu/obj/commission_decision_88_487_eec_24_june_1988-en-c3cb039b-ef19-419e-91b1-5a74a9761a49.html.
4. Commission of the European Communities. (1990) *Commission Opinion of 21 October 1990 on the proposal for amendment of the Treaty establishing the European Economic Community with a view to political union*. [Online] Available from: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1990:0600:FIN:EN:PDF.
5. European Parliament. (2002) *European Parliament Resolution: excerpt on the demand for the creation of the committee of the regions*. [Online] Available from: http://www.cvce.eu/content/publication/2002/6/13/0109ad8d-e8ca-4a32-98d8-633c79068f19/publishable_en.pdf.
6. European Council. (1990) *Rome, 14-15 December, 1990. Presidency Conclusions (Part 1)*. [Online] Available from: http://www.europarl. europa.eu/sum-mits/rome2/rd1_en.pdf.
7. Treaty on European Union. (n.d.) [Online] Available from: http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_on_european_union/treaty_on_euro-pean_union_en.pdf.
8. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. (n.d.) [Online] Available from: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUri-Serv.do?uri=OJ:C:2010:083:FULL:EN:PDF.
9. Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. (2001) [Online] Available from: https://www.ecb.europa.eu/ecb/legal/pdf/en_nice.pdf.
10. Committee of the Regions. (2014) *Rules of Procedure*. [Online] Available from: http://cor.europa.eu/en/documentation/Documents/Rules-of-Procedure-of-the-Committee-of-the-Regions/EN.pdf
11. Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe. (2016) *Powers of the Committee of the Regions*. [Online] Available from: http://www.cvce.eu/en/obj/po-wers_of_the_committee_of_the_regions-en-641ccd9e-9aaf-4c34-a962-05cc45d99061.html.
12. Committee of the Regions. (n.d.) *A New Treaty: a new role for regions and local authorities*. [Online] Available from: http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/ Documents/84fa6e84-0373-42a2-a801-c8ea83a24a72.pdf.
13. Jeffrey, Ch. (2000) The Regions and Amsterdam. Whatever Happened to the Third Level? In: *Reforming the European Union from Maastricht to Amsterdam*. London.

Received: 02 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 130–135. DOI: 10.17223/15617793/415/18

УДК 94(571.6)

А.В. Филимонов

«ЗАСЕЛИТЬ СТРАНУ РУССКИМИ ЛЮДЬМИ»: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ ИМПЕРСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ПРОЕКТА В ЮЖНО-УССУРИЙСКОМ КРАЕ (1882–1892 гг.)

Рассматривается проект по заселению территорий Южно-Уссурийского края крестьянским элементом. Раскрываются основные законодательные положения морских перевозок и водворения крестьян с акцентированием внимания на финансовую составляющую. Особое внимание уделяется деятельности Южно-Уссурийского переселенческого управления, его участию в корректировке нормативно-правовой базы переселенческого движения, а также порядка ассигнования и распределения денежных средств. Выявляются ключевые элементы в управленческом, финансовом и личностном аспектах, получившие развитие в переселенческой политике последующих десятилетий.

Ключевые слова: переселенческая политика; государственное финансирование; законодательство; Дальний Восток; крестьяне.

Вопросы государственного заселения Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. получили достаточно серьезную разработку в отечественной историографии. Различным элементам колонизационно-переселенческой политики посвящены работы дореволюционных (Ю.М. Богушевич, Ф.Ф. Буссе, Г.П. Михайлов, И.П. Надаров, А.А. Риттих, П.Ф. Унтербергер и др.), советских и современных (Л.В. Александровская, Я.А. Барбенко, О.А. Васильченко, В.М. Кабузан, С.В. Макарчук, Ю.Н. Осипов, О.А. Петрова и др.) исследователей.

Тем не менее представляется возможным и значимым рассмотреть морские перевозки крестьян в Южно-Уссу-рийский край конца XIX в. в ином ракурсе – как особый имперский проект, сформировавшийся в контексте азиатско-тихоокеанской политики государства и предвосхитивший кардинальные перемены в государственной колонизационной политике на восточных окраинах. В частности, необходимо остановиться на вопросе о причинах появления дальневосточного проекта, осветить процесс его разработки и утверждения, проследить изменения основных положений законодательства в ходе их осуществления на практике, показать принципы распределения управленческих функций между государственными учреждениями. Поскольку успешность государственных переселений во многом зависела от достаточности денежного обеспечения, следует дополнить правовой аспект рассмотрением отраслей, размеров и особенностей распределения финансирования, а также выявлением его отличий от расходов на крестьян-мигрантов в других регионах страны. Кроме того, необходимо выделить нововведения в принципах контролирования финансовых потоков, развитые впоследствии в рамках деятельности Комитета Сибирской железной дороги и Переселенческого управления Министерства внутренних дел.

В первые десятилетия после присоединения к России Южно-Уссурийский край заселялся крайне медленно по причине трудности сухопутного маршрута через Сибирь. Далекое географическое положение, отсутствие развитой дорожной сети, нерегулярность речного судоходства приводили к тому, что на переселение в Приморье из европейской части страны уходило до двух и более лет [1. С. 5]. Перемещение русского населения из соседних местностей (особенно из Амурской области) также было невыгодным для правительства, поскольку оставляло без защиты слабозаселенные районы, граничившие с Китаем. Первой попыткой открыть для переселений морской маршрут (не считая отклоненного проекта отставного поручика Бутковского [1. С. 6–7]) стало основание в 1867 г. представителем Удельного ведомства Г.В. Фуругельмом земледельческой колонии, население которой составили подданные Великого княжества Финляндского [2. С. 70]. Расходы по перевозке, включая наем судна, ложились на самих колонистов, однако после прибытия на место им предоставлялись некоторые льготы и ссуда для обзаведения хозяйством. Просуществовав несколько лет, в 1871 г. колония была ликвидирована по ряду причин: отсутствие притока населения, сложности ведения хозяйства, частые стычки с китайцами, смерть управляющего фактории. Неудача предприятия привела к отказу государства от подобных проектов: в полном соответствии с пессимистическими предположениями полковника М.П. Тихменева край был «предоставлен естественному и постепенному экономическому развитию без особых расходов для правительства с тем, чтобы воспользоваться им в том случае, когда к тому представится возможность или крайняя необходимость» [3. С. 217].

Новое привлечение внимания правительства к проблеме заселения Дальнего Востока произошло в конце 1870-х – начале 1880-х гг. и было связано прежде всего с осложнением внешнеполитической обстановки в регионе. Отказ Китая признать условия Ливадийского договора 1879 г. о разграничении спорных территорий в Илийском крае вызвал ухудшение отношений двух стран [4. С. 141–142]. Кроме того, усиливались страхи, связанные с активной миграцией в регион китайцев и корейцев: в течение 1870-х гг. «фобия “желтой опасности” быстро вышла из региональных рамок и доросла до общероссийского масштаба» [3. С. 521–522]. По словам военного губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера, «нужно было подумать... о создании... оплота славянской расы против мирных, экономических завоеваний желтой расы, все больше заполнявшей край с целями промышленности и торговли» [2. С. 74]. Возможность

военного конфликта в сочетании с необходимостью укрепления контроля над регионом заставила российское правительство увеличить пограничные сухопутные силы, а также отправить на тихоокеанское побережье эскадру под командованием адмирала С.С. Лесовского. Одновременно с этими событиями генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин представил свои соображения относительно усиления российского присутствия на Дальнем Востоке. По его мнению, следовало помимо военно-оборонительных мероприятий уделить особое внимание привлечению в регион русского земледельческого населения. Анучин обосновывал исключительную эффективность подобной меры для противодействия занятию края китайцами и обеспечения военных сил продовольствием. Отдельно останавливаясь на вопросе выбора маршрута для возможных переселений, чиновник доказывал преимущества морских перевозок над путешествием через Сибирь и рекомендовал использовать успешный опыт транспортирования в Приморскую область солдат и каторжников судами Добровольного флота, действовавшего совместно с тихоокеанской эскадрой Лесовского [5. С. 31].

Продвижение проекта Д.Г. Анучина по высшим бюрократическим инстанциям происходило достаточно быстро, несмотря на сохранение в данный период времени общего сдержанно-негативного отношения правительства к явлению переселений. Так, хотя в 1881 г. министры внутренних дел, финансов и государственных имуществ приняли временные правила, признававшие возможность водворения на новом месте «отдельных групп земледельческих классов», разработка полноценного переселенческого закона затянулась до 1889 г. [6. С. 106]. Создание предусмотренных правилами особых контор на пути следования крестьян для материальной и врачебной помощи началось только с середины 1880-х гг., а финансовая помощь государства получила реальное развитие лишь с учреждением в конце 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги. Слабый интерес правительства как в отношении первых дальневосточных проектов 1860-х гг., так и при разработке общего миграционного законодательства объяснялся прежде всего тем, что регулирование переселений в местностях, где не стояло острой проблемы укрепления территории «своим» населением, не считалось первостепенной задачей.

В 1882 г. на основании предложений Д.Г. Анучина в Государственном совете началась разработка законопроекта по организации крестьянского переселения в Южно-Уссурийский край. При обсуждении вопроса о способах привлечения населения к непривычному для него морскому миграционному маршруту было принято решение сделать перевозку бесплатной, а также обеспечить потребности новоселов до первого урожая. Соответствующие денежные затраты должны были покрываться за счет казны, что в условиях крайне неблагоприятного состояния финансовой системы Российской империи после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. подтверждало серьезность намерения правительства реализовать дальневосточный переселенческий проект. Признавая, однако, что при массовых и продолжительных морских перевозках расходы могли стать чрезмерными для государственного бюджета, решено было в течение первых трех лет ограничиться отправкой 250 семей ежегодно, после чего пересмотреть положение в соответствии с полученными результатами [5. С. 32].

Окончательный вариант закона был утвержден Государственным советом 1 июня 1882 г. Общее руководство реализацией было разделено на три части: подбором контингента занималось ведомство внутренних дел, заготовление предметов продовольствия и обзаведения для отправки из Европейской России и препровождение переселенцев до их отправки морем возлагалось на одесского генерал-губернатора, общее руководство с момента прибытия крестьян на Дальний Восток осуществлял восточно-сибирский (позднее – приамурский) генерал-губернатор [7. С. 216–217].

Ассигнованные на дальневосточный проект бюджетные средства разделялись на две части. Для проведения подготовительных мероприятий в 1882 г. было отпущено 2 400 руб. Земскому отделу МВД на перевозку в край первых ходоков и 81 800 руб. генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину для содержания Южно-Уссурийского переселенческого управления, возведения во Владивостоке построек для размещения переселенцев и их груза, а также на издержки по содержанию ходоков и ознакомлению их с пригодными для заселения землями [5. С. 34]. На сами переселения по смете МВД ежегодно в течение 1883–1885 гг. выделялась сумма в 323 200 руб.: 108 200 руб. высылалось восточносибирскому генерал-губернатору на содержание Переселенческого управления, заготовку скота, сена и строительных материалов для новоселов; 109 885 руб. переводилось одесскому генерал-губернатору для приобретения и доставки во Владивосток хозяйственных и ремесленных орудий, продовольствия и посевных семян [8]. У него же хранились 105 125 руб., предназначенных на расходы по перевозке крестьян из Одессы во Владивосток [Там же].

Обеспечив проекту Д.Г. Анучина законодательную и финансовую основу, государство, тем не менее, не стремилось к всестороннему его регламентированию на высшем уровне. Государственный совет предоставил соответствующим органам возможности действовать в соответствии с полученным опытом при условии соблюдения общих правовых рамок (распределение управленческих полномочий, лимит на ежегодную перевозку переселенцев, единый размер кредита). По закону 1882 г. генерал-губернаторам предоставлялось право перераспределения ассигнованных средств между статьями и «вообще на удовлетворение вызываемых переселением потребностей», а также переведения сумм между собой при уведомлении об этом министра внутренних дел [Там же]. Лимитировав перевозки крестьян на казенный счет, правительство в то же время поощряло своекоштные переселения, размер которых ограничивался лишь вместимостью судов Добровольного флота. Но главным в данном отношении стала передача всего комплекса мероприятий по приему и водворению переселенцев местным деятелям – приморскому военному губерна-

тору и заведующему Южно-Уссурийским переселенческим управлением [7. С. 217].

По закону 1882 г. во Владивостоке создавалось переселенческое управление в составе заведующего, его секретаря и бухгалтера. Данное учреждение имело весьма широкий круг обязанностей: его представители «принимали переселенцев с морских пароходов, заботились о них во время их пребывания во Владивостоке, снабжали их продовольствием и инвентарем при отправлении на новые места, отыскивали культуроспособные площади, образовывали из них переселенческие участки, водворяли на участках переселенцев и тщательно следили за жизнью новых обитателей в Уссурийском крае» [9. С. 100]. В управлении также велась и хранилась вся денежная документация – бухгалтерский журнал, расчетная книга авансов, записи об ассигновках, книга депозитов. Отчетные документы по выданным средствам и счета чинов управления поступали в Иркутскую контрольную палату [10. Л. 78].

Ключевую роль в управлении переселенческим процессом в Приморье сыграл Ф.Ф. Буссе, многолетняя работа которого сначала как исследователя дальневосточных территорий, географа, этнографа, историка, а затем в качестве гражданского чиновника была всецело направлена на развитие края. Получив назначение на вновь учреждаемую должность заведующего Южно-Уссурийским переселенческим управлением, деятель сразу проявил себя с лучшей стороны, поставив на первый план заботу о крестьянах. В середине августа 1882 г. он отправился с первыми ходоками из Одессы во Владивосток, чтобы принять руководство Переселенческим управлением [11. С. 11]. Установив регулярную переписку с одесским и восточносибирским генерал-губернаторами, Буссе вместе с приморским военным губернатором И.Г. Барановым провел значительную подготовительную работу, в том числе составил список необходимого сельскохозяйственного инвентаря, провианта и зерна, уточнил смету и план устройства переселенческих бараков, обосновал необходимость закупки коров для новоселов [12. С. 59–62]. Впоследствии неоднократно отмечалась ключевая роль проделанной им работы для успешности реализации переселенческого проекта: так, по словам военного и исследователя И.П. Надарова, деятель отдавал должностным обязанностям «все свое время» и «каждый переселенец или интересующийся этим делом мог прийти к Ф.Ф. Буссе и встретить самое искреннее участие или содействие» [13. С. 58].

Поскольку кредит на 1883 г. был рассчитан весьма приблизительно (в годовом отчете заведующего переселенческим делом, например, указывалось на отсутствие специальных средств для содержания персонала при бараках, разъездов чиновников и отправления телеграмм), Ф.Ф. Буссе воспользовался имевшимися в его распоряжении способами покрытия неучтенных в смете расходов. В течение года он получил через восточносибирского генерал-губернатора дополнительные ассигнования из казны, увеличившие общий размер кредита до 130 726 руб. [10. Л. 78]. Вторым способом являлось перераспределение денег между статьями: так, в 1883 г. около 13 тыс. руб., предназначавшихся на перевозку грузов, канцелярские нужды и заготовление сена, были переведены на другие цели [10. Л. 78]. После указания заведующего переселениями на заметное несоответствие расходов и ассигнованных средств генерал-губернатор Восточной Сибири, руководствуясь правилами 1882 г., обратился в МВД с предложением о внесении необходимых изменений в смету на 1884 г., что и было осуществлено [Там же].

Несмотря на особо льготные условия водворения в Южно-Уссурийском крае, во Владивосток периодически прибывали переселенцы, не попадавшие под действие закона 1882 г. Так, в 1883 г. из-за установленного предела ежегодных перевозок часть желавших переселиться на казенный счет крестьян приняла решение приписаться к семьям, уже получившим разрешение отправиться в Приморье. Поскольку таким образом они лишались права на получение государственной поддержки, местная администрация перевела в распоряжение Ф.Ф. Буссе около 20 тыс. руб., «заимствованных из разных свободных источников», для выдачи им краткосрочных ссуд [5. С. 44]. Кроме того, заведующий переселенческим делом получил право использовать на те же цели денежные средства и предметы сельскохозяйственного склада (до 1892 г. было выдано в долг около 5 тыс. руб.) [Там же]. В 1884 г. на судах Добровольного флота впервые появились своекоштные переселенцы, привлеченные льготами и пособиями закона 1882 г. Поскольку требование имущественного залога на тот момент еще не было введено, к моменту высадки во Владивостоке у них практически отсутствовали наличные средства, что вынудило Буссе выдать им краткосрочные ссуды на сумму 9 440 руб. [Там же. С. 35–36].

Опыт первых трех лет перевозок в Южно-Уссурийский край был высоко оценен на правительственном уровне, даже несмотря на возникшие при реализации переселенческих мероприятий затруднения. Вследствие этого 18 апреля 1886 г. действие правил 1882 г. было продлено на один год, а после получения отчетов и соображений Министерства внутренних дел и местных властей 12 мая 1887 г. Государственный совет разрешил проводить морские переселения еще в течение 6 лет [7. С. 218].

В законодательство также вводились некоторые изменения. В полном соответствии с первоначальными предположениями с 1886 г. казенные перевозки прекращались, устанавливалось обязательное требование добираться до Владивостока «своим коштом» [5. С. 36]. Желавшие поселиться в Приморской области теперь должны были перед отправлением из Одессы подтвердить наличие на руках минимальной суммы в 600 руб. [14. С. 50], установленной на основании расчета Ф.Ф. Буссе о необходимых средствах для обзаведения хозяйством семьи из 5 человек [Там же. С. 35]. При водворении новоселам по-прежнему гарантировались пособия в размере до 600 руб. и льготы. На практике выяснилось, что лишь малая часть переселенцев подходила под указанные требования и вскоре менее состоятельным семьям также было разрешено отправиться на Дальний Восток. Прибытие в 1889 г. двух партий крестьян, воспользовавшихся отменой 600-рублевого залога, вызвало резкое увеличение расходов на домообзаводственные

ссуды. В долг было выдано около 220 тыс. руб., что вынудило Южно-Уссурийское переселенческое управление помимо текущего кредита использовать остаток 1888 г. [5. С. 44]. Чрезмерные затраты привели к очередному изменению правил: МВД отменило казенную поддержку для семей, имевших на руках более 600 руб.; остальные теперь могли рассчитывать на ссуду, размер которой вместе с привезенными средствами не должен был превышать 600 руб. Также с этого времени ведомство стало ежегодно запрашивать у местных властей именной список переселенцев с расчетами сумм положенной им помощи, прежде чем перевести во Владивосток соответствующий кредит [Там же. С. 36–37]. Новые правила способствовали значительному снижению затрат на домообзаводственные ссуды.

После перехода к своекоштным перевозкам во второй половине 1880-х гг. ежегодные ассигнования были сокращены до 128 200 руб. в год, однако даже в урезанном виде они превышали расходы на переселение в другие местности [2. С. 80]. На основании решения особого совещания министров весной 1884 г. по поводу доклада главы МВД Д.А. Толстого в распоряжение его ведомства независимо от дальневосточных средств поступило 40 тыс. руб. для содействия переселениям (с 1885 г. кредит был уменьшен до 20 тыс. руб.) [15. С. 34]. Тогда же в главные пункты движения были командированы первые переселенческие чиновники. Согласно официальной инструкции их основными функциями были выдача путевых ссуд особо нуждавшимся переселенцам, ведение статистического учета и предоставление данных о положении дела на местах в Земский отдел МВД [16. С. 3]. Хотя на практике они стремились по мере возможности оказывать содействие крестьянам в выборе места поселения и помогать им при водворении, крайняя ограниченность ассигнований не позволяла своевременно обеспечивать даже путевые потребности переселенцев. Ситуация несколько улучшилась после издания закона 13 июля 1889 г.: у новоселов появилась возможность получения ссуд не только на первоначальное обзаведение, но также на приобретение рабочего скота и земледельческих орудий [6. С. 115], а переселенческий кредит увеличивался до 80 тыс. руб. [17. Л. 4]. Тем не менее лишь небольшому числу крестьян удавалось добиться удовлетворения ходатайств, чаще всего с существенными задержками из-за длительной переписки между разрешавшими выдачу денег ведомствами внутренних дел, финансов и государственных имуществ.

Подобное положение дел резко контрастировало с возможностями заведующего переселенческим делом в Южно-Уссурийском крае, который ежегодно оперировал значительными средствами сметы, учитывавшей целый ряд разнообразных расходов: на Переселенческое управление, разъезды его чинов, содержание барачного хозяйства (включая проведение дезинфекции) и санитарной части, а также их персонала и т.д. [10. Л. 633]. Кроме того, приведение размера кредита в соответствие с реальными расходами позволило заведующему получить небольшой остаток, который можно было с ведомственного разрешения использовать на другие крестьянские нужды. В этом отношении главной проблемой являлась организация церковно-школьного строительства, затрудненная отсутствием специального пункта в смете.

Современники придавали важное значение обеспечению религиозных нужд православных крестьян в рамках южно-уссурийского переселенческого проекта. Ф.Ф. Буссе писал, что новоселов угнетала отдаленность церквей в крае, «где потребность в духовном утешении особенно чувствовалась среди чуждых условий жизни», а потому вопрос об оказании соответствующей помощи становился «крайне существенным для всего дела колонизации» [5. С. 48]. И.П. Надаров, являвшийся «живым свидетелем переселения» в 1883–1888 гг., вспоминал о том, как в каждой партии переселенцев «бабы плакались, что на месте их новой родины нет церкви и школы» [13. С. 54]. Преемник Буссе на должности заведующего приморскими переселениями А.А. Риттих указывал на удовлетворение духовно-нравственных потребностей как на «существеннейший в жизни крестьян вопрос» [18. С. 72]. Он также приводил заявления новоселов, что устройство церкви было самым надежным средством против тоски по родине, являвшейся главной причиной обратных переселений из края [Там же. С. 73].

Осенью 1885 г. Ф.Ф. Буссе обратился в МВД с ходатайством об учреждении церковно-школьного фонда из средств, оставшихся от переселенческого кредита текущего года [19. С. 94]. Вскоре было получено соответствующее разрешение от министров внутренних дел и финансов. Средства фонда хранились на депозите Переселенческого управления во Владивостокском казначействе и предназначались для выдачи беспроцентных ссуд водворившимся крестьянам [Там же]. Управлял финансами фонда Комитет для постройки церквей и учреждения школ под председательством Буссе в составе местного благочинного отца, директора народных училищ и окружного исправника [5. С. 49]. В период своего существования (1886–1890 гг.) Комитет оперировал оборотными средствами в размере более 9 тыс. руб., состоявшими из остатка переселенческого кредита за 1885 г., пожертвований военного губернатора И.Г. Баранова и частных лиц, а также денег, сданных местными прихожанами на приобретение церковной утвари [19. С. 94]. Помимо непосредственного оказания помощи крестьянам, деятельность этого учреждения стимулировала включение Синода в процесс финансирования: так, в 1888 г. на строительство 7 церквей в разных частях края ассигновалось уже 14 тыс. руб. [5. С. 48]. После закрытия Комитета в 1890 г. решением епископа и генерал-губернатора из остатка переселенческого кредита за 1888 г. (22 тыс. руб.) были выданы средства на возведение церквей и часовен в 24 сельских обществах [19. С. 95–96].

Школьное строительство в Приморье в 1880-е гг. заметно отставало от церковного по нескольким причинам. В ходе реформы церковно-приходского образования 1884 г. Министерство народного просвещения уступило ведущую роль в школьном образовании Синоду, который не стремился увеличивать расходы на Южно-Уссурийский край. Кроме того, препятствовали местные условия: большие расстояния между селе-

ниями тормозили совместное устройство школ, также в регионе наблюдался серьезный недостаток учителей. По причине отсутствия финансирования в 1885 г. был отклонен подробный проект развития школьного образования директора народных училищ Г. Мазинга [5. С. 51–52]. Даже в начале 1890-х гг. школьные нужды финансировались по остаточному принципу: в 1890 г. из остатков от ассигнований 1889 г. 2 900 руб. было использовано для покупки учебной литературы для 12 школ и 270 руб. выдано в виде денежных субсидий [Там же. С. 52]. В 1891–1893 гг. из переселенческого кредита ежегодно выделялось по 5 тыс. руб. на постройку школьных зданий [Там же]. В результате к началу 1892 г. было открыто всего 8 новых учебных заведений, и Ф.Ф. Буссе констатировал «грустное положение» дела, остававшегося «в зачаточном состоянии» [Там же. С. 51].

Опыт дальневосточного проекта 1882–1892 гг. оказал определенное влияние на управление и финансирование переселенческого дела. Законодательно разработанный в качестве вспомогательной составляющей комплекса оборонительных мероприятий, план морских перевозок крестьян судами Добровольного флота на практике положил начало процессу систематического заселения края, а также предвосхитил ряд важных элементов государственной переселенческой политики 1890-х гг. Такие нововведения, как разделение управленческих функций между центральными и местными органами, создание специальных переселенческих должностей, корректировка законодательства в соответствии с полученным опытом, особый порядок финансирования и перераспределения ассигнований были впоследствии успешно развиты Подготовительной комиссией КСЖД и Переселенческим управлением МВД. Кроме того, сама деятельность Ф.Ф. Буссе в качестве местного руководителя переселенческими мероприятиями содержала в себе ключевые принципы работы будущих чиновников особых поручений Земского отдела и Переселенческого управления МВД: эффективное распоряжение кредитными средствами, приоритет интересов крестьян при водворении, активное налаживание контактов с местной администрацией.

В отношении успешности проведения дальневосточных переселений следует особо отметить роль местной администрации и Южно-Уссурийского переселенческого управления. Поскольку правительство изначально не преследовало целей учесть все возможные расходы при водворении крестьян, именно местные органы занимались распределением доступных финансовых средств в соответствии с реальными потребностями новоселов, стремясь повысить шансы их успешного обзаведения хозяйством. В данном отношении были достигнуты определенные успехи: в частности, стали выделяться средства на ряд нужд новоселов (землеотводные работы, дорожное, церковное и школьное строительство, сельскохозяйственный инвентарь, медицинская помощь), ранее игнорировавшихся законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровская Л.В. Опыт первого морского переселения в Южно-Уссурийский край в 60-х годах XIX века. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. 80 с.
2. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. СПб. : Типография В.Ф. Киршбаума, 1900. 324 с.
3. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
4. Международные отношения на Дальнем Востоке : в 2 кн. Кн. I: С конца XVI в. до 1917 г. М. : Мысль, 1973. 324 с.
5. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. СПб. : Общественная польза, 1896. 57 с.
6. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемирная Выставка 1900 г. в Париже ; Ком. Сиб. ж. д. СПб. : Государственная типография, 1900. 374 с.
7. Справочные издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. Вып. VIII: Сборник узаконений и распоряжений о переселении. СПб. : Типография МВД, 1901. 499 с.
8. Высочайше утвержденное 1 июня 1882 г. мнение Государственного совета об организации переселений в Южно-Уссурийский край // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Печатные записки. Ед. хр. 2617.
9. Михайлов Г. Существующая организация надзора за переселенческим делом в Уссурийском крае и желательные в ней изменения // Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским генерал-губернатором Д.И. Суботичем. 1903 г. Хабаровск, 1903. С. 100–107.
10. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24.
11. Телеграмма генерал-адъютанта Гурко к генерал-губернатору от 17 августа 1882 года о выходе в Южно-Уссурийский край парохода «Нижний Новгород» с чинами переселенческого управления и 10 ходоками // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. II, вып. III. С. 11.
12. Отношение генерал-губернатора Восточной Сибири к министру внутренних дел от 2 февраля 1883 года за № 184 о ходе дела по переселению в Южно-Уссурийский край // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. II, вып. III. С. 57–62.
13. Надаров И.П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. IV, вып. IV. С. 39–71.
14. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. Владивосток : ВГУЭС, 2006. 196 с.
15. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб. : Общественная польза, 1905. 443 с.
16. Родигина Н.Н. Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX в. // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории : сб. науч. тр. Новосибирск : НГПУ, 2003. URL: https://lib.nspu.ru/views/sbo/212/read.php (дата обращения: 12.10.2016).
17. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 301.
18. Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб. : Типография МВД, 1899. 158 с.
19. Смагин А.Н. Государство и церковь в процессе заселения юга Дальнего Востока, 1858–1917 гг. // Россия и АТР. Владивосток. 2004. № 4. С. 90–101.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2017 г.

“TO POPULATE THE COUNTRY WITH RUSSIAN PEOPLE”: THE FINANCIAL ASPECT OF THE IMPERIAL RESETTLEMENT PROJECT IN THE SOUTH-USSURI REGION (1882–1892)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 130–135.
DOI: 10.17223/15617793/415/18

Aleksandr V. Filimonov, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru
Keywords: resettlement policy; state financing; legislation; Far East; peasants.

The article is devoted to the causes of activization of resettlement policy in the South-Ussuri region in the 1880s; it also considers legal and financial features and a personal aspect of this policy. The project of Governor-General of Eastern Siberia D.G. Anuchin emerged from the complications in the foreign policy in the Far East and initiated the systematic development of Primorye. Proposed as an auxiliary element to the complex of military and defence measures, the idea of sea transportation of peasants in the region was developed independently by the State Council. The law of 1882 approved the legal basis of the Far Eastern project and provided necessary funding. After the distribution of general governance between the Ministry of Internal Affairs, Governor-Generals of Eastern Siberia and Odessa, and after the approval of the unified credit sum and limit on the number of migrants, the government transferred management of the project implementation to the institution specifically created for this purpose: the South-Ussuri Resettlement Department. The example of the work of this institution shows new elements, developed later in the resettlement policy of the Siberian Railway Committee. Special attention is given to the figure of the head of the department, F.F. Busse, his key principles of interaction with peasants, and also to the comparison with the first resettlement officials in other regions of the country. Since his assignment to this position, Busse sought to use budget funds in the most efficient way: he argued the need for additional credits, transferred funds between paragraphs to cover unaccounted expenses, provided data for the necessary changes in costs. He also calculated the average cost of organizing farms for new settlers, gave out short-term loans to families in need, established financial support of construction of church and school buildings from resettlement budget surplus. On the basis of Busse's reports on the results of the first years of settlement in the region, the correction of legislation was made in 1886 and 1887: transportation of peasants from the budgetary funds was stopped, budget costs were reduced, cash collateral was introduced for migrants. In general, resettlement in the South-Ussuri region of 1882–1892 established such elements of the resettlement policy of the 1890s as distribution of governance between higher and local authorities, special order of budget financing and redistribution of credits, amendments in the legislation on the basis of the gained experience.

REFERENCES

1. Alexandrovskaya, L.V. (1990) *Opyt pervogo morskogo pereseleniya v Yuzhno-Ussuriyskiy kray v 60-kh godakh XIX veka* [The experience of the first sea resettlement in the South Ussuri region in the 60s of the XIX century]. Vladivostok: Far-Eastern State University.
2. Unterberger, P.F. (1900) *Primorskaya oblast'. 1856–1898 gg. Ocherk* [Primorskaya oblast'. 1856–1898. Essay]. St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma.
3. Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dalnego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperian geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
4. Narochnitskiy, A.L. et al. (1973) *Mezhdunarodnyye otnosheniya na Dalnem Vostoke* [International relations in the Far East]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
5. Busse, F.F. (1896) *Pereseleniye krest'yan morem v Yuzhno-Ussuriyskiy kray v 1883–1893 godakh* [Sea resettlement of peasants in the South-Ussuri region in 1883–1893]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
6. The Siberian Railway Committee. (1900) *Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom* [The colonization of Siberia in connection with the general question of resettlement]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
7. Resettlement Department of Ministry of Internal Affairs. (1901) *Spravochnyye izdaniya Pereselencheskogo upravleniya Ministerstva vnutrennikh del* [Reference publications of Resettlement Department of Ministry of Internal Affairs]. Vol. 8. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
8. Russian State Historical Archive. Printed notes. Storage unit 2617. *Vysochayshe utverzhdennoye 1 iyunya 1882 g. mneniye Gosudarstvennogo soveta ob organizatsii pereseleniy v Yuzhno-Ussuriyskiy kray* [Imperially approved on June 1, 1882 opinion of the State Council on the organization of resettlement in the South-Ussuri region].
9. Mikhailov, G. (1903) Sushchestvuyushchaya organizatsiya nadzora za pereselencheskim delom v Ussuriyskom kraye i zhelatel'nyye v ney izmeneniya [The current organization of resettlement supervision in Ussuri region and desirable changes in it]. In: *Trudi IV Khabarovskogo s'yezda, sozvannogo Priamurskim general-gubernatorom D.I. Subotichem. 1903 g* [Works of the IV Khabarovsk conference, convened by the governor general of the Russian Far East D.I. Subotich. 1903]. Khabarovsk.
10. Russian State Historical Archive. Fund 391. List 1. File 24. (In Russian).
11. Adjutant General Gurko. (1884) Telegramma general-ad"yutanta Gurko k general-gubernatoru ot 17 avgusta 1882 goda o vykhode v Yuzhno-Ussuriyskiy kray parokhoda "Nizhniy Novgorod" s chinami pereselencheskogo upravleniya i 10 khodokami [Telegram of Adjutant General Gurko to the Governor General of August 17, 1882 about departure of ship "Nizhny Novgorod" with the officials of Resettlement Department and 10 walkers]. In: *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoy Sibir'yu* [Compilation of the most important official documents on the governance of Eastern Siberia]. Vol. II. Issue III. Irkutsk: tip. Shtaba Vost. sib. voen. okr.
12. Governor General of Eastern Siberia. (1884) Otnosheniye general-gubernatora Vostochnoy Sibiri k ministru vnutrennikh del ot 2 fevralya 1883 goda za №184 o khode dela po pereseleniyu v Yuzhno-Ussuriyskiy kray [Report of the Governor General of Eastern Siberia to the Minister of Internal Affairs of 2 February, 1883, no. 184 on the progress of resettlement in the South-Ussuri region]. In: *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoy Sibir'yu* [Compilation of the most important official documents on the governance of Eastern Siberia]. Vol. II. Issue III. Irkutsk: tip. Shtaba Vost. sib. voen. okr.
13. Nadarov, I.P. (1898) Pereseleniye krest'yan morem v Yuzhno-Ussuriyskiy kray [The sea resettlement of peasants in the South-Ussuri region]. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 4:4.
14. Osipov, Yu.N. (2006) *Krest'yane-starozhily Dalnego Vostoka Rossii 1855–1917 gg.* [Old-timer peasants of the Russian Far East in 1855–1917]. Vladivostok: VGUES.
15. Kaufman, A.A. (1905) *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
16. Rodigina, N.N. (2003) Pereselencheskie chinovniki o krest'yanskikh migratsiyakh v Sibir' vo vtoroy polovine XIX v. [Resettlement officials on peasant migration to Siberia in the second half of the 19th century]. In: Zverev, V.A. (ed.) *Zhit' zakonom: pravovoe i pravovedcheskoe prostranstvo istorii* [Live by law: legal and jurisprudential space of history]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. [Online]. Available from: https://lib.nspu.ru/views/sbo/212/read.php. (Accessed: 13 October 2016).
17. Russian State Historical Archive. Fund 1273. List 1. File 301. (In Russian).
18. Rittikh, A.A. (1899) *Pereselencheskoye i krest'yanskoye delo v Yuzhno-Ussuriyskom kraye* [Resettlement and peasant matter in the South-Ussuri region]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
19. Smagin, A.N. (2004) *Gosudarstvo i tserkov' v protsesse zaseleniya yuga Dal'nego Vostoka, 1858–1917 gg.* [State and Church in the process of settlement of the south of Far East, 1858–1917]. *Rossia i ATR – Russia and APR*. 4. pp. 90–101.

Received: 23 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 136–143. DOI: 10.17223/15617793/415/19

УДК 72(09)+008+316.7

Т.В. Чапля

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Представлена история развития архитектурного пространства в связи с историей формирования способов взаимодействия человека с миром и с самим собой. Показано, как человек организовывал свое пространство на уровне вписывания его в природу в древности, вычленяя и поднимая вверх в эпоху Средних веков, осваивал пространство по законам линейной перспективы в эпоху Возрождения, по законам бесконечности – в период барокко, в зависимости от функциональной необходимости, – в Новейшее время, связанное с возникновением в XIX–XX вв. понятия свободного пространства в архитектуре.
Ключевые слова: история; архитектура; пространство; коммуникация; культура; искусство.

История человеческого общества есть история освоения человеком окружающего мира, что выражалось в создании семиотического или второго пространства в пространстве. Целью статьи являются анализ динамики организации архитектурного пространства в контексте теории коммуникации, а также исследование зависимости способов и форм организации архитектурного пространства в соответствии с доминирующим направлением коммуникации на определенном историческом этапе развития общества. Под коммуникативным пространством в данной статье понимается система отношений, возникающих внутри общества, отношений человека с природой, со сверхчувственной реальностью.

История формирования коммуникативного пространства протекала параллельно с историей формирования человеческого общества, и, по замечанию О.Т. Лойко, одной из его форм могут выступать социальная память и ритуал как ее основание [1]. Изначально человек, как известно, не отделял себя от окружающей среды и поэтому все формировавшиеся формы культуры и способы коммуникации были тесно связаны с формами природы. Такого рода синкретичность предполагала и, можно сказать, предопределяла то, куда сначала будут устремлены все основные усилия – это освоение ближайшего, горизонтального пространства. Поэтому мы считаем, что одной из основных линий, направляющих коммуникативные потоки, будет горизонтальная. Подтверждение этому можно найти в ранней истории человечества. Первые формы, в рамках которых осваивается и организуется коммуникативное пространство, были круг и квадрат (либо вытянутый квадрат – прямоугольник). Хотя формы взаимодействия человек сразу начинает выстраивать в разных формах: межличностные (пока на уровне коллективного «Я»), групповые, массовые. Постепенно он разделит и пространство на подземное, земное и небесное, более грубо – на профанное и святое, и с каждым создаст свои формы и способы взаимодействия.

Наиболее ярким выражением и способом организации человеческого общества выступает архитектура. Процесс выстраивания отношений с окружающим миром начинается с того, что люди, осваивая мир, ведут отсчет от своего жилища, которое выступает своеобразным центром мира. Именно это закладывает основы архитектурной семантики. «Эта ось мира имеет достаточно ясную иерархию – можно сказать, что архитектура всегда служит медиатором между нижним, средним и верхним мирами» [2. С. 21]. Архитектура, по мнению Г. Ревзина, искусство, которое сталкивается с ситуацией изначального отсутствия пространства, знаковости, семиосферы, потому что именно она распложена в физической реальности и, следовательно, именно она создает и задает своими средствами конструкцию разделения мира «на физику» и «метафизику».

Причем возникновение семиосферы можно, видимо, связать со строительством первых сооружений. Если пещеру как результат действия природных сил вряд ли можно рассматривать как архитектурное сооружение, это, скорее, результат адаптации человека к окружающей среде и результат встраивания в нее, то первые постройки в виде шалашей или палаток уже есть действия, направленные на изменение окружающего пространства. Развитие земледелия и формирование оседлого образа жизни можно рассматривать как переломный момент, приведший к возникновению дома. В некоторых регионах, например в Китае, он «мало изменился, что говорит о необыкновенной устойчивости основных конструктивных принципов архитектуры, основанных на мощном семантическом наполнении ориентации по сторонам света, отдельных конструктивных элементов, цвета, форм, декоративных элементов и прагматических функций дома» [3. С. 99].

Сооружения первых древних цивилизаций уже демонстрируют ясно выраженную ценностную систему отношений внутри общества и сфер его жизнедеятельности, т.е. символизацию пространства. Так, согласно Н.И. Брунову, египетский храм Нового царства демонстрировал полное соответствие ориентации храма шествию религиозной процессии: «…его композиция развертывается во времени. Два принципа определяют собой общий характер этой композиции: постепенное сужение и постепенное затемнение пространства от входа к святилищу. При этом… сужение и затемнение идут не постепенно, а ступенями… таких основных частей-ступеней в египетском храме… четыре: аллея сфинксов снаружи перед пилонами, квадратный двор, окруженный колоннадой, растянутый в ширину крытый гипостильный зал, сплошь заставленный колоннами, наконец, маленькое святилище…» [4. С. 233].

То есть мы видим, как с помощью определенного сочетания горизонтальных и вертикальных линий

архитектура начинает управлять нами. Организация движения по аллее сфинксов предполагает упорядочивание потоков людей в направлении храма, при этом дорога постепенно сужается, т.е. движение замедляется, и в конце пути человек попадает в узкое святилище – практически останавливается. Тесное пространство предполагает возникновение ощущения неуютности, располагающее к молчаливому созерцанию божества. При этом сами размеры храма очень велики, и во много раз превышают размеры человека, поэтому архитектура способна привлекать и удерживать внимание человека с почтительного расстояния, постепенно вовлекая внутрь и заставляя подчиняться ее ритму. При этом сам храм устроен так, что он скрыт в природе и его задача переводить внимание зрителя на те силы, которые владеют миром. «Египетский храм охарактеризован своей формальной проработкой так, что он воспринимается в своей грандиозности, в своем количественном стиле, как созданный не человеком, а божественной силой» [5. С. 62–63].

В итоге египетскую архитектуру можно рассматривать как результат первых шагов человека по символизации пространства и осознания власти пространственных линий над человеческим поведением. Синкретичность пока еще сохраняется и выражается в стремлении человека вписать сооружения в окружающую среду. Это свидетельствует о горизонтальной линии в мировосприятии и организации коммуникации, несмотря на то что храм поднимается вверх, воздействует он все еще на уровне взгляда человека. Ориентация человека во вне и есть ориентация и направленность всей жизни на природу. «Вписывая архитектуру в ландшафт, египетский архитектор истолковывает природу в духе восточно-деспотической идеологии. Монументальное здание должно служить ключом к природе, наглядно показывая, что главный акцент лежит на природе, охарактеризованной архитектурой как гигантская, господствующая над человеком, подавляющая его» [Там же. С. 12].

Следующий этап осознания архитектуры как средства организации жизни общества связан с развитием греческой и римской архитектуры, которым удалось освободить ее от религии. Греческий храм теперь уже выделяется из природы, он стоит на постаменте, подобно статуе. Само тело храма – периптер, является результатом сочетания форм ордера и колонны. Благодаря возникновению открытых галерей, образованных колоннадой, храм связывается с окружающим его пространством природы. В самой ранней критской архитектуре организация внутреннего пространства отличалась особой живописностью, которая вовлекала человека внутрь себя: «Войдя в него, зритель видел перед собой небольшие помещения, из которых двери вели в соседние комнаты и коридоры, причем благодаря асимметрии и сдвигам, зрителя тянуло идти дальше и следовать по изгибам коридоров, проходя из комнаты в комнату. Это движение внутреннего архитектурного пространства направо и налево еще усложнялось движением его вверх и низ. Отдельные комнаты и группы их расположены на различном уровне, одни немного выше, другие несколько ниже…» [5. С. 24].

Можно заметить, что именно в греческой архитектуре уже наметилось осознание человеком себя и отделение себя от природы. Свидетельством начавшегося процесса отделения можно считать начало проработки и организации внутреннего пространства сооружений. Так, уже в микенской архитектуре появляется мегарон – главный приемный зал хозяина, который в Тиринфе получает центральное место, и все остальные помещения ему подчиняются.

Возникновение ордера является свидетельством соответствия архитектуры человеку. Греческий храм классического периода был рассчитан на среднюю точку зрения. «Ориентированный по горизонтали обход классического греческого храма V века являлся пространственной сферой деятельности человека, получившейся в результате проекции человеческой мерки, лежащей в основе колонны, на оформляемое колоннами пространство» [5. С. 78].

В отличие от монументальной архитектуры, жилая застройка не теряет своей связи с природой. Жилой дом в этот период отделен от улицы, не имеет наружных окон, и его внутренние помещения получают свет благодаря перистилю, через открытые двери. Это дом, который представляет собой замкнутый мир, собранный вокруг перистиля. Так же, как на заре человечества, люди собирались вокруг костра. В итоге эллинский дом, благодаря открытому перистилю, не отделен от пространства природы и развивается внутрь снаружи, от двора.

Таким образом, граждане начинают замыкаться в мире своего дома, что приводит к потребности обустройства личного жилища, потребности сделать его более комфортным для проживания. Так рождается утилитарная функция архитектуры, обеспечивающая комфортное пространство проживания. Причем организация внутреннего пространства жилого дома отражала систему отношений, сложившуюся в греческой семье с ее гендерными пространствами: мужским, женским; пространством, реализующим определенные функции: сна, приготовления и употребления пищи, работы, приема гостей, что явилось функцией подчинения не только пространства человеку, но и человека – пространству. Таким образом, сформировавшаяся гетерогенная пространственная структура дома, во-первых, задавала общие принципы организации жизни своих обитателей, а во-вторых, будучи транспарентной и осознаваемой людьми, представляла собой субстрат для дальнейшего развития семиосферы, разножанровых культурных языков. В.В. Видеркер, анализируя данную семиотическую ситуацию, писал: «...нахождение внутри гомогенного семиотического пространства нивелирует проблему культурного языка, так как личность способна к фиксированию только тех феноменов, которые имеют свой антипод, например, день / ночь, далеко / близко…» [6. С. 91].

В отличие от греческой, римская культура стала родоначальницей монументальной архитектуры светского назначения, начав возводить амфитеатры, цирки, термы и базилики. Римское зодчество стало разрабатывать замкнутое внутреннее пространство в монументальной архитектуре: «…в римском театре здание сцены одной высоты с местами для зрителей, а места

эти непосредственно упираются в боковые стены, служащие по обеим сторонам продолжением сцены… В таком объединении сцены и мест для зрителей в общее кольцо стен одной высоты проявляется тенденция к замыканию пространств, которые стремятся превратить во внутренние помещения, отделенные от окружающего… Объединение сцены с местами для зрителей и возвышение театрального здания над поверхностью земли – различные стороны… процесса образования замкнутого внутреннего пространства, отделяющегося от окружающегося пространства природы и наружного монументального оформления здания» [5. С. 228].

Так, развитие архитектуры наглядно отражает процессы, происходящие в человеческом обществе. Постепенно синкретичность в отношении мира и себя сменяется осознанием своей отделенности от природы путем формирования и разработки внутренней организации помещений и их внешней возвышенности и господстве над окружающим ландшафтом. «В Риме стена является главным архитектурным элементом, ордер ее расчленяет. Этот момент очень важен в истории архитектуры: зародилась стена… то есть архитектурная плоскость, отделяющая внутреннее архитектурное пространство от принципиально отличного от него пространства природы… Человеческие отношения еще больше вносятся во внутреннее пространство при помощи расчленения стен большими дверными отверстиями, завершенными чередующимися фронтончиками и сегментами круга…» [Там же. С. 235].

К числу архитектурных сооружений, рассчитанных на управление большими массами людей, относится римский Пантеон. Там замкнутое внутренне пространство получило свою первую проработку. Это центрическое в плане здание позволяет зрителю, находящемуся внутри, понять, что можно даже не вращаясь вокруг себя увидеть все подкупольное пространство целиком. Именно такой подход позволял управлять огромными массами людей, находящимися внутри помещения. Понимая и ощущая однообразность оформления интерьера, у людей отпадала необходимость в перемещениях и позволяла им оставаться на месте, не вызывая особого любопытства, заставляющего нас двигаться. «Колоссальные здания Рима совмещали в себе коллективный характер арочных и сводчатых форм, охватывающих собой большие людские массы и образ монументализированного человека-вождя, даваемый гигантскими ордерами, вырастающими из них и создающими огромные балдахины над воображаемыми монументализированными человеческими фигурами» [Там же. С. 409].

Эпоха Средних веков связана с большими изменениями как в материальном, так и в духовном плане. Главным событием стало всемирное переселение народов, которое привело к гибели Римской империи, возникновению новых географических границ, формированию новых типов обществ как в политическом, так и в духовном и в социальном планах. В духовном плане в Европе произошел переход от политеизма к монотеизму. Все это вкупе повлекло за собой изменения в пространственно-временных отношениях, нашедших свое отражение в искусстве. Несмотря на то, что Средние века не стали временем отказа от мифологического мышления, человек все еще продолжал измерять мир самим собой, о чем свидетельствовали меры длины: путь исчислялся количеством шагов.

Переход от язычества к христианству связан с возникновением строго иерархиезированного пространства, в котором устанавливался жесткий порядок передвижения. Так как в средневековом обществе главной ценностью становится Бог, то все отношения выстраиваются только относительно устремленности человека к Богу. Сам Бог теперь, в отличие от языческих божеств, располагавшихся на земле, находится на недосягаемой высоте, и главной осью выстраивания отношений с ним выступает вертикаль. Все, что окружает человека, располагается на разных уровнях, иерархиезируется и символизируется по принципу близости к божеству. Триединство Бога можно проследить во всех структурах общества: деление общества на три слоя (молящиеся, правящие и работающие), система образования также предполагала прохождение трех ступеней: ученик – подмастерье – мастер, паж – оруженосец – рыцарь и т.п. «Пространство средневекового человека не абстрактно и не однородно. Оно не мыслится как форма, предшествующая ощущению, – это такая же реальность, как и другие божьи творения. Пространство средневекового мира представляет собой замкнутую систему со священными центрами и мирской периферией. Космос неоплатонического христианства градуирован и иерархиезирован. Переживание пространства окрашено религиозно-моральными тонами. Это пространство символично» [7. С. 82].

Символизм пронизывал собою все окружающее пространство. Город представлял образ небесного Иерусалима, описанного Иоанном Богословом. Несмотря на то, что некоторые города возникали на месте римских, в процессе застройки их улицы теряли свои прямые линии и превращались в нагромождение разного построек, сильно сужающих и заслоняющих доступ света на улицы. Такого рода хаотичная застройка отражала средневековое понимание пространства, которое стало восприниматься как ограниченное. Плюс ко всему близкое расположение домов друг к другу порождало ощущение тесноты. Такое положение дел только доказывает вертикальную направленность средневекового взгляда и пространства, которое читалось вверх, а не вдаль. Жилые дома, как и храмы эпохи романики, отличались дробностью и разнонаправленностью фасадов и объемов. Дома постоянно росли вверх, так как земли внутри города постоянно не хватало, это приводило зачастую к полному затемнению улиц, на которые свет не проникал даже в дневное время. При этом, как и в Античности, очень мало внимания уделялось организации внутреннего пространства, которое отличалось нерасчлененностью. Как правило, внутри было одно большое помещение, которое разделалось только коврами и могло меняться в зависимости от ситуации. «Нередко в коробке здания делались только большие залы и несколько тайных ходов. Такое несовершенство планировки частично устранялось тем, что залы разгораживали коврами, прикрепляя их к дверным и оконным

рамам» [8. С. 67]. Изменения в организации внутреннего пространства жилища происходят только в XIII в. Именно в это время, по мнению Э. Виолле-ле-Дюка, начинают появляться личные апартаменты, которые стали отделять от других помещений и от помещений, в которых проживала прислуга. Такие изменения свидетельствовали о формировании понятия личного пространства, до этого момента вся семья спала в одной общей кровати, а в случае приезда гостей – вместе с ними.

В эпоху готики возникает первое представление об упорядоченности пространства, его однонаправленности. «Через архитектуру происходит формирование религиозной идентичности» [9. С. 166]. Сам факт перехода ориентации собора от входа к алтарю, подведение внутреннего пространства под единое перекрытие, говорит об осмыслении его как единого целого. Но в целом само пространство остается дробным. Об этом говорит существование в каждом городе нескольких центров концентрации домов. Первой была рыночная площадь, она обрамлялась зданиями ратуши и других общественных служб. Другим центром был собор. Эти центры среди тесноты вокруг также фиксировали вертикальную направленность взгляда горожанина и, можно сказать, что формировали его.

Как пишет Е.И. Ротенберг: «Во-первых, здесь действует фактор неожиданности: внезапное явление на фоне плотной рядовой застройки грандиозного соборного здания… резко перестраивает восприятие зрителя… Другой момент: оказавшись перед собором, зритель, чтобы целиком охватить увенчанный высокими башнями фасад, направляет взгляд ввысь… И, наконец… переживаемый всяким, кто входит в храм в готический собор: после чувства сдавленности и динамического ограничения, накапливавшегося во время пребывания в тесноте городской среды, после уже происшедшей адаптации к ее специфическим масштабным соотношениям и к дробному языку архитектурных форм – после всего этого вход в грандиозный храмовый интерьер… порождает… эффект пространственного разрешения… здание собора, которое при восприятии города извне воспринималось как его объемное ядро, в своем интерьере оборачивается образом чисто спиритуальной пространственности, преобразующей конструктивные элементы в нечто противоположное их материальной природе» [10. С. 40–41].

Говоря в целом об архитектуре Средних веков, можно сказать, что она отличалась большим разнообразием в эпоху романтизма, в каждой области, в каждом виде деятельности была свои архитектура, стиль. Только готика с ее векторной направленностью свидетельствует о формировании единого пространства, организованного в вертикальном направлении и горизонтальной протяженности в светской части. Подобного рода разрозненность и ограниченность пространства в отношении отдельных центров концентрации форм жизни привели к возникновению социально разделенного пространства: одни группы населения концентрировались вокруг замков или дворцов, другие – вокруг храмов.

Вертикальная направленность средневекового пространства связана была и с тем, что большое значение приобретают лестницы, которые всегда поднимались вверх практически отвесно, они круто уходили вверх, изображая подъем души к Богу. Такая же ценностная ориентация сохранялась и в гражданских постройках. В любом средневековом доме, замке нижние этажи отводились под хозяйственные постройки, в то время как верхние – под жилые помещения, парадные комнаты. «Многоступенчатые, крутые, слабо освещенные лестницы вели в светлые, украшенные помещения или в безопасное убежище, они как бы моделировали трудный путь от земной юдоли к красоте небесной, от гибели к спасению» [11. С. 170].

Усиление роли профанного пространства произошло в эпоху Возрождения, когда формирование пространства города начало зависеть не от религиозного центра, а определяться чистой функциональностью: «…новый город… строился не по принципу пространственно-сакрального стяжения, но по принципу чисто функционального, вполне профанного пространственного разграничения, он весь делился на зоны, как бы самостоятельные пространственные ячейки (площади, улицы), группирующиеся вокруг жилых или общественных зданий (палаццо) или комплексов (монастырь, госпиталь) – образ не предопределенного извне, свыше, но самоорганизующегося мира, подчиненного собственным, земным требованиям» [Там же. С. 20].

Изменение отношения к пространству города в эпоху Возрождения можно наблюдать и в произведениях искусства. Если в Средние века в живописи и витражном искусстве город изображается издалека, как цель, которой необходимо достичь, проделав определенный путь, то в эпоху Ренессанса город начали изображать изнутри, т.е. это уже не дальняя цель, а среда обитания. Таким образом, можно сделать вывод, что вертикаль в восприятии мира и построения отношений с ним постепенно превращается в горизонталь, доказательством чего является ориентация взгляда горожанина не снизу вверх, а горизонтально, вдаль. Открытие линейной перспективы изменило способ восприятия пространства. Главным местом группового общения в городе становится не собор, а городская площадь, которая предназначалась для массовых мероприятий. Она стала местом разных форм общения: делового, обрядового, досугового, политического и т.д. По замечанию О.Н. Сидорчук, «центром праздника и торговли являлась именно площадь. Зимой в городах на ней устраивали катальные горы <…> в селах с этой целью использовали естественные возвышенности» [12. С. 66].

В Средние века все здания выполняли функцию сокрытия, труднодоступности, что было связано как с верой – трудность достижения рая, испытаний, необходимых преодолеть на пути превращения в избранных, так и с внешней обстановкой – это было время постоянных войн и междуусобиц. Сам факт того, что город представлял собой цепь нагромождений разного роды зданий, узких, изгибающихся улочек, что препятствовало легкому его завоеванию. «Средневековое здание, церковное или светское, воплощало феномен закрытости, труднодоступности; чтобы проникнуть в него, необходимо было преодолеть некото-

рый барьер. Материальный, физический, как при входе в палаццо Сеньории, с его решетками, лестницами, сложной системой помещений, соединенных переходами, множеством дверей, порогов, каждый из которых следовало перешагнуть; либо преодолеть психологическую, духовную преграду, переступая порог Баптистерия, чтобы попасть в особый, отъединенный от внешнего мир его внутреннего пространства. Каждый раз – это проникновение внутрь каменного массива, заключающего в себе нечто скрытое» [11. С. 39–40].

Как только площадь стала местом не разрешения пространства и подчинения человека, а раскрытия пространства наружу, она стала восприниматься перспективно. Она перестала быть местом хранения тайны, она стала местом открытым, а следовательно, десакрализованным.

Переориентация взгляда с верха вдаль находит свое подтверждение в том, что во Флоренции существовало требование о соблюдении при реконструкции и строительстве зданий единой высоты карнизов, что предполагало видение города как единого архитектурного пространства. Подобная ситуация наблюдается и внутри жилища, по замечанию И.Е. Даниловой, горизонтальная ориентация дома стала явным выражением идеи равенства его хозяина и гостя, который, попадая внутрь, мог сразу видеть все внутренние помещения, находящиеся на одной оси.

Сама группировка жилых помещений в городе эпохи Возрождения предполагала семейный подход, дома членов одного клана группировались рядом друг с другом. Палаццо сохраняли ориентацию по двум осям: направлено было внутрь и одновременно наружу. Это можно увидеть в обилии аркад на уровне первого этажа, за ними в основном располагались не жилые, а служебные помещения, склады, магазины, которые могли сдаваться в аренду.

Палаццо предполагали организацию не только семейного общения, но и группового. Так, по периметру фасада часто разместились лавки, на которых можно было устраивать посиделки и обмениваться новостями. В XV в. начали строить лоджии, которые использовали как парадные, праздничные залы, места общения семьи.

Как пишет И.Е. Данилова, палаццо заключало в себе определенное противоречие: «…с одной стороны, стремление подчинить пространство, замкнуть его в четкие рамки измеримого и познаваемого, вычленить из иррациональной средневековой безмерности, сделать его своим, обитаемым, организовать его вокруг себя и в этой его измеримости замкнуться; с другой стороны, страх перед этой рукотворностью, замкнутостью, потребность прорвать его и если не выйти за ее пределы, то создать хотя бы потенциальную возможность выхода…» [11. С. 219].

В итоге можно сказать, что пространство в эпоху Возрождения начало принимать горизонтальную направленность, с одной стороны, и принимать разнообразные формы – с другой. Впервые начинает формироваться личное пространство в рамках выделения индивидуальных пространств членов семьи, и массовое пространство, которое из-под купола собора теперь переносится на городскую площадь.

Именно эпоха Возрождения связана с появлением ясно выраженного и социально обусловленного типа сооружений, в которых четко отражалась специфика времени и места. В отличие от Италии во Франции времен Франциска I большое развитие получил увеселительный замок-дворец, в Нидерландах этого периода преобладал гильдейский дом, в Испании – городская дворянская резиденция, получившая название «платереско», в Англии Тюдоров основным типом стал дом-усадьба для среднего сословия, мелкопоместного дворянства.

Архитектура XVI в. стала более зрелищной, ориентированной вовне, «центричность, как правило, сменяется теперь осевым, протяженным построением композиций. Всюду, где возможно, прямоугольный план уступает место вытянутому, круг – удлиненному овалу. Логика ясного тектонического рассказа теперь отступает перед роскошью зрительного, сценического начала в архитектуре» [13. С. 50].

В XVI в. появляется тенденция объединения самого здания с окружающим садом или парком. Именно в итальянском палаццо можно увидеть сквозную ось, объединяющую вход, внутренний двор, через который открывалась перспектива вдаль. Благодаря развитию жилого строительства в этот период формируется понятие комфорта. В Англии индивидуальный жилой дом стал восприниматься как первичная окружающая человека среда.

Архитектурное пространство Нового времени, его организация тесно связаны с первой научной революцией, географическими открытиями, изменениями в политической жизни: формирование абсолютных монархий, национальных государств, наций. Изобретение телескопа и открытие новых земель привели к возникновению понятия бесконечного пространства, психологическому дискомфорту отдельно взятого человека, который остался наедине с этой бесконечностью и потерял твердую почву под ногами. С одной стороны, это привело к росту внимания к организации пространства индивидуального жилья понятного и комфортного для человека, а с другой – это жилье потеряло жестко установленные границы, сад стал продолжением дома, возник новый тип ограды под названием «ах-ах», которая была не видна глазу. Выражением такого положения вещей можно считать строительство Версаля, который объединил в себе две тенденции: «превращение власти в частное дело сюзерена и частной жизни сюзерена в публичное зрелище» [14. С. 35].

Центром жизни становится королевский дворец. Во Франции возникает новый тип площади – королевская площадь, вокруг которой группируются другие сооружения. К этому времени жилая архитектура теряет свое предшествующее назначение – защита от внешних врагов, теперь все чаще жилые помещения начинают располагать на первых этажах, увеличивается пространство оконных проемов. Организация жилого пространства начинает подчиняться единому направлению, становится линейной – это показывает хозяина помещений всем его гостям, которые могли перемещаться вдоль этой оси расположения комнат, наблюдая за жизнью хозяев апартаментов. Так архи-

тектура стала воплощением жизни «напоказ». Также происходит своеобразное возвращение к поиску способов и приемов вписывания здания в окружающее пространство. В Версале королевские апартаменты, кроме того, что они располагались на первом этаже – на уровне природного ландшафта, жизнь и церемониал королевской жизни были организованы так, что король перемещался из комнаты в комнату вслед за движением светила в течение дня. Ф. Дасса так описывает визит к королю: «…визит состоит из последовательной смены подъемов, спусков, переходов и поворотов. Интерьер замка, от низкого вестибюля и лестницы с двойным пролетом через анфиладу гостиных, выводящих к Зеркальной галерее, в глубине которой возвышался трон сюзерена, представлял собой несравненную последовательность ракурсов, совокупность которых оправдывала полное нарушение дистрибутивной логики на втором этаже…» [14. С. 88–89].

Несколько иначе обстояло дело с религиозными зданиями. В них не было анфиладных помещений и все зрелище организовывалось на уровне восприятия фасада. Именно он выступал в роли театральной сцены, которая должна была демонстрировать крепость веры и доступ в храм. По мере продвижения верующего вглубь ему открывалось внутреннее пространство, которое все более усложнялось и насыщалось обилием узоров, орнаментов, скульптуры. Сам план теперь включал большое количество каркасных структур, что вело к большому увеличению количество опор и визуальных просветов. В итоге в произведениях XVI–XVII вв. пространство стало носить театральный, зрелищный характер.

В отличие от пространства Ренессанса, организованного по законам линейной перспективы и ордера, которые подразумевали выверенную систему пропорций, барокко XVI в. ориентировалось на активную позицию зрителя, который стал соучастником пространства. Пространство стало полицентричным: «...эффект полизрения вызывает у зрителя не только ощущение подвижности, но соучастия в так называемом пространственном диалоге, то есть ощущение диалога с пространственным “визави”. Кроме того, этот эффект связан не с суммированием зрительных установок, а с одновременностью восприятия общих несовпадающих позиций» [15. С. 317].

В архитектуре барокко появление вогнутых и выгнутых линий можно рассматривать как одновременное существование двух взглядов: извне и изнутри. В связи с открытием бесконечности само пространство превратилось в череду структурных преобразований, в которой преобладает не очередность, а полифония.

Дворцы и замки второй половины XVII в. организованы по принципу демонстрации жизни и богатства своих хозяев, в силу чего в них мало обращается внимания на продуманную организацию внутреннего пространства. Большое внимание уделяется грандиозности эффектов, анфиладным апартаментам и мало задумываются о комфорте и уюте жизни хозяев. Такое существование в рамках публично организованного пространства мало заботилось об индивидуальном присутствии в доме или замке. То есть пространство не предполагало межличностного общения, его структура требовала группового общения и максимально парадного представления хозяина. Можно сказать, что в данное время пространство носит репрезентативный характер. Подтверждение этому можно найти в роли лестниц, которых было много и разных. В отличие от средневековых, винтовых лестниц, резко уходящих ввысь и демонстрирующих, тем самым трудности, которые нужно преодолеть на пути к Богу, и направлявших взгляд поднимающегося по ним человека вверх, лестницы нового время стали более пологими и широкими. У них была одна задача – представлять того, кто по ним спускается, или того, к кому поднимаются. При этом сами лестницы делятся на два вида: черные – для прислуги, и парадные – для хозяев и их гостей, что говорит о закреплении в архитектуре сословного строя общества. Как замечает Виолле-ле-Дюк, в это время почти все, особенно люди высокого положения, были готовы пожертвовать удобством ради величественности. «Тогда дворы были просторны, фасады щедро украшены, внутри зданий – роскошные вестибюли, торжественные лестницы, обширные гостиные, но все это достигалось за счет комфорта. Жилые комнаты были большей частью малы, помещались на антресолях, в них было мало воздуха; ведущие в них проходы и лестницы были настолько неудобны, что можно было сломать себе шею. Люди теснились в жалких каморках под крышами. Кроме парадных апартаментов, все имело тесный и убогий вид…» [16. С. 169–170].

Отличительной особенностью пространства барокко была универсальность, под которой понималась бесконечная прямая линия как перспектива. Но в отличие от линейной перспективы Возрождения перспектива барокко не имела единой точки схода линий. Большую роль в разработке бесконечного пространства сыграли французские мастера, которые создали бесконечность природы на уровне ландшафтной архитектуры. Созданные ими сады и парки имели большие аллеи, проезды для конных экипажей. Посадки были выполнены в форме лабиринтов, что имело кроме развлекательной функции еще и символическую – отражать бесконечность природы. «Вклад Франции в развитие архитектуры барокко особенно велик в двух областях: в более четкой организации различных типов гражданских зданий и в организации внешнего пространства» [17. С. 102].

На уровне организации городского пространства в эпоху барокко также происходят существенные изменения. Если период Возрождения породил город в форме звезды, когда задавалось направление взгляда от бастионов к главному зданию в центре города, то город барокко породил город-улицу, отвечающую представлению о бесконечности. Применение линейной перспективы позволяло «ясно видеть», но только из одной точки. Следует заметить, что город в форме звезды – это город-крепость, которую будет очень трудно завоевать в случае войны. Город-улица в этом отношении менее защищен, но зато очень удобен в плане подавления внутренних волнений, улицы делали достаточно широкими, чтобы было невозможно построить баррикады.

XIX в. связан с возникновением нового понимания пространства в архитектуре, которое было продикто-

вано появлением новых строительных материалов и новых запросов общества. Это было время появления больших промышленных зданий, что повлекло за собой кардинальные изменения в строительстве. Если раньше дом и место работы были заключены под одну крышу, то XIX в. развел эти два пространства. В связи с этим кардинально начинают изменяться тип жилого помещения и его внутренняя организация. Также уместно провести параллель с тем, что возникновение интереса в философии и психологии к внутреннему миру личности породило новое осмысление внутреннего пространства жилища.

Согласно Е.Д. Юхневой [18], именно со второй половины XIX в. в планировке индивидуального жилья произошел переход от анфиладности к закрытости комнат. С 1860 г., по ее мнению, в квартирах стали планировать коридоры, которыми изначально пользовалась прислуга, но постепенно они привели к формированию смежно-изолированных комнат. К середине XIX в. в квартирах начали делить комнаты по функциям. Наиболее распространенным типом жилого дома становится доходный, многоквартирный дом. «Богатые, большие квартиры были оборудованы уборными, ванными, электричеством, грузовым и пассажирским лифтами, а к концу века и телефонами. В большинстве домов устраивались две лестницы – парадная и черная. Около парадной группировались передняя, кабинет, столовая, гостиная; около черной – кухня, спальня, санитарный узел, комната прислуги…» [19. С. 60].

Изменения коснулись и городского пространства в целом. Начинает складываться тип комплексной застройки кварталов и районов. Постепенно складывается город с несколькими центрами, в дальнейшем эти центры получают свою специализацию (деловой центр, транспортный и т.п.).

Начало XX в. принесло новую революцию в изменении представлений об организации и восприятии пространства. Открытие оптики привело к отказу от единой точки зрения в линейной перспективе и к переходу к свободному расположению предметов в пространстве. Впервые начинает формироваться взаимопроникновение внешнего и внутреннего пространств. В области архитектуры это привело к возникновению так называемого свободного плана. Примером такого положения дел стало строительство дома по улице де Турин, в котором применено свободное расположение комнат. XX в. породил совершенно новые типы зданий, связанные с изменениями общественной жизни, развитием массовых форм взаимодействия как на уровне работы, так и на уровне досуга. Эти процессы настолько глобальны, что им необходимо посвящать отдельное исследование.

Автор приходит к выводу, что организация архитектурного пространства напрямую связана с процессами общественной, политической, экономической и религиозной жизни. Эта связь прошла ряд этапов: от включенности человека в природу до противопоставления себя ей и погружения в самого себя. Другими словами, можно наблюдать переходы от горизонтальной направленности коммуникации в древности до вертикальной в эпоху Средних веков и возврат в период Возрождения к горизонтальному направлению коммуникации, но уже не на уровне слияния с природой, а на уровне межличностного общения и до погружения в себя начиная с конца XIX в. И архитектура как искусство, наиболее тесно связанное с человеком, отражает и формирует все эти формы взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ritual as method of social memory content transfer [Electronic resource] / A. N. Utkina [et ai.] // SHS Web of Conferences. Les Ulis : EDP Sciecs, 2016. Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). [01142, 5 p.]. Title screen. URL: http://dx.doi.org/10.1051/ shsconf/20162801142 http:// earchive.tpu.ru/handle/11683/33045
2. Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. М. : ОГИ, 2002. 132 с.
3. Тихомирова Е.Е., Чжао Цзиннань. Когда жилище становится домом: универсальные культурные смыслы китайской традиции // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. Т. 7, № 3. С. 98–103.
4. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры.М. : Центрполиграф, 2003. Т. 1. 400 с.
5. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. М. : Центрполиграф, 2003. Т. 2. 540 с.
6. Видеркер В.В. Роль символистской теории соответствий в развитии ассоциативного мышления у студентов педагогического вуза // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 88–92.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. 285 с.
8. Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в Средние века // Культура Средних веков в памятниках исторической мысли Франции. СПб. : Евразия, 1997. 384 с.
9. Харламов А.В. Коммуникативные аспекты формирования религиозной идентичности // Восток – Запад: проблемы взаимодействия : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта. Новосибирский государственный педагогический университет / под ред. К.Б. Умбрашко. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2011. С. 165–173.
10. Ротенберг Е.И. Искусство готической эпохи. Система художественных видов. М. : Искусство, 2001. 125 с.
11. Данилова И.Е. Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. 253 с.
12. Сидорчук О.Н. Сибирские ярмарки как культурно-зрелищные центры (XIX – начало XX в.) // Между прошлым и будущим. Вопросы истории и исторического образования : сб. науч. и публиц. тр. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2000. С. 65–78.
13. Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 5 : Архитектура Западной Европы XV–XVI вв. Эпоха Возрождения. М., 1967. 675 с.
14. Дасса Ф. Барокко. Архитектура между 1600 и 1750 годами. М. : Астрель ; АСТ, 2002. 160 с.
15. Локтев В.И. Барокко от Микеланджело до Гварини (проблема стиля) : учеб. пособие. М. : Архитектура, 2004. 496 с.
16. Виолле-ле-Дюк Э Э. Беседы б архитектуре. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. Т. 2. 348 с.
17. Гидион Зигфрид. Пространство, время, архитектура. М. : Стройиздат, 1984. 455 с.
18. Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М. : Центрполиграф, 2008. 368 с.
19. Всеобщая история архитектуры : в 12 т. Т. 10 : Архитектура XIX – начала XX в. М. : Изд-во лит. по строительству, 1972. 591 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 января 2017 г.

HISTORY OF ARCHITECTURE IN THE MIRROR OF THE COMMUNICATIVE SPACE HISTORY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 136–143.
DOI: 10.17223/15617793/415/19

Tatyana V. Chaplya, Novosibirsk State Teacher Training University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Chap_70@mail.ru

Keywords: history; architecture; space; communication; culture; art.

The aim of the article is to analyze the structure development dynamics of the architectural space in the context of communication theory and to research the relation of methods and forms of the architectural space structure to the direction of the dominant type of communication at a certain historical stage of society development. Since architecture is the place of man's living and acting, it can be viewed as a type of a communicative space. Its formation begins with the outlining of the profane and sacred spheres of space. It determines the direction of the further evolution of architecture. The communicative architectural space is developing in the course of further segmentation of the inner structure of buildings and their height growth, creating constructions that would tower over the surrounding landscape. In the Middle Ages a strictly hierarchical and symbolic space appears, giving the communication a vertical direction: from bottom to top. This principle finds its expression in the space structure of the religious architecture. During the Renaissance, the space organization becomes horizontal. It is the first time when we see the formation of the private space: the separation of the family members' and the public territories; the latter moves from the cathedral to the town square. The Modern Era's architectural space structure is formed under the influence of the first scientific revolution, geographical discoveries and changes in the political life. The concept of an infinite space appears. Unlike the Renaissance space organized according to the laws of linear perspective and architectural order, which suggested a strict system of proportions, the 16th-century Baroque bases on the active position of the viewer, who becomes a participant of the infinite space formation. The 19th century divides the architectural space into working and living areas, thus dramatically changing the structure of living quarters. The discovery of optics at the beginning of the 20th century leads to the refusal from a single point of view on the space structure and to an unrestricted placement of elements in the building. As a result, the concept of mutual penetration of external and internal spaces starts forming. In architecture, it is expressed in the appearance of internal and external space free planning. The author comes to a conclusion that throughout history we can observe changes in the structure of the communicative architectural space expressed in the transformations of interaction directions. In the Ancient Times the predominant horizontal direction reflects the syncretism of relations between nature and society. The vertical direction of the Middle Ages shows man's pursuit of God. Then comes the horizontal direction again, connected with anthropocentrism, but aimed outside, at other people; and the horizontal one in the modern culture aimed inside oneself, as a reflection of the introspection tendency.

REFERENCES

1. Utkina, A.N. et al. (2016) Ritual as method of social memory content transfer. *SHS Web of Conferences*. Les Ulis: EDP Scieces. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). [Online] Available from: http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33045. DOI: 10.1051/shsconf/20162801142
2. Revzin, G. (2002) *Ocherki po filosofii arkhitekturnoy formy* [Essays on the architectural form philosophy]. Moscow: OGI.
3. Tikhomirova, E.E. & Zhao Tszinnan. (2012) Kogda zhilishche stanovitsya domom: universal'nye kul'turnye smysly kitayskoy traditsii [When dwelling becomes a home: universal cultural meanings of Chinese tradition]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7:3. pp. 98–103.
4. Brunov, N.I. (2003) *Ocherki po istorii arkhitektury* [Essays on the history of architecture]. Vol. 1. Moscow: Tsentrpoligraf.
5. Brunov, N.I. (2003) *Ocherki po istorii arkhitektury* [Essays on the history of architecture]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.
6. Viderker, V.V. (2014) Rol' simvolistskoy teorii sootvetstviy v razvitii assotsiativnogo myshleniya u studentov pedagogicheskogo vuza [The role of the symbolist theory of correspondences in the development of associative thinking in students of pedagogical colleges]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 2. pp. 88–92.
7. Gurevich, A.Ya. (1984) *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.
8. Viollet-le-Duc, E.E. (1997) *Zhizn' i razvlecheniya v Srednie veka* [The life and entertainment in the Middle Ages]. Translated from French. St. Petersburg: Evraziya.
9. Kharlamov, A.V. (2011) [Communicative aspects of the formation of religious identity]. *Vostok – Zapad: problemy vzaimodeystviya* [East – West: problems of interaction]. Proceedings of the all-Russian conference on the 50th anniversary of Maksim Brandt. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 165–173. (In Russian).
10. Rotenberg, E.I. (2001) *Iskusstvo goticheskoy epokhi. Sistema khudozhestvennykh vidov* [The Art of the Gothic era. The system of artistic types]. Moscow: Iskusstvo.
11. Danilova, I.E. (2000) *Ital'yanskiy gorod XV veka: real'nost', mif, obraz* [The Italian city of the 15th century: reality, myth, image]. Moscow: RSUH.
12. Sidorchuk, O.N. (2000) Sibirskie yarmarki kak kul'turno-zrelishchnye tsentry (XIX – nachalo XX v.) [Siberian fairs as cultural and entertainment centers (19th – early 20th centuries)]. In: Zverev, V.A. (ed.) *Mezhdu proshlym i budushchim. Voprosy istorii i istoricheskogo obrazovaniya* [Between the past and the future. Issues of history and history education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
13. Markuzon, V.F. (ed.) (1967) *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t.* [The general history of architecture: in 12 vols]. Vol. 5. Moscow: Stroyizdat.
14. Dassa, F. (2002) *Barokko. Arkhitektura mezhdu 1600 i 1750 godami* [The Baroque. Architecture between 1600 and 1750]. Moscow: Astrel'; AST.
15. Loktev, V.I. (2004) *Barokko ot Mikelandzhelo do Gvarini (problema stilya)* [The Baroque from Michelangelo to Guarini (the problem of style)]. Moscow: Arkhitektura.
16. Viollet-le-Duc, E.E. (1938) *Besedy ob arkhitekture* [Conversations on architecture]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. akad. arkhitektury.
17. Giedion, S. (1984) *Prostranstvo, vremya, arkhitektura* [Space, time and architecture]. Translated from English. Moscow: Stroyizdat.
18. Yukhneva, E.D. (2008) *Peterburgskie dokhodnye doma. Ocherki iz istorii byta* [Petersburg apartment houses. Sketches from everyday life history]. Moscow: Tsentrpoligraf.
19. Khan-Magomedov, S.O. (ed.) (1972) *Vseobshchaya istoriya arkhitektury: v 12 t.* [The general history of architecture: in 12 vols]. Vol. 10. Moscow: Izd-vo lit. po stroitel'stvu.

Received: 10 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 144–150. DOI: 10.17223/15617793/415/20

УДК 002.2 /ББК Ч 21

А.А. Чернышев

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена изучению энциклопедических изданий, появившихся в России в период с конца XVIII до начала XX в. На основании материалов Российского государственного исторического архива, а также научно-литературных журналов представлена эволюция энциклопедической литературы. Особое внимание уделяется рассмотрению социально-исторических предпосылок формирования и развития российского энциклопедического дела, способствовавшего распространению научных знаний и повышению образованности русского общества, отвечая его запросам и требованиям времени.

Ключевые слова: энциклопедия; энциклопедические издания; справочная литература; энциклопедический словарь; энциклопедическая культура; Российская империя; энциклопедистика.

Отечественные энциклопедии и словари насчитывают более чем двухсотлетнюю историю. Идея написать книгу, в которой можно бы было разместить сведения о разных науках, даже коротко, возникла еще в XVI–XVII вв. и была реализована в серии книг под общим названием «Словари непонятных слов» (впоследствии – азбуковники), в которых отразились церковные, естественно-исторические, философские и литературные понятия. Данное направление характеризует заинтересованность государства и потребность общества в справочных изданиях.

В Российском государстве с XVIII в. начинается развитие справочно-энциклопедической литературы, главным образом географического направления[1]. Первой попыткой представить общий свод справочно-энциклопедических знаний о Российской империи, по мнению российских исследователей, в конце XVIII в. явилось справочное издание под заглавием «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь священника Иоанна Алексеевича» [1. С. 1937–1940]. По замыслу автора, эта книга должна была состоять из 12 томов, но в 1793–1794 гг. вышли только первый том и первая часть второго тома (буквы «А» и «Б»). В данной работе весь статейный материал размещен в алфавитном порядке, что превращает данное издание в справочную книгу, т.е. энциклопедию.

По просьбе Министерства народного просвещения Российской академией была рассмотрена сама композиция книги, о которой президент Академии А.А. Нартов писал, что в ней имеется «огромное множество неисправностей, исполненных пустословием. Главным недостатком данного энциклопедического издания является то, что содержание словаря носило компилятивный характер и, в целом, не отражало состояния российской науки в то время» [2. С. 253]. Тем не менее эта была одна из первых энциклопедических попыток подытожить накопившийся за многолетнюю историю России информационный материал. Таким образом, к началу XIX столетия в Российской империи закладывается энциклопедическая база, которая в дальнейшем значительно расширила свои границы. Появляются словари, включающие сведения по одному предмету или по определённой группе специальностей, характеризуя современные изыскания в науке.

В Российском государстве в первой половине XIX в. спрос на справочно-энциклопедические издания значительно растёт, происходит не только увеличение книжной продукции в целом, но также справочно-энциклопедической литературы в частности. Несмотря на цензуру, в выпускаемых книгах были представлены преимущественно сюжеты общественно-политического и экономического характера. В 20-х гг. XIX в. начинает печататься «Энциклопедический словарь» С.И. Селивановского, который, как ожидалось, должен был ответить научным запросам русской интеллигенции. Над созданием словаря работали крупные научные силы, в их число входили С.И. Шевырев, И.Я. Зацепин, историк-археограф П.М. Строев и др.

В 30-е гг. XIX столетия в типографии А.А. Плюшара стал формироваться будущий «Энциклопедический лексикон», который должен был объединить вокруг себя всю научную элиту России. Нужно отметить, что круг участников в работе над энциклопедией был довольно широкий для того времени. Так, А.С. Пушкин, присутствовавший на одном из совещаний, посвящённых изданию русского «Conversations Lexicon», записал в своём дневнике 17 марта 1834 г.: «…нас было много, со сто человек, большею частью неизвестных мне великих людей» [3. С. 321]. Лицо и наполняемость «Энциклопедического лексикона» во многом обусловливал авторский состав, который трудился над энциклопедическим словарём. В число авторского коллектива входили: К.И. Арсеньев, Ф.Ф. Брант, Ф.В. Булганин, А.Х. Востоков, Н.В. Гоголь, В.И. Даль, Д.П. Журавский, А.Я. Купфер, А.А. Краевский, Д.А. Милютин, В.Ф. Одоевский, М.П. Погодин и др. Главным редактором был назначен Н.И. Греч, особую роль в работе над словарём сыграл О.И. Сенковский, написавший программу для словаря и большую часть статей по ориенталистике.

Создатели «Лексикона» во вступлении к первому тому оповестили подписчиков о ходе работ по написанию и редакции статейного материала: «По составлению общего плана “Лексикона” списки входящих в его состав статей распределены были по частям и розданы Редакторам, которые со своей стороны разделили труды по обрабатыванию статей со своими Сотрудниками. Статьи, написанные Сотрудниками, поступали к Редактору, который по прочтении утверждал их и препровождал в Общую Редакцию. <….> Вторая корректура статей читана была Редактором» [4. С. V]. Нельзя не признать тот факт, что работа была поставлена весьма серьёзно и при такой ответ-

ственности могла быть доведена до финального завершения.

В первое время «Энциклопедический лексикон» А.А. Плюшара пользовался колоссальной славой, это придавало изданию популярность, в частности в прессе оно было представлено как «словарь общеполезных сведений, необходимых для светского образованного человека… Лексикон является книгой русской и для русских, творением национальным» [5. С. 2]. В целом для своего времени книга была хорошо оформлена, сопровождалась громкой рекламой и выходила в соответствии с запланированным сроком. Примечательно, что в связи с ходатайством А.А. Плюшара перед властями о выпуске «Энциклопедического лексикона» министр народного просвещения С.С. Уваров по этому поводу писал попечителю Петербургского учёного круга: «Главное управление цензуры считает нужным поставить между тем на вид издателям, что все относящиеся к политическим наукам, к определению главных начал оных и учений, ныне употребляемых, будет подвергнуто особому разбору цензуры и наблюдению правительства» [6]. Это свидетельствует об особом внимании властей к содержанию словарно-книжной продукции, продиктованном цензурой.

Интересен тот факт, что «Лексикон», начиная с XII тома, берет под своё покровительство император Николай I, о чем редакция сразу же оповестила подписчиков. Стоит также отметить, что количество людей, подписавшихся на издание, доходило до 5 тыс. чел. (на то время число весьма большое), из них: военных – 30%, чиновников – 34%, купцов – 5% [7].

По наполняемости содержания «Лексикон» А.А. Плюшара содержал информацию, в большей степени, о зарубежной истории и культуре, которая являлась компиляцией из немецкого справочного издания «Conversations Lexicon». Кроме того, авторам удалось представить и материал о Российской империи: её истории, географии, статистике, государственном устройстве и словесности. Тем не менее словарь остался незаконченным, был прекращён на XVII томе (До–Дят). По поводу причины остановки издания Н.И. Греч писал в своей автобиографии, отмечая, что книга представляла собой солидный труд, но была «наполнена бессмысленными недомолвками, ошибками» [8. С. 603], за которые словарь подвергся резкой критике в периодической печати. На наш взгляд, основной причиной незавершённости «Лексикона» стала растянувшаяся на большой период времени публикация издания.

После «Лексикона» А.А. Плюшара с его грандиозным проектом издания и изобилием материала стало понятно, что российскому сообществу все-таки необходимо полное, но более скромное в объёмах энциклопедическое издание.

В 1847 г. начал издаваться «Справочный энциклопедический словарь» литератора А.В. Старчевского и немецкого типографа К.К. Крайя. Издание вышло в полном объёме (в 12 томах) и было среди немногих завершённых энциклопедий. По отзывам современников, «издание явилось новой, уникальной и коллективной работой», к написанию дефиниций издателями были приглашены видные российские учёные. В энциклопедии А.В. Старчевского и К.К. Крайя, в отличие от «Лексикона» А.А. Плюшара, появился новый раздел «Персоналии», раскрывающий биографии общественных деятелей и учёных России и зарубежных государств. Об иностранных персоналиях информацию черпали из источников, называемых «Gegenwart», что касается биографических сведений о российских деятелях, то каждому были разосланы циркуляры с вопросами, на основании которых создатели словаря, произведя отбор, сформировали группу персоналий, вошедших в издание. На наш взгляд, это явилось первой попыткой собрать информационный пласт о живых людях по универсальным критериям, устанавливавшим правила, нормы и объём статьи.

В прессе были опубликованы рецензии, характеризующие энциклопедию. Особенно активную деятельность на этом поприще проявили российские журналы «Современник» и «Отечественные записки». В частности, в последнем были напечатаны две обширные заметки Н.Г. Чернышевского. Автор заметок сообщал, что статьи по общественным наукам были проникнуты «реакционной» направленностью, а материал словаря, хотя «наполнен всякого рода промахами, обмолвками, но все-таки во многих статьях говорится о подробностях нужных для читателя» [9. С. 19]. Некоторые сюжеты получили в энциклопедии фрагментарное, порой недостаточно полное освещение. Как бы то ни было, издание вызвало значительный резонанс. Пропуски, которые имелись, побуждали к публикации дополнений, а других издателей – к созданию конкурирующих энциклопедических трудов. Это свидетельствовало о том, насколько острой и жизненной была потребность русского общества в полноценных энциклопедиях.

Существенный вклад в развитие энциклопедического дела внёс появившийся в 1863 г. «Настольный словарь» Ф.Г. Толля и В.Р. Зотова. Словарь вышел в трех томах с дополнениями и изначально задумывался как издание для справок, в котором не предусматривалось сколько-нибудь развёрнутых статей. В предисловии составители словаря информировали читателя, что «содержание словаря предназначено для объяснения всех главных, основных терминов, имён, названий каждой науки и искусства… объяснения иностранных слов, вошедших в русский язык… библиографические указания на сочинения, брошюры или журналы» [10. С. 3]. В написании статей участвовали достаточно известные авторы: Ф.Н. Быстров, К.А. Варнек, Г.Г. Вейденбаум, Е.Г. Вейденбаум, А.Ф. Горохов, О.Ф. Миллер, Д.С. Михайлов, И.Ф. Савицкий, В.М. Сорокин и др. В словаре Ф.Г. Толля и В.Р. Зотова преобладают исторические, литературоведческие и философские статьи, публикации технического характера весьма редки, хотя издание стремилось отразить и характерное для 60-х гг. XIX в. увлечение русского образованного общества естествознанием.

Отечественная пресса приветствовала появление новой энциклопедии и подчёркивала, что «успех во многом определён соответствием его направленности обществу» [11. С. 139]. Во многом большую роль

сыграла заслуга авторов – составителей энциклопедии. В 1866–1875 гг. к энциклопедии издатели допечатывают дополнения, содержавшие обновлённые сведения и ранее не вошедший в энциклопедический словарь материал. Это позволило расширить представления о Российской империи и её истории.

В конце XIX в. к крупному успеху в энциклопедическом деле можно отнести вышедший в 1873 г. «Русский энциклопедический словарь» под редакцией востоковеда И.Н. Березина (16-й том был издан в 1879 г.). В целях рекламы о выходе энциклопедического словаря в прессе появилась программа энциклопедии, где основным лейтмотивом явилось создание словаря, который содержал бы только статьи, касающиеся истории России и о России. В работу над словарём включилась научная элита того времени, среди них: В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, В.И. Ламанский, Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов и др. Энциклопедическая книга, однако, содержала в основном материал по востоковедению, тем не менее, некоторые статьи отразили происходившие в то время перемены в науке и технике, что, конечно же, было заслугой авторского состава. Таким образом, удачно скомпонованное издание стало для своего времени важным достижением, основным достоинством которого было то, что многие статьи содержали обширную справочно-библиографическую информацию.

Среди дореволюционной энциклопедической литературы, вышедшей в России в конце XIX в., широкую известность получил «Энциклопедический словарь» А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона, в большей степени отвечавший запросам и интересам российского общества. Издание, ставшее «одним из лучших энциклопедий досоветского периода, и во многом сохранивший свою научно-справочную ценность» [12. С. 48] до наших дней.

Подготовка издания стартовала в 80–90-е гг. XIX столетия, в эпоху существенных социально-экономических изменений, когда активно создавались солидные полиграфические компании в России. Значимым событием стало образование в 1883 г. в Петербурге «Русского общества книгопродавцев и издателей», которое затронуло интересы отечественных издательских компаний. Целью Общества являлись «создание законного представительства перед властями, облегчения деловых взаимных сношений» [13. С. 4], а также содействие во всех областях науки, относящихся к развитию энциклопедического дела, и усиление издательской деятельности в столице и регионах.

Редакцию энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона возглавил профессор Петербургского университета И.Е. Андреевский[2]. Среди всех вышедших к тому времени российских дореволюционных энциклопедий данное издание стало наиболее известным и влиятельным благодаря объединению в нём представителей разных течений публичной и научной мысли. Энциклопедию характеризовал определённый умеренно-либеральный стиль, отражавший взгляды, доминирующие среди российской интеллигенции. Содержание энциклопедии было наполнено фактическими и статистическими сведениями из различных областей знания, отличалось высоким научным уровнем статейного материала и имело обширную библиографическую базу.

Изначально издание выглядело простым переводом материала популярной немецкой энциклопедии Брокгауза на русский язык. По этому поводу в предисловии к первому тому И.Е. Андреевский писал: «В основу энциклопедического словаря положено известное немецкое издание Брокгауза “Conversations Lexicon” со всеми его приложениями и картами… извлечены из него путём перевода все те статьи, которые не требуют изменений» [14. С. 1]. Это и слало причиной непопулярности первых томов энциклопедии.

Впоследствии И.Е. Андреевский писал, что все статьи, которые коснутся России, будут помещаться в энциклопедии самостоятельно. Рецензентами этих статей будут выступать почётные русские учёные. Тем самым подчёркивалось, что это будет издание, написанное русскими специалистами.

Общество находилось в ожидании появления этого издания, и выпуск первых томов вызвал значительный резонанс в периодической печати. В частности, в разделе «Критика и библиография» в журнале «Исторический вестник» авторы-критики писали, что «…словарь появившийся составлен небрежно и не удовлетворённо. Сам язык статей тяжёл и местами неправильный, виден перевод далеко не профессорский, неуклюжий, буквальный» [15. С. 455]. Большинство ошибок приписывалось главному редактору: «Г-н Андреевский, – как отмечается в журнале “Северный вестник”, – делает промахи, которые непростительны учёному-профессору, следящему за успехами европейской образованности, и допускает небрежности по отношению к нашей русской жизни» [16. С. 77].

Московское издание «Русское богатство» представило наиболее строгую оценку: «первые выпуски словаря Ефрона… явились настоящим скандалом» [17. С. 67]. Несмотря на неудачу первых томов, в которых были допущены ошибки, издание постепенно приобретало популярность, т.е., по мнению современников, словарь все же становился солидной книгой, только первые тома содержали статьи на букву «А» в объёме около 3 тыс. страниц. Основными подписчиками издания были академические (университетские и гимназические) библиотеки и российская интеллигенция.

Однако со смертью И.Е. Андреевского издание энциклопедии было приостановлено. Следующий период начинается с переходом редакторских полномочий к академику Петербургской академии наук К.К. Арсеньеву и профессору Петербургского университета Ф.Ф. Петрушевскому. Пресса, следившая за составлением словаря, отмечает, что «обширный труд, который взяли на себя при очень неблагоприятных условиях гг. К.К. Арсеньев и Ф.Ф. Петрушевский, продвигается очень успешно» [18. С. 400]. С приходом новых главных редакторов энциклопедия приобретала русскую «обложку» благодаря привлечению к ее написанию многих залужённых учёных и специалистов в сфере русской истории, политики, экономики, литературоведения, естествознания, техники, сельского хозяйства и медицины. Необходимо

отметить, что если для первого коллектива авторов немецкое издание, с его особой приверженностью к «фактам» и тенденцией к объективизму, было нормой, от которой допускались те или иные отступления, то новые редакторы особое внимание уделяли написанию статей, относящихся к России. Это существенным образом изменило характер словаря, равно как и его облик и содержание.

Авторский коллектив превысил 600 чел., по тем временам довольно огромный, в их числе создателей были Д.Н. Анучин, Д.К. Бобылев, С.А. Венгеров, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, Г.Е. Грум-Гржимайло, Н.М. Лисовский, Н.А. Рубакин, Ф.Ф. Эрисман, И.И. Янжул, Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, А.И. Воейков, Н.И. Кареев, Вл.С. Соловьев, Г.Н. Потанин, П.Н. Милюков, В.И. Яковенко и др. Примечательно, что многие из них в дальнейшем работали над созданием других энциклопедий, а именно: «Большой энциклопедии», «Энциклопедического словаря» Ф.Ф. Павленкова и «Энциклопедического словаря» братьев Гранат. Уважение к трудам исследователей и создателям издательского репертуара энциклопедии проявилось в том, что в последнем томе энциклопедии в «Портретной галерее» были напечатаны фотографии авторов и сотрудников издания.

От предыдущих изданий «Энциклопедический словарь» А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона существенно отличался своей содержательностью. Высококвалифицированный состав редакции обеспечивал приличный научный и информационный потенциал публикуемых в энциклопедии статей. Кроме того, работа над энциклопедией проходила по нескольким разделам, руководство которыми обеспечивали опытные отечественные учёные. Разделом «Химия» руководил Д.И. Менделеев, «Биологией» – С.А. Бекетов, «Сельским хозяйством» – К.А. Тимирязев, «Литературой» – С.А. Венгеров, «Изобразительное искусство» находилось под руководством А.И. Сомова, «Философия» – В.С. Соловьева.

В данных разделах были представлены не только исторические сюжеты, но и ценные научные данные и современные открытия. Под редакцией А.И. Воейкова были написаны крупные статьи по геолого-географическому направлению, в частности такие, как «Горы», «Канада», «Сибирь» (климат), «Восточная Сибирь» и др. Как заметил Г.Д. Рихтер, автор (А.И. Воейков) сумел обобщить наблюдаемые явления, представить собственное видение накопленного наукой материала и изложить его в правильной форме [19. С. 234]. Представители различных научных школ писали не только о физической географии, но и о так называемой гуманитарной географии, включающей сведения о составе населения по вероисповеданию, сословиям, эмиграции и иммиграции жителей, антропологическим характеристикам народонаселения в разных частях Российской империи.

За выходом каждого тома следила общественность. В периодической печати стали публиковаться отклики о выпуске запланированных томов, где отмечалось, что «Энциклопедический словарь» становится все более «русским по содержанию и языку». Издания новых томов отличались согласованностью и соразмерностью: «...ни одна из них (статья) не переходит объёма, необходимого в справочной книге с сохранением притом желательной полноты» [20. С. 375]. Здесь же уместно привести отзыв, представленный в Британской энциклопедии, в частности, в XI издании (1911 г.) указано, что «русская энциклопедия начата в 1890 г. как русская версия лексикона Брокгауза, с самых первых томов стала монументальной энциклопедией и действительно исчерпываемым источником информации обо всем русском» [21. P. 274].

Сильной стороной издания являлась его научно-справочная организация, большинство статей были представлены библиографическим списком, который содержал дополнительные сведения о статьях. Особую ценность в «Энциклопедическом словаре» А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона представляла написанная А.Е. Янковским статья «Библиография», в которой автор привёл несколько сотен названий книг и журналов о России. Известный библиограф советского периода Н.В. Здобнов указывает, что «статья “Библиография” энциклопедии является одним из лучших существующих на русском языке дореволюционных обзоров библиографической литературы» [22. С. 532], тем самым подчёркивая преимущество данной энциклопедии над другими энциклопедическими изданиями. Таким образом, поставленная издателями и авторами цель была достигнута, новые тома отражали материал, который относился в большей степени к истории России.

Очевидным недостатком энциклопедии стало отставание от более прогрессивных источников информации. В то же время это запаздывание в определённой степени было удобным, поскольку позволило неоднократно переиздавать или выпускать дополнительные тома справочной литературы, отражавшие новые достижения в науке, технике и культуре. Этого принципа придерживались и редакторы «Энциклопедического словаря» А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона, выпустив в 1902 г. дополнительные три тома, где весь материал был приведён в соответствие с наиболее актуальными данными в области образования и науки, определившимися в конце XIX – начале XX в.

Одновременно с многотомным словарём Брокгауза и Ефрона начинает выходить подобная, только меньшего объёма справочная публицистика. Осознавая тот факт, что многотомный и дорогостоящий Лексикон был недоступен среднеобеспеченным слоям интеллигенции, книгоиздательство «А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона» выпустило «Малый универсальный словарь» в трёх томах (1-е изд. 1899–1902 гг.; 2-е изд. 1907–1909 гг.).

В свое время словарь принадлежал к лучшим русским изданиям начала нового столетия, в публицистике указывалось, что «малый» словарь обладает многими достоинствами «большой» энциклопедии. В частности, отмечалось, что статьи «Малого энциклопедического словаря» «сжаты, но вполне ясны… специальные сведения достаточно понятны… статистические данные свежи, хронологические даты верны» [23. С. 1150].

Принимая во внимание опыт предшествующих справочных изданий, которые в основном были пере-

изданием зарубежных словарей или совместными издательствами, авторы следующих энциклопедий поставили задачу – представить российскому сообществу доступную по стилю изложения и стоимости энциклопедию. Инициатором создания такого словаря выступило издательство «Просвещение», которое выпустило в 1900–1909 гг. «Большую энциклопедию» под редакцией П.Н. Милюкова и С.Н. Южакова в 22 томах. «Все, что касается России… что входит в сферу русских интересов и русского влияния, – все это будет составляться заново, все будет написано избранными русскими учено-литературными силами» [24]. К участию в составлении «Большой энциклопедии» привлекались заслуженные деятели отечественной науки и культуры: М.А. Антонович, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.Н. Веселовский, В.В. Водовозов, М.Б. Вольфсон, С.И. Коржинский, Н.М. Лисовский, В.Н. Любименко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Г.Ф. Морозов, М.М. Покровский, П.К. Симон, А.А. Шахматов и др. Это свидетельствовало о высокой заинтересованности российского общества в дальнейшем становлении отечественного энциклопедического дела.

Издателям «Большой энциклопедии» удалось избежать многих прежних ошибок благодаря тому, что многие авторы имели достаточный опыт работы по написанию статей для энциклопедий. П. Краснов в своей статье, опубликованной в журнале «Известия по литературе, наукам и библиографии книжного магазина», выходившего в 1902 г., отмечает: «Словарь производит гораздо более благоприятное впечатление, нежели другие начинания, как по полноте издания, так и по точности и объективности сообщаемых сведений» [25. С. 112]. Уже одно то, что «Большая энциклопедия» выходила позднее «Энциклопедического словаря» А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона и располагала более свежим, полным материалом, давало авторам некоторое преимущество. Несмотря на то, что энциклопедии были дополнены новой информацией, отсутствовавшей в словаре Брокгауза и Ефрона, она уступала последнему по глубине и содержательности публикаций.

Формирование в России русского национального самосознания нашло отражение в русских энциклопедиях. Русская тема определила характер статей о музыке, балете, архитектуре. Следует сказать, что в энциклопедии много внимания уделялось вопросам, связанным со славяноведением, в частности, появился специальный раздел «Древнерусская письменность и славяноведение» под редакцией проф. А.К. Бороздина. Данный пункт включал богатый материал о славянском вопросе, но находящиеся в нем статьи были недостаточно развернутыми по содержанию. Характерной особенностью энциклопедии явилось и то, что в ней было представлено большое количество библиографической информации, ею снабжены почти все статьи издания. Это облегчало поиск нужной литературы по данной теме.

Заметный вклад в изменение состава русского книжного рынка внесли прогрессивные издатели конца XIX – начала XX в., в частности Ф.Ф. Павленков, благодаря которому распространение научно-популярной книги в России, по словам Н.А. Рубакина, пошло ускоренными темпами. Полный и сокращённый варианты «Энциклопедического словаря» Ф.Ф. Павленкова разошлись большим тиражом, выдержав к 1914 г. пять изданий общим объёмом около 100 тыс. экземпляров (по тем временам число довольно значительное). К сотрудничеству в работе по составлению энциклопедии были приглашены деятели российской науки: Я.В. Абрамов, В.Я. Добровленский, П.М. Ольхин, В.Д. Черкасов, В.И. Яковенко.

В 1899 г. выходит первый том энциклопедии, который сразу же подвергся рецензированию в отечественных журналах: «Необходимый словарь уже близок благодаря заботам и энергии просвещённого издателя Ф.Ф. Павленкова»: «Он назначал эту энциклопедию главным образом для народных учителей. Словарь должен найти широкое распространение в средней школе» [26. С. 38]. Кроме того, «В книге много политипажей, портретов и карт. Объяснения, конечно, кратки, но количество их достаточно полно» [27. С. 34]. Были и заметки отрицательного характера: «Обращаясь к биографическому отделу словаря Ф. Павленкова, должны признать отсутствие тщательной редакции и определённого плана, – публиковалось в прессе… в энциклопедии встречается проф. Платонов и не находится прив.-доц. Лаппо-Данилевский; неужели издатели словаря измеряют заслуги учёных их официальным положением? …Некоторые портреты неудовлетворительны: мало похожи... Судя по объёму словаря и его цене, издатель хотел представить общедоступную справочную книгу по вопросам, наиболее встречающимся в повседневности. Поэтому в энциклопедический словарь было включено "…свыше 800 карт и более 40 портретов"» [28. С. 334]. На наш взгляд, если бы издание вышло в нескольких томах, то наличие указанных иллюстраций можно считать весьма полезным, так как они повышают наглядность материала, однако без содержательного текста эта работа имеет низкую информативность.

В конце XIX – начале XX в. выходит ещё одна значимая энциклопедическая книга – «Энциклопедический словарь» братьев Гранат, который начал издаваться в 1910 г. и уже к 1917 г. насчитывал 33 тома. Всего было выпущено 58 томов, последний из которых – в 1948 г. Основой для создания справочника стал «Настольный энциклопедический словарь» Гарбеля, в корне преобразованный братьями Гранат. Он получил популярность не только в России, но и в мире. Словарь отразил результаты исследований многих учёных в разнообразных научных областях, что в совокупности способствовало накоплению обширного материала и распространению знаний в обществе. Все это свидетельствовало о достаточно высоком профессионализме создателей не только данной энциклопедии, но и ряда других дореволюционных изданий справочного характера.

Таким образом, сформировавшаяся в XIX столетии отечественная энциклопедистика позволила создавать свои энциклопедические «школы», которые приобретали характерные черты русского менталитета, формируя при этом признаки и свойства энциклопедической литературы как издания особого рода.

Общественное мнение стало одним из важных факторов в анализе и оценке создания той или иной энциклопедии, показывая тем самым, что энциклопедия – это коллективный труд, в котором сосуществуют различные точки зрения, в отличие, например, от энциклопедических изданий советского периода. Важно отметить, что российские энциклопедии XIX – начала XX в. не отличались единством мировоззренческих принципов. Это особенно заметно при анализе многотомных общих (универсальных) энциклопедий, представлявших различные направления общественно-политической мысли: от либерально-буржуазной (П.Н. Милюков, В.И. Герье, Н.И. Кареев) до легальной марксистской (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский). Тем не менее дореволюционные энциклопедии внесли существенный вклад в развитие отечественной науки и образования, а также стали основой для дальнейшего расширения энциклопедического дела и издательской деятельности в России.

В целом можно отметить, что в России на рубеже XIX – начала XX в. сложилась довольно высокая энциклопедическая культура. Исследование показало, что созданная к 1917 г. многоуровневая система энциклопедических изданий (терминологические словари-справочники, отраслевые и общие энциклопедии) соответствовала требованиям времени, отражая своим содержанием наиболее прогрессивные взгляды и передовые идеи в разных сферах науки и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В печати издание появилось позднее. См.: Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский : в 3 ч. СПб., 1793. Ч. 1–3. Обрывается на слове «Ключник».

[2] И.Е. Андреевский (1831–1891) – профессор, ректор Петербургского университета, автор работ по государствоведению и истории права, до 1891 г. главный редактор «Энциклопедического словаря» А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиографическая заметка о «Материалах для библиографии» Я.Ф. Березина // Русский архив. 1870. № 11. С. 1937–1940.
2. Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1876. Вып. 3. С. 253.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1962. Т. 7. С. 321.
4. Греч Н.И. Предисловие // «Энциклопедический лексикон» А.А. Плюшара. СПб., 1835. Т. I. С. V.
5. Современник. СПб., 1847. № 7. Отд. 3. С. 2–3.
6. РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1246. Л. 9 об.
7. От автора // «Энциклопедический лексикон» А.А. Плюшара. СПб., 1836. Т. X.
8. Греч Н. История первого энциклопедического лексикона в России // Греч Н. Записки о моей жизни. М. ; Л., 1930. С. 603.
9. Библиотека путешествий издателя А. Плюшара // Отечественные записки. 1854. № 5. С. 18–22.
10. Толль Г.Ф. К читателю // «Настольный словарь» Ф.Г. Толля, В.Р. Зотова. СПб., 1863. Т. 1. С. 3.
11. Современная хроника России // Отечественные записки. 1863. № 11–12. С. 139.
12. Кауфман И.М. Русские биографические и биобиблиографические словари. М. : Изд-во культ.-просвет. лит., 1955. С. 48.
13. Первое десятилетие Русского общества книгопродавцев и издателей и журнала «Книжный вестник» // Книжный вестник. 1894. № 1. С. 4.
14. От редакции // «Энциклопедический словарь» А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890. Т. 1. С. 1.
15. Зотов В.Р. Энциклопедический словарь под ред. И.Е. Андриевского // Исторический вестник. 1890. № 5. С. 454–457.
16 Северный вестник. 1890. № 4. С. 77.
17. Русское богатство. 1894. № 6. С. 67.
18 Библиографический отдел // Русская мысль. 1893. № 8. С. 400.
19. Рихтер. Д.Г. Труды А.И. Воейкова // А.И. Воейков. Избр. соч. М. ; Л., 1956. Т. 1. С. 234–235.
20. Библиографический раздел // Русская мысль. 1892. № 2. С. 375.
21 The Encyclopaedia Britannica. 1911. Vol. 8. P. 274–275.
22. Здобнов Н.В. История русской литературы до начала XX в. М., 1955. С. 532.
23. Городецкий Б. Малый энциклопедический словарь // Исторический вестник. 1903. № 3. С. 1150.
24. РГИА. Ф. 876. Оп. 1. № 546. Л. 3.
25. Краснов П. Русские энциклопедии // Известия по литературе, наукам и библиографии книжного магазина Товарищества М.О. Вольф. 1902. № 12. С. 112.
26. Вестник воспитания. 1900. № 4. С. 38–40.
27. Русские ведомости. 1899. № 267. С. 34.
28. Исторический вестник. 1899. № 10. С. 993–997.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 ноября 2016 г.

FORMATION OF ENCYCLOPEDIA EDITIONS SYSTEM IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: A HISTORICAL ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 144–150.
DOI: 10.17223/15617793/415/20

Aleksandr A. Chernyshev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: prides1975@mail.ru

Keywords: encyclopedias; reference books; encyclopedic dictionary; encyclopedic culture; Russian Empire; encyclopedistics.

Russia occupies one of the leading places in the world encyclopedistics, being an owner of many largest encyclopedic editions whose uniqueness shows, first of all, in their pithiness and thematic variety of material. The study of encyclopedic editions which appeared in Russia in the late 18th – early 20th centuries and the systematization of the domestic encyclopedistics experience to see tendencies and prospects of its development became the purpose of the article. Interest in dictionary and encyclopedic editions is connected with acceleration of the rate of life, importance of free orientation in the accruing flow of information and acquisition of profound knowledge without which intellectual progress of the personality and society is impossible. Materials of the Russian State Historical Archive and articles of scientific, literary, social and political journals (*Otechestvennyye zapiski, Russkaya mysl', Sovremennik*) became the information base for the preparation of the article. The aspiration to fix a complete and urgent knowledge

about the world, society and the person within one scientific and universal work, later called encyclopedias, has always existed. The beginning of the 18th century was especially significant for Russia: not only trilingual, etymological, Church Slavonic dictionaries appeared, but also the Academy dictionaries and encyclopedias which were based on the Old Russian "azbukovnik" and dictionaries were created. *Leksikon Rossiyskiy istoricheskiy, geograficheskiy, politicheskiy i grazhdanskiy* [Russian Historical, Geographical, Political and Civil Dictionary] became the result of all the intellectual efforts and a certain milestone of Old Russian lexicons. In the Russian state the demand for reference and encyclopedic editions increased considerably in the first half of the 19th century: there was not only an increase in book products in general, but also the growth of the quantity of reference and encyclopedic literature. These editions became a standard for domestic encyclopedistics. In the 1820s, S.I. Selivanovsky's *Encyclopedic Dictionary* began to be printed. In the 1830s, A.A. Plyushar's typography began to create the future *Encyclopedic Lexicon* which should have united all the scholarly elite of Russia. The special "encyclopedic boom" was connected with the publication of such a large encyclopedic edition as F.A. Brockhaus and I.A. Efron's *Encyclopedic Dictionary*. A conclusion is made that the 18th century in Russia can be considered an era of the pledging of the basis of Russian encyclopedistics, when necessary internal prerequisites for the encyclopedic business development, combined with the impact of external factors, were created. The works of Russian scholars of the 18th–19th centuries reflect the formation of the encyclopedic paradigm as an integral part of Russian culture. This paradigm was realized in the works of scholars of the beginning of the 20th century.

REFERENCES

1. Russkiy arkhiv. (1870) Bibliograficheskaya zametka o "Materialakh dlya bibliografii" Ya.F. Berezina [Bibliographic note on Materials for a Bibliography by Ya.F. Berezin]. *Russkiy arkhiv*. 11. pp. 1937–1940.
2. Sukhomlinov, M.I. (1876) *Istoriya Rossiyskoy Akademii* [History of the Russian Academy]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
3. Pushkin, A.S. (1962) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
4. Grech, N.I. (1835) Predislovie [Preface]. In: Bongard, G.P. et al. *"Entsiklopedicheskiy leksikon" A.A. Plyushara* [Encyclopedic Lexicon by A.A. Plouchard]. Vol. 1. St. Petersburg: v tipografii A. Plyushara.
5. *Sovremennik*. (1847). 7:3. pp. 2–3.
6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 777. List 1. File 1246. Page 9 rev. (In Russian).
7. Bongard, G.P. et al. (1836) Ot avtora [From the author]. In: *"Entsiklopedicheskiy leksikon" A.A. Plyushara* [Encyclopedic Lexicon by A.A. Plouchard]. Vol. 10. St. Petersburg: v tipografii A.Plyushara.
8. Grech, N. (1930) Istoriya pervogo entsiklopedicheskogo leksikona v Rossii [History of the first encyclopedic lexicon in Russia]. In: Grech, N. *Zapiski o moey zhizni* [Notes on my life]. Moscow; Leningrad: Academia.
9. Otechestvennye zapiski. (1854) Biblioteka puteshestviy izdatelya A. Plyushara [Travel Library of publisher A. Plouchard]. *Otechestvennye zapiski*. 5. pp. 18–22.
10. Toll', G.F. (1863) K chitatelyu [To the Reader]. In: *Nastol'nyy slovar'* [Desktop Dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg: F. Toll'.
11. Otechestvennye zapiski. (1863) Sovremennaya khronika Rossii [Modern Chronicle of Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 11–12. pp. 139.
12. Kaufman, I.M. (1955) *Russkie biograficheskie i biobibliograficheskie slovari* [Russian biographical and bibliographical dictionary]. Moscow: Izd-vo kul't.-prosvet. lit.
13. Knizhnyy vestnik. (1894) Pervoe desyatiletie Russkogo obshchestva knigoprodavtsev i izdateley i zhurnala "Knizhnyy vestnik" [The first decade of the Russian Society of booksellers and publishers and the journal Knizhnyy vestnik]. *Knizhnyy vestnik*. 1. pp. 4.
14. Brockhaus, A.F. & Efron, I.A. (1890) Ot redaktsii [From the Editor]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' A.F. Brokgauza i I.A. Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus & Efron]. Vol. 1. St. Petersburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya (I.A.Efrona).
15. Zotov, V.R. (1890) Entsiklopedicheskiy slovar' pod red. I.E. Andrievskogo [Encyclopedic Dictionary ed. by I.E. Andrievsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 454–457.
16. *Severnyy vestnik*. (1890). 4. pp. 77.
17. *Russkoe bogatstvo*. (1894). 6. pp. 67.
18 Russkaya mysl'. (1893) Bibliograficheskiy otdel [References section]. *Russkaya mysl'*. 8. pp. 400.
19. Rikhter, D.G. (1956) Trudy A.I. Voeykova [Works by A.I. Voeykov]. In: Voeykov, A.I. *Izbr. soch.* [Selected works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Russkaya mysl'. (1892) Bibliograficheskiy otdel [References section]. *Russkaya mysl'*. 2. pp. 375.
21 Chisholm, H. (ed.) (1911) *The Encyclopaedia Britannica*. 11th ed. Vol. 8.
22. Zdobnov, N.V. (1955) *Istoriya russkoy literatury do nachala XX v.* [The history of Russian literature before the beginning of the 20th century]. Moscow: Gos. izd-vo kul'turno-prosvet. lit.
23. Gorodetskiy, B. (1903) Malyy entsiklopedicheskiy slovar' [Small Encyclopedic Dictionary]. *Istoricheskiy vestnik*. 3. pp. 1150.
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 876. List 1. File 546. Page 3. (In Russian).
25. Krasnov, P. (1902) Russkie entsiklopedii [Russian encyclopedias]. *Izvestiya po literature, naukam i bibliografii knizhnogo magazina Tovarishchestva M.O. Vol'f.* 12. pp. 112.
26. *Vestnik vospitaniya*. (1900). 4. pp. 38–40.
27. *Russkie vedomosti*. (1899). 267. pp. 34.
28. *Istoricheskiy vestnik*. (1899). 10. pp. 993–997.

Received: 30 November 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 151–157. DOI: 10.17223/15617793/415/21

УДК 94(47).083

М.В. Шиловский

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II НА ПОСТУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ИНФОРМАЦИИ КАМЕР-ФУРЬЕРСКОГО ЖУРНАЛА ЗА ЯНВАРЬ 1916 – ФЕВРАЛЬ 1917 г.

На основе анализа камер-фурьерских журналов императора Николая II за 1916 г., январь–апрель 1917 г., предпринята попытка оценить некоторые параметры его деятельности на посту верховного главнокомандующего (распределение рабочего времени, поездки на фронт, время пребывания в Ставке в Могилеве и Петербурге, общение с министрами, военными и государственными деятелями).

Ключевые слова: Николай II; император; верховный главнокомандующий; Ставка; камер-фурьерский журнал; Первая мировая война; министры.

На излете советской историографии катаклизма 1917 г. позиционировался случайно-закономерный подход в объяснении произошедшего в последнюю неделю февраля – начале марта 1917 г. «Никто не предполагал, что именно 23 февраля начнется революция, что накопившаяся ненависть рабочих к самодержавной власти, помноженная на тяготы войны и продовольственный кризис, именно в этот день в феврале 1917 г. выльется в мощный революционный шквал, – в духе этого подхода утверждала И.М. Пушкарева… – [но] В стремительном развитии событий 23 февраля проявились и слились в одно целое стихийно нарастающий массовый протест, богатый революционный опыт передовых слоев пролетариата, вся предшествующая работа большевиков, которая подготовила массы к восприятию революционных интернациональных лозунгов» [1. С. 143].

В 1990-е гг., не отвергая элементов стихийности, на первый план выдвигаются усилия либеральных деятелей, группировавшихся во Временном комитете IV Государственной думы. В интерпретации Г.З. Иоффе ситуация развивалась следующим образом. 23 февраля «на некоторых предприятиях столицы проводились собрания, посвященные Международному женскому дню. Большевики, эсеры, меньшевики, “межрайонцы” говорили о причинах войны и продовольственных трудностей, призывали к борьбе против царизма – “главного виновника народных бедствий”. Наиболее живой отклик это находило у женщин-работниц, с особой остротой переживающих тяготы войны. Начались митинги и демонстрации…». Однако «именно солдатский бунт стал поворотной вехой в развитии февральских событий». Главными фигурами, склонившими Николая II к отречению, «стали Родзянко, Алексеев и Рузский; главными фигурами, оказавшими давление на Михаила Александровича и убедившими его отказаться от воцарения, были тот же Родзянко, Керенский, возможно, и Г. Львов. Только Гучков и Милюков отстаивали “монархический принцип” в дни крушения монархии» [2. С. 28–29, 38].

«Заговорщицкое» направление в историографии Февральской революции на современном этапе получило подпитку в монографии В.И. Козодоя, посвященной А.И. Гучкову. Якобы он вместе с Н.В. Некрасовым и М.И. Терещенко, опираясь на Рабочую группу Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК), возглавляемого Гучковым, осенью 1916 г. приступили к организации переворота [3. С. 182, 226].

Не претендуя на всестороннее рассмотрение последнего периода правления Николая II, на основе информации, извлеченной из недавно изданных камер-фурьерских журналов за 1916 г. – первые два месяца 1917 г. [4], фиксирующих место его пребывания, занятия, приемы должностных лиц, списки приглашенных на различные мероприятия, постараемся выявить особенности повседневной жизни моего героя в избранных хронологических рамках. Решению поставленной задачи способствует наличие в избранном для анализа источнике пространного комментария и указателя имен (более 330 страниц общим объемом 40 п. л.), включающих биографические сведения и фрагменты из воспоминаний тех, кто встречался с последним российским монархом.

В течение 14 месяцев 1916 – начала 1917 г. (427 суток) император 263 дня прибывал в Ставке в Могилеве. Минимальный срок пребывания с 1 по 6 и с 11 по 17 февраля 1916 г. ограничивался 6 сутками, максимальный с 7 мая по 18 октября 1916 г. составил 157 суток. Кроме того, один раз он длился 25 суток (с 31 октября по 24 ноября), один раз – 15 суток (3–18 марта), один раз – 14 суток (1–14 января), один раз 13 суток (6–18 декабря), два – 12 суток (1–12 апреля, 26 апреля – 7 мая). Последний раз Николай находился в Ставке 5 суток, 23–28 февраля 1917 г. После отречения в Пскове он вернулся в Могилев в 20.20 3 марта и покинул его 8 марта в 16.50 в сопровождении четырех прибывших из Петрограда комиссаров в положении арестованного [4. С. 871].

Еще 131 день царь провел в Царском Селе с выездами по железной дороге в Петроград. Самый продолжительный интервал его пребывания в официальной резиденции пришелся на 19 декабря 1916 – 22 февраля 1917 г. и составил 72 суток, 13 суток он был здесь с 28 по 2 марта 1916 г., по 12 суток – 18 февраля – 2 марта и с 13 по 24 апреля того же года, 9 суток – с 26 ноября по 4 декабря, 8 суток – 19–26 марта, 7 суток – 19–25 октября, 3 суток – 8–10 февраля 1916 г. Характерно, что вояж в Ставку фиксировался в журнале как «отъезд Государя Императора [Его Величества] из Царского Села в Действующую Армию», а из Могилева обратно – как «прибытие Его Величества из Действующей Армии на проживание в Царское Село». Таким образом, поездки на фронт

официально квалифицировались как служебные командировки.

Помимо двух основных пунктов дислокации мой герой в течение рассматриваемого времени совершил 7 железнодорожных поездок общей продолжительностью 23 дня по прифронтовой полосе. Так, 15–16 февраля 1916 г. он побывал в Бобруйске, где осуществил смотр 1-й Забайкальской казачьей дивизии. 29–31 января того же года на станциях Вышки, Дрисса (ныне г. Верхнедвинск Республики Беларусь), Барковичи посетил части Северного и Западного фронтов. 7 февраля на станции Сеславино Виленской губернии император в сопровождении командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта прибыл в расположение 1-го Сибирского армейского корпуса под командованием генерала М.М. Плешкова, выведенного на отдых и укомплектование. Генерал А.И. Спиридович отмечал в воспоминаниях: «Корпус представился блестяще». Выступая перед личным составом соединения, государь сказал: «Давно хотелось Мне повидать Своих Сибирских Стрелков и только сегодня Мне это удалось. Продолжайте служить такими же доблестными и верными молодцами, как служите сейчас и как служили ваши старшие Товарищи во время Китайской и Японской войны, и помогите мне и остальным частям корпуса окончательно победить и одолеть нашего упорного и коварного врага. Всем вам за Доблестную боевую службу и нынешний смотр Мое спасибо» [4. С. 76, 742]. В период с 27 по 31 марта Николай II по пути из Царского Села в Могилев посетил Каменец-Подольский и Хотин. 11 суток в мае ушло на визиты в Винницу, Бендеры, Одессу, Севастополь, Евпаторию и Курск. Наконец, 27–30 октября он ездил в Киев на свидание с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

Еще 13 суток из, казалось бы, плотного графика царствующей особы, возложившей на себя нелегкие функции верховного главнокомандующего, ушли на дорогу из Царского Села в Могилев и обратно. Переезды осуществлялись разными маршрутами, из которых самый короткий по протяженности составлял примерно 760 верст (Могилев – Орша – Витебск – Невель – Дно – Сольцы – Вырица – Царское Село), а самый длинный – 950 верст (Могилев – Орша – Вязьма – Ржев – Лихославль – Бологое – Тосно – Царское Село). Время пребывания в пути составляло от 19 до 27 часов. Как правило, поездки начинались и заканчивались во второй половине дня и включали ночное время. Таким образом, в течении 14 месяцев (427 суток) император Николай II 263 дня провел в Ставке, 131 – в Царском Селе, 36 – в дороге и посещая прифронтовые населенные пункты (города и станции).

«Препарируя» четырехтомный официоз генерала Д.Н. Дубенского, посвященный пребыванию императора в действующей армии, американский историк Р. Уортман заметил: «Автор также подчеркивает непоколебимое самоотверженное упорство царя. В девять часов утра он направляется в Ставку, где принимает рапорт Пустовойтенко (генерал-квартирмейстер Ставки. – *М.Ш.*). В половине первого он по-походному обедает с военными атташе союзников. Между часом и двумя он возвращается в кабинет работать с донесениями. Позже, в полчетвертого – в четыре, он совершает автомобильную прогулку по окружающей местности. Затем Николай – “Державный Труженик”, – возвращается за стол и вновь берется за донесения, а его ум и сердце сострадают всему, что происходит в его стране. После ужина он трудится до глубокой ночи. Сколь бы тревожны не были новости, царь остается спокойным. “Никто не видал Царя не владеющим собой”. Невозмутимость царя, доставляющая столько беспокойств министрам, преподнесена здесь как знак его “силы воли”, “выдержки” и “ясного понимания всей обстановки”. Все эти качества становятся возможными только благодаря вере в Божественное Провидение» [5. С. 698].

Теперь посмотрим на реальный режим жизнедеятельности верховного главнокомандующего в Ставке. Его местопребыванием являлась резиденция губернатора, а сами начальники Могилевской губернии регулярно участвовали в официальных мероприятиях (завтраках и обедах). Сначала им был действительный статский советник (д. с. с.) А.И. Пильц (22 раза), назначенный 14 февраля 1916 г. товарищем министра внутренних дел, а 15 марта иркутским генерал-губернатором. Его сменил д. с. с. Д.Г. Явленский, побивший рекорд посещаемости согласно камер-фурьерскому журналу – 187 раз с 3 марта 1916 г. по 27 февраля 1917 г.

Недалеко от нее размещался штаб Ставки верховного главнокомандующего во главе с генералом от инфантерии М.В. Алексеевым. Судя по записям в журнале, рабочий день императора начинался в 10.30, реже в 10.00 часов посещением штаба без фиксации времени пребывания в нем. В отдельных случаях интервал можно вычислить. Так, 5 января 1916 г. он прибыл в штаб в 10.00, а в 11.00 часов последовал на богослужение; 1 февраля того же года посетил штаб в 9.50, а в губернаторский дом вернулся в 12.50. Можно предположить, что пребывание у М.В. Алексеева продолжалось от одного до двух часов. Очень редко, приблизительно раз в месяц, перед отъездом из Могилева император принимал начальника штаба вечером у себя в резиденции или в вагоне (1 февраля 1916 г. в 18.00 в резиденции, 5 февраля того же года в 17.00, 6 февраля в 21.30 в вагоне, 15 марта в 18.30, 30 апреля в 17.00). За первое полугодие зафиксирован только один случай посещения императором штаба поздним вечером в 21.30 9 апреля 1916 г.

Как правило, после штаба проходил завтрак с приглашением офицеров и генералов Ставки, чинов свиты, прибывших в Могилев членов императорской фамилии, министров, руководителей дипломатических миссий союзных государств (Англия, Франция, Бельгия, Сербия, Италия, Япония). После завтрака часто следовали прогулки на автомобиле (моторе) в холодное время года и на катере по Днепру летом. Четырежды в первом полугодии 1916 г. (11.01, 16.02, 2.05, 14.06) в кинематографе штаба организовывался просмотр фильмов. После этого в интервале с 16.00 до 19.00 принимались министры, генералы и адмиралы, члены императорской фамилии. Обед начинался в 20.00 и продолжался 50 минут [6. С. 220–221], с приглашением находящихся в Ставке высокопоставлен-

ных лиц, а также выздоравливающих офицеров. Дважды в течение года (1 апреля и 17 декабря) здесь проводились заседания Военного совета, один раз 28 июня – Совета министров.

Посещения Царского Села приурочивались к важным правительственным и имеющим непосредственное отношение к личной жизни императорской фамилии событиям и мероприятиям. Так, в ходе пребывания здесь 18 февраля – 2 марта 1916 г. император присутствовал на заупокойных литургиях в Петропавловском соборе в связи с днем рождения Александра III 26 февраля и в память кончины Александра II; приезд 19–26 марта сопровождался приемом с целью вручения верительных грамот назначенного в Петроград греческого посла 24 марта и оставившего свой пост испанского посла 26 марта; во время пребывания 13–24 апреля состоялась торжественная аудиенция вновь назначенному послу США Д. Фрэнсису 22 апреля и на следующий день в Царском Селе прошли литургия и высочайший фамильный завтрак в связи с тезоименитством императрицы Александры Федоровны. Длительное пребывание в Царском Селе с 19 декабря 1916 г. по 22 февраля 1917 г. обусловливалось прежде всего убийством Г.Е. Распутина (19 декабря обнаружили в Неве его тело) и проведением в Петрограде в середине января межсоюзнической конференции России, Англии, Франции и Италии.

Камер-фурьерский журнал фиксировал внешнюю сторону событий, не раскрывая их содержания. К тому же, кроме посещений штаба и приема разного рода лиц, император работал с документами, знакомился с отчетами, проектами, обзорами, донесениями и т.д. Но даже внешне отчетливо видно, что интенсивность встреч с министрами в Ставке существенно сокращается, ограничиваясь зачастую министром императорского двора В.Б. Фредериксом (например, 26 апреля, 1, 3, 4 мая 1916 г.). В июне 1916 г. приемными для высших должностных лиц стали 12 дней из 30. По одному разу с царем встречались председатель Государственного совета А.Н. Куломзин (9 июня), председатель Государственной думы М.В. Родзянко (24 июня) и председатель Совета министров Б.В. Штюрмер (27 июня). Из министров в этом месяце больше всех «повезло» главноуправляющему ГУЗиЗа (министру земледелия, по версии журнала) А.Н. Наумову (14, 15, 28 июня). Кроме них высочайшей аудиенции удостоились: министр финансов П.Л. Барк (1 июня), министр путей сообщения А.Ф. Трепов (8 июня), министр народного просвещения, граф П.Н. Игнатьев (13 июня), морской министр, адмирал И.К. Григорович (21 июня), министр торговли и промышленности, князь В.Н. Шаховской (23 июня). После состоявшегося 28 июня в Могилеве заседания Совета министров император в тот же день принял А.Н. Наумова и министра юстиции А.А. Хвостова, а на следующий день военного министра генерала Д.С. Шуваева и министра иностранных дел С.Д. Сазонова.

Находясь в Царском Селе, Николай II встречался гораздо чаще и с большим числом управленцев высшего ранга. Так, в январе 1917 г. приемными для них стали 24 дня. 6 раз удостаивался аудиенции министр иностранных дел Н.Н. Покровский, столько же военные министры Д.С. Шуваев и М.А. Беляев, 5 раз морской министр И.К. Григорович, 4 раза министр внутренних дел А.Д. Протопопов, 3 раза В.Н. Шаховской, председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, председатель Совета министров, князь Н.Д. Голицын, дважды П.Л. Барк, обер-прокурор Синода Н.П. Раев, один раз Г.Д. Родзянко, министр юстиции Н.А. Добровольский, главноуправляющий ГУЗиЗа А.А. Риттих, статс-секретарь А.С. Танеев. В отдельные дни принимались по три-четыре высокопоставленных чиновника, 11 раз – по два. Кроме того, дважды (1 и 18 января) министры участвовали в общих праздничных приемах.

Таким образом, собранная из источника информация позволяет утверждать о чисто внешнем и ограниченном по времени исполнении Николаем II функций верховного главнокомандующего как в Могилеве, так и в Царском Селе. Во время пребывания в своей официальной резиденции с 19 декабря 1916 г. по 22 февраля 1917 г., т.е. в течение 72 дней, исполняющий обязанности начальника штаба Ставки взамен больного М.В. Алексеева генерал от кавалерии В.И. Гурко был принят императором 7 раз (5, 14, 21, 24 января, 7, 9, 13 февраля). Чисто внешние, представительские, функции исполнял монарх во время важных мероприятий, связанных с ведением военных действий. Например, на представительном совещании высшего командного состава в Ставке 17 декабря 1916 г. для обсуждения общего плана военных действий в кампании 1917 г. Николай председательствовал, но «реально не руководил работой совещания». Номинально он возглавлял созданное 22 августа 1915 г. Особое совещание по обороне, но на практике им руководил военный министр [7. С. 90, 179].

Материалы камер-фурьерского журнала подтверждают тезис о так называемой министерской чехарде в изучаемый период. Как указывалось выше, в течение изучаемого периода (14 месяцев) состоялось два заседания Совета министров. Сменились четыре председателя Совета министров: И.Л. Горемыкин (до 20 января 1916 г.), Б.В. Штюрмер (до 10 ноября 1916 г.), А.Ф. Трепов (до 27 декабря 1916 г.) и князь Н.Д. Голицын. Двое первых даже по современным меркам относились к категории заслуженных пенсионеров (Горемыкину в 1916 г. исполнилось 77 лет, Штюрмеру – 68). Их преемниками стали 54-летний Трепов и 60-летний Голицын. Первый находился на посту руководителя правительства в апреле 1906 – августе 1907 г., второго «извлекли из нафталина» с поста члена Государственного совета (с 1904 г.), третий возглавил правительство, будучи чуть более одного года министром путей сообщения, а до этого сенатором и членом Государственного совета. Последний императорский премьер последовательно работал архангельским, калужским, тверским губернатором, в 1903 г. стал сенатором, а в мае 1915 г. – председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным. Встречи царя с премьерами проходили достаточно редко. В частности, Штюрмер являлся с докладами 10 раз в Царское Село и 9 раз в Ставку плюс дважды участвовал в официальных мероприятиях и один раз в заседании правительства.

Трепов в качестве министра удостоился аудиенции в общей сложности 22 раза, но как глава правительства за полтора месяца – ни разу. Голицын докладывал только в Царском Селе 15 раз, в том числе 9 раз после назначения главой кабинета.

Примерно в таком же алгоритме осуществлялась взаимодействие монарха с министрами. Их замещение происходило по большей части за счет перемещения из одного кресла в другое. Тот же Штюрмер в бытность премьером одновременно с марта по июль 1916 г. возглавлял МВД, а с июля по ноябрь – МИД. В течение всего периода на своих постах находились: министр финансов П.Л. Барк (принят 26 раз); министр морской И.К. Григорович (38 раз); министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской (15 раз лично). Вместо назначенного в июле 1916 г. членом Государственного совета (избирался в него в 1908, 1912 и 1915 гг.) А.Н. Наумова главноуправляющим ГУЗиЗа выдвигается гофмейстер, тайный советник А.А. Риттих. Военного министра Д.С. Шуваева (71 раз), назначенного членом Государственного совета, в январе 1917 г. сменил генерал от инфантерии М.А. Беляев (13 раз в Царском Селе), бывший помощник военного министра генерала А.А. Поливанова, а с сентября 1916 г. – представитель военного министерства в Румынской главной квартире. Тайный советник Н.Н. Покровский (18 раз, из них 12 – в качестве главы МИД), с 1905 г. – товарищ министра финансов, в 1914–1916 гг. – член Государственного совета, в январе – ноябре 1916 г. – Государственный контролер, 30 ноября того же года назначен министром иностранных дел. Министерство юстиции, после выдвижения его главы И.Г. Щегловитова председателем Государственного совета, сначала возглавил сенатор А.А. Хвостов, затем бывший руководитель МВД (1911–1912 гг.) А.А. Макаров и с 20 декабря 1916 г. – сенатор Н.А. Добровольский (8 раз).

Среди «новичков» на министерской скамейке прежде всего следует назвать назначенного 16 сентября 1916 г. последним царским министром внутренних дел д. с. с. А.Д. Протопопова (23 раза). Потомственный дворянин, крупный помещик, во время революции 1905–1907 гг. он вступил в Союз 17 октября, избирался депутатом III и IV Государственных дум, с 1914 г. – товарищ ее председателя. Вошел в состав оппозиционного «Прогрессивного блока», но затем в сентябре 1916 г., вопреки решению октябристской фракции и блока дал согласие на назначение товарищем министра внутренних дел. «Либерального» министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева (13 раз), умолявшего императора снять с него «непосильное бремя служения против велений совести», 28 декабря 1916 г. сменил попечитель Петроградского учебного округа, сенатор Н.К. Кульчицкий (3 раза). Наконец, отправленного в отставку после настояния императрицы Александры Федоровны с назначением в Государственный совет обер-прокурора Синода д. с. с. А.Н. Волжина (6 раз) 30 августа 1916 г. сменил ставленник Г.Е. Распутина и А.Д. Протопопова руководитель Постоянного комитета по устройству народных чтений, директор совета Общества взаимного кредита деятелей почтового дела Н.П. Раев. По возрасту 23 высших сановника Российской империи распределялись следующим образом (по состоянию на 1916 г.): 4 чел. (А.Н. Куломзин, И.А. Горемыкин, В.Б. Фредерикс, Б.В. Штюрмер) 77–78 лет, 5 – 60–63 года, 8 – от 50 до 59 лет, 5 – 40–48 лет и самый молодой – 34-летний А.Н. Хвостов (племянник А.А. Хвостова).

В целом больше половины (14 чел.) высших должностных лиц государства находились по меркам тех лет в работоспособном состоянии. Тем не менее частые перемещения министров, пополнение их корпорации случайными людьми, выдвинутыми не по организаторским качествам, а по принципу личной преданности монарху, его супруге, Г.Е. Распутину, еще больше усугубили «кризис верхов». Ключевая фигура в плане взаимоотношений монарха с внешним миром министр императорского двора престарелый В.Б. Фредерикс (96 встреч) по информации А.А. Мосолова, с 1913 г. «стал страдать кровоизлияниями в мозг: временами он совершенно терял память, что длилось несколько минут, но после этого оставалось, если можно выразиться, умственное недомогание, длившееся иногда несколько часов, иногда несколько дней» [6. С. 160].

«Добавлю несколько слов об окружении государя в ставке во время взятия им верховного командования, – резюмировал он. – Люди, бывшие там в течение долгих месяцев, уверяли меня, что окружение царя производило впечатление тусклости, безволия, апатичности и предрешенной примиренности с возможными катастрофами. Злой рок как будто преследовал все новые назначения. Честные люди уходили, их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе. Ни один из них не мог быть полезным и беспристрастным советником царя. Пропасть, отделявшая государя от страны, все росла. Министры приезжали редко, а приехав, тянули каждый в свою сторону. Единство действий и цели отсутствовало» [Там же. С. 171]. По мнению американского историка Р. Уортмана, в 1916 г. правительство лишилось руководства, «поглощенный своей миссией вдохновить армию, Николай почти потерял интерес к событиям внутри страны. Министры, чьи рапорты Николай принимал в Ставке в Могилеве, были поражены безмятежностью, с которой он слушал их сообщения о критической ситуации в политике» [5. С. 700].

Ситуация обострилась на уровне губернаторского корпуса империи. Если судить по Сибири и Степному генерал-губернаторству, за редчайшим исключением смена региональных начальников тогда осуществлялась по причине их смерти или тяжелой болезни. Уволенный в отставку в мае 1915 г. Степной генерал-губернатор и командующий Омским ВО Е.О. Шмит умер через год в возрасте 72 года; иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева через три недели после отставки в 1916 г. свалил паралич; в возрасте 53 лет умер в 1915 г. енисейский губернатор И.И. Крафт, а якутский губернатор Р.Э. Витте в 1916 г. признается инвалидом и отправляется в отставку. Только применительно к Тобольску в ноябре 1915 г. губернатор А.А. Станкевич перемещается на аналогичную должность в Самаре, а на его место назначается ставленник Г.Е. Распутина д. с. с. Н.А. Ордовский-Танаевский. Представляют интерес и назначенцы взамен ушед-

ших. В Омске таковым стал 66-летний, бывший оренбургский губернатор, генерал-лейтенант Н.А. Сухомлинов. Метаморфоза произошла в Иркутске, куда в середине февраля 1916 г. генерал-губернатором назначили товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого. Но на берегах Ангары он так и не появился, а 15 марта генерал-губернатором стал 46-летний д. с. с. А.И. Пильц, бывший могилевский губернатор, который по отзыву генерала А.И. Спиридовича «сумел понравиться и государю, и свите» [4. С. 754]. 14 февраля 1916 г. он назначается товарищем министра внутренних дел, но за антираспутинскую позицию по требованию императрицы через месяц 15 марта направляется в Иркутск.

Последний сюжет, который будет рассмотрен в данной публикации с использованием камер-фурьерского журнала за 1916 – первые два месяца 1917 г., касается обстоятельств отъезда императора Николая II в Ставку 22 февраля и его попытки вернуться в Царское Село, закончившейся отречением от престола в Пскове 2 марта. Как известно, после отбытия его в служебную командировку в Петрограде начались волнения, переросшие 27 февраля в восстание, в ходе которого создаются Совет рабочих и солдатских депутатов и Временный комитет Государственной думы. Против поездки в Могилев выступали Александра Федоровна и А. Д. Протопопов, мотивируя это болезнью царских детей (корь). Первые сведения о серьезности положения в столице были получены из телеграммы председателя Государственной думы М.В. Родзянко вечером 26 февраля, в которой сообщалось: «Положение серьезное. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца» [4. С. 432]. Согласно воспоминаниям генерала А.И. Спиридовича, тогда же в 21.20 монарх отправил супруге телеграмму с сообщением о выезде в Царское Село послезавтра, т.е. 28 февраля [Там же. С. 856].

27 февраля, согласно записям в журнале, в Ставке события развивались в соответствии с протоколом. В 10.30 Николай II посетил штаб, по окончанию завтрака принял дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова, а потом совершил прогулку «на моторах». Накануне обеда в 19.15 он принял генерала М.В. Алексеева. К этому времени М.В. Родзянко телеграфировал об ухудшении положения в Петрограде, переходе войск на сторону народа, аресте министров, формировании Временного комитета Государственной думы из 12 человек, «который и приступил к водворению порядка в столице и организации правительственной власти» [Там же. С. 433]. В Ставке принимается решение «для прекращения бунта» направить в Петроград войска во главе с 65-летним генералом Н.И. Ивановым, якобы популярным среди солдат.

По сути дела, столица полностью контролировалась восставшими и, тем не менее, в 5 часов утра 28 февраля императорский поезд отбыл со станции Могилев. По свидетельству того же А.И. Спиридовича, М.В. Алексеев пытался отговорить от поездки Николая, «но его величество очень беспокоился за императрицу и за детей и я [Алексеев] не решился сильно уж настаивать». Тем не менее начальник штаба верховного главнокомандующего в принципе считал возможным тогда организовать наступление на бунтующий Петроград, собрав для этого «порядочный отряд». Но для этого требовалось 5–6 дней [4. С. 858]. В создавшейся ситуации поездка императора была обречена на провал и его арест. К вечеру 28 февраля в столице арестовали командующего военным округом генерала С.С. Хабалова, министр внутренних дел А.Д. Протопопов, на которого возлагалось руководство подавлением бунта, добровольно явился в Таврический дворец и слался новым властям. Тогда же назначенный Временным комитетом Государственной думы комиссаром в МПС инженер А.А. Бубликов распорядился через телеграфную сеть ведомства, не контролируемую МВД, оповестить все железнодорожные станции о переходе власти к Государственной думе. Телеграмма сыграла «важную роль в ускорении революционных событий и переходе власти к Временному правительству. Будучи комиссаром в Министерстве путей сообщения, [он] установил контроль над всей сетью железных дорог в России. 28 февраля Николай II выехал из Ставки в Царское Село, но Бубликов приказал остановить царский поезд, и царь вынужден был повернуть обратно» [8. С. 47].

1 марта в 2.30 ночи императорский поезд со станции Малая Вишера Николаевской ж. д. отправился в Псков, куда прибыл в 19.05. Тем временем решался вопрос о том, кто сформирует новое правительство. Первоначально предполагалось, что его персональный состав предложит Временный комитет, а царь утвердит. В окончательном варианте легитимацию Временное правительство должно было получить от Временного комитета Государственной думы. Естественно, возник вопрос о будущности монархии в России и судьбе самого императора. Под воздействием М.В. Алексеева и командующих фронтами, мнение которых начальник штаба верховного главнокомандующего сформулировал следующим образом: «Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии» [9. С. 633], утром 2 марта Николай принял решение об отречении в пользу сына. После консультации с лейб-хирургом, профессором С.П. Федоровым, подтвердившим диагноз о неизлечимом характере болезни цесаревича Алексея [4. С. 864–865], царь остановился на варианте передачи престола брату, великому князю Михаилу Александровичу, озвученной в 21.10 в присутствии «представителей Временного правительства военного министра Гучкова и члена Государственной думы Шульгина» [Там же. С. 434]. Как вспоминал воспитатель цесаревич П. Жильяр, примерно через год после отречения «я впервые услышал, что император сожалеет о своем отречении. Он принял это

решение в надежде, что те, кто желает его ухода, смогут довести войну до конца и спасти Россию… Теперь он страдал от мысли, что его уход оказался бесполезным и что, думая лишь о благе своей родины, своим уходом он оказал ей скверную услугу!» [10. С. 354].

Парадоксальность ситуации конца февраля – начала марта 1917 г. заключалась в том, что антивоенные причины и характер Февральской революции, выразившиеся в настроениях и поступках народных и солдатских масс, либеральные, социалистические и промонархические элементы пытались минимизировать. Столь вдумчивый и осведомленный очевидец и участник событий, как Н.Н. Суханов, отмечал, что власть тогда должна была перейти к буржуазии по причине «невозможности создания чисто демократической власти», поскольку «это означало бы немедленную ликвидацию войны со стороны демократической России. Продолжение войны демократической властью я, естественно, считал невозможным, ибо противоречие между участием в империалистической бойне и победой демократической революции казалось мне коренным». А цензовые элементы, «если могли вообще принимать идею ликвидации царизма, то они принимали ее по преимуществу как средство успешного завершения войны» [11. С. 51, 53].

В свою очередь, Николай II также отстаивал необходимость продолжения войны до победного конца, несмотря на тяжесть сложившейся ситуации. В приказе по армии от 12 декабря 1916 г., подписанном императором, подчеркивалось, что время для мирных переговоров не наступило, «враг не изгнан из захваченных им областей, достижение России созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из всех трех ныне разрозненных ею областей – еще не обеспечено… Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный наших геройских подвигов, славные войска Мои, мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память» [9. С. 604].

И в «Акте об отречении Государя Императора Николая II от Престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича» тема войны является определяющей. «Судьба России, – говорится в нем, – честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во чтобы то ни стало, до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть… Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы» [4. С. 435].

Таким образом, осуществленный мной на основе камер-фурьерского журнала анализ деятельности императора Николая II в 1916 – первые два месяца 1917 г. показывает его несостоятельность как высшего должностного лица и верховного главнокомандующего русской армии, его отрешенность от происходящего, нежелание проводить реформы, осуществлять ротацию управленческих кадров. На 49-м году жизни, имея за плечами 22-летний стаж руководства империей, мой герой исчерпал свой управленческий ресурс. Вместе с этим во время Первой мировой войны окончательно исчерпал традиционный для российской монархической государственности метод управления страной посредством докладов министров монарху. На ситуацию с отречением от престола очень сильно повлиял фактор необходимости продолжения войны, ради которого Николай II отказался от власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. 320 с.
2. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. 282 с.
3. Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. 256 с.
4. Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг.. СПб., 2014. 1088 с.
5. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. 797с.
6. Масалов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. 262 с.
7. Россия в стратегии Первой мировой войны. СПб., 2014. Кн. 1. 316 с.
8. Сахаров Н.А. Бубликов Александр Александрович // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.
9. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. 640 с.
10. Каррер д' Анкосс Э. Николай II: Расстрелянная преемственность. М., 2006. 446 с.
11. Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1, кн. 1–2. 383 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 декабря 2016 г.

CHAMBER-FOURIER JOURNAL DATA ON EMPEROR NICHOLAS II AS COMMANDER-IN-CHIEF (JANUARY, 1916 – FEBRUARY, 1917)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 151–157.
DOI: 10.17223/15617793/415/21

Mikhail V. Shilovsky, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

Keywords: Nicholas II; Emperor; Commander-in-Chief; General Headquarters; Chamber-Furrier Journal; First World War; ministers.

The author uses Chamber-Fourier Journals for 1916 – early 1917 as main historical sources for analyzing activities of Nicholas II in the position of Commander-in-Chief as these journals recorded his places of stay, daily round, audiences to the officials, lists of persons invited to various official events. Information extracted from these sources allows identifying specifics of the Czar's daily life. It is established that during the period of 14 months in 1916 – early 1917 (427 days) the Emperor spent 263 days at the General Headquarters (Stavka) in Mogilev. His visits to the front were officially designated as tours of duty. He spent another 131 days in Tsarskoye Selo with visits to Petrograd. Besides two main locations the Czar made 7 trips, for a total of 23 days, along the immediate battle area. Getting from Tsarskoye Selo to Mogilev and back took yet another 13 days from the apparently busy schedule of the Emperor. The Commander-in-Chief used to start work at 10:30 a.m., less frequently at 10:00 a.m, going to the staff headquarters and listening to the reports of the Stavka's Chief of Staff, General M.V. Alekseev. As a rule, this was followed by breakfasts to which the Emperor invited officers and generals from headquarters, members of his entourage, and those members of the Imperial family who had come to Mogilev, ministers, heads of the military missions from the allied powers. After that he used to ride a car ("motor") during the cold season and went on boat trips along the Dnieper River during summer. After that from 4:00 to 7:00 p.m. he used to give audiences to the ministers, the military, members of the Imperial family etc. His dinner usually started at 8:00 p.m. and lasted for 50 minutes. The data acquired from these sources allows concluding that Nicholas II performed his functions as Commander-in-Chief only formally and for a limited period of time. He performed only representational functions while participating in important events related to the conduct of warfare. Materials from the Chamber-Fourier Journals support the finding that the so-called "ministerial leapfrog" took place. In most cases the substitution of ministers took the form of transferring them to other key positions in the government. Thus, the activities of Nicholas II in 1916 – early 1917 demonstrate his inability to be the supreme ruler and Commander-in-Chief of the Russian Army, his detachment from reality. At the age of 48, having ruled the Empire for 22 years, he exhausted his resources as a ruler. The necessity to continue the war highly affected the situation with his abdication: it was for this purpose that he resigned.

REFERENCES

1. Pushkareva, I.M. (1982) *Fevral'skaya burzhuazno-demokraticheskaya revolyutsiya 1917 g. v Rossii* [The February bourgeois-democratic revolution of 1917 in Russia]. Moscow: Nauka.
2. Ioffe, G.Z. (1995) *Semnadtsatyy god: Lenin, Kerenskiy, Kornilov* [1917: Lenin, Kerensky, Kornilov]. Moscow: Nauka.
3. Kozodoy, V.I. (2015) *Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyutsiya* [Alexander Guchkov and the Great Russian Revolution]. Novosibirsk: Siberian Academy of Management and Mass Communications (Institute).
4. Gal'perina, B.D. & Milovidov, B.P. (2014) *Kamer-fur'erskie zhurnaly. 1916–1917 gg.* [Chamber-Fourier Journals. 1916–1917]. St. Petersburg: D.A.R.K.
5. Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scripts of power: Myths and ceremony of the Russian monarchy]. Vol. 2. Moscow: OGI.
6. Masalov, A.A. (1992) *Pri dvore poslednego imperatora. Zapiski nachal'nika kantselyarii ministra dvora* [At the court of the last emperor. Notes of the Chief of the Office of the Minister of the Court]. St. Petersburg: Nauka.
7. Novikova, I. (2014) *Rossiya v strategii Pervoy mirovoy voyny* [Russia in the First World War strategy]. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.
8. Sakharov, N.A. (1993) Bublikov Aleksandr Aleksandrovich. In: Volobuev, P.V. (ed.) *Politicheskie deyateli Rossii 1917. Biograficheskiy slovar'* [Politicians of Russia in 1917. Biographical Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
9. Ol'denburg, S.S. (1992) *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [The reign of Emperor Nicholas II]. Moscow: Feniks.
10. Carrère d'Encausse, E. (2006) *Nikolay II: Rasstrelyannaya preemstvennost'* [Nicholas II: A shot continuity]. Translated from French. Moscow: OLMA Media Grupp; OLMA-PRESS Obrazovanie.
11. Sukhanov, N.N. (1991) *Zapiski o revolyutsii* [Notes on the revolution]. Vol. 1. Books 1–2. Moscow: Politizdat.

Received: 20 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 158–163. DOI: 10.17223/15617793/415/22

ПРАВО

УДК 81’33

Е.Е. Абрамкина

АВТОРОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОТОКОЛА ДОПРОСА: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Рассматриваются основные особенности, связанные с проведением авторoведческой экспертизы текстов протокола допроса. Исследуются юридические требования к составлению документов данного жанра и вызванные ими трудности определения границ авторского текста и разделения двух авторов. Рассматриваются стилевые и жанровые особенности протокола допроса и их роль в атрибуции протокола. На основе изучения обширного эмпирического материала разрабатывается методика анализа текстов данного жанра.

Ключевые слова: авторoведческая экспертиза; установление авторства; атрибуция текста; протокол допроса; официально-деловой стиль; границы авторского текста; двойное авторство; автор-оформитель; автор-информант.

В современной экспертной практике объектами лингвистической и авторoведческой экспертиз нередко становятся тексты протоколов допроса свидетелей, подозреваемых и других участников судебного разбирательства. Чаще всего в запросе на экспертизу речь идет о фальсификации протокола, перед экспертом ставятся вопросы, является ли конкретное лицо автором протокола допроса, были ли протоколы допроса написаны одним автором, как можно охарактеризовать языковую личность автора. Для корректного ответа на них необходимо учитывать стилевую и жанровую специфику протокола допроса, требования, предъявляемые законом к составлению документов данного жанра. Однако в научной литературе проблема жанровых характеристик протокола допроса освещена слабо, а вопрос об атрибуции таких текстов поднимался лишь в единичных работах [1. С. 133–144].

Диссертация Н.М. Татарниковой является уникальным исследованием, в котором проводится сопоставительный анализ допроса и протокола допроса как первичного и вторичного жанра, однако проблем атрибуции автор не касается [2]. Статья Т.А. Распоповой посвящена характеристике авторoведческой экспертизы в целом, в качестве примера приводится экспертиза двух текстов протокола допроса свидетелей. Однако детально на особенностях анализа текстов данного жанра автор не останавливается. Между тем атрибуция протокола допроса имеет свою специфику, связанную со стилем и жанром документа.

В настоящей статье рассматриваются основные особенности установления авторства текстов протокола допроса. На основе анализа 16 протоколов допроса (5 текстов протоколов допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова [3–7], 6 протоколов допросов свидетелей по делу о ДТП в Москве на Ленинском проспекте [8], протокол допроса обвиняемого по ст. 282 УК РФ [9], 3 протокола допроса свидетеля по делу о незаконном распространении сильнодействующих веществ (ст. 234 УК РФ) и 2 протокола допроса подозреваемых по этому же делу из личной экспертной практики автора) выявляется специфика текстов этого жанра, разрабатывается методика исследования. Широкий предметный, тематический и временной спектр протоколов позволяет выявить наиболее общие черты, характерные для текстов этого жанра, и определить наиболее универсальные признаки установления авторства.

Границы авторского текста. Протокол допроса как объект авторoведческой экспертизы имеет ряд особенностей, которые оказывают существенное влияние на методику анализа. Первая из них связана с юридическими требованиями к оформлению протокола допроса. Тексты этого жанра отличает жесткая структура вводной и заключительной частей. Как отмечает Т.А. Распопова, для этих частей характерны высокий уровень стандартизации, «лексическое наполнение данных частей составляют юридические клише и штампы, заимствованные из нормативных юридических документов» [1. С. 138].

Вводная часть имеет следующую структуру:

– реквизитные данные протокола (название населенного пункта, в котором производилось следственное действие; день, месяц, год, время начала и окончания допроса (в часах и минутах); должность, звание, фамилия и инициалы лица, составившего протокол; адрес, включая номер кабинета, где был произведен допрос; ссылки на ст. 189 и 190 УПК РФ, а при допросе несовершеннолетнего и на ст. 191 УПК РФ и номер дела, в рамках расследования которого осуществлен допрос);

– анкетные данные допрашиваемого (информация о фамилии, имени и отчестве допрашиваемого, дне, месяце и годе его рождения, месте рождения, месте жительства и регистрации, гражданстве, образовании, семейном положении и составе семьи, месте работы или учебы, отношении к воинской обязанности и наличии / отсутствии судимости, а также паспортные данные допрашиваемого);

– уведомление о применении технических средств и разъяснение статуса допрашиваемого. Их структура и содержание определяются ст. 190 УПК РФ.

Такая регламентированность формы и содержания не позволяет использовать вводную часть для установления авторства. Аналогичная ситуация складывается с заключительной частью, содержащей информацию о том, что протокол записан со слов допрашиваемого либо им самим, и об отсутствии претензий к протоколу, что удостоверяется подписью допрашиваемого.

Больший интерес для эксперта представляет описательная часть, поскольку относительно ее содержания законодатель предъявляет лишь общие требования. Как отмечает А.П. Рыжаков, вслед за словами «по существу уголовного дела могу показать следующее» излагаются собственно показания допрашиваемого, которые он дает в свободной форме [10]. Часть 2 ст. 190 УПК РФ устанавливает необходимость фиксации показаний от первого лица и «по возможности дословно». Такая форма изложения позволяет нам говорить о возможности наличия в тексте описательной части индивидуально-авторских особенностей речи, что дает основания анализировать эту часть текста с точки зрения атрибуции.

Таким образом, вводная и заключительная части являются формальной рамкой, содержание и язык которой жестко регламентированы законодательством, автороведческому анализу они не подлежат. Для установления авторства имеет значение только анализ описательной части протокола допроса.

Разделение жанровых и индивидуально-авторских черт. Вторая особенность является следствием принадлежности официально-деловому стилю и жанру протокола. Требование точности и конкретности информации создает необходимость жесткого отбора лексико-стилистических средств [2]. Для лексики протокола допроса характерно «использование моносемичных единиц с конкретным значением или многозначных слов в их конкретном значении» [Там же. С. 118]. На синтаксическом уровне жанровыми характеристиками протокола допроса являются оформленность и завершенность текста, а также преимущественное употребление прошедшего времени глагола, что связано с временной отнесенностью описываемых в протоколе событий.

Протокол допроса является жанром письменной речи и имеет монологическую форму, в то же время для него характерны некоторые отступления от традиционных представлений о письменной речи и монологе. Прежде всего, будучи вторичным жанром по отношению к жанру допроса, он частично передает устный характер первичного жанра, это позволяет говорить о вкраплениях в официально-деловой жанр элементов разговорной речи.

Двойное авторство. Монологичность жанра нарушается двойным авторством протокола допроса, причем каждый из авторов преследует свои цели. Автором-оформителем текста протокола является следователь или дознаватель. По мнению Н.М. Татарниковой, он отвечает за тематическое единство, конкретность и точность информации, вносимой в протокол [Там же. С. 64]. Будучи носителем правового сознания, он также отвечает за соответствие написанного документа структуре и композиции жанра протокола. Таким образом, структура, композиция и стилистические особенности, характерные для официально-делового стиля в целом и жанра протокола в частности, принадлежат автору-оформителю, что оставляет мало возможностей для проявления индивидуального стиля автора-информанта. Функция же последнего ограничивается контролем за точностью передачи сведений.

Коммуникативная цель протокола допроса также находится в зависимости от двойного авторства: следователь нацелен на максимально точную фиксацию информации, полученной в результате допроса, допрашиваемый же в целом настроен на передачу информации, однако в его речи могут встречаться и более частные коммуникативные задачи, например, отвести от себя подозрения, выгородить кого-то и т.п. Наличие этих второстепенных с точки зрения жанра коммуникативных установок несколько облегчает задачу разделения авторов протокола.

Двойное авторство создает серьезную проблему для атрибуции, поскольку требует не только сопоставления текста протокола с образцами письменной речи предполагаемого автора, но и предварительного разделения речи автора-оформителя и автора-информанта. После такого разделения, как правило, остается текст очень скромного объема, поэтому еще одна особенность протокола допроса заключается в ограниченном по сравнению с традиционной методикой наборе релевантных признаков.

Набор релевантных признаков. Традиционная методика автороведческого анализа позволяет исследовать текст на шести уровнях: пунктуационном, орфографическом, синтаксическом, лексико-фразеологическом, стилистическом и дискурсивном [1. С. 135–136]. Однако далеко не все уровни имеет смысл анализировать при установлении авторства протокола допроса.

Исследование текста с точки зрения пунктуации предполагает анализ особенностей употребления знаков препинания и выявление характерных для данного автора ошибок. При исследовании текста протокола допроса пунктуационный анализ имеет смысл, только если протокол написан автором-информантом собственноручно. В противном случае данный анализ способен установить лишь соответствующие характеристики автора-организатора.

Анализ текста на орфографическом уровне учитывает типичные ошибки в написании слов. Как и пунктуационный анализ, он имеет смысл только в том случае, если протокол написан лично автором-информантом.

На синтаксическом уровне анализируются следующие показатели: особенности построения предложений, предпочтение тех или иных языковых конструкций, употребление времен, предпочтительное употребление залога, порядок слов, характерные синтаксические ошибки.

Учитывая жанровые особенности протокола допроса, к релевантным признакам данного уровня можно отнести особенности построения предложений, предпочтение тех или иных синтаксических конструкций из ряда синонимичных и порядок слов.

Рассматривая в качестве признака авторства те или иные особенности построения предложений, необходимо учитывать синтаксические характеристики протокола допроса, обусловленные стилевыми и жанровыми требованиями. В качестве релевантных можно отметить, например, парцелляцию, встречающуюся в тексте протокола допроса свидетеля по делу о гибели экспедиции Дятлова: «*Кроме того у нас был разговор о том, что мой отец Бахтияров когда еще жив был, то говорил что давно с какой-то горы сдуло человека ветром. И опасно ходить на эту гору и нам наказывал, чтобы мы не ходили туда. Что это за гора я сейчас не помню. И*

что за человека сдуло отец мне не говорил. Отец мой умер уже прошло 15 лет. Гора о которой говорил мой отец находится от наших юрт 40 км – 30 км в верховьях р. Вижай. Молебной горы у манси сейчас нет, так как я не молюсь и не знаю где молебная гора есть. Да едва ли она и вообще есть. Так как манси не ходят сейчас молиться, а старшие молятся дома, а молодые вообще не моляться» [3]. Для каждого конкретного случая набор определенных признаков устанавливается индивидуально при сопоставлении с текстами-эталонами.

Предпочтение тех или иных синтаксических конструкций из ряда синонимичных также частично обусловлено принадлежностью к официально-деловому стилю. В связи с этим наиболее показательными будут те из них, которые имеют разговорный или книжный оттенок, однако и избирательность по отношению к оборотам официально-делового стиля также может служить показателем языковой личности автора-информанта. А.В. Морозов предлагает использовать для установления авторства официально-деловых текстов вводные конструкции с пояснительным значением, модальные конструкции со значением подытоживания вышесказанного, причинно-следственные и противительные союзы [11]. Набор таких признаков также не универсален и должен устанавливаться в каждом случае индивидуально.

Порядок слов тоже во многом обусловлен жанрово-стилевыми характеристиками, в связи с чем носит факультативный характер и может учитываться только при наличии других, более однозначных признаков.

Изучение лексико-фразеологического уровня текста связано с анализом таких показателей, как словарный запас автора, особенности использования слов и выражений, склонность к использованию редких, иностранных, диалектных, архаичных слов, профессионализмов, навыки употребления фразеологических единиц. При анализе протокола допроса имеет смысл учитывать только особенности использования слов и выражений. Так, в протоколе допроса свидетеля по делу о гибели экспедиции Дятлова можно обнаружить ошибки в употреблении предлогов и сочетании слов: «*мы полетели в вершину реки Вижай*» [5], а также использование редких слов, профессионализмов из сферы деятельности автора-информанта, диалектизмов и т.п.

При стилистическом анализе текста учитываются его жанровая принадлежность и соответствие текста заявленному жанру, общая структура и композиция текста, а также стилистические фигуры и другие средства выразительности. Этот уровень в тексте протокола малоинформативен, поскольку жанровой принадлежностью определяется и структура, и композиция, а использование стилистических фигур и других изобразительных средств для текстов официально-делового стиля в целом весьма ограничено. Учитываться могут лишь стилистические отступления от официально-делового стиля, такие как вкрапления разговорных элементов («*дал ему пенделя*» – в протоколе допроса обвиняемого по ст. 282 УК РФ [9. С. 3]).

Проведенный анализ языковых уровней применительно к протоколу допроса показал, что для характеристики языковой личности автора наиболее информативен лексико-фразеологический уровень, также показательны отдельные компоненты синтаксического и стилистического уровня.

Определенные ограничения связаны и с использованием формальных методов. Жанровая специфика и малый объем исследуемого материала существенно усложняют формальный анализ, исключая многие его элементы.

Дав характеристику основным особенностям протокола допроса как объекта автороведческой экспертизы, рассмотрим возможный алгоритм анализа текстов данного жанра.

Алгоритм автороведческого анализа. Первый этап анализа связан с отделением авторского текста от формальной рамки. Как отмечалось выше, автороведческому исследованию подлежит только описательная часть протокола допроса.

На втором этапе необходимо учесть стилевые и жанровые характеристики, к которым относятся лексическая моносемия, синтаксическая оформленность и завершенность, а также употребление прошедшего времени глагола, и стилистические средства, характерные для текстов официально-делового стиля.

Отделив жанровые и стилистические особенности, мы частично решаем и другую задачу – выделение текста, принадлежащего автору-информанту. Сразу необходимо отметить, что разделить авторов не всегда представляется возможным, поскольку речь автора-информанта подвергается переработке со стороны автора-оформителя. Первым из признаков, показывающих степень разделенности авторов, является стилистическое единство текста или его отсутствие. Высокая степень стилистического единства свидетельствует о том, что один из авторов практически полностью, до невозможности разделения, подавляет участие в тексте второго. В зависимости от стиля это может быть как автор-информант, так и автор-оформитель. Первый случай чаще всего встречается, когда протокол пишется собственноручно допрашиваемым.

Ключевым признаком содержательной стороны текста, позволяющим отделить текст автора-информанта, является нарушение максимы релевантности, т.е. наличие информации, не относящейся к типичному содержанию протокола допроса по данной категории дел. Например, в тексте протокола допроса свидетеля по делу о ДТП к такому типу информации относится подчеркнутый текст: «*Я работаю вице-президентом компании "Лукойл". По регламенту нашей компании мне положен личный автомобиль с водителем. Мне выделен автомобиль марки "Мерседес-Бенц S500 4 matic", гос. номер…*» [9]. В протоколе допроса свидетеля по делу о гибели экспедиции Дятлова подчеркнутый текст также содержит информацию, непосредственно не относящуюся к делу: «*По существу заданных вопросов поясняю, что в середине февраля 1959 года число точно не помню, я приходил в с/совет в пос. Бурмантово к председателю с/совета за старыми газетами. Фамилия председателя с/совета Мокрушин. Там мы говорили с ним о том, что болеют олени копыткой и много оленей погибло и появились волки и едят этих погибших оленей*» [4].

Другим показателем речи автора-информанта на прагматическом уровне, также связанным с нарушением

принципа кооперации, является отличающаяся от типичной для текстов данного жанра коммуникативная цель. Например, в тексте протокола допроса подозреваемого по ст. 234, помимо основной познавательной цели, видна также цель снять с себя ответственность за продажу запрещенных препаратов, что явно видно в подчеркнутых фразах: «*Так же около года назад он обязал меня продавать различные биологически-активные добавки… К рекламе данных препаратов я никакого отношения не имею, так же специально я никому из клиентов их покупать не предлагала, этим занимался каким-то образом директор… Какую-то надбавку к зарплате за продажу данных препаратов я не получала. Согласилась их продавать не смотря на их запрещенность боясь увольнения с работы, думая, что ответственность за их продажу не наступит*».

На лексико-стилистическом уровне показателем речи автора-информанта является наличие разговорной, просторечной и грубо-просторечной лексики. Например, в протоколах допроса свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова встречаем следующие разговорные фразы: «*…нас послали искать туристов*; *да едва ли она вообще есть*». В тексте протокола допроса обвиняемого по ст. 282 встречается грубо-просторечная («*дал ему пенделя*») и разговорная («*я натолкнулся на "гостевую книгу"*») лексика. Еще одним лексическим признаком является наличие профессиональной неюридической лексики, т.е. лексики из сферы деятельности допрашиваемого. Например, в протоколе допроса свидетеля по делу о ДТП, где в качестве свидетеля выступает инспектор ГИБДД, встречается лексика, характеризующая дорожно-транспортное происшествие, автомобили и служебные обязанности инспектора: *спецтрасса, подразделение, инспектор по выездам на ДТП с пострадавшими лицами, дежурная часть, оформлять ДТП и т.д.*

Синтаксический уровень в большей степени отражает языковую личность автора-оформителя, однако встречаются и отдельные вкрапления речи автора-информанта, о чем могут свидетельствовать предпочтение тех или иных синтаксических конструкций, особенности построения предложений и порядок слов.

Таким образом, разделение авторских текстов в протоколе допроса проводится в основном на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях (табл. 1).

Таблица 1

Признаки разграничения текстов автора-информанта и автора-оформителя в протоколе допроса

Автор / признак	Автор-оформитель	Автор-информант
Обилие юридической терминологии и профессионализмов	+	
Разговорная лексика, в том числе жаргонные слова, просторечия, диалектные слова, бранная лексика		+
Профессиональная неюридическая лексика		+
Точное указание места, времени, адреса и т.п.	+	
Слова со значением неточности, приблизительности		+
Информация, напрямую не относящаяся к делу		+
Дополнительная коммуникативная цель		+
Синтаксис (стилевые и жанровые штампы)	+	

После выделения текста автора-информанта необходимо перейти к следующему этапу, который заключается в выделении особенностей письменной речи автора-информанта протокола допроса и составлении портрета языковой личности (хотя бы основных фрагментов). Здесь мы обращаем внимание на лексико-фразеологические, стилистические и, частично, синтаксические показатели. Также могут использоваться компоненты прагматического уровня, в частности нарушения принципа кооперации и коммуникативных максим, однако анализ прагматики текста не входит в традиционную методику атрибуции, поэтому требует отдельного изучения.

На этом же этапе необходимо аналогичным образом проанализировать и образцы письменной речи предполагаемого автора. Выделяют следующие виды образцов письменной речи: свободные – тексты, составленные определенным лицом вне связи с делом, по которому назначена экспертиза и до его возбуждения; условно-свободные – тексты, составленные в связи с расследуемым делом или после его возбуждения, но не специально для производства экспертизы (различные заявления, жалобы, объяснительные и другие тексты, составленные в период расследования), и экспериментальные – тексты, составленные определенным лицом по предложению и в присутствии следователя или судьи, специально для использования в качестве образца при производстве автороведческой экспертизы. Экспериментальные образцы также должны соответствовать исследуемому документу по языку, стилю, целевому назначению и теме, адресату, характеру речевого общения и состоянию автора. Экспериментальные образцы составляются в виде сочинения на самостоятельно избранную проверяемым тему, а также на тему, предложенную следователем (судьей), с учётом формы письменной речи в рамках определенного функционального стиля и языка изложения автора-информанта с образцами письменной речи предполагаемого автора [12].

После выделения характерных признаков текста и свойств языковой личности наступает этап сопоставления этих признаков для спорного текста протокола допроса и образцов письменной речи его предполагаемого автора [1. С. 136]. На основании этого сопоставления делается вывод об авторстве. Этапы анализа текста протокола допроса представлены в табл. 2.

Если разделить тексты автора-оформителя и автора-информанта не удалось, это может свидетельствовать либо о том, что текст написан информантом собственноручно, либо о том, что он подвергся очень большой переработке автором-оформителем (вплоть до написания протокола без участия автора-информанта). В обоих случаях анализировать текст протокола также необходимо. При этом набор релевантных признаков может быть расширен, исключая лишь однозначно жанровые характеристики. Для выяснения того, кто именно является автором – оформитель или информант, протокол допроса также сравнивают с образцами письменной речи информанта, а при необходимости – и с образцами письменной речи оформителя.

Таблица 2

Этапы автороведческого исследования текстов протокола допроса

№ этапа	Название этапа	Признаки выделения
1	Определение границ авторского текста	Законодательная регламентация вводной и заключительной частей протокола допроса
2	Определение стилевых и жанровых характеристик текста	Лексическая моносемия, синтаксическая оформленность и завершенность, употребление прошедшего времени глагола, стилистические средства официально-делового стиля
3	Выделение текста автора-информанта	Наличие разговорной, просторечной и грубо-просторечной лексики; наличие профессиональной неюридической лексики; нарушение принципа кооперации и коммуникативных максим
4	Характеристика языковой личности автора-информанта	Лексико-фразеологические показатели; стилистические показатели; синтаксические показатели (особенности построения предложений, предпочтение тех или иных синтаксических конструкций из ряда синонимичных); прагматические показатели
5	Сопоставление языковых особенностей текста автора-информанта и образцов письменной речи информанта	Лексико-фразеологический уровень; синтаксический уровень; стилистический уровень

В личной экспертной практике автора статьи был текст, в котором разделить вклад двух авторов было невозможно. Языковая личность автора протокола характеризовалась низкой речевой культурой, на что указывали простой синтаксис текста, большое количество канцеляризмов и профессионализмов из юридической сферы, краткая, лаконичная манера изложения со стремлением к максимально точному изложению фактов. Языковая личность автора образцов письменной речи, напротив, отличалась высоким уровнем языковой культуры, на что указывали сложный синтаксис с предпочтительным употреблением сложноподчиненных предложений и предложений с разными типами связи и распространением предложений однородными членами и обособленными оборотами, богатый словарный запас из разных функциональных стилей и владение приемами создания выразительности речи, многословная манера изложения с пространными объяснениями.

Для данной языковой личности было также характерно слабое владением профессионализмами и жаргонизмами из юридической сферы. На основе сопоставления этих характеристик был сделан вывод о том, что авторами спорного текста протокола допроса и образцов письменной речи являются разные языковые личности.

Как видно из проведенного исследования, специфика методики автороведческого исследования протокола допроса заключается в необходимости последовательного решения нескольких нехарактерных для классической автороведческой экспертизы задач: выделения текста, подлежащего атрибуции, отделении жанровых и стилевых особенностей и разделении частей текста, принадлежащих автору-оформителю и автору-информанту. И только после решения этих задач можно переходить к традиционным этапам анализа – независимому анализу спорного текста и образцов письменной речи предполагаемого автора и сопоставительному анализу выделенных характеристик. При этом на последних этапах необходимо учитывать ограниченный диапазон релевантных признаков, включающих только лексико-фразеологические, стилистические и отдельные синтаксические показатели. Также могут учитываться прагматические особенности текстов.

Отдельную сложность составляет малый объем текста, принадлежащего автору-информанту, что существенно ограничивает применение формальных методов. В таких условиях перспективным представляется поиск других оснований для анализа, выходящих за пределы анализа лексического воплощения авторского замысла, учитывающих общую коммуникативную направленность речи и способы ее реализации. Однако этот вопрос требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распопова Т.А. Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования // Ежегодник НИИ Фундаментальных и прикладных исследований. 2015. № 1 (6). С. 133–144.
2. Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 24 с.
3. Допрос свидетеля Анямова // HIBINAUD: Опись документов первого тома УД. URL: https://sites.google.com/site/hibinaud/home/dopros-svidetela-anamova-1 (дата обращения: 06.11.2015).
4. Допрос свидетеля Бахтиярова П. // HIBINAUD: Опись документов первого тома УД. URL: https://sites.google.com/site/hibinaud/home/dopros-svidetela-bahtiarova-p (дата обращения: 06.11.2015).
5. Допрос свидетеля Бахтиярова П.Я. // HIBINAUD: Опись документов первого тома УД. URL: https://sites.google.com/site/hibinaud/home/dopros-svidetela-bahtiarova-petra (дата обращения: 06.11.2015).
6. Допрос свидетеля Бахтиярова С. // HIBINAUD: Опись документов первого тома УД. URL: https://sites.google.com/site/hibinaud/home/dopros-svidetela-bahtiarova-s (дата обращения: 06.11.2015).
7. Протокол допроса свидетеля Дряхлых // HIBINAUD: Опись документов первого тома УД. URL: https://sites.google.com/site/hibinaud/home/protokol-doprosa-svidetela-drahlyh (дата обращения: 06.11.2015).
8. Протоколы допросов свидетелей по делу о ДТП на Ленинском проспекте в Москве // Русские дороги: автомобильный портал. URL: http://rusdtp.ru/1158-materialy-ugolovnogo-dela-po-skandalnomu-dtp-na-leninskom-prospekte.html (дата обращения: 06.11.2015).
9. Протокол допроса обвиняемого. URL: http://geroivoli.com/sites/files/xrenos.pdf (дата обращения: 06.11.2015).
10. Рыжаков А.П. Допрос: основания и порядок производств. М. : Дело и Сервис, 2014. 288 с.
11. Морозов А.В. Автороведческая экспертиза текста договора // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 290–297.
12. Криминалистика / под ред. Е.П. Ищенко. М. : Контракт, ИНФРА-М, 2010. 784 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 декабря 2016 г.

THE INTERVIEW MEMO AUTHORSHIP EXAMINATION: BASIC SPECIAL ASPECTS AND THE METHOD OF THE ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 158–163.
DOI: 10.17223/15617793/415/22

Elena E. Abramkina, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: abramkinaee@list.ru

Keywords: authorship examination; authorship attribution; text attribution; memo of interview; official style; authorial text border; dual authorship; author-designer; author-informant.

The paper aims to clarify basic characteristics of interview memo authorship examination. The object of research is the memo of interview and its characteristics that determine the complexity of authorship examination. The paper attempts to develop a procedure for interview memo authorship examination. The paper has an introduction and 5 parts: "The Authorial Text Borders", "Genre and Authorial Traits Demarcation", "Binary Authorship", "Relevant Characteristics System", "Authorship Examination Algorithm". The paper is addressed to those working in the field of forensic linguistics and of problems of authorship examination. The introduction tells about the importance of knowing genre traits for reasoned authorship attribution. The first part familiarizes readers with legal requirements to the form and content of the memo of interview. The basis of the following research is a conclusion that only the descriptive part of the interview memo is authorship analyzable. In the part "Genre and Authorial Traits Demarcation" the most important characteristics of the interview memo genre are described. The third part is devoted to the problem of two authors coexistence in the text of the memo of interview. The first author is the interviewee, the second is the interviewer. Of particular interest is an attempt to distinguish text elements of the two authors. The part "Relevant Characteristics System" is devoted to the analysis of the traditional authorship examination method. It is established that lexical-phraseological, stylistic and syntactical linguistic levels are most appropriate for interview memo authorship examination. The last part of the paper, "Authorship Examination Algorithm", generalizes the results of the research and proposes a series of steps of interview memo authorship examination. In the conclusion the author again speaks about special aspects of interview memo authorship examination and notes a necessity to find a new basis for the analysis of texts of this genre. The paper is illustrated with two tables. The firs table illustrates the essay to distinguish text elements of the first and of the second authors. The second table expresses steps of interview memo authorship examination. The article contains a list of references.

REFERENCES

1. Raspopova, T.A. (2015) Sudebnaya avtorovedcheskaya ekspertiza: opyt issledovaniya [Court authorship examination: research experience]. *Ezhegodnik NII Fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy*. 1 (6). pp. 133–144.
2. Tatarnikova, N.M. (2004) *Koordinatsiya pervichnogo i vtorichnogo rechevykh zhanrov v ofitsial'no-delovom stile (na primere doprosa i protokola doprosa)* [Coordination of primary and secondary speech genres in the official-business style (by example of interrogation and interrogation memo)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
3. HIBINAUD: Inventory of the first volume of the Criminal Case documents. (1959) *Dopros svidetelya Anyamova* [Interrogation of witness Anyamov]. [Online] Available from: https://sites.google.com/site/hibinaud/home/dopros-svidetela-anamova-1. (Accessed: 06 November 2015).
4. HIBINAUD: Inventory of the first volume of the Criminal Case documents. (1959) *Dopros svidetelya Bakhtiyarova P.* [Interrogation of witness Bakhtiyarov P.]. [Online] Available from: https://sites.google.com/site/hibinaud/home/dopros-svidetela-bahtiarova-p. (Accessed: 06 November 2015).
5. HIBINAUD: Inventory of the first volume of the Criminal Case documents. (1959) *Dopros svidetelya Bakhtiyarova P.Ya.* [Interrogation of witness Bakhtiyarov P.Ya.]. HIBINAUD: Opis' dokumentov pervogo toma UD. [Online] Available from: https://sites.google.com/site/hibinaud/home/dopros-svidetela-bahtiarova-petra. (Accessed: 06 November 2015).
6. HIBINAUD: Inventory of the first volume of the Criminal Case documents. (1959) *Dopros svidetelya Bakhtiyarova S.* [Interrogation of witness Bakhtiyarov S.]. [Online] Available from: https://sites.google.com/site/hibinaud/ home/dopros-svidetela-bahtiarova-s. (Accessed: 06 November 2015).
7. HIBINAUD: Inventory of the first volume of the Criminal Case documents. (1959) *Protokol doprosa svidetelya Dryakhlykh* [Interrogation memo of witness Dryakhlykh]. [Online] Available from: https://sites.google.com/site/hibinaud/ home/protokol-doprosa-svidetela-drahlyh. (Accessed: 06 November 2015).
8. Russkie dorogi: an automobile portal. (2010) *Protokoly doprosov svideteley po delu o DTP na Leninskom prospekte v Moskve* [Witness interrogation memos on the case of an accident on Leninsky Prospekt in Moscow]. [Online] Available from: http://rusdtp.ru/1158-materialy-ugolovnogo-dela-po-skandalnomu-dtp-na-leninskom-prospekte.html. (Accessed: 06 November 2015).
9. Geroivoli.com. (n.d.) *Protokol doprosa obvinyaemogo* [Memo of the interrogation of the accused]. http://geroivoli.com/sites/files/xrenos.pdf. (Accessed: 06 November 2015).
10. Ryzhakov, A.P. (2014) *Dopros: osnovaniya i poryadok proizvodstv* [Interrogation: the grounds and procedure]. Moscow: Delo i Servis.
11. Morozov, A.V. (2004) Avtorovedcheskaya ekspertiza teksta dogovora [Authorship examination of the contract text]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yuris-lingvistika-5. Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Forensic Linguistics-5. Legal aspects of the language and linguistic aspects of the law]. Barnaul: Altai State University.
12. Ishchenko, E.P. (ed.) (2010) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Kontrakt, INFRA-M.

Received: 26 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 164–168. DOI: 10.17223/15617793/415/23

УДК 347.4

О.С. Груздев

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДЕПОЗИТАРНЫХ РАСПИСОК И КРЕДИТНЫХ НОТ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОИЗВОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Исследуется проблема соотношения производных финансовых инструментов с такими инструментами финансового рынка, как депозитарные расписки и кредитные ноты. Анализируя депозитарные расписки, автор приходит к выводу о невозможности квалификации последних в качестве производных финансовых инструментов. По вопросу квалификации кредитных нот выводы автора различаются в зависимости от того, являются кредитные ноты по своей правовой природе ценными бумагами или договорами. Лишь в случае признания кредитных нот договорами возможна их квалификация в качестве производных финансовых инструментов.

Ключевые слова: депозитарные расписки; кредитные ноты; производные финансовые инструменты; ценные бумаги.

Производные финансовые инструменты в настоящее время составляют необходимый и весьма крупный сегмент рынка ценных бумаг. Состояние оборота производных финансовых инструментов оказывает непосредственное влияние как на весь финансовый рынок, так и на общее состояние не только отечественной, но и международной экономики[1]. Несмотря на то обстоятельство, что рыночные отношения на территории Российской Федерации имеют весьма непродолжительную историю, производные финансовые инструменты прекрасно прижились на отечественных рынках наравне с акциями, облигациями и другими ценными бумагами. Вместе с тем до сих пор остается нерешенным вопрос о том, какие именно инструменты рынка ценных бумаг следует относить к производным финансовым инструментам, а какие инструменты не должны учитываться в качестве разновидности данной категории. И вообще допустимо ли относить некоторые разновидности ценных бумаг к производным финансовым инструментам? Вроде бы на данных вопросах следовало бы поставить точку ввиду внесения изменений в отдельные нормативно-правовые акты[2], однако с доктринальной точки зрения этот вопрос представляется не столь однозначным, учитывая различие во мнениях исследователей. В частности, отсутствует единство мнений относительно того, можно ли отнести к производным финансовым инструментам такие инструменты рынка ценных бумаг, как депозитарные расписки и кредитные ноты. Для ответа на поставленные вопросы необходимо очертить виды производных финансовых инструментов, относительно природы которых дискуссий не возникает.

К числу таких инструментов можно отнести следующие виды:

– фьючерсы;

– опционы;

– свопы;

– форварды.

Основания выделять конкретные разновидности производных финансовых инструментов в отечественном правопорядке предусмотрены действующими нормативными актами. Так, вышеуказанный перечень производных финансовых инструментов поименован в указании Банка России от 16.02.2015 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов»[3], который содержит характеристику отдельных разновидностей производных финансовых инструментов. Также общая характеристика производных финансовых инструментов предусмотрена Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – ФЗ «О рынке ценных бумаг»). До принятия вышеуказанных нормативных актов в отечественном правовом регулировании отсутствовали сведения о конкретных видах производных финансовых инструментов.

Вместе с тем в условиях неопределенности относительно того, какие инструменты следует относить к видам производных финансовых инструментов, отечественные исследователи стали относить к производным финансовым инструментам кредитные ноты и депозитарные расписки. Итак, можно ли с точки зрения отечественного правопорядка квалифицировать депозитарные расписки и кредитные ноты в качестве производных финансовых инструментов?

Депозитарные расписки. Весьма продолжительный период времени вопрос о правовой квалификации депозитарных расписок оставался нерешенным, что порождало соответствующую дискуссию. Также возникали споры относительно соотношения депозитарных расписок с производными финансовыми инструментами. Те авторы, которые отождествляли производные финансовые инструменты и ценные бумаги, квалифицировали депозитарные расписки в качестве производных финансовых инструментов. При этом такой позиции отдельные авторы могли придерживаться уже после внесения изменений в ФЗ «О рынке ценных бумаг», которыми была закреплена договорная природа производных финансовых инструментов. К числу таких авторов стоит отнести А.А. Кирилловых [1. С. 28], С.С. Абдулкадырова [2. С. 22], которые квалифицировали депозитарные расписки в качестве производных финансовых инструментов. Кроме того, такие исследователи, как С.В. Ротко и Д.А. Тимошенко [3. С. 38], отождествляя правовую природу депозитарных расписок и производных финансовых инструментов, в принципе задались вопросом о том, почему законодатель не признает фьючерсы и опционы такими же производными ценными бумагами, как и депозитарные расписки?

Что же стало причиной таких выводов? Для ответа на данный вопрос следует уделить весьма пристальное внимание вопросам правовой квалификации депозитарной расписки.

Итак, говоря о депозитарных расписках, прежде всего необходимо отметить, что речь идет именно о ценных бумагах, а не о каких-либо других объектах гражданских прав. При этом, как следует из ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг», депозитарной распиской является именная эмиссионная ценная бумага, удостоверяющая право собственности ее владельца на определенное количество ценных бумаг. Иными словами, речь идет об объекте гражданских прав, общие положения о правовой природе которого урегулированы в ст. 142 Гражданского кодекса РФ.

Являясь именной эмиссионной ценной бумагой, депозитарная расписка удостоверяет следующие права:

– право собственности владельца депозитарной расписки на определенное количество ценных бумаг;

– право требовать получения определенного количества ценных бумаг взамен депозитарной расписки;

– право требовать оказания услуг, сопутствующих депозитарной расписке.

По своей природе данная ценная бумага является бездокументарной, размещается выпусками, удостоверяет равный объем имущественных и иных прав в рамках одного выпуска. Индивидуализация владельца депозитарной расписки происходит посредством внесения записи в специальный реестр, который ведется для учета прав на ценные бумаги.

Принимая во внимание особенности правовой квалификации депозитарной расписки, возникает закономерный вопрос: каким образом между собой соотносятся производные финансовые инструменты и депозитарные расписки?

В качестве общей черты необходимо выделить наличие некоторого базисного актива[4] у обоих инструментов. Однако в контексте правовой природы депозитарных расписок в качестве базисного актива могут выступать лишь ценные бумаги, в то время как для производных финансовых инструментов в роли таких активов могут быть любые вещи, права, а также какие-либо внешние обстоятельства (погода, рост или падение цен на нефть, изменение значения инфляции и т.д.). Вместе с тем в отличие от депозитарных расписок[5] правовая природа классических производных финансовых инструментов напрямую зависит от характеристик лежащего в основе базисного актива. Так, например, если базисным активом производного финансового инструмента выступает золото, то производный финансовый инструмент может опосредовать в равной степени и поставку, и взаиморасчеты между сторонами. Вместе с тем, если базисным активом выступает значение инфляции, производный финансовый инструмент будет опосредовать лишь взаиморасчеты.

Рассматривая различия между депозитарными расписками и производными финансовыми инструментами, необходимо отметить, что депозитарные расписки – это исключительно ценные бумаги. В свою очередь, производные финансовые инструменты, – это, прежде всего, договоры. Данный вывод следует из анализа правовой и экономической природы производных финансовых инструментов, порождающих у сторон комплекс прав и обязанностей, что составляет содержание обязательственного правоотношения. Производные финансовые инструменты далеки от ценных бумаг, они не могут выступать объектами гражданских прав, на них нельзя установить владение или право собственности или каким-либо иным образом привязать существование права. Производный финансовый инструмент выступает лишь юридическим фактом, порождающим правоотношение.

Депозитарная расписка же выступает классической поименованной ценной бумагой, удостоверяющей исключительно права ее владельца и обязанности лица, выступившего эмитентом данного вида ценных бумаг. В связи с этим речь о депозитарной расписке необходимо вести в контексте объектов вещных прав, которой участники оборота могут владеть на праве собственности. Более того, попадание депозитарной расписки во владение конкретного лица само по себе обусловлено совершением меновой сделки, по которой бумага попадает в распоряжение приобретателя. В силу своих особенностей применение категории «распоряжение» к производным финансовым инструментам выглядит абсурдным.

Отдельный интерес также представляет тот факт, что депозитарная расписка, согласно положениям ФЗ «О рынке ценных бумаг», удостоверяет не что иное, как право собственности обладателя депозитарной расписки на определенное количество ценных бумаг. В свою очередь, такая структура отношений для производных финансовых инструментов исключена, поскольку последние порождают лишь обязательственные правоотношения, в содержание которых входит право одной стороны требовать от другой стороны совершения активных действий и корреспондирующая такому праву обязанность.

Таким образом, принимая во внимание различия, присущие производным финансовым инструментам и депозитарным распискам, полагаем, что позиции исследователей, указывающих депозитарные расписки в качестве разновидности производных финансовых инструментов, являются несостоятельными и обусловлены смешением понятия производных финансовых инструментов и производных ценных бумаг, к числу которых надлежит относить и депозитарные расписки.

Аналогичная логика рассуждений касается и таких ценных бумаг, как опцион эмитента, владелец которой вправе требовать от эмитента в установленный срок продажи ему определенного количества ценных бумаг. Правовой статус данного вида ценных бумаг также закреплен ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Кредитные ноты. В отличие от иных видов ценных бумаг, вопрос отнесения кредитных нот к производным финансовым инструментам не столь однозначный, как может показаться на первый взгляд. В отличие от депозитарных расписок, которые удостоверяют вполне определенную группу прав и обязанностей и являются, ко всему прочему, поименованной ценной бумагой, кредитные ноты в отечественном правопорядке не имеют самостоятельного правового статуса. И это несмотря на тот факт, что данная категория инструментов имеет широкое распространение на российских рынках ценных бумаг[6].

Что такое кредитная нота? Это инструмент, выпускаемый лицом с целью рефинансирования своей

задолженности. Логика использования кредитных нот состоит в следующем: лицо А, являющееся кредитной организаций, в силу особенностей своего правового статуса систематически выдает займы. Объединив несколько десятков, а то и сотен займов, это лицо выпускает некий инструмент (кредитная нота), который продается и гарантирует его приобретателю – лицу В, право на получение некоторого дохода, выплата которого находится в зависимости от погашения займов займодавцу – лицу А. Если допускаются просрочка исполнения заемного обязательства или его неисполнение, то со стороны А выплаты по кредитным нотам стороне В прекращаются (возможны иные последствия, предусмотренные в решении о выпуске).

Квалифицируя кредитные ноты с использованием известного отечественному гражданскому праву инструментария, часть исследователей относят их к ценным бумагам [4. С. 31; 5. С. 21] или к производным финансовым инструментам [6; 7. С. 20].

Вместе с тем, отдельно анализируя возможность квалификации кредитных нот в качестве ценных бумаг, нельзя не отметить то обстоятельство, что все ценные бумаги в отечественном правопорядке должны быть законодательно поименованы. Поскольку кредитные ноты не поименованы в качестве ценных бумаг, то и являться ими не могут. Однако в таком случае каким образом на отечественном рынке ценных бумаг появляются инструменты, которые в контексте гражданского права и объектами прав-то не являются?

Для разрешения данной проблемы стоит отойти от сугубо российского нормативно-правового регулирования и задаться вопросом: могут ли иностранные ценные бумаги, признаваемые таковыми зарубежными правопорядками, оборачиваться на территории Российской Федерации, если они в качестве ценных бумаг в отечественном законодательстве не поименованы? Да, могут.

Данный вывод следует из анализа положений ст. 51.1 ФЗ «О рынке ценных бумаг», согласно которым иностранные финансовые инструменты допускаются к обращению в Российской Федерации в качестве ценных бумаг иностранных эмитентов при одновременном соблюдении следующих условий:

1) присвоения иностранным финансовым инструментам международного кода (номера) идентификации ценных бумаг и международного кода классификации финансовых инструментов;

2) квалификации иностранных финансовых инструментов в качестве ценных бумаг в порядке, установленном Банком России.

Таким образом, несмотря на то обстоятельство, что отечественное законодательство не содержит сведений о кредитных нотах как о ценных бумагах, они могут быть признаны таковыми, если пройдут предусмотренную ст. 51.1 ФЗ «О рынке ценных бумаг» процедуру легализации. В подтверждение данного тезиса стоит привести пример с кредитными нотами ПАО НБ «Банк Траст», которое с использованием цепочки контролируемых лиц организовало эмиссию кредитных нот, выпускаемых иностранным лицом в качестве ценных бумаг, а сама кредитная организация занималась лишь их продажей на территории Российской Федерации. При этом кредитные ноты прошли легализацию и признавались по отечественному праву в качестве ценных бумаг.

В таком случае следует говорить о том, что кредитные ноты есть ценные бумаги, а не производные финансовые инструменты. Однако данный вывод является достоверным лишь в том случае, если кредитные ноты эмитируются иностранным лицом в рамках правопорядка, который признает кредитные ноты в качестве ценных бумаг[7]. В ином случае кредитные ноты недопустимо относить к ценным бумагам с точки зрения российского правового регулирования, поскольку они не поименованы в качестве таковых. Но, может быть, в таком случае кредитные ноты – это производные финансовые инструменты?

Для установления возможности такой квалификации необходимо привести отношения из производных финансовых инструментов и кредитных нот под один знаменатель. Сделать это можно лишь в том случае, если отойти от того, что кредитная нота – это некая ценная бумага по иностранному правопорядку, а лишь представить, что речь идет о договоре. Так, в силу достигнутого между сторонами А и В соглашения сторона В передает денежные средства стороне А и имеет право на получение доходности, размер и допустимость выплаты которой напрямую зависят от некоторого стороннего фактора, связанного с возвратом третьими лицами стороне А денежных средств, предоставленных по договору займа. Таким образом, если третьи лица исполняют денежные обязательства перед лицом А, то последний уплачивает денежные средства стороне В, если лицо А не получает исполнения обязательства, то В лишается права на получение дохода.

Первый вывод, который напрашивается из анализа вышеуказанной схемы, свидетельствует о том, что кредитные ноты обеспечивают оборот денежных средств, уплата которых находится в прямой зависимости от наступления некоторого условия. В контексте правовой природы производных финансовых инструментов кредитные ноты могут сравниваться лишь с расчетными производными финансовыми инструментами, но не поставочными.

Имеется ли в такой схеме, в контексте расчетных производных финансовых инструментов, признак производности или рисковости? Для ответа на данный вопрос следует установить наличие базисного актива, который в расчетных производных финансовых инструментах выполняет функцию условия, относительно которого устанавливаются права и обязанности. Таким базисным активом, согласно положениям указания Банка России, может выступать любое внешнее обстоятельство, которым вполне может быть факт невозврата заемщиками денежных средств. Невозврат является отменительным условием, которое влечет прекращение или сокращение выплат по кредитным нотам, т.е. влияет на объем прав и обязанностей. В этом контексте кредитные ноты обладают признаком производности, имея в своей основе базисный актив. При этом данное обстоятельство дает еще один признак производных финансовых инстру-

ментов – рисковой характер, выраженный в том, что разрешение вопроса о правах и обязанностях сторон и, как следствие, осуществление взаиморасчетов напрямую ставятся в зависимость от случая. Более того, кредитным нотам можно приписать и такой классический признак производных финансовых инструментов, как срочность, поскольку момент возникновения отношений из кредитных нот оторван от момента его исполнения.

Вместе с тем, если анализировать кредитные ноты как ценные бумаги (эмитированные по иностранному праву), то вывод будет аналогичным тому, который следовал при анализе правовой природы депозитарных расписок.

Учитывая вышеизложенное, если рассматривать кредитные ноты как некоторую договорную конструкцию[8], то при анализе их внешних признаков препятствий для признания кредитных нот в качестве производных финансовых инструментов нет. Вместе с тем в отечественных нормативных актах кредитные ноты не поименованы в качестве одной из разновидностей производных финансовых инструментов, что создает определенные препятствия для их квалификации в качестве таковых.

Таким образом, принимая во внимание то обстоятельство, что производные финансовые инструменты по своей природе – это договоры, а не ценные бумаги, относить депозитарные расписки и кредитные ноты, квалифицируемые в качестве ценных бумаг, к производным финансовым инструментам с точки зрения отечественного правопорядка некорректно. Однако, учитывая сложную правовую природу кредитных нот, вопрос об их отнесении к производным финансовым инструментам может быть положительно разрешен лишь в том случае, если анализировать кредитные ноты также в контексте договоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Для того чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на последствия финансово-экономического кризиса 2008 г., произошедшего во многом по причине недальновидного использования данной категории инструментов.

[2] Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Указание Банка России от 16.02.2016 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов», Налоговый кодекс РФ.

[3] Аналогичные положения о видах производных финансовых инструментов ранее содержались в приказе Федеральной службы по финансовым рынкам «Об утверждении положения о видах производных финансовых инструментов» от 04.03.2010.

[4] Объекты материального мира, оборот которых обеспечивается посредством поставочных производных финансовых инструментов, либо какие-либо внешние обстоятельства (уровень инфляции, рост или падение цены на акции, банкротство), относительно которых определяется лицо, обязанное производить платежи своему контрагенту по сделке.

[5] Правовая природа актива, лежащего в основе депозитарной расписки, остается неизменной, поскольку таковым может выступать лишь ценная бумага и ничего более, в том время как в основе производных финансовых инструментов может лежать гораздо более широкий круг явлений, зачастую даже не носящих материальный характер.

[6] Подтверждением данного обстоятельства являются особенности санации ПАО «НБ «Банк Траст», который стал известен широкой публике благодаря схемам «эмиссии» кредитных нот и неисполнения обязательств.

[7] Как правило, такие правопорядки не делают особых различий между, собственно говоря, статусом ценной бумаги и производного финансового инструмента, квалифицируя все инструменты в качестве ценных бумаг.

[8] Данный вывод далеко не бесспорный и приведен лишь в целях сравнения кредитных нот с производными финансовыми инструментами. Для более подробного анализа потребуется отдельная публикация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилловых А.А. Сделки с ценными бумагами в фондовой торговле: механизм и правовые конструкции // Законодательство и экономика. 2014. № 3. С. 20–32.
2. Абдулкадыров С.С. Новации гражданского законодательства о долговых ценных бумагах // Российский судья. 2011. № 12. С. 22–25.
3. Ротко С.В., Тимошенко Д.А. Перспективы развития рынка производных финансовых инструментов (на примере депозитарных расписок) // Юридический мир. 2007. № 12. С. 35–39.
4. Смирнов К. Концепция банковской инвестиционной деятельности (investment banking) // КонсультантПлюс : справ. правов. система. Юридическая пресса. М., 2006. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
5. Цыганкова Е.В. Правовые аспекты финансирования сделок по слиянию и поглощению в международном обороте // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
6. Букирь М.Я. Кредитные ноты для начинающих // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. М., 2006. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
7. Ротко С.В. Кредитные производные финансовые инструменты в свете Концепции гражданского законодательства и Концепции о ценных бумагах и финансовых сделках // Налоги. 2011. № 5. С. 20.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 декабря 2016 г.

ON THE LEGAL NATURE OF DEPOSITORY RECEIPTS AND CREDIT NOTES IN TERMS OF FINANCIAL DERIVATIVES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 164–168.
DOI: 10.17223/15617793/415/23

Oles S. Gruzdev, Tomsk State University (Tomsk, Russia Federation). E-mail: monopolist1@mail.ru

Keywords: depository receipts; credit notes; derivatives; securities.

The present article deals with some problems relating to derivatives correlation with such financial instruments as depository receipts and credit notes. The relevance of the problem is caused by the fact that the position of the derivatives turn-round has a direct influence not only on the whole financial market, but also on the overall status of domestic economy as well as on the status of international economy. In spite of the wide use of derivatives, the matter about the examples of derivatives is settled by halves. The author mentions some instances of derivative financial instruments, whose legal nature does not provoke discussion. These are

futures, options, swaps, forwards. However, the article states new examples of derivatives. The legal nature of such instruments is still not clear. These are credit notes and depository receipts. In view of their wide use, scholars believe it necessary to determine their legal nature and the aspects of their usage. The author stated these objectives by writing this article. The article compares the characteristics of these instruments in order to reach the stated objectives. As a result, the author comes to a conclusion that depository receipts, being securities, do not have features of derivatives, because derivative instruments are qualified as contracts. The author makes this conclusion by the analysis of current legislation. It provides that depository receipts are securities. The author's conclusion is also confirmed by the analysis of derivatives characteristics: they are contracts, under them one party is obliged to take some actions, for example, to pay money or to deliver goods, and the other party is entitled to require performance. The article also reviews the special aspects of the legal nature and practical use of credit notes. The author adduces a thesis about their qualification as a certain non-defined contractual structure. As a result of this analysis, the author reaches a conclusion about the possibility of their qualification as derivative instruments, but only in case of the consideration of such instruments as contracts. The present article gives examples of the practical use of such financial instruments, the author draws the conclusions.

REFERENCES

1. Kirillovykh, A.A. (2014) Sdelki s tsennymi bumagami v fondovoy torgovle: mekhanizm i pravovye konstruktsii [Transactions with securities in stock trading: mechanism and legal structure]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. 3. pp. 20–32.
2. Abdulkadyrov, S.S. (2011) Novatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva o dolgovykh tsennykh bumagakh [Innovations in civil legislation on debt securities]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 12. pp. 22–25.
3. Rotko, S.V. & Timoshenko, D.A. (2007) Perspektivy razvitiya rynka proizvodnykh finansovykh instrumentov (na primere depozitarnykh raspisok) [Prospects of development of the market of derivative financial instruments (by example of depositary receipts)]. *Yuridicheskiy mir*. 12. pp. 35–39.
4. Smirnov, K. (2006) *Kontseptsiya bankovskoy investitsionnoy deyatel'nosti (investment banking)* [The concept of banking investment activity (investment banking)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
5. Tsygankova, E.V. (2012) *Pravovye aspekty finansirovaniya sdelok po sliyaniyu i pogloshcheniyu v mezhdunarodnom oborote* [Legal aspects of the financing of mergers and acquisitions in the international turnover]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
6. Bukir', M.Ya. (2006) *Kreditnye noty dlya nachinayushchikh* [Credit notes for beginners]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
7. Rotko, S.V. (2011) Kreditnye proizvodnye finansovye instrumenty v svete Kontseptsii grazhdanskogo zakonodatel'stva i Kontseptsii o tsennykh bumagakh i finansovykh sdelkakh [Credit derivative financial instruments in the light of the concept of civil law and the concept of the securities and financial transactions]. *Nalogi*. 5. pp. 20.

Received: 11 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 169–174. DOI: 10.17223/15617793/415/24

УДК 343.8

Ф.В. Грушин

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ НАУКА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анализируются состояние, значение и роль уголовно-исполнительной науки. Приводятся, с указанием ведущих ученых-пенитенциаристов, существующие научные школы в Москве, Томске и Рязани. При этом освещаются некоторые современные проблемы: малое количество научных центров, сокращение числа ученых в рассматриваемой сфере, разобщенность ведомственной и академической науки. На основании изложенного приводятся различные направления влияния науки на уголовно-исполнительную политику и законодательство.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная наука; уголовно-исполнительная политика; уголовно-исполнительное законодательство; факторы.

В современном мире одно из важнейших социальных явлений представляет наука, представляющая собой особую исторически сложившуюся форму человеческой деятельности, направленную на выработку и систематизацию знаний и преобразование объективной действительности, имеющую своим результатом выявленные научные факты и закономерности, выработанные гипотезы и теории, а также законы природы и общества. Зародившись в Древнем мире, она постепенно оформилась в важнейший социальный институт, способный оказывать влияние на все сферы жизни общества. Одновременно она стала выступать как особая форма общественного сознания, для которой характерны систематизированность научных знаний, специфические способы обоснования их истинности, опирающиеся на специально разработанные методы. Постепенно наука, в силу эффективности ее результатов, стала восприниматься человеком как фактор, детерминирующий все стороны жизни людей. При этом, претендуя на лидерство, она стала вбирать в себя ценностно-мировоззренческие функции и претендовать на решение всех проблем, которые стоят перед человечеством [1. С. 7].

Кризисные явления в науке не могут не отражаться на характере ее взаимодействия с другими сферами жизни общества, прежде всего, политикой, потому что связь между ними объективно обусловлена, поскольку и та, и другая форма общественного сознания выступают в качестве необходимого фактора, условия решения встающих перед обществом проблем. При этом возрастание роли науки в обществе способствует рационализации политического поведения, которая находит свое выражение в использовании данных науки, привлечении ученых к процессу выработки политических решений, к организации их выполнения, а также трансформации политического сознания в сторону сокращения числа стихийно принимаемых решений и действий. Особое значение это имеет для организации государственного управления и правотворчества [2. С. 40]. Данные особенности достаточно отчетливо прослеживаются и в процессе влияния уголовно-исполнительной науки на формирование уголовно-исполнительной политики, где выработка решений нередко поручается непрофессионалам, а следующий за этим правовой волюнтаризм очень осложняет их реализацию, делает и ту и другую крайне противоречивой, затратной и неэффективной [3. С. 46].

Уголовно-исполнительная (ранее исправительно-трудовая) наука в ее современном виде начала формироваться в нашей стране во второй половине прошлого века. С достаточной долей уверенности можно утверждать, что к настоящему времени сложилось три «центра» (школы) уголовно-исполнительной науки: в Москве, Томске и Рязани. При этом некоторые представители этих школ зачастую работали и в Томске, и в Москве, и в Рязани, как, например, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Александр Ильич Зубков. В связи с этим того или иного ученого можно отнести к той школе, где им был сделан, на наш взгляд, наиболее весомый вклад в развитие уголовно-исполнительной науки и политики.

Как нам представляется, к ученым московской школы (в свое время она формировалась на базе Академии управления МВД СССР, ВНИИ МВД СССР) можно отнести Ю.М. Антоняна, Е.А. Антонян, В.П. Артамонова, С.Л. Бабаяна, Л.И. Беляеву, А.В. Бриллиантова, Ю.В. Голика, Е.В. Емельянову, С.М. Зубарева, В.И. Зубкову, А.И. Зубкова, Л.Г. Крахмальника, С.И. Курганова, О.Б. Лысягина, Т.Ф. Минязеву, А.С. Михлина, А.Е. Наташева, В.Н. Орлова, П.Г. Пономарева, А.А. Рябинина, Е.В. Середу, В.И. Селиверстова, И.А. Сперанского, Н.А. Стручкова, Ю.М. Ткачевского, Б.С. Утевского, Н.Б. Хуторскую, О.В. Филимонова, С.Х. Шамсунова, А.В. Шамиса, И.В. Шмарова, Л.В. Яковлеву и др.

Представителями так называемой томской школы пенитенциаристов (на базе Томского государственного Университета), по нашему мнению, являются: Н.И. Ланкин, Н.В. Ольховик, Л.М. Прозументов, А.Л. Ременсон, В.В. Тирский, В.А. Уткин, В.Д. Филимонов и др.

К рязанской уголовно-исполнительной школе (сформированной на базе Академии ФСИН России, ранее РВШ МВД СССР), на наш взгляд, относятся: А.И. Васильев, В.В. Геранин, В.И. Гуськов, А.Я. Гришко, В.А. Елеонский, Б.Б. Казак, Ю.А. Кашуба, Э.В. Лядов, А.В. Маслихин, М.П. Мелентьев, С.Н. Пономарев, А.Ф. Сизый, А.П. Скиба, К.А. Сыч, В.А. Фефелов, В.Н. Чорный, Т.А. Шмаева, В.Е. Южанин и др.

Помимо представителей трех названных научных школ, необходимо также упомянуть и других ученых, внесших существенный вклад в науку уголовно-исполнительного права, но не относящихся напрямую

к трем существующим научным центрам: З.А. Астемиров, Н.А. Беляев, Ф.М. Городинец, С.И. Дементьев, Б.З. Маликов, И.С. Ной, М.С. Рыбак и др.

Невозможно переоценить тот вклад, который внесли вышеназванные ученые в становление, развитие и формирование науки уголовно-исполнительного права, что нашло свое прямое отражение в уголовно-исполнительной политике и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации. Например, подготовка ныне действующего УИК РФ осуществлялась параллельно двумя группами ученых в начале 90-х гг. прошлого века. Первая группа работала в Москве (Ю.В. Голик, А.И. Зубков, О.Б. Лысягин, М.П. Мелентьев, А.С. Михлин, В.И. Селиверстов, Н.А. Стручков, В.Д. Филимонов, И.В. Шмаров и др.) [4. С. 132]. Вторая группа подготовила так называемый альтернативный проект кодекса в Томском государственном университете (Н.И. Ланкин, Л.М. Прозументов, А.В. Усс, В.А. Уткин, О.В. Филимонов, В.Г. Швыдкий и др.).

Современной науке уголовно-исполнительного права присущи определенные специфические черты, которые накладывают свой отпечаток на формирование уголовно-исполнительной политики и законодательства. Во-первых, в России существуют всего два научных центра (школы), где изучаются и анализируются проблемы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, чего, на наш взгляд, совершенно недостаточно. Ситуация усугубилась после передачи уголовно-исполнительной системы из ведения МВД РФ в ведение Минюста России в 1998 г. В результате в вузах, которые остались в системе МВД, проблемам исполнения уголовных наказаний практически перестали уделять внимание. В первую очередь для науки уголовно-исполнительного права были утеряны ведомственные вузы, расположенные в г. Москве, а также ряд региональных вузов, где достаточно сильно была развита научно-исследовательская работа в соответствующей сфере (например, Уфимская высшая школа МВД).

Кроме того, если в Томске и Рязани научные школы сконцентрированы в двух вузах – Национальный исследовательский Томский госуниверситет и Академия ФСИН России соответственно, то в Москве ведущие ученые, многие из которых в свое время работали в ведомственных вузах МВД, «разбросаны» по самым разным вузам (МГУ им. М.В. Ломоносва, Академия управления МВД России, Российский государственный университет правосудия, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина и др.), что не очень способствует консолидации научной мысли. В связи с этим весьма актуальной становятся проблема концентрации научной мысли и ее популяризация, без которой говорить об эффективности ее влияния на процесс формирования правовой политики не приходится. В настоящее время она в некоторой степени решается с помощью создания различных институциональных структур, начиная с НИИ и заканчивая научно-образовательными центрами. Так, в целях сохранения научного потенциала ученых, ранее работавших в научных и образовательных учреждениях МВД России, и подразделениях, изучавших пенитенциарные проблемы, 30 апреля 1999 г. по инициативе Ю.И. Калинина был создан НИИ УИС Минюста России, особое внимание которого было обращено на необходимость развития науки уголовно-исполнительного права и тех ее направлений, которые обеспечивают научное сопровождение реформирования уголовно-исполнительной системы. Его правопреемником в настоящее время является ФКУ НИИ ФСИН России.

Помимо НИИ ФСИН России, занимающегося научным обеспечением уголовно-исполнительной деятельности, очень перспективным представляется направление, связанное с созданием специализированных научных центров на базе ведущих вузов страны. Так, в частности, 23 декабря 2015 г. решением Ученого совета юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова был создан научно-образовательный центр (НОЦ) «Проблемы уголовно-исполнительного права».

Во-вторых, в последнее время, с учетом проблем, описанных выше, наметилась тенденция к существенному сокращению числа ученых – докторов и кандидатов юридических наук, занимающихся вопросами уголовно-исполнительного права и законодательства, что также не может способствовать эффективной уголовно-исполнительной политике государства. Как это ни парадоксально звучит, в ведущем научном учреждении ФСИН России – Научно-исследовательском институте – в настоящее время по ряду объективных и субъективных причин доктора наук в сфере уголовно-исполнительного права работают в основном только по совместительству.

В-третьих, в силу специфики предмета науки, а также с учетом исторического становления на базе научных и учебных заведений МВД СССР (РФ) можно с большой долей вероятности утверждать о ведомственном характере науки уголовно-исполнительного права, что в некоторых случаях достаточно негативно сказывается на ее роли в формировании УИПиЗ. Следует согласиться с профессором А.И. Зубковым, который считает, что «положение ведомственной науки весьма специфично, так как она призвана служить прежде всего интересам того министерства, в рамках которого создаются те или иные научные коллективы» [5. С. 342].

Ведомственный характер науки уголовно-исполнительного права проявляется в возможности направления директивных предписаний о научном обосновании высказываемых идей о реформировании системы исполнения наказаний. В частности, после того как была озвучена мысль о необходимости преобразования системы исправительных колоний России в систему тюрем, «ученые из ведомственных НИИ получили указание разработать типовые проекты перепрофилирования обычной зоны в тюрьму на тысячу человек, подготовить проекты организации охраны и контроля за осужденными» [6. С. 166–170]. И такая система отношений не является исключением. Самый яркий пример давления на ведомственную науку – это «постановка задачи» предыдущим руководителем ФСИН России А.А. Реймером в кратчайший срок подготовить Концепцию развития УИС до 2020 г. [7]

перед руководством НИИ ФСИН России. После того, как было объяснено, что такие документы требуют качественной подготовки и достаточно длительного периода времени, многие ученые лишились своей работы [8]. В конечном итоге Концепция была все-таки подготовлена, однако о ее качестве можно судить хотя бы по потребовавшимся изменениям [9] в связи с невозможностью решения поставленных в ней задач по переходу на тюремный режим содержания осужденных к лишению свободы.

Вместе с тем в «ведомственности» науки уголовно-исполнительного права можно выделить и позитивные моменты. Во-первых, это наличие государственного финансирования научных разработок в рамках бюджета ФСИН России. Во-вторых, это доступ к различным материалам, базам, статистическим данным ФСИН России, в том числе и ограниченного использования. В-третьих, возможность для ученых, представляющих ведомственную науку, напрямую апробировать (например, через проведение научных экспериментов) свои предложения в практической деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Помимо ведомственной науки, осуществляемой в научных и учебных учреждениях ФСИН России, существует и академическая уголовно-исполнительная наука. Представители академической науки, в отличие от ведомственной, не обременены директивными предписаниями и не находятся в подчинении у руководителей ФСИН России, что делает их независимыми в своих научных суждениях. По мнению профессора А.И. Зубкова, академическая (цивильная) наука свободно может делать выводы и предложения самого радикального порядка, не совпадающие с официальной доктриной ведомства [5. С. 341]. Вместе с тем представители академической науки не обладают теми преимуществами, которые есть у представителей ведомственной науки.

Как нам представляется, один из самых перспективных путей повышения эффективности подготавливаемых наукой предложений лежит в плоскости симбиоза академической и ведомственной науки уголовно-исполнительного права. Только если объединить преимущества ведомственной и академической науки, можно будет достичь максимально эффективного влияния науки в целом на формирование уголовно-исполнительной политики и законодательства. Не случайно, что в новой редакции (от 23.09.2015) Концепции развития УИС до 2020 г. предусмотрено активное использование научного потенциала научно-исследовательских институтов, образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний во взаимодействии с другими образовательными организациями высшего образования и научными организациями. Шаги в этом направлении уже ведутся. Так, в частности, в 2016 г. коллективом ученых, представляющих как ведомственную, так и академическую науку на базе НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права», была подготовлена Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса [10].

Еще одним шагом по объединению усилий ведомственной и академической наукой уголовно-исполнительного права стало подписание 27 мая 2016 г. руководителем НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права», доктором юридических наук, профессором В.И. Селиверстовым и начальником кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, доктором юридических наук А.П. Скибой договора о научном и учебном сотрудничестве между научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и кафедрой уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН России. В рамках данного договора стороны договорились:

– о содействии в обмене преподавателями, аспирантами (адъюнктами) и студентами (слушателями) с целью стажировок и научных дискуссий;

– содействии установлению научного сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес;

– оказании взаимной помощи в повышении квалификации преподавателей и аспирантов (адъюнктов);

– обмене опытом в развитии передовых методов обучения;

– способствовании обмену публикациями, статистическими и иными материалами по проводимым исследованиям;

– организации двухсторонних совместных конференций, семинаров и круглых столов;

– участии в проводимых научных и образовательных мероприятиях одной из сторон;

– проведении (при наличии возможностей взаимного интереса) совместных образовательных и научных проектов и программ;

– информировании общественности об итогах совместной деятельности.

Говоря о науке как факторе, влияющем на уголовно-исполнительную политику и законодательство, следует учитывать состояние самой науки, которое определяет ее способность отвечать на внешние и внутренние вызовы, обеспечивая ее саморазвитие. При этом влияние научной мысли дополнительно может нивелироваться политическими и экономическими факторами. Как отмечает С.Б. Поляков, зависимость ученых-юристов от политиков «порождает производство чистой апологетики решений власти, выдаваемой за научные труды, исполнение заказов власти по представлению заранее намеченных результатов “исследований” для фактического обоснования намеченного решения» [11. С. 55]. Это отчетливо демонстрирует практика законодательных инициатив, где прослеживается весьма негативная тенденция: парламентарии нередко вносят изменения, руководствуясь, по-видимому, скорее политической конъюнктурой, чем целесообразностью, без тщательно проведенного анализа правоприменительной практики, без выявления причин «нерабочих» норм [12. С. 3–7], при игнорировании позиции научной общественности. Многие новеллы в таких условиях становятся откровением и для самих ученых. Ярким примером тому является введение института принудительных работ, который был представлен для обсуждения научной общественности только после принятия соответствующего законопроекта [13].

Важным направлением науки должны быть научные исследования. Одним из современных векторов развития уголовно-исполнительной системы, предусмотренных Концепцией развития УИС до 2020 г., является проведение научных исследований, соответствующих современному уровню развития пенитенциарных систем иностранных государств, на базе лабораторий, научных центров и других подразделений. Однако, как отмечает В.В. Лазарев, научные исследования осуществляются усилиями отдельных ученых, ведутся чаще всего спонтанно, без должной координации и организации [14. С. 189]. Все это, безусловно, препятствует формированию целостной концептуальной основы уголовно-исполнительной политики и законодательства.

Существенное влияние наука оказывает на уголовно-исполнительную политику и законодательство в процессе активного обмена мнениями на различных конференциях, посвященных проблемам исполнения наказаний. Участие в них представителей органов государственной власти обеспечивает функционирование одного из каналов влияния науки на формирование уголовно-исполнительной политики. Так, регулярное (раз в два года на базе Академии ФСИН России) проведение Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» при участии руководства ФСИН России обеспечивает создание диалоговой площадки по обсуждению основных направлений развития УИС, передового зарубежного опыта в сфере исполнения наказаний, совершенствования организационно-правовых, материально-технических, психолого-педагогических условий в сфере применения уголовных наказаний.

Одним из действенных средств верификации выдвигаемых идей, направленных на реформирование системы исполнения наказаний, является эксперимент, который выступает одновременно и как метод научного познания, и как способ совершенствования управлением социально-правовых систем [15. С. 10]. Наибольший расцвет данное направление уголовно-исполнительной науки получило в советские годы. В 70–80-е гг. прошлого века МВД СССР проводило различные экспериментальные работы, предварительно апробируя научные разработки и предложения по совершенствованию действующего законодательства, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Причем такие работы проводились как на уровне всей страны (с законодательным оформлением эксперимента), так и на уровне отдельных регионов и даже учреждений.

Оптимальной представляется ситуация, когда эксперимент предшествует внедрению законодательных новелл, позволяя решить гносеологическую, прогностическую и преобразовательную задачи за счет оценки эффективность планируемых к принятию нормативных правовых актов, прогнозирования развития соответствующей сферы общественных отношений, предотвращения принятия решений, способных привести к негативным последствиям, выявления особенностей практической реализации нормотворческих идей и обеспечения их необходимой корректировки.

Перспективным для дальнейшей законопроектной работы представляется проведение эксперимента по апробации модели Центра исправления осужденных исправительного учреждения. Научную апробацию в настоящее время проходит идея создания центров исправления осужденных как внештатных структурных подразделений колонии общего, строгого, особого режимов (кроме учреждений для лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы), предназначенных для организации исполнения уголовного наказания путем дифференцированного содержания осужденных, целенаправленного исправительного воздействия на них работниками исправительных учреждений, представителями государственной и муниципальной власти, общественных объединений и религиозных организаций, с целью формирования у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общения, повышения общеобразовательного и культурного уровня, изменения их поведения в соответствии с установленным порядком отбывания наказания [16].

Самостоятельным направлением влияния уголовно-исполнительной науки на уголовно-исполни-тельную политику и законодательство является разработка правовой доктрины. Являясь идейной основой российской правовой системы, правовая доктрина выступает в качестве направляющего вектора развития правовой политики в целом и уголовно-испол-нительной политики в частности, обеспечивая трансформацию правовых традиций и правовых новелл в современную политико-правовую жизнь общества, постепенно формируя его ценностно-нормативную основу. Регулятивный потенциал правовой доктрины в сфере исполнения наказаний реализуется путем издания документов политико-правового характера, таких как «доктрина», «концепция», «стратегия», являющихся внешней формой выражения уголовно-исполнительной политики. Сравнительно новой формой существования правовой доктрины стала научно-теоретическая модель Общей части УИК РФ, разработанная ведущими учеными-пенитенциа-ристами [10].

Еще одной формой воздействия науки на уголовно-исполнительное законодательство являются разработка проектов нормативных правовых актов с соответствующим обоснованием, а также подготовка отзывов на поступающие в научные учреждения проекты законов и подзаконных актов. К сожалению, в некоторых случаях ученые готовят не отзывы на проекты законов, а вынуждены обосновывать уже принятые решения, как это было с уголовным наказанием в виде принудительных работ.

На основании изложенного полагаем, что уголовно-исполнительная наука как фактор развития уголовно-исполнительной политики и законодательства проявляется в следующих случаях:

– при проведении научных исследований;

– во время обсуждения тех или иных научных предложений в рамках научно-представительских мероприятий, проводимых с участием органов государственной власти (например, в рамках Международного пенитенциарного форума);

– при апробации научных исследований в виде проведения экспериментов в учреждениях и органах, исполняющих наказания;

– при разработке правовой доктрины, принимающей в этой сфере форму концепции или научно-теоретической модели;

– при подготовке проектов нормативных правовых актов или отзывов на них.

При этом степень и эффективность влияния науки на уголовно-исполнительную политику и законодательство зависят от текущего состояния самой науки.

Как нам представляется, в современных условиях разобщенности академической и ведомственной науки эффективность влияния науки на уголовно-исполнительную политику и законодательство может быть обеспечена при совместном проведении научных исследований, когда академическая наука будет обеспечивать, главным образом, разработку доктрины, а ведомственная наука – разработку, сопровождение проведения и подведение итогов экспериментов.

Таким образом, уголовно-исполнительная наука является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на уголовно-исполнительную политику и законодательство. Игнорирование данного фактора приводит к принятию непродуманных поспешных решений, реализация которых крайне затруднительна, а зачастую и финансово не обоснована, как, например, реализация уголовного наказания в виде принудительных работ или переход на тюремную систему отбывания лишения свободы. В то же время формирование уголовно-исполнительной политики на основе науки уголовно-исполнительного права позволит существенно повысить качество принимаемых политических решений и эффективность действующего уголовно-исполнительного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симонян Э.Г. Формирование образа науки в западноевропейской культуре : автореф. канд. … филос. наук. М., 2008. 23 с.
2. Зубков С.А. Взаимосвязь политики, науки и техники в условиях техногенной цивилизации (социально-философские аспекты) : автореф. дис. … д-ра филос. наук. М., 2006. 42 с.
3. Ищенко Е.П. О главных болевых точках российской уголовно-исполнительной политики // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 декабря 2013 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2013.
4. Селиверстов В.И. Основные факторы и принципы подготовки научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 08 февраля 2016 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2016.
5. Уголовно-исполнительное право России / под ред. заслуженного деятеля науки РФ, доктора юрид. наук, профессора А.И. Зубкова. М. : Инфра М-Норма, 1997. 614 с.
6. Дементьев С.И., Греков М.Л. Реорганизация исправительных колоний в тюрьмы: необходимость перемен // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Вып. 5.
7. Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
8. Селиверстов В.И. Тюремные фантомы // Независимая газета. 2012. 4 дек.
9. Распоряжение Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877-р «О внесении изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 40. Ст. 5581.
10. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2016. 80 с.
11. Материалы «круглого стола» «Юридическая наука и ее значение в современном обществе» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4.
12. Казаков В.Н. Факторы, влияющие на эффективность законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12.
13. Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ : сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). Москва ; Рязань : НИИ ФСИН России; Академия ФСИН России, 2012. 233 с.
14. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2.
15. Мотин С.В. Использование экспериментального метода в социально-правовой сфере : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. 21 с.
16. Модель Центра исправления осужденных исправительного учреждения (на период проведения эксперимента). URL: фсин.рф/Original_doc/model_ispravitelnogo_centra.doc (дата обращения: 28.11.2016).

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 января 2017 г.

PENOLOGY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF PENAL POLICY AND LEGISLATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 169–174.
DOI: 10.17223/15617793/415/24

Fedor V. Grushin, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).
E-mail: fedor062@yandex.ru

Keywords: penitentiary science; penal policy; penal law; factors.

The article analyzes the status, value and role of penology. The leading penology scholars and existing research schools in Moscow, Tomsk and Ryazan are listed. The current problems that exist in penal science are discussed: the small number of centers where the problems of penal law are studied, the reducing number of scholars in this sphere, the disunity of departmental and academic science. At the moment there are only two research centers (schools) that study and analyze the problems of criminal penalty enforcement: Tomsk State University and the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. The leading institution of the RF Federal Penitentiary Service, the Research Institute, for a number of objective and subjective reasons, has practically no doctors of science in the field of penal law at present. One of the essential problems of penal law is its "departmental" nature. As a result, scholars from universities often receive departmental policy requirements to give scientific grounds to the ideas expressed by the authorities on the reform of the penitentiary system. In the author's opinion one of the most promising ways to improve the effectiveness of the proposals prepared by the science lies in the symbiosis of academic and

departmental science of penal law. The combination of the advantages of departmental and academic sciences can most effectively influence on the formation of penal policy and legislation in general. A positive example of symbiosis is the joint work of a team of scholars representing both departmental and academic science on the basis of research and educational center "Problems of Penal Law" in 2016. This work resulted in the drafting of the General Part of the new Penal Code. It is essential for penology to have an active exchange of views at various conferences on penal issues. The regular (every other year, the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation) International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" provides a platform for dialogue to discuss the main directions of the penitentiary system development, the best international practices in the field of correction. Conducting various experiments is also very promising, for example, testing of the model of a correction center for prisoners. Thus, penology is one of the key factors that influence penal policy and legislation.

REFERENCES

1. Simonyan, E.G. (2008) *Formirovanie obraza nauki v zapadnoevropeyskoy kul'ture* [Formation of the image of science in Western culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
2. Zubkov, S.A. (2006) *Vzaimosvyaz' politiki, nauki i tekhniki v usloviyakh tekhnogennoy tsivilizatsii (sotsial'no-filosofskie aspekty)* [The correlation of politics, science and technology in terms of technological civilization (social and philosophical aspects)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.
3. Ishchenko, E.P. (2013) [On the main pressure points of the Russian penal policy]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Proceedings of the International Penitentiary Forum. Ryazan. 5–6 December 2013. Ryazan: RF FPS Academy. (In Russian).
4. Seliverstov, V.I. (2016) [The main factors and principles of preparation of the scientific and theoretical model of the General Part of the Criminal Executive Code of the Russian Federation]. *Organizatsionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Organizational-legal regulation of activity of the penitentiary system: theoretical and applied aspects]. Proceedings of the all-Russian conference. Ryazan. 08 February 2016. Ryazan: RF FPS Academy. (In Russian).
5. Zubkov, A.I. (ed.) (1997) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [Penal law of Russia]. Moscow: Infra M-Norma.
6. Dement'ev, S.I. & Grekov, M.L. (2012) Reorganizatsiya ispravitel'nykh koloniy v tyur'my: neobkhodimost' peremen [Reorganization of correctional facilities into prisons: the need for change]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 5.
7. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2010). 43. Art. 5544.
8. Seliverstov, V.I. (2012) Tyuremnye fantomy [Prison phantoms]. *Nezavisimaya gazeta*. 4 December.
9. Russian Federation. (2015) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23 sentyabrya 2015 g. № 1877-r "O vnesenii izmeneniy v Kontseptsiyu razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda" [Decree 1877-r of the Russian Government of 23 September 2015 "On Amendments to the Concept of development of the penal system of the Russian Federation until 2020"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 40. Art. 5581.
10. Seliverstov, V.I. (ed.) (2016) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: rezul'taty teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.
11. Anon. (2013) Materialy "kruglogo stola" "Yuridicheskaya nauka i ee znachenie v sovremennom obshchestve" [Materials of the Round Table "Legal science and its importance in today's society"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of Perm State University. Law*. 4.
12. Kazakov, V.N. (2013) Faktory, vliyayushchie na effektivnost' zakonotvorchestva [Factors affecting the effectiveness of legislation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 12.
13. RF Federal Penitentiary Service. (2012) *Organizatsiya ispolneniya ugolovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot* [The execution of criminal sentence in the form of forced labor]. Proceedings of the conference. Moscow. 20 September 2012. Moscow; Ryazan: RF FPS Research Center and Academy.
14. Lazarev, V.V. (2013) Yuridicheskaya nauka: sovremennoe sostoyanie, vyzovy i perspektivy (razmyshleniya teoretika) [Jurisprudence: current status, challenges and prospects (a theorist's thoughts)]. *Lex Russica*. 2.
15. Motin, S.V. (1999) *Ispol'zovanie eksperimental'nogo metoda v sotsial'no-pravovoy sfere* [The use of the experimental method in social and legal sphere]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
16. RF Federal Penitentiary Service. (n.d.) *Model' Tsentra ispravleniya osuzhdennykh ispravitel'nogo uchrezhdeniya (na period provedeniya eksperimenta)* [Model of the Correction Center for prisoners (during the experiment)]. [Online] Available from: fsin.rf/Original_doc/model_ispravitelnogo_centra.doc. (Accessed: 28 November 2016).

Received: 11 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 175–181. DOI: 10.17223/15617793/415/25

УДК 343.121

О.В. Желева

ТРЕБОВАНИЯ К ХОДАТАЙСТВАМ ЧАСТНЫХ ЛИЦ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДОБРОСОВЕСТНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-03-00413 «Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и несистемные проявления, их предотвращение и пресечение».

Указывается, что правовая неопределенность, наличие пробелов в законодательном регулировании порядка распоряжения правом на заявление ходатайств могут стать предпосылкой различных форм злоупотребления. На основе анализа литературы и судебной практики дается характеристика способов злоупотребления правом на обращение с ходатайством, а также обосновывается необходимость закрепления требований к содержанию, его качественным признакам и механизму разрешения ходатайств частных лиц.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства; ходатайство; реализация права; злоупотребление субъективным правом; злоупотребление дискреционными полномочиями.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство наделяет различных участников уголовного судопроизводства широким кругом прав, предназначенных для защиты и охраны их личных интересов, а также предоставляющих им возможность участвовать и влиять на ход уголовного процесса. Одним из таких прав является право заявлять ходатайства, т.е. просьбы, адресованные дознавателю, следователю, прокурору либо суду об осуществлении определенных процессуальных действий и принятии решений [1. С. 320].

Следует отметить, что в литературе в зависимости от целей заявителя выделяют несколько разновидностей ходатайств частных лиц: 1) о приобретении или подтверждении процессуального статуса (например, о признании лица потерпевшим); 2) направленные на собирание новых, проверку или оценку уже имеющихся в деле доказательств; 3) о совершении в интересах лица иных процессуальных действий, носящих обеспечительный, вспомогательный характер (например, о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением; мер безопасности в связи с угрозами в отношении участников уголовного судопроизводства или их близких родственников, родственников или близких лиц); 4) о принятии окончательного решения по делу в интересах участника (например, о прекращении дела); 5) о порядке судебного разбирательства (например, о применении особого порядка судебного разбирательства, о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей) [2. С. 97–98]. При этом особое внимание ученые уделяют второй группе ходатайств, что вызвано их исключительным назначением как одной из форм участия субъектов, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, в процессе доказывания [3. С. 69]. Такие ходатайства не только являются средством отстаивания участниками уголовного процесса своих прав и законных интересов, но также способствуют получению как уличающих, так и оправдывающих доказательств, что оказывает влияние на всесторонность, объективность, полноту предварительного расследования, а значит, и на установление истины по делу.

Механизму реализации права на заявление ходатайств, в том числе связанных с участием лица в процессе доказывания, посвящена гл. 15 УПК РФ, в которой закреплен: 1) перечень субъектов, обладающих указанной правовой возможностью в ходе уголовного судопроизводства; 2) процессуальные стадии, на которых возможно осуществление права на обращение с ходатайством; 3) срок, в течение которого соответствующие должностные лица и государственные органы обязаны принять решение по поступившему ходатайству; 4) порядок разрешения ходатайства и процессуального оформления ответа об удовлетворении или отказе в удовлетворении рассмотренного обращения.

Следует отметить, что существующий способ регламентации порядка заявления и разрешения ходатайств не отличается высокой степенью детальности, поскольку ряд вопросов законодатель оставил на усмотрение заявителя. В связи с этим данный метод правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих по поводу заявления ходатайств, можно рассматривать как проявление диспозитивности, под которой понимается «ограниченная рамками уголовно-процессуального закона свобода распоряжения предметом уголовного процесса, правами и обязанностями в ходе процесса его участниками» [4. С. 10]. С одной стороны, такая свобода осуществления субъективного права на обращение с ходатайством обеспечивает возможность равного участия различных субъектов в процессе расследования и разрешения уголовного дела по существу, служит гарантией защиты прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, а с другой – правовая неопределенность становится предпосылкой для реализации незаконных, безнравственных интересов субъектов посредством злоупотребительного поведения в виде использования права в противоречии с его назначением.

В связи с этим возникает необходимость определения оптимальных требований к распоряжению правом на заявление ходатайств, которые будут учитывать не только интересы заявителя, но и интересы третьих лиц, общества, государства, а следовательно, обеспечат эффективную и добросовестную его реализацию. Среди таких требований можно выделить следующие.

Во-первых, обоснованность ходатайств, под которой понимается наличие соответствующих фактиче-

ских и юридических данных, необходимых для разрешения просьбы заявителя [5. С. 77]. При этом фактические данные составляют сведения, которые позволяют говорить о необходимости совершения тех действий, о которых ходатайствует лицо, а юридические данные представляют собой ссылки на подтверждающие доводы лица нормы материального и процессуального права [6. С. 135]. Следует отметить, что внешним выражением обоснованности признается мотивированность [7. С. 11]. Требование мотивировать свою просьбу или решение предполагает необходимость отразить участником уголовного судопроизводства ход своей мыслительной деятельности по обоснованию сделанных им выводов, а также проанализировать все имеющиеся по делу доказательства, касающиеся конкретного вопроса. Вследствие тесной взаимосвязи требований обоснованности и мотивированности представляется возможным рассмотрение их в единстве применительно к содержанию ходатайств.

Однако возникает вопрос, каждое ли ходатайство, заявляемое участниками уголовного судопроизводства, должно соответствовать указанным требованиям. По этому поводу в литературе сложилось несколько позиций. В соответствии с первой любое ходатайство частного лица должно быть обоснованным, поскольку его просьба направлена не просто на то, чтобы ее рассмотрели, а чтобы убедить властных субъектов в необходимости удовлетворить поступившее ходатайство [8. С. 67]. То есть для реализации собственных интересов субъект должен как можно более четко и полно изложить свою просьбу. Согласно второй позиции требование обоснованности и мотивированности необходимо соблюдать только при заявлении некоторых видов ходатайств: связанных с участием лица в процессе доказывания или с принятием в отношении него окончательного решения [9. С. 26]. Так, представители данной точки зрения утверждают, что ходатайство о прекращении уголовного дела должно содержать анализ имеющихся доказательств с точки зрения их достаточности и возможности восполнения пробелов в установлении обстоятельств по конкретному делу, иначе оно не будет удовлетворено. В то же время ходатайство обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства не требует такого подробного обоснования для его разрешения. Следовательно, как и сторонники предыдущей позиции, ученые указывают на прямую причинно-следственную связь между содержанием ходатайства и решением должностного лица по результатам его рассмотрения.

Вместе с тем в силу отсутствия определенных профессиональных навыков, ресурсов для получения подтверждающих фактических данных требование обоснованности и мотивированности может стать невыполнимым, что предопределит решение должностного лица, а значит, существенно ограничит право участника уголовного процесса. В связи с чем следует согласиться с третьей позицией о том, что обоснованность ходатайств не является обязательным свойством обращений частных лиц [10. С. 41]. Кроме того, необоснованность ходатайств не всегда указывает на незаконность интересов заявителя, на его недобросовестные мотивы – наоборот, в некоторых случаях отклонение ходатайства и отказ в его удовлетворении по такому критерию могут свидетельствовать о чрезмерном усмотрении должностного лица, о злоупотреблении им дискреционными полномочиями. М.С. Строгович справедливо замечает: «Если обвиняемый (подсудимый) заявит ходатайство, но не укажет, для чего нужно то доказательство, о получении которого он просит, и суд на этом основании отклонит ходатайство, – это будет не соблюдение процессуальной формы, а нарушение ее, превращение формы в пустую формальность» [11. С. 88].

Например, в ходе предварительного расследования обвиняемый Б. заявил ходатайство о проведении очной ставки между ним и свидетелем по делу [12]. Следователь отказал в удовлетворении данной просьбы исключительно по причине ее необоснованности без указания иных доводов и ссылок на материалы уголовного дела. Между тем принятие подобного решения является недопустимым, ведь независимо от степени обоснования ходатайства решение дознавателя, следователя, прокурора, суда относительно поступившего обращения должно быть, во-первых, законным, свидетельствующим о соблюдении установленного законом порядка (процедуры) принятия решения и соблюдении его процессуальной формы; во-вторых, обоснованным, предполагающим соответствие изложенных в решении выводов о фактических обстоятельствах дела доказательствам, которые имеются в деле и которые получены в результате предшествующего принятию решения процесса доказывания; в-третьих, мотивированным, т.е. содержащим аргументы, объясняющие причины принятого решения [13. С. 42–47].

Перечисленные требования к процессуальному решению должностного лица служат пределами для его возможного усмотрения, которое должно зависеть не от сложившегося предубеждения или поведения частных лиц, участвующих в уголовном процессе, а от установленных по делу обстоятельств, а также общих и специальных правовых предписаний.

Отсутствие требования обоснованности ходатайства не означает, что допускается обращение без повода, под которым следует понимать наличие объективной необходимости совершения в отношении заявителя определенных действий или принятия решения должностным лицом, осуществляющим уголовное преследование. В случае если лицо обращается с ходатайством без повода, это может свидетельствовать о его недобросовестных мотивах, незаконном интересе, желании препятствовать производству предварительного расследования. Так, в одном уголовном деле обвиняемый М. заявил три ходатайства о назначении ему переводчика [14]. Однако из материалов уголовного дела следовало, что обвиняемый достаточно владеет русским языком – на этом языке он обучался в российском вузе; размещал материалы в сети Интернет; общался со своей семьей, друзьями; давал показания в качестве подозреваемого; неоднократно собственноручно заявлял ходатайства и осуществлял иные действия. На основании указанных фактов в удовлетворении ходатайств ему было полно-

стью отказано. Реальная необходимость для назначения обвиняемому переводчика отсутствовала, а исходя из его предыдущего поведения в ходе предварительного расследования следовало, что его действия по заявлению данных ходатайств были недобросовестными и свидетельствовали о его злоупотребительном поведении. Представляется, что последствием такого поведения становится безусловный отказ в удовлетворении ходатайства; если же лицо заявит аналогичное обращение, то ему должно быть отказано в его принятии без фактического рассмотрения.

Вторым требованием к распоряжению правом на заявление ходатайств является относимость изложенных в ходатайстве утверждений, т.е. наличие связи между содержанием просьбы и уголовным делом. Статья 159 УПК РФ предусматривает обязательность рассмотрения ходатайств, однако устанавливает, что просьбы о проведении определенных следственных действий будут удовлетворены только в случае, если обстоятельства, об установлении которых ходатайствуют подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, имеют значение для данного уголовного дела. Аналогичное положение содержится и в определениях Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О [15], от 24 марта 2015 г. № 678-О [16].

Содержание ходатайства, обеспечивающее участие лица в процессе доказывания, должно обладать свойством относимости и включать информацию, необходимую для правильного ее разрешения. Следует заметить, что указание в обращении на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, не означает, что на частных лиц перекладывается бремя доказывания в том значении, которое адресуется должностным лицам. Требование относимости содержания ходатайства является необходимым, прежде всего, потому, что становится барьером для недобросовестных обращений, например, о допросе неизвестных лиц, о допросе умершего человека и др. Заявление таких ходатайств можно считать злоупотреблением субъективным правом, являющимся способом введения следствия в заблуждение и затягивания предварительного расследования. Последствием данного поведения становится отказ в удовлетворении ходатайств, не указывающих на обстоятельства, относящиеся к делу.

Однако категории «имеющие / не имеющие значение для уголовного дела» являются оценочными, в связи с чем на практике и в литературе отмечаются случаи пседвомотивированных отказов, когда должностные лица указывают на нецелесообразность проведения тех или иных следственных действий, на их предыдущее осуществление и повторность [17. С. 45]. Данное поведение должностного лица можно считать злоупотребительным, ущемляющим права и законные интересы частных лиц, а также направленным на отстаивание только одной позиции, сложившейся у субъекта, ведущего расследование. Такая позиция имеет обвинительный характер, поэтому при рассмотрении ходатайства и принятии по нему решения невозможно полностью исключить субъективизм. Вместе с тем задачей расследования видится не выстраивание обвинительной версии против конкретного лица всевозможными способами, в том числе ограничивающими права этого участника, а всестороннее и объективное установление всех обстоятельств дела.

Для выяснения относимости содержания ходатайства, уточнения обстоятельств, которые требуется установить, и их значения в литературе предлагается предоставить дознавателю, следователю право получать объяснения, а при необходимости и производить допрос лица, обратившегося с ходатайством [18. С. 31]. По мнению ученых, данное полномочие позволит должностным лицам более точно уяснить просьбу частного лица, которое в силу своих возможностей, малой юридической грамотности или по иным причинам не способен изложить ее достаточно полно. Между тем эта точка зрения представляется неубедительной, ведь реализация данной возможности властного субъекта будет иметь определенные сложности. Во-первых, необходимо определить процессуальный статус допрашиваемого, наделить его соответствующими правами, обязанностями и гарантиями их реализации, иначе производимое процессуальное действие будет незаконным. Если предположить, что такое лицо будет считаться свидетелем, то впоследствии участие ряда субъектов уголовного судопроизводства: защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, согласно ст. 72 УПК РФ, станет невозможным.

Во-вторых, что касается круга вопросов, которые могут выясняться следователем, дознавателем по заявленному ходатайству, то их законодательное закрепление не представляется возможным ввиду многообразия ходатайств, интересов заявителя и других факторов, а усмотрение должностного лица по этому поводу может привести к несостоятельности такого действия.

В-третьих, право должностного лица получать объяснения или производить допрос по поводу заявленного ходатайства ввиду большой нагрузки следователя, дознавателя либо вовсе не будет осуществляться, либо станет для них дополнительным обременением. На основе вышесказанного можно сделать вывод, что предоставление данного права в целях определения относимости содержания ходатайств властными субъектами является нецелесообразным.

При рассмотрении вопроса о порядке осуществления права на заявление ходатайства необходимо также определить пределы повторного с ним обращения. Повторность предполагает аналогичность содержания просьбы одного и того же заявителя при неизменности оснований и условий подачи ходатайства. Законодатель не ограничил количество ходатайств, которые могут быть поданы в досудебном производстве, независимо от повода, целей и мотивов субъекта, их число безгранично. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 120 УПК РФ отклонение ходатайства не лишает заявителя права заявить его вновь. Между тем такая возможность способна стать предпосылкой злоупотребительного поведения частного лица, целью которого становятся не объективное выяснение обстоятельств дела, не защита собственных прав и законных интересов, а

создание препятствий для предварительного расследования, затягивание его производства путем вынужденного рассмотрения и разрешения должностным лицом бесполезных ходатайств.

Средством предупреждения и пресечения заявления таких ходатайств можно считать отказ в их удовлетворении. Следует отметить, что данное право фактически предоставлено государственным органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [19], в п. 18 которого указано, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса.

Однако данное положение требует уточнения, ведь повторность ходатайства не всегда свидетельствует о наличии у лица незаконного интереса. В ряде случаев подача аналогичного ходатайства является добросовестной и не может влечь за собой применение каких-либо мер воздействия в отношении заявителя: 1) при появлении новых обстоятельств, имеющих значение для дела, которые можно установить путем проведения того же следственного действия; 2) при неустановлении ряда обстоятельств в результате первоначального разрешения ходатайства по существу; 3) при незаконном, необоснованном, немотивированном решении следователя, дознавателя по поводу предыдущего ходатайства.

Исходя из этого следует, что для отклонения ходатайства по критерию повторности требуются его фактическое рассмотрение и изучение всех обстоятельств уголовного дела, иначе это может существенно ограничить права субъектов уголовного судопроизводства, лишить их возможности участвовать в процессе доказывания, повлиять на ход процесса, а также будет свидетельствовать о формальном подходе должностных лиц к разрешению ходатайств.

В то же время в некоторых случаях пресечь злоупотребительное поведение лица на обращение с аналогичным ходатайством допустимо не только на этапе разрешения его по существу, но и во время принятия обращения. Перечень таких случаев должен быть четко определен и ограничен законодателем, чтобы не допустить произвольного осуществления должностными лицами своих полномочий. С этой целью в УПК РФ необходимо закрепить: 1) требования к содержательным элементам самого ходатайства. К подобным требованиям можно отнести указание на заявителя; дату и время подачи ходатайства; должностное лицо, которому оно заявлено; повод и основание обращения; обстоятельства, которые необходимо установить или проверить с помощью заявленного ходатайства; решения должностного лица по обращению, если оно было заявлено ранее. Думается, что несоответствие перечисленным требованиям будет влечь за собой возвращение ходатайства заявителю без запрета обращения с ним вновь при устранении указанных должностным лицом недостатков; 2) исчерпывающий перечень случаев безусловного отклонения ходатайств на стадии их принятия, в числе которых: указание в обращении на обстоятельства, которые уже были выяснены при проведении иных действий, а полнота и достоверность последних не вызывает сомнений; наличие в содержании просьбы / требования о проведении незаконных процессуальных действий; использование в обращении оскорбительных выражений в отношении иных участников уголовного процесса; удовлетворение предыдущего ходатайства с аналогичным содержанием.

Необходимо отметить, что следующим требованием к добросовестному распоряжению правом на заявление ходатайства является срок его реализации. В ч. 1 ст. 120 УПК РФ законодатель определяет, что ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу, не указывая в качестве обязательного признака своевременность обращения. В связи с этим лицо может требовать проведения определенных процессуальных действий, когда их осуществление уже неактуально либо умышленно откладывать обращение с ходатайством на длительный срок с целью затянуть предварительное расследование. Особенно это проявляется на этапе ознакомления с материалами уголовного дела, когда обвиняемый после окончания этой процедуры, воспользовавшись своим правом, закрепленным в ст. 219 УПК РФ, требует проведения ряда следственных действий, чем возлагает на следователя обязанность проверить доводы заявителя и в случае необходимости провести требуемые мероприятия. Результаты проверок могут не только составить дополнительные материалы дела, но и изменить версию следствия, что повлияет на разрешение дела по существу.

Заметим, что обращение с ходатайством спустя длительное время, с одной стороны, может быть вызвано тем, что по окончании предварительного расследования у обвиняемого появляется возможность изучить и оценить все доказательства, имеющиеся в отношении него, указать на те обстоятельства, которые не были установлены, но также имеют отношение к делу; с другой – может быть связано с желанием затянуть расследование, в том числе до момента истечения сроков давности привлечения к ответственности. Вместе с тем следует учитывать, что несвоевременность является оценочным понятием, а в связи с выполняемой властными субъектами уголовно-процессуальной функцией их отношение к ходатайствам на этапе окончания расследования, когда процессуальные сроки истекают, а необходимый объем работы, по мнению должностных лиц, выполнен, становится предопределенным.

Именно поэтому для предупреждения злоупотребительного поведения, как со стороны частных, так и должностных лиц, предлагается установление конкретного срока, в течение которого после ознакомления с материалами уголовного дела могут быть заявлены ходатайства, направленные на собирание новых, проверку или оценку уже имеющихся в деле доказательств. По мнению А.В. Рагулина, срок для заявле-

ния таких ходатайств должен составлять не менее 10 суток [20. С. 19]. Д.В. Лящев считает, что стороне защиты достаточно одних суток для подачи ходатайства [21. С. 75]. Однако поскольку для рассмотрения и разрешения ходатайств должностными лицами предусмотрен срок, равный трем суткам (ст. 121 УПК РФ), представляется убедительной позиция об установлении аналогичного срока для заявления ходатайств частными лицами после ознакомления с материалами уголовного дела [22. С. 16]. Думается, что этого времени будет достаточно обвиняемому для формирования своей позиции, консультации с защитником для формулирования новых требований к государственным органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, но в то же время этот срок не приведет к излишнему затягиванию расследования. Следует отметить, что по результатам изучения практики в Томске и Красноярске в большинстве случаев (41%) обвиняемый или их защитники обращались с ходатайствами сразу или в течение 1–2 суток после изучения материалов уголовного дела, а в 14,6% самостоятельно указывали в соответствующем протоколе срок, равный 3 суткам, необходимый им для составления ходатайства и обращения с ним. Таким образом, с учетом представленных практических данных, полагаем необходимым закрепить в УПК РФ указанный срок (3 суток) для подачи ходатайств после процедуры ознакомления, данное положение будет соответствовать интересам как стороны обвинения, так и стороны защиты.

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что ввиду незаконных, безнравственных интересов лица реализация права на заявление ходатайств может оказаться злоупотребительным, неприемлемым поведением, нарушающим права иных участников процесса и влияющим на полноту и всесторонность всего уголовного судопроизводства.

Представляется, что мерой предупреждения и преодоления указанных негативных последствий может стать установление пределов права на заявление ходатайств. Вместе с тем их произвольное сужение недопустимо, ведь любое ограничение права должно соответствовать определенным условиям, среди которых выделяют правовую определенность положений закона [23. С. 11].

Восполнить выявленные пробелы можно путем закрепления в УПК РФ положений о механизме осуществления права на заявление ходатайств, способного обеспечить баланс между интересами заявителя, других участников уголовного судопроизводства и интересами правосудия в целом. Составными элементами такого механизма будут являться: 1) определение четких качественных характеристик и составных элементов содержания ходатайства, несоответствие которым будет расцениваться как злоупотребление субъективным правом; 2) обозначение критериев допустимой повторности обращений; 3) закрепление случаев безусловного удовлетворения и отказа в удовлетворении ходатайств; 4) указание временных пределов реализации права на обращение с ходатайствами на различных этапах досудебного производства; 5) установление обязательных требований к процессуальным решениям должностных лиц по разрешению ходатайств; 6) определение мер ответственности за нарушение установленного в УПК РФ порядка заявления ходатайств для лиц, реализующих предоставленное им право в противоречии с его назначением, а также для должностных лиц, препятствующих добросовестному осуществлению права и ошибочно расценивающих его как злоупотребительное действие заявителя.

Перечисленные меры определят требования к поведению управомоченного лица, к порядку использования права на заявление ходатайств, в частности обеспечивающих участие частных субъектов в процессе доказывания, которые в силу своего назначения гарантируют защиту прав заявителя исключительно в условиях его социальной и юридической ответственности перед иными участниками уголовного судопроизводства, обществом и государством. Именно такой подход к реализации указанного правомочия будет способствовать предупреждению и сокращению числа возможных злоупотреблений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская. М. : Юристъ, 2004. 815 с.
2. Максимов О.А. Правовой институт ходатайств и жалоб на досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации как способ защиты прав граждан : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 223 с.
3. Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. 224 с.
4. Андреева (Рогова) О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1994. 28 с.
5. Капинус Н.И. Право заявлять ходатайства в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 6. С. 74–79.
6. Белецкая Л.С., Брестер А.А. Обоснованность ходатайства о приобщении дополнительных доказательств к материалами дела в публичном уголовном процессе // Об адвокатуре и адвокатской деятельности : сб. ст. Красноярск, 2016. С. 132–141.
7. Кобликов А.С. Судебный приговор. М. : Юрид. лит., 1966. 136 с.
8. Калинкина Л.Д. Ходатайства о признании доказательств недопустимыми в суде первой инстанции в российском уголовном процессе // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 67–72.
9. Торянников А.Г. Адвокат в уголовном процессе. Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи обвиняемому в реализации прав на заявление ходатайств и принесение жалоб : учеб. пособие. М. : РИО ВЮЗИ, 1987. 46 с.
10. Власов Н.А. Заявление и разрешение ходатайств в ходе предварительного расследования // Государство и право. 2006. № 4. С. 41–47.
11. Строгович М.С. Уголовно-процессуальная форма и обеспечение прав обвиняемого // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. С. 83–92.
12. Архивное уголовное дело № 24050644 Железнодорожного районного суда г. Красноярска.
13. Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе. (Досудебные стадии) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 195 с.
14. Архивное уголовное дело № 24186752 Железнодорожного районного суда г. Красноярска.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 г. № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru
16. Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 г. № 678-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вождаева Кирилла Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 7, 47, 53, 61, 86, 91, 159, 217, 234, 259, 260, 274, 281, 284.ю 389.6 и 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьи 60 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru
17. Гриненко А. Псевдомотивированный отказ в удовлетворении ходатайств на предварительном следствии // Уголовное право. 2000. № 4. С. 44–46.
18. Громов Н.А., Ивенский А.И., Луговец Н.В., Тихонов А.К. Разрешение ходатайств и жалоб, заявленных заинтересованными лицами на стадии предварительного расследования ввиду неполноты проведенного доказывания // Следователь. 2003. № 7. С. 30–33.
19. Постановление Пленума ВС РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru
20. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела после завершения предварительного расследования: проблемные вопросы регламентации и практической реализации // Адвокат. 2012. № 4. С. 16–25.
21. Лящев Д.В. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 203 с.
22. Ясельская В.В. Деятельность адвоката-защитника по собиранию доказательств на стадии предварительного расследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1999. 24 с.
23. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 49 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 января 2017 г.

REQUIREMENTS FOR PRIVATE PERSON'S PETITIONS IN PRE-TRIAL PROCEDURE AS A CONDITION OF CONSCIENTIOUS REALIZATION OF RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 175–181.
DOI: 10.17223/15617793/415/25

Olga V. Zheleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: participants of criminal proceedings; petition; realization of right; abuse of subjective right; abuse of discretion.

The subject of the article is legal relations that arise when individuals make petitions for the protection of their rights and legal interests in the pre-trial stages of criminal proceedings, and officials and state bodies consider and resolve such petitions. The relevance of the issue is due to the lack of the legal regulation of the order of the disposition of the right to make petitions, and to the possible emergence of abusive behavior. The author sets the following objectives: 1) formulation of the concept of petition; 2) classification of petitions by the stage of the criminal proceedings; 3) characterization of qualitative features of petitions; 4) determination of the forms of abuse of the right to make petitions depending on defects of form and content of petitions; 5) development of measures for prevention and suppression of the abuse of the right to make petitions. Having used dialectical, formal logical, logical-legal methods of knowledge, the author analyzed the following requirements for the realization of the right to make a petition: validity and motivation; relevance of statements contained in the petition; possibility to make an analogous petition; terms for making a petition. The article deals with each of these requirements from the perspective of the possible abuse of subjective right; identifies forms of such a behavior and measures for its prevention and suppression. The article notes the need for the regulation of the procedure for resolving petitions. The author states that the lack of clear legislative requirements causes abuse of discretion by officials who make decisions about approval or rejection of the petition. In this regard, having analyzed the results of the research of jurisprudence in Tomsk and Krasnoyarsk, the author cites statistics about types and motives of decisions of officials. The article notes the prevalence of such phenomena as unmotivated refusals. The result of the research is the development of the mechanism of realization of the right to make petitions, which would ensure a balance between the applicant's interests, the interests of other participants in criminal proceedings and the interests of justice. The author enumerates the basic elements of this mechanism and states that its cumulative entrenchment will ensure conscientious realization of the right to make petitions and lawful execution of powers by officials.

REFERENCES

1. Lupinskaya, P.A. (ed.) (2004) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedure Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist".
2. Maksimov, O.A. (2005) *Pravovoy institut khodataystv i zhalob na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa Rossiyskoy Federatsii kak sposob zashchity prav grazhdan* [The legal institute of petitions and complaints on pretrial stages of the criminal procedure of the Russian Federation as a way to protect the rights of citizens]. Law Cand. Diss. Moscow.
3. Alekseev, A.G. (2005) *Voprosy teorii i praktiki zayavleniya, rassmotreniya i razresheniya khodataystv v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [Theory and practice of application, consideration and resolution of petitions in the criminal procedure of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Barnaul.
4. Andreeva (Rogova), O.I. (1994) *Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Limits of optionality display in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
5. Kapinus, N.I. (2007) Pravo zayavlyat' khodataystva v ugolovnom sudoproizvodstve [The right to submit petitions in criminal proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 6. pp. 74–79.
6. Beletskaya, L.S. & Brester, A.A. (2016) Obosnovannost' khodataystva o priobshchenii dopolnitel'nykh dokazatel'stv k materialami dela v publichnom ugolovnom protsesse [The validity of the petition to introduce additional evidence in the case in a public criminal trial]. In: Shevchenko, I.A. (ed.) *Ob advokature i advokatskoy deyatel'nosti* [On Advocacy and Legal Practice]. Krasnoyarsk: Tsentr informatsii.
7. Koblikov, A.S. (1966) *Sudebnyy prigovor* [The court verdict]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Kalinkina, L.D. (2014) Application for admission of proofs inadmissible in the court of the first instance in the Russian criminal process. *Vestnik SamGU*. 11/2 (122). pp. 67–72. (In Russian).
9. Toryannikov, A.G. (1987) *Advokat v ugolovnom protsesse. Deyatel'nost' advokata po okazaniyu yuridicheskoy pomoshchi obvinyaemomu v realizatsii prav na zayavlenie khodataystv i prinesenie zhalob* [The lawyer in criminal proceedings. Activity of the lawyer to provide legal assistance to the accused in the implementation of the rights to make petitions and complaints]. Moscow: RIO VYuZI.

10. Vlasov, N.A. (2006) Zayavlenie i razreshenie khodataystv v khode predvaritel'nogo rassledovaniya [The application and approval of applications during the preliminary investigation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 4. pp. 41–47.
11. Strogovich, M.S. (1979) Ugolovno-protsessual'naya forma i obespechenie prav obvinyaemogo [Criminal procedural form and ensuring the rights of the accused]. In: Baev, O.Ya. et al. (eds) *Razvitie i sovershenstvovanie ugolovno-protsessual'noy formy* [Development and improvement of the criminal procedure form]. Voronezh: Voronezh State University.
12. Archival criminal case 24050644 of the Zheleznodorozhny District Court of Krasnoyarsk. (In Russian).
13. Kuz'min, G.A. (2002) *Pravovye i organizatsionnye osnovy prinyatiya resheniy v ugolovnom protsesse. (Dosudebnye stadii)* [The legal and organizational basis for decision-making in the criminal process. (The pre-trial stage)]. Law Cand. Diss. Moscow.
14. Archival criminal case 24186752 of the Zheleznodorozhny District Court of Krasnoyarsk. (In Russian).
15. Konsul'tantPlyus. (2004) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21.12.2004 g. № 467-O "Po zhalobe grazhdanina Pyatnichuka Petra Efimovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statey 46, 86 i 161 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Ruling 467-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.12.2004 "On the complaint of citizen Pyatnichuk Petr Yefimovich on the violation of his constitutional rights in Articles 46, 86 and 161 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru.
16. Konsul'tantPlyus. (2015) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.03.2015 g. № 678-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Vozhdaeva Kirilla Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statey 7, 47, 53, 61, 86, 91, 159, 217, 234, 259, 260, 274, 281, 284.yu 389.6 i 389.13 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, a takzhe stat'i 60 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Ruling 678-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.03.2015 "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vozhdaev Kirill on the violation of his constitutional rights in Articles 7, 47, 53, 61, 86, 91, 159, 217, 234, 259, 260, 274, 281, 284.yu, 389.6 and 389.13 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as Article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru.
17. Grinenko, A. (2000) Psevdomotivirovannyy otkaz v udovletvorenii khodataystv na predvaritel'nom sledstvii [Pseudomotivated rejection of the motions in the preliminary investigation]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 44–46.
18. Gromov, N.A. et al. (2003) Razreshenie khodataystv i zhalob, zayavlennykh zainteresovannymi litsami na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya vvidu nepolnoty provedennogo dokazyvaniya [Resolution of petitions and complaints made by interested persons during the preliminary investigation due to insufficient evidence]. *Sledovatel' – Investigator*. 7. pp. 30–33.
19. Konsul'tantPlyus. (2015) *Postanovlenie Plenuma VS RF ot 30 iyunya 2015 g. № 29 "O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivayushchego pravo na zashchitu v ugolovnom sudoproizvodstve"* [Resolution 29 of the Plenum of the RF Armed Forces of June 30, 2015 "On the practice of courts of law ensuring the right to defense in criminal proceedings"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru.
20. Ragulin, A.V. (2012) Pravo advokata-zashchitnika na oznakomlenie s materialami ugolovnogo dela posle zaversheniya predvaritel'nogo rassledovaniya: problemnye voprosy reglamentatsii i prakticheskoy realizatsii [The right of the defence attorney to inspect the case file after the completion of the preliminary investigation: Problems of regulation and implementation]. *Advokat*. 4. pp. 16–25.
21. Lyashchev, D.V. (2007) *Okonchanie predvaritel'nogo sledstviya sostavleniem obvinitel'nogo zaklyucheniya* [Completion of the preliminary investigation by drafting the indictment]. Law Cand. Diss. Tyumen.
22. Yasel'skaya, V.V. (1999) *Deyatel'nost' advokata-zashchitnika po sobiraniyu dokazatel'stv na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Activity of the defence attorney on collecting evidence at the stage of preliminary investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
23. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugolovnogo protsessa* [Conceptual bases of the relation of rights and obligations of the state and the individual in the criminal procedure of the Russian Federation and their use for the legal regulation of activities on managing the subject of the criminal procedure]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.

Received: 13 January 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 182–192. DOI: 10.17223/15617793/415/26

УДК 343.98

А.С. Князьков, А.В. Польгерт

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Рассмотрены актуальные вопросы взаимодействия следователя с иными субъектами в ходе расследования уголовного дела по факту незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого так называемым бесконтактным способом. Анализируются такие проблемные положения, как место взаимодействия в криминалистической деятельности, его сущность, принципы, уровни, этапы, цели и задачи, а также формы. Рассматриваются имеющиеся и предлагаются новые классификации форм взаимодействия следователя с прокурором, органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, экспертно-криминалистическим подразделением и оператором сотовой связи. Дается определение взаимодействия с учетом взаимоотношения следователя с субъектами, не включенными в систему правоохранительных органов.

Ключевые слова: организация расследования; криминалистическое взаимодействие; способ преступления; электронные и информационно-телекоммуникационные сети; незаконный сбыт наркотических средств.

Вопросы взаимодействия следователя с сотрудниками органа дознания, с экспертами, а также с иными субъектами продолжают оставаться весьма актуальными. В целом это обусловлено возрастанием роли организационных начал раскрытия и расследования преступлений, предопределяющих во многом также и результативность судебного разбирательства по уголовным делам. Имеются и иные предпосылки дальнейшей концептуализации многочисленных положений, касающихся взаимодействия следователя с иными субъектами. В их числе несомненно важным обстоятельством выступает видоизменение преступной деятельности, проявляющееся в появлении новых способов совершения преступлений, в частности так называемого бесконтактного способа незаконного сбыта наркотических средств.

Многоаспектность взаимодействия как социальное явление, получающее в криминалистике свое проявление во многих положениях, например, во взглядах на психологический контакт [1. С. 11–12; 2. С. 75; 3. С. 540; 4. С. 401], разнообразие преступлений, в ходе расследования которых возникает необходимость во взаимодействии следователя с иными субъектами, различие в правовом положении субъектов взаимодействия, средствах их деятельности, в ведомственных интересах, видах и формах взаимодействия, в разнохарактерности следственных ситуаций, требующих своей оптимизации путём надлежащего взаимодействия – вот неполный перечень проблематики, решаемой в настоящий момент отечественной наукой.

Строгий анализ феномена взаимодействия следователя прежде всего предполагает точный выбор рамок, в которых необходимо проводить его научное исследование. Предпринятое в этой статье исследование подтверждает правильность позиции, в соответствии с которой вопросы взаимодействия следователя продуктивно могут быть решены только в контексте рассуждений об организации расследования преступлений [5. С. 445–461; 6; 7. С. 230–245; 8].

Однако само по себе называние этого контекста не содержит указания на место взаимодействия в системе расследования преступления, точнее – в досудебном производстве: к примеру, суждение о том, что криминалистическое взаимодействие есть процесс решения познавательных задач [9. С. 40], призвано не более чем уточнить понимание взаимодействия как деятельности, причем взаимодействию здесь придано значение расследования как такового. Лишь немногие ученые предлагают решение вопроса о структурной принадлежности взаимодействия. Так, с позиции соотношения формы и содержания предварительного расследования Р.С. Белкин отмечал, что взаимодействие есть форма организации расследования [10. С. 31]. С позиции содержания предварительного расследования В.Д. Зеленский рассматривает взаимодействие как часть расследования, которая нуждается в организации, и с учетом этого взаимодействие органично включено в такой элемент организации расследования преступления, как руководство расследованием [11. С. 740–741].

В криминалистической литературе чаще всего взаимодействие понимается как основанная на законе согласованная деятельность следователя с другими субъектами правоохранительной деятельности, каждый из которых применяет собственные методы и средства [12. С. 403–412; 13. С. 32–33; 14. С. 77; 15. С. 253]. Определение взаимодействия через термин «деятельность» призвано подчеркнуть активность субъектов взаимодействия: это достигается посредством употребления однокоренных слов определяемого (взаимодействие) и определяющего (деятельность). Соответственно, дается важная методологическая основа для характеристики взаимодействия следователя, позволяющая затем исследовать многочисленные стороны взаимодействия, в том числе его поисково-познавательную направленность в ходе работы по делу. Очевидно, что именно акцентирование внимания на отмеченной направленности взаимодействия приводит отдельных авторов, рассматривающих вопросы алгоритмизации расследования, к мысли считать взаимодействие методом решения следственных задач [16. С. 221–242].

С целью подчеркнуть особое качество взаимодействия некоторые авторы предлагают определение, в котором взаимодействие приобретает характер командной деятельности (не в смысле руководства ка-

ким-либо субъектом, а в смысле отличия команды от группы) [17. С. 59]. Такой подход, по сути, повторяет понимание взаимодействия как некоей организации, носящей временный характер, своего рода коллектива [18. С. 106; 19. С. 9]; особенно ярко «командное» взаимодействия проявляет себя при характеристике, которая дается следственно-оперативной группе [20. С. 152–157].

Существует взгляд, в соответствии с которым совместная деятельность, как признак взаимодействия, фактически приобретает значение объекта взаимодействия. Так, отмечается, что «важным **направлением** (выделено нами. – *А.К., А.П.*) такого взаимодействия является совместная деятельность оперативных подразделений…» [21. С. 116]. При таком подходе вытекает, что взаимодействие направлено на достижение собственно взаимодействия. Представляется, что объектом взаимодействия, исходя из понимания взаимодействия как элемента организации расследования и учитывая, что другим элементом системы организации расследования является целеопределение [22. С. 89–93], будут следственная ситуация, её отдельные элементы.

Важное значение имеет вопрос о сущности взаимодействия следователя, причем его решение требует учета положения о том, что познание сущностной стороны требует абстрагирования от отдельных черт явления [23. С. 127]. Авторы, затрагивающие данный вопрос, рассматривают взаимодействие как совместную деятельность следователя с иными субъектами, а сущностью взаимодействия считают соединение их усилий [24. С. 14–15]. Очевидно, что согласованность деятельности каждого из субъектов взаимодействия характеризует признаки взаимодействия, но не его сущность. Вряд ли можно видеть сущность взаимодействия и в том, что следователь привлекает органы дознания к выполнению поручений, связанных с расследованием [25. С. 201; 26. С. 659].

Намечая подходы к выяснению сущности взаимодействия, нужно исходить из того, что *взаимодействие* предполагает систему *взаимоотношений*, строящихся на основе юридических норм. При этом, разумеется, для организации взаимодействия важным является учет межличностных отношений: особенно четко это проявляется в процессе реализации сложных форм взаимодействия, например следственно-оперативной группы. Однако было бы ошибкой делать упор при определении сущности взаимодействия на межличностные отношения. На наш взгляд, эти отношения выступают одним из *условий* результативности взаимодействия, и следователь, как и взаимодействующие с ним субъекты, не должен решать вопрос о необходимости, рамках взаимодействия и прилагаемых для этого профессиональных усилий исходя из того, устраивает ли их личностные качества контрагента.

Учитывая перечисленные обстоятельства, предлагаем сущностью взаимодействия следователя считать *взаимное должествование, обусловленное нормами права, а в случаях взаимодействия следователя с гражданами – нормами иных, помимо права, регуляторов социального поведения.* Такое понимание сущности взаимодействия позволит подчеркнуть, во-первых, необходимость выполнения следователем и иными субъектами необходимых действий вне зависимости от факторов психологии, традиций взаимоотношений, организационных перестроений и т.п., во-вторых, осуществить более эффективную юридическую регламентацию форм взаимодействия, прав и обязанностей субъектов взаимодействия и т.д. При таком понимании сущности взаимодействия согласованность перестает быть проблемой лишь самих субъектов, а должна быть, кроме того, обеспечена нормативно: это касается, например, законодательного введения СОГ.

С вопросом о сущности взаимодействия тесно связан вопрос о его принципах как основополагающих началах задействования данного элемента организации расследования. Чаще всего перечень принципов взаимодействия находит свое отражение в содержании даваемого понятия взаимодействия: называются законность, разграничение компетенции, организационная самостоятельность взаимодействующих субъектов, руководящая роль следователя, плановость взаимодействия, непрерывность взаимодействия [26. С. 483–485; 27. С. 230–245; 28. С. 538–539]. К числу принципов иногда добавляют такое обстоятельство, как оптимальное сочетание полномочий и возможностей взаимодействующих субъектов (следователя и органа дознания) [29. С. 12], а также коллегиальность, подразумевающую участие отмеченных субъектов в планировании дальнейшего расследования [Там же. С. 13].

Заслуживает внимания мнение о необходимости оценки взаимодействия следователя с иными субъектами с позиции целесообразности, при которой главными оценочными показателями выступают экономичность, безопасность и эффективность [30. С. 102]. Учитывая, что налаживание надлежащего взаимодействия следователя с иными субъектами при решении тех или иных тактических задач требует применение им отдельных тактических приемов, необходимо подчеркнуть, что в определенной мере целесообразность взаимодействия находит свое проявление в таком свойстве тактико-криминалистического приема, как рациональность [31. С. 7; 32. С. 19; 33. С. 44–48]. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что расследование преступлений есть сфера правоприменительной деятельности, для которой важнейшим требованием является законность. Она занимает определяющее положение по отношению к целесообразности: собственно, об этом фактически говорят многие авторы, исследующие проблематику тактико-криминалистического приема [34. С. 31–33; 35. С. 204–205; 36. С. 117].

Иногда для характеристики взаимодействия следователя с оперативными подразделениями предлагается выделять принципы соответственно уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности, подчеркивая, что каждому из названных субъектов взаимодействия недостаточно руководствоваться только ведомственными принципами: требуется соблюдения ими также и специальных (общих) принципов взаимодействия [26. С. 659]. Оценивая данное предложение, следует учитывать, что речь идет о согласованной деятельности различных по своему юридическому

статусу субъектов правоохранительной деятельности. В этом случае *непротиворечивость* действий каждого из субъектов может быть обеспечена лишь такими основополагающими началами, которые в равной мере распространяют свое влияние на деятельность любого из субъектов. Другое дело, что в своём предметном выражении равные требования к разным по правовому статусу субъектам взаимодействия будут иметь организационно-правовые различия.

Однозначно неточным будет, подчеркивая организационную независимость следователя и органа дознания и равную значимость процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, в качестве основополагающих начал взаимодействия называть лишь принципы уголовного судопроизводства [37. С. 14]. Вряд ли также можно считать принципом взаимодействия положение о необходимости вовлечения в раскрытие преступления максимально возможного количества органов и организаций [Там же. С. 15], поскольку не всегда это будет рациональным.

Отметим, что можно встретить понимание законности, разграничения компетенции, плановость и т.д. не как принципов, а как общих условий взаимодействия [38. С. 85], что, в общем-то, не меняет места этих обстоятельств в теории и практики взаимодействия следователя: они также являются основополагающими началами взаимодействия.

Представляется излишним раскрывать содержание отдельных принципов взаимодействия в силу того, этот вопрос в основном хорошо изложен. Отметим лишь специфические трактовки содержания общепризнанных принципов. Так, делается попытка по-иному взглянуть на содержание такого принципа взаимодействия, как организационная самостоятельность взаимодействующих субъектов: предлагается закрепить право следователя знакомиться со всеми материалами, полученными при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, независимо от источников негласной информации и способов её получения [39. С. 21; 40. С. 13; 41. С. 72; 42. С. 95].

На наш взгляд, организационная самостоятельность субъектов взаимодействия носит основополагающий характер, поскольку она показывает объективную необходимость объединения, прежде всего, усилий всех субъектов правоохранительной деятельности. Не случайно рассмотрение проблемы принципов взаимодействия отдельные ученые начинают с такого принципа, как подчинение всей деятельности сторон общей цели работы по уголовному делу [43. С. 175]. Лишь при условии объединения правоохранительных возможностей данных субъектов имеет смысл говорить о других принципах взаимодействия. По этой причине мы разделяем мнение тех исследователей, которые критически относятся к абсолютизации управленческих функций следователей в ходе взаимодействия с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, проявляющихся в праве следователя получать информацию, защищаемую режимом государственной тайны [44. С. 121–122]. Авторы, рассматривающие проблемы повышения эффективности использования результатов оперативно-розыскной деятельности, подчеркивают обязательность учета двух компонентов в их диалектическом единстве, а именно соблюдение конспирации и незамедлительное использование в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности [43. С. 180–181; 45. С. 68–69].

С организационной стороны важным является вопрос об уровнях взаимодействия. Устоявшимся является взгляд на тактический и стратегический уровни согласованной деятельности следователя с отдельными субъектами, где первый уровень характеризует деятельность применительно к отдельному акту расследования [24. С. 5–6; 46. С. 194–204; 47. С. 71]. Можно встретить предложение различать три уровня взаимодействия: в рамках одного ведомства, между субъектами разных ведомств, с правоохранительными органами сопредельной страны [47. С. 78]; в последнем случае более точны авторы, которые говорят о межгосударственном взаимодействии, не сужая его рамками взаимодействия с приграничными государствами [48. С. 266]. Методологическое значение различения уровней взаимодействия следователя состоит, как верно отмечают отдельные ученые, в том, что точная характеристика той или иной стороны данного явления может быть дана лишь с учетом уровня организации расследования, на котором происходит указанное взаимодействие [49. С. 33].

С вопросом об уровнях взаимодействия тесно увязан вопрос этапов взаимодействия. Чаще всего этапность взаимодействия следователя увязывают с этапностью криминалистической деятельности в досудебном производстве [46. С. 198–199; 50. С. 269], что, на наш взгляд, правильно. Также вопросы этапов взаимодействия рассматриваются на уровне производства следственных действий, и по сложившейся практике выделения этапов производства следственного действия различают взаимодействие на подготовительном этапе, этапе непосредственного производства следственного действия, а также этапе фиксации его хода и результатов [29. С. 23–26]. Учитывая важность организационного контекста взаимодействия, следует согласиться с авторами, дающими развернутый анализ этапности как категории криминалистики [51. С. 3–18].

Немаловажное теоретическое и практическое значение имеет вопрос о целях и задачах взаимодействия. На наш взгляд, о целях и задачах взаимодействия конструктивно будет вести речь применительно, во-первых, к конкретному уровню взаимодействия, а во-вторых, к тому или иному его этапу. Разумеется, с учетом назначения уголовного судопроизводства нужно говорить о целеполагании, нашедшем свое отражение в ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства».

Существует мнение о том, что согласованность всегда бывает лишь по цели; что касается согласованности по месту и времени, то она «не является обязательным свойством взаимодействия» [41. С. 22; 52. С. 66]. Представляется, что рассмотрение взаимодействия в контексте организации расследования и учет многообразия форм взаимодействия позволяют считать, что согласованность его по времени и месту имеет такое же важное значение, как и согласованность по цели.

Мы согласны с авторами, которые выделяют случаи обязательного взаимодействия, поскольку оно направлено на решение таких задач, как установление подозреваемого, розыск скрывшегося обвиняемого (подозреваемого), преодоление оказываемого расследованию противодействия [53. С. 94].

Некоторые авторы называют такую цель взаимодействия, как постоянный контакт субъектов взаимодействия [30. С. 95]. Можно согласиться с акцентированием внимания на указанное обстоятельство, имея в виду отмечаемую некоторыми авторами возможность существования конфликтов между следователем и другими должностными лицами правоохранительных органов [54. С. 141–146], однако в этом случае точнее будет вести речь об одном из условий успешного взаимодействия, которые широко представлены в литературе [55. С. 500–505].

Близко к вопросу об условиях взаимодействия примыкает вопрос о факторах взаимодействия, к которым некоторые авторы относят такие обстоятельства, как наличие общих целей и задач деятельности субъектов взаимодействия, различия в средствах и методах их деятельности, различное юридическое значение результатов деятельности данных субъектов [26. С. 659]. Оценивая данную точку зрения, следует отметить, что речь идет о правовых факторах, и за рамками рассмотрения остается вопрос о факторах криминалистического характера. На наш взгляд, нужно говорить о факторах предпосылочного характера, имеющих именно криминалистическое выражение, например криминалистических предпосылках взаимодействия следователя с экспертом [56. С. 766–770].

Представляется, что для характеристики взаимодействия следователя с субъектами, не являющимися государственными органами и организациями, например с операторами сотовой связи, неточным будет говорить о существовании единой целевой необходимости в таком взаимодействии со стороны каждого из субъектов, как это подчеркивается при исследовании проблем взаимодействия следователя и органа дознания [57. С. 37–39; 58. С. 116]. В равной мере нельзя говорить о равнозначности правоохранительной цели, стоящей перед взаимодействующим следователем с оператором сотовой связи, и производственной цели этого оператора, который при взаимодействии со следователем не преследует правоохранительную цель. Здесь также отсутствует называемый в литературе признак подчиненности деятельности единому замыслу, который характеризует взаимодействие следователя и оперативного работника [59. С. 16]. Заметим, что в доступной нам литературе нет определения взаимодействия следователя с оператором сотовой связи; более того, в работах, содержащих раздел о взаимодействии с такого рода субъектами, отсутствует постановка самой проблемы [42. С. 148–171].

Характер взаимодействия следователя с операторами связи в ходе расследования незаконного сбыта наркотических средств путем использования электронных и информационно-коммуникационных сетей не позволяет нам согласиться с мнением о том, что во всех случаях взаимодействие следователя требует получения согласия субъектов из круга партнеров на участие в совместной деятельности и начинается с собирания и переработки дополнительной информации, необходимой для составления эффективной программы совместной работы [9. С. 40]. Фактически со стороны оператора сотовой связи цели взаимодействия со следователем принимают характер выполнения обязательных, закрепленных нормативно действий, что, как уже отмечено, выражает суть взаимодействия. Должествование определяет и сущность взаимодействия следователя с аналогичными субъектами; так, отмечается, что следователь должен «требовать назначения ревизии» [60. С. 161]. Учитывая, что содержание взаимодействия с отмеченными субъектами строго определено правом, вопрос о его целесообразности (экономичности, безопасности и эффективности) не может решаться самими взаимодействующими субъектами, как это происходит в случае взаимодействия следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Можно, на наш взгляд, говорить и о меньшем числе форм взаимодействия по сравнению со случаями взаимодействия между следователем и органом дознания.

При рассмотрении проблемы взаимоотношения следователя с оператором сотовой связи также нужно принимать во внимание называемые в литературе ситуации, когда нормативно-правовое регулирование взаимодействия с оператором сотовой связи, строящееся лишь на учете специфики правового статуса оператора, может привести к усложнению деятельности следователя [48. С. 271–272; 61. С. 315–318]. Существует опасность такого рода усложнения взаимодействия следователя и с банками в ходе расследования незаконного оборота наркотических средств путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей.

Проведенный анализ позволяет сказать, что многочисленные криминалистические аспекты взаимодействия следователя (понятие, сущность, принципы, формы, этапы и т.д.) строятся на рассмотрении в качестве контрагентов взаимодействия лишь субъектов правоохранительной деятельности. В силу этого за рамками рассмотрения остаются вопросы его взаимодействия с организациями, не являющимися таковыми, например негосударственные экспертные организации, операторы сотовой связи, банки и т.д. Очевидно, что это обстоятельство с позиции теории и практики расследования преступлений требует уточнения многих сторон взаимодействия следователя, и прежде всего – уяснения понятия взаимодействия, не ограниченного лишь взаимоотношениями с субъектами правоохранительной деятельности.

Вопрос о формах (видах) взаимодействия призван раскрыть его функциональную направленность. В литературе в равной мере употребляются понятия «формы взаимодействия» и «виды взаимодействия». При этом отсутствует постановка вопрос об их принципиальном отличии, и используются они как синонимы [62. С. 200–207]. Рассматривая вопрос о формах взаимодействия, следует учитывать методологическое положение о взаимосвязи формы и содержания: неразрывность формы и содержания, неоднозначность их

связи, противоречивость единства, а также соответствие формы содержанию, а содержания – форме [63. С. 471]. И в этом случае не совсем точным является высказывание о том, что длительность и содержание взаимодействия определяют его формы [30. С. 96], поскольку в равной мере можно утверждать, что та или иная форма взаимодействия следователя обусловливает длительность и содержания взаимодействия.

Одним из определений формы взаимодействия следователя, которое может быть положено в основу исследования взаимодействия следователя по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, является определение, данное И.Ф. Герасимовым, в соответствии с которым форма взаимодействия данного должностного лица с иными субъектами есть способ связи, построения и проявления согласованной деятельности следователя с должностными лицами, например, органа дознания, при расследовании преступлений [64. С. 130]. Ошибочно, на наш взгляд, под формами взаимодействия понимать «совместную деятельность… при производстве следственных действий» [65. С. 52–53], «комплекс совместных, согласованных действий следователя и органа дознания» [19. С. 20]: в этом случае на смену формы приходит фактически её содержание. Также спорным является отнесение к формам взаимодействия оперативно-розыскного обеспечения органами дознания процесса расследования [66. С. 112].

Чаще всего называют следующие формы взаимодействия: составление единого согласованного плана; обмен информацией; производство следственных и розыскных действий по поручению следователя; совместное обсуждение результатов следственных и оперативно-розыскных действий; совместное обсуждение профилактических мер; отчеты оперативных работников, следователей и экспертов перед руководителями соответствующих подразделений о выполнении плановых мероприятий [15. С. 260–261].

Специфическое содержание форм взаимодействия может быть раскрыто через их классификационные системы с учетом положений криминалистической систематики [67]. Прежде всего, в зависимости от нормативной регламентации называют процессуальную и непроцессуальную (организационную) формы взаимодействия [68. С. 497; 69. С. 84–85; 70. С. 163–165]. В зависимости от содержания деятельности взаимодействующих лиц называют информационные и «деятельные» формы взаимодействия. Информационные формы включают в себя «обмен сведениями с последующей их совместной оценкой и определения направления использования имеющейся информации», а «деятельными», как их условно, судя по кавычкам, понимает автор этой классификации, являются «формы определенных действий, например, проверка по массивам криминалистических учетов, составление ориентировок, субъективных портретов, проведение предварительных исследований» [30. С. 96]. Нельзя не заметить, что понятие «деятельный» включает в себя, по определению, как интеллектуальный, так и физический вид деятельности. Точнее, на наш взгляд, будет идти речь об аналитических и операциональных формах взаимодействия. Так, определение направления расследования предполагает оперирование как следственной версией, так и следственной ситуацией: будучи аналитическими тактико-криминалистическими средствами [71. С. 14–16], они своим содержанием предопределяют характер взаимодействия, делая соответствующую форму аналитической формой взаимодействия. Те же формы взаимодействия, в которых осуществляется деятельность, направленная на получение доказательственной и ориентирующей информации по делу [72. С. 12], точнее будет называть операциональными формами взаимодействия.

Интересным представляется классифицирование форм взаимодействия следователя по основанию продолжительности взаимодействия. Используя этот критерий, различают постоянно действующие и временные формы взаимодействия [28. С. 540]. Разумеется, в строгом смысле нужно говорить о формах взаимодействия, в которых согласование действий следователя и иных субъектов, прежде всего должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, происходит постоянно либо от случая к случаю.

Нельзя не сказать, что деление форм взаимодействия на «постоянно действующие» и «временные» ставит вопрос о соотношении результатов рассматриваемой классификации с таким принципом взаимодействия, как непрерывность взаимодействия. Представляется, что авторы, подразделяющие формы взаимодействия следователя по рассматриваемому основанию, не опровергают существование этого принципа. На наш взгляд, непрерывность взаимодействия как его основополагающее начало имеет задачу подчеркнуть объективную необходимость такого взаимодействия, социальную значимость взаимодействия в такой специфической сфере общественной практики, как уголовное судопроизводство.

Немаловажное теоретическое и практическое значение имеет называние форм взаимодействия в зависимости от того, кто инициирует взаимодействие: руководитель следственного органа, следователь, руководитель оперативно-розыскного подразделения, эксперт, специалист. Результатом такого классифицирования выступают такие формы взаимодействия, как следственно-оперативная группа, дача и выполнение поручений следователя, запрос экспертом дополнительных объектов и материалов и др. [30. С. 97]. Данная классификация весьма продуктивна при освещении вопросов о взаимодействии следователя с негосударственными организациями и лицами, не являющимися сотрудниками правоохранительных органов.

В зависимости от этапов расследования выделяют предварительное, первоначальное, последующее и заключительное взаимодействие [50. С. 269]. Также значимо классифицирование по признаку субъекта, а именно взаимодействие лиц, подразделений и органов [Там же].

Представляется возможным разделить все формы взаимодействия на две группы в зависимости от нормативно-правового обязывания к нему субъектов взаимодействия. К первой группе можно отнести случаи взаимодействия, когда в отношении каждого из субъ-

ектов имеется нормативно-правовое обязывание к взаимодействию. Вторую группу образуют случаи, когда нормативное обязывание к взаимодействую касается лишь следователя, например при взаимодействии с общественностью. Первая группа форм взаимодействия следователя должна быть подразделена дальше: а) на взаимодействие, при котором нормативно-правовое обязывание к взаимодействию отражает суть социального назначения каждого из взаимодействующих субъектов, например следователя и органа дознания; б) на взаимодействие, при котором нормативно-правовое обязывание к взаимодействию отражает суть социального назначения лишь следователя, например взаимодействие следователя в ходе расследования незаконного сбыта наркотических средств с оператором сотовой связи. Вторую группу форм взаимодействия следователя образуют случаи его взаимодействия с общественностью, т.е. гражданами, в отношении которых отсутствует нормативно-правовое обязывание к взаимодействию со следователем. Наша классификация позволяет лучше увидеть направления правового регулирования взаимоотношений следователя с различными субъектами. Кроме того, она создает основу для более тщательного анализа положений о принципах, формах, условиях и других аспектах взаимодействия.

В продолжение предлагаем еще несколько классификаций форм взаимодействия: а) по признаку совместности выполнения действий: совместное планирование, совместное участие в следственном действии, взаимообмен имеющимися сведениями и по признаку отдельности выполнения действий, например, производство одного из параллельных обысков следователем, а другого – оперативными работниками; б) по признаку одновременности (разновременности) реализации действий: одновременное (тактическая операция) и разновременное, например, выполнение оперативным работником поручения следователя; в) по признаку выполнения одних и тех же действий, например, производство допроса; г) по признаку степени тактического риска (меньше при задействовании такой формы взаимодействия, как совместное производство следственного действия, больше – одновременное производство следственных действий, одно из которых выполняет следователь, а другое – оперативный работник; д) по признаку характера действий, лежащих в основе взаимодействия: организационные (совместное планирование) – совместное производство следственного действия); е) по признаку возможностей в обмене полученных сведений (ограниченные при реализации такой формы, как дача поручений о производстве ОРМ, и широкие – при обмене доказательственной и ориентирующей информацией, полученной в ходе производства одного следственного действия следователем, а другого – оперативным работником; ж) по признаку возможностей в обмене определенным видом информации: широкие при обмене информации об отдельных свойствах личности обвиняемых и ограниченные – при обмене информации об их связях; з) по признаку реализации принципа непрерывности взаимодействия: временные и постоянные (например, оперативно-следственная группа) формы взаимодействия.

Действия, составляющие содержание тех или иных классификаций, могут в ходе расследования уголовных дел сочетаться, например, по признаку одновременности и признаку выполнения различных действий; можно говорить о следственной ситуации, для оптимизации которой одновременно следователь производит допрос, а сотрудник органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, – обыск. Учет предлагаемых классификаций позволит следователю и оперативному работнику в общем плане оптимизировать взаимодействие в той или иной форме, а в частном – более эффективно осуществить подготовку к производству действий, их непосредственное производство, а также фиксацию хода и результатов.

Специфическим является вопрос о взаимодействии и его формах, когда следователь взаимодействует с прокурором. Можно видеть отличия в понимании взаимодействия следователя с прокурором, в отношении которого он находится в процессуальной подчиненности. Авторы, рассматривающие указанное взаимодействие, говорят о формах и способах **оптимизации** взаимодействия, сводя оптимизацию лишь к возвращению прокуратуре прежних полномочий по осуществлению процессуального руководства следствием [73. С. 150–157].

На наш взгляд, с учетом уголовно-процессуального статуса следователя нужно различать «контроль-взаимодействие», проявляющийся во взаимодействии следователя с руководителем следственного органа, и «надзор-взаимодействие», проявляющийся во взаимодействии следователя с прокурором. Разумеется, содержательно «контроль-взаимодействие» богаче «надзора-взаимодействия».

Некоторые авторы, рассуждая о формах взаимодействия, говорят о возможности следователя давать органу дознания поручения и указания. При этом, правильно акцентируя внимание на то, что поручения органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, приобретают форму желаемых для целей расследования уголовного дела результатов [69. С. 90], к сожалению, не уточняют, что собой представляют указания и каков их процессуальный и организационный статус. На наш взгляд, об указании следователя можно говорить в том случае, когда речь идет о поручении органу дознания произвести следственное или иное процессуальное действие, названное в ст. 144 УПКР путем использования указанных следователем конкретных тактических приемов. Кроме того, не меняет сути взаимодействия, строящегося на таком принципе, как административная самостоятельность следствия и дознания, возможность следователя предлагать, исходя из его профессионального опыта, те или иные оперативно-розыскные мероприятия в ходе задействования такой формы взаимодействия, как совместное обсуждение дальнейшего хода работы по уголовному делу.

В рамках разговора о такой форме взаимодействия, как дача поручений, следует оценить предложение некоторых авторов законодательно определить перечень следственных действий, производство которых следователь может поручить органу дознания (к примеру, некоторые авторы ограничивают такие

следственные действия обыском, выемкой, задержанием, допросом потерпевших и свидетелей) [74. С. 137]. Некоторые авторы ограниченный круг следственных действий, которые, по их мнению, допущены выполнять органы дознания по поручению следователя, именуют следственными действиями, «которые связаны с получением ориентирующей информации» [75. С. 149], не объясняя при этом суть таких действий. Вся аргументация сторонников такого взгляда строится на априорном мнении о том, что каждый из следователей опытнее каждого из сотрудников органа дознания. Оценивая данные предложения, необходимо сказать, что они не учитывают, во-первых, возможности, которые дает криминалистическое обеспечение расследования, предлагающее новые подходы к повышению уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной грамотности соответственно оперативных работников и следователей; во-вторых, положения криминалистической ситуалогии; в-третьих, такое принципиальное положение взаимодействия, как его целесообразность.

Необходимо в завершение разговора о формах взаимодействия отметить, что некоторые авторы причисляют формы взаимодействия (совместное планирование, обмен информацией, совместный анализ и т.д.) к условиям взаимодействия, не делая при этом разграничения между формами взаимодействия и его условиями [76. С. 71–76], что, разумеется, затрудняет понимание их точки зрения.

Исходя из проведенного анализа, предлагаем наше определение взаимодействия следователя с оперативными работниками, экспертами, операторами сотовой связи, другими лицами, которое имеет теоретическое и практическое значение при расследовании различных видов уголовных дел, в том числе дел о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей: взаимодействие следователя с иными лицами – это взаимоотношение субъектов, требующее выполнения предусмотренных их правовым статусом взаимообусловленных действий в связи с расследованием преступлений с помощью имеющихся в их распоряжение средств, согласовывая, при необходимости, свои действия в зависимости от конкретных следственных ситуаций.

Предлагаемое определение взаимодействия следователя учитывает наличие вступающих в отношение с ним субъектов, не входящих в число органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М. : Юрид. лит., 1976. 112 с.
2. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск : Высш. шк., 1973. 367 с.
3. Величкин С.А. Тактика допроса // Криминалистика : учеб. / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 529–558.
4. Лавров В.П. Тактика допроса // Криминалистика : учеб. для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2008. С. 393–414.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997. 464 с.
6. Зеленский В.Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений : автореф. дис. …д-ра юрид. наук. М., 1991. 42 с.
7. Комиссаров В.И. Криминалистическая версия, организация и планирование расследования // Криминалистика : учеб. / под ред. Е.П. Ищенко, В.И. Комиссарова. М. : Юристъ, 2007. С. 230–245.
8. Можаева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 54 с.
9. Граник В.В. Основы криминалистического взаимодействия при выявлении и расследовании преступлений, связанных с экономической деятельностью : дис. …канд. юрид. наук. М., 2002. 188 с.
10. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия : справ. пособие. 2-е изд., доп. М. : Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.
11. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 734–744.
12. Яблоков Н.П. Тактика взаимодействия следователей и оперативно-розыскных органов при расследовании // Криминалистика : учеб. / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. С. 403–412.
13. Закатов А.А. Взаимодействие следователя и органов дознания в розыскной деятельности // Криминалистические средства и методы раскрытия преступлений. Волгоград, 1982. С. 32–33.
14. Тишутина И.В. Первоначальный этап раскрытия и расследования бандитизма : дис. …канд. юрид. наук. М., 2003. 245 с.
15. Бурнашев И.А. Взаимодействие следователя с работниками уголовного розыска, специалистами-криминалистами и сотрудниками других служб органов внутренних дел // Криминалистика : учеб. для вузов МВД России. Т. 2: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений / редкол.: Б.П. Смагоринский (отв. ред.), А.Ф. Волынский, А.А. Закатов, А.Г. Филиппов. Волгоград : ВСШ МВД России, 1994. С. 252–263.
16. Ищенко Е.П., Водянова Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности / под ред. Е.П. Ищенко. М. : Юрлитинформ, 2010. 304 с.
17. Шатас М. Некоторые проблемные вопросы взаимодействия прокурора и дознавателя при расследовании преступлений в Литве // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М. : Спарк, 2010. Вып. 2 (34). С. 55–63.
18. Бердичевский Ф.Ю. Взаимодействие органов следствия и дознания как организационная система // Советское государство и право. 1973. № 12. С. 106–110.
19. Гордин А.В. Взаимодействие оперативно-розыскных подразделений и следователя органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений : автореф. дис. …канд. юрид. наук. СПб., 2005. 22 с.
20. Меретуков Г.М. Возникновение и развитие следственно-оперативных групп как формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2002. С. 152–157.
21. Босак Е.Е. Актуальные проблемы организации взаимодействия органов дознания и предварительного следствия при расследовании пенитенциарных преступлений // Закон и право. 2015. № 8. С. 116–118.
22. Зеленский В.Д. Следственная ситуация и организация отдельного расследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 9. С. 89–93.
23. Павлюченко Н.В. К вопросу о понятии и сущности правовой охраны конфиденциального сотрудничества // Современное право. 2009. № 12. С. 127–131.
24. Пархоменко В.И. Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (тактико-криминалистический и организационный аспекты) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.
25. Селиванов Н.А. Взаимодействие следователей и органов милиции // Справочная книга криминалиста. М. : Норма, 2000. С. 201.
26. Пупцева А.В. Основные факторы взаимодействия следователя и органа дознания в ходе расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 659.

27. Эксархопуло А.А. Криминалистика : учеб. СПб., 2009. С. 483–485.
28. Головин А.Ю. Взаимодействие следователя с субъектами расследования преступлений. Использование помощи общественности // Криминалистика : учеб. для студ. вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТА-ДАНА ; Закон и право, 2009. С. 536–556.
29. Котов В.В. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве отдельных следственных действий : автореф. дис… канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 36 с.
30. Скогорева Т.Ф. Основные направления организации взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, способствующего повышению эффективности расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 102–104.
31. Лютинский А.М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденых к лишению свободы. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 7.
32. Москвин Е.О. Тактико-психологические приемы следователя : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 238 с.
33. Чебуренков А.А. Общетеоретические положения и практические аспекты криминалистической тактики. М. : Юрлитинформ, 2008. 240 с.
34. Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 190 с.
35. Баев О.Я. Основы криминалистики : курс лекций. М. : Экзамен, 2001. 288 с.
36. Полстовалов О.В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе : дис. … д-ра юрид. наук. Уфа, 2009. 642 с.
37. Слинько С.В. Сущность, формы и правовые основы взаимодействия следователя с органом дознания : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1991. 26 с.
38. Бастрыкин А.И. Взаимодействие следователя и органа дознания // Криминалистика : учеб. / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. М. : Дело, 2001. С. 83–95.
39. Рощинским Б.В. Сговор как элемент противодействия расследованию и пути его преодоления : автореф. …канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 26 с.
40. Кленов Д.И. Процессуальный порядок использования результатов ОРД в доказывании на досудебных стадиях производства по уголовным делам : дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 235 с.
41. Паутова Т.А. Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 183 с.
42. Галанов В.А. Взаимодействие органов следствия и дознания в процессе расследования уголовно наказуемых нарушений авторских прав в области распространения контрафактной продукции : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 220 с.
43. Зеленский В.Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений : дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 1991. 323 с.
44. Замылин Е.И. О взаимодействии следственных и оперативных аппаратов в условиях активного противодействия расследованию преступлений // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М. : Спарк, 2009. Вып. 3 (31). С. 117–123.
45. Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002. 420 с.
46. Ищенко Е.П. Криминалистика : курс лекций. М. : Аст: Аст Москва: Контакт, 2008. 411 с.
47. Васенин О.Н. Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов при раскрытии и расследовании некоторых видов контрабанды (по материалам Северо-Западного федерального округа России) : дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2003. 177 с.
48. Александров И.В. Налоговое расследование: основы криминалистической методики. М. : Юрлитинформ, 2012. 384 с.
49. Зеленский В.Д. Проблемы организации расследования преступлений. Краснодар : КубГАУ, 1998. 120 с.
50. Шурухнов Н.Г. Криминалистика : учеб. 2-е изд., исправл. и доп. М. : Эксмо, 2008. 720 с.
51. Яблоков Н.П., Князьков А.С. Этапность как метод структурирования предварительного следствия и повышения уровня его организации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2012. № 1. С. 3–18.
52. Гуткин И.М. Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие : учеб. пособие. М. : Юрид. лит., 1973. 119 с.
53. Зеленский В.Д. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Криминалистика : учеб. / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова ; под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. М. : Высш. образование, 2006. С. 93–101.
54. Шматов М.А., Шматов В.М. Конфликтные ситуации в деятельности следственно-оперативных групп // Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии : сб. науч. тр. / под ред. А.П. Резвана. Волгоград : ВА МВД России, 2003. С. 141–146.
55. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика : учеб. / под ред. Е.П. Ищенко. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ» ; ИНФРА-М, 2007. 748 с.
56. Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
57. Аменицкая Н.А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД) : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 201 с.
58. Влезько Д.А. Проблемы организационных функций начальника следственного отделения (отдела) в расследовании : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 166 с.
59. Кривенко А.И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М. : Юрлитинформ, 2008. 240 с.
60. Еремин С.Г. Теоретические и практические проблемы использования специальных бухгалтерских познаний по делам о преступлениях в сфере экономики : дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2007. 550 с.
61. Шебалин А.В. Некоторые проблемы организации взаимодействия следователей органов внутренних дел с операторами связи при расследовании хищений средств сотовой связи // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы ежегод. межрегион. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. Е.Н. Тихонова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 315–318.
62. Яблоков Н.П. Криминалистика. М. : НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2001. 384 с.
63. Алексеев В.П. Форма и содержание систем // Алексеев П.В., Панин А.В. Философия : учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2010. С. 470–473.
64. Герасимов И.Ф. Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания при расследовании особо опасных преступлений : дис. … канд. юрид. наук. М., 1966. 237 с.
65. Данилкин И.А. Взаимодействие следственных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. М. : Юрлитинформ, 2010. 184 с.
66. Берестнев М.А., Головин А.Ю. Методика расследования разбойных нападений на автодорогах. М. : Юрлитинформ, 2012. 192 с.
67. Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 57 с.
68. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004. 992 с.
69. Бастрыкин А.И. Взаимодействие следователя и органа дознания // Криминалистика : учеб. / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. М. : Дело, 2001. С. 83–95.
70. Кучин О.С. Криминалистическая теория и практика выявления и расследования незаконного оборота ценностей. М. : Юрлитинформ, 2011. 272 с.
71. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.

72. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. С. 12.
73. Беляев В.П. Юридическая деятельность органов прокуратуры и следствия: проблемы взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56). С. 150–157.
74. Кривенко А.И. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. М. : Юрлитинформ, 2006. 192 с.
75. Усынин В.М. Процессуальные формы взаимодействия органов предварительного следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 196 с.
76. Байло А.А. Взаимодействие следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при выявлении и расследовании мошенничества в сфере потребительского рынка // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М. : Спарк, 2008. Вып. 3 (27). С. 71–76.

Статья представлена научной редакцией «Право» 30 декабря 2016 г.

COOPERATION AS AN ELEMENT OF ORGANIZATION OF THE INVESTIGATOR'S CRIMINALISTIC ACTIVITIES IN CASES ON DRUG TRAFFICKING USING ELECTRONIC AND INFORMATION TELECOMMUNICATION SYSTEMS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 182–192.
DOI: 10.17223/15617793/415/26

Aleksey S. Knyazkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ask011050@yandex.ru
Aleksandr V. Polgert, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: apolgert@mail.ru

Keywords: organization of investigation; criminalistic cooperation; method of crime; electronic, information and telecommunication systems; drug trafficking.

Increase of the significance of the problem of the investigator's cooperation with other subjects during pre-trial proceedings is objectively caused by the complication of separate types of criminal activities, in particular, introduction and wide use of new methods, such as electronic and telecommunication systems. The use of the mentioned method in the sphere of drug trafficking causes special anxiety. Another factor of the importance of the topic of the investigator's cooperation is the fact that it is predominantly considered as part of their cooperation with the department executing operational search activities. Beyond the scope of this article there are problems of close cooperation of the investigator and subjects who are not part of the law enforcement system. Finally, the main problem is in the complexity of the phenomenon of cooperation. It seems efficient to exercise a complex analysis of the investigator's cooperation during pre-trial proceedings, including in drug trafficking, as an element of preliminary investigation organization. In definitions of cooperation, given without taking into consideration this approach, it is considered as preliminary investigation itself. Determination of essential origins of the investigator's cooperation in respect of his relations with a wide range of subjects, whose aim is not crime investigation, leads to the understanding of the essence of this cooperation as mutual obligations, conditioned by the rule of law, and in case of the investigator's cooperation with citizens by norms of social behavior. This conception allows underlining the necessity to exercise special actions by the investigator and other subjects irrespectively of physiological factors and corporate interests, and finally exercising a more effective legal regulation of cooperative forms. The authors critically assess the point of view according to which concurrence of the investigator's actions with other subjects can be considered as cooperation in the context of investigation organization, and account of forms of cooperation. It allows considering that concurrence over time and place has the same significance as concurrence over purpose. It is impossible to talk about equal significance of law enforcement purpose for the investigator cooperating with a mobile network operator and the production purpose of this operator who has no law enforcement purpose when cooperating with the investigator. Since the essence of cooperation with the mentioned subjects is determined by law, the problem of its reasonability (cost effectiveness, safety, efficiency) cannot be solved by these subjects, as it happens during the cooperation of the investigator and law enforcement authorities. Considering the criminal procedure status of the investigator, it is necessary to distinguish "control-cooperation", which appears during cooperation of the investigator and the head of an investigative agency, and "inspection-cooperation", which appears during cooperation of the investigator and the prosecutor. Moreover, "control-cooperation" is more substantial than "inspection-cooperation".

REFERENCES

1. Dospulov, G.G. (1976) *Psikhologiya doprosa na predvaritel'nom sledstvii* [Psychology of interrogation during the preliminary investigation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
2. Porubov, N.I. (1973) *Dopros v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Interrogation in the Soviet criminal proceedings]. Minsk: Vysshaya shkola.
3. Velichkin, S.A. (2001) Taktika doprosa [Interrogation tactics]. In: Sedova, T.A. & Eksarkhopulo, A.A. (eds) *Kriminalistika* [Criminalistics]. St. Petersburg: Lan'.
4. Lavrov, V.P. (2008) Taktika doprosa [Interrogation tactics]. In: Volynskiy, A.F. & Lavrov, V.P. (eds) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
5. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: v 3 t.* [A course of criminalistics: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Yurist".
6. Zelenskiy, V.D. (1991) *Kriminalisticheskie problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Criminalistic problems of the organization of the investigation of crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
7. Komissarov, V.I. (2007) Kriminalisticheskaya versiya, organizatsiya i planirovanie rassledovaniya [Criminalistic version, organization and planning of investigation]. In: Ishchenko, E.P. & Komissarov, V.I. (eds) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Yurist".
8. Mozhaeva, I.P. (2014) *Kriminalisticheskoe uchenie ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Criminalistic doctrine about the organization of the investigation of crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
9. Granik, V.V. (2002) *Osnovy kriminalisticheskogo vzaimodeystviya pri vyyavlenii i rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s ekonomicheskoy deyatel'nost'yu* [Fundamentals of criminalistic cooperation in the detection and investigation of crimes related to economic activity]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Belkin, R.S. (2000) *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Forensic Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Megatron-XXI.
11. Zelenskiy, V.D. (2015) O ponyatii i soderzhanii organizatsii rassledovaniya prestupleniy [On the concept and content of the organization of the investigation of crimes]. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 9:4. pp. 734–744.

12. Yablokov, N.P. (2005) Taktika vzaimodeystviya sledovateley i operativno-rozysknykh organov pri rassledovanii [The tactics of the interaction of investigators and operative-investigative authorities in the investigation]. In: Yablokov, N.P. (ed.) *Kriminalistika* [Criminalistics]. 3rd ed. Moscow: Yurist".
13. Zakatov, A.A. (1982) Vzaimodeystvie sledovatelya i organov doznaniya v rozysknoy deyatel'nosti [Interaction of the investigator and the inquiry bodies in search activity]. In: *Kriminalisticheskie sredstva i metody raskrytiya prestupleniy* [Criminalistic means and methods of crime detection]. Volgograd: Higher School of Militia, Ministry of Internal Affairs of the USSR.
14. Tishutina, I.V. (2003) *Pervonachal'nyy etap raskrytiya i rassledovaniya banditizma* [Initial stage of disclosing and investigation of gangsterism]. Law Cand. Diss. Moscow.
15. Burnashev, I.A. (1994) Vzaimodeystvie sledovatelya s rabotnikami ugolovnogo rozyska, spetsialistami-kriminalistami i sotrudnikami drugikh sluzhb organov vnutrennikh del [Interaction with the investigator of the Criminal Investigation personnel, forensic experts, and members of other services of internal affairs bodies]. In: Smagorinskiy, B.P. (ed.) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Vol. 2. Volgograd: Higher School of Militia, Ministry of Internal Affairs of the USSR.
16. Ishchenko, E.P. & Vodyanova, N.B. (2010) *Algoritmizatsiya sledstvennoy deyatel'nosti* [Algorithmization of investigative activities]. Moscow: Yurlitinform.
17. Shatas, M. (2010) Nekotorye problemnye voprosy vzaimodeystviya prokurora i doznavatelya pri rassledovanii prestupleniy v Litve [Some problematic issues of cooperation between the prosecutor and the investigator in the investigation of crimes in Lithuania]. *Vestnik kriminalistiki*. 2 (34). pp. 55–63.
18. Berdichevskiy, F.Yu. (1973) Vzaimodeystvie organov sledstviya i doznaniya kak organizatsionnaya sistema [Interaction of investigation and inquiry bodies as an organizational system]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 106–110.
19. Gordin, A.V. (2005) *Vzaimodeystvie operativno-rozysknykh podrazdeleniy i sledovatelya organov vnutrennikh del pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy* [The interaction of operative-search divisions and investigator of internal affairs bodies at disclosing and investigation of crimes]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
20. Meretukov, G.M. (2002) [The emergence and development of investigative teams as a form of interaction between the preliminary investigation and inquiry bodies]. *Aktual'nye problemy kriminalistiki na sovremennom etape* [Topical issues of criminalistics at the present stage]. Proceedings of the all-Russian conference. Krasnodar: Kuban State Agrarian University. pp. 152–157. (In Russian).
21. Bosak, E.E. (2015) Aktual'nye problemy organizatsii vzaimodeystviya organov doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya pri rassledovanii penitentsiarnykh prestupleniy [Topical issues of interaction of bodies of inquiry and preliminary investigation in the investigation of penitentiary crimes]. *Zakon i pravo*. 8. pp. 116–118.
22. Zelenskiy, V.D. (2014) Sledstvennaya situatsiya i organizatsiya otdel'nogo rassledovaniya [The investigation situation and the organization of a separate investigation]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta – IKBFU's Vestnik*. 9. pp. 89–93.
23. Pavlyuchenko, N.V. (2009) K voprosu o ponyatii i sushchnosti pravovoy okhrany konfidentsial'nogo sotrudnichestva [On the concept and scope of the legal protection of confidential cooperation]. *Sovremennoe pravo*. 12. pp. 127–131.
24. Parkhomenko, V.I. (2005) *Vzaimodeystvie sledovateley, operativnykh rabotnikov i spetsialistov pri rassledovanii ugolovnykh del o nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv (taktiko-kriminalisticheskiy i organizatsionnyy aspekty)* [Interaction of investigators, operative staff and specialists in the investigation of criminal cases involving illicit drug and psychotropic substances trafficking (tactical, forensic and organizational aspects)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
25. Selivanov, N.A. (2000) Vzaimodeystvie sledovateley i organov militsii [Interaction of investigators and police authorities]. In: Selivanov, N.A. (ed.) *Spravochnaya kniga kriminalista* [Handbook of a criminalist]. Moscow: Norma.
26. Puptseva, A.V. (2015) Osnovnye faktory vzaimodeystviya sledovatelya i organa doznaniya v khode rassledovaniya prestupleniy [The main factors of interaction of the investigator and the body of inquiry in the investigation of crimes]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2. pp. 659.
27. Eksarkhopulo, A.A. (2009) *Kriminalistika* [Criminalistics]. St. Petersburg.
28. Golovin, A.Yu. (2009) Vzaimodeystvie sledovatelya s sub"ektami rassledovaniya prestupleniy. Ispol'zovanie pomoshchi obshchestvennosti [The interaction of the investigator with the subjects of the investigation of crimes. Use of public aid]. In: Volynskiy, A.F. & Lavrov, V.P. (eds) *Kriminalistika* [Criminalistics]. 2nd ed. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
29. Kotov, V.V. (2007) *Organizatsionnye i takticheskie osnovy vzaimodeystviya sledovatelya i organov doznaniya pri proizvodstve otdel'nykh sledstvennykh deystviy* [The organizational and tactical bases of interaction of bodies of inquiry and the investigator in certain investigative actions]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
30. Skogoreva, T.F. (2015) Osnovnye napravleniya organizatsii vzaimodeystviya sledovatelya s sotrudnikami ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy, sposobstvuyushchego povysheniyu effektivnosti rassledovaniya [The main directions of the organization of interaction of the investigator with the staff of forensic units enhancing the effectiveness of the investigation]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 2 (33). pp. 102–104.
31. Lyutinskiy, A.M. (2008) *Taktika doprosa uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva iz chisla lits, osuzhdenykh k lisheniyu svobody* [The tactics of interrogation of the participants in criminal proceedings from the persons sentenced to imprisonment]. Moscow: Yurlit-inform.
32. Moskvin, E.O. (2003) *Taktiko-psikhologicheskie priemy sledovatelya* [Tactical and psychological techniques of the investigator]. Law Cand. Diss. Voronezh.
33. Cheburenkov, A.A. (2008) *Obshcheteoreticheskie polozheniya i prakticheskie aspekty kriminalisticheskoy taktiki* [General theoretical provisions and practical aspects of criminal tactics]. Moscow: Yurlitinform.
34. Knyaz'kov, A.S. (2012) *Kontseptual'nye polozheniya takticheskogo priema* [Conceptual positions of a tactic]. Tomsk: Tomsk State University.
35. Baev, O.Ya. (2001) *Osnovy kriminalistiki: kurs lektsiy* [Fundamentals of criminalistics: lectures]. Moscow: Ekzamen.
36. Polstovalov, O.V. (2009) P*rotsessual'nye, nravstvennye i psikhologicheskie problemy kriminalisticheskoy taktiki na sovremennom etape* [Procedural, moral and psychological problems of criminalistic tactics at the present stage]. Law Dr. Diss. Ufa.
37. Slin'ko, S.V. (1991) *Sushchnost', formy i pravovye osnovy vzaimodeystviya sledovatelya s organom doznaniya* [The essence, form and legal basis of the investigator's interaction with the body of inquiry]. Abstract of Law Cand. Diss. Kharkov.
38. Bastrykin, A.I. (2001) Vzaimodeystvie sledovatelya i organa doznaniya [Interaction of the investigator and the inquiry body]. In: Krylov, I.F. & Bastrykin, A.I. (eds) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Delo.
39. Roshchinskiy, B.V. (2004) *Sgovor kak element protivodeystviya rassledovaniyu i puti ego preodoleniya* [Collusion as part of counteraction to investigation and ways to overcome it]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
40. Klenov, D.I. (2005) *Protsessual'nyy poryadok ispol'zovaniya rezul'tatov ORD v dokazyvanii na dosudebnykh stadiyakh proizvodstva po ugolovnym delam* [The procedural order of the use of the OSA results in proving at the pre-trial stage of criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Izhevsk.
41. Pautova, T.A. (2005) *Vzaimodeystvie sledovateley organov vnutrennikh del s organami doznaniya pri vozbuzhdenii i rassledovanii ugolovnykh del* [Interaction of investigators of internal affairs bodies with inquiry bodies at the initiation and investigation of criminal cases]. Law Cand. Diss. Tyumen.
42. Galanov, V.A. (2003) *Vzaimodeystvie organov sledstviya i doznaniya v protsesse rassledovaniya ugolovno nakazuemykh narusheniy avtorskikh prav v oblasti rasprostraneniya kontrafaktnoy produktsii* [Interaction of investigation and inquiry bodies in the investigation of criminal copyright infringement in the distribution of counterfeit products]. Law Cand. Diss. Saratov.
43. Zelenskiy, V.D. (1991) *Kriminalisticheskie problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Criminalistic problems of the organization of the investigation of crimes]. Law Dr. Diss. Krasnodar.
44. Zamylin, E.I. (2009) O vzaimodeystvii sledstvennykh i operativnykh apparatov v usloviyakh aktivnogo protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy [On the interaction of the investigative and operative units in the conditions of active counteraction to investigation of crimes]. *Vestnik kriminalistiki*. 3 (31). pp. 117–123.

45. Zemskova, A.V. (2002) *Teoreticheskie osnovy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti pri rassledovanii prestupleniy* [Theoretical bases of using the results of operative and investigative activities in the investigation of crimes]. Law Dr. Diss. Moscow.
46. Ishchenko, E.P. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Criminalistics: a course of lectures]. Moscow: Ast: Ast Moskva: Kontakt.
47. Vasenin, O.N. (2003) *Vzaimodeystvie sledstvennykh i operativno-rozysknykh organov pri raskrytii i rassledovanii nekotorykh vidov kontrabandy (po materialam Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga Rossii)* [Interaction of investigative and operative search bodies at disclosing and investigation of certain types of smuggling (based on the North-Western Federal District of Russia)]. Law Cand. Diss. Kaliningrad.
48. Aleksandrov, I.V. (2012) *Nalogovoe rassledovanie: osnovy kriminalisticheskoy metodiki* [Tax investigation: the basics of criminalistic techniques]. Moscow: Yurlitinform.
49. Zelenskiy, V.D. (1998) *Problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Problems of the organization of the investigation of crimes]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
50. Shurukhnov, N.G. (2008) *Kriminalistika* [Criminalistics]. 2nd ed. Moscow: Eksmo.
51. Yablokov, N.P. & Knyaz'kov A.S. (2012) Etapnost' kak metod strukturirovaniya predvaritel'nogo sledstviya i povysheniya urovnya ego organizatsii [Stages as a method of structuring the preliminary investigation and improving its organization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo*. 1. pp. 3–18.
52. Gutkin, I.M. (1973) *Organy doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya sistemy MVD i ikh vzaimodeystvie* [The bodies of inquiry and preliminary investigation of the Interior Ministry and their interaction]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
53. Zelenskiy, V.D. (2006) Vzaimodeystvie sledovatelya s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost' [The interaction of the investigator with the bodies engaged in the operative-search activities]. In: Ishchenko, E.P. & Filippov, A.G. (eds) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Vyssh. obrazovanie.
54. Shmatov, M.A. & Shmatov, V.M. (2003) Konfliktnye situatsii v deyatel'nosti sledstvenno-operativnykh grupp [Conflict situations in the activities of the investigative and operative groups]. In: Rezvan, A.P. (ed.) *Konflikty i konfliktnye situatsii na predvaritel'nom sledstvii* [Conflicts and conflict situations in the preliminary investigation]. Volgograd: Military Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs.
55. Ishchenko, E.P. & Toporkov, A.A. (2007) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Yuridicheskaya firma "KONTRAKT": INFRA-M.
56. Knyaz'kov, A.S. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Criminalistics: lectures]. Tomsk: TML-Press.
57. Amenitskaya, N.A. (2006) *Vzaimodeystvie sledovatelya i organov, osushchestvlyayushchikh operativno-razysknuyu deyatel'nost', v raskrytii i rassledovanii prestupleniy (v OVD)* [Interaction of the investigator and agencies engaged in the operative-search activities, detection and investigation of crimes (in internal affairs bodies)]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
58. Vlez'ko, D.A. (2002) *Problemy organizatsionnykh funktsiy nachal'nika sledstvennogo otdeleniya (otdela) v rassledovanii* [Problems of organizational functions of the head of the investigation department (division) in the investigation]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
59. Krivenko, A.I. (2008) *Teoriya i praktika vzaimodeystviya sledovatelya s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost'* [Theory and practice of the investigator's interaction with the bodies carrying out operative-search activities]. Moscow: Yurlitinform.
60. Eremin, S.G. (2007) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy ispol'zovaniya spetsial'nykh bukhgalterskikh poznaniy po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomiki* [Theoretical and practical problems of the use of special accounting knowledge in cases of crimes in the sphere of economics]. Law Dr. Diss. Volgograd.
61. Shebalin, A.V. (2008) [Some problems of organization of interaction of investigators of bodies of internal affairs with telecommunication operators in the investigation of cellular communication devices embezzlement]. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae* [Criminal procedure and criminalistic readings in the Altai]. Proceedings of the annual inter-regional conference iin memory of Professor E.N. Tikhonov. Barnaul: Altai State University. pp. 315–318. (In Russian).
62. Yablokov, N.P. (2001) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: NORMA; NORMA–INFRA-M.
63. Alekseev, V.P. (2010) Forma i soderzhanie sistem [The form and content of systems]. In: Alekseev, P.V. & Panin, A.V. (2010) *Filosofiya* [Philosophy]. 4th ed. Moscow: Prospekt.
64. Gerasimov, I.F. (1966) *Vzaimodeystvie organov predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya pri rassledovanii osobo opasnykh prestupleniy* [The interaction of the preliminary investigation and inquiry bodies in the investigation of especially grave crimes]. Law Cand. Diss. Moscow.
65. Danilkin, I.A. (2010) *Vzaimodeystvie sledstvennykh i ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy organov vnutrennikh del* [Interaction of investigative and forensic units of internal affairs bodies]. Moscow: Yurlit-inform.
66. Berestnev, M.A. & Golovin, A.Yu. (2012) *Metodika rassledovaniya razboynykh napadeniy na avtodorogakh* [Methods of investigation of robberies on the roads]. Moscow: Yurlitinform.
67. Golovin, A.Yu. (2003) *Teoreticheskie osnovy i aktual'nye problemy kriminalisticheskoy sistematiki na sovremennom etape razvitiya kriminalistiki* [Theoretical foundations and challenges of criminalistic systematics at the present stage of criminalistics development]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
68. Aver'yanova, T.V. et al. (2004) *Kriminalistika* [Criminalistics]. 2nd ed. Moscow: Norma.
69. Bastrykin, A.I. (2001) Vzaimodeystvie sledovatelya i organa doznaniya [Interaction of the investigator and the inquiry body]. In: Krylov, I.F. & Bastrykin, A.I. (eds) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Delo.
70. Kuchin, O.S. (2011) *Kriminalisticheskaya teoriya i praktika vyyavleniya i rassledovaniya nezakonnogo oborota tsennostey* [Criminalistic theory and practice of detection and investigation of illicit valuables trafficking]. Moscow: Yurlitinform.
71. Knyaz'kov, A.S. (2013) *Analiticheskie taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Analytical tactical and criminalistic tools of pre-trial proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
72. Knyaz'kov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical and criminalistic tools of pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
73. Belyaev, V.P. (2015) Yuridicheskaya deyatel'nost' organov prokuratury i sledstviya: problemy vzaimodeystviya [Legal activities of the prosecution and investigation: problems of interaction]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava.* 7 (56). pp. 150–157.
74. Krivenko, A.I. (2006) *Vzaimodeystvie sledovatelya i organov, osushchestvlyayushchikh operativno-rozysknuyu deyatel'nost'* [Interaction of the investigator and agencies engaged in the operative-search activities]. Moscow: Yurlitinform.
75. Usynin, V.M. (2005) *Protsessual'nye formy vzaimodeystviya organov predvaritel'nogo sledstviya i organov, osushchestvlyayushchikh operativno-rozysknuyu deyatel'nost', po ugolovnym delam na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa* [Procedural forms of interaction between the preliminary investigation bodies and operative-search activity bodies in criminal cases in the pretrial stages of the criminal procedure]. Law Cand. Diss. Izhevsk.
76. Baylo, A.A. (2008) Vzaimodeystvie sledovatelya i organa, osushchestvlyayushchego operativno-rozysknuyu deyatel'nost', pri vyyavlenii i rassledovanii moshennichestva v sfere potrebitel'skogo rynka [nteraction of the investigator and the authority conducting operative-investigative activities, the detection and investigation of fraud in the sphere of the consumer market]. *Vestnik kriminalistiki.* 3 (27). pp. 71–76.

Received: 30 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 193–199. DOI: 10.17223/15617793/415/27

УДК 349.6

В.Г. Мельникова, Е.М. Суранова

О ФОРМАХ И ПОРЯДКЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Рассматриваются особенности натуральной и денежной форм возмещения вреда окружающей среде, судебная практика. Делается вывод о необходимости обеспечения надлежащего контроля за ходом и качеством проводимых восстановительных работ (для натуральной формы), а также установления императивной нормы о целевом использовании взысканных денежных средств на мероприятия по восстановлению нарушенного природного баланса (для денежной формы). Выбор конкретной формы должен обусловливаться исключительно анализом конкретных обстоятельств по делу.

Ключевые слова: окружающая среда; экологический вред; убытки; возмещение вреда; иск.

Совершенствование механизма возмещения вреда, причиненного окружающей среде, безусловно, относится к числу первоочередных задач в сфере обеспечения экологической безопасности страны. В этой связи немалую теоретическую и практическую значимость имеет вопрос о форме возмещения экологического ущерба – денежной или натуральной.

Закон об охране окружающей среды содержит два правила определения размера возмещения вреда окружающей среде – приоритет отдается таксам и методикам (п. 3 ст. 77) или фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды (ч. 2 ст. 78) [1]. По мнению Пленума Верховного Суда, размер возмещения вреда окружающей среде в денежном исчислении определяется в соответствии с подлежащими обязательному применению таксами или методиками исчисления размера вреда, утвержденными органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды. В случае их отсутствия размер вреда определяется исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды [2. П. 37].

При выборе денежной формы компенсации экологического вреда определенную сложность представляют собой правильный выбор методик или такс при отсутствии какой-либо их систематизации, а также необходимость строгого соблюдения устанавливаемых ими процедур. К примеру, суды указывают на такие нарушения, как отбор проб опасными способами [3], составление протокола о лесонарушении в одностороннем порядке [4], отсутствие указаний на точную площадь загрязнения акватории водного объекта, непроведение инструментальных замеров [5], то, что не указаны породы срубленных деревьев и диаметр их стволов [6] и т.д.

Особое внимание также следует уделить доказыванию обстоятельств, обосновывающих размер взыскиваемых денежных средств [7. С. 95]. Хотя, как представляется, в силу последних изменений в гражданском законодательстве число отказов судебными органами в удовлетворении исков о возмещении экологического вреда в виду недоказанности размера причиненных убытков уменьшится. Так, в соответствии со ст. 393 Гражданского кодекса Российской Федерации размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Однако суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, например по договору аренды лесного участка, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства [8]. Кроме того, толкование указанного положения, данное в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», распространило его действие и на случаи внедоговорного причинения вреда. Так, в п. 12 Постановления указано, что по смыслу п. 1 ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. Вместе с тем определение размера убытков в такой ситуации будет представлять для судов довольно сложную задачу.

Нельзя не отметить, что существующий подход к определению размера экологического вреда имеет ряд недостатков, к которым, в частности, можно отнести отсутствие полного перечня основных параметров оценки вреда, что не позволяет учесть косвенный экологический вред [9], а также неполный учет способности окружающей среды к самовосстановлению [10]. В связи с этим представляется необходимым совершенствование механизма определения размера вреда окружающей среде.

Так, проблему, связанную с отсутствием некоторых методик расчета объема вреда, что нередко становится основанием для необоснованного отказа в удовлетворении исковых требований, С.В. Архипкин предлагает решать путем разработки методик расчета возмещения вреда по всем компонентам окружающей среды [11. С. 56], а правоприменитель на уровне регионов, в свою очередь, уже принимает меры по реализации данного предложения и утверждает свои методики [12]. Вместе с тем следует иметь в виду, что на сегодняшний день в большинстве случаев методики и таксы, утвержденные органами государственной власти субъектов Федерации или органами местного самоуправления, признаются не подлежащими применению в связи с их принятием за пределами компетенции данных ведомств, в том числе в случае отсутствия соответствующих методик или такс на федеральном уровне. Так, решением Верховного Суда

Российской Федерации признана недействующей Методика расчета вреда, причиненного в результате загрязнения атмосферного воздуха, утвержденная Постановлением коллегии Администрации Кемеровской области от 26 апреля 2007 г. № 105 [13].

Некоторые авторы, учитывая названные недостатки, напротив, считают более рациональным использовать принципиально новые подходы, а не совершенствовать уже имеющиеся.

Например, В.Н. Гузенко обосновывает необходимость имущественной оценки всех природных ресурсов России, поскольку это «позволит установить единые величины компенсационных платежей, взыскиваемых за вред, причиненный в процессе хозяйственной деятельности» [14. С. 7]. Представляется, что практическая реализация данного предложения в масштабах всей страны потребует несоразмерно больших финансовых затрат, однако проведение в отдельных субъектах Федерации такой оценки в рамках социально-правового эксперимента представляется возможным.

Другая форма возмещения экологического вреда – натуральная – предполагает возложение на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств согласно проекту рекультивационных или иных восстановительных работ.

Однако нужно иметь в виду, что согласно преобладающему подходу в правоприменительной практике само по себе отсутствие индивидуального проекта восстановительных работ не является основанием для отказа в удовлетворении исковых требований о возмещении экологического вреда в натуральной форме, поскольку работы могут быть начаты и проведены в соответствии с типовым проектом при соблюдении некоторых условий. Так, суд указал, что работы по рекультивации загрязненного участка могут быть проведены в соответствии с типовым проектом, если такой проект: 1) является нормативным актом, обязательным для исполнения; 2) содержит мероприятия по рекультивации; 3) предписывает установить сроки исполнения этих мероприятий с учетом степени загрязнения грунта [15].

Рассматривая основные особенности существующих форм возмещения вреда, причиненного окружающей среде, нельзя оставить без внимания вопрос об их соотношении, или иначе – о приоритете денежной или натуральной формы.

Действующим законодательством не установлен приоритет той или иной формы возмещения экологического ущерба [16], а анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что фактически в настоящее время выбор способа возмещения вреда принадлежит истцу [17].

Тем не менее нельзя утверждать, что выбор формы возмещения вреда полностью зависит от усмотрения контролирующего органа или прокурора, обращающихся в суд с иском, поскольку способ защиты должен соответствовать допущенным нарушениям. Должны быть оценены и приняты во внимание объективная возможность восстановления окружающей среды, возможность устранения допущенных нарушений и проведения необходимых работ в течение разумного срока [1], сложность предстоящих природовосстановительных мероприятий, а также уже принятые ответчиком меры по восстановлению природного баланса.

Примечательно, что последнее обстоятельство нередко становится причиной отказа в удовлетворении заявленных требований. К примеру, прокурор Республики Башкортостан обратился в суд с иском к акционерному обществу о возмещении вреда, причиненного земельному участку в результате утечки нефти из нефтепровода. Решением суда первой инстанции иск был удовлетворен, однако суд апелляционной инстанции это решение отменил и отказал в иске со ссылкой на то, что ответчиком фактически проводятся работы по устранению причиненного ущерба. Суд кассационной инстанции оставил решение апелляции в силе [18].

Вместе с тем в отношении отдельных компонентов природной среды на сегодняшний день складывается противоположный подход – принятые ответчиком меры не принимаются во внимание.

Так, Управление Россельхознадзора обратилось к обществу с ограниченной ответственностью «Б.» с иском о возмещении вреда, причиненного окружающей среде нарушением земельного законодательства (самовольное снятие и перемещение верхнего слоя почвы), в сумме 2 800 000 руб., а также об обязании ответчика восстановить нарушенное состояние природы путем рекультивации участка. Решением суда первой инстанции требование было удовлетворено лишь в части возложения на ответчика обязанности провести рекультивацию. Апелляционный суд и суд округа оставили это решение без изменения, указав, что требование в части взыскания 2 800 000 руб. не обоснованно, поскольку ответчик выполнил обязанность по возмещению вреда окружающей среде путем осуществления за свой счет работ по рекультивации, т.е. в натуральной форме. В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации отменил решения нижестоящих судов и, удовлетворяя иск в полном объеме, указал, что «действия ответчика по рекультивации были направлены исключительно на восстановление вреда земельному участку как объекту гражданских прав, но не как объекту окружающей среды. В свою очередь, возмещение вреда природе предполагает учет не только затрат на восстановление нарушенной природной среды, но и экологические потери, которые являются невосполнимыми или трудновосполнимыми» [19].

Позже Конституционный Суд, проверяя на предмет соответствия Конституции Российской Федерации ст. 99 и 100 Лесного Кодекса Российской Федерации [20], указал на допустимость аналогичного подхода и в отношении леса (интересно заметить, что проверяемые нормы были признаны неконституционными лишь в той части, в какой они – в силу неопределенности правового содержания – порождали их неоднозначное истолкование и применение, при этом на период до внесения соответствующих изменений в законодательство затраты ответчика на ликвидацию допущенного экологического нарушения предложено учитывать лишь при определенных условиях). Представляет интерес дальнейшее развитие судебной практики по этому вопросу, учитывая, что с 1 марта 2017 г. учет затрат по устранению экологического вреда, понесенных лицом, причинившим соответствующий вред, обязателен в силу законодательного указания [21].

Таким образом, сформулировать универсальный, однозначный вывод о приоритете натуральной или денежной формы возмещения экологического вреда невозможно, поскольку в каждом конкретном случае должен быть принят во внимание целый ряд обстоятельств. Так, с одной стороны, традиционный для эколого-правовой литературы тезис о приоритете натуральной формы (такая же идея отражена, например, в законопроекте, подготовленном Министерством экономического развития России [22]) вызван, по всей видимости, неэффективным использованием со стороны государства тех средств, которые были взысканы с ответчика. Ряд авторов приводят и другие аргументы в пользу выбора в качестве приоритетной натуральной формы возмещения вреда, в частности, что стоимость восстановительных мер может значительно превышать размер вреда, исчисленный с применением такс и методик [10], возможность занижения органами надзора размера причиненного природным объектам вреда [23], в частности с целью снять с себя бремя доказывания некоторых юридически значимых обстоятельств по делу.

При этом один из распространенных аргументов в пользу приоритета денежной формы, согласно которому натуральная форма восполнения причиненного вреда предполагает более длительный период восстановления различных компонентов окружающей среды [24], представляется спорным постольку, поскольку длительность восстановления природного баланса обусловлена не выбранной формой возмещения вреда, а естественными свойствами природы.

При этом важно иметь в виду, что какая бы форма возмещения вреда с учетом конкретных обстоятельств по делу не была бы выбрана, главное заключается в том, чтобы этот выбор соответствовал основной цели имущественной ответственности в сфере охраны окружающей среды – обеспечение как можно более полного восстановления состояния окружающей среды, максимально приближенного к существовавшему до нарушения, в наиболее короткие сроки и при минимальных издержках.

Так, для эффективного функционирования института возмещения вреда при использовании натуральной формы необходимо обеспечить осуществление надлежащего контроля (надзора) за ходом и качеством проводимых ответчиком или привлеченными им лицами восстановительных работ. В целом, не давая оценку отдельным законодательным положениям, следует отметить, что такой контроль (надзор) предусмотрен действующим законодательством и осуществляется на практике.

В свою очередь, при выборе денежной формы реализация указанной выше цели может быть достигнута лишь при условии строго целевого использования взысканных денежных средств на мероприятия по восстановлению нарушенного природного баланса. А в этой сфере существует серьезный пробел в законодательстве. Отсутствие соответствующего законодательного регулирования препятствует установлению практики стабильного и полного финансирования природовосстановительных и природоохранных мероприятий. Это приводит к утрате компенсационной функции института возмещения вреда при использовании денежной формы, так как органы контроля и надзора в природоохранной сфере не имеют соответствующих полномочий и действенных рычагов влияния при принятии решений о направлениях расходования взысканных денежных средств. Так, например, в прокуратурах районного звена распространена практика направления распорядителям бюджетных средств информационных писем с рекомендациями о направлении сумм, полученных по искам о возмещении вреда окружающей среде, на финансирование природоохранных мероприятий. Безусловно, назвать такую практику эффективной нельзя, поскольку соответствующие письма не обязательны для исполнения их адресатами.

При таком положении дел нельзя не согласиться с тем, что само по себе удовлетворение судом исковых требований о взыскании денежных средств и дальнейшее исполнение судебного акта не являются окончательными критериями эффективности применения ответственности в экологической сфере [25].

Следовательно, представляется необходимым закрепление в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» императивного законодательного требования о целевом использовании взысканных денежных средств по искам о возмещении вреда окружающей среде. Инструментом практической реализации данного предложения может стать внесение соответствующих изменений в бюджетный процесс либо формирование механизма аккумулирования средств для их целевого расходования в виде экологического фонда (однако, с учетом имеющегося у нашей страны негативного опыта [26], первый вариант представляется более предпочтительным).

Вместе с тем, имея в виду безусловную близость институтов гражданско-правовой ответственности и имущественной ответственности в сфере охраны окружающей среды, остается актуальным вопрос о правовой природе последней. Основанием для наделения органов государственной власти, органов местного самоуправления и бюджетов соответствующих уровней предъявлять иски о возмещении вреда окружающей среде и получать соответствующее возмещение является публично-правовая природа ответственности за причинение вреда окружающей среде. Как отмечает М.М. Бринчук, «интерес к сохранению благоприятной окружающей среды относится к публичным интересам, подлежащим приоритетной правовой защите. Нарушение этого публичного интереса не может быть предметом и основанием гражданской ответственности» [27. С. 17]. Данный вывод соответствует положениям действующего законодательства. Так, в нормативных правовых актах земля, водные объекты, недра, животный мир рассматриваются как важнейшие компоненты окружающей среды, с одной стороны, и как объекты права собственности или объекты иных, носящих имущественный характер, субъективных гражданских прав – с другой. Такой подход предполагает признание наряду с публичным интересом и личным неимущественным правом каждого на благоприятную окружающую среду, имущественных прав на природный объект за его собственником или иным правообладателем.

Следовательно, в случае причинения вреда природному объекту одновременно затрагиваются права

и интересы нескольких субъектов: общества в целом; тех лиц, чье право на благоприятную окружающую среду было нарушено; обладателей имущественных прав на природный объект. Это, в свою очередь, позволяет установить, кто должен являться выгодоприобретателем по иску в конкретном деле.

Однако указанный подход не всегда реализуется. Так, Конституционный Суд Российской Федерации указал: «Зачастую вред, причиненный окружающей среде, трудновосполним или невосполним вовсе… Поэтому денежные средства в возмещение вреда, причиненного лесам, государство как публичный собственник вправе направлять не на восстановление конкретного участка леса, а в бюджет в качестве компенсации за причинение вреда его имуществу» [20]. Конституционный Суд Российской Федерации, в отсутствие законодательного положения о строго целевом использовании взысканных денежных средств по искам экологической направленности, фактически рассматривает лес не столько как природный объект, а скорее как объект права собственности.

Суды и арбитражные суды также допускают подобное толкование рассматриваемой ответственности. Например, в соответствии с бюджетным законодательством (ч. 2 п. 6 ст. 46 БК РФ) с 1 января 2008 г. суммы по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, подлежат зачислению в бюджеты муниципальных районов или городских округов по месту причинения вреда по нормативу 100%, т.е. по месту проживания тех лиц, право на благоприятную окружающую среду которых было непосредственно нарушено. Однако на сегодняшний день распространена практика взыскания соответствующих сумм либо в пользу Российской Федерации или регионов, если указанные публично-правовые образования являются собственниками природного объекта, либо в пользу так называемого процессуального истца.

Так, Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры обратилась в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью «РН-Юганскнефтегаз» о взыскании вреда, причиненного лесам в результате разлития нефти, в размере 3 144 960 руб. в доход федерального бюджета. Решением арбитражного суда от 18 сентября 2015 г. исковые требования удовлетворены в полном объеме. Арбитражный апелляционный суд оставил данное решение без изменения [28]. Подобные решения, принятые по искам прокуроров и контрольных ведомств, имеют место по отношению к таким природным объектам, как недра (Самарская область [29]), водные объекты и водные биологические ресурсы (Астраханская и Сахалинская области [30]), животный мир (Брянская область [31]), лес (Хабаровский край [32]) и т.п.

Кроме того, при рассмотрении таких споров, как правило, не принимается во внимание тот вред, который был причинен частному лицу – правообладателю природного объекта [33]. За такими лицами, в частности, за редким исключением, не признается право требовать возмещения причиненного им в результате экологического правонарушения вреда, особенно если подобные требования были заявлены ими уже после вынесения решения о возмещении вреда, причиненного этому же природному объекту, по требованию контролирующего или надзорного органа. Вместе с тем взыскание убытков в пользу публично-правового образования не освобождает природопользователя от необходимости выполнения восстановительных мероприятий, которые он, при таком положении дел, фактически должен осуществить за свой счет.

Для решения указанных проблем следует теоретически разработать и распространить закрепленный законодателем принцип многоаспектности значения природных объектов на сферу ответственности за причиненный им вред, и, таким образом, провести разграничение между гражданско-правовой и экологической ответственностью как самостоятельными видами.

При этом, как представляется, о самостоятельном характере последней свидетельствует, в частности, недопустимость прямого или завуалированного прощения долга ответчику в виде занижения природоохранными органами размера вреда, причиненного окружающей среде. Таким образом, особый, публично-правовой характер имущественной ответственности в сфере экологии обусловливают возможность обременения истца по искам о возмещении экологического ущерба обязанностью использовать полученные денежные средства строго на природовосстановительные мероприятия.

Так, при обращении в суд с иском о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, прокурор, контролирующий орган или иное лицо осуществляют защиту публичного интереса – интереса общества в сохранении и восстановлении нормального состояния окружающей среды. Полученные по таким искам суммы должны иметь строго целевой характер, поскольку установленный публично-правовой интерес исключает действие иных мотивов. Иными словами, денежные средства должны быть направлены на восстановление конкретного природного объекта, а при невозможности или затруднительности этого – использоваться для иных экологических целей, напрямую связанных с тем публичным интересом, на защиту которого иск был направлен.

К сожалению, на сегодняшний день законодатель, по всей видимости, рассматривает требования о возмещении вреда окружающей среде в качестве сугубо гражданско-правовых и распространяет на соответствующие отношения принципы частного права. В связи с этим положение федерального закона «Об охране окружающей среды» об учете упущенной выгоды при определении размера вреда, причиненного окружающей среде, вызывает вопросы. Ведь говорить об упущенной выгоде можно лишь в рамках гражданско-правовой ответственности (например, собственник земельного участка не получил арендной платы за время выполнения рекультивационных работ), но не экологической. В свою очередь, упущенной выгоды в эколого-правовом аспекте, как представляется, не существует, даже так называемый косвенный экологический ущерб, ущерб от потери прироста или снижения почвозащитных свойств леса все же следует относить к реальному ущербу.

Вместе с тем рассмотрение механизма возмещения вреда, причиненного публичным экологическим интересам, в рамках особого вида юридической ответ-

ственности не должно исключать прав собственника или иных правообладателей природного объекта требовать возмещения причиненного им вреда в соответствии с положениями гражданского законодательства. Такой вред, причиненный природному объекту как объекту гражданских прав, может быть выражен, например, в убытках, понесенных в связи с необходимостью приостановления хозяйственной деятельности на время проведения восстановительных мероприятий. Кроме того, не исключается возможность возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу конкретного гражданина в результате экологического правонарушения при условии доказанности всех необходимых обстоятельств по делу.

Такой подход применяется и в зарубежной практике. Так, Закон США «О всеобъемлющих мерах по защите окружающей среды, компенсации ущерба и ответственности» устанавливает, что суммы в счет возмещения вреда, причиненного окружающей среде, не могут быть присуждены по искам и государства, и частных лиц, пострадавших от загрязнения, – приоритет отдается государственным органам, поскольку выплачиваемая им компенсация имеет строго целевой характер (финансирование природоохранных мероприятий). Вместе с тем запрет двойного взыскания не касается так называемых коммерческих убытков, которые могут быть возмещены любому лицу при условии доказанности причинно-следственной связи между причинением экологического вреда и понесенными в результате этого убытками, отличными по своему содержанию от ущерба, наносимого сообществу в целом. Такие убытки могут быть связаны, например, с невозможностью использования водоема для рыболовства до восстановления рыбных запасов или уменьшением привлекательности местоположения гостиницы ввиду близости к загрязненному участку [34. С. 43].

Итак, в современных условиях с эколого-правовой точки зрения натуральная форма возмещения вреда, причиненного окружающей среде, должна обладать приоритетом по сравнению с денежной формой, поскольку именно она дает высокую гарантию реализации основной, конечной цели экологической ответственности – наиболее полное восстановление природного баланса. В случае же реализации предложения об установлении законодательного императивного требования о целевом использовании взысканных денежных средств по искам экологической направленности эколого-правовому критерию эффективности будет отвечать и та и иная форма возмещения вреда. Соответственно, при таком подходе выбор той или иной формы будет обусловлен глубокой и качественной оценкой всех имеющихся обстоятельств по делу, что позволит наиболее эффективным способом обеспечивать восстановление природного баланса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ : в ред. от 03.07.2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. от 26.05.2015) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Решение Первомайского районного суда г. Омска от 15 мая 2012 г. по делу № 2-835/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 23 ноября 2012 г. по делу № А13-16774/2011 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26 июня 2012 г. № Ф03-2023/2012 по делу № А59-6083/2008 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 2 июля 2010 г. по делу № А75-1455/2010 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Омельянюк Г.Г., Михалева Н.В. Правоприменительная практика рассмотрения споров о возмещении ущерба, причиненного экологическими правонарушениями // Имущественные отношения в РФ. 2012. № 2 (125).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : в ред. от 8 марта 2015 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Юридическая ответственность за экологические правонарушения / отв. ред. О.Л. Дубовик. М. : ИГИП РАН, 2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Некрасов А. Как оценить экологический вред? // ЭЖ-Юрист. 2013. № 44.
11. Архипкин С.В. Правовые основы возмещения экологического вреда жизни и здоровью человека и окружающей среде // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. Оренбург, 2013. Вып. 17.
12. Об утверждении Порядка определения ущерба, причиненного нарушением правил обращения с объектами животного и растительного мира, занесенными в Красную книгу города Москвы: Постановление Правительства г. Москвы от 8 апреля 2003 г. № 228-ПП: в ред. от 28 августа 2012 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2010 г. по делу № 81-Г10-8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Гузенко В.Н. Возмещение убытков, причиненных природным ресурсам как мера гражданской ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.
15. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14 октября 2010 г. по делу № А75-13331/2009 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Постановление ФАС Центрального округа от 13 декабря 2013 г. по делу № А68-10861/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25 октября 2010 г. по делу № А32-20027/2009 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Постановление ФАС Уральского округа от 13 ноября 2002 г. № Ф09-2779/02-ГК // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Определение Верховного Суда РФ от 3 июня 2015 г. по делу № А54-503/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений Постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой ООО «Заполярнефть»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 12-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования лесных отношений: Федер. закон от 23 июня 2016 № 218-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов возмещения вреда окружающей среде и ликвидации прошлого экологического ущерба». URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/ria/anounce/201410027 (дата обращения: 03.09.2016).
23. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании: приказ Генерального прокурора РФ от 1 апреля 2014 г. № 165 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 25 февраля 2014 г. по делу № А45-17577/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Нарышева Н.Г. Правовые проблемы возмещения вреда окружающей среде в научных исследованиях кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // Экологическое право. 2012. № 4.
26. О Федеральном экологическом фонде Российской Федерации и экологических фондах на территории Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29 июня 1992 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
27. Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? // Экологическое право. 2009. № 2/3.
28. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2016 г. по делу № А75-4973/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
29. Решение мирового судьи Кинельского района Самарской области от 23 марта 2015 г. по делу № 2-150/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
30. Решение мирового судьи Камызякского района Астраханской области от 12 мая 2014 г. по делу № 2-143/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
31. Решение мирового судьи Брянского судебного района Брянской области от 30 апреля 2014 г. по делу № 2-162/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
32. Решение мирового судьи Солнечного района Хабаровского края от 31 июля 2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
33. Постановление ФАС Московского округа от 12 августа 2013 г. по делу № А40-14735/12-120-136 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
34. Сравнительно-правовое исследование института ответственности за причинение вреда окружающей среде в российском и зарубежных правопорядках: заключение Автономной некоммерческой неправительственной организации «Институт права и публичной политики». М., 2014.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 декабря 2016 г.

ON FORMS AND PROCEDURE FOR COMPENSATION OF HARM CAUSED TO THE ENVIRONMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 193–199.
DOI: 10.17223/15617793/415/27

Valentina G. Melnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: walmel@mail.ru
Evgenia M. Suranova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evg-suranova@yandex.ru

Keywords: environment; environmental damage; losses; damages; claim.

The subject of the study is the laws on forms and procedure for compensation of harm to the environment, as well as its application in practice. On the basis of the theoretical provisions, legislation and court practice, the authors aim to suggest directions of improvement of legislation and law enforcement practice in the sphere of property liability for harm to the environment. A systemic approach using formal-logical, comparative-legal methods is used in the research. The authors conclude that the applicable laws do not explicitly set the priority of the monetary or natural forms of reparation of environmental damage, in fact the choice of the method remains with the plaintiff. The court assesses the objective possibility of the restoration of the environment, the ability to eliminate the irregularities and carry out the necessary works within a reasonable period of time, the complexity of upcoming restoration events, as well as measures the defendant has already taken to restore the natural balance. At present, there is no uniform approach to the issue of the costs already incurred for remediation. The choice of the form of compensation must ensure the most complete recovery of the environmental condition as close to pre-violation in the shortest time possible and with minimum costs. For effective redress in a natural form it is necessary to ensure adequate oversight (supervision) of the progress and quality of the defendant's restoration work. When selecting the monetary form, the realization of this goal can be achieved by a strictly targeted use of the collected funds. The absence of such a mechanism now leads to a loss of the compensation functions of the institute of compensation of harm if the monetary form is used. It seems necessary to adopt mandatory rules to target the use of recovered funds for claims on compensation of harm to the environment. Liability for environmental harm is based on public interest. Along with public interest and personal non-property right of everyone to favorable environment, it is necessary to recognize the possibility of causing damage to the owner or another right holder in respect of an object of nature. It is proposed to expand the principle of the multifaceted value of nature, fixed by the legislator, to responsibility for damages caused to them, and, thus, to distinguish between civil law and ecological responsibilities as independent species. In current conditions, from the ecological and legal point of view, a natural form of reparation should have priority compared to the monetary form. In case of the establishment of mandatory rules to target the use of recovered funds for environmental claims, both forms will meet the performance criteria. Selection will be based on the assessment of all the circumstances of the case, which will allow the most effective way to restore natural balance.

REFERENCES

1. Konsul'tantPlyus. (2002) *Ob okhrane okruzhayushchey sredy: Feder. zakon ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ: v red. ot 03.07.2016* [On Environmental Protection: Federal Law 7-FZ of 10 January 2002 as amended on 03 July 2016].
2. Konsul'tantPlyus. (2015) *O primenenii sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za narusheniya v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy i prirodopol'zovaniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 18 oktyabrya 2012 g. № 21 (red. ot 26.05.2015)* [On the application of liability legislation by the courts for violations in the field of environmental protection of and use of nature: Resolution 21 of the Plenum of the Supreme Court on October 18, 2012 (as amended on 26.05.2015)].
3. Konsul'tantPlyus. (2012) *Reshenie Pervomayskogo rayonnogo suda g. Omska ot 15 maya 2012 g. po delu № 2-835/2012* [The decision of the Pervomaisky district court in Omsk on 15 May 2012 on Case 2-835/2012].
4. Konsul'tantPlyus. (2012) *Postanovlenie FAS Severo-Zapadnogo okruga ot 23 noyabrya 2012 g. po delu № A13-16774/2011* [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of Northwestern District of 23 November 2012 on Case A13-16774/2011].
5. Konsul'tantPlyus. (2012) *Postanovlenie FAS Dal'nevostochnogo okruga ot 26 iyunya 2012 g. № F03-2023/2012 po delu № A59-6083/2008* [Resolution F03-2023/2012 of the Federal Antimonopoly Service of Far Eastern District on June 26, 2012 on Case A59-6083/2008].
6. Konsul'tantPlyus. (2010) *Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 2 iyulya 2010 g. po delu № A75-1455/2010* [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District on July 2, 2010, on Case A75-1455/2010].

7. Omel'yanyuk, G.G. & Mikhaleva, N.V. (2012) Pravoprimenitel'naya praktika rassmotreniya sporov o vozmeshchenii ushcherba, prichinennogo ekologicheskimi pravonarusheniyami [Law enforcement practice of consideration of disputes on compensation of damage caused by environmental violations]. *Imushchestvennye otnosheniya v RF*. 2 (125).
8. Konsul'tantPlyus. (2015) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya): Feder. zakon ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ: v red. ot 8 marta 2015 g.* [The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law 51-FZ of November 30, 1994, as amended on March 8, 2015].
9. Dubovik, O.L. (ed.) (2012) *Yuridicheskaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya* [Legal liability for environmental violations]. Moscow: IGIP RAN.
10. Nekrasov, A. (2013) Kak otsenit' ekologicheskiy vred? [How to assess the environmental damage?]. *EZh-Yurist*. 44.
11. Arkhipkin, S.V. (2013) Pravovye osnovy vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda zhizni i zdorov'yu cheloveka i okruzhayushchey srede [Legal basis for remedying environmental damage to human life and health in the environment]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) MGYuA*. 17.
12. Konsul'tantPlyus. (2012) Ob utverzhdenii Poryadka opredeleniya ushcherba, prichinennogo narusheniem pravil obrashcheniya s ob"ektami zhivotnogo i rastitel'nogo mira, zanesennymi v Krasnuyu knigu goroda Moskvy: Postanovlenie Pravitel'stva g. Moskvy ot 8 aprelya 2003 g. № 228-PP: v red. ot 28 avgusta 2012 g. [On approval of determining the damage caused by the violation of rules for handling objects of flora and fauna listed in the Red Book of the City of Moscow: Resolution 228-PP of the Government of Moscow of April 8, 2003, as amended on August 28, 2012].
13. Konsul'tantPlyus. (2010) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 26 maya 2010 g. po delu № 81-G10-8* [Ruling of the RF Supreme Court of 26 May 2010 on Case 81-G10-8].
14. Guzenko, V.N. (2007) *Vozmeshchenie ubytkov, prichinennykh prirodnym resursam kak mera grazhdanskoy otvetstvennosti* [Compensation for damages caused to natural resources as a measure of civil liability]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
15. Konsul'tantPlyus. (2010) *Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 14 oktyabrya 2010 g. po delu № A75-13331/2009* [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District of 14 October 2010 on Case A75-13331/2009].
16. Konsul'tantPlyus. (2013) *Postanovlenie FAS Tsentral'nogo okruga ot 13 dekabrya 2013 g. po delu № A68-10861/2012* [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Central District of December 13, 2013, on Case A68-10861/2012].
17. Konsul'tantPlyus. (2010) *Postanovlenie FAS Severo-Kavkazskogo okruga ot 25 oktyabrya 2010 g. po delu № A32-20027/2009* [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the North Caucasus region of October 25, 2010, on Case A32-20027/2009].
18. Konsul'tantPlyus. (2002) *Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 13 noyabrya 2002 g. № F09-2779/02-GK* [Resolution F09-2779/02-GK of the Federal Antimonopoly Service of the Ural district of November 13, 2002].
19. Konsul'tantPlyus. (2015) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 3 iyunya 2015 g. po delu № A54-503/2014* [Ruling of the RF Supreme Court of 3 June 2015 on Case A54-503/2014].
20. Konsul'tantPlyus. (2015) *Po delu o proverke konstitutsionnosti ch. 2 st. 99, ch. 2 st. 100 Lesnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i polozheniy Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii "Ob ischislenii razmera vreda, prichinennogo lesam vsledstvie narusheniya lesnogo zakonodatel'stva" v svyazi s zhaloboy OOO "Zapolyarneft'": Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2 iyunya 2015 g. № 12-P* [On the case of the constitutionality of Pt. 2 Art. 99, Pt. 2 Art. 100 of the Forest Code of the Russian Federation and the provisions of the Decree of the Russian Federation Government "On the calculation of damages caused to forests due to forest law violations" in connection with the complaint of Zapolyarneft Company: Decision 12-P of the RF Constitutional Court of June 2, 2015].
21. Konsul'tantPlyus. (2016) *O vnesenii izmeneniy v Lesnoy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti sovershenstvovaniya regulirovaniya lesnykh otnosheniy: Feder. zakon ot 23 iyunya 2016 № 218-FZ* [On amending the Forest Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of improving the regulation of forest relations: Federal Law 218-FZ of June 23, 2016].
22. Economy.gov.ru. (2014) *Proekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya voprosov vozmeshcheniya vreda okruzhayushchey srede i likvidatsii proshlogo ekologicheskogo ushcherba"* [The draft federal law "On Amendments to the Federal Law "On Environmental Protection" and to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of regulating the compensation of environmental damage to the environment and the elimination of past environmental damage"]. [Online] Available from: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/ria/anounce/201410027. (Accessed: 03 September 2016).
23. Konsul'tantPlyus. (2014) *Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov ob okhrane okruzhayushchey sredy i prirodopol'zovanii: prikaz General'nogo prokurora RF ot 1 aprelya 2014 g. № 165* [On the prosecutor's supervision over the implementation of environmental protection and nature use laws: Order 165 of the RF Prosecutor-General of 1 April 2014].
24. Konsul'tantPlyus. (2014) *Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 25 fevralya 2014 g. po delu № A45-17577/2012* [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District of 25 February 2014 on Case A45-17577/2012].
25. Narysheva, N.G. (2012) Pravovye problemy vozmeshcheniya vreda okruzhayushchey srede v nauchnykh issledovaniyakh kafedry ekologicheskogo i zemel'nogo prava yuridicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova [Legal problems of compensation for harm to the environment in scientific research of the Department of Environmental and Land Law at Moscow State University]. *Ekologicheskoe pravo*. 4.
26. Konsul'tantPlyus. (1992) *O Federal'nom ekologicheskom fonde Rossiyskoy Federatsii i ekologicheskikh fondakh na territorii Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 iyunya 1992 g.* [On the Federal Environmental Foundation of the Russian Federation and on the environmental foundations in the Russian Federation: Resolution of the Russian Government of 29 June 1992].
27. Brinchuk, M.M. (2009) Tak sushchestvuet li ekologo-pravovaya otvetstvennost'? [Is there ecological legal responsibility?]. *Ekologicheskoe pravo*. 2/3.
28. Konsul'tantPlyus. (2016) *Postanovlenie Vos'mogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 11 fevralya 2016 g. po delu № A75-4973/2015* [Resolution of the Eighth Arbitrazh Appellate Court of 11 February 2016 on Case A75-4973/2015].
29. Konsul'tantPlyus. (2015) *Reshenie mirovogo sud'i Kinel'skogo rayona Samarskoy oblasti ot 23 marta 2015 g. po delu № 2-150/2015* [The decision of the magistrate of Kinel District of Samara Oblast of 23 March 2015 on Case 2-150/2015].
30. Konsul'tantPlyus. (2014) *Reshenie mirovogo sud'i Kamyzyakskogo rayona Astrakhanskoy oblasti ot 12 maya 2014 g. po delu № 2-143/2014* [The decision of the magistrate of Kamyzyaksky District of Astrakhan Oblast of May 12, 2014 on Case 2-143/2014].
31. Konsul'tantPlyus. (2014) *Reshenie mirovogo sud'i Bryanskogo sudebnogo rayona Bryanskoy oblasti ot 30 aprelya 2014 g. po delu № 2-162/2014* [The decision of the magistrate of Bryansk Judicial District of Bryansk Oblast of April 30, 2014, on Case 2-162/2014].
32. Konsul'tantPlyus. (2014) *Reshenie mirovogo sud'i Solnechnogo rayona Khabarovskogo kraya ot 31 iyulya 2014 g.* [The decision of the magistrate of the Solnechnyy District of Khabarovsk Krai of July 31, 2014].
33. Konsul'tantPlyus. (2013) *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 12 avgusta 2013 g. po delu № A40-14735/12-120-136* [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Moscow District of 12 August 2013 on Case A40-14735/12-120-136].
34. Institute of Law and Public Policy. (2014) *Sravnitel'no-pravovoe issledovanie instituta otvetstvennosti za prichinenie vreda okruzhayushchey srede v rossiyskom i zarubezhnykh pravoporyadkakh: zaklyuchenie Avtonomnoy nekommercheskoy nepravitel'stvennoy organizatsii "Institut prava i publichnoy politiki"* [Comparative legal research of the institute of responsibility for causing harm to the environment in the Russian and foreign legal systems: the conclusion of the Autonomous non-profit non-governmental organization Institute of Law and Public Policy]. Moscow.

Received: 25 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 200–205. DOI: 10.17223/15617793/415/28

УДК 343.98

О.А. Негодина

ЭТАП СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ

Представлена периодизация развития судебного почерковедения, основанная на решении как идентификационных, так и диагностических задач. Подробно рассмотрен этап современного развития судебного почерковедения. Исследуется степень разработанности проблем современной почерковедческой диагностики и определены тенденции развития судебного почерковедения.

Ключевые слова: почерк; почерковедение; диагностика; диагностические исследования; почерковедческая экспертиза.

Традиционно криминалисты-исследователи рассматривают историю развития почерковедческих исследований, основываясь на периодизации развития судебного почерковедения, созданной В.Ф. Орловой [1. С. 18]. Однако эта периодизация не учитывает специфику развития диагностических почерковедческих исследований. Взяв ее за основу, мы представили развитие судебного почерковедения под углом зрения возникновения и становления как теории судебно-почерковедческой идентификации, так и теории судебно-почерковедческой диагностики. В результате были выделены следующие этапы развития судебного почерковедения в России:

«1) этап первоначального накопления знаний и опыта (начало 20-х – середина 30-х гг. XX в.);

2) этап создания теоретических основ судебного почерковедения (середина 30-х – середина 50-х гг. XX в.);

3) этап дальнейшего развития теоретических и экспериментальных исследований (середина 50-х – начало 70-х гг. XX в.). Формирование теории судебно-почерковедческой идентификации и начал судебно-почерковедческой диагностики;

4) этап современного развития судебного почерковедения (начало 70-х гг. XX в. – настоящее время). Формирование теории судебно-почерковедческой диагностики. Разработка диагностико-классификационных, собственно диагностических и ситуационно-диагностических задач в почерковедении» [2. С. 19].

Первый, второй и третий из выделенных этапов уже были рассмотрены нами ранее [3–5]. В данной статье остановимся более подробно на третьем – на этапе современного развития судебного почерковедения.

Период, начинающийся с 70-х гг. XX в. и продолжающийся по настоящее время, характеризуется пересмотром, уточнением и дополнением некоторых общих положений судебного почерковедения, а также продолжением исследований, попытками расширить круг информативных возможностей почерка, созданием методик решения диагностических задач.

В вышеуказанный период накопленные знания позволили приступить к разработке частной криминалистической теории «криминалистическая диагностика». Её создание осуществлялось на солидном фундаменте общей теории и методологии криминалистики, включая теорию криминалистической идентификации, криминалистические учения о навыках и личности преступника и др. Несмотря на то что само понятие «диагностика» утвердилось в криминалистике не сразу, уже к концу 80-х гг. XX в. были созданы научные основы диагностической экспертизы. Итогом работы ученых явилось определение понятия, предмета, принципов, объекта и задач указанной экспертизы. Таким образом, сложились предпосылки формирования теоретических основ диагностики в почерковедении.

При разработке учеными теоретических основ судебно-почерковедческой диагностики разворачивались дискуссии относительно некоторых проблемных вопросов. Например, в то время как В.В. Серегин относил установление личностных свойств к диагностическим исследованиям в судебном почерковедении [6. С. 11], А.А. Куприянова вообще предлагала не включать их в предмет почерковедческой диагностики [7. С. 10]. Последняя позиция получила отражение в методическом пособии по судебно-почерковедческой экспертизе, в котором предлагалось рассматривать установление свойств личности как классификационную экспертную задачу [1. С. 114–124]. Данное подразделение можно считать неосновательным в силу того, что в рамках классификационных задач исследуется и устанавливается принадлежность объекта к стандартизированному (основанному на общепринятом критерии деления на группы) классу [8. С. 68–73], а унифицированной, утвержденной нормативно-правовыми актами классификации личностных свойств не существует. Тем самым, факт отнесения к той или иной группе, подгруппе не строится на общепризнанной градации личностных свойств.

Теоретическое осмысление вопросов классификации экспертных задач в криминалистике послужило основой для разработки группы диагностических задач в судебном почерковедении. Первые попытки нельзя назвать удачными: авторы, разрабатывающие данную проблематику, подразделяли обстоятельства, влияющие на почерк, на естественные, искусственные и пр. [9. С. 125]. Факторы были систематизированы излишне упрощенно, поэтому несовершенной представлялась и основанная на них классификация диагностических почерковедческих задач: 1) установление внешней обстановки и условий выполнения рукописи; 2) установление внутреннего состояния писавшего; 3) установление по почерку иных обстоятельств (например, годность графического материала, выполнение рукописи двумя лицами одновременно, сходство почерков) [10. С. 144, 147]. Позднее появились и другие виды классификаций рассматриваемых задач, основанные на различных критериях. Например, разграничение диагностических задач в судебном почерковедении с учетом характеристики исследуемых объектов, в зависимости от сравнительного материа-

ла, от степени сложности задач, от частоты встречаемости [11. С. 82–84].

Одну из самых распространённых на сегодняшний день классификаций предложил Ю.Г. Корухов: он подразделил диагностические экспертные задачи в почерковедении на три разновидности: 1) диагностико-классификационные (определение пола, возраста, профессии и др.); 2) собственно диагностические (определение необычного внутреннего состояния лица, при этом изменения могут носить постоянный (заболевания нервной системы, опорно-двигательного аппарата, зрения) или временный (алкогольное опьянение, стресс, утомление) характер, а также умышленное изменение почерка); 3) ситуационно-диагностические (определение особенностей внешней обстановки письма: необычная поза, в которой находилось лицо, выполняющее рукопись, необычный (непривычный материал), на котором выполнялся текст, необычный пишущий прибор (приспособление), слабоосвещенное или неосвещенное помещение, движущийся транспорт и тому подобное) [8. С. 196].

Помимо проблемы классификации диагностических задач в судебном почерковедении также существовала необходимость систематизации деавтоматизирующих письмо факторов (естественных и искусственных), под воздействием которых происходят изменения в признаках почерка. Т.И. Исматова предложила свою классификацию сбивающих воздействий [12. С. 85], основанную на учете ранее разработанной концепции А.А. Куприяновой об избирательной изменчивости признаков почерка в зависимости от различных деавтоматизирующих факторов [7]. Позднее Е.А. Шкоропат также исследовала систему сбивающих факторов [13. С. 47].

Развитие теории судебно-почерковедческой идентификации и диагностики, углубление знаний о почерке в процессе его экспериментального исследования, изучение различных почерковых объектов (тексты, подписи, краткие записи) и процессов их формализации – все это повлияло на необходимость пересмотра, дополнения и обновления фундаментальных основ почерковедческой экспертизы. Детальное исследование процесса решения экспертных задач также выявило пробелы в решении диагностических задач, что актуализировало теоретические и экспериментальные исследования в данной области.

В 1971 г. выходит в свет работа «Судебно-почерковедческая экспертиза». В книге были изложены основные теоретические положения судебного почерковедения, в частности естественные основы процесса письма, механизм письма и его проявление при решении идентификационных и диагностических задач; понятие почерка, его основные качества; направления развития и совершенствования методик в почерковедческой экспертизе и другие вопросы. Данное пособие было предназначено прежде всего для практических работников, так как являлось собранием рекомендаций к основным этапам деятельности эксперта-почерковеда. Через несколько лет появилось другое пособие, два выпуска которого стали настольными книгами для экспертов и практических работников [1, 14].

В рассматриваемый период эксперимент, применяемый наряду с наблюдением и обобщением практики, становится основным методом научного исследования. Экспериментальные исследования ведут к дифференциации предмета изучения. И если в начале эксперимент был простым, не прибегающим к точным методам, то со временем он начинает приобретать черты сложного естественно-научного, а после – вероятностно-статистического, модельного. Для таких исследований становится характерным их проведение специалистами разных направлений: физиологами, психологами, математиками и др. [15. С. 41–42].

Результаты проводимых исследований нашли отражение в трудах ученых. Так, обобщением существующих на тот момент методик проведения почерковедческих экспертиз по решению диагностических задач стала работа коллектива авторов под названием «Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе». В ней описаны следующие наиболее разработанные к тому времени методики: 1) методика установления факта выполнения рукописи в состоянии физической усталости; 2) методика установления факта выполнения рукописи в условиях низкой температуры; 3) методика установления факта выполнения рукописи лицом, находившимся в необычном психофизиологическом состоянии; 4) методика установления времени выполнения рукописи.

Основные положения в работе «Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе» были сформулированы на основе анализа результатов специальных экспериментов, экспертной практики и специальной литературы. Результаты экспериментальных исследований были представлены в процентных показателях, что позволило оценить симптоматичность проявлений признаков при определенных «обстановочных» условиях. При этом в предисловии авторы выразили надежду, что их труд послужит толчком к дальнейшей углубленной разработке проблем неидентификационных (читай диагностических. – *Авт.*) исследований в судебном почерковедении, потому как далеко не всё ещё сделано учёными в данном направлении [16. С. 3–4]. Причем было подчеркнуто, что разработка методик решения вопросов данного характера представляется важной не только в теоретическом, но и в практическом плане, что обусловлено потребностью следственной и судебной практики. Главной ценностью данной работы является то, что она положила начало целенаправленным исследованиям в области решения диагностических задач.

В рамках процесса уточнения, дополнения существующих основ судебного почерковедения в 1974 г. появляется новая работа В.В. Томилина «Основы судебно-медицинской экспертизы письма». Понятие «новая» в данном контексте является условным, так как многие положения, изложенные автором в книге «Физиология, патология и судебно-медицинская экспертиза письма» (1963), воспроизводятся им и в указанном произведении 1974 г. Тем не менее В.В. Томилиным были рассмотрены и другие вопросы процесса письма. Так, глава девятая посвящена изменению письма при алкогольной интоксикации в зави-

симости от концентрации алкоголя в крови и стадии опьянения [17. С. 169, 199–226]. Злоупотребление алкоголем влечет, как было отмечено автором, нарушения в работе больших полушарий головного мозга, которые будут наступать неизбежно, что, в свою очередь, приводит к изменению привычных координированных движений при выполнении и связывании письменных знаков, к утрате зрительного контроля и т.д. Рассмотрены изменения в почерке двух подгрупп людей, употребляющих алкоголь: 1) лиц, употребляющих алкоголь умеренно; 2) лиц, страдающих хроническим алкоголизмом. Такое разделение оправданно, потому что в данном случае учитывается как длительность, так и количество употребления алкоголя, влияние которого на устойчивость и вариационность признаков почерка в каждом случае различно. В.В. Томилин также провел специальное исследование, направленное на выяснение сходства почерков у членов одной семьи. По итогам его проведения выяснилось, что какого-либо повышенного сходства общих и частных признаков почерка в письме родителей и детей, а также близнецов нет. Есть некоторые совпадения, но они не выходят за рамки совпадений в почерках людей, не находящихся между собой в родственных отношениях [Там же. С. 139–160]. Данные выводы подтверждают отсутствие в почерке лица обусловленности его только природными, врожденными свойствами и чертами.

В дальнейшем развитии учения о почерке наблюдаются два основных направления: 1) «традиционное» и 2) «новое». Несмотря на то что данное подразделение было установлено еще в конце 80-х гг. XX в. [18. С. 32–36], оно до сих пор является оправданным ввиду недостаточной разработанности выделенных направлений.

Развитие знаний о почерке в традиционном аспекте предполагает дальнейшее изучение свойств почерка, существенных с точки зрения экспертных задач. Например, должно быть продолжено изучение таких основных криминалистических свойств почерка, как динамическая устойчивость, избирательная изменчивость [19, 20]. В центре внимания данного направления всегда были структурно-геометрические навыки, изучаемые на качественном и количественном уровнях. В последнее время интерес представляют динамические (нажимные) навыки, которые также несут в себе информацию о почерке исполнителя рукописи [21]. Количественные характеристики свойств также требуют дальнейшего изучения. Главное при этом не увеличение количества изучаемых свойств, а исследование их взаимосвязей и закономерностей системного характера. Так, в рамках формирования теоретических основ судебного почерковедения оправданным было раздельное исследование идентификационной и диагностической значимости свойств почерка. На современном же этапе правильнее рассматривать две эти части во взаимосвязи. Ведь информационную сущность почти любого свойства почерка нельзя рассматривать как полезность только для идентификации или диагностики. К тому же такое деление искусственно: оно необходимо в теории, а на практике прослеживаются интеграционные процессы. Сложные экспертные задачи должны решаться комплексно, т.е. должны использоваться как традиционные, так и количественные методы, экспериментальная техника, компьютерные системы.

«Новое» направление в развитии судебного почерковедения связано с изучением зависимостей между почерком и свойствами личности. Исследования в данной области проблематичны в силу того, что обе системы – «личность» и «почерк» – являются сложнейшими в плане изучения. На сегодняшний день существуют определенные разработки, связанные непосредственно с решением диагностических задач в сфере личность – почерк: в области определения психических расстройств, стрессового, психологического (эмоционального) и необычного психофизиологического состояния и др. [13, 22–24]. Одно из перспективнейших направлений – установление по почерку психологических свойств исполнителя рукописи – частично исследовано как в теоретическом, так и практическом плане [25, 26], что увеличило диапазон решения диагностических задач почерковедческих экспертиз. Экспериментальные работы коллектива авторов под руководством А.Н. Герасимова, Ю.Н. Погибко явились примером оптимизации существующих методов и методик определения пола по почерку [27].

Сложности в решении теоретических и практических проблем судебного почерковедения существовали всегда, но обострились с распадом СССР, с прекращением деятельности ряда общесоюзных центров криминалистических научных исследований. Сейчас работа научных центров восстановилась, укрепились внутринаучные связи, поэтому и решаются проблемные вопросы криминалистики, поставленные еще в конце 80-х гг. XX в. Конечно, установление всех корреляций в судебном почерковедении – это дело не ближайшего будущего, но само проявление интереса к решению ряда проблем уже сегодня дает основание полагать, что со временем почерк перестанет быть лишь «приоткрытой» книгой для ученых.

Подводя итоги вышеперечисленному, хотелось бы отметить, что уровень развития знания в рассматриваемый период позволил выделить в качестве самостоятельного направления формирование теории судебно-почерковедческой диагностики. В то же время свойства почерка, несущие информацию о внешней обстановке и внутреннем состоянии пишущего, и сегодня изучены в меньшей мере, чем свойства, создающие условия для индивидуальной идентификации исполнителя. Объясняется это, прежде всего, тем, что сама постановка вопроса о диагностических исследованиях в почерковедении могла иметь место только на определенном этапе развития судебного почерковедения, когда были получены экспериментальные данные об устойчивости признаков почерка и изучены признаки, подвергающиеся изменению под воздействием комплекса сбивающих факторов. Создание теории диагностики в судебном почерковедении возможно только на прочной основе – теории идентификации, потому что нельзя судить об особенностях и «отклонениях от нормы», не зная саму «норму», не учитывая специфику свойств конкретного объекта. Диагностиче-

ское направление на сегодняшний день получило новый стимул для развития: усилилась его актуальность за счет увеличения числа диагностических задач, решаемых при расследовании преступлений, следовательно, понадобилась разработка теоретических и методических основ криминалистической диагностики. С позиции общей теории криминалистической диагностики современное состояние судебно-почерковедческой диагностики характеризуется недостаточной концептуализацией, потому что основные работы посвящены преимущественно решению практических задач. Вместе с тем эти исследования создают солидную эмпирическую базу для построения теории диагностических почерковедческих исследований.

Таким образом, в рамках преодоления существующего дефицита теоретических сведений в судебно-почерковедческой диагностике работа исследователей должна быть направлена главным образом не только на поиск закономерностей отражения свойств и состояний лица в почерке, но и на последующий их анализ и объяснение. В пополнении научного знания в данной области нуждается оперативно-розыскная, следственная, экспертная и судебная практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть : метод. пособие для экспертов, следователей, судей / под общ. ред. В.Ф. Орловой. М., 1988. Вып. 1. 125 с.
2. Попова О.А. Диагностика типа мыслительных задач исполнителя рукописи / под науч. ред. д-ра юрид. наук Р.Л. Ахмедшина. Томск, 2013. 192 с.
3. Попова О.А. Этап первоначального накопления знаний и опыта в почерковедении // Ученые записки: сб. науч. тр. Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия (г. Томск). Томск : Изд-во ФГУ «Томский ЦНТИ», 2013. Вып. 7. С. 43–47.
4. Негодина О.А. Этап создания теоретических основ судебного почерковедения // Ученые записки: сб. науч. тр. Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). Томск : Изд-во ФГУ «Томский ЦНТИ», 2014. Вып. 8. С. 33–44.
5. Негодина О.А. Этап дальнейшего развития теоретических и экспериментальных исследований в почерковедении // Ученые записки : сб. науч. тр. Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). Томск : Изд-во ФГУ «Томский ЦНТИ», 2015. Вып. 9. С. 46–52.
6. Серегин В.В. Возможности судебно-почерковедческой диагностики свойств исполнителей рукописей : автореф. … дис. канд. юрид. наук. М., 1983. 18 с.
7. Куприянова А.А. Теоретические основы и методика судебно-почерковедческих диагностических исследований : автореф. … дис. канд. юрид. наук. М., 1982. 20 с.
8. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : науч.-практ. пособие. М. : Изд. группа НОРМА-ИНФА, 1998. 228 с.
9. Судебно-почерковедческая экспертиза. М. : Юрид. лит., 1971. 304 с.
10. Ароцкер Л.Е. Предмет неидентификационных исследований в судебном почерковедении // Криминалистика и судебная экспертиза. 1970. Вып. 7. С. 141–149.
11. Бобовкин М.В. Теория и практика судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии. Волгоград : ВА МВД России, 2005. 336 с.
12. Исматова Т.И. Теоретические и методические проблемы криминалистического исследования рукописей, выполненных с переменой привычной пишущей руки : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 243 с.
13. Шкоропат Е.А. Теоретические и методические аспекты диагностирования необычных психофизиологических состояний исполнителя рукописи по почерку : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 226 с.
14. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть : метод. пособие для экспертов, следователей, судей / под общ. ред. В.Ф. Орловой. М., 1989. Вып. 2. 128 с.
15. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теор. и метод. основы / под науч. ред. В.Ф. Орловой ; Гос. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы при Минюсте России. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 2006. 544 с.
16. Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе / отв. ред. Л.Е. Ароцкер. Киев : РИО МВД УССР, 1972. 96 с.
17. Томилин В.В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М. : Медицина, 1974. 256 с.
18. Орлова В.Ф., Погибко Ю.Н. Современное состояние и перспективы развития судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М. : ВНИИСЭ, 1987. С. 26–36.
19. Купин А.Ф. Криминалистическое исследование рукописей, выполненных с подражанием почерку другого лица : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 234 с.
20. Исматова Т.И., Орлова А.М. Модельный метод диагностирования факта письма непривычной рукой : учеб. пособие. Волгоград : ВА МВД России, 2012. 48 с.
21. Зернова О.Г. Идентификационное и диагностическое значение характеристик распределения усилий в почерковых движениях при выполнении кратких записей и подписей : дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 1999. 136 с.
22. Бобовкин М.В. Возможности судебно-диагностического исследования письма лиц, находящихся в психопатологических состояниях : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 247 с.
23. Линевич В.Л. Психофизиологические предикторы дискоординации почерка при стрессе : дис. … канд. психол. наук. Уфа, 1998. 148 с.
24. Вул С.М. О возможности установления факта выполнения рукописи в состоянии физической усталости // Криминалистика и судебная экспертиза. 1970. Вып. 7. С. 155–162.
25. Симакова Е.С. Отражение в почерке психологических свойств и состояний личности (криминалистический, уголовно-процессуальный и психологический аспекты) : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2003. 204 с.
26. Сидельникова Л.В., Герасимов А.Н. Комплексная методика установления пола, возраста и психологических свойств исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности : метод. письмо. М., 2005. 46 с.
27. Герасимов А.Н., Погибко Ю.Н. и др. Установление пола исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности : метод. письмо. М., 1993. 24 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 декабря 2016 г.

MODERN DEVELOPMENT OF FORENSIC GRAPHOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 200–205.

DOI: 10.17223/15617793/415/28
Olesya A. Negodina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: negodina.oa@yandex.ru
Keywords: handwriting; graphology; diagnosis; diagnostic tests; handwriting expert.

The present article examines the current state of forensic graphology. The author has set the following objectives: 1) to identify trends in the development of domestic graphology that allow periodization of forensic graphology in terms of forensic handwriting identification theory and forensic handwriting diagnostics; 2) to provide a comprehensive periodization of forensic graphology, focusing on the modern stage; 3) to analyze the impact of the diagnostic theory on experimental research in forensic graphology; 4) to determine the degree of the elaboration of the problems of modern handwriting diagnostics. The methodological arsenal of the study includes the following scientific methods: analysis, synthesis, simulation, comparative-historical, systematic, formal logic methods. As a result of the research the author came to the following conclusions. 1. Initially, the accumulation of knowledge in graphology was based on the study of the reflection of physiological patterns in writing, without addressing specific expert tasks. The identification of the manuscript author has always been a primary task of all the studies. With the introduction of specialized techniques and involvement of psychology and physiology fundamentals in the research, issues of diagnosing individual circumstances by handwriting emerged. 2. In criminalistics, all kinds of expert studies focus on addressing both identification and diagnostic tasks. Only their comprehensive solution allows revealing the content of each section of forensic techniques. The article presents the development of forensic graphology from the perspective of the emergence and development of the theory of forensic handwriting identification and forensic handwriting diagnostics theory. As a result, stages of the development of forensic graphology in Russia have been identified. 3. The diagnostic theory in criminalistics deeloped on the solid foundation of the general theory and methodology of criminalistics, including the identification theory, teachings on the skills and personalities of the offender and others. By the end of the 1980s, the scientific basis of diagnostic examination was developed. Thus, the prerequisites for the formation of the theoretical foundations of diagnosis in graphology appeared. These theoretical foundations have allowed to generalize and systematize the existing experimental research in the field of handwriting diagnostics. 4. The period beginning from the 1970s until the present is characterized by the revision, clarification and supplementation of some provisions of the general forensic graphology, as well as by the continuation of research, attempts to expand the range of handwriting informative capabilities, the development of new techniques for solving diagnostic problems.

REFERENCES

1. Orlova, V.F. (ed.) (1988) *Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza. Obshchaya chast': metodicheskoe posobie dlya ekspertov, sledovateley, sudey* [Forensic handwriting examination. General part: The handbook for experts, investigators, judges]. Vol. 1. Moscow: VNIISE.
2. Popova, O.A. (2013) *Diagnostika tipa myslitel'nykh zadach ispolnitelya rukopisi* [Diagnosis of the type of mental tasks of the manuscript author]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Popova, O.A. (2013) Etap pervonachal'nogo nakopleniya znaniy i opyta v pocherkovedenii [The stage of the initial accumulation of knowledge and experience in graphology]. *Uchenye zapiski: sb. nauch. tr. Zapadno-Sibirskogo filiala Rossiyskoy akademii pravosudiya*. 7. pp. 43–47.
4. Negodina, O.A. (2014) Etap sozdaniya teoreticheskikh osnov sudebnogo pocherkovedeniya [The stage of the development of theoretical bases of forensic graphology]. *Uchenye zapiski: sb. nauch. tr. Zapadno-Sibirskogo filiala Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya*. 8. pp. 33–44.
5. Negodina, O.A. (2015) Etap dal'neyshego razvitiya teoreticheskikh i eksperimental'nykh issledovaniy v pocherkovedenii [The stage of further development of theoretical and experimental studies in graphology]. *Uchenye zapiski: sb. nauch. tr. Zapadno-Sibirskogo filiala Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya*. 9. pp. 46–52.
6. Seregin, V.V. (1983) *Vozmozhnosti sudebno-pocherkovedcheskoy diagnostiki svoystv ispolniteley rukopisey* [Features of forensic handwriting diagnostics of manuscript author attributes]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
7. Kupriyanova, A.A. (1982) *Teoreticheskie osnovy i metodika sudebno-pocherkovedcheskikh diagnosticheskikh issledovaniy* [Theoretical bases and a technique of forensic handwriting diagnostic studies]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
8. Korukhov, Yu.G. (1998) *Kriminalisticheskaya diagnostika pri rassledovanii prestupleniy* [Forensic diagnosis in the investigation of crimes]. Moscow: Izd. gruppa NORMA-INFA.
9. Arotsker, L.E. et al. (1971) *Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza* [Forensic handwriting examination]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Arotsker, L.E. (1970) Predmet neidentifikatsionnykh issledovaniy v sudebnom pocherkovedenii [Subject of non-identification research in forensic graphology]. *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza*. 7. pp. 141–149.
11. Bobovkin, M.V. (2005) *Teoriya i praktika sudebno-diagnosticheskoy ekspertizy pis'ma lits, nakhodyashchikhsya v psikhopatologicheskom sostoyanii* [Theory and practice of forensic and diagnostic examination of the writing of persons in a psychopathological condition]. Volgograd: Military Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs.
12. Ismatova, T.I. (2004) *Teoreticheskie i metodicheskie problemy kriminalisticheskogo issledovaniya rukopisey, vypolnennykh s peremenoy privychnoy pishushchey ruki* [Theoretical and methodological problems of forensic investigation of manuscripts executed with a change of the habitual writing hand]. Law Cand. Diss. Volgograd.
13. Shkoropat, E.A. (2008) *Teoreticheskie i metodicheskie aspekty diagnostirovaniya neobychnykh psikhofiziologicheskikh sostoyaniy ispolnitelya rukopisi po pocherku* [Theoretical and methodological aspects of the diagnosis of an unusual psychophysiological state of manuscript author by handwriting]. Law Cand. Diss. Volgograd.
14. Orlova, V.F. (ed.) (1989) *Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza. Obshchaya chast': metodicheskoe posobie dlya ekspertov, sledovateley, sudey* [Forensic handwriting examination. General part: The handbook for experts, investigators, judges]. Vol. 2. Moscow: VNIISE.
15. Orlova, V.F. (ed.) (2006) *Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza: obshchaya chast': teor. i metod. osnovy* [Forensic handwriting examination: general part: theoretical and methodological bases]. 2nd ed. Moscow: Nauka,.
16. Arotsker, L.E. (ed.) (1972) *Neidentifikatsionnye issledovaniya v pocherkovedcheskoy ekspertize* [Non-identification research in handwriting examination]. Kiev: RIO MVD USSR.
17. Tomilin, V.V. (1974) *Osnovy sudebno-meditsinskoy ekspertizy pis'ma* [Fundamentals of forensic medical examination of writing]. Moscow: Meditsina.
18. Orlova, V.F. & Pogibko, Yu.N. (1987) Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sudebnogo pocherkovedeniya i sudebno-pocherkovedcheskoy ekspertizy [Current state and prospects of development of forensic graphology and forensic handwriting examination]. In: Baryshnikov, I.I. et al. (eds) *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya traditsionnykh vidov kriminalisticheskoy ekspertizy* [The current state and prospects of development of traditional forensic examination]. Moscow: VNIISE.
19. Kupin, A.F. (2012) *Kriminalisticheskoe issledovanie rukopisey, vypolnennykh s podrazhaniem pocherku drugogo litsa* [Criminological research of manuscripts written with an imitation of another person's handwriting]. Law Cand. Diss. Moscow.
20. Ismatova, T.I. & Orlova, A.M. (2012) *Model'nyy metod diagnostirovaniya fakta pis'ma neprivychnoy rukoy* [The model method of diagnosing a fact of writing with an unusual hand]. Volgograd: Military Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs.

21. Zernova, O.G. (1999) *Identifikatsionnoe i diagnosticheskoe znachenie kharakteristik raspredeleniya usiliy v pocherkovykh dvizheniyakh pri vypolnenii kratkikh zapisey i podpisey* [Identification and diagnostic value of in-force distribution characteristics in handwriting movements when writing summary records and signatures]. Law Cand. Diss. Izhevsk.
22. Bobovkin, M.V. (1998) *Vozmozhnosti sudebno-diagnosticheskogo issledovaniya pis'ma lits, nakhodyashchikhsya v psikhopatologicheskikh sostoyaniyakh* [Features of forensic examination handwriting of persons in psychopathological states]. Law Cand. Diss. Volgograd.
23. Linevich, V.L. (1998) *Psikhofiziologicheskie prediktory diskoordinatsii pocherka pri stresse* [Psychophysiological predictors of handwriting discoordination under stress]. Psychology Cand. Diss. Ufa.
24. Vul, S.M. (1970) O vozmozhnosti ustanovleniya fakta vypolneniya rukopisi v sostoyanii fizicheskoy ustalosti [On the possibility of establishing the fact of writing a manuscript in a state of physical fatigue]. *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza*.7. pp. 155–162.
25. Simakova, E.S. (2003) *Otrazhenie v pocherke psikhologicheskikh svoystv i sostoyaniy lichnosti (kriminalisticheskiy, ugolovno-protsessual'nyy i psikhologicheskiy aspekty)* [Reflection in handwriting of psychological properties and conditions of the person (forensic, criminal procedure and psychological aspects)]. Law Cand. Diss. Tomsk.
26. Sidel'nikova, L.V. & Gerasimov, A.N. (2005) *Kompleksnaya metodika ustanovleniya pola, vozrasta i psikhologicheskikh svoystv ispolnitelya teksta, vypolnennogo pocherkom vysokoy i vyshe sredney stepeni vyrabotannosti: metod. pis'mo* [A complex methodology for the establishment of the gender, age and psychological features of the author of the text written with high and above average levels of proficiency: a methodological letter]. Moscow: GU RFTsSE.
27. Gerasimov, A.N. et al. (1993) *Ustanovlenie pola ispolnitelya teksta, vypolnennogo pocherkom vysokoy i vyshe sredney stepeni vyrabotannosti: metod. pis'mo* [The establishment of the gender of the author of the text written with high and above average levels of proficiency: a methodological letter]. Moscow: VNIISE.

Received: 31 December 2016

УДК 347.441

А.Ю. Чурилов

ТРЕТЬИ ЛИЦА В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены категории третьего лица в обязательственном праве с точки зрения оснований воздействия на динамику гражданско-правового обязательства. Освещена дискуссия определения третьего лица, выделен квалифицирующий признак третьего лица, с помощью которого можно провести обособление третьего лица от неопределенного круга лиц. Таким признаком является наличие интереса у иного лица, что служит предпосылкой для воздействия на обязательство. И лишь при реализации интереса активными действиями другое лицо становится третьим лицом в обязательственном правоотношении. Дано определение правового интереса и третьего лица. На основе анализа правового положения третьего лица в различных обязательствах сделан вывод о необходимости разграничения третьего лица как участника обязательственного правоотношения и неучастника.

Ключевые слова: обязательство; договор; третьи лица; интерес; должник; кредитор.

Любое гражданско-правовое обязательство воспринимается как правовая связь двух сторон, одна из которых (кредитор) наделена правом, а другая (должник) несет обязанность. При этом субъективному праву кредитора всегда корреспондирует субъективная обязанность должника, содержание которой сводится к необходимости совершения последним определенного активного действия.

Казалось бы, право кредитора на активное действие должника должно восприниматься в качестве аксиоматичного положения. Между тем отношения экономического базиса вызвали к жизни такие конструкции, которые ломают общее представление об обязательстве как исключительно связи кредитора и должника. Речь идет о третьем лице, которое в установленных законом иными правовыми актами, а также соглашением сторон пределах может оказать влияние на динамику обязательственного правоотношения. И то, что еще в римском частном праве рассматривалось через призму строго личного характера, когда кредитор имел личное право требования, обращенное к должнику [1. С. 183], сегодня выступает скорее в качестве исключения, ограничивающего возможность привлечения третьего лица к исполнению обязательства как на стороне должника, так и на стороне кредитора.

Однако как бы мы не относились к роли третьего лица в динамике обязательства, одно остается неизменным: только для обязательственного правоотношения (в отличии от вещного, неимущественного и организационного) характерно то, что управомоченное лицо называется кредитором, а обязанное лицо – должником; эти лица настолько конкретны, насколько вообще может быть конкретизировано обязательство за счет тех прав и обязанностей, которые характеризуют участников соответствующего правоотношения. Именно поэтому доктрина гражданского права по критерию межсубъектных связей относит обязательство к относительным правоотношениям. И если в абсолютных правоотношениях управомоченной стороне противостоит неопределенный круг обязанных лиц, который в общем виде можно описать конструкцией «другие лица» или «третьи лица», то в обязательственном правоотношении появление любого другого (третьего) лица, отличного от кредитора или должника, должно восприниматься как аномалия, наличие которой допустил закон, отозвавшись на потребности отношений экономического базиса. Учитывая такую оговорку, отечественная доктрина гражданского права выделяет две основные категории субъектов обязательства – стороны и третьи лица [2. С. 414].

На сегодняшний день в теории обязательственного права отсутствует какой-либо единый подход к пониманию третьего лица, что обусловлено, в первую очередь, неоднозначным подходом законодателя к использованию термина «третье лицо» по содержанию отдельных норм позитивного права. Так, толкование п. 3 ст. 308 ГК РФ, в соответствии с которым «обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц)», позволяет утверждать, что законодатель в наиболее общем виде под третьим лицом понимает любое лицо, иное, нежели стороны конкретного обязательственного правоотношения. Такое определение третьих лиц для цели обязательственного права не привносит ясности в разграничение таких понятий, как «третье лицо», «другое лицо», «неопределенный круг лиц». В доктрине высказывается суждение о том, что в качестве третьих лиц следует рассматривать всех тех, кто, не являясь стороной или сторонами обязательства, своими действиями или бездействием определенным образом влияют на динамику обязательственного правоотношения [3]. Но как в таком случае понять, где находятся те границы, переход которых «другими» лицами приведет к тому, что это будет восприниматься как влияние на динамику обязательства действием или бездействием третьего лица?

М.И. Брагинский определял третьих лиц как участников гражданского оборота, находящихся в определенном положении по отношению к другим участникам. По его мнению, если другое лицо – это любой участник гражданского оборота, который не является стороной исходного правоотношения, то третье лицо, не являясь стороной исходного обязательства, всегда юридически связано с одной из сторон исходного обязательства [4. С. 3–6]. То есть речь идет о некоей юридической связи как квалифицирующем признаке, отгранивающим третьих лиц от всех остальных участников гражданского оборота.

Наличие подобного квалифицирующего признака усматривали и другие ученые-правоведы. В частности, О.А. Красавчиков писал: «...что касается третьих лиц, то закон относит к ним таких субъектов, которые состоят в определенной правовой связи с одной из сторон и приобретают в силу этого по обязательству некоторые права или обязанности, например, в случае возникновения обязательства из договора в пользу третьего лица» [2. С. 414].

М.К. Кроз высказывает мнение, что третьим лицом в гражданско-правовом обязательстве является его участник, связанный определенным правоотношением с одной из сторон данного обязательства и обладающий правами и обязанностями, производными от прав и обязанностей стороны (должника или кредитора) [5. С. 7].

Не возражая в целом по существу приведенных мнений, представляется необходимым отметить, что юридическую связь, о которой ведут речь данные ученые, следует воспринимать исключительно как связь обязательственную. В противном случае, если понимать ее расширительно – как любую юридическую связь, третьи лица станут практически неотделимы от других лиц. Вместе с тем наличие обязательственной связи нельзя рассматривать в контексте квалифицирующего признака, определяющего условие вовлечения субъектов гражданского оборота в динамику обязательства в качестве третьих лиц. Третье лицо может быть и не связано ни с одной из сторон обязательства какой-либо юридической связью, но при этом быть способным воздействовать на динамику правоотношения. Речь, в частности, идет об институте действия в чужом интересе без поручения, в рамках которого регулируются отношения лица (третьего лица), не обладающего юридической связью с должником, по исполнению за последнего обязательств перед его кредитором. В механизме действия в чужом интересе без поручения категории «третье лицо» и «другое лицо» являются в определенной степени схожими. Однако гестор, действующий в интересах доминуса, переходит из категории «других лиц» в категорию «третьи лица». Данное обстоятельство исключает возможность использования критерия юридической связи для отграничения третьих лиц от всех остальных субъектов гражданского оборота в качестве универсального (квалифицирующего) признака. Более того, признак юридической связи не всегда срабатывает и в случаях, когда должник или кредитор обязательства одновременно состоят во множестве иных обязательственных связей: один лишь факт нахождения другого лица в обязательственной связи с кредитором и должником не превращает его в третье лицо, поскольку другое лицо может и не воздействовать на обязательство кредитора и должника. Изложенное актуализирует потребность поиска иного универсального критерия для оформления фигуры третьего лица в динамике гражданско-правового обязательства.

Что же объединяет всех третьих лиц, так или иначе способных оказать влияние на динамику возникшего обязательства?

Представляется, что только интерес участников гражданского оборота способен обособить одних участников в качестве должника и кредитора обязательства, а других – в качестве третьих лиц по отношению к динамике этого обязательства. При этом, если интерес должника и кредитора всегда соотносится с целью обязательства, то интерес третьих лиц всегда находится за пределами этой цели, однако его реализация по отношению к такому обязательству выступает средством (орудием) удовлетворения интересов кредитора и должника. Это означает, что формирование субъекта гражданского права в качестве третьего лица по отношению к обязательству проходит две стадии: первая связана с закреплением (оформлением) определенного интереса, что приводит к появлению потенциального третьего лица; вторая связана с реализацией данного интереса, затрагивает динамику обязательства, при которой потенциальное третье лицо переходит в состояние третьего лица. Совокупность же других лиц относительно обязательства представляет собой неопределенный круг лиц.

Итак, реализация интереса участника гражданского оборота выступает достаточным и необходимым условием приобретения таким участником качества третьего лица по отношению к обязательству.

Представим модель третьего лица в динамике гражданско-правового обязательства в виде определенного набора пространств. По отношению к обязательственной связи, представленной кредитором и должником (пространство сторон обязательства), все остальные субъекты гражданского права образуют пространство «других лиц». Вместе с тем стороны обязательства выступают связующим звеном для всех тех «других лиц», которые, не являясь участниками обязательственного правоотношения, потенциально могут оказать влияние на его динамику при условии формирования у них соответствующего интереса. Эти лица образуют пространство потенциальных третьих лиц в пространстве «других лиц». По отношению к пространству потенциальных третьих лиц все остальные «другие лица» попадают в пространство неопределенного круга лиц (иных лиц).

При реализации своего интереса потенциальное третье лицо включается в динамику обязательства в качестве его участника (третьего лица), не приобретая качество основных участников правоотношения – его сторон. В итоге можно вести речь о формировании пространства участников обязательственного правоотношения, включающего в себя пространство сторон обязательства, а также пространство третьих лиц. Все пространства по отношению к пространству сторон обязательства всегда находятся в подвижном состоянии: до тех пор пока существует обязательство, существует возможность перехода любого субъекта гражданского права из одного пространства в другое; любое лицо, входящее в состав неопределенного круга лиц, может перейти в состояние третьего лица.

Возвращаясь к содержанию п. 3 ст. 308 ГК РФ и учитывая вышеизложенное, заметим, что предписание указанной нормы, очевидно, относится к тем третьим лицам, которые вовлечены в динамику обязательственного правоотношения в качестве его участников. Данная установка важна для осознания того, что правовое явление «третье лицо» многогранно: оно проявляет свои особенности не только в сфере разграничения правоотношений на относительные и абсолютные, вещные и обязательственные, но также и внутри каждого из указанных элементов. Было бы неправильным пытаться дать оценку третьему лицу в обязательственном праве исключительно с позиции лица, поведение которого соотносится с действиями должника или кредитора. Ведь не только третьи лица могут оказывать влияние на динамику обязательства, но и

само обязательство как на стадии его возникновения, так и на стадии его исполнения (а равно, на стадии его изменения или прекращения отличного от исполнения обязательства) может оказывать влияние на третьих лиц. Более того, непосредственно действия третьих лиц как участников обязательства могут оказывать влияние на иных участников гражданского оборота, которых закон также называет третьими лицами. Можно ли в таком случае говорить о смешении понятий и о том, что законодатель без разбора использует термин «третье лицо» для обозначения разных субъектов обязательственного права? Очевидно, нет.

Необходимо четко понимать, для какой цели используется понятие «третье лицо»: если речь идет о динамике обязательства, в которую вовлечен субъект, отличный от должника или кредитора, то необходимо вести речь о третьем лице как участнике обязательственного правоотношения; если же речь идет о тех лицах, которые могут попасть под действие тех последствий, которые связаны с динамикой обязательства, в том числе вызванные поведением третьего лица – участника обязательства, следует говорить о третьем лице как не являющимся участником обязательства.

Например, воспринимая поведение гестора в механизме действия в чужом интересе без поручения как поведение третьего лица, мы неминуемо сталкиваемся с тем, что и сами действия гестора (как первопричина) могут затронуть интересы субъектов гражданского оборота, которые будут восприниматься по отношению к доминусу или гестору в качестве третьих лиц. Так, согласно п. 1 ст. 983 ГК РФ действия гестора, совершенные после того, как ему стало известно об их неодобрении со стороны доминуса, не влекут для последнего обязанностей ни в отношении гестора, ни в *отношении третьих лиц*. Фигура третьего лица (неучастника обязательства) присутствует также в ситуации, когда гестор своими действиями причиняет вред: третье лицо в данном случае выступает в роли потерпевшей стороны – кредитора в деликтном обязательстве (ст. 988 ГК РФ).

Как бы мы не относились к фигуре тех лиц, которых нормы обязательственного права обозначают термином «третьи лица», в основе формирования такой фигуры всегда лежит интерес этих лиц.

Так, например, п. 1 ст. 460 ГК РФ содержит норму о том, что «продавец обязан передать покупателю товар свободным от любых прав третьих лиц, за исключением случая, когда покупатель согласился принять товар, обремененный правами *третьих лиц*». Подобное обременение может носить как вещный, так и обязательственный характер и для цели защиты интересов управомоченного третьего лица означает, что возникновением обязательства по передаче товара, обремененного правами третьего лица, затрагивается непосредственно имущественный интерес этого лица. Сам же защитный механизм интереса третьего лица (неучастника обязательства) можно обнаружить по содержанию отдельных норм позитивного права о купле-продаже. В частности, по договору купли-продажи предприятия кредиторы продавца (третьи лица) могут требовать досрочного исполнения обязательств, входящих в состав предприятия (п. 2 ст. 562 ГК РФ). Данный пример касается ситуации, когда определенный имущественный интерес третьего лица непосредственно связан с наличием у него конкретного субъективного права и этот интерес затрагивается самим *фактом возникновения обязательства*. Но имеют место ситуации, когда *динамикой обязательства* может быть затронут имущественный интерес третьего лица, который, в свою очередь, приведет к возникновению у него определенного права. Например, при исполнении обязанности по предоставлению услуг по управлению транспортным средством, предоставленным в аренду, арендодатель несет ответственность за вред, причиненный *третьим лицам* этим транспортным средством (ст. 640 ГК РФ). В подобной ситуации действием арендодателя при реализации соответствующего обязательства затрагивается интерес третьего лица (неучастника обязательства), который в итоге выразится в оформлении его субъективного права требования, направленного на возмещение причиненного вреда.

Учитывая изложенное, предлагаем при разграничении третьего лица – участника обязательства – и третьего лица – неучастника обязательства – использовать формулу, опирающуюся на одну из двух моделей: либо на модель «реализация интереса третьего лица», либо на модель «затронутый интерес третьего лица». Таким образом, если речь идет о реализации интереса третьего лица, выраженного в определенном его действии, которым затрагивается динамика обязательства, перед нами третье лицо – участник обязательственного правоотношения (в данной формуле «реализация интереса третьего лица» – это всегда первопричина, а «затронутая динамика обязательства» – это всегда следствие); если речь идет о реализации обязательства, в том числе действиях третьего лица – участника обязательства, которыми затрагивается интерес третьего лица, то перед нами третье лицо – неучастник обязательства (в данной формуле «затронутый интерес третьего лица» – это всегда следствие, а первопричиной выступает непосредственно «реализация обязательства» или «действие третьего лица – участника обязательства»).

Установленная ясность в понимании фигуры «третьего лица» в обязательственном праве позволяет сосредоточить внимание исключительно на третьем лице – участнике обязательства (далее – третьем лице) и его интересе. Напомним: несмотря на то что интерес третьего лица всегда лежит за пределами обязательственного правоотношения, его реализация в форме определенного поведения третьего лица в динамике обязательства приводит к удовлетворению интереса должника или кредитора, что, в свою очередь, актуализирует вопрос о содержании таких понятий, как «интерес третьего лица», «интерес сторон обязательства», «интерес участников обязательства».

Действующее законодательство обходит стороной указанные понятия, что, скорее всего, связано с невозможностью дать им оценку с помощью дефинитивной нормы либо другого юридико-технического инструментария, отвечающего за содержание норм позитивного права. Однако это не снижает той роли, которую в целом играет интерес участников обязательства в организации имущественного оборота.

Так, законодатель, оформляя существо принципа добросовестности применительно к сфере обязательственного права (п. 3 ст. 307 ГК РФ), устанавливает обязанность сторон обязательства действовать добросовестно, что означает, в частности, необходимость учета прав и *законных интересов друг друга*, взаимного оказания необходимого содействия для достижения цели обязательства, предоставления друг другу необходимой информации. Это позволяет предположить, что юридический интерес находится в некотором пограничном состоянии между экономикой и правом. Еще С.Н. Братусь считал, что интерес является предпосылкой и целью права [6. С. 20], что исключает возможность объективизации интересов субъектов гражданского оборота в отрыве от экономики. В этом смысле небезынтересна точка зрения Я.А. Кронрода, который отмечал, что экономический интерес есть не некое психологическое явление, состояние индивидуального и общественного сознания, а форма необходимости реализации материальных, объективных потребностей [7. С. 545–546]. Переходя из формы экономического интереса в форму юридического интереса, последний не может потерять сущностные признаки первого.

Вместе с тем в современной доктрине была предпринята попытка определить существо юридически значимого интереса субъектов гражданского права исключительно через категорию «потребность субъекта», игнорируя некоторые признаки, существование которых обусловлено существом отношений экономического базиса. Так, например, имеет место суждение о том, что юридически значимый интерес является потребностью субъекта, имеющей социальный характер и проявляющейся в установлении, изменении, прекращении, защите субъективных прав и обязанностей в правовом отношении с использованием юридических средств для достижения поставленных целей [8. С. 23–25].

Представляется, что раскрытие интереса исключительно через потребность не определит все существо гражданско-правовых отношений. Являясь продуктом человеческого сознания, многообразие интересов несравнимо шире по сравнению с кругом потребностей, систематизированных наукой, в том числе в иерархическом порядке [9. С. 60–80]. Рудольф фон Иеринг определял право как юридически защищенный интерес, понимая под последним субъективное эгоистическое вожделение известной выгоды или пользы [10. С. 498–502]. Так, очевидно, что в отношениях купли-продажи покупатель имеет потребность приобрести товар. Однако рассматривать интерес продавца в продаже товара через потребность этот товар продать представляется излишне узким. Продавцом движет эгоистическое вожделение выгоды, а не одна лишь потребность в установлении либо изменении субъективных прав, продаже товара ради продажи товара. Известный психолог С.Л. Рубинштейн отмечал, что попытки свести интерес к потребности, определив его исключительно как осознанную потребность, несостоятельны, поскольку осознание потребности может вызывать интерес к предмету, способному его удовлетворить, но неосознанная потребность как таковая является все же потребностью, а не интересом [11. С. 525]. В.П. Грибанов также писал, что неверно отождествлять интерес и потребность, поскольку потребность есть объективная необходимость, а интерес есть потребность, прошедшая через сознание людей и принявшая форму сознательного побуждения. Интерес проявляется в виде стремлений, желаний, намерений [12. С. 239–240]. Во многих случаях интерес возникает как реакция субъекта на объективную потребность, однако не исчерпывается исключительно необходимостью удовлетворения потребностей. Следовательно, интерес не исчерпывается исключительно потребностью, проявляясь не только как сознательное побуждение, связанное с удовлетворением потребности, но и как стремления и желания субъекта, не связанные с его потребностями. Существует мнение о том, что формой проявления интереса являются общественные отношения [8. С. 16]. Однако, как представляется, формой проявления интереса вовне в первую очередь являются действия субъектов, направленные на вступление в правовые отношения по поводу и в целях реализации своих интересов.

Интерес субъекта, попадая в правовое поле, становится юридическим либо правовым интересом и находит свое выражение в побуждении лица на получение выгоды. Получение такой выгоды может быть связано с обладанием определенным имущественным или неимущественным правом, а равно с его реализацией; с необходимостью защиты такого права от действий других лиц.

Именно потребность в реализации интереса мотивирует субъектов гражданского права на вступление в правоотношения посредством привлечения определенного набора юридических средств. В этой связи представляется справедливым утверждение о том, что лицо имеет интерес, если у него есть фактическая возможность своим поведением извлекать для себя пользу [13]. Юридический интерес характеризуется наличием у его носителя субъективного права либо правовой возможностью приобретения субъективного права или составляющего его часть правомочия, которыми лицо может воспользоваться в целях реализации своего интереса, а также наличием средств его защиты. Интерес лица может быть направлен как на самого себя, так и на третье лицо, например, субъект предоставляет выгоду от обладания правом требования третьему лицу в договоре в пользу третьего лица.

Подчеркнем, что интерес лица не является благом, а представляет собой побуждение этого лица к получению выгоды от обладания определенным благом. К примеру, при приобретении товара субъектом руководит не интерес в товаре, а интерес в обладании правомочиями собственника в отношении данного товара. Интересом лица при вступлении в правоотношения страхования является побуждение субъекта к приобретению выгоды от обладания правом требования возмещения убытков либо выплаты определенной суммы от страховой компании при наступлении страхового случая, который затронет его материальную сферу. Сложно согласиться с тем, что интерес – не риск, но то, что подвержено риску [14. С. 504]. При таком определении интереса, как представляется, происходит отождествление интереса и блага, которое подвергается риску утраты.

С интересом лица непосредственно связана цель обязательства. В литературе цель определяется как исходный пункт и двигательная сила деятельности субъекта и одновременно направляющий эту деятельность фактор [15. С. 83–89]. Так, цель страхового обязательства состоит в гарантии получения страхового возмещения страхователем (выгодоприобретателем) при наступлении страхового случая [16]. В наиболее общем виде целью страхования является защита имущественных интересов лиц при наступлении случайных событий [17].

Помимо отношений страхования категория интереса может использоваться в гражданском праве для определения размера ответственности за убытки, причиненные правонарушением, поскольку всякое правонарушение посягает на имущественные интересы пострадавшей стороны. Также к имущественным интересам следует относить интерес в создании и использовании объекта интеллектуальной собственности и получении защиты при нарушении исключительных прав автора.

Субъективные права выражают определенный интерес обладающего им субъекта, а также служат средством удовлетворения этого интереса. Интерес субъектов проявляется не только в уже возникших правоотношениях, но является основной предпосылкой для вступления лиц в правоотношение, его изменения или прекращения, а также предпосылкой воздействия третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения иных лиц. По этой причине юридический интерес невозможно рассматривать в качестве какого-либо юридического факта, поскольку внутренние побуждения не могут выступать в качестве таковых.

Вместе с тем интерес сторон представляет существенное значение для существования обязательства. Г. Дернбург писал, что еще римская юриспруденция требовала имущественного интереса самого верителя в сделке [18. С. 47]. Однако в динамике обязательства интересу третьего лица не придается значение лишь по той причине, что он лежит всегда за пределами данного обязательства. Это действия третьего лица, направленные, в первую очередь, на удовлетворение его интереса, вовлеченные в динамку обязательства, как правило, одновременно приводят к удовлетворению интереса одной из сторон обязательства. Учитывая, что договоры, как правило, порождают несколько обязательств, достижение цели одного обязательства может обусловить исполнение другого (взаимного) обязательства. Для цели участия третьего лица в динамике одного из взаимных обязательств это означает лишь то, что удовлетворение его интереса (внешнего по отношению к обязательству) может привести к формированию нового интереса, но уже в рамках динамики последующего взаимного обязательства. То есть речь идет о том, что участие третьего лица в динамике обязательства может привести к трансформации его фигуры – он станет полноценной стороной обязательства (а равно полноценной стороной договора).

Приведем одну из допустимых моделей трансформации участника гражданского оборота в динамике гражданско-правового договора: «другое лицо – третье лицо – сторона договора (обязательства)». Так, например, до момента заключения договора на стадии переговоров все участники гражданского оборота по отношению к лицам, вступившим в переговоры, находятся в состоянии «других лиц». В дальнейшем отдельные субъекты права, относящие к пространству «других лиц», с момента заключения договора могут обладать таким интересом, реализация которого может затронуть динамику договора. Иначе говоря, с момента заключения договора эти «другие лица» переходят в пространство потенциальных третьих лиц. В дальнейшем при реализации данного интереса, например в динамике договора, построенного по модели договора в пользу третьего лица, потенциальное третье лицо переходит в пространство участников обязательственного правоотношения в качестве третьего лица. Следствием же реализации этого интереса, который изначально лежал за пределами договора, выступит то, что третье лицо приобретет качество стороны договора, а равно стороны обязательств, возникающих из такого договора.

Таким образом, третье лицо в динамике гражданско-правового обязательства – это участник гражданско-правового обязательства, отличный от его сторон, но обладающий таким интересом, лежащим всегда за пределами этого обязательства, реализация которого затрагивает динамику обязательства. Интерес третьего лица как участника обязательственного правоотношения – это побуждение третьего лица к получению выгоды, не связанной с целью обязательства (а равно с интересами его сторон); основная предпосылка для воздействия третьего лица на динамику обязательственного правоотношения. При реализации интереса третьего лица затрагивается обязательство, посредством удовлетворения интереса должника или кредитора, в зависимости от того, на чьей стороне выступает третье лицо.

Третье лицо как участник обязательства – это не застывшая на стадии возникновения обязательства фигура, которая либо появляется сразу, либо не появляется вовсе. Интерес третьего лица, реализация которого может затронуть динамику обязательственного правоотношения, может возникнуть на любой его стадии. Любой субъект обязательственного права может перейти из круга «других лиц», «неопределенного круга лиц» в круг третьих лиц. Следовательно, в кругу «других лиц» потенциальное третье лицо занимает динамическое положение, которое позволяет ему как становиться третьим лицом по отношению к конкретному обязательственному правоотношению, так и переходить из состояния третьего лица обратно в круг «других лиц».

ЛИТЕРАТУРА

1. Mousourakis G. Fundamentals of Roman Private Law. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2012. 363 p.
2. Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М. : Высш. шк., 1985. Т. 1. 544 с.
3. Нетишинская Л.Ф. К вопросу о влиянии третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения // Юрист. 2005. № 10. С. 33–35.
4. Брагинский М.И. Влияние других (третьих) лиц на социалистические гражданские правоотношения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Л., 1962. 36 с.
5. Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 169 с.

6. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М. : Юриздат, 1950. 367 с.
7. Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М. : Мысль, 1966. 581 с.
8. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М. : Статут, 2002. 205 с.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2008. 352 с.
10. История политических и правовых учений : учеб. / под ред. В.С. Нерсесянца. М. : Юрид. лит., 1983. 720 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. 720 с.
12. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.
13. Фогельсон Ю. Конструкции «интерес» и «риск» в Гражданском кодексе // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 20–29.
14. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2003. 558 с.
15. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юрид. лит., 1984. 224 с.
16. Сокол П.В. Комментарий к Федеральному закону от 14 июля 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» (постатейный). М. : Деловой двор, 2014. 168 с.
17. Щербакова М.А. Прекращение страховых обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12. С. 64–69.
18. Г. Дернбург. Пандекты. Т. 2: Обязательственное право. 2-е изд. / пер. под рук. и ред. П. Соколовского. М. : Универ. тип., 1911. 411 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 декабря 2016 г.

THIRD PARTIES IN THE RUSSIAN FEDERATION LAW OF OBLIGATIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 206–211.
DOI: 10.17223/15617793/415/29
Aleksey Yu. Churilov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Lefikantor@yandex.ru
Keywords: obligation; contract; third parties; interest; promisor; promisee.

The article considers the category of a third party in the law of obligations in terms of the impact of a third party on the dynamics of civil obligations. It is noted that in the theory of the law of obligations there is no unified approach to the understanding of a third party due to the mixed approach of the legislator to the use of the term “third party” in legislation. The author covers the definition of a third party; selects an essential attribute of a third party which can be used to separate a third party from “other” persons. This attribute is an interest of “other” persons, which is an obligatory prerequisite for their interference into the obligation. Prior to the realization of the interest a third party remains a potential third party. And only after exercising an interest by their actions “other” persons become a third party in the legal relations between the promisor and the promisee. The interest of third parties always lies outside the obligation purpose, but its realization within this obligation is a means of fulfillment of the creditor’s or debtor’s interests. Transformation of the legal person to a third party in any given obligation undergoes two stages: the first stage is related to the emergence of the interest and leads to the appearance of a potential third party; the second is related to the pursuit of the interest by a third party, which affects the dynamics of the obligations when a potential third party becomes a real third party. Thus, the exertion of the interest by a legal person is a sufficient and necessary condition for the acquisition of the legal status of a third party by “other” persons. Based on the analysis of the legal status of a third party in various obligations, the author makes a conclusion regarding the necessity of distinction between two types of third parties: as a participant of an obligation and as a non-participant of an obligation. The formula based on one of two patterns – the model of “realization of the interest of a third party” or the model of the “impact on the interest of a third party” – is used to distinguish between two types of third parties. A third party in the dynamics of a civil obligation is a party to the obligation, other than principal parties, but it has an interest (lying outside this obligation) whose realization affects the dynamics of the obligation. The interest of a third party as a participant of the obligation is a motivation of this third party to receive a benefit, which is not related to the main purpose of the obligation as well as with the interests of principal parties.

REFERENCES

1. Mousourakis, G. (2012) *Fundamentals of Roman Private Law*. Berlin: Springer-Verlag, Heidelberg.
2. Krasavchikov, O.A. (ed.) (1985) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [The Soviet civil law]. Vol. 1. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Netishinskaya, L.F. (2005) K voprosu o vliyanii tret’ikh lits na dinamiku obyazatel’stvennogo pravootnosheniya [On the effect of third parties on the dynamics of the relationship of obligation]. *Yurist*. 10. pp. 33–35.
4. Braginskiy, M.I. (1962) *Vliyanie drugikh (tret’ikh) lits na sotsialisticheskie grazhdanskie pravootnosheniya* [The influence of other (third) parties on the socialist civil law relations]. Abstract of Law Dr. Diss. Leningrad.
5. Kroz, M.K. (2001) *Tret’e litso v obyazatel’stve* [A third person in the obligation]. Law Cand. Diss. Saratov.
6. Bratus’, S.N. (1950) *Sub”ekty grazhdanskogo prava* [Subjects of civil law]. Moscow: Yurizdat.
7. Kronrod, Ya.A. (1966) *Zakony politicheskoy ekonomii sotsializma. Ocherki metodologii i teorii* [The laws of political economy of socialism. Essays on methodology and theory]. Moscow: Mysl’.
8. Mikhaylov, S.V. (2002) *Kategoriya interesa v rossiyskom grazhdanskom prave* [Category of interest in the Russian civil law]. Moscow: Statut.
9. Maslow, A. (2008) *Motivatsiya i lichnost’* [Motivation and Personality]. St. Petersburg: Piter.
10. Nersesyants, V.S. (ed.) (1983) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The history of political and legal doctrines]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Rubinshteyn, S.L. (2009) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
12. Gribanov, V.P. (2000) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [The implementation and protection of civil rights]. Moscow: Statut.
13. Fogel’son, Yu. (2003) Konstruktsii “interes” i “risk” v Grazhdanskom kodekse [Constructions “interest” and “risk” in the Civil Code]. *Khozyaystvo i pravo*. 6. pp. 20–29.
14. Serebrovskiy, V.I. (2003) *Izbrannye trudy po nasledstvennomu i strakhovomu pravu* [Selected works on succession and insurance law]. 2nd ed. Moscow: Statut.
15. Puginskiy, B.I. (1984) *Grazhdansko-pravovye sredstva v khozyaystvennykh otnosheniyakh* [Civil remedies in economic relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. Sokol, P.V. (2014) *Kommentariy k Federal’nomu zakonu ot 14 iyulya 2012 g. № 67-FZ “Ob obyazatel’nom strakhovanii grazhdanskoy otvetstvennosti perevozchika za prichinenie vreda zhizni, zdorov’yu, imushchestvu passazhirov i o poryadke vozmeshcheniya takogo vreda, prichinennogo pri perevozkakh passazhirov metropolitenom” (postateynyy)* [Commentary to the Federal Law 67-FZ of July 14, 2012, “On compulsory insurance of civil liability of the carrier for damage to life, health and property of passengers and compensation for such damage caused during the underground transportation of passengers” (itemized)]. Moscow: Delovoy dvor.
17. Shcherbakova, M.A. (2010) Prekrashchenie strakhovykh obyazatel’stv [Termination of insurance liabilities]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 12. pp. 64–69.
18. Dernburg, G. (1911) *Pandekty* [Pandects]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Univer. tip.

Received: 05 December 2016

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 212–216. DOI: 10.17223/15617793/415/30

УДК 34Т

Г.А. Шокиров

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Повышение роли информации в обществе связано с развитием фундаментальных и прикладных исследований в разных областях науки, и их соединяет такое понятие, как «информация». Исследуются понятие «информация» в контексте информационного законодательства Республики Таджикистан и его соотношение с информационным законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: информация; информатика; вычислительная техника; информационное право; информационное законодательство.

С развитием связи и телекоммуникации, вычислительной техники и их использованием для обработки и передачи информации возникла необходимость измерять количественные характеристики информации. В связи с появлением такого понятия, как «информация», появились разные теории и понятия самой информации. С использованием информации появляются новые правовые отношения – правовые отношения в информационной сфере. В связи с этим основным объектом этих правоотношений является само понятие «информация».

Перед тем как начать анализ проблем по данной теме, раскроем суть понятия «объекты правоотношения». В теории права относительно объекта правоотношений существуют различные точки зрения.

А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова и Ю.А. Дмитриев под объектом правового отношения предлагают понимать материальные и духовные блага, получение и использование которых составляет интерес управомоченной стороны [1. С. 624].

По мнению профессора А.Б. Венгерова, под данной дефиницией понимаются различные блага, которые стремятся получить управомоченные субъекты. По мнению автора, это состояния, которых они стремятся достичь, то поведение, которого они ждут от обязанных субъектов, и т.д. [2. С. 471].

Исследуя данную проблему, профессор Р.Ш. Сативалдыев подчеркивает, что объектом правового отношения являются субъективные права, личные и государственные интересы, материальные и духовные блага, служебная деятельность и их результаты, в связи с которыми возникают правовые отношения [3. С. 561].

Глубоко изучив данную проблему, профессор С.А. Комаров под понятием «объекты правоотношения» понимает явления окружающего мира, по поводу которых возникают субъективные права и субъективные юридические обязанности. Автор выделяет точки зрения относительного понимания данной дефиниции:

1) монистическая точка зрения состоит в том, что объектом правоотношения могут быть только поступки, деяния людей;

2) согласно второй точки зрения (плюралистической), объектом правоотношения могут быть материальные блага (вещи, имущества, ценности и т.п.), нематериальные блага (жизнь, здоровье, честь и достоинство и т.п.), продукты духовной деятельности (произведения искусства, науки музыки, литературы, компьютерные программы и т.п.), ценные бумаги и документы (деньги, акции, дипломы, аттестаты и т.п.), а также результаты действия участников правоотношений [4. С. 330].

Таким образом, на основании высказанных точек зрения в теории права утверждена многоаспектность объектного содержания правоотношений. Единой позиции по данному феномену не существует, а на основании высказанных позиций мы можем определить, что под понятием «объект правоотношений» понимается смысл существования этих правоотношений, почему субъекты права вступают в правовые отношения, действуют в них, реализуя свои права и обязанности. При информационных отношениях объектом правоотношений является сама информация.

Как отмечают С.Г. Чубукова и В.Д. Элькин, действительно, с переходом человечества в качественно новое общество, информационное, жизнь и практическая деятельность в нем неразрывно связаны с освоением и использованием современных информационных технологий. По мнению авторов, сегодня потоки социально-правовой информации, обрушивающиеся на юриста, требуют от него владения информационными технологиями – справочными правовыми системами, юридическими экспертными системами, современными программными и техническими средствами защиты информации, электронной цифровой подписью, информационными технологиями, лежащими в основе функционирования современных компьютерных сетей и глобальной сети Интернет, и т.п. [5. С. 24–25]. И действительно, как утверждают психологи, на сегодняшний день человек разумный превращается в человека информационного. Развитие информационных систем привело к появлению человеко-машинных систем.

В связи с тем что идет активное развитие процессов информатизации общественной и государственной инфраструктуры, появляется необходимость глубокого исследования всех институтов информационного права, и особенно объекта правовых отношений данной отрасли права. Наша основная задача – это определение сущности и содержания понятия «информация». В науке существуют философское, математическо-кибернетическое и правовое толкования понятия «информация».

У философов сложилась устойчивая традиция рассмотрения информации на основе философских категорий отражения и различия (разнообразия). С фило-

софской позиции толкования, информация не существует как объект без отражения. Приведем мнения некоторых исследователей по поводу данного понятия.

Коллектив авторов (философов) [6. С. 166] дал следующее толкование понятия «информация»: в широком смысле – результат отражения одного объекта в другом, используемый, в конечном счете, для формирования управляющих воздействий. Для понимания сущности понятия «информация» авторы предлагают рассматривать данный феномен в трех аспектах: синтаксическом, семантическом и прагматическом. По их мнению, синтаксическая сторона информации характеризует внутреннюю особенность используемого в управлении «слепка» объекта, его структуру, сложность и организованность. Под семантикой информации понимается то, что она должна обладать определенным смыслом, т.е быть соотнесенной с отражаемым объектом. В прагматическом аспекте, понимается способность информации влиять на процесс управления, т.е. ценность и полезность информации.

Другая группа авторов [7. С. 114–115] (также философов) предлагает следующее толкование понятия информации: информация (лат. information – осведомление) – буквально сведения, данные, знания, центральное понятие кибернетики, обозначающее не только сведения, передаваемые людьми в ходе их общения, но прежде всего одно из основных свойств объективного мира, которое связано с наличием в нем особого рода процессов, называемых информационными.

Исследуя данный феномен, О.А. Гаврилов указывает на то, что «информация» является одной из фундаментальных характеристик мироздания наряду с материей, энергией, пространством-временем. По мнению автора, информация связана с такими свойствами материи, как отражение, структура, разнообразие, и не может существовать вне материального носителя – физического объекта, иного энергетического субстрата или социальных и психологических процессов [8. С. 6].

В науке информатика основные понятия и сущности информации тоже исследованы. Как отмечает Е.Н. Филинов, понятие «информация» является, естественно, центральным в информатике, но до сих пор не имеет четкого и общепринятого определения, его используют главным образом на интуитивном уровне. Цитируя несколько опубликованных работ по данному феномену, автор придерживается той позиции, что определение понятия «информация» является спорным. Он следует определению информации, которое дано в Большой Советской энциклопедии: информация – это сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным, письменным или каким-либо другим способом (например, с помощью условных сигналов, с использованием технических средств), а также сам процесс передачи или получения этих сведений. По мнению автора, с точки зрения человека, главным в толковании термина «информация» являются постижение и выражение сущности (смысла) тех сведений, которые он получал [9. С. 13–14].

Выявляя понятие и особые признаки информации, другой специалист в области информатики Ф.С. Воройский останавливается на особых свойствах и признаках информации. По его мнению, данный термин и отражаемое им понятие являются сегодня одними из самых распространенных. Они используются как на бытовом, так и на профессиональном уровне. Цитируя мнение различных исследователей, он предлагает следующую сокращенную форму понятия информации: информация – это данные, необходимые или полезные тому, кому они передаются [10. С. 14–18].

Таким образом, на основании предыдущих определений мы можем подытожить, что в философии и информатике под понятием «информация» подразумеваются данные (сведения), которые несут нужную информацию для человека.

Следующая проблема – это анализ мнений исследователей-юристов о понятии и сущности информации как основного объекта информационных правоотношений. В юридической литературе также существуют различные точки зрения по данному понятию.

Тщательно исследовав данный феномен как основной объект информационного права и проанализировав мнения зарубежных авторов, З.З. Зейналов охарактеризовал информацию следующим образом:

– информация должна существовать в момент правоотношения;

– информация предназначена для физических и юридических лиц и имеет определенное предназначение;

– информация возможна для передачи и размножения;

– информация имеет определенную форму и единицу измерения;

– информация научно обоснована и доказана, в связи с чем может быть предметом судебного спора;

– информация юридически закреплена;

– информация имеет определенный источник и, соответственно, может иметь получателя [11].

По мнению профессора В.А. Копылова, информация является основным объектом в информационной сфере, а Норберт Винер считает, что философское определение информации для права неприемлемо. Тем самым автор к основным особенностям и свойствам информации относит следующие:

– свойства физической неотчуждаемости информации;

– обособляемости (овеществления) информации;

– информационной вещи (информационного объекта);

– тиражируемости (распространяемости) информации;

– организованной формы;

– экземплярности информации [12. С. 49–50].

С.Г. Чубукова и В.Д. Элькин, сославшись на мнение В.М. Глушкова, А.М. Прохорова, И.И. Юзвишина и др., пишут о том, что причина такой несогласованности подходов к определению информации заключается в том, что данное слово имеет бытовое происхождение и применялось задолго до его проникновения в науку. Тем самым авторы не дают формулировку общего понятия «информация» [5. С. 29–35].

Анализируя данное понятие и его определения, А.В. Минбалеев сообщает о том, что в мире существует несколько моделей легального определения

понятия «информация». По мнению автора, законодательство одних государств (Великобритания, Швеция и др.) не дает определения информации, используя конструкцию «информация – это информация». В России же и постсоциалистических странах СССР придерживаются позиции закрепления в общих законах понятия «информация», а в законодательстве других государств оно представлено через формы выражения информации (без ее определения), т.е. это данные, текст, образцы, изображения, звуки, коды, компьютерные программы, программное обеспечение, базы данных и т.п. (Сингапур, Гонконг, США, Индия, Ирландия) [13. С. 17].

Вопросам исследования данного феномена посвящено множество работ см., например, [14]. Если анализировать их с юридической точки зрения, как подчеркивает З.З. Зейналов, то мы с легкостью обнаруживаем, что в основном материалы, изложенные в научной литературе, носят повторный характер [11].

Таким образом, указанные юридические особенности и свойства понятия «информация» должны быть учтены при правовом регулировании информационных отношений. Особенности и юридические свойства информации проявляются в информационных системах и информационных процессах, обеспечивающих реализацию основных информационных прав, провозглашенных в конституционных нормах, и обязанностей соответствующих субъектов в порядке обеспечения гарантий информационных прав и свобод.

В Республике Таджикистан в сфере информационного законодательства понятие «информация» трактуется в трех нормативных правовых актах: в ст. 3 Закона Республики Таджикистан «Об информатизации» [14] от 06.08.2001, в ст. 1 Закона Республики Таджикистан «Об информации» [15] от 10.05.2002 и в ст. 2 Закона Республики Таджикистан «О праве на доступ к информации» [16] от 18.06.2008. Если проанализировать суть самого понятия, то почему-то законодатель в трех нормативных правовых актах Республики Таджикистан определил их по-разному [17. С. 29–30].

Такую же трактовку мы наблюдаем и в законодательстве Российской Федерации. Согласно ч. 1. ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [18] информация – это сведения (сообщения, данные) о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. Такое определение полностью охватывает юридический характер этого феномена. По сравнению с ранее действовавшим Федеральным законом от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ, в котором информация означала сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их проявления, в новой редакции, действительно, полностью охвачен юридический характер данного понятия.

В приведенном контексте законов Республики Таджикистан «Об информатизации» от 06.08.2001 «Об информации» от 10.05.2002 и «О праве на доступ к информации» от 18.06.2008 информация становится универсальным понятием, которое обозначает любые сведения о ком-либо или о чем-либо, получаемые из любого источника в любой форме: письменной, устной, визуальной и т.п. В данном контексте под сведениями законодатель понимает реальные объекты социальной жизни: лица, предметы, факты, события, явления, а также разные процессы. Таким образом, эти сведения могут служить как объект познания и как ресурс пополнения информационной базы. Исследуя окружающую действительность, мы получаем сведения и тем самим пополняем свои знания.

Таким образом, сопоставляя формулировки понятия «информация» в законодательстве Республики Таджикистан и Российской Федерации, мы выявляем, что они имеют единый смысл и в дальнейшем дополняют друг друга.

При взаимодействии информации и общества происходит изменение социально регулирующих средств (морали, нравственности, традиции, религии и, конечно, права). Последствия этих изменений повлекут структурные изменения всего общества. Повсеместное внедрение информационных технологий и основанных на них информационных телекоммуникационных сетей приводит к формированию информационного (виртуального) пространства. Данное явление требует упорядочения и системной организации самой информации.

Развитие информационных технологий требует совершенствовать информационное законодательство любого государства, в том числе и Республики Таджикистан. Указанные процессы поставили перед законодателем проблему эффективного юридического упорядочения общественных отношений в информационной сфере. За последнее десятилетие в Таджикистане было принято значительное число новых нормативных правовых актов[1], внесены изменения и дополнения в отраслевые нормативные правовые акты[2], которые направлены на регламентацию общественных отношений в сфере информационных правоотношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кроме вышеуказанных нормативных правовых актов в дальнейшем в Таджикистане были приняты следующие нормативные правовые акты, которые регулируют общественные отношения в сфере информационных правоотношений: Закон Республики Таджикистан «О национальном архивном фонде и архивных учреждениях» от 13.11.1998 [19]; Закон Республики Таджикистан «О библиотечной деятельности» от 01.08.2003 [20]; Закон Республики Таджикистан «Об электронном документе» от 23.04.2002 [21]; Закон Республики Таджикистан «О защите информации» от 02.12.2002 [22]; Закон Республики Таджикистан «Об электронной цифровой подписи» от 30.07.2007 [23]; Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» от 19.03.2013 [24]. Помимо вышеупомянутых законодательных актов принят ряд подзаконных актов Президента и Правительства Республики Таджикистан в этой сфере.

[2] В связи с информатизацией общества и принятием нормативных правовых актов для регулирования информационных правоотношений были внесены изменения и дополнения в ряд отраслевых законодательных актов, например: Закон Республики Таджикистан «Об обращении граждан» от 14 декабря 1996 г. [25]; Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. [26]; Закон Республики Таджикистан «О телевидении и радиовещании» от 14 ноября 1996 г. [27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права : учеб. / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриева ; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт; ИД Юрайт, 2010. 744 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учеб. 6-е изд., стереотип. М. : Омега-Л, 2009. 607 с.
3. Сативалдыев Р.Ш. Теория государства и права : учеб. (на тадж. яз.). Душанбе : Империал-Групп, 2014. 720 с.
4. Комаров С.А. Общая теория государства и права : учеб. 7-е изд. СПб. : Питер, 2008. 512 с.
5. Чубукова С.Г., Элькин В.Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики) : учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. / под ред. М.М. Рассолова, В.Д. Элькина. М. : КОНТРАКТ, 2007. 287 с.
6. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Политиздат, 1991. 560 с.
7. Краткий словарь по философии / под ред. И.В. Блауберга, И.К Пантина. 3-е изд., дораб. и доп. М. : Политиздат, 1979. 413 с.
8. Гаврилов О.А. Курс правовой информатики : учеб. для вузов. М. : НОРМА (НОРМА-ИНФРА-М), 2002. 432 с.
9. Филинов Е.Н. Проблемы информатики и информационные технологии // Системы и средства информатики / под ред. И.А. Соколова. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2000. Вып. 10. 320 с.
10. Воройский Ф.С. Информатика. Новый систематизированный толковый словарь-справочник (Введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах). 3-е изд., перераб. и доп. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. 760 с.
11. Зейналов З.З. Проблемы определения информации как объекта информационных правоотношений // Информационное право. 2010. № 1. С. 6–9 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.03.2010).
12. Копылов В.А. Информационное право : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристь, 2004. 512 с.
13. Минбалеев А.В. Система информации: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 33 с.
14. Закон Республики Таджикистан «Об информатизации» (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2001. № 7. Ст. 502; 2005. № 12. Ст. 639).
15. Закон Республики Таджикистан «Об информации» (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2002. № 4. Ч. 2. Ст. 320).
16. Закон Республики Таджикистан «О праве на доступ к информации» (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2008. № 6. Ст. 469).
17. Меликов У.А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности при создании и распространении средств массовой информации. Душанбе, 2011. 192 с.
18. Российская газета. 2006. 29 июля. № 165.
19. Закон Республики Таджикистан «О национальном архивном фонде и архивных учреждениях» от 13.11.1998 (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. № 23–24. Ст. 326; 2008. № 12. Ст. 1018).
20. Закон Республики Таджикистан «О библиотечной деятельности» от 01.08.2003 (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2003. № 8. Ст. 455; 2008. № 12. Ч. 2. Ст. 1013).
21. Закон Республики Таджикистан «Об электронном документе» от 23.04. 2002 (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2002. № 4. Ч. 1. Ст. 308; 2005. № 12. Ст. 637).
22. Закон Республики Таджикистан «О защите информации» от 02.12.2002 (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2002. № 11. Ст. 696; 2005. № 12. Ст. 646).
23. Закон Республики Таджикистан «Об электронной цифровой подписи» от 30.07.2007 (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2007. № 6. Ст. 532).
24. Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» от 19.03.2013 (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2013. № 3. Ст. 200).
25. Закон Республики Таджикистан «Об обращении граждан» от 14 декабря 1996 г. (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1996. № 24. Ст. 368; 1998. № 10. Ст. 79; 2006. № 11. Ст. 469; 2007. № 7. Ст. 666).
26. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68, 69; № 22, Ст. 306; 1999. № 12. Ст. 316; 2001. № 4. Ст. 149–167; 2002. № 11. Ст. 675, 750; 2003. № 8. Ст. 456, 468; 2004. № 5. Ст. 346; № 7. Ст. 453; 2005. № 3. Ст. 126; № 7. Ст. 399; № 12. Ст. 640; 2007. № 7. Ст. 665; 2008. № 1, ч. 1. Ст. 3; № 6. Ст. 444, 447; № 10. Ст. 803; № 12, ч. 1. Ст. 986; Ч. 2. Ст. 992; 2009. № 3. Ст. 80).
27. Закон Республики Таджикистан «О телевидении и радиовещании» от 14 ноября 1996 г. (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1996. № 24. Ст. 408; 1998. № 10. Ст. 76; 1999. № 6. Ст. 166; 2000. № 11. Ст. 521; 2001. № 7. Ст. 481; 2004. № 2. Ст. 39; 2006. № 4. Ст. 197).

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 января 2017 г.

INFORMATION AS THE MAIN OBJECT OF INFORMATION LEGAL RELATIONS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 212–216.
DOI: 10.17223/15617793/415/30

Gaybullo A. Shokirov, Tajik State University of Law, Business and Politics (Khujand, Tajikistan). E-mail: Shga1959@mail.ru

Keywords: information; informatics; computing equipment; objects of legal relations; information law; information legislation.

In this article the concept and essence of information in the society and information as the main object of informational legal relations are analyzed. The development of the role of information and information technology in modern society is associated with the intensive development of basic and applied research in different areas of science, and information connects them. Information is studied in terms of knowledge representation in technical, economic and social areas. It is obvious that computing equipment is able to solve a wide variety of problems and tasks connected with the collection, processing and use of information. In practice, information is inside information technology, and technical devices we use are computer devices. The main object of study of sciences, including informatics, is information. Nowadays, informatics becomes applied. With the development of our knowledge of the world we live in, our understanding of information changes. Many modern ideas about the content of information are connected with the person and their ability to think. Thus, in this article the definition of this concept is considered, its essence and content is described from different positions. The definition was analyzed in the context of the concept "object of legal relations". Different points of views of researchers on this concept were analyzed, because on the basis of the views expressed it can be determined that the term "object of legal relations" is understood as meaning of the existence of these relations. Why do subjects of law enter legal relations, act in them, exercising their rights and responsibilities? The object of information relations is information. The article further describes the concept and special features of information, especially in terms of strong traditions of considering information on the basis of philosophical categories of reflection and difference, i.e. diversity. In addition, there is a notion of information in informatics, too. The concept

of information was analyzed in the context of information legislation of the Republic of Tajikistan and of its correlation with information legislation of the Russian Federation. It was found they have a similar sense and replenish each other.

REFERENCES

1. Pigolkin, A.S. & Dmitriev, Yu.A. (eds) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 2nd ed. Moscow: Yurayt; ID Yurayt.
2. Vengerov, A.B. (2009) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 6th ed. Moscow: Omega-L.
3. Sativaldyev, R.Sh. (2014) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Dushanbe: Imperial-Grupp. (In Tajik).
4. Komarov, S.A. (2008) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. 7th ed. St. Petersburg: Piter.
5. Chubukova, S.G. & El'kin, V.D. (2007) *Osnovy pravovoy informatiki (yuridicheskie i matematicheskie voprosy informatiki)* [Fundamentals of legal informatics (Legal and mathematical questions of informatics)]. 2nd ed. Moscow: KONTRAKT.
6. Frolov, I.T. (ed.) (1991) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. 6th ed. Moscow: Politizdat.
7. Blauberg, I.V. & Pantin, I.K. (eds) (1979) *Kratkiy slovar' po filosofii* [Concise Dictionary of Philosophy]. 3rd ed. Moscow: Politizdat.
8. Gavrilov, O.A. (2002) *Kurs pravovoy informatiki* [Legal informatics course]. Moscow: NORMA (NORMA-INFRA-M).
9. Filinov, E.N. (2000) Problemy informatiki i informatsionnye tekhnologii [Problems of informatics and information technologies]. In: Sokolov, I.A. (ed.) *Sistemy i sredstva informatiki* [Informatics systems and tools]. Vol. 10. Moscow: FIZMATLIT.
10. Voroyskiy, F.S. (2003) Informatika. *Novyy sistematizirovannyy tolkovyy slovar'-spravochnik* [Informatics. New Systematic Explanatory Dictionary]. 3rd ed. Moscow: FIZMATLIT.
11. Zeynalov, Z.Z. (2010) Problemy opredeleniya informatsii kak ob"ekta informatsionnykh pravootnosheniy [Problems of definition of information as an object of information legal relations]. *Informatsionnoe pravo*. 1. pp. 6–9.
12. Kopylov, V.A. (2004) *Informatsionnoe pravo* [Information Law]. 2nd ed. Moscow: Yurist'.
13. Minbaleev, A.V. (2006) *Sistema informatsii: teoretiko-pravovoy analiz* [Information system: theoretical and legal analysis]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Republic of Tajikistan. (2001) Law of the Republic of Tajikistan "On Information". *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 7. Art. 502. (In Russian).
15. Republic of Tajikistan. (2002) Law of the Republic of Tajikistan "On Information". *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 4:2. Art. 320. (In Russian).
16. Republic of Tajikistan. (2008) Law of the Republic of Tajikistan "On the Right to Access Information". *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 6. Art. 469. (In Russian).
17. Melikov, U.A. (2011) *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoy deyatel'nosti pri sozdanii i rasprostranenii sredstv massovoy informatsii* [Legal regulation of business in creating and distributing media]. Dushanbe.
18. *Rossiyskaya gazeta*. (2006). 29 July. 165.
19. Republic of Tajikistan. (1998) Law of the Republic of Tajikistan "On National Archive Fund and archive institutions" of 13 November 1998. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 23–24. Art. 326. (In Russian).
20. Republic of Tajikistan. (2003) Law of the Republic of Tajikistan "On the library activity" of 01 August 2003. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 8. Art. 455. (In Russian).
21. Republic of Tajikistan. (2002) Law of the Republic of Tajikistan "On Electronic Document" of 23 April 2002. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 4:1. Art. 308. (In Russian).
22. Republic of Tajikistan. (2001) Law of the Republic of Tajikistan "On the protection of information" of 02 December 2002. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 11. Art. 696. (In Russian).
23. Republic of Tajikistan. (2007) Law of the Republic of Tajikistan "On electronic digital signature" of 30 July 2007. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 6. Art. 532. (In Russian).
24. Republic of Tajikistan. (2013) Law of the Republic of Tajikistan "On the periodical press and other mass media" of 19 March 2013. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 3. Art. 200. (In Russian).
25. Republic of Tajikistan. (1996) Law of the Republic of Tajikistan "On citizens' appeals" of December 14, 1996. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 24. Art. 368. (In Russian).
26. Republic of Tajikistan. (1998) The Criminal Code of the Republic of Tajikistan, of 21 May 1998. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 9. Art. 68, 69. (In Russian).
27. Republic of Tajikistan. (1996) Law of the Republic of Tajikistan "On Television and Radio Broadcasting" of 14 November 1996. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. 24. Art. 408. (In Russian).

Received: 19 January 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМКИНА Елена Евгеньевна – ассистент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета. E-mail: abramkinaee@list.ru

АБСЕМЕТОВ Марат Оралбаевич – канд. филол. наук, докторант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: m.absemetov@qmail.com

АВИЛОВ Роман Сергеевич – канд. ист. наук, науч. сотр. отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток); гл. библиотекарь научно-исследовательского отдела Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: avilov-1987@mail.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ВАСЬКОВ Дмитрий Александрович – ст. преподаватель кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: dvaskov@mail.ru

ГРУЗДЕВ Олесь Сергеевич – аспирант кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: monopolist1@mail.ru

ГРУШИН Федор Владимирович – канд. юрид. наук, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: fedor062@yandex.ru

ДАНИЛЕЦ Юрий Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина). E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: zheleva.olga@gmail.com

ИЕРУСАЛИМСКИЙ Юрий Юрьевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

КЕЖУТИН Андрей Николаевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Нижегородской государственной медицинской академии. E-mail: kezhutin@rambler.ru

КНЯЗЬКОВ Алексей Степанович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой криминалистики Томского государственного университета. E-mail: ask011050@yandex.ru

КОЛЕСНИКОВА Светлана Юрьевна – д-р культурологии, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: bersa@sibmail.com

КОЛПАШНИКОВА Юлия Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: julisheff@gmail.com

ЛИХАНОВ Максим Владимирович – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: maximus.minimus@mail.ru

МЕЛЬНИКОВА Валентина Григорьевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Томского государственного университета. E-mail: walmel@mail.ru

НЕГОДИНА Олеся Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: negodina.oa@yandex.ru

ОВЧИННИКОВ Александр Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института социальных и гуманитарных знаний (г. Казань). E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

ПЕРЦЕВ Никита Викторович – науч. сотр. Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (г. Салехард); аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. E-mail: pertsev1991@list.ru

ПОЛЬГЕРТ Александр Валерьевич – адъюнкт кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: apolgert@mail.ru

РЫКОВ Алексей Викторович – аспирант кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: avrykov@bk.ru

СКОЧИЛОВА Вероника Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: veronassk@gmail.com

СТАРОСТИН Дмитрий Николаевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: d.starostin@spbu.ru; dstarostin@yandex.ru

СТЕПАНЕНКО Андрей Александрович – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: stepanenkone@mail.ru

СУРАНОВА Евгения Михайловна – магистрант кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: evg-suranova@yandex.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ФИЛИМОНОВ Александр Викторович – аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru

ХЛЕБНИКОВА Анастасия Леонидовна – преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: khlebnikova@tpu.ru

ЧАПЛЯ Татьяна Витальевна – д-р культурологии, профессор кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: Chap_70@mail.ru

ЧЕРНЫШЕВ Александр Анатольевич – канд. ист. наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета. E-mail: prides1975@mail.ru

ЧУРИЛОВ Алексей Юрьевич – ассистент кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: Lefikantor@yandex.ru

ШИЛОВСКИЙ Михаил Викторович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета. E-mail: istorik.novosib@gmail.com

ШОКИРОВ Гайбулло Абдуллоевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (г. Худжанд, Таджикистан). E-mail: Shga1959@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017 № 415 Февраль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 февраля 2017 г. Формат 60×84 $^1/_8$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 5,5. Тираж 250 экз.
Заказ № 2399. Цена свободная.

Дата выхода в свет 1 марта 2017 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru